



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

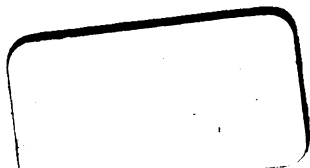
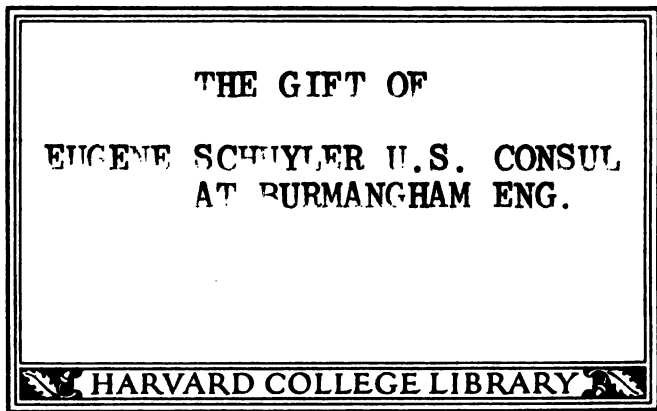
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 176.25 (  $\frac{1868}{6}$  )











ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ИЮНЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1868

6

КНИГА 6-ая. — ЮНЬ, 1868.

- I. — НОЧЬ ВЪ ЛѢТНЕМЪ-САДУ. — Незданная рукопись. — Я. П. Полонскаго.
- II. — НЕСЧАСТНЫЕ. — Разказы изъ быта сельныхъ. — I. Въ дорогѣ. — С. В. Максимовъ.
- III. — РУССКОЕ МАСОНСТВО ДО НОВИКОВА. — I. Первое распространеніе масонства 1731 — 1780. — А. П. Пыпина.
- IV. — ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ ВЫЛИНЪ. — Часть третья. — I-XI. — В. В. Стасюлевичъ.
- V. — СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ ВЪ РОССІИ. — Историческіе очерки. — III. Мещеряковъ I-V. — А. А. Клауса.
- VI. — ДОНЪ, КАВКАЗЪ И КРЫМЪ. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — II. — П. П. Крестовникъ.
- VII. — НАШИ ДѢЛА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ. — I-V. — Л. А-въ.
- VIII. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.
- IX. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — ПРОМЫШЛЕННЫЙ И РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРУССІИ. — К.
- X. — ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ. — КАРЛЬ ГОПФЪ, НОВѢЙШІЙ ИСТОРИКЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ГРЕЦІИ. — Письмо изъ Кенигсберга. — В. М.
- XI. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Май. — I. Русская литература. Иностранная литература.
- XII. — ОБЪЯВЛЕНІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.



1879. Oct. 6.

Gift of

Eugene Schuyler,  
at Birmingham, Eng.

131.84

~~Stevenson~~

PLow 176.25 (6)

1868

НОЧЬ

“ VESTNIK  
EVROPY.”

ВЪ

ЛѢТНЕМЪ САДУ.

Въ самый день столѣтняго юбилея нашего знаменитаго баснописца И. А. Крылова — а именно, 2 февраля сего 1868 года, въ три часа пополудни, получилъ я пакетъ отъ неизвѣстнаго, — и въ этомъ пакетѣ рукопись, при запискѣ слѣдующаго содержанія:

«М. Г. Посылаю вамъ мое произведеніе, можете нынѣ же вечеромъ публично прочесть его, можете напечатать, можете сжечь, — однимъ словомъ, поступите, какъ заблагоразсудите. Извините, что не подписываю моею фамилію».

Прочитать этой рукописи публично я не могъ, потому что было уже поздно хлопотать съ нею, и просить разрѣшенія. Сжечь я не захотѣлъ, потому, что имѣю отвращеніе къ всеистребляющей критикѣ. Притомъ вкусы разнообразны, и эта рукопись, быть можетъ, кому нибудь и доставитъ минутное развлеченіе. Я ее печатаю — вотъ она.

Моя фамилія.... но зачѣмъ вамъ знать мою фамилію? — 28-го февраля мнѣ было ровно 28 лѣтъ — значить, годика чрезъ два мнѣ уикнетъ тридцать, — и что же! У меня нѣтъ ни порядочнаго бста, ни доходнаго труда, ни извѣстности, ни преданнаго друга, ни близкихъ знакомыхъ, ни жены, ни даже возлюбленной (тогда мнѣ послѣдній будочникъ не обходится безъ возлюбленной), и все это до такой степени меня унижаетъ, огорчаетъ, ожесточаетъ, —

однимъ словомъ, до такой степени портить характеръ мой, что я вѣтреничалъ, вѣтреничаю и буду вѣтреничать.

До 1862 года, я былъ вольнослушающимъ въ университетѣ, и разумѣется, надѣялся держать кандидатскій экзаменъ; но держать экзаменъ помѣшали мнѣ кой-какія непредвидѣнныя и неотразимыя обстоятельства — и я поступилъ на службу чуть не писаремъ (вынужденъ былъ поступить для того, чтобъ не истощать съ голоду и, что еще ужаснѣе, не сдѣлаться чьимъ либо нахлѣбникомъ). Каждый день я хожу въ канцелярію и переписываю бумаги. Моимъ сослуживцамъ не нравится моя гордая — якобы нигилистическая фізіономія, и никто изъ нихъ не знаетъ, не вѣдаетъ, что я просто вѣтреничалъ, вѣтреничаю и буду вѣтреничать.

Будь я расчетливъ, я женился бы на деньгахъ (были такіе случаи) и пересталъ бы вѣтреничать (а можетъ быть, и не пересталъ бы); будь я не расчетливъ, я женился бы на бѣдной дѣвушкѣ, и тогда вѣрнѣе пересталъ бы вѣтреничать; но я слишкомъ гордъ, чтобъ поступить къ женѣ своей на содержаніе, и не на столько самонадѣянъ, чтобы жениться на бѣдной, тогда какъ все мое богатство заключается въ бѣшеніи съ потертымъ бобровымъ воротникомъ моего покойнаго батюшки, въ серебрянной папиросницѣ съ его гербомъ, въ моей благопріобрѣтенной библіотекѣ (девяносто семь заглавій), въ моемъ жалованьи (25 рублей съ копѣечками въ мѣсяцъ), и наконецъ, въ отрадномъ воспоминаніи о тѣхъ десятигахъ тысячъ, которые прожили мои почтенные родители, скитаясь по Европѣ изъ столицы въ столицу и съ водъ на воды, подъ тѣмъ предлогомъ, что я золотушень, и что въ Россіи они не надѣются порядочно воспитать меня.

Я вѣтреничаю еще и потому, что въ наслѣдство отъ моихъ родителей получилъ ихъ горячій темпераментъ, и быть можетъ, ту самую игривую фантазію, которая заставила ихъ, ради моей какой-то сыпи за ушами, прожить остатки всего своего состоянія, задолжать и умереть, мечтая, что по смерти ихъ, я выиграю 200,000 рублей, на два билета перваго внутренняго займа, которыми старушка мать моя заблагоразсудила благословить меня; — но миръ ихъ праху — я на нихъ не ропщу, я на нихъ не жажду, я только вѣтреничаю и буду вѣтреничать.

Было время, когда я чуть-чуть было не сдѣлался литераторомъ, такъ какъ я уже сказалъ вамъ, что у меня игривая фантазія.

Началъ я, разумѣется, стихи писать: авось, думаль, вдохновеніе выручить; исписалъ цѣлую тетрадь — понесъ ихъ въ одну редакцію — прочли, сказали: — это поэзія, чистая поэзія, въ наше

время порядочные люди такимъ вздоромъ не занимаются! — Понесъ въ другую редакцію — прочли, нашли, что въ стихахъ моихъ все какія-то модныя тенденціи, все кака-то скорбь гражданская — и ни на каплю поэзіи, ни на грошъ искусства! — Вотъ те и знай — то зачѣмъ поэзія — то зачѣмъ нѣтъ поэзіи!... Провзялъ я стихи и принялся за прозу.

Задумалъ статью — и дорого она мнѣ стоила. Я взялся за задачу очень трудную, а именно — доказать на сколько статистическія данныя задерживаютъ развитіе однихъ идей — и даютъ ходъ другимъ, — какія соціальныя теоріи вытекаютъ изъ самой жизни — и какія ей предшествуютъ и ей навязываются? Согласитесь сами, что задача трудная, и я надъ моею статьею работалъ чуть ли не полгода, чуть было изъ-за нее не лишился мѣста и не потерялъ моихъ послѣднихъ 25 рублей жалованья. Для этой статьи книгъ моихъ было слишкомъ недостаточно — я сталъ ходить въ Публичную бібліотеку, пренебрегалъ службой, и уже на мое мѣсто экзекуторъ чуть было не рекомендовалъ какого-то своего родственника. Вотъ, что значитъ заняться умственнымъ трудомъ и на цѣлые полгода перестать вѣтреничать!

Понесъ я статью свою въ одну редакцію прочли, свазали, что эта статья не дурная, но *ретроградная* — и при этомъ много-знаменательно нахмурились.

Понесъ въ другую редакцію — слава Богу, взяли, только покосились немного, — прочли, нашли, что статья моя до такой степени *красная*, что помѣстить ее нѣтъ никакой возможности — и воротили мнѣ ее чуть не съ негодованіемъ.

Помню, какъ я съ этой несчастной статьею изъ редакціи вышелъ на тротуаръ — остановился.... и не узналъ улицы.... Долго стоялъ я убитый, и какъ-бы оплеванный. Наконецъ, быстро, порывисто сдвинулся съ мѣста и такъ задвигалъ ногами, какъ будто кто бѣжалъ за мной.... Встрѣтился съ какою-то прехорошенькой дѣвушкой — и пренебрегъ, мнѣ все было противно, и редакторы и хорошенькія дѣвушки.

Итакъ, надежда литературнымъ трудомъ добиться въ жизни кое-какого благосостоянія — навсегда для меня погибла. Какое же такое есть на свѣтѣ дѣло, которое бы казалось мнѣ самому серьезнымъ, и въ то же время, не только могло бы быть по мѣрѣ моихъ силъ и способностей, но и удовлетворять меня, мой умъ, мою совѣсть — и наконецъ, хоть немножко льстить моему самолюбію. Столяръ меня не приметъ, башмачникъ не приметъ, вузнецъ не приметъ, и никто изъ нихъ меня не приметъ, не потому что я ретроградъ или либераль, а потому что я не въ

столярной, не въ башмачной и не въ кузницѣ — а въ университетѣ получилъ свое образованіе.

Я опять началъ вѣтреничать, и въ искусствѣ на улицахъ знакомиться съ незнакомками достигъ такого совершенства, что — мое почтеніе! Но я ни себя, ни другихъ не хотѣлъ серьезно обманывать, и вотъ почему моя вѣтренность ни къ чему не привела меня....

Виновать, она привела меня къ тому, что разъ, въ концѣ августа, всю ночь на пролетъ — одинъ-одинешенекъ провелъ я, гдѣ бы вы думали? Въ Лѣтнемъ-Саду на скамеечкѣ.

Не стану описывать вамъ моей послѣдней встрѣчи, послѣдней, самой безумной любви моей. Со мной кокетничали — и я вѣриль. Мнѣ назначили свиданіе въ Лѣтнемъ-Саду въ 9 часовъ вечера, — и въ этомъ саду, исходивши его вдоль и поперекъ, я не нашелъ кого искалъ, сѣлъ на скамейку — и до того задумался, что не слышалъ какъ всѣ вышли, и какъ съ обоихъ концовъ ворота заперли.

Мое горе было такъ велико, кой-какія подозрѣнія и обманное ожиданіе до такой степени потрясли мои нервы и разбредили мое сто тысячъ разъ уязвленное самолюбіе, что я, убѣдившись, что нѣтъ мнѣ выхода, преспособно воротился на прежнее мѣсто, на чугунную сырую скамеечку, что противъ монумента дѣдушки Крылова — завернулся въ пледъ, протянулъ ноги, закрылъ глаза и какъ-бы забылся, — забылъ гдѣ я — и что будетъ, если сторожа или солдаты найдутъ и примутъ меня за вора или за пьянаго....

Около часу ночи стало порядкомъ сыро и холодно, дрожь пробрала меня — захотѣлось курить — увь! въ моей папиросницѣ нашлась одна, и то измятая папироска, но не нашлось ни одной фосфорной спички. Тутъ только я съ досадой почувствовалъ, что я не дома, и пожалѣлъ, сильно пожалѣлъ, что лежу не въ своей бѣдной каморкѣ, и не на своей постелѣ. Наконецъ-то я совершенно, такъ связать, внигъ въ мое положеніе и сталъ озираться, какъ-бы стараясь приглядѣться къ ночной обстановкѣ своего новаго ночлега. Далеко кругомъ шумѣла столица; но въ саду все было тихо, и, казалось, ни одинъ листикъ не шевелился; поднимался туманъ и, какъ-бы увязнувъ между вѣковыми липами, стоялъ по куртинамъ въ какихъ-то бѣлесоватыхъ, неопредѣленно смутныхъ очертаніяхъ. Иныя липы росли точно на воздухѣ, иныя не были видны до самыхъ верхушекъ, и эти верхушки казались мнѣ темными островами, поросшими невысокимъ кустарникомъ. Не знаю, былъ ли на небѣ мѣсяць; но лунный свѣтъ явно во всемъ принималъ свое таннственное участіе, и нѣтъ сомнѣнія,

даже мозгъ мой настроивалъ на то, чтобъ я во всемъ видѣлъ что-то фантастическое, моимъ разсудкомъ ни на одну минуту не допускаемое. Монументъ Крылова чернѣлъ передо мной какою-то массой безъ рукъ, безъ ногъ, съ чѣмъ-то круглымъ вмѣсто головы, — и я, волей-неволей, раскрывая глаза, глядѣлъ на его очертанія.

— Ишь сидить! хорошо ему тутъ! думалъ я, и, казалось, былъ золь въ эту минуту не на *нее*, и не на себя, а на дѣдушку Крылова за то, что отъ его такого близкаго сосѣдства мнѣ ничуть не теплѣе, не веселѣе, не мягче и не удобнѣе. Ему все равно — все равно, продолжалъ я думать, какъ велики мои потребности, сколько я получаю жалованья, и на сколько при этомъ моя откровенность губитъ мои сердечныя отношенія.

Легкая дремота стала одолевать меня, я какъ можно крѣпче нагнувъ на лобъ свою неловкую шляпу, закрылъ глаза и забылся, погруженный въ созерцаніе своего безвыходнаго и грустнаго одиночества (не въ Лѣтнемъ-Саду и не въ эту ночь, а во всемъ городѣ съ его полумилліоннымъ населеніемъ)... Вдругъ, подулъ легкій вѣтеръ — скрипнуло какое-то дерево, что-то мокрое скользнуло у меня по лицу — и я очнулся. Туманъ уже ползъ, подъ нимъ шелестили и словно бѣгались — волочились по слѣдамъ его опавшіе листья, вершины шумѣли; надъ головой бронзоваго дѣдушки, какъ летучій дымъ, пронеслось какое-то безпрестанно обрывающееся облако, и вслѣдъ затѣмъ на его лицѣ вдругъ показались свѣтлые блики, обозначились его колѣни, руки, и даже кое-какія складки мѣшковатаго сюртука его. Съ тою же затаенной досадою, сталъ я всматриваться въ знакомыя мнѣ черты хмураго, неподвижнаго лица его и невольно вздрогнулъ: мнѣ показалось, что дѣдушка шевелитъ губами...

— Шалишь! подумалъ я, не напугаешь! просто, при лунномъ свѣтѣ, качаются вѣтки, тѣни отъ нихъ ходятъ по губамъ его; а мнѣ и кажется, будто они шевелятся — оптической обманъ и больше ничего!

Я закрылъ глаза и сталъ думать: а что, если бы дѣйствительно показалось мнѣ, что бронзовая статуя дѣдушки, не только губами шевелитъ, но и дѣйствительно говоритъ со мной, что тогда?

И поправивши на головѣ шляпу (она, проклятая, безпрестанно сбѣзжала у меня на одинъ високъ), я спустилъ ноги на землю, на груди à la Наполеонъ сложилъ свои руки, и сталъ думать о дѣдушкѣ, о его житьѣ-бытьѣ, о его прямодушныхъ и дружескихъ связяхъ съ тогдашними литераторами, о его басняхъ, когда-то въ дѣтствѣ на половину мною изученныхъ, и не странно ли, пока я все это думалъ, я боялся поднять голову, боялся опять увидать ше-

велящіяся губы, и несмотря на этотъ непреодолимый страхъ, все-таки подыалъ голову — губы шевелились по прежнему. — О! чортъ возьми! чуть не вскрикнулъ я, ну говори.... ну! что ты ничего не говоришь, говори коли можешь! — Я закрылъ глаза, и воображите, дѣдушка Крыловъ своимъ старческимъ, добродушно-ироническимъ голосомъ, не шутя заговорилъ со мной. Показалось даже — самое лицо его склонилось надо мной, какъ лицо старой няни надъ изголовьемъ засыпающаго ребенка. Не поднимая рѣсницъ, — я сталъ вслушиваться, вслушиваться, и ясно услыхалъ стихотворную, прямо ко мнѣ обращенную рѣчь его:

— Попался! заперли дружка!

Ну, не сердись — бѣда не велика....

Проглянетъ солнышко — и отопрутъ ворота.

Но помни, милый, врагъ силенъ,

И въ жизни, что ни шагъ, капканъ или тенѣта...

Не думаю, чтобъ ты былъ искренно влюбленъ,

Хоть и сидишь, надувши губы.

А ночь-то сиверка — я за тебя боюсь:

Того гляди, получишь флюсъ,

Иль какъ нибудь простудишь зубы.

Закутайся, съ меня примѣра не бери,

Я и зимой сижу, безъ шапки да безъ шубы:

Чтобъ такъ сидѣть, сперва умри....

Ты морщишься — ты думаешь, быть можетъ,

Что баснями не кормятъ соловья, —

И злой, какъ маленькій щенокъ, который гложетъ

Пустую кость, восишься на меня;

А я чѣмъ виновать, что молодца надули?

И я, какъ ты, была пора, —

У *Кумушки-Лисы* стоялъ на караулѣ,

И какъ *Пустынникъ* ждалъ отъ *Мишеньки* добра.

И я не разъ, какъ глупая *Плотичка*,

Въ водѣ, хватался за крючекъ —

Былъ волокита, былъ игровъ....

Но у меня была привычка

Въ самомъ себѣ подглядывать порокъ, —

Себя сначала

Отъ путъ его освобождать,

А ужъ потомъ и уличать

Кого попало....

Такъ началъ дѣдушка, — и странно, я вдругъ пересталъ его бояться — и это одно заставляетъ меня отчасти предпо-

ягать, что я дремалъ и грезилъ. Будь это на яву — я непременно бы заоралъ: караулъ! и меня бы непременно связали какъ сумасшедшаго.

Все, что дальше говорилъ онъ — дай Богъ память!... все, что дальше говорилъ онъ, очень, и даже очень похоже на какую-то фантазмагорію —

— Не вѣришь ты, дружище, чудесамъ —

Не вѣрь, пожалуй!

Но старымъ баснямъ вѣрь—вѣрь говорящимъ лвамъ,

Осламъ, баранамъ и волкамъ,

И даже мошеѣ самой малой.

Что я такое въ сущности?—Металль!...

А если бы ты зналъ,

Какой со мной былъ случай странный?!

Не жди ты отъ меня фантазіи туманной,

Я никогда не залеталъ,

И никогда не порывался

Въ ту область, гдѣ-бъ мой умъ терялся.

Итакъ,

Повѣришь ли, землякъ,

Что тотъ Крыловъ, который предъ тобою

Изъ мѣди отлитой, съ массивной головою,

И потемнѣвшій отъ дождя,

Сидитъ какъ статуя, и по всему судя,

Никакъ не можетъ шевелиться,

Однажды могъ — не только-бъ съ мѣста встать,

Не только-бъ на землю спуститься,—

Но и въ аллеяхъ погулять.

Не вѣришь? — хорошо — но, слушай, по порядку

Начну рассказывать, какъ есть всю правду-матку.

Однажды — поздній вечеръ былъ —

На гнѣзда голуби слетали,

Аврора гасла — чуть дрожа,

Цвѣтушихъ сонныхъ липъ верхушки лепетали,

Садовые ворота запирали,

И у воротъ стояли сторожа,

Чтобъ монументъ мой не украли.

(На что у насъ нашлись бы мастера!)

Ну, словомъ, та была пора,

Когда для васъ, для молодежи,

При лунномъ свѣтѣ, стгоряча

Прелестны кажутся тѣ рожи,

Что отъ бѣлилъ на гипсъ похожи,  
 Иль отъ румянъ краснѣе кумача.  
 Луна изъ облака глядѣла,  
 И, хоть туманъ носился надъ Невой,  
 Зефиръ дышалъ тавою теплотой,  
 Что у меня спина съ затылкомъ отпотѣла; —  
 Вдали свисталъ какой-то все свистокъ —  
 Не съ фабрики, и не съ завода,  
 Такъ съ парохода;  
 Лиловой полосой, кой-гдѣ мелькалъ востокъ;  
 Вдругъ, слышу я, какъ будто вѣтерокъ  
 Коснулся арфы струнъ воздушными перстами,  
 Мнѣ съ юныхъ лѣтъ знакомый голосокъ  
 Залепеталъ привѣтными рѣчами;  
 Облокотилась бѣлая рука  
 На темное плечо. — Холодная щека  
 Почуяла горячее дыханье. —  
 И кто, ты думаешь, уважилъ старика?  
 Кто подарилъ его минуткою свиданья?  
 Я Музу прежнюю мою  
 Увидѣлъ, и не утаю,  
 Отъ радости, едва не началъ плакать, —  
 Она сошла ко мнѣ немножко покалякать,  
 А можетъ быть и подразнить....  
 Не стану я тебѣ, дружнице, говорить,  
 Какъ много въ ней нашлось намъ общаго, родного  
 И мнѣ завѣтно дорогаго;  
 Ты этого, быть можетъ, не поймешь,  
 Подъ говоръ словъ моихъ заснешь,  
 Иль обругаешь дѣдушку Крылова. —  
 Чтобъ не соскучился ты въ запертомъ саду,  
 Я лучше на смѣшное перейду —  
 Вѣдь ты, признайся-ко охотникъ, до смѣшного —  
 . . . . .  
 Такъ слушай же, — наперсница моя —  
 Иначе, Муза — вдругъ, изъ дѣвы горделивой  
 И ясно-тихой, стала хлопотливой,  
 Насмѣшливой такой, какою часто я  
 Видалъ ее, когда я брился, одѣвался,  
 Иль съ имянинныхъ пироговъ,  
 Чтобъ до-обѣденныхъ не потерять часовъ,  
 Еще позавтракать собирался.  
 И слышу — Муза говорить:



— Иванъ Андреичъ! гдѣ твой аппетитъ?  
 И думаль-ли ты нынче объ обѣдѣ?  
 — Помилуй, говорю, голубушка моя,  
 Или забыла ты, что я —  
 И что нутро мое — изъ мѣди!  
 Что еслибъ даже наконецъ;  
 Я былъ на дачу или во дворецъ,  
 На праздничный обѣдъ или на завтракъ съ чаемъ,  
 Самой Императрицей приглашаемъ,  
 Я-бъ затруднился....

— Это почему?

— Да потому,

Что я сижу на пьедесталѣ,  
 И стало быть — обязанъ, такъ сказать,  
 Монументальность соблюдать,  
 Куда-бъ меня ни приглашали.  
 Другое дѣло — погулять  
 Тихонько, чтобъ себя не много поразмять —  
 Да и того нельзя! — Природы-то законы  
 Мы знаемъ, матушка, вѣдь мы не вѣтрогоны, —  
 Не метафизики! — На что надежды нѣтъ,  
 О томъ не мыслю я ни мало.

— И! что ты? — говорить, — мой свѣтъ!

Была-бъ охота!

Кто можетъ молніи бросать во всѣ концы,

Кто можетъ въ мудрецы

Пожаловать любого идіота,

Кто можетъ радугу въ болото опустить,

Тотъ можетъ и тебѣ дозволить походить,

Хоть ты и вылить изъ метала.

А помнишь ли, какъ ты, бывало,

Одушевлялъ,

И говорить и мыслить заставлялъ

*Бульженикъ* и *Алмаз* — и *Паруса* и *Пушки*,

*Булатъ*, *Мѣшокъ* и *Гребешокъ*

И *Василекъ*,

И — помнишь — дѣрева цвѣтуція верхушки

Корнями вздумалъ пристыдить.

Такъ можно и тебя вполне одушевить,

Лишь стоитъ Зевса попросить. —

И, что ты думаешь, — отправилась съ прошеньемъ,

И не смотря на то, что ночь уже была,

Что, усыпивши міръ, уже кутили боги,

Она таки прошла —  
Таки прошла въ Зевесовы чертоги,  
И что ужъ тамъ она плела,  
Кого какимъ обворожила пѣньемъ, —  
Но только въ ту же ночь опять бо мнѣ сошла  
Съ невѣроятнымъ дозволеньемъ.  
Въ бумагѣ значилось: *«Такъ какъ Иванъ Крыловъ  
Усталъ сидѣть — то можетъ прогуляться,  
И по саду ходить до утреннихъ часовъ,  
(Не мять травы — не рвать цвѣтосъ)  
А по утру опять на пьедесталъ взобраться,  
И какъ сидѣлъ въ виду потомства, такъ — и състь.»* —  
Прочтя такой курьёзъ, пришелъ я въ изумленье —  
Подумаль: вотъ кабая честь!  
Съ тѣхъ норъ какъ мѣръ стоитъ, такого позволенья  
Не получаль  
Ни мраморъ, ни металлъ  
(Одинъ примѣръ — въ Жуану, я читаль,  
Пришла на зовъ статуя Командора...  
Но и въ живыхъ, такого вздора  
Я никогда за былъ не почиталь).  
— Спасибо муза! чтобы ни случилось,  
Я буду, милая, тебя благодарить.  
Но я отъ чувства былъ не въ силахъ говорить,  
И Муза удалилась.  
И показалось мнѣ, что мѣдъ  
Моя размякнула... Эге! Не сердце-ли забилося!  
Не кровь-ли начала кипѣть!  
Ну, думаю, — чудесно! — слава Богу!  
Теперь я голову свою приподниму,  
И протяну отсиженную ногу.  
(Пожалуста, любезный, нивому  
Ты словъ моихъ не передай печатно:  
Или ихъ вовсе не поймутъ,  
Иль на твою бѣду, глупцы поймутъ превратно,  
Осудятъ какъ лжеца и позовутъ на судъ;  
Ну, что тогда своимъ ты судьямъ скажешь,  
И чѣмъ слова свои докажешь?)  
. . . . .  
Итакъ, любезный мой, я собрался гулять,  
Но — знаешь — я лѣнивъ, — въ тому же размышлять  
Какъ видно не отвѣкъ, и вѣришь-ли? — спуститься  
На землю, дѣлный часъ ни какъ не могъ рѣшиться.

Что, если, — началъ думать я, —  
Такая выйдетъ вдругъ статья,  
Что я,

Слѣзая, памятникъ сломаю,  
Кусокъ гранита отшибу отъ края,  
На барельефъ носъ собью у журавля,  
Или въ изваянномъ кварталѣ  
Сломаю скрипку?! — кто въ отвѣтъ!?  
Повѣрятъ-ли, что я, изъ бронзы отлитой,  
Своею собственной пятой,  
Испортить барельефъ, заказанный казной;  
Что это — дѣдушка Крыловъ изволилъ лазить,  
И этажъ напроказить!?

Что, если, думалъ я,  
Да кто нибудь другой изъ-за меня,  
Какъ виноватый, будетъ связанъ,  
Или въ примѣръ другимъ наказанъ!  
Потомъ, и то мнѣ въ голову пришло:  
Положимъ, тихо, осторожно  
Спущусь я на землю — куда ни шло!  
А ну, какъ я, судьбѣ на зло,  
Назадъ не залѣзу!!... Въ жизни всё возможно —  
И я не разъ видалъ такихъ,  
Что стѣбитъ ихъ

Столкнуть съ ходуль или съ пьедестала,  
И никогда ужъ имъ опять  
На прежнія мѣста не залѣзать!  
Я при дворѣ такихъ знавалъ не мало!...  
Вѣдь, не смоги я какъ нибудь  
Вскарабкаться на прежнее сидѣнье, —  
Всѣ скажутъ, Зевса я осмѣлился надуть,  
И весь Олимпъ придетъ въ великое смятенье...

Итакъ, чтобъ Музѣ не вредить,  
Я понялъ, что Крылову не годится  
Проказничать и по саду ходить.  
Одно хотѣлось мнѣ — одно..... пошевелиться —

Какъ вдругъ,  
Вообрази, мой другъ,  
Мнѣ на мизинецъ Канарейка сѣла.  
Была, должно-быть, въ заперти —  
Неволи не смогла снести,  
И въ садъ изъ кѣтки улетѣла, —

И стала щебетать голубушка моя,  
 Что ей отъ галокъ нѣтъ житья,  
 Что воробы и тѣ её гоняли,  
 И чуть не заклевали.  
 И тутъ, увидѣль я — задорный воробей,  
 Слѣдя за ней,  
 Перескочилъ съ скамейки на скамейку,  
 И сталъ пищать на Канарейку:  
 — Ага, небось,  
 Чтобъ участи своей избѣгнуть,  
 Тебѣ, голубушка, пришлось  
 Подъ покровительство прибѣгнуть...  
 Подъ покровительство! — Какая же ты дрянь!...  
 Какъ заслужила ты всю нашу злость и брань!  
 Вотъ мы небось не прибѣгаемъ  
 Съ мольбою къ истукану — мы его  
 Хоть и боимся, да мараемъ —  
 А ты?... Ну для чего  
 На насъ ты сердилъ? Уже ли отъ того,  
 Что мы уча тебя немножко пощипали?  
 Да мы тебя,  
 Любя,  
 Обратно въ клѣтку загоняли.  
 Эй! галки! вы сильнѣе насъ,  
 Подбейте ей крыло, да выколите глазъ.  
 . . . . .  
 Не шевелился я, чтобъ не спугнуть пѣвицы:  
 И сталъ внимать,  
 И сталъ вникать —  
 И чу! вокругъ меня загомонили птицы  
 Разноголосыя; — имъ видно не спалось —  
 (Кто жъ рано спать среди суеты столиць!)  
 И тутъ, по чуткости моей, мнѣ удалось  
 Подслушать возгласы, упреки, наставленья,  
 Придирки, сплетни, самовосхваленья —  
 Все говорило: столбики, цвѣтки,  
 И насѣкомыя, и птицы, и звѣрьки,  
 Всѣ — всё, что Лѣтній-Садъ въ то время наполняло,  
 Всѣ, что пищало, каркало, жужжало,  
 Ползло, переползало,  
 Или на самый верхъ взбиралось на показъ...  
 . . . . .  
 И вотъ, — на первый разъ,

Не поворачивая шеи,  
 Я услыхалъ ворчанье въ той аллеи,  
 Гдѣ съ нашимъ Гнѣдичемъ я гуливалъ не разъ....  
 Тамъ, Тумба вбитая, поднявъ тупое рыло,  
 Хрипчивымъ голосомъ учила —  
 Юнону, (что въ тѣни подстриженныхъ вѣтвей  
 Изъ мрамора какъ снѣгъ бѣлѣлась передъ ней):  
 — «Эхъ, милая моя! ей Тумба говорила:  
 Будь современнѣе — принаровись къ тому,  
 Чтобъ въ праздники на тебѣ горѣли съ саломъ плошки.

А то, къ чему,  
 И для чего со мной стоишь ты у дорожки?  
 Вѣдь если-бъ всѣ такой вопросъ  
 По моему, какъ слѣдуетъ, рѣшили,

Твой носъ —  
 Красавица, давно-бъ отбили»....

Я долго ждалъ, что будетъ отвѣчать  
 Статуя Тумбѣ; — но — красавица молчала,  
 И можетъ быть должна была молчать,  
 Чтобъ даромъ словъ своихъ на вѣтеръ не бросать.  
 — «Ну, погоди же ты! вновь Тумба прорычала;  
 Плевать мнѣ на твои античныя красы!  
 Чтобъ у богинь свалачивать носы  
 Я на Руси найду охотниковъ не мало»...

Потомъ въ акаціи я шорохъ услыхалъ.  
 Туда по жердочкѣ сталъ въ чащу забираться  
 Снегирь, котораго, признаться,  
 Не скоро я по голосу узналъ —  
 Онъ былъ съ своею ученицей,  
 А именно, съ той самою Синицей,  
 Которой бабушка грозилась море сжечь.  
 И внучка, кажется, вела къ тому же рѣчь:  
 Она стонала:—«Горе, горе!  
 Ужели никогда горѣть не будетъ море!»  
 Насвистанный Снегирь носъ объ носъ съ ней сидѣлъ,  
 И ей скрипѣлъ:

— «Отчаяваться не годится:  
 Чтобъ птицы всѣхъ сортовъ могли уху хлебать —  
 Какъ знать,  
 И море можетъ быть дымясь закипятится;  
 Лишь бы проклятый Соловей

У насъ не пѣль среди ночей:  
Его заслушавшись, не стануть слушать птицы  
Не только Снигиря — Синицы;  
И ужъ тогда никто не побѣжитъ смотрѣть,  
Какъ море начало горѣть.»  
Синица слушала, вздыхала, отрякалась,  
Отъ соловьиныхъ пѣсенъ отрекалась,  
И говорила Снигирю:  
— «Благодарю! благодарю!

Ты мнѣ глаза раскрылъ — теперь я понимаю...  
Ты — ты нашъ соловей — другихъ не допускаю.» —  
Насвистанный Снигирь Синицу ободрялъ,  
А я подслушивалъ, и чуть не хохоталъ...  
Нѣтъ, думаю, какое тутъ гулянье!

Кругомъ меня  
Идетъ какая-то, мнѣ новая возня;  
Тутъ надо, думаю, вниманье да вниманье.  
Авось подслушаю у птицъ,  
У доморощенныхъ звѣрьковъ и насѣкомыхъ,  
Сюжеты басенокъ, мнѣ вовсе незнакомыхъ;  
Увижу, до какихъ границъ  
Дошла хваленая свобода;  
Сатиры бичъ, который васъ хлесталъ —  
Тотъ бичъ — что не щадилъ ни одного уroda, —  
На сколько выяснилъ намъ русскій идеаль; —  
И ни гу-гу! — я слушалъ, я молчалъ, —  
Я въ неподвижности суровой пребывалъ,  
Какъ монументу подобаеть. —

И слышу вдругъ: Оса тихонько выползаетъ  
Изъ-подъ травы, гдѣ у нее,  
Дыра въ подземное жильё, —  
И на свиданье  
Къ Дождеву кружась летить.  
Чуть слышно скромное, осиное жужжанье,  
Однако жаломъ шевелить,  
И говорить:  
— «Любезный Дождевикъ! — какъ публицистъ, ты знаешь,  
Что у невѣжественныхъ Осъ  
Осять не мало развелось.  
И разумѣется, ты понимаешь,  
Что ихъ развить,  
Иль иначе сказать, предохранить

Отъ всякаго вліянья  
 Всѣмъ намъ извѣстнаго преданья,  
 Гораздо мудренѣе, чѣмъ плодить.  
 Вотъ, у меня, одинъ — такой Осеновъ вострый —  
 Такъ любознателенъ — что страсть!  
 Зачѣмъ, кричить, у пчелъ воскъ бѣлый, а не пестрый,  
 И отъ чего нельзя изъ меду нити прясть?  
 И въ моему стыду, я не умѣю  
 На эти умные вопросы отвѣчать —  
 И разумѣтся, должна молчать,  
 И разумѣтся, краснѣю.  
 А отъ чего?  
 Все отъ того,  
 Что пчелы лекцій Осамъ не читаютъ —  
 Не понимаютъ,  
 И какъ-бы не желаютъ понимать,  
 Что я склонна къ естествознанью,  
 Почти на столько же, на сколько и къ жуужанью. »  
 — «Ну-жъ эти пчелы — нечего сказать!  
 Отвѣтили Дождевикъ — въ особенности наши —  
 Всѣ — эгоисты — любятъ медъ собирать  
 Лишь для того, чтобъ въ улей свой таскать —  
 И не сварить ты съ ними кашу!  
 Намедни, въ дождь, сюда, подъ листикъ заползла  
 Какая-то пчела,  
 И я завелъ съ ней разговоръ ученый —  
 И разъясненія просилъ,  
 Зачѣмъ и почему родился я безъ крылъ,  
 И не могу въ союзъ быть съ вороной?  
 И что-жъ — ты думаешь, пчела?!  
 Она мнѣ начала  
 Доказывать своею рѣчью скучной,  
 Что мой вопросъ — не есть вопросъ научный,  
 Что это бредъ!!  
 — Ну нѣтъ,  
 Подумаль я, — ты врешь, а я не брежу.  
 И съ той поры, я такъ неуверенно золь,  
 Что, пыль пуская, правду рѣжу —  
 Ругаю пчелъ. » —  
 Опять послышалось Осы жуужанье:  
 — «Любезный Дождевикъ! на-дняхъ у пчелъ собранье,  
 Онѣ собираются о воскѣ разсуждать,  
 О медѣ, обо всемъ, что слѣдуетъ намъ знать.

Я написала къ нимъ посланье —  
 Онѣ должны сейчасъ свой улей позабыть,  
 Должны сейчасъ свой медъ оставитъ,  
 И Ось учить,  
 Какъ имъ мозги свои поправить»....

Вотъ, это хорошо! подумалъ я — Оса,  
 Чтобъ просвѣтитъ свой умъ осинный,  
 Желаетъ мудрости пчелиной,

Да освѣжитъ ее небесная роса!  
 Всегда любилъ я тѣхъ, кто жаждетъ просвѣщенья.  
 Но, милый мой! пойми мое недоумѣнье, —

Оса добавила Дождевикъ:  
 — «Сегодня я сидѣла на суку,  
 И въ нашъ журналъ статью писала;  
 На первый разъ, я разобрала  
 Полетъ орлицы и орла;

Они, по моему, совсѣмъ не такъ летаютъ—  
 И я имъ нагоняй порядочный дала —  
 Пусть Осу знаютъ!»

На этотъ разговоръ—откуда-то, пчела,  
 Должно быть въ улей опоздала,  
 Шмыгнула по травѣ, — и на лету поймала  
 Слова Осы; но такъ была  
 Неснисходительна и зла,  
 Что ей сказала:

— «Куда ужъ намъ тебя учить!  
 Ты несомнѣнно выше насъ въ наукѣ...

Полетъ орлицы ты умѣешь прослѣдить,  
 Орла умѣешь распушить, —  
 Тебѣ и книги въ руки!»...

И съ ношею своею,  
 Въ Осѣ такое же предполагаю жало,  
 Пчела пропала  
 Въ тѣни вѣтвей...

Дружище! для меня все это было ново:  
 «Всѣ злы на все!» и повязалось мнѣ,  
 Что Лѣтній-Садъ глядитъ особенно сурово...

При отуманенной лунѣ,  
 Какъ палки предо мною переплетались сучья,  
 И мнилось мнѣ, невѣдомые крючья  
 Стараются ихъ сзади удержатъ,



Иначе-бы они, не говоря ни слова,  
Полѣзли бы на дѣдушку Крылова,

И ну его хлестать

За то, что басни онъ осмѣлился писать!

Мнѣ, признаюсь, немного стало жутко —

Какъ видно, наблюдать да слухъ имѣть — не шутка.

Но въ жизни я моихъ враговъ,

Ты знаешь самъ, хоть трусилъ—да не слишкомъ,

И смѣло выставлялъ не только что оловъ,

Но и могущественныхъ львовъ,

И не кадилъ животнымъ ихъ страстишкамъ.

Таеъ и теперь, хоть и нора не та,

Скажу, какъ въ ту же ночь подслушалъ я Крота.

Слѣпорожденный Кротъ принесъ свои писанья

На просмотрѣнье Червяку

(Не нынче—завтра мотыльку),

И увѣрялъ, что онъ, какъ нѣкій Мефистофель,

Всѣмъ нашимъ Фаустамъ наглядно доказалъ,

Что вовсе не цвѣты прекрасны, а картофель,

И что цвѣтовъ онъ даже не встрѣчалъ,

Когда подземнымъ онъ путемъ предпринималъ

Свою экскурсію.... Червякъ ему божился,

Что сѣмена плодовъ

Съ плодомъ выходятъ изъ цвѣтовъ,

И что картофель, прежде чѣмъ плодиться,

Сперва цвѣтетъ;

Не соглашался Кротъ —

Онъ былъ ученый Кротъ, и начиналъ сердиться.

Кто сердится, тотъ виноватъ,

Была пословица такая,

Теперь у васъ пошла статья иная:

Кто съ бранью сердится — тотъ правъ, и чуть не святъ—

Кротъ до того сердился

И до того бранился,

Что всѣ другіе червяки

(Не нынче — завтра мотыльки)

На брата своего напали,

И ретроградомъ обругали.

А тутъ, случился грѣхъ—въ шести-семи шагахъ,

Лягушка, будучи въ гостяхъ

У Лопуха, свалилась вдругъ въ канаву,

И начала пускать на славу

Такіе пузыри,

Что инда замигали фонари —  
И не отъ слезъ — отъ смѣха замигали  
(Хоть и довольно далеко стояли)...

Итакъ, любезный, что ни говори,  
А еслибъ вдругъ моя статуя встала,

Да зашагала, —  
Того смотри

Всѣхъ до того бы напугала,  
Что всѣ бы отъ меня, куда попало,  
Драло! —

И я-бъ остался съ носомъ. Изъ того,  
Что дѣлается въ свѣтѣ —  
Я не узналъ бы ничего —

А тутъ, сердитый Шмель, и тотъ былъ на примѣтѣ:  
Я помню, въ эту ночь, на отсырѣвшемъ пнѣ,  
Онъ сѣлъ спиной ко мнѣ,

И началъ въ тонѣ глухо-строгомъ  
Жужжать гостямъ, что онъ великій демагогъ,  
Что съ колыбели былъ онъ демагогомъ —

Боролся и писалъ — писалъ и изнемогъ, —  
Потомъ онъ говорилъ о загнанныхъ рабочихъ,  
Изподтишка

Негодовалъ на право жулака,

Однихъ бранилъ — плевать хотѣлъ на прочихъ;  
И я внималъ ему — внималъ какъ никогда.  
Вотъ, думаю, теперь, какіе господа!

И Шмель, и тотъ любви народной хочеть,  
Какъ погъ о попадѣ,  
Заботится о каждомъ муравьѣ,  
О каждомъ муравейникѣ хлопочеть.

Того гляди, что полетитъ  
По муравьинымъ городамъ и сѣламъ,  
И жертвля собой, голодныхъ просвѣтитъ  
Чревовѣщательнымъ глаголомъ.

Увы! лишь только Шмель окончилъ рѣчь свою,  
Отвѣщаясь и громео плюнуль,  
Какой-то Муравей уныло носомъ влюнуль,

И сталъ шептать другому муравью:  
«Послушай-ка, никакъ Шмель долженъ намъ полтину —  
«И такъ какъ мы съ тобой не прочь поѣсть, попить,  
«Нельзя-ли, братецъ, попросить...»

— «Э! нѣтъ братъ, ни за что!...»

— «А что?» — «Огрѣеть спину —

Дерется этотъ демагогъ —

Не любить, если кто въ нуждѣ его тревожить,  
Рабочій людъ терпѣть его не можетъ.

И попадись-ко онъ,

Затѣйникъ,

Въ какойнибудь рабочій муравейникъ,  
Тамъ зададутъ ему порядочный трезвонъ».

И оба муравья голодные спустились

Съ пенька въ траву — и тамъ росы напились;

А Шмель сталъ ужинать, шмелями окружень,

И что-то много-много

Распространялся о судѣ,

О томъ, что правды нѣтъ нигдѣ;

Но я уже не слушалъ демагога, —

Я думалъ; — но теченье этихъ думъ

Внезапно порвалось. — Въ верху, на липахъ сонныхъ,

Туманною луною озаренныхъ,

Я услыхалъ великій шумъ.

Сычъ громко прокричалъ и пролетѣлъ надъ садомъ:

Крылоплесканьями какъ градомъ,

Со всѣхъ сторонъ,

Мгновенно былъ осыпанъ онъ,

Отъ совъ, и коршуновъ, и матерыхъ воронъ.

Всѣ ждали отъ него ораторскаго слова.

Сычъ, ферткомъ подбочась, сѣлъ въ теплое гнѣздо,

И молвилъ: — «Господа! защитника такого

«Какъ я, повѣрьте мнѣ, вамъ не найти другого...

«Я всѣмъ кричу: демократія — зло!

«Пускай цвѣтутъ верхи и пусть гниютъ коренья!

«И думать, что идутъ всѣ сови отъ борней,

«Не значить-ли, опаснѣйшихъ идей

«Быть предвозвѣстникомъ — о! это преступленье!

«Подъ судъ, подъ судъ моихъ судей,

«Коли они другого мнѣнья!

«По моему, лишь только вы,

«Мои друзья, почетнѣйшія птицы,

«Одни должны, отъ береговъ Невы

«И до китайской вплоть границы,

«Зелеными садами обладать!

«Но гнѣзда мелкихъ птицъ отнюдь не разорять.

«(Я либераль — всѣ это знаютъ).

«Итакъ, пусть коршуны цыплятъ оберегаютъ,

«Пусть голубей хранить орлы,

«И пусть степные соколы  
 «Дроздамъ и ласточкамъ почтеніе внушаютъ.  
 «Они прозорливы и грубы — но не злы,  
 «И несомнѣнно покорятся,  
 «Коли на зло вѣлѣніямъ судьбы  
 «На коляхъ вашей городьбы  
 «Да какъ нибудь не просвѣтятся.  
 «Отъ грамоты спаси ихъ Богъ!  
 «Я бъ привазадь сажать въ острогъ  
 «Того, кто бъ захотѣлъ за школы ихъ приняться....  
 «И вотъ что, господа,—повѣрьте мнѣ, пока  
 «Не одолѣемъ мы проклятаго Жува,  
 «Спокойствія не будетъ между нами,  
 «Онъ, вѣрьте, всѣ сады подниметъ вверхъ корнями. —  
 «Итакъ, кричите, господа,  
 «Пусть гибнетъ дерзвй Жукъ! иль требуйте суда...»  
 И птицы вновь захлопали крылами,  
 Кричатъ: брависсимо! Вотъ спичъ такъ спичъ!  
 Вотъ Сычъ, такъ Сычъ! —  
 Все это понялъ я—но поясни, дружище,  
 Кто этотъ жукъ? Коли не сатана,  
 Такъ это можетъ быть такой жучище,  
 Что ростомъ превзойдетъ индѣйскаго слона!  
 Быть можетъ съ хоботомъ, съ клыками,  
 Такой что страхъ—не подходит!  
 Иначе, самъ ты посуди,  
 Какъ можетъ жукъ простой, не только вверхъ корнями  
 Поднять старинный этотъ садъ,  
 Со всѣми гнѣздами галчать,  
 Но и одинъ пенѣкъ чахоточный березы?!  
 Не постигаю я, мой другъ, такой угрозы...  
 Того гляди, что на Сыча  
 Оратора и либерала, стануть  
 Коситься, какъ на силача,  
 И всѣ жуки, трусливо поворча,  
 Жужжать по жучьи перестануть.  
 Я слышалъ въ эту ночь и слышалъ за урядъ,  
 Что о свободѣ всѣ пищать;  
 Но тамъ, гдѣ мода—лгать, хитрить и ненавидѣть —  
 Себя отстаивать, а истины не видѣть —  
 Гдѣ лицемѣръ и тотъ вездѣ —  
 Лишь объ одной кричить враждѣ —  
 Тамъ нѣтъ широкаго познанія природы,

Тамъ честной правды нѣтъ, и нѣтъ святой свободы...

Но слушай!—чувствую, въ Невѣ свѣтлѣють воды,

И въ золотой, сіяющей грядѣ

Далекихъ звѣздъ померкли голубые

Лучи, любимые мои,

Для васъ бездушные, а для меня живые,

Какъ искры самой пламенной любви.

Не долго буду я бесѣдовать съ тобою;

Но прежде чѣмъ мой духъ умчится въ небеса,

Повѣдай,—не таи, дружнице, предо мною,

Что дѣлаеть Кума-Лиса?

О чѣмъ теперь ревуть Медвѣди? Сыты-ль Волки?

Какіе въ царствѣ ихъ звѣриномъ идутъ толки?

И если эти господа

Всѣ также крадутъ мѣдь, все также куръ таскають,

Или съ овецъ по шкурѣ въ годъ собирають,—

Хотятъ ли гласнаго суда,

Или по прежнему Слона на воеводствѣ?

Таеъ какъ высокородный Слонъ,

Сворѣи хвостомъ прижметъ карающій законъ,

Чѣмъ усумнится въ ихъ звѣриномъ благородствѣ.

Все это я хотѣлъ бы знать!

Вѣдь Лѣтній-Садъ еще не вся Россія;

Нашъ Шмель—далеко не мессія,

И не вездѣ Сычу такая благодать...

Суда по здѣшнему—Осель, Козель, Мартышка,

Да восолапый Мишка,

Опять затѣяли квартетъ....

Скажи—ужели цѣлый свѣтъ

Тавую музыку донинѣ поднимаетъ,

Что мой квартетъ напоминаетъ!

Откуда эта дребедень?

Не растолкуешь-ли—пока не вспыхнулъ день,

Пока заря еще въ туманъ одѣта;

Иль чужа на своемъ лицѣ зари отливъ,

Ты самъ, какъ заяцъ, сталъ трусливъ,

И старику не дашь отвѣта?

Иль на мою бѣду,

Все то, что слышала я въ саду .

Тебя ни чуть не занимаетъ?

Или тебя страстишка одуряетъ?

. . . . .

Чу! кто-то сталь вдали неистово свистать —  
 Я слышу дальній гуль — колеса все — колеса!  
 А вонь, и солнце сквозь тумань,  
 Какъ истина, мелькая сквозь обмань,  
 Надъ нашею столицей поднялось,  
 Бросая тѣни здѣсь и тамъ,  
 По чердакамъ и площадямъ;  
 Его глазъ огненный въ окошки смотреть косо —  
 Его ничѣмъ неотразимый взглядъ  
 Уже проникъ въ сады, уже проникъ въ чертоги —  
 И пурпуромъ блеститъ зеркальныхъ стеколь рядъ,  
 Какъ будто черезъ нихъ на улицу глядятъ  
 Въ вѣнцахъ проснушіеся боги.  
 А между тѣмъ, тамъ — пыльные столбы  
 Идутъ изъ-за гардинъ на золото рѣзбы,  
 И только стѣны день встрѣчаютъ!  
 Безлюдны залы — пусть альковъ —  
 Покрыть чехлами желтый штофъ;  
 Картины, мраморы — ихъ также покрываютъ  
 Колеблемыя вѣтромъ простыни —  
 Тамъ роскошь обнялась съ унылой пустотою —  
 А улицы шумятъ бездушной суетою...  
 Вотъ лѣтній Петербургъ!...  
 Что если-бъ не они —  
 Не тѣ малютки, что гурьбою  
 Сбѣгаются играть вокругъ меня порою,  
 И я бы чай  
 Скучалъ на этомъ пьедесталѣ...  
 Прощай!...

— Дѣдушка, куда ты? — хотѣлъ я сказать, раскрывъ глаза и, словно испуганный, поднималъ голову. Шляпа моя скатилась подъ скамейку; но я долго не поднималъ ее, долго не сводилъ глазъ моихъ съ лица монументальнаго дѣдушки. Монументъ какъ монументъ!... Нельзя было даже вообразить себѣ, чтобъ этотъ бронзовый серьезный старикъ — могъ хоть одну минуту говорить, мыслить и чувствовать.

Утро во всемъ блескѣ сіяло, и моихъ ночныхъ галлюцинацій, также какъ и ночныхъ тумановъ, слѣдъ простылъ. Но я былъ еще подъ ихъ вліяніемъ. Лихорадочное чувство, какъ мурашки, ползало по спинѣ моей, мысли путались, мучила жажда, хотѣлось домой.

Казалось, вчерашней страсти не было и въ поминѣ — отъ нее

оставалась на душѣ только какая-то горечь, какъ на языкѣ послѣ неудобоваримаго ужина. Разказы Дѣдушки не уложились еще въ головѣ моей, бродили какъ-то беспорядочно, въ отрывкахъ, и я не скоро могъ на столько припомнить ихъ, чтобъ записать.

Желая согрѣться, я всталъ и пошелъ на-право. Ворота еще были заперты. Сторожа меня замѣтили, я завернулся въ пледъ и повернулъ на-лѣво.

Гдѣ-то, надъ вершинами сада, каркала воронъ, чиликали воробы, мимо носу моего пронеслось какое-то насѣкомое, — не то большая муха, не то оводъ, — на дорожкѣ, около самой куртины, увидалъ я небольшую норку....

— Что вы тутъ? Откуда проявились? закричалъ на меня кто-то сзади. Оглянулся, и вижу, въ двухъ шагахъ — сторожъ, отставной солдатъ, глаза недовѣрчиво-строгие, носъ сизый, голосъ вѣжливо-грубый, на груди медаль....

— Нѣтъ ли братецъ у тебя спички, смерть курить хочется.

Солдатъ, не переставая хмуриться, сталъ молча по всѣмъ карманамъ искать для меня спички.... Нашелъ одну, запалилъ, — потухла, нашелъ другую, нагнулся, сталъ ею шаркать...

Въ это время ворота отперли.

— Не нужно, не хлопочи любезный, я закурю на пристани...

И съ измятой, незакуренной папирсой въ зубахъ я вышелъ на улицу.

Солдатъ какъ будто спохватился, что не успѣлъ меня выругать, и сталъ ругаться.

Разумѣется, эта запоздалая, на вѣтеръ пускаемая брань, меня нисколько не потревожила; но ночевать другой разъ въ саду не желаю, вѣдсе не желаю, развѣ по какому-нибудь очень счастливому случаю....

---

Такъ кончилась эта, полу-прозаическая, полу-стихотворная рукопись. Отдаемъ ее на судъ читателей.

Я. Полонскій.

---

# НЕСЧАСТНЫЕ

(Изъ быта ссыльныхъ.)

---

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пока не произведены были коренныя преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ, вопросъ о мѣстахъ заключенія подсудимыхъ и осужденныхъ путался въ грудѣ другихъ рядовыхъ вопросовъ. Ради его, временами предпринимались кое-какія измѣненія, временами производились улучшения, но все это не въ систематическомъ порядкѣ, не въ цѣломъ видѣ, а только частями; вообще же, вопросъ этотъ стоялъ весьма далеко назадъ, не смотря на то, что требовалъ самаго сосредоточеннаго вниманія. Тюремный бытъ, своимъ крайнимъ несовершенствомъ, настоятельно вызвалъ о помощи и требовалъ коренной переработки.

Литература наша, какъ и всегда во всѣхъ жизненныхъ нашихъ вопросахъ, не оставалась и на этотъ разъ глухою и равнодушною къ тѣмъ воплямъ, которые ясно, но робко доносились изъ всѣхъ мѣстъ заточенія, со всѣхъ пунктовъ ссыльныхъ поселеній. Литература не прикидывалась слѣпою или не желающею вѣдать такіа дѣла за недосугомъ и многосторонними сложными занятіями, при видѣ извъ весьма остраго свойства и заразительныхъ признаковъ. Лѣтъ пять тому назадъ, вопросъ о ссыльныхъ и тюрьмахъ шевелилъ общественный интересъ, возбуждалъ вниманіе и участіе съ достаточною силою и настойчивостью при содѣйствіи литературныхъ трудовъ, разбросанныхъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Съ тѣхъ поръ, вопросъ о тюрьмахъ и ссыльныхъ оставался въ архивныхъ дѣлахъ, какъ будто бы и онъ изъ разряда тѣхъ, которые рѣшены окончательно и потому перестали занимать обѣ заинтересованныя стороны.



Съ переменною системы уголовного судопроизводства и преобразованіями въ нашей карательной системѣ, всѣ прежнія подозрѣнія должны исчезнуть сами собою. Теперь очевидна насущная и неизбывная надобность вести оба дѣла рука объ руку: съ измѣненіемъ карательной системы сдѣлалось священнымъ и неотложнымъ долгомъ коренное измѣненіе системы тюремъ и ссылки. Въ далекомъ и близкомъ прошедшемъ, для насъ довольно образцевъ для того, чтобы не дѣлать крупныхъ промаховъ и не утѣшаться наряднымъ блескомъ и лоскомъ того, что внутри прогнило насквозь, и — стало быть — нивуда не годится.

Новая реформа, пущенная уже въ ходъ, не позволить теперь прибѣгать къ поверхностнымъ измѣненіямъ изъ-за одного хвастовства и, для очистки совѣсти, выработывать только казовые вонцы: новымъ заплатамъ, хотя бы и изъ заграничныхъ матерій, на ветхомъ рубищѣ уже и не удержаться теперь. Судебная реформа слишкомъ глубоко вниѣдряется въ нашу молодую, воспримчивую и плодоносную почву, кореннымъ образомъ переработываетъ все ветхое зданіе старыхъ пріемовъ и порядковъ, и весь старый судъ; волчецамъ и терніямъ расти тутъ не мѣсто: они могутъ только глушить всходы и мѣшать росту молодыхъ побѣговъ. Система заключенія и ссылки только тогда не станетъ бить вкось и въ сторону, когда всѣми голосами начнетъ вторить здоровымъ и сильнымъ мотивамъ новаго и молодого двигателя и дѣятеля. На это у насъ имѣется много основаній для надеждъ; много данныхъ для того, чтобы не грѣшить больше противъ требованій духа времени и человѣколюбія.

Преобразование нашего уголовного судопроизводства сдѣлало необходимымъ пересмотръ уложенія о наказаніяхъ, которое съ одной стороны мѣшаетъ суду смягчать наказаніе нѣсколькими степенями (по вновь предоставленному ему праву), — съ другой, оставаясь при устарѣлыхъ взглядахъ и понятіяхъ, не всегда точно и прямо можетъ опредѣлить надлежащую мѣру наказанія и сознательно успокоиться на томъ, что такое-то наказаніе легче, другое тяжелѣе. Такъ, на примѣръ, въ силу благопріятно-сложившихся обстоятельствъ (о которыхъ мы подробно расскажемъ ниже) заключеніе въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сдѣлалось легче, чѣмъ заключеніе въ рабочихъ ротахъ военнаго вѣдомства; — между тѣмъ, первое заключеніе, по уложенію, полагается высшимъ исправительнымъ наказаніемъ. Точно также подлежитъ большому сомнѣнію и то, чтобы рудниковыя каторжныя работы, производимыя по требованіямъ и указаніямъ правильной науки, могли оставаться на прежнемъ суровомъ положеніи въ рукахъ людей, получающихъ гуманное образованіе въ

средѣ цивилизованнаго общества. Мы имѣемъ много данныхъ для того, чтобы видѣть гораздо большую тяжесть наказанія для тѣхъ преступниковъ, которыхъ судьба ввѣрена людямъ, менѣе умягченнымъ воспитаніемъ, и которыхъ трудъ и работа подчиняются не законамъ науки, а произволу. Сибирскія арестантскія роты и, между ними, Омская крѣпостная (нашедшая такого талантливаго бытописателя, каковъ авторъ «Мертваго Дома») являются въ несравненно болѣе суровой и болѣе грозной формѣ, чѣмъ, наприм., всѣ рудники, промыслы и заводы Нерчинскаго горнаго округа. Между тѣмъ, работы на рудникахъ и промыслахъ нерчинскихъ, управляемыхъ горными офицерами, назначаются для ваторжныхъ 1-го разряда, а сибирскія арестантскія рабочія роты, дозираемыя военными офицерами, считаются во 2-мъ разрядѣ наравнѣ съ заводами, надзоръ за которыми ввѣряется гражданскимъ чиновникамъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ послѣднее время система примѣненія труда ссыльныхъ на мѣстахъ изгнанія подвергалась сильнымъ измѣненіямъ, и трудъ направлялся совсѣмъ не въ ту сторону и шелъ не по тому назначенію, на которое надѣялся и указалъ судъ. Назначалась ссылка въ рудники въ то время, когда ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ по прежнимъ приемамъ, а на большую половину они стояли залитые водой,—только на самую малую часть рудники разрабатывались по системѣ вольнонаемнаго труда свободными людьми, сибирскими старожилыми. Самый способъ содержанія и обращенія съ ссыльно-каторжными въ послѣднее время измѣнился противъ прежняго, но не установился въ опредѣленную и желаемую форму: онъ былъ смягченъ въ одно время и вдругъ снова началъ стремиться въ болѣе крутымъ и строгимъ мѣрамъ. Послѣдовательнаго, разъ выработаннаго и установленнаго взгляда на это дѣло не стало: отъ личнаго характера лицъ и отъ уровня ихъ міросозерцанія зависѣло то, на что силятся имѣть прямое и непосредственное вліяніе коренныя государственныя узаконенія.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ настоящее время достаточно смягчился взглядъ на преступленія и преступниковъ въ общемъ сознаніи всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Особенно рельефно и законченно выясняется это въ наши дни въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, въ ихъ взглядѣ на преступленія и на степени возмездія за нихъ, и мы думаемъ, что источникъ подобнаго явленія вытекаетъ непосредственно изъ народной почвы. Въ этомъ отношеніи выборные отъ общества не въ разладѣ съ нимъ.

Слово *колодникъ*, какъ эпитетъ ссыльнаго, исчезаетъ изъ народнаго употребленія, ослабѣвши въ своемъ значеніи, какъ извѣстно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда исчезло на Руси то орудіе

наказанія, которое дало свое имя всякому преступнику ссыльному и не ссыльному. Иноземное слово *арестантъ*—до сихъ поръ остается только въ казенныхъ бумагахъ и на языкѣ официальныхъ лицъ; въ народъ оно не ушло. Народъ упорно стоитъ противъ этого названія, какъ упорно не соглашается всякаго ссыльнаго признать *преступникомъ*. И это слово онъ не принимаетъ въ свой языкъ, не умѣя осмыслить его для себя въ своемъ мягкомъ сердцѣ. Всякаго преступника, идущаго въ тюрьму, въ ссылку, на поселеніе, на каторгу, нашъ народъ вездѣ (и въ Россіи и по Сибири) называетъ «несчастливымъ».

Насколько это слово вѣрно, и какъ видѣнъ въ томъ протестъ противъ отжившаго свой вѣкъ стараго суда, насколько его можно примѣнить къ русскимъ преступникамъ, насколько, наконецъ, оно имѣетъ права гражданства передъ всѣми другими, ему однозначущими — мы рѣшились объяснить то рядомъ разсказовъ.

Разсказы эти—плодъ личныхъ наблюденій надъ бытомъ ссыльныхъ въ Сибири, по нашей дорогѣ съ Амура. Наблюденіями этими мы хотѣли бы внести и свою посильную лепту въ число тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ по частямъ начали созидать новое зданіе тюремной системы. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе своевременнымъ, что нѣкоторыя казенныя учрежденія (морское и военное министерства) озаботились уже устройствомъ такихъ тюремъ, до которыхъ доработалась Европа, руководимая началами цивилизаціи и гуманности. Третье вѣдомство (министерство Внутр. Дѣлъ) успѣло уже собрать краткія свѣдѣнія о состояніи тюремнаго дѣла въ Россіи, но не произвело еще наблюденій надъ сибирскими тюрьмами и не провѣрило способа колонизаціи Сибирскаго края ссыльными преступниками. Этого-то именно пробѣла мы желали бы отчасти дополнить и, до нѣкоторой степени, принять участіе и въ загрузковкѣ другого пробѣла: до сихъ поръ изучалось, съ большею настойчивостію и вниманіемъ, тюремное дѣло только за границей. Наши домашнія дѣла оставались на заднемъ и дальнемъ планѣ, и порождаютъ вѣроятіе опасеній, что зданіе, сооружаемое на невѣдомой почвѣ, можетъ простоять только нѣкоторое время и потомъ снова потребовать уже не ремонта, а коренной перестройки. Примѣръ подобной неудачи у всѣхъ насъ на памяти.

Еще Екатерина II прилагала не мало заботъ къ тому, чтобы устройство мѣстъ заточенія производилось по началамъ христіанскаго человеколюбія. Одинъ изъ ея указовъ предписываетъ, чтобы тюрьмы были расположены внѣ городовъ, на мѣстахъ здоровыхъ и открытыхъ, чтобы при каждой тюрьмѣ была больница, откуда арестантъ выходилъ бы не иначе, какъ по совершенномъ излеченіи, и проч., и проч. Законъ желаетъ, чтобы соблюдалось стро-

гое отдѣленіе мужчинъ и женщинъ, признаетъ справедливость различать способы обращенія съ заподозрѣнными и обвиненными. Постановленіе это Екатерина разослала ко всѣмъ губернаторамъ съ приказаніемъ привести его въ исполненіе по всѣмъ подвѣдомымъ мѣстамъ. Но повиновеніе закону было пустымъ словомъ, а произволъ мелкихъ чиновниковъ могъ безразсудно воспротивиться высочайшей волѣ, и этотъ законъ оставленъ былъ безъ исполненія: тюрьмы продолжали быть нездоровыми и находились подъ дурнымъ надзоромъ. Между тѣмъ исправленіе тюремъ производилось по указаніямъ знаменитаго друга человѣчества: самъ Джонъ Говардъ, изобрѣтатель пенитенціарныхъ тюремъ, лично осматривалъ наши тюрьмы (и даже умеръ въ Россіи, при посѣщеніи больныхъ въ Херсонѣ, въ 1790 году).

Императоръ Александръ I, слѣдовавшій по стопамъ своей бабки, и успѣвшій придать сильное движеніе многимъ начинаніямъ во имя христіанской любви и благотворительности, поддерживалъ планы Екатерины и по отношенію къ тюремному дѣлу. Въ 1819 году, образовано было, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, особое благотворительное Общество съ исключительною цѣлью улучшить положеніе заключенныхъ. Работы Общества обнаружили добрыя намѣренія и повели къ широкому развитію основной мысли: къ повсемѣстному образованію попечительныхъ тюремныхъ комитетовъ, прожившихъ уже полвѣка и доставшихся въ наслѣдіе и нашимъ временамъ. Настоящее строгое время, преимущественно съ практическимъ дѣловымъ отѣтвомъ, потребуетъ отъ нихъ новыхъ задачъ, и иной службы, сознательнѣе и прямѣе направленной къ цѣли. Нашему времени, послѣ извѣданныхъ неудачъ, уже не приводится удовлетворять себя призрачнымъ существованіемъ таковаго дѣла, которое непосредственно должно направляться къ опредѣленнымъ и практическимъ цѣлямъ. Теперь нельзя принимать за жизненный фактъ то учрежденіе, которое не сумѣло въ такой долгой срокъ выказать, при живучести, разумное проявленіе жизни. Теперь уже нельзя оправдаться тѣмъ, что въ Россіи, у русскихъ, не достаетъ единомыслія и согласнаго расположенія умовъ, которыя абсолютно необходимы для того, чтобы благопріятствовать успѣхамъ полезныхъ учрежденій, и безъ которыхъ лучшія начинанія слабуютъ и не разрабатываются съ подобающимъ стараніемъ...

Повторять старыя ошибки можно только намѣренно, и несомнѣнень успѣхъ въ такомъ случаѣ, когда будутъ добросовѣстно организованы правила для дѣйствій, и къ данной цѣли исправленія тюремнаго быта согласно направлены будутъ обѣ дѣйствительныя силы, изъ которыхъ одна — благотворительность — громадна, дру-

гая — сознательное состраданіе къ павшимъ въ порокъ и преступленіе — начинаетъ ясно обнаруживаться во всѣхъ слояхъ общества. Исключенія изъ общаго правила, уклоненія отъ коренныхъ свойствъ народнаго характера на столько стали теперь незначительны и мелки, что, намѣренно уступая имъ мѣсто въ поствѣдующихъ статьяхъ, мы увѣрены въ ихъ скоромъ исчезновеніи. Они поютъ уже свою лебединую пѣсню; они не что иное, какъ поствѣдній остатокъ старинной рутины, доставшійся въ наслѣдіе отъ праѣдковъ, и разгуливающій по бѣлу-свѣту, безъ дозволенія общества, до перваго рѣшительнаго запрещенія. Надо только рѣшиться подумать, смѣло приступить и порѣшить съ нимъ разъ и навсегда.

Въ тѣ времена, когда древніе русскіе люди въ безсиліи умственномъ допытывались правды на дыбѣхъ, огнемъ, водой, вбиваніемъ *подъ ногти* гвоздей (для уразумѣнія *подноготной*) и встрясками, въ тѣ суровыя времена выродились суровыя отношенія къ людямъ, прегрѣшившимъ противу закона и общества, и лишеннымъ свободы. Въ старыхъ заветшавшихъ и загнившихъ архивахъ, мы находимъ имъ начало, а личныя наши наблюденія позволяютъ намъ видѣть ихъ конецъ въ широкомъ значеніи этого слова. Долговременная борьба мрака со свѣтомъ кончается, нравы умягчились; взгляды на страданія стали шире, и участіе къ страдальцамъ изъ пассивнаго чувства перешло въ сознательное.

Останавливаемся на преступникахъ и беремъ ихъ въ то время, когда они признаны таковыми по суду и, лишенные права жить на родинѣ, идутъ приобрѣтать новую и знакомиться съ нею на правахъ подневольныхъ путниковъ, ссыльныхъ.

---

Но до нашихъ личныхъ наблюденій вспомнимъ однако про старое въ короткихъ словахъ, уже и потому, что матеріалы архивныя по вопросу о препровожденіи ссыльныхъ замѣчательно скудны. Сильнѣе и характернѣе другихъ говорить за всѣхъ извѣстный историческій страдалецъ протопопъ Аввакумъ Петровичъ, — одинъ изъ энергическихъ дѣятелей во время смутъ, происшедшихъ по поводу исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Алексѣѣ и патриархѣ Никонѣ. Извѣстія его тѣмъ и важны, что относятся къ тѣмъ первымъ временамъ, когда Сибирь укрѣпилась за Россіей въ достаточной мѣрѣ, до того, что правительство, уже считая ее своею, назначило ее мѣстомъ ссылки для преступниковъ. Значеніе всѣхъ тѣхъ отдаленныхъ украинъ, каковыми считались всѣ

мѣста, лежація по сѣвернымъ и южнымъ окраинамъ московскаго государства по сю сторону Уральскаго хребта, начинало уже ослабѣвать, и Сибирскія страны стали казаться болѣе удобными для ссыльныхъ людей, чѣмъ, напр., степныя мѣста нынѣшнихъ губерній: Тульской, Орловской, Тамбовской, и сѣверныя страны: пермскія, кольскія, устюжскія и другія.

Въ 1679 году, царь Ѳеодоръ указалъ всѣхъ «воровъ, которые пойманы будутъ и которымъ за ихъ воровство доведется чинить казнь: сѣчь руки и ноги, и тѣмъ ворами рубѣ и ногъ и дву пальцевъ не сѣчь, а ссылатъ ихъ въ Сибирь на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житье». Въ слѣдующемъ году, указъ этотъ былъ поясненъ, а новый указъ 1683 года указывалъ только, вмѣсто пальцевъ и рубѣ, рѣзать уши. Это произошло при совмѣстномъ царствованіи двухъ братьевъ, Петра и Іоанна; но когда Петръ сдѣлался единовластнымъ правителемъ и былъ увлеченъ желаніемъ закрѣпить границы своего государства, посредствомъ правильныхъ крѣпостей, — Сибирь утратила на нѣкоторое время свое значеніе: ссыльныхъ стали посылать въ Азовъ, въ Рогервикъ, на Терекъ и въ Петербургъ, начинавшій выстраиваться. Въ концѣ своей жизни, Петръ снова началъ усиливать населеніе Сибири ссыльными, водворяя ихъ уже въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, каковы были страны Охотскія и Нерчинскія (по тогдашнему Дауры). Въ 1722 году, окончательно и опредѣленно указано было, какъ на ссыльный пунктъ, на эти Дауры, въ которые пролагалъ самую первую тропу, еще за 60 лѣтъ до того, ссыльный протопопъ Аввакумъ. Дорогъ туда не только въ то время, но и далеко потомъ еще не было: ходили обычными казачьими путями: или проложенными самою природою (т. е. по рѣкамъ), или цѣликомъ по лѣснымъ трущобамъ, подъ руководствомъ и по указаніямъ туземцевъ-инородцевъ. А такъ какъ Аввакуму съ товарищами довелось пробывать первыя тропы, то и было то дѣло «гораздо нудно».

Плынуть ссыльные на дощанигахъ по рѣкамъ въ безопасныхъ тихихъ мѣстахъ — леть сверху дождь и обсыпаетъ снѣгомъ, а на плечахъ накинута кафтанишка худые, течетъ вода по спинѣ и груди. Стѣснять рѣбу горы высочія съ дебрями непроходимыми, утесъ каменный, что стѣна: «и поглядѣть, заламя голову» — мѣсто опасное: быстрая вода переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, надо умѣть не погибнуть. Разъ случилось такое горе съ Аввакумомъ: оторвало барку и помчалъ, «а я на ней, ползаю да самъ кричу (пишетъ онъ): «Владычице, помози! Упованіе, не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше; все размыло до крохи». Пороговъ по сибир-

свѣтъ рѣкамъ много. Большая Тунгузка ими особенно богата, — тамъ ссыльныхъ высаживали, заставляли тянуть барки бичевою, а на шеѣ цѣпь желѣзная длинная, а ноги, обутыя въ дырявое измыганное отрепье, рѣжутся объ острые камни. «Не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ. Его же любить Богъ, того наказуетъ» — утѣшалъ себя Аввакумъ, но опять, заурядъ съ другими, попадалъ на новыя бѣды. Приходили въ волоку, надо было пѣшкомъ идти (волочиться), собственными руками дѣлать нарты для поклажи сварба, что оставлено на рукахъ (и книги, и одежда, и иная рухлядь были отняты). Придутъ на отдыхъ — опять не много радостей: «привезли въ Братскій-острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста, въ студеной башнѣ: что собачька на соломѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ.» Мышей много было, какъ во всѣхъ дикихъ непочатыхъ мѣстахъ, гдѣ еще не выжигалъ человѣкъ отъ вѣковъ залежной травы: «мышей я скуфьею билъ: и батожка не дадутъ дурачки. Все на брюхѣ лежалъ; спина гнила. Блохъ да вшей было много». Перевели въ теплую избу: «и я тутъ жилъ съ аманатами грязными тунгусами и съ собаками свованъ зиму всю, а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была сослана отъ меня. Ее баба Ксенія мучила зиму ту всю: лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ (не великъ былъ) прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества: Пашковъ Аванасій <sup>1)</sup> велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ-было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать: я его и не видалъ. Приволокъся къ матери: руки и ноги отзнобилъ».

Ушли ссыльные за Байкалъ, доплелись степью до рѣки Шилки: по ней тянулись бичевою, и протопогъ ляжку тянулъ. «Зѣло нуженъ ходъ ею былъ: и поѣсть было нѣ-коли, не жели спать. Лѣто цѣлое мучились отъ водяныя тяготы. Люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами черезъ волоки волочились». «Стало нечего ѣсть, люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка (Ингода) мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокия, — огонь да встряска, — люди голодные: лишь станутъ мучить, оно и умретъ». Промышлять нивуда не

<sup>1)</sup> Воевода енисейскій, посланный въ новую Даурскую землю искать пашенныхъ мѣстъ и ставить остроги. Эта экспедиція поставила остроги: Иркутскій и Балаганскій по сю сторону Байкала—моря, Нерчинскъ по ту сторону, и наконецъ—Албазинъ на дальномъ Амурѣ, гдѣ Аввакумъ пѣлъ первый русскій молебень.

отпускали; вымѣняли протопопъ на женину московскую одно-  
рядку 4 мѣшка ржи, съ тѣмъ и маялся два года, съ травкою пе-  
ребиваючись (травкою хлѣбъ подспаривая): траву эту, вмѣстѣ съ  
кореньями, по полямъ копали, а зимою замѣняли все тѣ сосно-  
вою корою, «а иное кобылятины Богъ дастъ». «И вости находили  
отъ волковъ пораженныхъ звѣрей, и что волкъ не добѣсть, то мы  
добѣдимъ. А иные и самихъ озяблыхъ (замершихъ) бѣли волковъ  
и лисицъ: и что получаютъ,—всякую скверну»... «Кто дастъ главѣ  
моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою,  
юже азъ погубихъ житейскими сладостями?—вопрошаетъ протопопъ,  
кающійся въ томъ, что и самъ, грѣшный, волею и неволею сдѣ-  
лался причастникомъ «кобыльимъ и мертвечымъ сквернымъ и  
птичьимъ мясамъ».

Такъ было съ Аввакумомъ ссыльнымъ. Но вотъ велѣно его  
вернуть въ Москву; бредеть онъ въ обратную съ семействомъ  
своимъ: дали ему подъ ребяты и подъ рухлядь двѣ «клячки». Самъ съ  
женой пѣшкомъ идетъ, не смѣя отстать отъ людей, ибо  
инородцы смотрѣли на пришлецовъ враждебно и грозили опас-  
ностью. «Голодные и томные люди» идутъ по варварской странѣ  
пѣшкомъ и за лошадьми идти не поспѣваютъ: «протопопица  
бѣдная бредеть — бредеть да и повалится: скользко гораздо. Въ  
иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же человекъ на  
нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не  
могутъ.

Мужикъ кричитъ:

— «Матушка государыня, прости!»

А протопопица:

— «Что ты, батя, меня задавилъ?»

Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря:

— Долго-ли мука сея, протопопъ будетъ?

И я говорю: — Марковна! до самыя смерти.

Она, вздохня, отвѣчала:

— Добро, Петровичъ, ино еще побредемъ.»

Такого человекъ мудрено было сокрушить бѣдамъ! Сколько  
напастей не вскидывалось на него, — всѣ отлетали прочь, какъ  
отъ того самаго каменнаго утеса, о который едва не разбились  
утлая ладья изгнанника, и ладью изломало всю, на ней «размыло  
все до крохи», а протопопъ, вышедъ изъ воды, смѣется въ то  
время, когда товарищи его плачутъ, «мокрое платье его по ку-  
стамъ развѣшивая». Когда воевода хочетъ бить его: «Ты-де надъ  
собою дѣлаешь за посмѣхъ», — Аввакумъ хладнокровіемъ и крот-  
кими отвѣтами претворяетъ гнѣвъ на милость: «И сталъ по мнѣ  
тужить». Когда другіе не его закала люди отъ такихъ мученій



бѣжали въ лѣса и въ другихъ мѣстахъ строили острожки и по наказамъ уже своихъ воеводъ, протопопъ все переносилъ съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, каковыя не оставили его и на кострѣ, среди пламени. Воевода колотить его по щекамъ, по головѣ, сбиваетъ съ ногъ, ухватя за цѣпь лежачаго бьетъ по спинѣ три раза и, разболочши, по той же спинѣ даетъ 72 удара кнута, Аввакумъ пощады не просить, но всякому удару противоставить молитву: «Господи Ісусе Христе, помогай мнѣ!» «Какъ били, такъ не больно съ молитвою-то». Выбилъ его воевода съ дощанива на дикой берегъ и съ цѣпью на шеѣ велѣлъ пѣшкомъ брести, — Аввакумъ на берегу варить товарищамъ кашу и кормить ихъ: и люди тѣ, глядя на него, плачутъ: «Жалѣютъ по мнѣ!» И вотъ, рассказывая другу (старцу Епифанію) о всѣхъ злѣключеніяхъ, упавшихъ на его голову въ такомъ избыткѣ, сидя въ новой земляной тюрьмѣ въ Россіи, — Аввакумъ шутливо смѣясь и не рисуясь, по поводу паденія жены на льду и ея малодушія, съумѣлъ обрисовать въ себѣ такого человѣка, съ которымъ не подѣ-стать было бороться никакимъ вражьиимъ силамъ, порождаемымъ ссылкойю. Чтѣ же могли испытывать подѣ ударами послѣднихъ тѣ, которымъ судьба привела идти вмѣстѣ съ нимъ и потомъ въ великомъ множествѣ слѣдомъ за нимъ, — тѣ, которые, какъ и протопопица Настасья Марковна, принадлежали къ категоріи людей рядовыхъ, обыкновенныхъ? Въ сибирскихъ тайгахъ безслѣдно заглохли ихъ стоны, но ясныя признаки ихъ страданій не мудрено сослѣдить въ откровенной исповѣди того замѣчательнаго человѣка, котораго самъ царь Алексѣй Михайловичъ, сойдя съ своего мѣста и приступя къ патріарху, упросилъ не растрогать передъ ссылкойю и потомъ, по возвращеніи изъ сибирской ссылки, велѣлъ поставить въ рубѣ, слова милостивыя говорилъ, велѣлъ поселить на монастырскомъ подворьи въ Кремлѣ и, ходя мимо двора, кланялся «низенько-таки, а самъ говорилъ: благослови-де меня и помолися о мнѣ; шапку въ иную пору, мурманку снималъ, изъ кареты бывало высунется, и всѣ бодрѣ послѣ его челомъ да челомъ: протопопъ, благослови и помолися о насъ!» Надѣ такимъ человѣкомъ воеводѣ Пашкову (изъ тѣхъ же кремлевскихъ бояръ), издѣваться уже не приводилось въ желаемой имъ мѣрѣ и во всю силу его строптиваго духа. А Пашковъ былъ сынъ своего вѣка, и «передъ сынами» этими проходили въ ссылку все черносопшныя люди, сидѣльцы тюремныя, воры, на пыткахъ пытаные, смерды смердащіе. На жалость и состраданіе въ тѣ времена и таіе люди надѣяться уже никакъ не могли.

Въ концѣ XVII вѣка, когда и на Сибирь пало обязательство

служить ссыльнымъ мѣстомъ для преступниковъ, значеніе этой страны не было еще такъ ясно опредѣлено, какъ въ наше время. Правительство еще не могло оставить прежнихъ привычекъ и колебалось между южными и сѣверными русскими украинцами, и даже въ 1699 году, солдатъ за торговлю виномъ, табакомъ и инымъ корчемнымъ питьемъ, послѣ нещаднаго битья на козлѣ, съ женами и дѣтьми ссылало либо въ Сибирь, либо на Терекъ.

Въ XVII столѣтіи, для ссыльныхъ назначались сначала въ Сибири мѣста, ближайшія къ Россіи—страны пермскія и тобольскія, и еще въ 1696 году строили въ Верхотурь дворъ со стоячимъ тыномъ для ссыльныхъ и велѣно въ немъ «поставить сколько избъ пристойно для жительства». Не смотря на то, что за 25 лѣтъ до этого событія, черезъ 12 лѣтъ послѣ Аввакума, прошли по проторенной имъ тропѣ въ дальнія мѣста Сибири другіе политическіе ссыльные: неповорные черкасы—запорожскіе мятежные люди<sup>1)</sup>,—отдаленныя мѣста Сибири получили окончательное назначеніе для ссыльныхъ позднѣе. Только въ 1722 году (10-го апрѣля), Петръ указалъ освобожденныхъ отъ каторжной работы (въ Россіи) и назначенныхъ къ ссылкѣ въ дальніе города Сибири «посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы.» При Аннѣ Ивановнѣ (въ 1733 году), въ число ссыльныхъ пунктовъ включенъ былъ даже такой отдаленный, какъ Охотскъ.

Въ XVIII вѣкѣ, ссылка въ Сибирь стала принимать болѣе широкіе размѣры, и значеніе этапнаго пути стало увеличиваться, достигнувъ своего апогея въ царствованіе Анны Ивановны. Количество ссыльныхъ въ Сибирь возрасло. Понадобились новыя тюрьмы, новые способы препровожденія. Но перемѣнъ противъ стараго времени и противъ приемовъ прошедшаго столѣтія не произошло никакихъ. По рѣкамъ везли ссыльныхъ въ дыривыхъ стругахъ по-прежнему; по сухому пути волокли на канатахъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ по-старинному, и также по старому предвари-

<sup>1)</sup> Демка Игнатьевъ, бывшій гетманъ запорожскаго войска, съ женою, двумя сыновьями, дочерью и двумя работницами,—за Байкалъ въ Селенгинскій острогъ; Василій Многогрѣшный, черниговскій полковникъ, братъ гетмана—въ Красноярскій острогъ; Матвѣй Винтовка съ женою и двумя сыновьями—въ Кузнецкій острогъ; Павелъ Грибовичъ, зсаудъ—въ Томскій, а племянникъ гетмана Михайло Зиновьевъ—на Лену въ Якутскій острогъ: всѣ въ пѣшую казачью службу. Когда Грибовичъ бѣжалъ и очутился въ Запорожьѣ, товарищей его велѣно посадить въ тюрьмы, а также и всѣхъ присланныхъ въ Туринскъ черкасовъ. Остальныхъ же сосланныхъ въ этотъ ближайшій къ Россіи городъ, «всякихъ чиновъ людей, велѣно тогда же раздать надежнымъ людямъ на поруки». Если кто убѣжитъ, тѣхъ велѣно бить кнутомъ въ Тобольскъ и отсылать въ дальніе сибирскіе города.

тельно обезсиливали ссыльных на дыбахъ, встрясками, битьемъ кнутами; вмѣсто клеймъ рвали ноздри, чтобы распознали въ толпѣ каторжнаго (отчего толпа и прозвала этихъ людей въ тѣ времена, за постоянное хрипѣнье — *хрѣпами*, хрѣпъ-маіорами). Въ очередяхъ для отправки партій не было никакого порядка: разъ (въ 1773 году) въ Казани накопили столько ссыльныхъ, что принуждены были на два года приостановить ссылку въ Сибирь, и всю массу преступниковъ (900 человекъ каторжныхъ колодниковъ и больше 4-хъ тысячъ поселенцевъ) обратили назадъ въ крѣпости Россіи и на новыя линіи.

Въ XVII столѣтіи, вѣдалъ ссыльныхъ Стрѣлецкій приказъ и посылалъ ихъ въ Сибирь съ нарочными посыльщиками, заковывалъ въ кандалы и ручныя желѣза, а недоставало кандаловъ — ковалъ въ ножныя желѣза, и заливалъ ихъ крѣпко нагрѣвко, — и приказывалъ: «Убѣгутъ у тебя колодники или ты самъ, взявъ съ нихъ окупъ, отпустишь, — то воеводы будутъ бить тебя кнутомъ и сошлютъ самого, вмѣсто тѣхъ людей, которыхъ велъ ты, въ ссылку». Потеряетъ посыльщикъ кандалы, «править на немъ цѣну противъ поушки вдвое», и о томъ послать грамоты въ Вологу для тѣхъ, которые ссылались въ Сибирь, — въ Переяславль и Сѣвскъ для тѣхъ, которые назначались въ Кіевъ, — и въ Симбирскъ для ссыльныхъ на Терекъ. Подводы подъ больныхъ колодниковъ и подъ вещи состояли на обязанности крестьянъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ шла арестантская дорога, не имѣвшая еще въ то время прозванія этапной.

Въ XVIII столѣтіи, вѣдалъ ссыльныхъ Сыскной приказъ; въ это столѣтіе успѣли привести въ опредѣленное положеніе обывательскую повинность: велѣли брать подводу до перваго яма, собирая съ тамошнихъ жителей по очереди, чтобы уничтожить тягость, лежавшую на однихъ передъ другими и вызвавшую эту мѣру. «А какъ прибыли обывательскія въ ямъ, то отпускатъ ихъ безъ всякаго задержанія», чтобы не ѣздили на тѣхъ же лошадяхъ дальше (и сколько хотѣли) посыльщики. «За уѣздные подводы на каждую лошадь прогоны — зимою по 1 деньгъ и лѣтомъ 1 коп. на версту выдавать», чтобы не считали уже посыльщики собственнымъ прибыткомъ и достояніемъ то, что принадлежало по праву прилагавшимъ къ дѣлу трудъ и жертвовавшимъ для него временемъ и животиною. Кандалы и желѣза оставили для ссыльныхъ на прежнемъ положеніи, но придумали новую мѣру: для удержанія отъ побѣговъ сковывать преступниковъ въ кучу. Въ Новгородской губерніи, какой-то молодецъ изъ тюремщиковъ, по силѣ этого постановленія, съострилъ тѣмъ, что сковалъ смердовскаго погоста дьякона съ чужой женой по ногѣ, а

дьяконицу съвалъ особо въ другой палатѣ и держалъ такъ недѣли съ двѣ: велѣно указомъ (1744 года 21-го сентября) отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ, ибо сіе «христіанскому благочестію противно и чинится незаконно; подобныя дѣла могутъ быть соблазномъ и во грѣху причиною». Но одно было на бумагѣ, — другое являлось на дѣлѣ. Борьба теории съ практикой и въ прошлый вѣкъ шла съ тѣмъ же усердіемъ, какъ и въ предъидущій, но неудачи примѣненія первой по второй повторялись съ одинаковымъ упорствомъ и постоянствомъ. Ихъ было много.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, придумана была надобность въ составленіи статейныхъ списковъ преступленій съ обозначеніемъ: кто именно въ какомъ дѣлѣ судимъ былъ «и пытанъ ли, и что съ пытки повазалъ на себя или на иныхъ на кого наговорилъ»<sup>1)</sup>, — но въ 1755 г. понадобился новый указъ, предписывавшій отправлять въ Сибирь съ володниками письменныя отношенія, обозначая въ послѣднихъ, за какія вины и къ какому наказанію кто изъ преступниковъ присужденъ<sup>2)</sup>. Въ декабрѣ 1802 года, настала новая надобность подтвердитъ это требованіе, а въ слѣдующемъ году (12-го января 1803) подтвердить его вновь; но все-таки въ 1819 году, при ревизіи Сибири Сперанскимъ, найдено, что партіи ссыльныхъ были отправляемы и препровождаемы въ Сибирь безъ малѣйшаго порядка. «Управленіе не имѣло точныхъ, большею частью даже и никакихъ свѣдѣній о томъ, кто и за что именно сосланъ и къ какому роду и сроку ссылки приговоренъ, а составлявшіеся въ пограничныхъ мѣстахъ статейные списки смѣшивали въ одно и ваторжныхъ, и поселенцевъ, и мужчинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей. Дальнѣйшая судьба сосланныхъ находилась въ рукахъ смотрителей, и ихъ разбирали, по произволу, даже въ личныя услуги. Кто куда попалъ, тотъ тамъ и оставался, совершенно независимо отъ важныхъ различій, опредѣляемыхъ уголовными законами и основанными на нихъ приговорами. Въ Томскѣ Сперанскій нашелъ подпоручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ и болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ сюда вмѣстѣ съ партіею ссыльныхъ. Разслѣдованіе по принятой отъ него просьбѣ доказало, что онъ дѣйствительно состоялъ на службѣ и не имѣлъ за собою никакой вины, но что дотолѣ не могъ заявить о своемъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ ссыльнымъ было запрещено подавать просьбы и вообще писать изъ Сибири. Открылось также множество нелѣпыхъ свѣдѣній, какъ напр., что такой-то сосланъ изъ «Шенгурской» губерніи

<sup>1)</sup> Наказъ Петра нерчинскимъ воеводамъ, 5-го генваря 1701 г.

<sup>2)</sup> Сенатскій указъ 9-го августа 1755 г.

по запискѣ подъячаго, и все это происходило отъ того, что не было никакого контроля»<sup>1)</sup>. Но были и крупныя злоупотребленія, на манеръ заявленнаго въ 1811 году тверскимъ прокуроромъ Дребушемъ министру юстиціи (Ив. Ив. Дмитріеву): «Во время осмотра пересыльныхъ володниковъ, одна женщина, назвавшаяся Крестиною Яевлевою объявила, что она, не будучи судима, ссылается въ Сибирь на поселеніе подъ чужимъ именемъ рижской уроженки Редово-Янъ, что она ревельская уроженка, и зовутъ ее Крестиною Ловша Папстъ». По справкамъ оказалось, что она представлена въ земскій судъ безъ документа; между тѣмъ въ числѣ подороженъ находилась одна на дворовую дѣвчу Редово-Янъ, но самой той дѣвчи въ присылкѣ не оказалось, а потому Папстъ и приняли за нее<sup>2)</sup>....

Вмѣстѣ съ такими неурядицами унаслѣдовало нынѣшнее столѣтіе отъ прошлаго неоконченную и нивагимъ мирнымъ соглашеніемъ не ослабленную войну съ ссыльными за право ходить въ Сибирь по-человѣчески и съ дороги не бѣгать въ дѣсъ на свои законы и полную волю. Вылазки обиженныхъ неправымъ судомъ и жестокимъ нарушеніемъ человѣческихъ правъ начались еще въ XVII вѣкѣ, когда такихъ людей называли *утеклецами*, и смиряли ихъ тѣмъ, что рѣзали имъ уши. XVIII-ый вѣкъ придумалъ имъ рвать особыми щипцами ноздри, измыслилъ штемпеля для наложенія клеймъ на лобъ и обѣ щеки, положилъ водить ихъ на канатѣ. Ссыльные продолжали бѣгать; весь тотъ вѣкъ прошелъ въ неудачной борьбѣ съ ними. Борьба эта особенно ожесточилась въ то время, когда произведено въ Сибири открытіе ссыльныхъ мѣстъ, и когда открылся болѣе правильный этапный путь. Но на немъ росли колючки и тернія, и росли по мѣрѣ того, чѣмъ плотнѣе уколачивалась дорога: не было силы безъ ѣдой и жгучей боли ходить по нимъ. Волчцы и тернія не вырывали, не истребляли; приводилось либо искать въ сторонѣ новыя тропы, и остаткомъ силъ выработать для себя какой-либо, болѣе подходящий выходъ. А такъ какъ всю вину въ томъ вляли на самихъ утеклецовъ и ничего другого не видали и знать не хотѣли, то утеклецамъ этимъ стало еще горше, а слѣдомъ за тѣмъ и потому же исканія утеклецовъ сдѣлались сильнѣе и опредѣленнѣе. Въ такомъ видѣ нерѣшенные дѣла достались и настоящему столѣтію, когда уже мудрено было сдѣлать что-нибудь положительное до тѣхъ поръ, пока сами неприятели не пошли на сдѣлку: отступились отъ протеста

<sup>1)</sup> Жизнь гр. Сперанскаго, т. II. Спб. 1861, ст. 232 и 233.

<sup>2)</sup> Сен. ук. 8-го октября 1811 г.

противъ этапнаго пути, и продолжали протестовать только противъ тюрьмы. Изъ тюремъ бѣгство стало считаться за первое удовольствіе; побѣгами съ этаповъ ссыльные пріостановились. По крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ является дѣло въ наши дни, въ серединѣ нынѣшняго столѣтія; въ началѣ его война была еще въ полномъ разгарѣ, но причины ея и тогда уже немного выяснились.

Сперанскій нашель, что «способъ пересылки преступниковъ обрѣтается въ печальномъ состояніи»<sup>1)</sup>. Отряжавшіеся срочно, по указу 12-го марта 1807 года, изъ Оренбургской губерніи, башкирцы и мещеряки гнали несчастныхъ какъ гуртъ, обижали ихъ, били и истязали, а зрители съ своей стороны наживались на ихъ продовольствіи. «Этому печальному неустройству (говоритъ биографъ Сперанскаго) должны были положить конецъ новые уставы о ссыльныхъ и объ этапахъ». И дѣйствительно, въ уставѣ о ссыльныхъ указано, что если бѣжить ссыльный съ дороги, — то для поминки его дается двѣ недѣли сроку; убѣгутъ двое — партіи не останавливать, не останавливать ея и въ такомъ случаѣ, когда бѣглецъ будетъ пойманъ. Побѣгъ принять, наравнѣ съ послушаніемъ, за неважный поступокъ; виноватаго указано наказывать въ полиціи, отмѣтить наказаніе въ статейномъ спискѣ и вести дальше. Но тѣмъ не менѣе рѣшительныя и сильныя мѣры коренной перестройки всего дѣла ссыльныхъ — побѣговъ не остановили. И послѣ устава придумывались противъ этого зла всякія мѣры.

Думали уменьшить побѣги организаціей этапныхъ партій изъ меньшаго числа людей (60 вм. 100) на лѣтнее время, когда всего больше бѣгали арестанты; и для того, чтобы легче и сподручнѣе былъ надзоръ за ними, каторжныхъ не посылать многихъ вдругъ; стараться, чтобы партія приходила на этапъ до наступленія ночи. Противъ бѣглаго, который не сдается и угрожаетъ, начальниги

<sup>1)</sup> Провожали ссыльныхъ съ 1802 года казаки донскаго полка, расположеннаго по дистанціямъ въ Казанской губерніи; дальше вели мещеряки и башкирцы; оставленные въ Сибири съ 1807 (указомъ 12-го марта) до изысканія мѣстныхъ начальствомъ внутреннихъ способовъ. При устройствѣ этаповъ, въ основаніе этапной команды поступилъ Селенгинскій гарнизонный полкъ. Но какъ солдаты его были люди ненадежные, неоднократно наказанные и штрафованные, то велѣно замѣнить ихъ людьми изъ другихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Солдаты преимущественно должны быть семейные и хотя невидные по фронтовой службѣ, но отнюдь не вовсе изувѣченные или по чему либо не способные носить оружіе. Каждому этапу для хозяйства отведены были свободныя земли, чтобы солдаты могли имѣть покосы и пашни и могли бы строить собственные дома. Этапная команда обязана «прилагать стараніе къ поминкѣ бѣглыхъ и воровъ, близъ дороги укрывающихся, или по крайней мѣрѣ быть для нихъ страшными своею дѣятельностію и понсками до того, чтобы всякое опасеніе насилія на дорогахъ не имѣло основательныхъ причинъ.»

этапа получили право дѣйствовать оружіемъ; городничіе обязаны напоминать объ этомъ правѣ партіи.

Думали удержать отъ побѣговъ тѣмъ, что рѣшили арестантамъ брить половину головы, «возложивъ на обязанность этапныхъ командъ подбривать волосы, когда оные подроютъ» (указъ 14-го іюля 1825 г.). Министръ юстиціи вн. Лобановъ предложилъ при всѣхъ этапныхъ командахъ завести легкіе желѣзные ручные прутья, по примѣру употребляемыхъ на этапахъ, ведущихъ въ Сибирь, и вызвалъ указъ о томъ, въ 1825 году, утвержденный императоромъ Александромъ I 19-го августа; но въ 1832 году (1-го марта) новый указъ отмѣнилъ пруть по причинѣ его крайнихъ неудобствъ (о которыхъ будетъ сказано ниже) и замѣнилъ его цѣпью съ наручниками<sup>1)</sup>. Арестанты по поводу цѣпи пошли на уступку, и эта уступка составляетъ пріобрѣтеніе нашего времени и относится къ новой исторіи этаповъ, черты изъ которой мы также приводимъ дальше въ отдѣльномъ очеркѣ.

Чтобы покончить со старою исторіею этаповъ и заключить этотъ краткій очеркъ ея, мы должны упомянуть еще о томъ, что въ настоящемъ столѣтіи удалось искоренить еще одно зло и опять таки унаслѣдованное отъ прошлыхъ временъ. Уставъ о ссыльныхъ установилъ точный систематическій учетъ всѣмъ ссыльнымъ, и теперь ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть выпущенъ изъ виду; мѣсто нахождения каждаго изъ нихъ извѣстно существующему въ Тобольскѣ—по проекту Сперанскаго—*Приказу о ссыльныхъ*<sup>2)</sup>.

Приказъ — единственное учрежденіе въ цѣлой имперіи — вѣдаетъ ссыльныхъ при помощи и содѣйствіи шести экспедицій о ссыльныхъ, учрежденныхъ при каждомъ губернскомъ правленіи, начиная съ Казани и кончая Иркутскомъ. Въ казанской экспедиціи сходятся ссыльные съ цѣлой имперіи и еженеѣдно от-

<sup>1)</sup> Указомъ 22-го декабря 1827 г. запрещено ковать въ желѣза преступниковъ, лишенныхъ дворянства, въ разсчетъ на то, что они—изъ опасенія и страха въ видѣ простолудина подвергнутся суду — не побѣгутъ.

<sup>2)</sup> Приказъ смѣнилъ однородное съ нимъ, но отличавшееся бездѣятельностію учрежденіе — Общее по колодничьей части Присутствіе. Присутствіе это до 1823 года существовало въ г. Тюмени и установлено было въ началѣ нынѣшняго столѣтія (именно въ 1807 году), богатаго проектами и всякаго рода начинаніями въ силу общечеловѣческихъ и христіанскихъ стремленій. Тогда, по задачѣ Екатерины II, много думали, говорили, писали и дѣлали по улучшенію быта ссыльныхъ и по предмету улучшенія тюремъ. Но и здѣсь, какъ и во многихъ дѣлахъ того времени, произволъ маленькихъ чиновниковъ подтачивалъ благія предначертанія, исходившія свыше. Приказъ явился, какъ мѣра для правильной сортировки ссыльныхъ и для наблюденія за лучшими способами доставленія ихъ на мѣста.

правляются въ Пермь — единственный губернский городъ до Тобольска и Приказа. Казань принимаетъ, Пермь повѣряетъ; тутъ и тамъ обязаны «приводить въ порядокъ документы ссыльныхъ, снабжать ихъ продовольствіемъ и одеждою и распоряжаться о дальнѣйшемъ ихъ препровожденіи. Тобольскій приказъ обязанъ принимать и распредѣлять присылаемыхъ ссыльныхъ, вести имъ счетъ и алфавитъ и при этомъ не принимать ни одного чело-вѣка, о которомъ не будетъ сообщенъ судомъ уголовный пригово-ръ, и доискиваться причинъ, почему тотъ, о комъ послѣдовало сообщеніе, не поступилъ въ Приказъ.»

Въ практическомъ примѣненіи весь этотъ, такъ-называемый *уставъ о ссыльныхъ* обставился такими предварительными подробностями: всякое судебное мѣсто въ Россіи, приговоривши преступника къ ссылкѣ въ Сибирь, увѣдомляетъ Тобольскій Приказъ. Приказъ вноситъ имя ссылаемаго, съ прочими доставленными объ немъ свѣдѣніями, въ особый списокъ. Списокъ этотъ носить на мѣстномъ официальномъ языкѣ названіе «предварительнаго алфавита». По алфавиту этому Приказъ *сожидаетъ* прибытія преступника въ Тобольскъ или увѣдомленія о причинахъ, задержавшихъ его въ Россіи (т. е. болѣзни или смерти, побѣга съ дороги, или назначенія въ крѣпостныя работы во внутреннихъ крѣпостяхъ имперіи, или же, наконецъ, задержки его въ здѣшнихъ тюрьмахъ по поводу вновь учиненнаго имъ преступленія и проч.). Когда преступникъ является въ Тобольскъ, Приказъ повѣряетъ его примѣты и вноситъ имя его въ другой списокъ, называемый «алфавитомъ распорядительнымъ». Въ алфавитѣ этомъ обозначается та изъ сибирскихъ губерній, въ которую назначенъ преступникъ; приказъ, при этомъ назначеніи, руководствуется особыми правилами и соображеніями. Затѣмъ онъ передаетъ ссыльныхъ въ вѣдѣніе сибирскихъ экспедицій (тобольской, томской, красноярской и иркутской), при такъ-называемыхъ статейныхъ спискахъ, гдѣ кратко обозначается преступленіе, указываются примѣты, лѣта, мѣсто родины, званіе, преступленіе и наказаніе. Четыре экспедиціи сибирскихъ губерній, назначивъ ссыльныхъ, по своимъ соображеніямъ въ округа и волости своихъ губерній, увѣдомляютъ объ этомъ Приказъ для внесенія новыхъ свѣдѣній въ «алфавитъ окончательный», а сами «за тѣмъ имѣютъ все остальное попеченіе о ссыльныхъ». Алфавитъ окончательный, для большаго удобства, ведется за каждый годъ отдѣльно и распредѣляетъ преступниковъ по мѣстамъ родины (по губерніямъ) и по родамъ преступленій. Теперь уже ни одинъ ссыльный не можетъ утратиться, какъ это бывало въ старину, до Сперанскаго: при настоящемъ порядкѣ и при той добросовѣстности, съ какими ве-



дуются списки, — о каждомъ изъ ссыльныхъ можетъ быть тотчасъ найдено въ приказѣ свѣдѣніе <sup>1)</sup>).

Нашему времени, счастливому благодѣтельными льготами и благотворными преобразованіями, достались на долю и въ дѣлѣ ссыльныхъ и тюремъ многія измѣненія къ лучшему противъ того, до чего не дошла, и не могла дойти устарѣвшая система Сперанскаго. Измѣненъ порядокъ распредѣленія ссыльныхъ по Сибири и положенъ задатокъ къ практически-полезнымъ результатамъ; отчасти потрясенъ въ утлыхъ основаніяхъ своихъ прежній способъ этапнаго препровожденія ссыльныхъ, и уже объяснилось намѣреніе правительства основать новый, на твердыхъ основаніяхъ цивилизаціи и гуманности.

Прежде на волѣ Приказа о ссыльныхъ лежали назначенія ссыльныхъ въ ту или другую губернію Сибири <sup>2)</sup>, теперь предѣлы его власти и произвола приведены въ болѣе тѣсныя и опредѣленныя границы. Теперь Приказъ долженъ раздѣлять всѣхъ ссыльныхъ на четыре разряда: ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ, сосланныхъ на житье и переселенныхъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Уставъ о ссыльныхъ такимъ образомъ установилъ самую правильную цифру всего количества сосланныхъ въ Сибирь — единственную вѣрную цифру изъ всѣхъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ гдѣ бы то ни было и кѣмъ бы то ни въ Россіи. Цифра эта, предварительно заданная судебными мѣстами имперіи, контролируется потомъ личнымъ появленіемъ пришедшихъ изъ Россіи ссыльныхъ, и опредѣлительно проверяется и окончательно устанавливается отчетами экспедицій. На статистическія данныя Тобольскаго приказа можно съ большою достовѣрностію полагаться, чѣмъ на всякія другія данныя другихъ казенныхъ нашихъ учреждений. Беспорядочность дѣлъ тюменскаго Присутствія по колодничей части (переданныхъ въ 1842 году въ Тобольскъ) до того безнадежна, что и теперь нельзя извлечь никакой опредѣленной цифры, могущей выяснитъ количество даже всѣхъ сосланныхъ изъ Россіи въ Сибирь до 1823 года, т. е. до времени преобразованія сибирскихъ учреждений. Цифра эта такъ и пропала безслѣдно, пропала еще по тому важному обстоятельству, что прежде существовали правила, дозволявшія оставлять ссыльныхъ въ Пермской губерніи на житье; нѣкоторые отбирались для работъ на винокуренныхъ и солочваренныхъ заводахъ той же губерніи. Работа на этихъ заводахъ полагалась въ числѣ работъ каторжныхъ.

<sup>2)</sup> Приказъ назначалъ по Тобольской губ. въ работу каторжную въ крѣпостяхъ и на заводахъ, въ Омскую поселенную рабочую роту, въ цѣхъ слугъ, на поселеніе, въ водворяемые рабочіе, на житье съ заключеніемъ и безъ заключенія, въ разрядъ неспособныхъ и по другимъ сибирскимъ губерніямъ почти въ томъ же порядкѣ, съ нѣкоторыми временными измѣненіями въ пользу какихъ либо государственныхъ или политическихъ соображеній (какъ напр. въ распоряженіе генер.-губернатора Восточной Сибири).

<sup>3)</sup> По мнѣнію государственнаго совѣта, высочайше утвержденному 15-го іюня 1859 года.

Въ западной Сибири для ссыльно-каторжныхъ (кромѣ крѣпостей и Омска) нѣтъ теперь мѣста: всѣ проходятъ дальше, въ восточную; въ западной Сибири остаются ссыльно-поселенцы, поступающіе тамъ въ казенныя работы, чтобы не бродить бездѣльно по волостямъ (какъ это дѣлалось до сихъ поръ). Сосланные на житье оставлены на прежнихъ правилахъ, пока устройство сибирскихъ поселеній и центральныхъ тюремъ не приведено будетъ въ исполненіе. Переселенные въ порядкѣ административномъ получили право жить въ западной Сибири (исключительно<sup>1)</sup>), записываться въ городскія и сельскія сословія и, при хорошемъ образѣ жизни, получаютъ возможность возвратиться въ Россію (только не въ свою губернію и не въ сосѣднія съ нею).

Замѣна пѣшаго препровожденія арестантовъ перевозкою на паровозахъ, пароходахъ и на лошадяхъ постепенно вводилась въ теченіе 1865 и 1866 годовъ, а 27 января 1867 г., установлена даже должность главнаго инспектора, обязаннаго наблюдать за пересылкою арестантовъ и вводить общій, единообразный порядокъ въ дѣйствіяхъ. Для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ отводятся арестантамъ особые вагоны, доставляющіе ихъ въ Нижній. Здѣсь, въ лѣтнее время, готовы, при бузирныхъ пароходахъ, особыя баржи (одна на 300, другая на 400 человѣкъ). Баржи эти представляютъ, въ уменьшенномъ размѣрѣ, подвижной пловучій этапъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и болѣшими удобствами: для арестантовъ устроены внутри баржи три большія каюты. Надъ ними, на палубѣ, двѣ отдѣльныя рубки — носовая и кормовая. Въ носовой четыре каюты: для офицера, его канцеляріи, аптеки и лазарета; въ кормовой рубкѣ: кухня, каюта для нижнихъ чиновъ и карцеръ. Мѣсто между обѣими рубками забрано частой рѣшеткой изъ толстой проволоки и служитъ мѣстомъ для провѣтриванья тюрныхъ сидѣльцевъ. На такихъ баржахъ доставляютъ ихъ по Волгѣ и Камѣ въ Пермь разъ въ недѣлю; изъ Перми до Тюмени везутъ на троечныхъ подводахъ и отъ Тюмени до Томска (по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи) опять плавать водой уже каждыя двѣ недѣли, партіями челоувѣкъ по 500, но въ баржахъ, уже не отличающихся здѣшними удобствами. На зимніе мѣсяцы, по всему главному этапному пути, отъ Нижняго на Тюмень и чрезъ Тобольскъ до Ачинска, учреждена перевозка въ повозкахъ, но за Ачинскомъ, за которымъ уже начинается такъ — называемая Восточная Сибирь, продол-

<sup>1)</sup> Могутъ эти переселенные водвориться и въ Восточной Сибири, если сами того пожелаютъ.

жаетъ еще дѣйствовать старымъ способомъ этаповъ, а съ нимъ и все остальное на старомъ же положеніи.

Нововведенія также не прямо попали въ цѣль—какъ и слѣдовало ожидать, и судя по способу приѣмовъ, до искомой цѣли имъ придется еще блуждать и путаться. Особенною практичностью приѣмовъ мы похвалиться не можемъ, искусствомъ дѣйствовать энергически и смѣло — точно также. Къ тому же, по силѣ моднаго обычая, охотнѣе изучаемъ положеніе извѣстнаго дѣла за границей и, увлекаемые безотлагательною надобностью улучшеній и измѣненій у себя,—стараясь иностранные способы видѣрить прямо въ почву, рѣдко и поверхностно изслѣдуя ея составъ. Большою частію встрѣчаемъ либо противодѣйствующія силы, либо такую крѣпость и затвердѣлость, которыя не поддаются орудіямъ иностраннаго изобрѣтенія и приспособленія, но требуютъ новыхъ и своеобразныхъ. Также точно и въ данномъ случаѣ успѣли съѣздить за границу, не въ первый разъ присмотрѣться къ тамошнимъ приѣмамъ, но оглядѣться дома, поѣздить по своимъ, напр., сибирскимъ границамъ не успѣли. Къ тому же, въ Европѣ намъ и трудно найти полезныхъ указаній по части препровожденія ссыльныхъ. Тамъ вопросъ этотъ стоитъ иначе, потому что для большей части государствъ онъ не существуетъ вовсе, по недостатку колоній для ссыльныхъ; для двухъ (каковы Франція и Англія) онъ обставляется иными подробностями, для насъ неудобноисполнимыми и непримѣнимыми. Для насъ ссыльные колоніи наши не за морями и не за океанами; воспользоваться кораблями своими для этого дѣла мы не можемъ, и приемы Европы, выработанные при этомъ способомъ переправы ссыльныхъ, для насъ не могли бы послужить указаніемъ или примѣромъ. Баржи, приспособленныя къ Волгѣ и Камѣ, какъ продуктъ заграничныхъ наблюденій, даже и съ желѣзными сѣтками (несомнѣнно заграничной покупки), не составляетъ еще всего искомага, не смотря на то, что представляютъ полезную и пріятную новинку. Наши рѣки служатъ намъ только треть года; между рѣками залегли такія огромныя пространства для сухопутнаго путешествія, что подобныхъ нѣтъ уже ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Передъ такими препятствіями не безъ причины остановились проекты побывавшихъ за границей: и въ то время, когда для Россіи на половину воспользовались кое-какими европейскими указаніями,—для Сибири въпросъ еще далеко не тронуть, оставаясь большою частію на прежнихъ положеніяхъ. Вотъ уже потребовалась отмѣна зимней перевозки, потому что и при ней «большая часть ссыльныхъ съ Кавказа, изъ южной и средней полосъ Россіи» страдаютъ болѣз-

нами, и «такимъ образомъ разслабленныя природы не несутъ съ собою задатковъ труда въ край, нуждающійся въ этомъ, а обращаются ему скорѣе въ тягость». Вредное вліяніе климатическихъ условій и суровость зимы, разрушительно дѣйствуя на здоровье большей части ссыльныхъ, вызываетъ неизбѣжную мѣру провозать арестантовъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Когда остановились на мѣрахъ сухопутнаго передвиженія, — придумали фургоны для 12 человѣкъ, послали его въ Иркутскъ для испытанія, пригласили въ число экспертовъ и самихъ арестантовъ, впрягли 4-хъ лошадей, поѣхали по каменной мостовой города, и ожидали блестящихъ успѣховъ, но — какъ часто случается у насъ — самыхъ простыхъ практическихъ соображеній не выяснили. На рисункѣ 12 человѣкъ умѣстились красиво, на практикѣ оказалось имъ тѣсно: надо было сидѣть — не шелохнуться: хуже вагоновъ 3-го класса московской желѣзной дороги, чуть не самое ваторжное испытаніе для путниковъ на тысячи верстъ и на цѣлыя недѣли. Подъ скамьями можно было запрячь только тѣ вещи, которыми снабжаетъ казна (и то не всѣ). Но главное: не находилось подрядчика на цѣны, предложенныя казною; самый экипажъ оказался на столько тяжелымъ, что на горѣ да въ грязь и десяти лошадямъ везти его не подъ силу. Такимъ образомъ настоящіе цѣнители-практики, арестанты и подрядчики, совершенно разошлись во мнѣніяхъ съ изобрѣтателями-теоретиками. Для насъ не важна исторія фургона — мы приглядѣлись къ цѣлымъ тысячамъ таковыхъ; поучителенъ для насъ первый шагъ иркутскаго начальства въ ту сторону, куда еще до сихъ поръ не ходили, гдѣ еще не справлялись, — въ сторону темную, мало изслѣдованную, презираемую, кинутую на произволъ судьбы и во мракъ невѣдѣнія. Можетъ быть здѣсь-то именно и откроются многія причины тому множеству ошибокъ и неудачъ, о которыхъ мы упомянули мимоходомъ и на пути — именно въ эту темную и неизвѣстную сторону. На нее указала намъ нѣвогда наша добрая воля и собственное желаніе, а теперь ведетъ насъ прямо туда и послѣдовательность самаго разсказа.

Русскій народъ называлъ ссыльныхъ несчастными. Это названіе оставляемъ мы и за всѣми послѣдующими нашими разсказами, не имѣя пока никакихъ основаній для замѣны его новымъ заглавіемъ.

Вотъ эти несчастные, и прежде всего — *въ дорогѣ*.

## I.

## ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердые наши батюшки,  
 Не забудьте насъ, невольниковъ,  
 Заключенныхъ, — Христа-ради! —  
 Пропитайте-ка, наши батюшки,  
 Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!  
 Сожалѣйтесь, наши батюшки,  
 Сожалѣйтесь, наши матушки,  
 Заключенныхъ, Христа-ради!  
 Мы сидимъ во неволюшкѣ —  
 Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,  
 За рѣшетками — за желѣзными,  
 За дверями — за дубовыми,  
 За замками — за висчяни.  
 Распростились мы съ отцемъ, съ матерью,  
 Со всѣмъ родомъ своимъ — племенемъ.

*«Изъ Милосердной».*

Вотъ, въ какую простую форму сложились, и какую нехитрую пѣсней сказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ, — просьба, обращаемая обыкновенно къ сердоболью обитателей спопутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а содержаніе и складъ ея, и особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприглядностью и несовершенствомъ этихъ картинъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, небогатыя содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ; отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родинѣ, которая тогда была для меня и далекою и отдаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ, въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея углыхъ и старыхъ домовъ, въ которомъ засадили меня весенняя распутица и бездорожица.

Я сидѣлъ и слушалъ: и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какаго-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая усталую и наболѣвшую грудь жествой лямкой, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приурочивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою, бурлацкою, на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе, и досужее воображеніе мое спѣшитъ рисовать уже инныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ; и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣгѣ у матушки,  
Во прохладѣ у братьевцовъ, —

выливаетъ все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго готова только внѣшняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ-будто собрала въ груди все накопившее горе и всѣ слезы, и какъ-будто въ послѣдній разъ въ жизни, рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ, безъ оглядки, вслухъ всѣмъ, безъ стыда и срама. Напѣвъ нашей пѣсни въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый, и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе поспѣшило подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины, — и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покривившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человѣкъ; изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны эти плачи въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣе напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равномерно законченны, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу... Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась ихъ пѣсня, вся цѣлкою, я забылъ о всяческихъ сравненіяхъ; я бро-

силъ ихъ, какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличить и выдѣлать изъ цѣлага. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ, и самая пѣсня эта показалаь тогда сплошнымъ стономъ; но стоналъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ, — стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни единаго); слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ щемили сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовой тяжестью всяческой каторги, гдѣ человѣку хуже и безотраднѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ!

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни, и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ, и смѣю увѣрить, что ни одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ такъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстраданная арестантами въ тюрьмахъ и на этапахъ. На тотъ разъ кандалная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть прямо на каторгу.

Но пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Мы послѣдуемъ за этой толпой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить поги; самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышный и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой — такъ давно и всякому извѣстно — на каждыя ноги на дѣваются тяжелыя пятифунтовыя цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь — преднамѣренная, ради сбора подаяній, и вышла она торжественною потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣніемъ и вводитъ въ артельную пѣснию свой разбитый голосъ, чтобы такимъ образомъ мольба была общеою и конечнѣе била въ сердобольныя души слушателей.

И стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни, и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, словно боится выронить изъ нея слово, сфальшивить тономъ, и поетъ усиленно-громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и воинные и пѣшіе: казаки и солдаты; задумались даже эти привычные люди, и задумались до того, что какъ-будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаваніе. Пѣсня возымѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаванія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ, и не поднимаютъ.

А между тѣмъ несетъ въ нимъ посильное подаваніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій вся ушла въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ одними только вздохами. У ней нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взяли послѣднія, когда она слышала на улицѣ эту «Милосердную», откуда взяли и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Даетъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладанъ; даетъ она эти деньги, даетъ, стыдится — и прячется, чтобъ не видали всѣ.

За бабушкой Анисей (хотя и не костлявой, даже жирной рукой) даетъ свою обрядовую и условную милостыню торговый крестьянинъ, купецъ, вчера только успѣвший оплестъ доврчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу «наживанья» капитала. Несетъ онъ свое подаваніе — и оглядывается; даетъ — не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащитъ свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и срока, и домашнія невзгоды, которыя скопили на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ на свѣчу Богу, изъ спрятанныхъ на черный день и на недобрый часъ.

И всѣмъ имъ въ отвѣтъ, пропоютъ уже арестанты за деревней таковую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,  
Что не забываете вы насъ,  
Бѣдныхъ — несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывятся подъ названіемъ «Милосердной». Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири; но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣва



нищихъ и сборщиковъ подаваній на церкви: «Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ Христа-ради». Словами этими просили милостыни *голосъ*, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ, своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и неизвѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, — право просить къ недостающему казенному содержанію посильныхъ прибавокъ отъ добродѣтельныхъ дателей; но по Россіи «Милосердную» замѣняетъ бой въ барабанъ. Этотъ бой ведетъ къ той же цѣли и обезпеченъ тѣмъ же результатомъ, хотя — по сознанію арестантовъ — и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту «Милосердную» вдоль Россіи протянуть, дай-ка: мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ — не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ — дѣло казенное: въ барабанъ солдатъ бьютъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно, телячья шеура того не скажетъ, что зыкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія:

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и довѣренные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочный день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами, на улицѣ, арестантская партія, на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя обѣщаетъ она арестантамъ, тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злоключеніе, тѣмъ пуще и горче, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе котораго въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

«Тамъ, — думаетъ народъ, — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, врыты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ врыты

ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не вынуть, и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыха. И изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печаляхъ, затѣмъ, что ужъ имъ и всякій выходъ заказанъ и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока—глубока, да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься: казна вездѣ найдетъ. Изъ песку веревочки не совьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь: и кости по родинѣ заплачутъ. И помочь бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе злоключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный, авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить: онъ вамъ и путь управитъ и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копѣйка нещербатая, чѣмъ богатъ — тѣмъ и радъ!»!

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаванія въ примѣтномъ обилии, и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни, и у которыхъ заработная копѣйка только насущная, безъ лишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благодворенію въ этой толпѣ еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успѣли снизойти до обычая, который всегда предполагаетъ срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій: онъ ждетъ только напоминанья. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука вандаловъ, чтобъ вызвать порывъ этотъ на дѣло, обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ народной толпы сходитъ на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копѣйки не подшибаетъ. Но тѣмъ не менѣе пожертвованія идутъ справа и слѣва, въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыряхъ, и въ богатомъ еупеческомъ Замоскворѣчьи; на торговой Таганкѣ и въ извожичьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благопріятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли появившійся на улицу прохожій повунателъ, или приговоранный въ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ

торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны; едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разнища.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но, за дѣломъ и недосугомъ, ждуть сильныхъ возбужденій. Жизнь этихъ людей, принужденныхъ исвать системы и порядка, проходить разбѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому «дни довлѣетъ злоба его». Есть въ средѣ этихъ дней и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по случайностямъ житейскимъ, но опять-таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило широкое раздолье русской земли монастырями и церквами, и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радуніцы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники, издавна обусловлены обязательно хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ, Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, которое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго «рука дающего не оскудѣваетъ», цѣлостнѣе и определеннѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны — зажиточная жизнь и матеріальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. «Одѣнемъ нагихъ — говорятъ они въ своей пословицѣ — обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жаждыхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе»; «денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбрѣтеть»; а потому «одной рукой собирай, а другой раздавай», ибо «кто сирыхъ питаетъ — того Богъ знаетъ», а «голаго взывать: Богъ и въ окошко подастъ». Эти правила-пословицы дошли до насъ

отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисуящемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью усладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Нивона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи («пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобоекъ, иногда мучьки и овсеца»), и отъ воеводскаго приващика («мучьки гривенокъ съ 30 дасть, да коровку, да овечекъ съ 5—6, мяско»). На Байкалѣ, незнакомые, встрѣчные русскіе люди, надѣлили пищей, сколько было надобно: «осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть, Богъ, въ запорѣ, намъ дасть: возьми себѣ всю»; починили ему лодку, зашили парусъ, и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣялъ самъ царь съ царицею и боярами (пожаловалъ царь 10 рублевъ денегъ; царица 10 рублевъ денегъ; Лува, духовникъ, 10 рублевъ же; Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же; а Ѳедоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть»).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстные въ западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія возросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, и для ссыльныхъ людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большого запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражѣимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и черезъ-чуръ суровое исполненіе службы приставами съ другой), въ стараніи восполнять, избыткомъ участія однихъ, крайній недостатокъ того же у другихъ: во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнаннической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои приемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благодѣющая успѣли изжить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней, въ томъ

дѣльною (хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ), что насъ уже особенно и не дивять денежныя пожертвованія, высланныя въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающихъ, внѣ ихъ, отъ голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Такъ, напр., когда замѣчено было (въ 1767 г.), что подаваніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу, — велѣно наблюдать, чтобы изъ подаванія въ руки каждаго колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря однакожь на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ, и не прекращается. Даже какъ будто возрастаетъ она по мѣрѣ того, какъ усложняются противодѣйствующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими поддерѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ-нибудь внѣшнимъ признакомъ, напоминаемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и по дозволенію начальства, къ единственному, доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири — пѣніе «Милосердной», производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по признанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатыя подаванія, эти вызовы тѣмъ болѣе необходимы, что маршрутъ идетъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ по преимуществу сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ. Вотъ что я слышалъ тамъ:

— Въ нашей партіи на каждаго человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуванили (дѣлежь дѣлали). Пр — въ да С — въ такія жертвы владутъ, что вся партія дивится. Пр — въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ

Богородскомъ наказаль дать серпанки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любить: меньше десятирублевой рѣдко кто подаетъ. Именинникъ, который выпадетъ на этотъ день, — тотъ больше жертвуетъ.

— Владиміръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаваніе сходитъ малое. Вязники Владиміра лучше, но тоже не изъ щедрыхъ. Нижній Вязники перехваталь: на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольнѣе, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень; а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живеть. На подаванія они не скупятся....

— Я вотъ (грѣшный человѣкъ!) хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рублей и сюда принесть: съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ бы и триста, кабы не вензюбель. Поселенцы каторжныхъ бережливыѣй, такъ тѣ и по пятисотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ добротныхъ подаваній и казенныхъ кормовыхъ копѣекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Во время остановокъ по тюрьмамъ, они получаютъ иногда подаванія натурой, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадежный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжаетъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодецъ, въ сибирѣѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывается прикащикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодецъ этотъ обыкновенно находится въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партіоннымъ офицеромъ и съ вѣдома его ведетъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагаетъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недалекомъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Даетъ онъ немного, но даетъ наличныя деньги, и при этомъ беретъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозитъ съ собою и изумляя только однимъ, именно, необыкновенною ловкостью

въ покупкѣ, умѣнемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершается въ какихъ-нибудь три или четыре часа, и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ: обстоятельство, приводящее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ<sup>1</sup>, молодецъ этотъ успѣваетъ привезти и сдать купленные вещи хозяину, хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, повернутые въ казну ловкимъ перекупнемъ, поступать опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности, обнашивать не приходится: меньше полушубокъ отшибаетъ той дрянью и запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчинамъ не жить,—думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло приказицѣ обдѣлать, а все же я рубль на рубль нажилъ: и слава Богу! въ коммерціи нашей безъ этого нельзя, — думаетъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животъ дешевымъ и привычнымъ чаемъ и вслякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованью не лишнее придатокъ получить дѣтишкамъ на молочишко,—смекаютъ про себя третьи, и, довольные другъ другомъ, ведутъ подобныя операціи уже не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Ведутъ подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключается въ томъ, чтобы соблюсти форму, и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частію полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ: съ такими-то пожалуй ему и расставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же; тотъ же подрядчикъ охотно ихъ купить, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейнгаузъ<sup>1</sup>).

Словомъ — довольны всѣ дважды, но разумѣется довольнѣе всѣхъ остаются арестанты, и потому, что видятъ заботливость

<sup>1</sup>) Подъ Тобольскомъ въ подспорье мощнѣ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станціи кандалы у поселщиковъ покупали заранѣе, потому что, по приходѣ въ городъ здѣшнія желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая разумѣется никогда не провѣрялась.

начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣютъ капиталъ въ размѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ, и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держаль, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носить другое названіе — пьянаго) и разсчиталь правильно; давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставляль ее упиваться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходиль на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаванія. Тѣ и другіе пополняли истощенные капиталы, которые вскорѣ опять усиливались денежными дачами отъ старо-обрядцевъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени.

Деньги, всесильныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщаютъ этапный путь, богатый мракомъ, и спасаютъ арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ злоключеній. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга; безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь и подневольная и зависимая. Знаютъ это начальники—и берутъ, знаютъ это арестанты—и дають деньги за все, за что потребуютъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, безсовѣстный произволь. Произволь и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сдѣлана изъ разнаго рода и вида притѣсненій и вымогательствъ. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнію, въ такой формулѣ: всякій человекъ по всяческому праву ищетъ свободы; но лишенный ея — еще сильнѣе и настойчивѣе. Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь; не въ твоихъ это силахъ, не въ твоемъ это правѣ; ты самъ мало свободенъ. Но ты человекъ тертый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда, и можешь удѣлить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить; а намъ все равно; мы сдумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня: возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя; знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о



затраченныхъ деньгахъ; попенять на себя за малодушіе: птичьаго-де молока захотѣли, но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, имѣющіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли, на этотъ разъ, за деньги не покушное, завѣтное наше право.

Покупаютъ арестанты все; даже право на подаваніе не всегда достается имъ даромъ, и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальніе этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести? — спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный.

— Хорошими, ваше благородіе, — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ.

— Соблаговолите въ барабанъ бить, и прохладу дайте — прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стодить; барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на радovýchъ, согласны-ли? — говорилъ офицеръ.

— Идетъ! — отвѣчали бывалые изъ арестантовъ, съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора; и начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, «что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выероишь, хоть всѣ иди въ сладчину»; но не дойдутъ еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разобьются. Партія пойдетъ медленнымъ, замѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ, а дома ихъ хорошо знаютъ и командиры и сами арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и навсегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-ваторжные въ кандалахъ; въ срединѣ ссыльно-посе-

ленцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ въ цѣпи почетверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ въ цѣпи идутъ ссылаемыя на каторгу женщины; а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ больными и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди, и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты, и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 пополудни), въ Петербургѣ, у Владимірской (хоть, напр., въ Кузнечномъ или Демидовомъ переулкахъ); послѣдите ее за Москвой, за Екатеринбургомъ; посмотрите на нее подъ Тобольскомъ; все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда, окажется пробѣлъ на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со времени Сперанскаго, замѣчательно постоянство и однообразіе.

Привычный, не разъ присмотрѣвшійся, усмотритъ, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивается и вытягивается во время прохода партіи городами, и распускается, развертывается свободнѣе и красивѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая и поддѣльная форменность существуютъ только для Россіи и въ Россіи<sup>1)</sup>; въ Сибири арестанты идутъ вольнѣе и распущеннѣе. Тамъ за параднымъ порядкомъ не гонятся, чѣмъ премного обязываютъ арестантовъ, которые больше довольны дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибиваютъ:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею — по-россійски. И даютъ кандалы шею, даютъ плечи, а имъ и безъ того на ходу тяжело: все онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу — по-сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молъ, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значить въ свою сторону пришелъ; и если, молъ, не совсѣмъ она тутъ, то теперь уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что вратъ не велить. Въ Расеѣ смиреніе напускай, — за угломъ дѣлай, что хочешь; въ Сибири

<sup>1)</sup> Одному художнику, желавшему уловить характерный беспорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основной фонъ для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ поле, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ ограничиться личной фантазіей и далъ картину, мало напоминающую вѣрный растанъ въ его настоящемъ, правдивомъ видѣ.

иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся: не заставляють.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человѣкъ, коли часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся», а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ, не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ за тѣмъ только, что проще другихъ — глупѣе, говорить надо; значитъ — попался, хоронить концовъ не умѣлъ...

До Тобольска партіи идутъ въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣляются, давая такимъ образомъ возможность видѣть почасту на подводахъ, слѣдующихъ за партіей, мужчинъ и женщинъ, сидящими вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знаютъ, что это — счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться, и войти въ сношенія между собою и съ этапными. Съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность приобрести право принанять за собственные деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ при этомъ то, что почасту подвода нанимается въ складчину и стало-быть на однѣ сани садятся по двѣ и по три пары. По словамъ знающихъ людей, женщины-преступницы выработываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгій срокъ, какой полагается для перехода партіи до Тобольска. Этапная любовница особенной охоты къ супружескимъ узамъ не показываетъ; она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и не много подольше любить развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обезпечиваетъ всегда туго-набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійство дѣтей, а оба эти преступления вызываются ревностью и обнаруживаются въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти съ одной стороны послужили къ гибели и ведутъ на каторгу, съ другой — изъ пересыльной женщины дѣлаютъ легкую добычу для аматѣровъ. Любители эти — по большей части этапные солдаты — (на полуэтапахъ, напр., бабы — по уставу — ночуютъ въ солдатской караульнѣ), меньшая половина — товарищи-арестанты. Впрочемъ не рѣдки случаи и постоянства въ любви въ формѣ даже какъ будто гражданскаго брака въ тѣхъ случаяхъ, когда защемило женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе эти связи нельзя не считать въ числѣ

главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держится народъ обоего пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскимъ острогомъ согласно свидѣтельству- ютъ о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любясь издали на мою- щихся въ банѣ арестантокъ. Подкупъ для достиженія желаемой цѣли почти всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и на- силіе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлаютъ правиль- ныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшпать; ему накинута на голову платокъ и долго щего- тали его до тѣхъ поръ, пока ему не удалось вырваться, изъ весьма опаснаго для жизни его положенія, словомъ—пока онъ по- стыдно не бѣжалъ.

Этапы во всякомъ случаѣ представляютъ больше удобствъ для сближеній на случай любовныхъ интригъ. Такъ объясняютъ и сами арестанты:

— А не выгоритъ дѣло, — не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Чтò-жь это значить?

— Въ большомъ городу или на хорошемъ этапѣ къ лаза- рету пристраиваемся. Господа дохтура въ нашему брату жалост- ливы: отдыхать позволяютъ. А то, такъ и фелшаровъ покупаемъ: эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь — навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Тобольска проходитъ. У смотри- теля тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подаришь ему успѣха-ради: онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣ- лать?! Фелшаръ, однако, дешевле смотрителя. Этотъ за четвер- такъ на койку положить, за двугривенный выпустить <sup>1)</sup>.

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ мно- гіе другіе арестанты), тому траты большія; тому денегъ надо много. Деньги ему надо на подводы; надо всякому солдату дать;

<sup>1)</sup> Замѣчено, что женщины родятъ, до прихода въ Тобольскъ, дорогой. Придя въ приказъ, просятъ вступить въ бракъ или назначить въ одну губернію съ возлюблен- нымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставшіе на родинѣ жену или мужа съ дѣтьми и не лишеныя всѣхъ правъ состоянія и слѣдовательно не расторгнутые въ бракѣ, просили при жизни еще кого-либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуеъ одна официальная бумага.

офицеру — статья особенная. Опять же на водку изведетъ онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка: во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежныя подаванія меньше, все больше харчемъ да вздохами. Коли не скопилъ денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданчики (т. е. отгушники) <sup>1)</sup>. Майданчику и баба другой стороной кажетъ: въ ней онъ пользу видитъ и по портняжному дѣлу. Во всякой рухляди ваторжному большая нужда настоять.

— Кто же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, нечѣмъ трезвыхъ. Такихъ совсѣмъ почти нѣтъ. А пьетъ народъ, такъ и пропивается, а затѣмъ и забираетъ въ долгъ у майданчика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собою унесъ: портной ты — иглой вовырай; сапожникъ — дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ: и ужъ во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это всѣ майданчики и разумѣютъ, и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданчиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданчикъ первый богатъ въ свѣтѣ. Копѣйка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибивается. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тобольскѣ ожидаетъ этапныя партіи тюрьма и въ ней отдыхъ. Тобольская тюрьма самая большая, самая просторная изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи, по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изъ всего времени, назначаемаго для растаховъ (отдыховъ). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній по проектамъ гр. Сперанскаго, существуетъ Приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто «Общаго по колодничьей части присутствія», бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени. Приказъ занимается сортировкой всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частныя статейныя списки и составляетъ новыя. Употребляя на это значительное количество времени, Приказъ такимъ образомъ даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятель-

<sup>1)</sup> Это — денежные и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ слѣдующей главѣ.

ства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играетъ весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчаютъ, что арестанты выходятъ оттуда опытнѣе; артели ихъ устроиваются плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая превосходный и разнообразный дневникъ происшествій, является чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимыя для исключительнаго его положенія, для его новой жизни, въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкой по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюрьмой идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленныя, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ Приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существуетъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ этихъ работъ <sup>1)</sup>. Вмѣстѣ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ рѣку дѣланіе фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играетъ какъ-будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ бы роль проходнаго, только постоялаго двора,—важна для проходящихъ партій главной стороною своей: коренной и самостоятельной наукой — наукой жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи, на тѣхъ же этапахъ. У тобольской тюрьмы своя исторія, оригинальная и поучительная исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ російскихъ тюремъ. Это—резервуаръ, куда стекаются всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣютъ въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ приемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпь, въ тачкѣ, и проч. (но объ ней скажемъ отдѣльно).

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлятся на десятки, для каждаго десятка назначается особый начальникъ — десятскій; надъ всѣми десятскими—главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссыльныхъ утверждаетъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣетъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся пу-

<sup>1)</sup> Съ этаповъ арестанты не бѣгутъ, — какъ уже сказано и какъ узнаемъ еще объ этомъ впоследствии.

тешествующая община арестантовъ. Староста этотъ обыкновенно собираетъ подавнїя, когда несутъ таковыя по пути; онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ днѣвка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ идетъ богачемъ, съ запасомъ новыхъ свѣдѣній насчетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей насчетъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появляются двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ изъ сѣраго сукна, съ единошерстнымъ родичемъ — штанами и на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная. На зимнее время движимое имущество его еще больше возрастаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ бапльва, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующіе крестьяне. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, — охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданщикъ, крестьянинъ спопутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не свыше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника, цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. и шерстяныя варежки и кожаныя голицы вмѣстѣ) не свыше двугривеннаго. Продають больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли; выпорютъ за это непременно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно, а новыми вещами снабжать также непременно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одѣвка такимъ образомъ производится въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматываніе вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый изданъ былъ еще въ 1808 году.

Тобольская тюрьма на этапный путь производитъ то вліяніе, что составу партій даетъ иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда пойдутъ отдѣльно: каторжные — своей партіей, поселская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей, отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты съумѣютъ эти партіи спутать и намѣченный закономъ уставомъ видъ измѣнять по своему уставу, но въ Тобольскѣ объ сортировкѣ усердно хлопчутъ. Разъ въ недѣлю выходятъ оттуда либо кандалная, либо женская и потомъ поселская, либо таеъ: первая кандалная; первая, вторая, третья

посельскія; потомъ женская; опять посельскія: четвертая, пятая; вторая кандалная и потомъ опять четыре-пять посельскихъ: одна за другою по-недѣльно. Идущіе въ кандалахъ идутъ вольно, отдѣльно; посельщиковъ по три, по четыре пары привоковываютъ къ цѣпи въ наручнѣвахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь,—прежде ходили привоканными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія, на рукахъ появлялись опухоли и раны; на приврѣшленные къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать этими руками никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождающій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута. Ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынутъ только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали всѣ прочіе, приврѣшленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ,—всѣ товарищи должны были его сопровождать. «Ужасъ и уныніе,—свидѣтельствуется офиціальнымъ актъ,—замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовленія приврѣшлять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемая къ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь, въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что прутья для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ». Путья, просуществовавшія восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойніе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждой — всѣ должны стоять и дожидаться, а сковываютъ иногда человекъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ съумѣли, медленнымъ ходженіемъ (при чемъ нельзя распознать перваго виноватаго), до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли,—надо ночевать на полустапѣ; опять день идти,



чтобы попасть на этапъ. Здѣсь днѣвка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошнему). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и днѣвки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской тюрьмы опять на свѣжій воздухъ, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ:

На первомъ привалѣ за Тобольскомъ арестанты устраиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ таковой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ, арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тобольскѣ, по приказу чиновниковъ, эта новая артель въ то же время имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній; она тоже является въ готовой формѣ, Богъ-вѣсть, когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нея не только не ходятъ по этапамъ, но не живутъ и въ тюрьмахъ. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста; въ арестантской — откупщикъ, *майданщикъ*: вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но въ сущности огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операций. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе воды; 2) содержаніе картъ; 3) сѣстныхъ припасовъ; 4) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потолще другихъ кошна, который самъ бывалъ въ передѣлахъ, и дѣло торговли ему и знакомое, и привычное. Это большею частью люди бережливые, свопомы, у которыхъ замерзло въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ; для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не безпорядочна, не разбита

отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же отгѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднѣе и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпустятъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ махлячили торговлей, и по этапамъ съумѣли уберечь и припрятать кое-какую копѣйку.

Откупныя статьи поступаютъ по бѣльшей части въ однѣ-двои руки, но если идетъ большая партія (напр. свыше ста чело-вѣкъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкой и всѣми возбуждающими сластями и удовлетворяющими наслажденіями; въ третьи руки идетъ торговля харчемъ и доставка съѣстныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ торги устанавливаются обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существуютъ до Томска, гдѣ впервые разбивается партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устраиваются новые торги, до Красноярска; въ Красноярскѣ — до Иркутска; въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходятъ партіи чело-вѣкъ въ 200 и болѣе<sup>1)</sup>. Заплативши артели нѣсколько рублей, а иногда и десятковъ рублей за право торговли, откупщики-майданчики обязаны уже

<sup>1)</sup> Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между тѣмъ среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (50 разъ въ году) отправкѣ по этапамъ бываетъ:

Отъ Полтавы до Харькова . . .	30
» Харькова до Воронежа . . .	34
» Воронежа до Тамбова . . .	40
» Тамбова до Пензы . . .	43
» Пензы до Симбирска . . .	47
» Симбирска до Казани . . .	69

Въ Казани же присоединяется и московская партія (изъ ссыльных окрестныхъ губ.), пополненная петербургскою (изъ арестантовъ финляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонечскихъ). Московская (соединенная) партія растетъ такъ

Отъ Москвы до Владиміра . . .	72
» Владиміра до Нижняго . . .	80
» Нижняго до Казани . . .	85

Въ Казани такимъ образомъ собирается уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (куда сходятся изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число ссыльных среднимъ счетомъ бываетъ 171.

Отъ Дебесъ до Перми . . .	178
» Перми до Кунгура . . .	182
» Кунгура до Камышлова . . .	189
» Камышлова до Тюмени . . .	194
» Тюмени до Тобольска . . .	220

имѣть все, по первому затребованію арестантской общины. Часть денегъ, полученныхъ съ откупщиковъ этихъ, дѣлится поровну между всѣми остальными; другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣницу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ начальниковъ (офицера или унтеръ-офицера): право проѣхать «Милосердную» и собрать въ сподручній деревнѣ на артель деньги и съѣстные припасы,—право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ кабакъ откупщику или его подставному помощнику,—снять кандалы на честное варнацкое слово и принаять, сверхъ казенной, на артельную деньги лишнюю подводу, куда садятся слабые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы <sup>1)</sup>.

— Гдѣ же нанимаются подводы?

— Сами этапные лошадей держатъ: солдаты тѣмъ и живутъ. Живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливъ ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло пойдетъ, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ. Подъ Казанью былъ этапъ и прозывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спаивали всѣ партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы—люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

— Прислушайтесь:

«Вышли мы изъ Тобольскаго городу, и не отошли верстъ десяти — слышимъ: кричитъ этапный, который шель съ нами:

— Староста!

Подбѣжалъ къ нему староста.

— Спроси партію, по сколько дастъ за статейные списки?

Спросилъ староста партію; отвѣчаютъ:

— Давай по пятаку съ рыла.

— Мало, отвѣчаетъ. Пускай-де дають по гривнѣ! — и ото-  
слалъ старосту.

<sup>1)</sup> На тѣ времена, когда по малолѣтству партіи не сладится откупа, и не будетъ майданщика, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія, запроданныя на откупъ,— на тѣ времена сами игроки обязаны защищаться полтинникомъ или четвертакомъ противъ унтеръ-офицера. За 10—15 коп. съ майдана охотно берутся защищать игру часове и тогда ведутъ подвохъ за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальше возможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ, оконченномъ и опредѣленномъ видѣ.

Тотъ въ артели.

— Давай по восьми копѣекъ!

Не беретъ: безъ запросу-де.

— Ну, чортъ съ нимъ, отсчитывай ему, по гривнѣ.

Развязали мошны, отсчитали деньги, передали старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычитали каждому вуды и вагъ. А знаемъ: даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведетъ до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать долженъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру: инъ быть дѣлу такъ! А бывало дѣло, и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже чловѣкъ бѣдный».

— То ли бываетъ!!—говорили другіе ссыльные. И кто знаетъ, съ чего это; оттого ли, что такъ подобаетъ, или по какому по другому закону: мы не домекались, а слышали не разъ, вагъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ: «Староста! а что бы партіи-то этапнаго начальника яичками попотчивать». Приходилъ староста въ партію, объявлялъ.

— Можно!—сказывали и отбирали чловѣкъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуну эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную «Милосердную»; на пѣсню выносили яица, а изъ яицъ господинъ начальникъ яичницу себѣ стряпалъ и кушалъ въ полное свое удовольствіе.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и разспросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провожатыми партія старается жить ладно и во всемъ имъ угождаетъ. Въ свою очередь и офицеръ, глазъ-на-глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она бы не распалась. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подогнано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣнье, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего: дѣло всѣму міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите—и тотъ съумѣетъ отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывать—подгрунтовка сейчасъ окажется, не тѣмъ, такъ другимъ краемъ. Инвалидныя мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славились, что лучше ерѣпостной деревни были. Хороши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя таковы же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было

распознать человѣку, что вотъ и еще житейская задача — влечь и ладить утлое житейское судно свое между ножемъ и артельнымъ подуштофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за вротость права и уживчивость. Хорошенько поглядишь дѣло — и видишь, что жизнь дарить только двѣ крайности: либо въ стремя ногой, либо въ пень головой; сегодня — деньги на приварокъ отъ артели, изъ доброхотныхъ подаяній, если дано ей посильное послабленіе; завтра — всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человѣкъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменная отставка.

Вотъ тѣ искусственныя крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжествомъ и тюрьмой люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а пожалуй и отъ той же забалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку, приставники въ свою очередь должны поступиться кое-какими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогѣ у тѣхъ и другихъ выходитъ круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этаповъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Бываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ большею частію на Забайкалье, на мѣста, сосѣднія каторгамъ; а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой дороги такая лѣсная трещъа, что стодить вскочить въ нее — и собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежитъ снѣгъ глубокими сутробами, а стоитъ весна-красна или лѣто жаркое, трава-муравъ шелковая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяныя. Стодить, сговорившись всѣмъ, крикнуть «уру», чтобы вся партія разомъ схватилась съ мѣста и брызнула что вода изъ чана, въ разныя стороны: что тутъ какихъ-нибудь 20—30 конвойныхъ противу ста или полтора-ста предпринять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старыя кремневыя ружья съ осѣчкой! Да не въ томъ дѣло.

— Бѣжать съ этапа невыгодно, — увѣряютъ бывалые арестанты. Да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ и сказываютъ: «Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣглаго въ партіи не было. Урвется который — всю партію къ цѣпи прикую». А наложить цѣпь: для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ, эта цѣпь суставы ломаетъ; зимой отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партіи одинъ разъ стряслось такое дѣло: наложили. На морозѣ цѣпь настала, холоднѣе самаго морозу стала, и чего-чего мы на переходъ-отъ этотъ не напрімались! Мозгъ

въ костяхъ, важись, замерзать сталь, — таково было маетно и больно, и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!... <sup>1)</sup>

«У насъ (говорили другіе ссыльные), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да не бывалый — горяченькій. Токнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минуемъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померекали, пришли къ начальнику:

— Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣглаго съищемъ, чтобы вамъ со счету не сбиваться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.

— Ладно! говорить.

Офицеръ былъ старый: свое дѣло зналъ, да зналъ онъ и нашего брата, чутокъ былъ на варнацкое слово <sup>2)</sup>.

— Ступайте! говорить; и конвойныхъ намъ не далъ. Пошли мы отъ своей артели; пошли на ея страхъ; сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра на другой день взяли. Въ полудень черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибылого да новенькаго: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцати, а наши ребята старика сгребли, лѣтъ пятидесяти. Старикъ — бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что пня: не искать стать.

— Не того привели! сказываетъ офицеръ.

— А вамъ, молъ, ваше благородіе, не все равно?!

Подумалъ начальникъ; согласился принять этого. Былъ бы, значить, счетъ вѣренъ; а тамъ наводи справки, на чемъ этапъ смѣна сталась....

— Ну, а старикъ? спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ: дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь и погулять хочется, и кого-де вы еще мнѣ подставите: можетъ каторжнаго, можетъ безсрочнаго... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывалъ много: всѣмъ намъ слова его смѣшны даже сдѣлались.

<sup>1)</sup> Освобождали отъ каната, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человѣка, какими деньги удерживались изъ кормовыхъ.

<sup>2)</sup> Варнацкое слово, варнацкая честь — условныя названія хорошо извѣстнаго сибирякамъ новаго элемента въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ въ тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются еупцы, вѣряя на честное слово, по одной накладной, товары вознимаъ, а смыслъ самыхъ словъ сдѣлается окончательно понятнымъ, когда обнажатся въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово *варнакъ*, *чалдонъ* — бранныя прозвища, адресуемыя сибирскими старожилами всѣмъ бѣглымъ изъ тюремъ, съ заводовъ и съ мѣста поселенія и водворенія.

— Ты, моль, старь человекъ, а глушь очень. Чортъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включенъ. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты сиди въ теплѣ. На морозѣ-то-моль, дуракъ, хуже, да и не на всякій день харча промыслишь, а въ острогѣ казенный.

Подумаль старикъ, — сдаваться сталъ. Сказываетъ:

— Не осерчалъ бы начальство которое...

— А тебѣ-моль съ нимъ дѣтей крестить! Пушай серчаетъ, пушай справляется: не что ему дѣлать, начальству-то твоему: вишь пожалѣлъ!... Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣситъ за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродилъ. Этого, братъ, баловства и въ Расеѣ не любятъ.

Старикъ опять подумаль, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошелъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ станетъ сказываться непомнющимъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станеть.»

Обычай мѣняться именами, любовь ко псевдонимамъ, на этапахъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашается бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этаповъ, чтобы объявиться потомъ поселенцомъ вблизи самой каторги, когда облагодѣтельствованный имъ, прикрытый его званіемъ каторжника остался далеко назади и гдѣ-либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами поселщика. Обычай этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающаго поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами лозъ, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обмѣнъ именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обоимъ предстояло пробить за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцемъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленій къ побѣгу и невозможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбѣжно шествуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человекъ. Пришла она на полу-этапъ, всегда тѣсный и непомѣстительный. Арестанты пошли на денежную сдѣлку съ офицеромъ. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ, и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ,

выбранился, выборилъ всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣрїи и крѣпко пригрозилъ. Партія почувствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-скороходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣглецовъ своихъ. Привели къ начальнику. Офицеръ возмимѣлъ желаніе наказать ихъ и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сту розогъ.

— Теперь позвольте намъ самимъ еще раздѣлаться съ ними, просила вся артель и, получивши согласіе, прибавила отъ себя каждому еще по пятисотъ розогъ, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого, привычнаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ, этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій іюльскій день соблазнилась на озеро холодное: искупаться захотѣла и, получивъ дозволеніе, сняла вандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большая), насладилась запретнымъ удовольствіемъ, на сборномъ пунктѣ явилась вся до послѣдняго человѣка. На Борщовскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ четвертой партіи бѣжало сразу 6 человѣкъ, и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ примѣтно усложняются и каждая партія расскажетъ непремѣнно не одинъ случай вымогательствъ съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной: Конвойные не упускаютъ ни малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдатъ носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этапный солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ наградить себя за многотрудную службу свою и немудреный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ надзираетъ. Словно цѣлую жизнь онъ не ѣлъ и вотъ теперь, въ боязни умереть голодною смертію, хватаетъ зря, что попадется, не гнушается никакой скверной, не боится грѣха, что вотъ и нищаго сгрѣбъ въ ослѣпленіи и иступленіи ума своего и деретъ съ его голыхъ плечъ послѣдній кошель. На практикѣ выходитъ такъ, что гдѣ солдаты линейные — тамъ и ваторга, но гдѣ сибирскіе казаки (какъ напр. въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсня другая. Казакъ не ѣлъ крупы, не жилъ въ казармѣ, не получалъ въ приварокъ палки, а потому, умягчившись на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мягкомъ воздухѣ — нравомъ вротче и къ



арестантамъ жалостливѣе; на желанія ихъ повадливѣе и уступчивѣе. За казаками арестантамъ лучше. Послушайте — и судите.

Одна этапная партія кончается въ Сибири дневу; рано потру слышитъ обычную команду: «вставай!» На дворѣ четыре часа ночи; морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не падаетъ на зубъ.

Началась суматоха: «въ дорогу собирайся!» Грохочетъ барабанъ обычный сказъ: «по возамъ!» Выходи на дворъ. Возней въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ — собрались. Выведены на дворъ. Надо бы слушаться барабана, укладывать мѣшки на подводы и садиться большимъ на возы; а тамъ барабанъ замолчалъ: раздается команда словесная: «попы мыть!»

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дрянилъ, тотъ и чистить: вездѣ это такъ. Мой помы — таково положеніе.

— Положенія такого не слышали и не видали: смотри на стѣнѣ. Начальство притѣснять не велить.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и положенія потому новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приволотить не успѣли.

— Покажи ихъ!

— Въ другой разъ приходи, посмотришь.

И за тѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партіи, вмѣсто обычной переключки, троихъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ смежныя ворота запираются; ружья беретъ конвой подъ прикладъ и дѣлаетъ цѣпь. Выбранные выводятся впередъ и получаютъ въ руки шайки съ холодной водой; вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А комнату въ казармѣ пять-шесть, а грязи налипло за цѣлый годъ, если не больше: и не видать конца поломойной работѣ. Партіи придется ждать долго; иззябнетъ она вся, замерзнетъ; думать и надумается. Ворота хоть заперли, подъ прикладъ взяли, но осталась лазейка, — зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по новому закону. Чортъ съ ними!...

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу, и обычная по положенію стройка во фронтъ въ двѣ шеренги; конвойные въ авангардѣ, аррьергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генераль-маршъ: выходи рядами, а тамъ ужъ иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ

того, какъ разобрали котомки: опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ — каторжные, въ центрѣ — поселенцы; на лѣвомъ флангѣ — бабы. На повомъ этапѣ опять поборы: «маршь» къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общепутребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокіе, и сребролюбивые.

Партія желаетъ получить баню по положенію и по закону.

— Баня въ починкѣ! — отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя; тамъ указали на вапу.

— Указъ не приказъ; да и мы на ту стать указать вамъ умѣемъ; нѣтъ у насъ бани; ступайте дальше — тамъ баня новая.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую субботу.

— А по копѣйкѣ съ брата положите, такъ и наша поспѣетъ, какъ нибудь законопатимъ....

Почешутся арестанты, подумаютъ, да и велятъ старостѣ развязать кошину съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что — по закону — могутъ ходить въ баню и мыть бѣлье, «но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)».

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ данымъ, которыя попадаютъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ и офиціальныхъ бумагахъ разнаго рода <sup>1)</sup>.

Первый примѣръ:

Арестантъ, на спросѣ въ Томскѣ, показалъ, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер. — и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахождения кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ:

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими большую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и душники; а на одномъ этапѣ исчезли даже цѣликомъ новыя сосновыя двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло! — говорили намъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующіе этапныя зданія.

<sup>1)</sup> Этапные начальники обязаны провожать партіи, если въ ней больше 80 человекъ.

— А подумать, прискаты! — было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

— Придумать могли одно только: душники закладывать кирпичемъ; вмѣсто заслонокъ рогожу моченую вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ....

Третій случай:

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбургъ въ Москвѣ тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью возчиками. Сзади партіи ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ; по обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: — Давайте по два рубля съ человѣка и дѣлайте, что хотите.

Состоялось согласіе; учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги: арестанты бросились на возы всей партіей; сорвали нѣсколько цибиковъ (т. е. мѣсть). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать пограбленное, но конвой сдѣлалъ цѣпь — не пустилъ. Награбленный чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей; деньги получены натурой, раздѣлены по ровну на каждаго человѣка. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много....

Таковы бывали начальники смиренные, а бываютъ и сердитые:

— Иной придетъ будить партію да увидитъ, что нашъ братъ вѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спустилъ для легкости; подавай штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ....

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидалъ это этапный офицеръ, въ рыло съѣздилъ.

— Ты (говоритъ) клейма вытраваляешь.

— И не думалъ, ваше благородіе: морозъ пошутить.

Затопалъ ногами, закричалъ зычнымъ голосомъ:

— Плетей подавай!

Дать мнѣ ему было нечего: вздулъ меня. Другой, денежный, отступился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо, и сало подъ рукой: всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держать; а сунься — четвертакомъ за махонькій кусочикъ не отдѣлаешься. Не дашь: начальству подъ страхъ подведетъ; а дать — не изъ чего. По Сибири нашъ братъ идетъ совѣмъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало; больше живьемъ да харчами.

Четвертый случай:

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогой онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался; надо добыть денегъ покрупнѣе и побольше. Нехитрая штука въ займы взять

у старосты или въ артели; мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо: такого случая на этапахъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передалъ. Выслушали тѣ, посмѣялись: выдумка понравилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастный случай выручить. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошеѣ, по случаю. Штука дорогая, да онъ, бѣдный заключенникъ, не стоитъ за цѣной, и продать бы съ радостію, да не кому; ходячее-де серебро для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велитъ, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошелъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошелъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу; присталъ къ арестанту:

— Продай!

— Извольте!

Взялъ офицеръ золото, отнесъ къ серебряннику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебрянникъ, смекнулъ — и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ни спросить.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купить? Зайдите на обратномъ пути, когда проводите партію: теперь денегъ нѣтъ, да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришелъ къ серебряннику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельный рядъ: тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ — третья суцая мѣдь, безъ обману. Золото бываетъ не такое.

Приводя всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связанной и общей картины, потому что не имѣли на то права. Право наше бессильно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай, — завтра другой. Одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій оттѣнокъ, одинъ на другой не похожъ, и если нѣтъ крупныхъ противорѣчій и отрицаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ

только грунтъ прочный, все другое для насъ мало опредѣлилось. Краски накладываются такою грубой кистью, что въ рисунокѣ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимірскіе богомазы, они на работѣ не спѣлись, въ приемахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду, «долишное». Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, чтò можетъ, другой—чтò хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя распознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ....

Записокъ пересылаемые арестанты не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника—плоды запрещенные. Отрывочные рассказы ведутъ къ одному — къ вѣрѣ на слухъ и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и путаница отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія ссыльныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она есть теперь — характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благопріятный исходъ. Такія язвы медицина лечитъ только хирургическимъ ножомъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстные и поверхностныя перевязки—значитъ обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы воду въ тюрьмѣ достаете? — спрашивалъ я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ воды стоить на волѣ 80 коп.; дамъ солдату 1 р. 60 к. — принесеть.

Т. е. таковъ законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ — другого попроси; этотъ заупрямился — третьяго попробуй. На четвертомъ не оборвешься, пощастливить: соблазнится четвертый. Такого и примѣра не запомнимъ, чтобы четыре солдата всѣ каменные были.

Только вѣривая и давняя практика даетъ такіе смѣлые и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзни далеко еще до кризиса и до благопріятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старые, холодные: ихъ не починаютъ; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертой: ихъ и не смѣняютъ. Хорошихъ — говорятъ — въ Сибири найти никакъ не возможно. Нашему брату оттого не легче, тутъ нашъ братъ поневолѣ чрезъ хлѣбъ калачъ достаетъ, и много на это денегъ изводить. Этап-

ные себя соблюдаютъ, да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша брѣха нигдѣ не пропадала. Рука руку моетъ: обѣ чисты бывають.

— Ребята! — говоритъ одинъ офицеръ своей партіи. Мнѣ надо поспѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ остановокъ, сразу. Дѣло небольшое: всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не избидѣлъ; смиренный былъ человекъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посулилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счетъ; обѣщаль достать мяса на этапъ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите, ваше благородье!...

Зимнее время сулитъ другое и судить иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то сторѣлъ этапъ (кажется, Камышедской). Сторѣлъ онъ осенью, на зимніе холода; починить и поправить его не успѣли; а между тѣмъ на вольныя квартиры становить арестантовъ запрещено, подъ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше — силы не позволяютъ: вмѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60 — пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ насоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая, морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше, слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, обѣщаніемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанты ободряютъ — наивно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любить? — хотѣлъ я замѣтить ему; но, зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и доврѣяютъ имъ, — вписалъ въ дневникъ свой слѣдующія строки:

«Деревянные этапы и полу-этапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую ветхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строительскія обязанности власть большія деньги въ карманъ и большія, но дешевыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выигрываетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенной желтой или сѣрой краской, а выстроить вновь, и совсѣмъ уничтожить эти утлые, гнилые, холодные сараи. Вотъ прошла только одна недѣля послѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтеромъ приѣмной комиссіи, я вижу десять этаповъ такихъ (вижу зимой), и во

всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзли такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже цѣлая груда снѣгу, сбитая вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подъ нарами. Не помѣшали вѣтру и досчатые заплаты; не помѣшали злу и надзоръ комисіи и ре-визіи ея. Предатель - вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.

«И другое горе: этапы противъ прежнихъ плановъ и соображеній сдѣлались тѣсны, неспособны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти — шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полу-этапахъ, приводится иногда помѣстить до 500 человекъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подъ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ сквозной, сырой и холодный вѣтеръ.

«Во всякомъ случаѣ лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежатъ поперегъ другихъ товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платятъ солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы ѣхать впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платятъ за то, чтобы сѣсть на подводу и прибавляютъ четыре коп. съ человѣка, чтобы подшить паткующую совѣсть инвалиднаго солдата, и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впередъ другихъ<sup>1)</sup>. Здѣсь счастливые и занимаютъ мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежные вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотрятъ на нихъ, какъ на дѣло законное, неизбежно фатальное. Услаждая себя потомъ въ разсказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще требовательные на равноправность общую по идеѣ артельнаго устройства и нетерпѣливые, неуступчивые при поползновеніяхъ на привилегію, — арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандалные, т. е. ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизмѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ предоставляется тому, кто ловчѣе, кто шибче бѣгаетъ; принято за правило бросаться въ кандалную казарму опрометью тотчасъ

<sup>1)</sup> Иногда право обижать товарищей покупается желающими за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣми, которые гнѣшествоуютъ. Солдатъ отбираетъ охотниковъ и ведетъ ихъ впередъ другихъ, конечно, гнѣшкомъ.

послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли или не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей».

Я въ крѣпко-морозный день зашелъ въ одинъ спопутный этапъ за Томскомъ; часъ спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьего гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ взгромоздился на уродливое громадное чудовище-печь и свѣсилъ свои ноги въ кандалахъ.

— Пошелъ прочь! — ожесточенно и грозно закричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на подобное привязаніе нѣкоторое право.

Я изумился его смѣлости; пораженъ былъ его крикливостью, и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

— Пусть погрѣется!

— Помилуйте! — продолжалъ кричать офицеръ. Кандалами замаску оболочиваетъ, кирпичи обламываетъ, печь портить. Не успѣешь выбѣлить, опять замазываетъ.

— Но здѣсь холодно, даже морозно.

— Казармы старья, обветшалыя! — замѣтилъ съ своей стороны этапный командиръ.

— Не вѣрьте, ваше благородье! слышался иной голосъ изъ толпы, сзади. Печь-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партіи придти: вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холодный стоитъ: его въ два дня не протопишь.

Крикливый офицеръ опять закричалъ; силился оправить товарища по оружію; но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣсною толпою и ловкостью говоруна, его не нашли.

Зло этапнаго холода остается все-таки зломъ и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уволѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь, стынешь дорогой-то, а придешь — и согрѣться негдѣ! — замѣчали вроткіе. Умѣренные прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроемъ: угаръ такой, что головы на плечахъ не держишь. Случалось, другіе опивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрыть трубы — зубъ не попадаетъ на зубъ; цыганскій потъ обезсилить.

— Куда ни кинь — вездѣ клинъ, заключали озлобленные. Въ маленькихъ полу-этапахъ навалютъ народу въ казармѣ — не про-



толкаешься. Окна двойныя, съ рѣшетками — не продохнешь. Есть въ дверяхъ окошечко: открыть бы! Такъ солдатъ снаружи зашололнулъ. «Отвори, молю, служивый, — сдѣлай милость!» — Давай, слышь, грошь! — «Возьми, чортъ съ тобой!» Вотъ наше дѣло какое!

Заѣзжалъ я на этапы и теплой порой, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такія строки:

«Сазановскій этапъ (между Тобольскомъ и Тюменью).

Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человѣкъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно съ одной стороны арестантской казармой, съ другой — офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ — острожными пѣлами (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвчонки, солдаты; передъ каждымъ и каждой лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квась, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговки, петельки, и сладкое: конфеты, изюмъ, пряники.

— Кто это покупаетъ? спросилъ я солдата.

— Поселенцы своимъ ребятамъ, да мало.

Видю: одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на спинѣ, въ бандалахъ, несетъ ковшикъ съ квасомъ и шаньгу (колобокъ).

— Сколько заплатилъ?

— По три копейки серебромъ.

На крыльцѣ поселенецъ, съ семьею, — впятеромъ хлѣбаетъ молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни святой недѣли). Я спросилъ и его о цѣнѣ припасовъ.

— Гривенникъ даль: вишь великіе дни идутъ, захотѣлось.

А получаетъ отъ казны только  $3\frac{1}{2}$  — 6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи и хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но казенное положеніе на круглый годъ остается одно и то же. Продавцы этого не принимаютъ въ расчетъ и соображеніе; берутъ все, что вздумаютъ и что захотятъ. Контроля нѣтъ; наблюденій и не бывало. Продавцы эти преимущественно женщины — жены тѣхъ же этапныхъ солдатъ; рѣдо деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности отставные изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно стоворившись, между собою, условившись <sup>1)</sup>: 50 коп. сер.

<sup>1)</sup> Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцевъ не пускали; торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что «офицеры берутъ вдвое,

(по ихъ таксѣ) стоитъ 1½ фунта варенаго мяса неопредѣленнаго вида, сомнительной доброты; 25—35 коп. берутъ онѣ, эти бабы - торговки, за чашку щей, которые и названіе носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и слывуть вездѣ съ такимъ приговоромъ: «наши щи хоть кнудомъ хлещи: пузыри не вскочить и брюха не обормятъ»<sup>1)</sup>). При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлають складчину, человѣка по два, по четыре вмѣстѣ и «хоть немножего да похлѣбаешь горяченькаго, а безъ того на сухомятѣ просто бѣда!» — замѣчаютъ они и жалуются всегда на постоянную рѣзъ въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одышку и проч.

— По Сибири однако все-таки харчъ подешевле, — толкуютъ другіе. По Пермской губерніи тоже сходныя цѣны; а вотъ по Казанской — просто приступу нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ (говорилъ мнѣ этапный офицеръ) ничего не полагается, кромѣ тепла и свѣтъ: но и свѣчи прежде клали на цѣлую ночь, а теперь только до зари, до зари только....

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пущаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и стороннимъ людямъ тоже, что и вамъ сказываю; а можетъ быть, и оттого громко говорить этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходокъ подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слилось, по обыкновенію, въ одинъ гулъ. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что звенѣли цѣпи, да покупатели были безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Ихъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чемъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этаповъ: изобразить одинъ, — значить всѣ описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фасау: стоитъ желтенькій домикъ, въ срединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколъ; въ немъ также

---

противъ вольной цѣны» торговать офицерамъ запретили. Однако злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маской, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

<sup>1)</sup> Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупаютъ право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и не всегда безъ прижимокъ. Приходившія партіи нерѣдко заставляли еще крикливый финалъ переторжки, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флигелемъ. Ундерамъ обыкновенно платятъ не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за всѣ разы отпугуетъ водкой или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

по срединѣ широкія ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ въ пролетъ сѣней въ свозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуривають тютюномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полу-этапами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живетъ еще каморникъ-сторожъ и уже больше никого.

Войдемъ корридоромъ на дворъ: здѣсь арестантская казарма и совершенно такая же какъ первая, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечной стѣной на двѣ поменьше, изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной, направо—женщины, налѣво—запоздавшіе на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандалные, т. е. ссыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и попадать дверями съ внутренняго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣе арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ — баней.

Оглядимся въ казармѣ.

Въ одной и той-же помѣщены были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Ссыльно-каторжные отдѣлены; но отсюда въ Тобольскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлясь, не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармахъ поразилъ насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Болѣе тяжелымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Бѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій, ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ.

— Зимой, продолжалъ онъ, на дѣтей сморгѣть страшно: коченъбля, испытія, больныя, кашляютъ; многія кругомъ въ язвахъ; сыпь на всѣхъ....

Но еще не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя упадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми; впрочемъ не лучше участі дѣтской участъ и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Тобольска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбежны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная боль-

нища наполняется каждою зимою больными отмороженіемъ членовъ (pernio) до антонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашель я (въ апрѣлѣ прошлаго года) наполненными, до тѣсноты, больными тифозной горячкой<sup>1)</sup>. Арестанты обязаны идти 500 верстѣ въ мѣсяць, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, по поводу вскрытія и остановки рѣкъ (весенняя и осенняя), задерживаютъ проходящія партіи въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ этапѣ скопилось 250, на другомъ 230; на третьемъ 280 человекъ. Въ Тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ; въ тюменскомъ острогѣ полторы тысячи<sup>2)</sup>.

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое зловоніе, когда стѣны успѣли прогнить цѣликомъ, когда большая часть зданій построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, залитые со всѣхъ сторонъ водой, когда эта вода на полъ-аршина въ глубину застаивается и промзгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ зданіяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ всѣ мокрые. Ночью, когда ставятъ парашу — кадку ночную, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: «смадь отъ этой парашы нестерпимый! И эти несчастные какъ будто стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человѣчества. Они такъ сказать закаливаются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссора, или пѣсни, пляска. Боже, какая пляска! Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада!»

Понятно, почему Тобольская тюрьма тяготится множествомъ больныхъ острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивается за недостаткомъ фельдшеровъ и лекарствъ<sup>3)</sup>. Къ чистотѣ и опрятности зданій приставники изъ

<sup>1)</sup> Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9,500 человекъ (среднее годовое количество ссыльныхъ, проходящихъ черезъ Тобольскъ) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1,260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составитъ 0,027 съ долями всего числа ссыльныхъ. По прибытіи въ Тобольскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года, умираютъ изъ пересыльныхъ арестантовъ до ста человекъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и нерѣдко приобретаемая въ дорогѣ.

<sup>2)</sup> Эти остановки произошли вслѣдствіе половодья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1860 году, разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человекъ.

<sup>3)</sup> Кромѣ больницъ при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще

солдат не приучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Заплативши 15, 18, 20 рублей за цѣлую избу, солдатъ отдастъ ей все свое свободное время и потомъ малячить около арестантовъ торговлей и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбы беретъ 6 коп.; за фунтъ хлѣба 1½ и копейку за небольшую чашку промзглаго, съ плѣсенью, квасу. Въ этомъ—всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, и затѣмъ все для себя и для собственнаго хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человекъ на мирныя и кропотливыя занятія не идетъ, предпочитая имъ крохоборливыя, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пахутъ, хлѣба не сѣютъ; сѣнокосные луга отдають въ кортомъ. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправляя казенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю; въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службы (отъ 15—20 лѣтъ) обязанъ обработать 75—100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать; много, если хозяйка солдата сдумаетъ обзавестись огородомъ, вапусту съ котораго во щахъ продаетъ она потомъ дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ <sup>1)</sup>).

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ-сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты <sup>2)</sup>. Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, и такъ какъ вблизи не было селенія, то онъ помѣщался съ семьей на полу-этапѣ.

черезъ каждыя три этапа при четвертомъ. Въсто лекарей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, которые, также какъ и больницы, носятъ только званіе, не отличаясь надлежащими качествами. Благодаря этимъ заведеніямъ и трудностямъ путешествія, бывають случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадаютъ на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

<sup>1)</sup> Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что напр. на Вилижанскій этапъ торгующія бабы приносятъ съѣстные припасы изъ деревень верстъ за 6 и за 8.

<sup>2)</sup> Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и неудобнѣе. Здѣсь съ фаса виднѣшь только стойкомъ торчащія заостренныя на верху бревна и среди ихъ огромныя ворота съ низенькой, пробитой въ нихъ и непомѣрно замазанной калиткой. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку, отъ воротъ,— караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Среди двора стоитъ казарма менше этапной, но съ поперечнымъ корридормъ, куда глядятъ четыре двери: изъ нихъ трои ведутъ въ большія комнаты для поселенцевъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь въ № 4, куда запирають кандалныхъ и такимъ образомъ держать ихъ ночью подъ двумя замками.

Въ комнатѣ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя.

— Лошадку, — говорить, — держу. Двоихъ дѣтей кормить надо; въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же, арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ нѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь, отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и лгалъ. Лгалъ сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что чѣмъ же дѣтей кормить, чѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и вѣдь же отъ денегъ прочь?...

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), наряжаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаковъ конныхъ, и на взаимномъ довѣрїи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженїяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ.

Дальше мы знаемъ, что дневки или растахи (черезъ два дня въ третїи) мало помогаютъ дѣлу, мало подрѣзываютъ силы путешественниковъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до одинаго), обыкновенно жалуются на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удущье. Ревматизмъ — такой частый и неизбѣжный гость, что почти получилъ названіе этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни<sup>1)</sup>. Понятно, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынужденъ бываетъ большое число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ *неспособныхъ*. Неспособные эти, составляя особый классъ людей въ составѣ сибирскаго населенія, не платятъ податей и повинностей, обременительны для обществъ, на большую половину бродятъ, и весь классъ людей этихъ дѣйствительно *неспособный*.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и вѣкъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованїяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляютъ множество неудобствъ; высказываютъ замѣчательное количество справедливыхъ сѣтованій. Тратится лишнее число государствен-

<sup>1)</sup> Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ  $\frac{1}{2}$  часть слишкомъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2,070 больныхъ). Изъ этой  $\frac{1}{2}$  части умираютъ въ годъ 163 человекъ. Весной каждая партія оставляла больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человекъ по 10 среднимъ счетомъ.

ныхъ суммъ, лишнее количество человѣческихъ силъ, излишнее число верстъ и пространствъ. Въ старыя времена, когда ближайшій сибирскій путь шель въ Тобольскъ, только на Вологду и черезъ Верхотурье, вьюкъ для ссыльныхъ былъ конечно значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Еваторинбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящимъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространство и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ-бы то ни было, даже и въ нашей безпредѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партіи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Барабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачиваютъ по старому преданію на Тобольскъ и идутъ прямо на сѣверъ, подвергаясь по зимамъ неблагоприятному, вредному влиянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ. Если эти непогоды упорно стоятъ долгое время (что случается очень часто), арестанты приносятъ въ Тобольскъ всѣ поголовно одышку, волотье въ груди, отмороженные носы, щеки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партіи идутъ на Тару, совершая огромный новый излишекъ пространствъ, и идутъ въ тоже время по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагоприятнымъ. Одинъ Иртышъ партіи переходятъ нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для однихъ только излишнихъ издержекъ на пути, какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддержать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Не говоримъ уже о множествѣ другихъ переправъ черезъ другія рѣки, росовшъ, которую можно бы легко обойти! Не говоримъ также о томъ излишнѣ переходовъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа: Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанные такимъ образомъ идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ изъ Тобольска, куда они ходили только ради одного Приказа о ссыльныхъ и оттого сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишнихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ помѣщеній, о той мучительной трудности, съ какою сопряженъ неблагоприятный во всѣхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч., проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что во 1-хъ, много объ этомъ говорено въ недавнее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во 2-хъ и потому, что мы знаемъ о намѣреніи облегчить арестантамъ тяжесть этапнаго пути. Когда выяснится дѣло въ дальнѣйшихъ по-

дробностяхъ,—нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что значенiе Тобольска померкнетъ передъ значенiемъ другого города, Тюмени, того вагаго, изъ котораго—по проекту гр. Сперанскаго—перевели «по солодничьей части Присутствiе» въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ Привазъ о ссыльныхъ. Мы увѣрены въ одномъ, что настоящiй способъ препровожденiя ссыльныхъ бесполезенъ и далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданiй, которыя вляли на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтiя, когда совершалось, по проектамъ графа Сперанскаго, преобразование сибирскихъ губернiй.

Возвратимся назадъ, къ тѣмъ же этапамъ, каковыхъ по одной Сибири считается 60, да при нихъ 64 полу-этапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣпь стѣсненiй и вымогательствъ, и любятъ они ее потому, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогой для всякаго человѣка. Съ этапами арестанты расстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ наканунѣ каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ «Милосердной» и видится, и чувствуется гнетущая тоска и отчаянiе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминанiи о которомъ у всякаго сжимается сердце; не всякiй съумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбрымъ въ поступкахъ и поступи. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины.....

Медленно подвигается партiя къ заводу, молчаливая, окруженная всяческою форменностью. Еще за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: «приформиться!»—по которой всѣ должны быть по мѣстамъ, всѣ въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ-бы въ какому великому таинству.

Вотъ партiя на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать! — говоритъ оно на томъ основанiи, что дорожныя кандалы возвращаются вонвойнымъ; на каторгѣ надѣваютъ новыя.

— Да ужъ завтра сдѣлаемъ это! сегодня не успѣемъ всѣхъ очистить и опять запаать, — замѣчаетъ приѣмщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго! — объясняетъ этапный офицеръ, бывалый и много-смекающiй, и проситъ:

— Мнѣ очень нужно спѣшить назадъ: позвольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и еще одну партiю сбьлъ съ рукъ



благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велитъ партіи снимать кандалы и въ два-три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало-опытный горный офицеръ удивится, видя, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый знаетъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше исканій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣнчается успѣхомъ. Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью. Въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными; но — что всего важнѣе — большая часть изъ нихъ глубоко испорчены нравственно. Иные пришли сюда, за болѣзнями и остановками, на четвертый годъ по выходѣ изъ Россіи; но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую статью, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается!

Въ тюрьмѣ и на ваторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ, и тамъ сьумѣютъ они перехитрить природнымъ умомъ то, что прилаживается умомъ искусственнымъ, поддерживается внѣшнею, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда — мы увидимъ.

С. Максимовъ.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

# РУССКОЕ МАСОНСТВО

ДО

НОВИКОВА.

I.

Первое распространение масонства, 1731—1780.

Въ статьяхъ о русскомъ масонствѣ XVIII-го вѣка, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» \*), мы ограничивались почти исключительно масонствомъ Новиковскимъ. Но это масонство было, какъ извѣстно, не единственной формой масонскаго движенія въ нашемъ XVIII-мъ столѣтїи, и въ настоящемъ случаѣ намъ хотѣлось бы представить нѣкоторыя указанія для исторїи этихъ другихъ масонскихъ формъ, на первый разъ для исторїи начала русскихъ ложъ и такъ называемой «Елагинской системы». Едва ли нужно замѣчать, что настоящая обстоятельная исторія этого явленія еще очень затруднительна, даже невозможна, въ настоящую минуту, когда многіе существенные матеріалы еще только впервые появляются въ печати, другіе остаются подъ спудомъ, третьи—неизвѣстно, существуютъ ли еще гдѣ нибудь. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, наибольшее, чего мы желаемъ, состоитъ въ томъ, чтобы поддержать вниманіе къ историческому вопросу, сообщить нѣкоторыя данныя, до сихъ поръ еще отчасти нетронутыя писавшими о русскомъ масонствѣ,

\*) См. «Вѣстникъ Европы», 1867: «Русское масонство въ XVIII-мъ вѣкѣ», т. II, III и IV.

и вызвать изъ забвенія рукописные матеріалы, которые могут храниться въ архивахъ и у частныхъ лицъ, и которые должны бы наконецъ сдѣлаться достояніемъ исторіи.

Читатель, слѣдившій за нашимъ прежнимъ изложеніемъ, вѣроятно составилъ себѣ то понятіе объ историческомъ и общественномъ смыслѣ масонства, которымъ должно руководиться при опредѣленіи частныхъ явленій его исторіи. Читатель вѣроятно замѣтилъ, что слово «масонство» хотя и примѣняется, по видимому, къ одному опредѣленному предмету, но допускаетъ въ сущности много различныхъ значеній; что собственно говоря, масонство, хотя и представляло собой первоначально извѣстное собраніе данныхъ понятій религіозно-нравственныхъ и общественныхъ, но оно было только одной общей формой, въ которую могло вкладываться весьма различное содержаніе, и что характеръ этого вновь вносимаго въ него содержанія зависѣлъ отъ условій и свойствъ того общества, куда масонство находило доступъ. Этимъ и объясняется многоразличный характеръ масонскихъ «системъ», которыя расплодился на европейскомъ материкѣ почти непосредственно послѣ перехода масонства изъ Англии: европейскія континентальныя условія почти тотчасъ же оказали свое вліяніе на «англійское» масонство, и произвели столько разныхъ формъ масонства, сколько того требовалось для разныхъ направленій общественной мысли или для разныхъ расчетовъ интриги. Такимъ образомъ произошли: Клермонтская система, Тампліерство, Шведская система, Циннендорфство, система Азіятскихъ Братьевъ, Розенкрейцерство, система Благотворительныхъ Рыцарей, Иллюминатство, Эклезиастическій союзъ, и т. д., и т. д. Отражая на себѣ вліяніе различныхъ обстоятельствъ, масонство на столько удалялось отъ своего первоначальнаго смысла, что его первыя «конституціи» въ своихъ дальнѣйшихъ примѣненіяхъ становились чистой формальностью, надъ которой брали преобладаніе другія идеи и тенденціи, и что изъ движенія, первоначально прогрессивнаго и нравственно-чистаго, въ послѣднихъ своихъ вырожденіяхъ оно становилось гнѣздомъ и орудіемъ обскурантизма, шарлатанства и низменной интриги. Таковы были въ особенности формы масонства, развившіяся въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія подъ вліяніями—прямыми или косвенными—іезуитства и реакціи противъ «просвѣщенія» XVIII-го вѣка. Такимъ образомъ, рассматривая исторически масонское движеніе въ извѣстной странѣ и въ извѣстное время, мы прежде всего должны припоминать себѣ эту относительность его значенія. Вносимое въ извѣстную общественную среду, оно сохраняло или теряло свой основной смыслъ въ той мѣрѣ, на сколько это допускалось или

требовалось данными условіями общества,—такъ что въ исторіи, напр., нашихъ ложъ, мы изъ-за чужого собственно явленія, перенесеннаго цѣликомъ изъ иностранныхъ источниковъ, имѣемъ однако возможность слѣдить за историческимъ ходомъ русскаго общества. Въ этомъ и состоитъ историческій интересъ этого изученія. Въ настоящій разъ мы намѣрены указать нѣсколько данныхъ для исторіи перваго распространенія масонства у насъ въ прошломъ столѣтіи, — данныхъ, отчасти, какъ мы свазали, еще нетронутыхъ нашими изслѣдователями.

Восходя къ началу русскаго масонства, можно упомянуть о масонскомъ преданіи, которое относитъ введеніе масонства въ Россію ко временамъ Петра Великаго, и именно приписываетъ его самому Петру: онъ, будто бы, принять былъ въ масонство самимъ Кристофоромъ Вреномъ (или Реномъ, Wren), знаменитымъ основателемъ новаго англійскаго масонства; первая ложа существовала, будтобы, въ Россіи еще въ концѣ XVII-го столѣтія, — мастеромъ стула былъ въ ней Лефортъ, первымъ надзирателемъ Гордонъ, а вторымъ самъ Петръ Великій <sup>1)</sup>. По другой версіи, Петръ вывезъ изъ своего путешествія (второго) въ 1717 г. масонскій статутъ, и на его основаніи приказалъ открыть, или даже самъ открылъ, ложу въ Кронштадтѣ (Лонг. 92). Едва ли есть какая нибудь возможность придавать историческую цѣну этому преданію, но оно не лишено интереса, какъ желаніе масоновъ осмыслить исторически свою дѣятельность въ Россіи, и приурочить къ масонскимъ идеямъ преобразовательную дѣятельность Петра, которая была въ Россіи такимъ же нововведеніемъ въ смыслѣ цивилизаціи, какимъ масоны должны были считать и свое братство, и которая имѣла ту же глубоко патріотическую тенденцію, какую они несомнѣнно приписывали и своему собственному дѣлу. Извѣстно, что имя Петра пользовалось въ нашемъ масонскомъ братствѣ уваженіемъ, — масоны пѣли въ честь его стихи, между прочимъ «Пѣснь» Державина (у Грота, I, 30), — такъ что здѣсь мы можемъ видѣть слѣдъ того сочувствія къ реформѣ, которое могло послужить основой для указанной легенды. Болѣе достовѣрныя историческія свидѣтельства позволяютъ относить основаніе масонства въ Россіи только къ 1731 году. Въ этомъ году гроссмейстеръ лондонской Великой Ложы лордъ Ловель (Thomas Coke или Cooke, lord Lovell, гроссм. 17 марта 1731—19 апрѣля 1732 г.) назначилъ капитана Джона Филиппса про-

<sup>1)</sup> Latomia, XIII, 149. Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. Leipzig. Brockhaus, 1863—67, III, 106.

винціальнымъ гроссмейстеромъ Россіи <sup>1)</sup>. Въ 1741 году провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи назначенъ былъ извѣстный генераль Яковъ Кейтъ (James Keith, 1696 — 1758), англичанинъ, находившійся тогда на русской службѣ, и потомъ, кажется въ 1744, перешедшій на службу въ Пруссію, гдѣ онъ сталъ однимъ изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ Фридриха Великаго, — человекъ, отличавшійся кромѣ военныхъ талантовъ, оказанныхъ имъ еще въ Россіи, высокими нравственными качествами. Назначеніе свое въ русскомъ масонствѣ онъ получилъ отъ гроссмейстера английскихъ ложъ, которымъ былъ тогда братъ его, Джонъ Кейтъ, графъ Кинторъ (John Keith, earl of Kintore, гроссм. съ 27 апрѣля 1740 — 19 марта 1741) <sup>2)</sup>. Яковъ Кейтъ вступилъ въ русскую службу въ 1728 г., и есть извѣстіе, что онъ уже въ 1734 или даже въ 1732 г. руководилъ въ Петербургѣ масонской ложей <sup>3)</sup>. Впрочемъ, въ русскихъ источникахъ не осталось никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Кейта въ этомъ отношеніи; осталось только воспоминаніе о ней въ одной масонской пѣснѣ, указанной Ешевскимъ въ одномъ новѣйшемъ сборникѣ, напечатанномъ безъ означенія времени и мѣста въ первой четверти XIX-го столѣтія. Въ этой пѣснѣ Кейтъ воспоминается такимъ образомъ:

По немъ (по Петръ Великомъ) свѣтомъ озаренный  
*Кейтъ* къ россиянамъ прибѣгъ;  
 И усердемъ воспаленный  
 Огнь священный здѣсь возжегъ.  
 Храмъ премудрости поставилъ <sup>4)</sup>,  
 Мысли и сердца исправилъ  
 И насъ въ братствѣ утвердилъ.  
 Кейтъ былъ образъ той денницы,  
 Свѣтлый коея восходъ  
 Свѣтозарныя царицы  
 Возвѣщаетъ въ міръ приходъ <sup>5)</sup> и т. д.

Изъ этихъ извѣстій о началѣ ложъ въ Россіи едва ли нельзя заключить, что первоначальное масонство введено было прямо англичанами, которые внесли его въ чужую страну для собственнаго употребленія, точно также, какъ они обыкновенно прино-

<sup>1)</sup> Kloss, Gesch. der Freem. in England, стр. 123; Gädicke, Freimaurer-Lexicon. 1818, стр. 420; Handb., II, 241, 245.

<sup>2)</sup> Handb. II, 112.

<sup>3)</sup> Nettelblatt, Meckl. Prov. Kalend. 1835, стр. 37. Handb. III, 106.

<sup>4)</sup> Т. е., конечно, основалъ ложу.

<sup>5)</sup> Пѣсня LIII, стр. 66. При пѣснѣ замѣчено, что она пѣлась въ Россіи, въ ложахъ, въ царствованіе Елисаветы. См. Ешевскій, Р. Вѣстн. 1864, 8, стр. 362

сать съ собою свои національные нравы и обычаи, и что масонство держалось исключительно или преимущественно между иностранцами, среди которыхъ русскіе были только случайными или второстепенными членами ложъ. Но кромѣ англичанъ вводителами масонства были конечно и нѣмцы, что было бы весьма понятно при сильномъ развитіи нѣмецкаго элемента въ Петровскомъ государствѣ. Въ самой Германіи масонство уже въ 1730-хъ годахъ имѣло весьма много ревностныхъ послѣдователей, и есть основанія думать, что въ нѣмецкомъ наводненіи временъ Анны Іоанновны и Бирона, были и масонскіе элементы. О самомъ Кейтѣ есть темныя свѣдѣнія, что онъ имѣлъ какія-то связи съ нѣмецкими ложами (именно въ Гамбургѣ) еще до своего гроссмейстерства въ Россіи. Въ исторіи извѣстной берлинской ложи «Трехъ Глобусовъ», мы находимъ, что еще въ періодѣ 1738 — 1744 г. эта ложа имѣла дѣятельную корреспонденцію между прочимъ и съ Петербургомъ<sup>1)</sup>. Фактическія свидѣтельства указываютъ и много спустя, напр., въ семидесятыхъ годахъ, значительную роль иностранцевъ, особенно нѣмцевъ, въ русскихъ ложахъ; а за это раннее время ихъ преобладаніе весьма естественно. Имя Кейта сохранено масонскимъ воспоминаніемъ, вѣроятно, также не безъ причинъ, и такой причиной могло быть именно то, что съ дѣятельностью Кейта масонство въ первый разъ проникло въ собственно русскіе кружки. Это должно было происходить, конечно, только мало-по-малу и съ теченіемъ времени.

Но повидимому уже вскорѣ масонство начало проникать и другими путями, не только черезъ иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ, но и черезъ русскихъ, которые сами знакомились съ нимъ за границей.

Къ 1747 году относится мало извѣстное до сихъ поръ дѣло о масонствѣ графа Николая Головина. Онъ вернулся около этого времени изъ-за границы, и въ Петербургѣ призванъ былъ къ А. И. Шувалову: ему объявлено было отъ имени императрицы (Елизаветы), что — «хотя она довольныя причины имѣетъ о поступкахъ его совершенно сумнѣваться,» но по своему природному великодушію и милосердію въ молодости Головина, надѣется, что онъ впредь исправится, — и ему велѣно только уѣхать въ Москву и быть скромнѣе. Его подозрѣвали въ какихъ-то сношеніяхъ съ прусскимъ королемъ. На допросѣ Головина между прочимъ спросили, чтобы онъ безъ утайки объявилъ о своемъ вступленіи въ «фрамасонскій орденъ», назвалъ, какіе есть еще

<sup>1)</sup> Gesch. der Grossen National-Loge der Preuss. Staaten zu den Drei Weltkugeln. Berl. 1840, стр. 16.

русскіе члены его, и какіе наблюдаются въ немъ законы или уставы; на что Головинъ отвѣчалъ: «Я, признаюсь, *жилъ* въ этомъ ордентѣ, и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ ономъ же ордентѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано»<sup>1)</sup>.

Затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ Головинъ вступилъ въ орденъ, или гдѣ вступили въ него Чернышевы, въ какомъ положеніи были тогда русскія ложи, — пока еще нѣтъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ упоминается подъ 1750 г. въ Петербургѣ ложа «Скромности» (*Zug Verschwiegenheit*), неизвѣстно, русская или иностранная, сворѣе — послѣднее. Въ этой ложѣ Скромности датскій министръ баронъ Мальцанъ, принадлежавшій къ ложѣ Зоровавеля (*Zorobabel zum Nordstern*) въ Копенгагенѣ, принялъ двухъ братьевъ изъ Риги, фонъ-деръ-Гейде и Цукербекера, которые затѣмъ въ томъ же году основали ложу Сѣверной Звѣзды (*Zum Nordstern*) въ Ригѣ<sup>2)</sup>.

Отъ царствованія имп. Елизаветы мы имѣемъ еще одинъ документъ о русскомъ масонствѣ, относимый довольно вѣроятно къ 1756 году. Этотъ документъ есть донесеніе о масонахъ, представленное по приказанію императрицы, черезъ графа А. И. Шувалова, Михайломъ Олсуфьевымъ. Повидимому, это было только полицейское дознаніе, которое не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Олсуфьевъ долженъ былъ донести о «масонской сеѣтѣ», «на чемъ оное основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества». На эти вопросы онъ между прочимъ доносилъ слѣдующимъ образомъ (буквально): «Всякаго званія чина людей, желающихъ ложа удостоить въ разныя времена, чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей объ ономъ вышереченныхъ съ ясными доказательствами увѣрить, что оное ни что иное какъ ключъ дружелюбія и братства, которое безсмертно во вѣки пребыть имѣетъ, и тако нашедшихся ихъ сообщества называемымъ просвѣщеніемъ оныхъ удостоиваетъ». Затѣмъ онъ, такимъ же слогомъ, описываетъ главнѣйшіе обряды принатія, и наконецъ, перечисляетъ «участниковъ сообщества». Въ его «реѣстрѣ гранметрамъ и масонамъ» названо до тридцати пяти лицъ, впрочемъ безъ означенія ихъ масонскихъ должностей. На первомъ планѣ, вѣроятно главнымъ «гранметромъ», онъ ставитъ Романа Иларіоновича Воронцова (отецъ княгини Дашковой), за нимъ слѣдуетъ «бригадиръ Александра Сумароковъ», извѣстный писатель; далѣе офицеры кадетскаго корпуса: Мелиссино,

<sup>1)</sup> Лѣтоп. Тихонр. IV, 52. Какую онъ разумѣлъ печатную книгу, неизвѣстно.

<sup>2)</sup> *Neutelblatt*, 1836, стр. 78; *Latonia*, XXI, 2, стр. 114; *Handb.* III, 107.

Остервальдъ, Свистуновъ, Перфильевъ; дальше упоминаются разныя, болѣе или менѣе аристократическія имена, обозначенныя мѣстомъ ихъ службы—въ преобразженскомъ и семеновскомъ полку, въ конной гвардіи, въ ингерманландскомъ полку: это были — князь Михайло Дашковъ, Ѳедоръ Мамоновъ, князь Мих. Щербатовъ, трое князей Голицыныхъ, «капитана Волкова двои дѣтей», князь Сергѣй Трубецкой, Иванъ Болтинъ, Николай Апраксинъ, князь Семень Мещерскій, Петръ Бутурлинъ, камеръ-пажъ Петерсонъ и др. Наконецъ, упомянуто нѣсколько музыкантовъ, танцмейстеръ кадетскаго корпуса Пеле и купецъ Миллеръ. — Имена, которыя мы здѣсь встрѣчаемъ, даютъ возможность составить понятіе о кружкѣ, въ которомъ масонство находило своихъ прозелитовъ. Замѣтимъ прежде всего, что здѣсь встрѣчаются имена офицеровъ кадетскаго корпуса, танцмейстера и музыкантовъ. Въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, въ которымъ относится документъ, кадетскій корпусъ былъ однимъ изъ пріютовъ молодого русскаго просвѣщенія. Здѣсь находили себѣ мѣсто литературныя интересы; здѣсь до 1752 г., когда явился въ Петербургѣ извѣстный Волковъ съ своей ярославской труппой, существовалъ театръ, на которомъ кадеты и офицеры разыгрывали французскія пьесы, трагедіи и комедіи Сумарокова. Эти актеры играли въ самомъ корпусѣ, на придворномъ театрѣ и въ комнатахъ самой императрицы, и въ числѣ лучшихъ изъ этихъ артистовъ были: фельдфебель Мелиссино (кажется, Петръ Ив., впоследствии артилл. генераль), и сержантъ Остервальдъ, оба упомянутые въ «реэстрѣ» масоновъ у Олсуфьева. Свистуновъ есть, конечно, тотъ Петръ Семеновичъ Свистуновъ, генераль, о которомъ упоминаетъ впоследствии Новиковъ въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, называя его человѣкомъ «разумнымъ, ученымъ и искуснымъ»; Перфильевъ—тотъ, имя котораго осталось въ сочиненіяхъ Державина. Затѣмъ здѣсь же мы находимъ извѣстныя впоследствии имена князя Михайла Щербатова и историка Болтина; имя Ѳедора Мамонова было также извѣстно нѣсколько позже въ литературѣ... Однимъ словомъ, масонство является въ кружкѣ, въ которомъ русская литература и просвѣщеніе, только что вступавшія въ общественную жизнь, находили своихъ первыхъ друзей. Сумароковъ былъ тогда уже не молодъ (род. 1718); но въ кружкѣ офицеровъ, сержантовъ и т. д., было безъ сомнѣнія много молодежи, всегда воспримчивой къ нравственнымъ вліяніямъ и новымъ понятіямъ... Имя графа Романа Воронцова остается и много лѣтъ спустя въ числѣ главныхъ дѣятелей и начальниковъ русскаго масонства.

Въ это елисаветинское время безъ сомнѣнія вступилъ въ ма-



сонство Елагинъ, въ послѣдствіи великій провинціальный мастеръ русскихъ ложъ. Въ своей запискѣ о масонствѣ онъ упоминаетъ, что вступилъ въ общество свободныхъ каменщиковъ «съ самыхъ юныхъ лѣтъ» (онъ род. 1725), и что логи въ это время имѣли уже своихъ членовъ изъ числа высшихъ государственныхъ сановниковъ. Но внутреннее состояніе ложъ того времени не удовлетворяло Елагина. Онъ рассказываетъ объ этомъ такъ: увлекли его въ общество масоновъ — «любопытство и тщеславіе, да узнаю тайнство, находящееся, какъ свазывали, между ими, тщеславіе, да буду хотя на минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ обществѣ знамениты, и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть, ибо несеромность братьевъ предварительно все сіе мнѣ благовѣстила... Содѣйствовала въ тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастью моему... Съ такимъ предубѣжденіемъ препроводилъ я *многіе годы* въ исканіи въ ложахъ и свѣта обѣтованнаго и равенства мнимаго: но ни того, ни другаго, ниже какія пользы не нашель, колико ни старался». Самыя «работы» логи онъ считалъ игрушкой; вельможи оказались и здѣсь тѣми же вельможами. «Сего ради, — продолжаетъ Елагинъ, — по долгому стараніи, не приобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ ни тѣни каваго либо ученія, ниже преподаваній нравственныхъ, а видѣлъ токмо единые предметы неудобъ постижимые, обряды странныя, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительныя, катехизы, уму несоотвѣтствующіе; повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя; объясненія темныя и здравому разсудку противныя, которыя или нехотѣвшими, или незнающими мастерами безъ всякаго вкуса и сладворѣчія преподавались.» Въ послѣдствіи, когда онъ глубже вникъ въ дѣло, онъ измѣнилъ свои мнѣнія о масонствѣ, и сталъ считать его великимъ знаніемъ. Съ этой точки зрѣнія онъ и описывалъ свои прежнія легкомысленныя понятія о предметѣ; въ послѣдствіи, онъ усвоилъ себѣ эти «катехизы, уму несоотвѣтствующіе» и «повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя», — но во всякомъ случаѣ его извѣстіе должно указывать на не вполне удовлетворительное положеніе ложъ. Работа каменщиковъ вѣроятно дѣйствительно шла не вполне удачно, и вѣроятно многіе мастера умѣли только «со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ

Бахусу» <sup>1)</sup>. Впослѣдствіи Новиковъ также не былъ доволенъ обычнымъ масонствомъ, потому что въ немъ, «хотя и дѣлались объясненія по градусамъ на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты» <sup>2)</sup>. Понятно, что для удовлетворительности дѣла нужно было, чтобы во главѣ ложъ стояли талантливые и убѣжденные люди.

У Елагина послѣ перваго увлеченія ложами наступилъ періодъ вольнодумства; но потомъ онъ окончательно убѣдился въ масонствѣ, когда сталъ усиленнѣе трудиться надъ его уразумѣніемъ. Для этого онъ «сталъ искать знакомства съ людьми *состарѣвшимися* въ масонствѣ, и не пропускалъ почти ни одного изъ чужестранныхъ братьевъ, къ намъ пріѣзжавшихъ» <sup>3)</sup>, и пр. Этотъ новый періодъ исканій Елагина относится не позже, какъ къ 60-мъ годамъ, потому что въ 1772 г. онъ уже былъ столь ревностнымъ и знающимъ масономъ, что на его долю выпало гроссмейстерство въ русскихъ ложахъ, — а слѣдовательно люди, «состарѣвшіеся въ масонствѣ», были во всякомъ случаѣ люди начала царствованія Елизаветы, если еще не временъ императрицы Анны. Ктѣ они были, и что именно узналъ отъ нихъ Елагинъ, изъ его записокъ не видно.

По нѣкоторымъ чертамъ въ запискахъ Державина мы можемъ видѣть, какія мнѣнія составились о масонствѣ въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества за время императрицы Елизаветы. Мы приведемъ дальше свидѣтельство о томъ, что въ это время ложи принуждены были собираться весьма скрытно, — повидимому не только изъ опасенія правительственныхъ преслѣдованій, но и вообще изъ опасенія мнѣній, господствовавшихъ въ массѣ и считавшихъ масонство дѣломъ совершенно безбожнымъ и законопреступнымъ. — Наскучивъ своею солдатскою службой и желая учиться, Державинъ (кажется въ 1763 г.) рѣшился идти къ И. И. Шувалову, который собирался тогда за границу, и хотѣлъ просить его, чтобы тотъ взялъ его съ собою въ чужіе края. Но дѣло не состоялось, и по слѣдующей причинѣ. Державинъ уже утвердился въ своемъ намѣреніи, «но какъ дошло сіе до тетки его» (Державина, который говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ)... «жившей тогда въ Москвѣ въ своемъ домѣ.... женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку непросвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными

<sup>1)</sup> Р. Архивъ, 1864, 2-е изд., стр. 592 — 594.

<sup>2)</sup> Лонгин., стр. 075.

<sup>3)</sup> Р. Арх., 596.

Антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ (!) и тому подобныя бредни, а Шувалова признавали за ихъ главнаго начальника; то она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запрета нарѣшво ходить къ Шувалову»... Благочестивый ужасъ тетки Державина весьма наглядно выражаетъ понятія тогдашнихъ людей стараго вѣка, недовѣрчивыхъ ко всякой новизнѣ и до послѣдней степени ревнивыхъ ко всему, что было иностранной выдумкой и касалось преданій стараго благочестія. Басня о томъ, какъ масоны умерщвляютъ своихъ отсутствующихъ враговъ, была кажется довольно распространена, какъ и вообще понятіе объ отступничествѣ и еретичествѣ масоновъ. Таже басня, вмѣстѣ съ другими подобными подробностями, повторяется въ рукописномъ силлабическомъ обличеніи масонства («Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ»), о которомъ мы уже имѣли случай упоминать, и которое принадлежитъ по всей вѣроятности царствованію императрицы Елизаветы <sup>1)</sup>. Описывая всевозможные ужасы «проклятаго сборища», авторъ «Изъясненія» указываетъ на невозможность или большую опасность выхода изъ сборища. По словамъ его, въ обществѣ остается портретъ каждаго члена, и посредствомъ его масоны всегда могутъ погубить отступника:

Многіе тому примѣры, говорятъ, бывали,  
 Которые отъ сея вѣры отстать пожелали,  
 Но изъ оныхъ никого живыхъ нѣтъ на свѣтѣ;  
 Вить стоитъ смерть въ его и живомъ портретѣ,  
 Который лишь поранять пулей изъ пистолета,  
 Въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта.

Мы уже замѣчали въ другомъ мѣстѣ, что эти силлабическія обличенія всего скорѣе должны были выйти изъ среды духовенства, но что они имѣли конечно своихъ читателей и въ другой публикѣ: тетка Державина очевидно раздѣляла тѣ же самыя мысли; полковникъ Безпаловъ вѣроятно также. А духовенство уже давно относилось къ масонству недружелюбно. Проповѣдники времени императрицы Елизаветы, возставая противъ иноземцевъ, владычествовавшихъ въ Россіи при Биронѣ, и призывая кару на людей, измѣнившихъ прародительскимъ уставамъ, осы-

<sup>1)</sup> У Ешевскаго указанъ списокъ, сдѣланный въ 1765 г., съ рукописи, принадлежавшей полковнику Тобольскаго пѣхотнаго полка Безпалову. Р. Вѣстн. 1857, № 21, стр. 188.

пали этихъ иноземцевъ и ихъ угодниковъ всевозможными обвиненіями, возставали противъ этихъ «скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ» и противъ «нрава и ума эпикурейскаго и *фреймасонскаго*» <sup>1)</sup>. Такъ какъ эти филиппики вообще производились заднимъ числомъ и обличали прошедшее, то и ненависть къ фреймасонству, безъ сомнѣнія, должна была появиться еще во времена Бирона.

Въ числѣ рукописей Царскаго (№ 708), принадлежащихъ теперь графу А. С. Уварову, находится рукопись XVIII вѣка, подъ названіемъ «Отвѣтъ масонамъ», вышедшій вѣроятно изъ того же источника, откуда вышло и упомянутое «Изъясненіе». Въ началѣ рукописи говорится между прочимъ: «Писаль о франгъ-масонахъ бывшій проповѣдникъ слова Божія, Троицы Сергіевы Лавры архимандритъ Гедеонъ, и сіе напечатано въ недѣлю третію поста въ поученіи; а послѣ него не слышится болѣе обличенія отъ пастырей, а секта оныхъ масоновъ умножается, и философы Вольтеръ и Руссо величаются». Этотъ Гедеонъ, архимандритъ Троицкой лавры, есть, конечно, извѣстный проповѣдникъ двора имп. Елизаветы Гедеонъ Криновскій; но въ собраніи его проповѣдей (1755—59) мы не нашли упоминаемыхъ здѣсь обличеній <sup>2)</sup>. Самый «Отвѣтъ» состоитъ изъ опроверженія двухъ книжекъ, вѣроятно ходившихъ тогда въ рукописи, подъ названіемъ «Бѣлый Масонъ» и «Защитникъ масонскія секты», — о которыхъ мы также пока не имѣемъ свѣдѣній.

Эти указанія нѣсколько опредѣляютъ положеніе русскаго масонства при Елизаветѣ, когда полицейскій надзоръ, безъ сомнѣнія извѣстный ложамя, и самый характеръ нравовъ, нерасположеніе массы общества, вѣроятно, стѣсняли масоновъ и заставляли ихъ срываться. По свидѣтельству Бѣбера (впослѣдствіи гроссмейстера въ русскихъ ложахъ Александровскаго времени), «при императрицѣ Елизаветѣ масонство начало больше распространяться въ Россіи (тѣмъ прежде); но члены его такъ опасались за себя и за свое хорошее дѣло, что собирались только изрѣдка и совершенно въ тихомолку, и не въ обыкновенномъ помѣщеніи, а иногда даже на чердакѣ отдаленнаго большаго дома. Тѣмъ не менѣе, братья, еще жившіе въ мое время, увѣряли меня, что никогда не было больше ревности къ дѣлу и больше единосудія, какъ въ этой Ecclesia pressa (гонимой церкви)» <sup>3)</sup>. На-

<sup>1)</sup> Проповѣди 1741—49 гг. Гедеона Антонскаго, Кирилла Флоринскаго, Арсенія Мадѣевича, Кирилла Ляшевцакаго и др. — «Лѣтописи» Тихонрав. II, стр. 22, смѣсь.

<sup>2)</sup> Быть можетъ, они есть въ какихъ нибудь отдѣльныхъ изданіяхъ его словъ.

<sup>3)</sup> «Einige Notizen über die Freimaurerei in Russland», — записка, сообщенная Бѣберомъ веймарской ложѣ Амаліи. Handb. III, 612. Ср. Findel, 375.

дбно думать, что это извѣстіе о гоненіяхъ на масонство болѣе или менѣе достовѣрно, — если приномнить допросы Головина, филиппики духовенства и т. п.; но гоненія или не были очень сильны, или со временемъ прекратились, — потому что по разсказамъ Елагина надо предположить еще въ царствованіе Елизаветы существованіе правильныхъ ложъ, и кромѣ того, въ одной печатной масонской рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, сохранившейся отъ 1758 года, говорится даже о *благоклонности* (т. е. вѣроятно терпимости) императрицы къ масонству. Нѣмецкій ораторъ ложи выражаетъ радость, что масоны наслаждаются «счастливейшимъ спокойствіемъ» подъ скипетромъ императрицы; что «великая Елизавета, украшенная божественными качествами» оказываетъ и имъ свою милость и т. д. <sup>1)</sup>.

Затѣмъ о временахъ Петра III есть извѣстіе, что Петръ III подарилъ домъ петербургской ложѣ «Постоянства» (Zur Beständigkeit), гдѣ мастеромъ стула былъ консулъ Селли; и что самъ императоръ занимался масонскими работами въ Ораніенбаумѣ <sup>2)</sup>.

Царствованіе императрицы Екатерины, открывшее въ своемъ началѣ такой просторъ для умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, должно было подѣйствовать и на распространеніе ордена. Впрочемъ и здѣсь первое время до сихъ поръ остается весьма неясно; доступныя до сихъ поръ свѣдѣнія весьма ограниченны и запутанны, и мы не беремся пока связывать ихъ въ последовательный разсказъ и хотѣли только привести вѣрнѣе извѣстныя данныя и указать для будущихъ изслѣдователей нѣкоторые еще нетронутые факты и требующіе разъясненія пробѣлы.

Масонство продолжало развиваться въ Петербургѣ, вѣроятно, при посредствѣ новыхъ пришельцевъ или сношеній съ заграничными ложами; но въ тоже время являются и русскіе въ иностранныхъ ложахъ, занимаютъ въ нихъ болѣе или менѣе важ-

<sup>1)</sup> Rede, welche beim Schluss des 1758-ten Jahres in der Loge der Freymäurer in St. Petersburg ist gehalten worden von dem Bruder A\*\*\* (съ эпиграфомъ изъ Галлера); 12 неперемѣч. страницъ; на послѣднихъ двухъ страницахъ «ода», обращенная къ женщинамъ. Объ отношеніи импер. Елизаветы къ масонству говорится (стр. 10) такъ: «Können wir nicht mit wahrem Vergnügen die Dauer unserer Zunft auch in den folgenden (Jahren) hoffen? Doch was unser Frohlocken vollkommen macht, ist die Erinnerung, unter welchem Zepter wir die glücklichste Ruhe geniessen. Die Grosse, mit göttlichen Eigenschaften ausgeschmückte Kayserin, Elizabeth, welche die ganze Welt billig als die Glückseligkeit ihrer Länder, den Glanz ihres Volkes bewundert, diese unvergleichliche Monarchin lässt auch uns Ihre Gnade und Huld allermildest angedeihen. Wir sind beglückt! Wir können uns bey unserer Freude nicht fassen. Wir wollen es der Nachwelt sagen» etc. У Кросса, Bibl. № 839, брошюра обозначена невѣрно.

<sup>2)</sup> Findel, 2-te Ausg. 375. • Съ именемъ этого Селли или Селлина мы еще встрѣтимся дальше.

ное положеніе,—безъ сомнѣнія они играли роль и въ распространеніи масонства въ самой Россіи. Эти связи повлекли за собой и введеніе новыхъ масонскихъ «системъ», которыя развились послѣ перехода масонства изъ Англіи въ континентальную Европу. Сношенія съ иностранными ложами легко могли сообщать русскимъ ложамъ эти новѣйшія усовершенствованія ордена. Многие шло черезъ личныя усилія иностранныхъ пропагандистовъ или самихъ русскихъ искателей, каковы были напр. русскіе друзья Сепъ-Мартена, Воронцовъ, Голицыны, Кошелевъ, Репнинъ, масоны Новиковскаго кружка и проч.

Когда въ 1750—60-хъ годахъ стали особенно распространяться такъ называемыя «вышія степени», т. е. къ тремъ степенямъ англійскаго масонства стали прибавляться новыя степени новѣйшаго изобрѣтенія, порожденныя фантастическими наклонностями масонства или интригой,—эти новыя системы и степени скоро проникли и къ намъ, и если не прямо утверждались, то получали извѣстность и возбуждали любопытство. Съ одной стороны русскіе получали эти новыя степени за границей; такъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, оставши отъ англійской системы, вступилъ въ тампліерство. Съ другой, иностранные масоны, особенно нѣмцы, являлись въ Россію, въ остзейскіе города и Петербургъ, и вели свою пропаганду, по убѣжденію или по интригѣ, и въ скоромъ времени породили даже, какъ увидимъ, оригинальныя русскія попытки такихъ же изобрѣтеній.

Вышія степени весьма легко прививались къ масонству уже по той причинѣ, что масонство постоянно говорило о «тайнѣ». Эта «тайна»,—первоначально символическая тайна средневѣковаго цѣха, — при новой формѣ масонства легко превращалась въ тайну нравственнаго знанія, которой именно и данъ былъ смыслъ тайнаго ученія, будто бы переходившаго съ древнѣйшихъ временъ отъ одного поколѣнія избранныхъ къ другому. Въ такомъ видѣ масонская тайна является въ той редакціи масонства, какая дана была ему при основаніи «Великой ложи», при Андерсонѣ и Дегаюлье. Первая исторія ордена, помѣщенная при «Конституціяхъ» Андерсона (1723), уже ссылалась обстоятельно на древнія времена и ихъ высокую мудрость. «Тайна» масонства принадлежала только избраннымъ, и во всей сущности своей доставалась немногимъ. Понятно, что начавъ съ этого, можно было эксплуатировать «тайну» въ какомъ угодно смыслѣ. Разъ убѣжденный масонъ уже тѣмъ самымъ становился искателемъ этой тайны, и людямъ, которые находили въ себѣ достаточно изобрѣтательности и знанія общихъ масонскихъ приемовъ, не трудно было сочинять новыя «градусы» сверхъ трехъ

общепринятыхъ. Эти новые «градусы» появляются, въ сущности, только съ 1740 г. или немного раньше, когда началась первая эксплуатація масонства, и когда подъ іезуитскими вліяніями хотѣли дать ему скрытую цѣль возстановленія Стюартовъ. Первымъ источникомъ «высшихъ степеней» были французскія ложи, или англійскія ложи во Франціи. Шотландецъ Рамзай, одинъ изъ приверженцевъ претендента Стюарта, первый имѣлъ въ этомъ смыслѣ рѣшительное вліяніе и поставилъ масонство въ связь съ крестовыми походами и мальтійскимъ рыцарствомъ. Нѣсколько позднѣе стали выдавать его за прямое продолженіе и наслѣдіе тамплиерства или храмовыхъ рыцарей, которые были будто бы спеціальными хранителями и служителями древней «тайны». Съ тѣхъ поръ рыцарство и рыцарскія степени или титулы составляютъ почти всеобщую принадлежность высшихъ степеней; съ этихъ поръ и масонство начинаетъ называться *орденомъ*. Само собою разумѣется, что историческая преемственность, которую утверждали такіе нововводители, требовала доказательствъ; необходима была исторія ордена, и она дѣйствительно явилась. Понятно, что это была исторія поддѣланная, съ разными варіаціями по разнымъ «системамъ». Такъ, напр., сочинена была цѣлая исторія тамплиерства, въ которой перечислены были всѣ мнимые гермейстеры ордена, отъ Якова Моле, сожженнаго въ XIV столѣтіи, до самого барона фонъ-Гунда, который, въ 1751 году, вообразилъ себя настоящимъ гермейстеромъ въ новоизобрѣтенномъ тамплиерствѣ. Изобрѣтатели этой подложной исторіи должны были конечно заботиться объ исторической вѣроятности сообщаемыхъ ими извѣстій; для этого они рылись и въ дѣйствительной исторіи, придумывая вѣроятныя комбинаціи событій, собирая таинственные символы и преданія. Впослѣдствіи знатокъ дѣла, какъ напр. не разъ упомянутый нами прежде Николай, нападали на слѣды поддѣлокъ и отыскивали мнимыя тайны, сохранившіяся будто бы по преданью только въ ордентѣ, — отыскивали ихъ въ печатныхъ археологическихъ книгахъ XVII столѣтія; но на первое время, и въ той мало ученой средѣ, къ которой обращались прежде всего эти изобрѣтенія, поддѣлки и не думали подозрѣвать, и ея отчетливость усиливала убѣжденіе новыхъ адептовъ въ великой древности и старой славѣ ордена. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы видѣть поддѣлку, надо было быть ученымъ археологомъ, надо было напасть на тѣ же книги, обыкновенно рѣдкія и забытыя, которыми пользовались изобрѣтатели, — а гдѣ же можно было найти такую ученость между французскими сеньорами, нѣмецкими баронами и купцами (не говоря уже о старыхъ русскихъ барахъ и среднемъ дворянствѣ), изъ

которыхъ набирался главный контингентъ ордена? Впослѣдствіи въ этомъ новомъ усовершенствованномъ масонствѣ не разъ открывались самыя наглые обманы, такого и подобнаго рода, — но первое впечатлѣніе было уже сдѣлано, и легковѣріе находило себѣ выходы, относя обманъ только въ отдѣльнымъ дурнымъ людямъ, или въ одному частному случаю, и продолжало держаться прежняго... Высшія степени имѣли притомъ много завлекательнаго. Большинство «членовъ» ордена было изъ людей не привыкшихъ къ послѣдовательному разсужденію, и когда въ нихъ укоренилось понятіе, что глубочайшая тайная истина можетъ быть получена посредствомъ «посвященія» (понятіе, чрезвычайно сродное съ отвычкою отъ самостоятельной мысли), то набрать себѣ всевозможныхъ «градусовъ» становилось въ нихъ самымъ естественнымъ стремленіемъ. Такъ это дѣйствительно и было; наши масоны, какъ извѣстно по историческимъ свидѣтельствамъ, употребляли всевозможныя усилія, тратили огромныя деньги на то, чтобы собрать всѣ существующія степени и отыскать между ними истинное масонство. Такъ было съ Елагинымъ, Репнинымъ и многими другими; тѣмъ же искательствомъ занятъ былъ и Новиковъ... Для людей свѣтскаго образованія и высшаго общества эти высшія степени были привлекательны и своей ви́шней формой. Мы сказали уже, что почти всѣ они были рыцарскія, по связи съ тампліерствомъ, крестовыми походами и т. п. Разноцвѣтныя ленты, ордена, символы (такъ называемыя «регалии»), торжественные обряды съ рыцарскимъ характеромъ, громкіе титулы, переименованіе въ латинскіе псевдонимы, — все это, принимаемое за чистую монету, было и любопытно и льстило самолюбію. Въ той запискѣ, которая отправлена была нашими масонами на Вильгельмсбадскій конвентъ 1782 г., прямо было замѣчено, что тампліерскіе градусы съ ихъ пышными церемоніями, рыцарскимъ одѣяніемъ, крестами, кольцами, епанчами (т. е. мантиями), и пр., очень нравились въ Россіи, какъ націи военной, гдѣ только знатное дворянство занималось масонскими работами<sup>1)</sup>. Наконецъ и самое содержаніе «градусовъ», ихъ символика и толкованія, были располагаемы обыкновенно такъ, что и съ этой стороны они способны были заинтересовать и завлекать посвящаемыхъ. «Высшая степень, — говоритъ одинъ изъ опытныхъ знатоковъ масонства, Фесслеръ, — есть мистерія, составленная въ новѣйшія времена изъ различныхъ церемоній, символическихъ формулъ и гіероглифическихъ образовъ, гдѣ церемоніямъ, формуламъ и гіероглифамъ придается нравственное значеніе, но раскрытіе ихъ настоящаго смысла и полныя разъясненія обѣщаются

<sup>1)</sup> Ешевскій, Р. Вѣстн. 1864, 8, стр. 389.



только въ другой, еще высшей степени... И это обѣщаніе ведется отъ одной степени къ другой до тѣхъ поръ, на сколько въ той или другой системѣ кажется необходимымъ символически предъувязывать свои послѣднія и высшія разьясненія въ большемъ или меньшемъ количествѣ высшихъ степеней. Эти послѣднія и высшія разьясненія, которыя такимъ образомъ составляютъ заключительный камень цѣлой системы, сами по себѣ не что иное, какъ выдуманная исторія ордена, противорѣчащая всякой дѣйствительной исторіи, невыдерживающая никакой повѣрки и критики, и изобрѣтенная тѣми, которые не умѣли иначе удовлетворить все болѣе и болѣе возрастающему любопытству братьевъ, или руководились прискорбнымъ убѣжденіемъ, что люди вездѣ любятъ обманъ больше чѣмъ истину, и даже хорошее хотятъ видѣть только черезъ покровъ обмана».

Эта сущность дѣла понята была еще въ концѣ XVIII-го столѣтія, когда чрезмѣрность обмановъ и іезуитскія наклонности высшихъ степеней обратили на нихъ болѣе строгое вниманіе людей, достаточно благоразумныхъ и достаточно свѣдущихъ въ исторіи. Первые внимательные критики увѣрились въ совершенной пустотѣ высшихъ степеней, и первымъ дѣломъ реформы масонства была отмѣна высшихъ степеней, — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это было возможно. Таково было реформаторское движеніе въ Германіи, начавшееся еще съ 1780 годовъ, въ пору сильнѣйшаго развитія высшихъ степеней, и постепенно приобращавшее больше и больше послѣдователей. Любопытно, что и наши московскіе масоны въ упомянутомъ посланіи на Вильгельмсбадскій конвентъ (1782) съ большимъ пренебреженіемъ отзываются о высшихъ степеняхъ, какія бывали въ русскихъ ложахъ до введенія тамплиерскаго ордена. Упомянувъ о прежнихъ формахъ масонства они замѣчаютъ:... «вели насъ изъ степени въ степень, изъ коихъ одинъ другаго былъ гораздо жалче. Множество изъ нашихъ братьевъ, особливо изъ имѣющихъ первѣйшіе чины въ имперіи, получили отъ нихъ *отращеніе* или, наскучивъ употреблять болѣе во зло святость присяги, отъ нихъ *отказались*. Наконецъ сообщили намъ О. Т. (т. е. орденъ тамплиеровъ), и тогда возвратилась надежда въ сердца наши...»<sup>1)</sup> Эта надежда потомъ также ослабѣла. Можно было бы порадоваться проницательности нашихъ масоновъ, если они способны были увидѣть, что ихъ высшія степени были одна жалче другой; но въ сожалѣнію ихъ проницательность не дошла до конца, — потому что въ концѣ концовъ сами они остановились сначала

<sup>1)</sup> Ешевскій, Р. Вѣстн., *ibid.* 388.

на тамплиерствѣ; а потомъ — едва ли не на самой жалкой изъ всѣхъ системъ высшихъ степеней, т. е. на розенкрейцерствѣ...

Высшія степени удержались и до сихъ поръ, и господствуютъ всего больше во французскихъ ложахъ, гдѣ и въ прошломъ столѣтіи они развились всего обширнѣе: одна изъ французскихъ системъ считаетъ до 99 степеней. Какъ велика была страсть въ высшимъ степенямъ, можно судить по тому, что одинъ изъ лучшихъ французскихъ знатковъ масонства, Рагонъ, всю цифру существовавшихъ высшихъ степеней считаетъ до 900.

Понятно, что исторія степеней очень запутана, и особенно при крайней отрывочности извѣстій о нашемъ масонствѣ въ настоящую минуту еще не легко было бы прослѣдить въ точности исторію тѣхъ высшихъ степеней, какія существовали въ русскихъ ложахъ. — Мы сообщимъ по крайней мѣрѣ нѣсколько указаній, какія были нами встрѣчены въ иностранныхъ источникахъ.

Однимъ изъ первыхъ примѣровъ высшей степени, или первымъ, былъ такъ называемый «шотландскій мастеръ» (*maître écossais*) или шотландское масонство, «екосскіе градусы», какъ это называлось у насъ. Какъ видно по новѣйшимъ изслѣдованіямъ <sup>1)</sup>, въ этой шотландской степени не было ничего шотландскаго кромѣ имени; изобрѣтеніе ея сдѣлано во Франціи и связано съ дѣятельностью упомянутаго Рамазая. Шотландскій мастеръ составилъ 4-ю степень, которая распространилась очень сильно и удержалась въ этомъ видѣ въ большомъ числѣ системъ. Во Франціи появляются въ первый разъ и степени съ рыцарскимъ характеромъ. Около 1750 г. установилась тамплиерская система, развившаяся потомъ особенно въ Германіи, подъ гермейстерствомъ Гунда, Фердинанда Брауншвейгскаго и Карла Гессенъ-Кассельскаго. Затѣмъ, въ 1754 г., основалась во Франціи цѣлая система высшихъ степеней, такъ называемый клермонтскій капитулъ; далѣе, дополнявшая тамплиерство система клерикальных степеней; потомъ шведская система, которая еще раньше тамплиерства воспользовалась рыцарскимъ элементомъ изъ французскаго источника, и т. д., и т. д.

Въ нашемъ масонствѣ высшія степени появились вѣроятно уже очень рано. О самомъ Кейтѣ рассказывалось <sup>2)</sup>, что онъ еще въ 1734 году принесъ изъ Англій шотландскій орденъ св. Андрея (связанный съ особенной масонской степенью), который носили въ Гамбургѣ въ 1735 г. на зеленой съ красными вкраями

<sup>1)</sup> Handb. III, 166 и слѣд.

<sup>2)</sup> Ibid., 169, примѣч.

лентѣ. Но теперь подвергаютъ сомнѣнію этотъ фактъ на томъ основаніи, что до сихъ поръ не найдено никакого слѣда масонскихъ работъ въ Гамбургѣ раньше 1737 года. Любопытно только, что имя Кейта, играющее роль въ основаніи русскаго масонства, уже соединяется съ исторіей первыхъ высшихъ степеней.

Есть возможность предположить, что французскія степени шотландской и клермонтской системы были тогда же извѣстны русскимъ масонамъ, въ той или другой формѣ; нововведенія распространялись довольно быстро въ континентальныхъ ложахъ, и въ русскомъ масонствѣ можно принимать французскія вліянія по всему характеру тогдашнихъ нравовъ и моднаго образованія. Самыя названія ордена и степеней были французскія, и иногда удерживались въ такой формѣ до очень поздняго времени, не смотря на всю свою странность (напр. слова: франзь-масонъ; гранметръ; екоскій градусъ, т. е. *écossais*; елюскій градусъ, т. е. *maître élu*, избранный мастеръ, и т. п.).

Когда явилась къ намъ тамплиерская система, также трудно сказать, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ. Но русскіе члены тамплиерскаго ордена встрѣчаются уже вскорѣ по основаніи этой системы, и даже съ извѣстнымъ значеніемъ въ ней. Такой примѣръ представляетъ графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (1732). Въ 1760-хъ годахъ онъ былъ русскимъ уполномоченнымъ въ Лондонѣ, потомъ имѣлъ дипломатическое положеніе въ Германіи и въ 1766 г. (по другимъ указаніямъ въ 1765) вступилъ въ Гамбургѣ въ систему Строгаго Наблюденія: 19-го августа этого года онъ сдѣланъ былъ комтуромъ Крейцштейна, 26-го августа начальникомъ (*praepositus*) префектуры въ Ивенакѣ (Гамбургѣ) *cum facultate induendi*, т. е. съ правомъ посвящать другихъ въ рыцарство, и въ январѣ 1767 года онъ получилъ достоинство совѣтника тамплиерскаго ордена. Его орденское имя было *eques ab Elephante* <sup>1)</sup>. Якоби, тогдашній секретарь VII-й, т. е. нѣмецкой, провинціи тамплиерскаго ордена, въ своихъ запискахъ отзывается о Мусинѣ-Пушкинѣ какъ о «ревностномъ и умномъ членѣ ордена», и рассказываетъ о его предложеніи основать масонско-тамплиерскую колонію въ Саратовѣ, куда въ то время направлялись нѣмецкіе поселенцы. Планъ не состоялся, по словамъ Якоби, только по нерѣшительности и слабости гермейстера, т. е. барона Гунда <sup>2)</sup>. Для тамплиеровъ

<sup>1)</sup> Его имя находится въ спискѣ вліятельнѣйшихъ членовъ Строгаго Наблюденія, между *Fratres militares ad Capit. Gen. pertinentes*. См. *Zeitschr. für Freim. Altenburg*, 1825, 3, 244.

<sup>2)</sup> См. *Zeitschr. für Freim.* 1843, II, 3, 273—275.

планъ былъ особенно интересенъ и важенъ потому, что въ это самое время они заняты были своимъ такъ называемымъ «Экономическимъ Планомъ» (по которому высшія орденскія должности должны были соединяться съ бенефіціями и т. п.) и вообще старались дать ордену мѣсто и роль въ практической жизни — съ тенденціей, о которой мы уже имѣли случай упоминать. Дальнѣйшія свѣдѣнія о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ говорятъ, что по отъѣздѣ изъ Гамбурга онъ въ 1777 г. вступилъ въ капитулъ Темпельбургъ, т. е. въ курляндскую отрасль тамплиерскихъ учреждений въ Митавѣ, и дѣятельно заботился о распространеніи въ Россіи системы Строгаго Наблюденія <sup>1)</sup>.

Во время семилѣтней войны, черезъ французскихъ офицеровъ, клермонтскія степени проникли въ Пруссію, и ревностнымъ распространителемъ ихъ сталъ между прочимъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ масонскихъ шарлатановъ и обманщиковъ того времени, пасторъ Роза. Кругъ его походовъ коснулся и Россіи. Роза обѣзжалъ Германію съ цѣлю распространенія новой системы (которой дають и его личное имя), главный капитулъ которой былъ въ Берлинѣ, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ основалъ подчиненный капитулъ этой системы въ Ригѣ. Роза проповѣдовалъ уже самыя нелѣпыя подробности масонскаго колдовства, потому что онъ хвалился, что знаетъ *scientias divinas elatas*, алхимическое дѣланіе золота, даже особое магическое *hominum factio* и т. п. <sup>2)</sup>.

Въ 1760-хъ годахъ Петербургъ дѣлается уже мѣстомъ довольно оживленной масонской дѣятельности. Мы упоминали прежде о д-рѣ Штаркѣ, изобрѣтателѣ тамплиерскаго клериката, т. е. мнимой клерикальной, духовной или церковной отрасли тамплиерскаго ордена, которая, по увѣреніямъ Штарка, владѣла настоящими масонскими секретами. Штаркъ въ первый разъ заявилъ объ этомъ «клерикатѣ» въ 1767 г. Онъ успѣлъ завязать отношенія съ тамплиерскимъ гермейстеромъ, барономъ Гундомъ, увѣрилъ его, что можетъ открыть эти клерикальныя таинства ордена, и Гундъ послалъ къ нему въ Висмаръ одного изъ членовъ тамплиерской администраціи, фонъ-Прангена, вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Якоби, который и оставилъ довольно обстоятельныя записки объ этомъ посольствѣ. Прангенъ былъ крайне довѣрчивый масонъ; передъ тѣмъ онъ компрометировалъ себя этой довѣрчивостію

<sup>1)</sup> Handb. II, 369. Ленингъ, Encyclop. der Freimaurerei, II, 529—530 приводятъ указанія о проектѣ Мусина-Пушкина изъ масонскаго романа «Saint-Nicaise», 2-те Ausg. 1786, стр. 179.

<sup>2)</sup> Maurerhalle, 1843, II, 2, 147. W. Keller, Gesch. der Freem. in Deutschl. Gies- sen 1859, 124. Ср. Handb. III, 80.

въ скандальномъ дѣлѣ обманщика Джонсона, вслѣдствіе чего былъ даже на время исключенъ изъ ордена: естественно, что на первый разъ онъ не понялъ и новаго шарлатана, съ которымъ ему поручили имѣть дѣло. Штаркъ посвятилъ его въ клерикальную степень со всѣми потребными церемоніями, но когда отъ него пожелали болѣе положительныхъ указаній о таинствахъ, которыми онъ хвастался, то Штаркъ сталъ говорить, что для открытія ихъ ему нужно сначала съѣздить въ Петербургъ, гдѣ будто бы находятся болѣе посвященные члены этой масонской системы. Прежде, чѣмъ дѣло успѣло достаточно разъясниться, тампліерскіе начальники уже извѣстили циркуляромъ братьевъ о вновь открытой мнимой отрасли ордена, — и не смотря на позднѣйшее разочарованіе, многіе изъ тампліеровъ остались увѣренными въ этой баснѣ, что и доставило Штарку многихъ вліятельныхъ покровителей. Это былъ вообще человекъ веращивый, умный и ловкій, съ большими свѣдѣніями, хорошо изучившій масонскую орденскую исторію. Составляя свою подложную исторію мнимой клерикальной отрасли тампліерства, онъ ловко воспользовался существовавшей легендой тампліерскаго ордена, сумѣлъ дополнить ее новыми, какъ будто вѣроподобными фактами и подробностями въ клерикальномъ стилѣ, — такъ что тампліерскіе братья были кажется подкуплены этой баснословной исторіей, въ которой они не подозрѣвали поддѣлки, потому что сами не были бы способны сдѣлать ее такъ ловко. Случилось однако, что Прангенъ (род. 1737 г., виртембергскій военный, взятый въ плѣнъ пруссаками въ семилѣтнюю войну) — въ то самое время, когда Штаркъ дѣйствительно отправился въ Петербургъ (въ 1768 г.), — поступилъ въ русскую службу и осенью 1768 г., въ Петербургѣ, встрѣтился со Штаркомъ. Этотъ послѣдній, въ своихъ окончательныхъ переговорахъ съ Гундомъ, утверждалъ относительно клерикальныхъ тайнъ слѣдующее: что эти тайны сохранялись въ флорентинской отрасли тампліерства, гдѣ былъ гермейстеромъ лордъ Саввилль († 1769), и что отсюда эти тайны перенесены въ Петербургъ Наттеромъ, извѣстнымъ въ то время рѣзчикомъ на камнѣ и граверомъ († 1763), который поселился въ Петербургѣ въ 1762 г. Называя Саввилля гермейстеромъ Строгаго Наблюденія въ провинціи Италіи, Штаркъ ссыался на него еще въ 1775 г., когда тотъ давно умеръ; притомъ, Саввилль, хотя дѣйствительно былъ мастеромъ масонской ложи во Флоренціи, сколько извѣстно исторически, не только не имѣлъ, но и не могъ имѣть, никакихъ клерикальныхъ преданій. Самъ Наттеръ въ то время умеръ, и поэтому ссылаться на него было довольно удобно. Къ этому Штаркъ утверждалъ еще, что

шотландецъ лордъ Вильямъ основалъ въ Петербургѣ клерикальный капитулъ (*Capitulum saconicorum regularium*), членомъ котораго былъ будто бы и Штаркъ, и который онъ перенесъ потомъ въ Висмаръ и Кёнигсбергъ.

Беберъ, въ упомянутой запискѣ о русскомъ масонствѣ, излагаетъ дѣло такимъ образомъ. Когда Елагинъ получилъ изъ Англiи патентъ на достоинство великаго провинціального мастера въ Россiи, то подъ его управленiемъ основалось нѣсколько ложъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, также въ Ригѣ и Ревелѣ, «которыя всѣ называли себя ложами Слабаго Наблюденiя» (*lata observantia*, въ противоположность Строгому, *stricta observantia*) «и по своимъ собственнымъ бумагамъ работали во всѣхъ степеняхъ». Затѣмъ о дѣятельности Штарка говорится такъ: «Въ 1768 г. извѣстный Штаркъ основалъ ложу Строгаго Наблюденiя подъ названiемъ Феникса, и въ слѣдующемъ году къ ней приступила также и ложа упомянутаго Слабаго Наблюденiя, которая носила имя Истиннаго Постоянства (*der Wahren Beständigkeit*) и работала подъ молоткомъ (т. е. управленiемъ) нѣкоего Селлина, — приступила, какъ говорится въ находящемся у меня протоколѣ ложи Феникса, убѣдившись въ своихъ прежнихъ заблужденiяхъ. Кажется, однако, что эта связь продолжалась недолго, потому что упомянутый протоколъ кончается собранiемъ 9-го декабря 1769 г.»<sup>1)</sup>

Мы уже рассказывали прежде, чѣмъ оказались эти петербургскiе клерикальные начальники, на которыхъ ссылался Штаркъ. Прангенъ, встрѣтившись въ Петербургѣ съ Штаркомъ, долженъ былъ убѣдиться, что въ Петербургѣ нечего искать клериката. Штаркъ уже находился нѣсколько времени въ Петербургѣ, и по словамъ Якоби, «успѣлъ уже, не особенно почетнымъ для себя способомъ, перессориться съ большей частью тамошнихъ масоновъ Строгаго Наблюденiя». Относительно клериката оказалось, что «тайный клерикальный начальникъ», Пиладъ, былъ просто малообразованный часовщикъ Шюргеръ, который служилъ Штарку простымъ орудiемъ: Штаркъ просто напередъ говорилъ или писалъ этому часовщику то, что тотъ долженъ былъ выдавать потомъ за свои высшiя клерикальныя сообщенiя.

Мы не будемъ говорить здѣсь о дальнѣйшей исторiи клериката, которая принадлежитъ уже исторiи германскаго масонства. Замѣтимъ только, что увѣренность въ его существованiи сохранялась довольно долго у ревностнѣйшихъ тамплеровъ; Штаркъ самъ ловко уклонялся выступать лично въ обширныхъ масонскихъ

<sup>1)</sup> Handb. III, 613.

собраніяхъ защитникомъ своей системы, и обыкновенно выстав-  
лялъ другихъ. Такъ, на конвентѣ въ Коло, 1772, явился тамп-  
лиеръ фонъ-Равенъ, котораго Штаркъ успѣлъ сдѣлать началь-  
никомъ клерикальной отрасли (пріоромъ): появленіе Равена въ  
клерикальномъ облаченіи и полу-католическая церемоніальность  
его должности на иныхъ произвело впечатлѣніе, въ другихъ воз-  
будило протестантскія сомнѣнія или вызывало смѣхъ. Но во-  
обще дѣло, не смотря на всю изворотливость Штарка, съ самаго  
начала обнаружило свои свойства и не удалось; въ 1777 г. клер-  
рики официально отстранились отъ ордена, и ихъ дѣятель-  
ность прекратилась совсѣмъ. Штаркъ пропагандировалъ съ тѣхъ  
поръ тайныя науки, магію, и вообще мистическое колдовство, и  
это, вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ клериката, долго составляло пред-  
метъ масонской полемики, о которой мы упоминали прежде.

Если еще нельзя выводить какихъ-нибудь положительныхъ  
фактовъ изъ того, что Штаркъ имѣлъ въ Петербургѣ какія-то  
связи, ссылаясь на Петербургъ, какъ на очагъ клериката, ука-  
зывая на лорда Вилльямса, — то едва ли нельзя изъ этого за-  
ключить, что въ Петербургѣ было уже тогда какое-то особенное  
масонское движеніе <sup>1)</sup>.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ <sup>2)</sup>, довольно неопредѣленнымъ и  
запутаннымъ, Штаркъ, 23 іюня 1768 г., основалъ въ Петербургѣ  
префектуру Строгаго Наблюденія, свѣтскій капитулъ Феникса; по  
другимъ свѣдѣніямъ онъ самъ узналъ тамплиерство изъ подоб-  
наго учрежденія, существовавшего въ Петербургѣ уже раньше.  
Великимъ мастеромъ въ этомъ «*Capitulum Petrópolitanum*» на-  
зываютъ купца Людера, а въ числѣ членовъ его поименовывается  
не мало людей изъ высшаго слоя общества, напр. генералъ Бол-  
тинъ, генералъ Бороздинъ, новгородскій намѣстникъ графъ Брюсъ,  
князь «Георгъ» (т. е. конечно Юрій Владиміровичъ) Долгорукій,  
оберъ-прокуроръ въ Москвѣ князь Гагаринъ (онъ былъ проку-  
роромъ уже впослѣдствіи), камергеръ князь Куракинъ, тай-  
ный совѣтникъ князь Несвицкій, «президентъ» Ржевскій, сена-  
торъ князь Щербатовъ, — также графъ Разумовскій, гр. Строга-  
новъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ именъ мы уже встрѣчались;  
другія также играютъ болѣе или менѣе важную въ дальнѣйшей  
исторіи нашего масонства.

<sup>1)</sup> О Штаркѣ см. Handbuch, статьи: Kleriker, Starck, Sackville, Natter, Prangen, Ordenssagen, Williams; также Zeitschr. für Freem. (die Maurerhalle), 1844—1845: Gesch. der zum System der stricten Observanz gehörenden Freimaurer, Якоби, бывшаго секретаремъ гермейстера Гунда.

<sup>2)</sup> Handb. II, 552. III, 108.

Въ Курляндіи въ это время уже существовала префектура Строгаго Наблюденія, подъ названіемъ Темпельбургъ, — въ Митавѣ. Это была одна изъ первыхъ по времени префектуръ тамплиерской системы, которая имѣла вообще большой успѣхъ въ курляндскомъ дворянствѣ. Въ 1772 г. курляндскіе тамплиеры имѣли уже своего представителя на масонскомъ конвентѣ въ Коло, и вообще отличались большой ревностью къ ордену, — хотя пріоръ курляндскихъ тамплиеровъ, фонъ-Фирьсъ, относился недобѣрчиво и враждебно къ Штарку <sup>1)</sup>.

Объ упомянутомъ нами Прангенѣ (eques a Ravone), которому поручено было Гундомъ войти въ переговоры съ Штаркомъ, и который былъ посвященъ имъ въ клеривальную систему, Якоби рассказываетъ дальше въ своихъ запискахъ, что въ Петербургѣ Прангенъ, встрѣтившись опять со Штаркомъ, потерялъ надежду узнать таинственныхъ высшихъ начальниковъ системы, потому что представителемъ ихъ оказался здѣсь только малообразованный ремесленникъ. Но Прангенъ все-таки одушевленъ былъ ревностью къ ордену, и Якоби рассказываетъ, что онъ «при содѣйствіи нѣкоторыхъ тамошнихъ (т. е. петербургскихъ) братьевъ основалъ свѣтскій капитулъ», и затѣмъ отправился къ своему назначенію: онъ принятъ былъ въ русскую службу ротмистромъ въ московскій карабинерный полкъ <sup>2)</sup>. Полкъ его находился тогда на турецкой границѣ, и Прангенъ остался тамъ на все время турецкой войны, до заключенія мира, и состоялъ адъютантомъ при князѣ Голицынѣ и графѣ Румянцовѣ <sup>3)</sup>. Основанный имъ «свѣтскій капитулъ» есть вѣроятно тотъ же самый «Фенивсъ», учрежденіе котораго приписывается Штарку. Вообще это было кажется первое формальное утвержденіе тамплиерской системы въ русскихъ ложахъ.

Около того же времени, и именно около 1765 — 1768, основана была въ Петербургѣ и особенная система съ высшими степенями, собственно русскаго изобрѣтенія. Это — система Мелиссино, младшаго брата куратора московскаго университета, артиллерійскаго генерала. Мелиссино въ то время былъ первымъ великимъ надзирателемъ тогдашней провинціальной ложи и ввелъ свою систему въ ложѣ Скромности, въ Петербургѣ, въ которой онъ предсѣдательствовалъ <sup>4)</sup>. Эта система, кажется, не выходила за предѣлы Россіи, но была, однакоже, довольно извѣстна: въ

<sup>1)</sup> Handb. ibid.; также II, 171.

<sup>2)</sup> Такъ говоритъ Handb. II, 606.

<sup>3)</sup> Maurerhalle, 1844, III, 305 — 306.

<sup>4)</sup> Handb. II, 306.



1780-хъ годахъ, нѣкто Корсицкій, или Коржицкій, бывшій русскій офицеръ, жившій пенсіей во Львовѣ и посвящавшій въ высшія степени извѣстнаго Фесслера, сообщалъ ему и систему Мелиссино; Леннингъ подробно описываетъ ее въ своей Энциклопедіи <sup>1)</sup>, а Фишеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, о которыхъ мы упомянемъ дальше. Иностранные историки называютъ ее одной изъ самыхъ странныхъ системъ съ высшими степенями. Составлена она была конечно подъ вліяніемъ той страсти къ высшимъ степенямъ, которая въ половинѣ прошлаго столѣтія овладѣла почти всѣмъ безъ исключенія европейскимъ масонствомъ, и легко могла оказать вліяніе на масонскую голову съ энергіей и фантазіей, каковъ былъ, судя по отзывамъ, Мелиссино. Одинъ изъ нѣмецкихъ современниковъ, или по крайней мѣрѣ, близкихъ къ тому времени масонскихъ писателей, Фишеръ (издатель «Элевзиній»), знакомый съ положеніемъ русскихъ дѣлъ, описываетъ Мелиссино (родомъ онъ былъ грекъ) «высокимъ, худощавымъ человекомъ, съ блестящими глазами и съ богатыми дарованіями. Онъ съ одинаковымъ совершенствомъ держалъ ложу на четырехъ языкахъ, и имѣлъ притомъ прекрасную наружность и увлекательное краснорѣчіе» <sup>2)</sup>. Фишеръ полагалъ, что въ системѣ Мелиссино и заключается источникъ, который навелъ Штарва на мысль о вливать; онъ думалъ, что Штарвъ могъ именно познакомиться съ этой системой во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Другіе <sup>3)</sup> считаютъ предположеніе неосновательнымъ, потому уже, что вливать по времени считаютъ старѣе системы Мелиссино. Впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Екатерины, Мелиссино закрылъ свою ложу вслѣдствіе приказанія императрицы <sup>4)</sup>.

Къ первымъ семидесятымъ годамъ относится появленіе въ русскихъ ложахъ системы Циннендорфа, которая только недавно передъ тѣмъ образовалась въ Германіи, какъ особенная отрасль тамплиерства. Ревностнымъ дѣятелемъ этой системы въ Петербургѣ былъ Рейхель, отношенія котораго съ Новиковымъ указаны въ книгѣ г. Лонгинова. Въ нѣмецкихъ источникахъ мы находимъ слѣдующія извѣстія о ложахъ циннендорфской системы, назы-

<sup>1)</sup> Encycl. der Freem. II, 460—481.

<sup>2)</sup> Zeitschr. für Freem. Altenb. 1823, I, 20 и слѣд.—См. также согласную съ этимъ характеристику Мелиссино въ «Mémoires secrets sur la Russie» Paris 1802, III, 425—435. Авторъ ихъ, Массонъ, близко зналъ Мелиссино. Онъ говоритъ между прочимъ, что Мелиссино былъ «grand-maître de l'ordre maçonnique en Russie», и основателемъ многихъ ложъ. Это «гроссмейстерство» относится вѣроятно къ той системѣ, которая носила имя Мелиссино.

<sup>3)</sup> Handb. II, 307.

<sup>4)</sup> Это рассказано у Лонгинова, стр. 304.

вавшейся у насъ рейхелевскою. По этой системѣ основаны были въ 1771 г. ложа Аполлона въ Петербургѣ, Изиды въ Ревелѣ; въ 1772 г. ложа Гарповрата въ Петербургѣ, 1773 г. военная ложа тамъ же. Въ 1774—75 ложа Аполлона, переставшая дѣйствовать, открыла опять работы, когда мастеромъ стула сдѣлался Розенбергъ. Въ то же время основана была въ Петербургѣ ложа Горуса, въ которой мастеромъ стула упоминается Нартовъ; въ 1776 указывается основаніе (петербургской) ложи Латоны, гдѣ мастеромъ стула былъ Храповицкій; и въ томъ же году гвардейскій капитанъ Иванъ Чаадаевъ основалъ ложу Немезиды. Всѣ эти имена извѣстны въ исторіи нашего масонства: Нартовъ, Андрей Андреевичъ, извѣстный переводчикъ, упоминается въ напечатанной Ешевскимъ масонской перепискѣ 1780-хъ годовъ; но роль его и Храповицкаго въ масонствѣ была до сихъ поръ неизвѣстна; ложа Чаадаева была та, въ которой работалъ въ Петербургѣ Новиковъ; въ ложѣ Горуса работалъ Панаевъ <sup>1)</sup>.

Названное здѣсь имя Розенберга встрѣчается также въ биографіи Новикова, который имѣлъ съ нимъ разныя масонскія отношенія, и мы сообщимъ о немъ нѣсколько биографическихъ подробностей, какія доставляетъ иностранная литература. Розенбергъ, собственно говоря, былъ одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые находили въ масонствѣ только средство для устройства своихъ личныхъ дѣлъ: такъ отзываются о немъ новѣйшіе масонскіе историки, и такого же рода впечатлѣніе онъ оставилъ, кажется, и въ нашихъ старыхъ масонахъ, — по крайней мѣрѣ, они чувствовали къ нему нѣкоторое недовѣріе <sup>2)</sup>. Георгъ Розенбергъ, бывшій ротмистромъ въ отрядѣ волонтеровъ Люкнера, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей Циннендорфа въ его масонской реформѣ, — неизвѣстно, руководясь ли при этомъ какими нибудь вопросами убѣжденія. Онъ былъ принятъ въ масонство въ Дрезденѣ еще въ 1752 г.; затѣмъ, въ 1763 г., въ парижской ложѣ La Candeur онъ получилъ высшія французскія степени, и въ Мецѣ въ теченіе трехъ недѣль приобрѣлъ степени *chevalier d'Orient, d'Occident* и *de l'Aigle*. Съ вучей французскихъ «градусовъ» онъ явился въ Гамбургъ, соединился тамъ съ другими братьями, и, опираясь на свои мнимыя полномочія, открылъ самовольно свою ложу «Трехъ (золотыхъ) Розъ», изъ-за которой онъ вошелъ въ рѣзкій споръ съ властями

<sup>1)</sup> Handb. III, 108. Ср. Ловг. 97—103. Ешевскій, Рус. Вѣстн. 1864, № 8, стр. 363. Храповицкій, упоминая въ запискахъ подъ 1792 г. о своемъ «старомъ масонствѣ», говоритъ только, что онъ былъ въ ложѣ А. И. Вибикова.

<sup>2)</sup> Ср. Ешевскій, Р. Вѣстн. 1865, 3, 29.

«Строгаго Наблюденія», непризнававшими за нимъ такихъ правъ. Онъ познакомился потомъ еще съ двумя братьями того же характера, Леонгарди и Судтгаузенемъ, и они втроемъ обратились за конституціей, т. е. за формальнымъ утвержденіемъ своей ложи, къ Циннендорфу, который въ то время уже основалъ свою систему. Циннендорфъ дѣйствительно далъ имъ конституцію со старшинствомъ, отъ 24 января 1770 г., хотя самая просьба ихъ отправилась въ Берлинъ только въ августѣ. Способъ дѣйствій Розенберга былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ: одни говорили, что онъ просто захватилъ кассу ложи; другіе, не утверждая этого, говорятъ однако, что онъ принималъ въ свою ложу безъ разбора (это доставляло доходъ) и запутался въ денежныхъ дѣлахъ ложи, такъ что противъ него начались серьезныя жалобы, вслѣдствіе которыхъ, передъ его внезапнымъ отъѣздомъ въ Россію, противъ него приняты были «очень непріятныя мѣры», по выраженію нѣмецкаго біографа. Его отъѣздъ вѣроятно и произошелъ отъ желанія избѣгнуть этихъ мѣръ. Любопытнымъ фактомъ въ дѣятельности Розенберга въ Гамбургѣ осталось то, что въ 1771 г. онъ въ своей ложѣ ввелъ въ масонство Лессинга <sup>1)</sup>. Въ Россію Розенбергъ пріѣхалъ въ 1774—75 г., и въ Петербургѣ умѣлъ сойтись съ Рейхелемъ, но хорошія отношенія между ними удержались недолго, такъ какъ Розенбергъ хотѣлъ пользоваться масонскими связями только для своихъ личныхъ цѣлей. Такъ сообщается фактъ, что за свое путешествіе въ Швецію онъ заставилъ заплатить себѣ 1,400 руб. прежде, чѣмъ выдалъ полученные имъ акты. Въ то время, когда начались въ нашихъ ложахъ несогласія и недоразумѣнія относительно зависимости отъ Швеціи, Розенбергъ разошелся съ начальниками ложъ и былъ исключенъ изъ ордена 11 декабря 1781 г., вмѣстѣ съ своимъ братомъ Вильгельмомъ. Этотъ Вильгельмъ былъ секретаремъ посольства при Куракинѣ, во время поѣздки послѣдняго въ Швецію въ 1776—77 г. По исключеніи изъ ордена, Розенбергъ поселился въ Петербургѣ и жилъ пособіями отъ «братьевъ». Пока въ Петербургѣ работала еще ложа Аполлона, онъ жилъ въ ея домѣ. Въ 1798 г. онъ умеръ, и немногіе оставшіеся братья похоронили его на свой счетъ <sup>2)</sup>.

Мы замѣтили выше, что въ 1760-хъ годахъ, со вступленіемъ на престолъ императрицы Екаторины, въ русскомъ масонствѣ открывается особенно оживленная дѣятельность. Это довольно по-

<sup>1)</sup> Handb. II, 191.

<sup>2)</sup> Schröder, Materialien, II, 131; 146, 208; IV, 11, Nettelbladt, Prov.-Kalender von 1836, стр. 91. Handb. III, 83—84, 108—110.

нятно, если мы вспомнимъ, что первые годы этого царствованія отличаются открытымъ заявленіемъ либеральныхъ началъ тогдашняго просвѣщенія; императрица гордилась тѣмъ, что она «позволяетъ мыслить»<sup>1)</sup> и позволяетъ говорить, и естественно, что когда она сама, съ своими придворными, переводила Мармонтелева «Велизарія», котораго преслѣдовали во Франціи, она могла смотрѣть сквозь пальцы на масонскія затѣи, — гдѣ ревностно участвовали и многие изъ ея наиболѣе приближенныхъ слугъ. Есть смутныя извѣстія, что въ 1763 году она велѣла собрать свѣдѣнія о масонствѣ, и тогда благоволила къ московской ложѣ Кліо<sup>2)</sup>. За это первое время, какъ мы видѣли, въ масонствѣ происходило уже довольно путаницы, и около 1770 года является въ русскихъ ложахъ сильное стремленіе получить болѣе правильную организацію и ввести въ ложи извѣстную дисциплину. Такимъ образомъ, уже въ 1770 году (22-го мая) въ Петербургѣ открыта была великая провинціальная ложа (т. е. административный центръ) по сношенію русскихъ масоновъ съ берлинской ложей Royal York<sup>3)</sup>, принимавшей тогда конституцію, присланную изъ Великой Ложи въ Англии. Наша провинціальная ложа не довольствовалась однако этимъ косвеннымъ отношеніемъ къ источнику масонства, и старалась вступить въ прямыя отношенія съ Великой Ложей. Вслѣдствіе того, состоялось назначеніе И. П. Елагина великимъ мастеромъ петербургской провинціальной ложи, о чемъ въ 1772 году, 28-го февраля, великій секретарь заявилъ въ лондонской Великой Ложѣ<sup>4)</sup>.

Такимъ образомъ началась вторичная связь русскаго масонства съ англійскимъ: первая, — относившаяся больше къ иностранцамъ, жившимъ въ Петербургѣ, — съ теченіемъ времени вѣроятно ослабѣла вмѣстѣ съ наплывомъ чужихъ системъ и раз-

<sup>1)</sup> Стихъ Вольтера объ имп. Екатеринѣ: Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense.

<sup>2)</sup> Handb. II. 552. Ср. Лонг. 110. «En 1763, ils (les travaux maçonniques) reprirent tout à coup une grande activité. A l'occasion de la fondation d'une loge à Moscou, sous le titre de *Klio*, l'impératrice Catherine s'était fait rendre compte de la nature et du but de l'institution maçonnique; elle avait compris aussitôt quel immense parti elle pouvait en tirer pour la civilisation de ses peuples et elle s'en était déclarée la protectrice. A partir de ce moment, les loges se multiplièrent en Russie. (*Clavel*, Hist. pittoresque de la Franc-Maçonnerie, Paris, 1843, стр. 127). Точность этого свѣдѣнія очень сомнительна; самое основаніе ложи Кліо относится въ старыхъ иностранныхъ спискахъ только къ 1774 году, о какой фактъ могъ послужить поводомъ къ этому извѣстію, мы не знаемъ. Ср. Handb. II, 103, гдѣ сообщены также еще двѣ-три подробности, достовѣрныя или недостовѣрныя, объ отношеніяхъ императрицы Екатерины къ масонству.

<sup>3)</sup> Лонг., 94.

<sup>4)</sup> Kloss, Gesch. des Freim. in Engl., стр. 197.

множеніемъ русскихъ масоновъ разнаго характера. Съ назначеніемъ Елагина, который ревностно преданъ былъ теперь масонству, утвердилась прочнѣе и англійская система, а впоследствии, когда въ нашемъ масонствѣ распространился мартинизмъ, а потомъ розенкрейцерство, то прежнія системы, и Елагинская въ особенности, разумѣлись подъ именемъ «старога масонства».

Англійскій масонскій календарь 1777 и 1778 г. заключаетъ слѣдующій отзывъ о положеніи русскихъ ложъ <sup>1)</sup>:

«Первой правильной ложей, основанной въ обширной русской имперіи, была утвержденная въ іюнѣ 1771 года ложа «Совершеннаго Согласія» (Parfaite Union) въ Петербургѣ. Мастеръ стула и большая часть изъ членовъ были живущіе тамъ англійскіе купцы, которые поддерживали это учрежденіе съ большою точностью и съ большимъ рвеніемъ. Такъ какъ много русскихъ дворянъ и знатныхъ людей во время основанія этой ложи были уже масонами, то по просьбѣ своей они получили, въ 1772 году, отъ Великой англійской Ложы для ея превосходительства сенатора, тайнаго совѣтника Ивана Елагина, патентъ на званіе провинціального гроссмейстера въ російской имперіи, подписанный герцогомъ Бофортскимъ <sup>2)</sup>. Елагинъ такъ ревностно исполнялъ обязанности своего званія, что въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ основаны были различныя хорошо устроенныя ложи. Высшее дворянство имперіи не только поощряло искусство (т. е. каменщицкое) своимъ значеніемъ, но и заняло также масонскія должности въ большой и въ частныхъ ложахъ, и русская провинціальная ложа намѣревается построить для ложи домъ, чтобы имѣть тамъ свои собранія.»

Извѣстія о вліяніи французскаго масонства на русскія ложи того времени до сихъ поръ очень ограниченны; но что вліяніе было, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, припомнивъ сильное вліяніе французской литературы и нравовъ, и наконецъ нерѣдкія путешествія въ Парижъ, уже тогда получившій свою притягательную силу для русскаго барства. Извѣстно <sup>3)</sup>, что въ 1773 г. графъ А. С. Строгановъ уже участвовалъ на масонскомъ конвентѣ, который устроенъ былъ герцогомъ Шартрскимъ (будущимъ Egalité) въ Парижѣ для организаціи французскаго Grand Orient. Далѣе, Новиковъ въ своихъ повзаніяхъ упоминаетъ, что во время переѣзда его въ Москву (1779) тамъ были, между ложами

<sup>1)</sup> Freemasons Calendar 1777, p. 38; 1778, p. 40. — Handb. III, 107.

<sup>2)</sup> Генри Сомерсетъ, герцогъ Бофортскій, былъ гроссмейстеромъ Великой Ложы съ 1767 по 1772 г. (Handb. I. 85).

<sup>3)</sup> Логг., стр. 96.

другихъ системъ, «одна или двѣ ложи настоящихъ французскихъ, и у нихъ (т. е. ложъ) было (по его словамъ) французское масонство, которое мы всѣ, такъ называвшіеся тогда Рейхелевскіе масоны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество»<sup>1)</sup>. Мы упоминали прежде о личныхъ связяхъ многихъ, изъ русскихъ аристократовъ того времени съ Сень-Мартеномъ, связяхъ, которыя не остались, конечно, безъ вліянія и въ русскихъ ложахъ<sup>2)</sup>. Эти непосредственные послѣдователи Сень-Мартена и почитатели его книги и были собственно *мартинисты*, — названіе, которое потомъ совсѣмъ невѣрно прилагали къ Новикову и его друзьямъ.

Къ числу еще необъясненныхъ обстоятельствъ въ исторіи русскаго масонства остается отношеніе къ нему императора Павла. Преданія о его посвященіи въ орденъ остаются крайне смутны. Къ этому предмету можетъ имѣть отношеніе брошюра нѣкоего Le-Bauld-de-Nans, берлинскаго француза, ревностнаго масона, подъ заглавіемъ: *Prologue pour la réception de S. Altesse Impériale Mr. le Grand-Duc de Russie, à Friedrichsfelde, le 1 Août 1776* (Berlin, 8<sup>o</sup>; Kloss, № 935 b).

Наконецъ мы приведемъ изъ упомянутаго не разъ «Руководства» еще нѣсколько свѣдѣній о внѣшней исторіи стараго масонства, которыя отчасти еще не были извѣстны на русскомъ языкѣ; если эти свѣдѣнія и не всегда точны, то по крайней мѣрѣ они сообщаютъ нѣсколько новыхъ указаній, которыя все-таки разъясняютъ отчасти дѣло, до сихъ поръ слишкомъ мало извѣстное изъ русскихъ источниковъ.

Съ официальнымъ утвержденіемъ Елагинской системы и со введеніемъ Циннендорфской или Рейхелевской системы, русскія ложи главнымъ образомъ раздѣлились между этими двумя формами и управленіями (кромѣ того существовало еще тамплерство и французскія степени). Но раздѣльное ихъ существованіе длилось не долго, и кончилось соединеніемъ рейхелевскихъ ложъ съ елагинскими. Объ этомъ соединеніи и дальнѣйшихъ событіяхъ мы находимъ слѣдующія извѣстія:

«Ложи обѣихъ системъ, — рассказываетъ нѣмецкій историкъ, — соединились 3-го сентября 1776 г. въ Великую Провинціальную Ложу, которая называлась также Великою Національною Ложей: она стояла подъ управленіемъ сенатора Ивана Перфильевича

<sup>1)</sup> Лонг., стр. 678. Сюда кажется должна быть отнесена упомянутая нами въ другомъ мѣстѣ ложа Кію.

<sup>2)</sup> Довольно вспомнить такихъ знакомыхъ Сень-Мартена, какъ Ренингъ, Чернышевъ и Кошелевъ.

Елагина, какъ великаго провинціального мастера всего русскаго масонства, и его намѣстнымъ мастеромъ былъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, братъ министра и воспитателя (будущаго) императора Павла I; въ числѣ главныхъ должностныхъ лицъ ложи были: генераль-лейтенантъ Мелиссино, генералы Лейцано (Leuzano) и Николаи, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, Бутурлинъ и др. <sup>1)</sup> Подъ великой провинціальной ложей соединилось двѣнадцать ложъ, которыя при собраніяхъ, происходившихъ по четвертямъ года, представляемы были каждая мастеромъ стула и обоими надзирателями. Собранія великой провинціальной ложи, а также и ложи Трехъ Музъ, гдѣ мастеромъ стула былъ самъ Елагинъ, происходили въ его домѣ на Елагиномъ острову. Но вскорѣ (послѣ соединенія елагинскихъ ложъ съ рейхелевскими) произошли разныя несогласія, такъ что Великая Ложа не могла оказывать большихъ успѣховъ. Рейхель отстранился какъ отъ Розенберга, такъ и вообще отъ ложъ, такъ какъ по его мнѣнію въ соединенныхъ ложахъ разныхъ системъ оказывались различныя неправильности. Князь Трубецкой, который былъ прежде съ нимъ въ связи и желаніямъ котораго не удовлетворяло верховное управленіе Елагина, переѣхалъ въ Москву и перенесъ туда основанную имъ ложу Озириса, а также ложи Изиды и Латоны. Эти пересаженныя въ Москву ложи привлекли вниманіе высшаго дворянства, напр. людей, какъ князя Щербатовъ, Долгорукій, Гагаринъ, Голицынъ, Волконскій, графъ Салтыковъ и др. Георгъ Розенбергъ, поссорившись съ Рейхелемъ, поссорился и съ Елагинымъ, такъ что онъ съ своей ложей Аполлона не присоединился къ провинціальной ложѣ, но продолжалъ работать самъ по себѣ, до тѣхъ поръ, пока ему представился случай применить въ другой русской великой ложѣ, которая уже готовилась въ то время образоваться. Дѣло въ томъ, что князь Куракинъ, русскій посланникъ въ Швеціи, при которомъ находился въ качествѣ секретаря посольства Вильгельмъ Розенбергъ, братъ Георга, — былъ вполне посвященъ великой шведской ложей въ таинства шведскаго масонства; и герцогъ Карлъ Зюдерманландскій открылъ Вильгельму Розенбергу виды на основаніе великой областной ложи (Landesloge) и капитула съ высшими степенями, подъ условіемъ, если достаточное число русскихъ ложъ согласно будетъ стать подъ верховное управленіе Швеціи. Для исполненія этого плана воспользовались пребываніемъ шведскаго короля Густава III въ Петербургѣ; въ честь его, 27-го іюня 1777, про-

<sup>1)</sup> Составъ ложи за 1773—74 г., до соединенія, приведенъ у Лонг., стр. 95, съ другими именами, кромѣ Елагина.

исходили, по желанію графа Стенбока, блестящія собранія въ ложѣ Аполлона, о которыхъ упоминаетъ Рейнбебъ <sup>1)</sup>. Въ томъ же году князь Куракинъ воротился въ Петербургъ и сообщилъ князю Гагарину, генералу Мелиссино, барону Унгернъ-Штернбергу и вупцу Егеру (Jäger) высшія степени шведской системы. Многія изъ ложъ, работавшихъ подъ управленіемъ Елагина, обратились къ шведской системѣ и стали подъ управленіе кн. Гагарина, какъ напр. петербургскія логи «Благотворительности» (Zur Wohlthätigkeit) подъ начальствомъ Фрезе, «Феникса» подъ начальствомъ Гагарина, «Св. Александра» подъ начальствомъ Куракина и Шмелинга, далѣе ложа «Нептуна» въ Кронштадтѣ и ложа Zu den drei Streithammern, основанная статскимъ совѣтникомъ Беберомъ въ Ревелѣ. Послѣ этихъ приготовленій, 25-го мая 1779 г., основана была провинціальная ложа русской имперіи подъ управленіемъ князя Гавріила Гагарина, оберъ-прокурора въ сенатѣ въ Москвѣ, съ утвержденія герцога Карла Зюдерманландскаго, какъ гроссмейстера шведскаго капитула, и съ согласія орденскихъ властей русской великой логи. Эта провинціальная ложа русской имперіи называлась также національной ложей (Nationalloge или Landesloge) Россіи.

«Цѣль шведской великой логи состояла въ томъ, чтобы удержать русскую Великую Ложу въ зависимости отъ Швеціи; въ этотъ планъ вошли въ особенности князь Куракинъ и Георгъ Розенбергъ. Новообразованная провинціальная ложа тотчасъ же открыла свою дѣятельность и начала съ того, что разослала во всѣмъ русскимъ ложамъ циркулярное предложеніе присоединиться къ ней. Съ этимъ приглашеніемъ соединялась угроза, что въ противномъ случаѣ логи будутъ объявлены незаконными и подвергнутся опалѣ и отлученію. Циркуляръ исходилъ отъ великаго секретаря Бебера» <sup>2)</sup>.

Нѣмецкій историкъ сообщаетъ затѣмъ подробности о томъ, какъ приняты были эти нововведенія въ ложахъ остзейскихъ городовъ; эти подробности не имѣютъ ближайшаго отношенія къ нашему предмету, т. е. къ исторіи собственно русскихъ ложъ, но мы приведемъ имъ въ образчикъ тогдашнихъ масонскихъ интересовъ и столкновеній.

«Ложи нѣмецкихъ остзейскихъ провинцій вовсе не были

<sup>1)</sup> Авторъ книги: *Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskau etc.* Leipz. 1805—1806, 2 Bde; извѣстія Рейнбеба мы приведемъ дальше.

<sup>2)</sup> Этотъ Беберъ игралъ впоследствии роль при восстановленіи русскаго масонства въ царствованіе Александра I; онъ былъ тогда одно время гроссмейстеромъ русскихъ ложъ.



склонны тотчасъ послѣдовать полученному ими приглашенію (подчиниться шведской системѣ). Давно уже существовавшая въ Ревелѣ ложа Изиды, которой присланъ былъ Бёберомъ циркуляръ отъ 26-го іюня 1779, объявила прямо, что она не присоединится къ новой великой ложѣ; вслѣдствіе этого 24-го августа послѣдовало исключеніе этой ложи въ актѣ, который адресованъ былъ въ ложѣ Zu den drei Streithammern, и подписанъ Георгомъ Розенбергомъ и Бёберомъ. Въстѣ съ ложей Изиды отказалась приступить къ новой великой ложѣ и ложа Zum Schwert въ Ригѣ, получившая свое утвержденіе изъ Брауншвейга. Мастеромъ ступа былъ въ ней колл. ассес. Балтазаръ Бергманъ, который носилъ въ «Строгомъ Наблюденіи» имя Balthasar eques a Columna Aurea Coronata и называлъ себя членомъ высокаго ордена, капитуляромъ префектуры Темпельбурга (тамплиерское названіе Курляндіи) и комтуромъ рижскаго капитула <sup>1)</sup>. Онъ присутствовалъ на конвентѣ въ Вольфенбюттелѣ и ссылаясь на то, что ложа его была признана со стороны ложъ Германии, Итали, Франціи, Англии и Швеціи. Впрочемъ онъ былъ не безусловно противъ соединенія съ новой русской великой ложей. Надобно еще замѣтить, что дѣйствія русской національной ложи (т. е. курагинской) главнымъ образомъ направлены были противъ Циннендорфа, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста въ циркулярѣ, посланномъ къ рижскимъ ложамъ: «Великая Ложа должна желать заявленія, не подчинены ли всѣ эти ложи, — не находящіяся ни въ спискахъ шведскихъ ложъ, ни въ спискахъ соединенныхъ нѣмецкихъ ложъ, — управленію нѣкоего Циннендорфа въ Берлинѣ, который, какъ это можетъ засвидѣтельствовать великая ложа, по самымъ положительнымъ основаніямъ объявленъ былъ обманщикомъ и публично указанъ какъ таковой всѣмъ добрымъ братьямъ. Поэтому великая ложа весьма желаетъ, чтобы документальное утвержденіе, о сообщеніи котораго просили ложу, происходило не отъ названнаго здѣсь виновника столь многоразличнаго зла, или по крайней мѣрѣ, чтобы въ случаѣ, еслибы это было по несчастію такъ, ложа отнынѣ отказалась отъ всякаго съ нимъ соединенія и подчинилась бы той дирекціи, законность которой была правильно признана всѣми свѣдущими въ дѣлахъ ордена». Поэтому и отъ каждаго посѣтителя изъ циннендорфской ложи, если онъ желалъ получить доступъ въ ложу, принадлежащую къ національной ложѣ, требовали, чтобы онъ

<sup>1)</sup> Вѣроятно, тотъ самый Bergmann, Grand Fiscal du Gouvernement au service de S. M. I. à Riga, — черезъ котораго шла переписка московскихъ масоновъ. Ешевск., Р. Вѣст. 1865, 3, стр. 11.

клятвенно засвидѣтельствовали, что впредь отказывается отъ всякой дальнѣйшей связи съ циннендорфской ложей. Изъ остзейскихъ ложъ, только одна, *Zu den drei Streithammern*, въ Ревелѣ, присоединилась къ національной ложѣ; за то рижскія логи, *Apollo*, *Castor*, *Zum Schwert*, *Isis* въ Ревелѣ, и *Pollux* въ Дерптѣ остались въ прежней связи подъ управленіемъ Елагина.

«Къ Национальной Ложѣ князя Гагарина принадлежало 11 ложъ: шесть въ Петербургѣ — Аполлона, Феникса, св. Александра, Пылающей Звѣзды (*Zum Flammenden Stern*), Благотворительности (*Zur Wohlthätigkeit*) и Горюса; три въ Москвѣ — Трехъ Мечей (*Zu den drei Degen*), Трехъ (христіанскихъ) Добродѣтелей, и Аписа; далѣе — *Zu der drei Streithammern* въ Ревелѣ, и военная ложа въ Кинбурнѣ. Неттельбладтъ (*Prov.-Kalender 1836*, стр. 88) прибавляетъ еще двѣ: Озириса, въ Петербургѣ, а въ послѣдствіи въ Москвѣ, и Нептуна въ Кронштадтѣ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Упомянутая здѣсь ложа Нептуна основана была 12 января 1781 г. (*Handb. II*, 165). Мастеромъ стула былъ въ ней извѣстный адмиралъ Сам. Грейгъ († 1788), по видимому занимавшій не послѣднее мѣсто въ тогдашнемъ масонствѣ, какъ можно судить по надгробной мраморной рѣчи: *Am Grabe Greighs. B. F. v. D. St.-Petersburg, 1788, 27 стр.* Эта рѣчь, перечисляя героическіе подвиги Грейга на службѣ Россіи, восхваляя высокія качества его ума и сердца (панегиристъ, изъ правдолюбія, упоминаетъ впрочемъ какія-то *kleinen Wolken der Tugend*, помѣшавшія Грейгу достигъ полнаго нравственнаго совершенства), называетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ «столповъ масонства» (стр. 26) и нѣсколько разъ возвращается къ его масонской дѣятельности. Описывая его постоянство, вѣрность, неустрашимость, и вмѣстѣ кротость, челолюбіе, авторъ продолжаетъ:

«И къ тебѣ, мирное, любящее масонство (*stille liebreiche Maurerey*) сердце его обращалось съ любовью и радостью! Слишкомъ великій и слишкомъ чистый, чтобы заниматься лентами (масонскими) и бездѣлушками, онъ выбралъ твою единственную истинную цѣль—добродѣтель и человѣческое счастье. Совершенный человѣкъ, котораго ты, знакомое съ слабостію смертныхъ, представило, кажется, больше какъ высшій идеалъ, чѣмъ какъ достижимый предметъ, — былъ его великой цѣлью, и его ревность достигла бы этой цѣли, если бы ему не помѣшала человѣческая слабость». Авторъ не хочетъ скрывать этой слабости, но думаетъ, что «ангелъ неба согрѣетъ ее навсегда изъ книги вѣчности слезой состраданія, которую онъ такъ охотно даетъ человѣческому величію, потому что оно не можетъ быть безъ слабости», и пр.

«Безсмертный духъ!—взгляни въ своего звѣзднаго жилища и посмотри, какъ мирное масонство, неподвижное и нѣмое отъ горести, отъ имени цѣлаго отечества, проливаетъ здѣсь слезу благодарности на твой прахъ» и т. д.

Упомянувъ о наградахъ и почестяхъ, оказанныхъ Грейгу императрицей Екатериной, авторъ продолжаетъ:

«Не омяненный отъ всѣхъ этихъ милостей и восхваленій и среди трудовъ, которые онъ продолжалъ еще съ большимъ жаромъ, онъ не забывалъ и о тебѣ, кроткій братскій союзъ масонства. Его провидательный взглядъ видѣлъ черезъ тотъ флѣръ, котораго масонство набросило на лицо мудрости, чтобы охранить ее отъ профанаціи, чтобы возбудить любовь къ изслѣдованію и сдѣлать болѣе желательнымъ ея раскрытіе.

Въ августѣ 1780 г., Національная Ложа (т. е. шведская, кн. Куракина или Гагарина) хотя и получила всѣ регаліи ордена, которыхъ у нея еще не было <sup>1)</sup>, но она все-таки не усиливалась; дѣло въ томъ, что между руководителями ея, особенно между Георгомъ Розенбергомъ и Гагаринымъ, произошли несогласія, главнымъ образомъ по вопросу о зависимости отъ Швеціи. Къ этому присоединилось и то, что въ Стокгольмѣ, 15 марта 1780, послѣдовало назначеніе герцога Карла Зюдерманландскаго первымъ начальникомъ ордена (Vicarius Salomonis) седьмой и девятой провинціи, — къ этой послѣдней принадлежала и Россія. Русскія ложи, стоявшія подъ управленіемъ Елагина и Гагарина, возражали противъ этой зависимости, тѣмъ болѣе, что подобное положеніе русскихъ ложъ возбудило серьезное опасеніе въ императрицѣ Екатеринѣ. Вслѣдствіе таковаго положенія вещей, Національная Ложа пріостановила свои работы, и князь Гагаринъ оставилъ Петербургъ и отправился, 10 ноября 1781 г., въ Москву; а передъ тѣмъ Національная Ложа постановила еще исключеніе братьевъ Розенберговъ <sup>2)</sup>.

Эти свѣдѣнія дополняются упомянутой нами выше запиской Бёбера. Такъ какъ она не была до сихъ поръ извѣстна на русскомъ языкѣ, и заключаетъ въ себѣ многія любопытныя подробности и разъясненія, то мы приведемъ изъ нея извѣстія о зани-

---

Даже посвященный очень рѣдко проникаетъ это легкое покрывало, если онъ не обладаетъ улучшеннымъ сердцемъ и очищеннымъ умомъ, а совершенно незнающій часто желаетъ разорвать его неумѣстной насмѣшкой, или потому, что смотритъ не съ надлежащей точки зрѣнія, или потому, что эта точка зрѣнія сдвинута отъ него масонскими шарлатанами. Грейгъ почувствовалъ посвященіе; черезъ легкій мракъ онъ видѣлъ свѣтъ, онъ видѣлъ возвышенныя намѣренія масонства и съ радостью сталъ его опорой. Какъ мастеръ стула въ ложѣ Нептунъ, онъ старался для него дать истинный видъ дикому камню, чтобы этотъ камень могъ послужить краеугольнымъ камнемъ храма мудрости; онъ сдѣлалъ чувства своихъ братьевъ болѣе утонченными и воспримчивыми къ высокому благоуханію добродѣтели, и такимъ образомъ приготавливалъ для міра и для государства хорошихъ, полезныхъ, любящихъ свой долгъ людей. Масонство посвящаетъ ему за это глубокую благодарность, и имя Грейга останется незабвеннымъ въ его лѣтописяхъ», etc.

Грейгъ оставилъ по себѣ хорошую память не между одними масонами. Сегюръ въ своихъ «Запискахъ» (Спб. 1865, стр. 336) говоритъ о Грейгѣ: «Въ это время (1788) императрица понесла чувствительную потерю: скончался адмиралъ Грейгъ. Дѣятельный начальникъ, просвѣщенный администраторъ, искусный адмиралъ, воинъ храбрый и скромный, онъ сошелъ въ могилу, уважаемый врагами и оплакиваемый знавшими его».

<sup>1)</sup> Регаліями называются всякіе символы, орудія и украшенія вѣншей масонской обрядности и церемоній.

<sup>2)</sup> Ср. Nettelblatt, 1836, стр. 91. — Handb. III, 108 — 110,

мающемъ насъ теперь времени, хотя здѣсь и будутъ нѣкоторыя повторенія.

«Въ 1772 и 1773 г., — говоритъ Беберъ, послѣ указаній о системѣ Елагина и ложѣ Штарва, — масонство получило въ Россіи новую модификацію. Баронъ Рейхель, изъ циннендорфской школы, основалъ ложу Аполлона, безъ сношенія съ провинціальнымъ великимъ мастеромъ. Эта ложа нашла большое одобреніе между знатными лицами; но работы, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, на нѣкоторое время остановились. Тогда, въ 1774 г., явился Розенбергъ, который прежде управлялъ ложей «Трехъ Розъ» въ Гамбургѣ, и по убѣжденіямъ Рейхеля привелъ снова въ дѣйствіе ложу Аполлона, и дѣятельность этой ложи такъ расширилась, что въ короткое время съ ней соединилось пять русскихъ новооснованныхъ ложъ: Латоны, Озириса и др., которыя приняли акты этой ложи и работали съ ней въ общемъ помѣщеніи. Въ 1776 г., я вступилъ въ эту ложу и принялъ участіе въ ея важныхъ дѣлахъ, которыя впрочемъ были интересны только недолго, такъ какъ Рейхель, поссорившійся съ Розенбергомъ, уговорилъ членовъ упомянутыхъ ложъ стать подъ управленіе провинціального великаго мастера (т. е. Елагина), который не только признаетъ ихъ акты подлинными, но и ввелъ бы такіе акты въ остальныхъ зависящихъ отъ него ложахъ. Такимъ образомъ ложа Аполлона стала совершенно одиноко, — въ ряду столь многихъ другихъ, въ числѣ которыхъ ложа «Скромности» (*Verschwiegenheit*), управлявшаяся генераломъ Мелиссино <sup>1)</sup>, и ложа «Уранія», основанная статскимъ совѣтникомъ Лукинымъ, были наиболѣе многолюдныя, наиболѣе уважаемыя и великолѣпныя. Между тѣмъ это положеніе вещей продолжалось недолго. Въ ложу Аполлона вступилъ баронъ Пфейфъ (*Pfeif*), великій авантюристъ; и Розенбергъ завязалъ черезъ него переписку съ его братомъ, игравшимъ значительную роль въ шведскомъ капитулѣ, и получилъ отъ него увѣреніе, что въ Швеціи были бы въ высшей степени склонны

<sup>1)</sup> Этой ложѣ «Скромности» принадлежитъ слѣдующій сборникъ масонскихъ рѣчей: *Anreden in der E. Loge der Verschwiegenheit gehalten von dem B (ruder) C. G. C. Beer. St.-Petersburg, gedruckt bey Weitbrecht und Schnoor. 1781. 39 стр.* Здѣсь помѣщены слѣдующія рѣчи:

— *Bey der Geburt des Grossfürsten Alexander Pawlowitsch, gehalten am 25 Februar 1778.*

— *Am Johannis-Tage 1778.*

— *Gedächtniss-Rede auf den H. B. Fürst Alexander Iwanowitsch Mestschersky, gehalten am 18 May 1779.* Это — тотъ Мещерскій, на смерть котораго Державинъ написалъ извѣстную оду. Мещерскій, какъ видно, принадлежалъ къ ложѣ «Скромности» и былъ въ ней какимъ-то должностнымъ лицомъ. «Мы, братья, — говоритъ ораторъ, —

оказать русскимъ братьямъ содѣйствіе въ приобретенію большихъ познаній. Это и послужило поводомъ къ тому, что князь Александръ Куравинъ, посланный въ Стокгольмъ въ 1777 году, хлопоталъ за насъ (für uns negozierte), и при своемъ возвращеніи привезъ съ собою конституціи для старо-шотландскихъ, шотландскихъ (по старинному, эссекскихъ) и національныхъ ложъ со многими такъ-называемыми влейнодами <sup>1)</sup>. Его задушевный другъ князь Гагаринъ формально отложился отъ Елагина и основалъ великую національную ложу, въ которой тогда принадлежали здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) двѣ нѣмецкихъ и три русскихъ логи, именно Аполлона, Феникса, Благотворительности или Пеликана <sup>2)</sup>, Латоны и Озириса, въ Ревелѣ ложа Zu den drei Streithämmern, въ Москвѣ ложа Трехъ Мечей, военная ложа въ Кинбургѣ, ложа Нептуна въ Кронштадтѣ, и одна ложа въ Пензѣ, названія которой я уже не могу припомнить. Кромѣ того, въ Москвѣ основалась отсюда провинціальная ложа, главою которой былъ князь Юрій Владиміровичъ Долгорузій, имѣвшій подъ своимъ управленіемъ многія новоучрежденныя логи. Но такъ какъ эта новая связь (т. е. масонская связь, основаніе ложъ по шведской системѣ) привлекала къ себѣ очень многихъ изъ самыхъ знатныхъ

стоимъ у его гроба въ горести, и печалимся о потерѣ достойнаго масона, полезнаго члена въ дѣли дѣлаго, достохвальнаго слуги государства и любезнаго друга. Какъ горѣла въ немъ ревность къ нашимъ почтеннымъ работамъ, когда онъ, при отертыи логи, съ открытой головой, исполняя свою должность (im Amte), касался своими губами словъ Вѣчнаго!» (стр. 24). Любопытно, что рѣчь въ память этого «сына роскоши, прохладѣ и вѣгъ» въ особенности настаиваетъ на той, впрочемъ нерѣдкой у тогдашнихъ масоновъ мысли, что люди въ самой печали не должны предаваться мрачной меланхоліи, что, напротивъ, жизнь создана для счастья и удовольствій: эта дѣль указана самимъ Творцомъ міра, въ законодательствѣ природы наше сохраненіе и продолженіе является удовольствіемъ, всемогущая рука привела первому обитателю міра помощницу и т. д. Нужно только, чтобъ удовольствіе не превращалось въ насыщеніе испорченныхъ страстей.

— Bey der Aufnahme des Herrn Alexis von M\*, am October 1780. Этотъ Алексій М. былъ единственный сынъ мастера стула въ ложѣ «Скромности», который самъ и принималъ его, что подаетъ «ритору» особый поводъ къ краснорѣчію. Здѣсь кажется идетъ рѣчь о томъ самомъ П. И. Мелиссино, который, какъ было сказано выше, былъ мастеромъ стула въ ложѣ Скромности. Объ его «единственномъ сынѣ» упоминается въ запискахъ Массона, III, 432.

Тому же Бееру принадлежить, конечно, приведенная у Кюсса (№ 1340) Gedächtnisrede auf die Brüder Nicol. Meyer und Dietr. Jäger (т. е. вѣроятно упомянутый выше купецъ Егеръ, Jäger), gehalten in der L. zur Verschwiegenheit, den 28 October und 4 Nov. 1777, von dem Br.... Beer. St.-Petersburg, Weitbrecht, 1777.

<sup>1)</sup> Т. е. символическими масонскими инструментами и украшеніями.

<sup>2)</sup> Mildthätigkeit zum Pelikan, какъ увидимъ дальше, есть та же ложа, которая выше упомянута была подъ именемъ Zur Wohlthätigkeit и состояла подъ начальствомъ Фрезе.

лицъ, то это возбудило въ императрицѣ нѣкоторое подозрѣніе, въ особенности потому, что князя Куракинъ и Гагаринъ были извѣстные любимцы великаго князя (Павла Петровича), и она выразила свою щекотливость по этому предмету сначала сатирическими брошюрами, изъ которыхъ одна называлась «Противо-нелѣпное Общество» <sup>1)</sup>, и потомъ, по поводу одной статьи, напечатанной въ Гамбургской газетѣ, и выразила такъ громко, что тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, бывшій членомъ ордена, посоветовалъ намъ остановить работы (т. е. масонскія собранія) и побинуть прекрасно устроенное помѣщеніе ложи. Куракинъ и Гагаринъ, подъ предлогомъ нѣкоторыхъ порученій, были удалены изъ Петербурга, и наши ложи оставались въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Мелиссино, Лукинъ, и остальные елагинскія ложи смѣло продолжали свои работы. Только одна ложа Благотворительности (*Mildthatigkeit zum Pelikan*) осмѣлилась, несмотря на то, снова начать дѣйствія послѣ короткаго промежутка времени, такъ какъ коллежскій совѣтникъ Фрезе, человѣкъ весьма уважаемый, управлявшій этой ложей въ качествѣ мастера стула, съ разныхъ сторонъ получилъ увѣренія, что опасаться больше нечего; и такъ какъ вслѣдствіе того, эта ложа стала въ нѣкоторомъ смыслѣ ложей-матерью, то она основала въ 1781 г. новую ложу, подъ названіемъ *Zum Eichthal*. Въ 1783 г., русское масонство получило новое направленіе, къ которому далъ поводъ нѣкто Шварцъ... <sup>2)</sup>, т. е. извѣстный профессоръ, другъ Новикова, и глава русскаго розенкрейцества.

Мы дополнимъ эти свѣдѣнія еще двумя указаніями. Одно изъ нихъ оставлено братомъ Фишеромъ, издателемъ извѣстныхъ въ масонской литературѣ «Элевзиній», который, повидимому, былъ во времена Екатерины близкимъ свидѣтелемъ русскаго масонскаго движенія и говоритъ о русскихъ «мы», хотя былъ прусскимъ гофратомъ. Его записка написана въ 1806 г. Другое указаніе находится въ книгѣ Рейнбека, описывающей путешествіе его въ Россіи въ первые годы царствованія Александра I (1805): Рейнбекъ не былъ самъ очевидцемъ, но онъ не мало жилъ въ Россіи, и слышалъ много разсказовъ. Въ его книгѣ, вышедшей въ 1806 году, есть также замѣчанія, не лишеныя историческаго интереса.

<sup>1)</sup> Это, кажется, первое положительное указаніе на время и поводъ сочиненія извѣстной брошюры имп. Екатерины: *La Société Anti-Absurde*, которая означена въ печати 1769 г. Г. Долгоруцкій по библиографическимъ даннымъ (она не упоминается раньше 1780 г.) относилъ ее къ 1780 г. Это оказывается совершенно вѣрнымъ.

<sup>2)</sup> *Handb.* III, 613.

«Если вы, — говоритъ Фишеръ, — примете въ соображеніе форму нашего правленія, свойства нашихъ знатныхъ людей, которые отчасти состоятъ изъ иностранцевъ, отчасти посредствомъ путешествій знакомы съ Европой лучше, чѣмъ съ своей родиной, если вы примете въ соображеніе богатство этихъ знатныхъ людей, недостатокъ у нихъ самостоятельнаго образованія, ихъ склонность, за отсутствіемъ основательныхъ свѣдѣній, подчиняться авторитету, производящему на нихъ впечатлѣніе, то вы до нѣкоторой степени сами можете представить себѣ исторію масонства въ Россіи (*не русскаго масонства*). Вы догадаетесь также, что у насъ не было ничего собственнаго, что чужое пришло къ намъ только случайно и черезъ вліятельныхъ людей, которые умѣли окружить себя нимбомъ, но что оно было здѣсь приведено въ дѣйствіе съ блескомъ и великолѣпіемъ, и съ рѣдкими самопожертваніями 1).

«Въ самомъ дѣлѣ, когда масонство дозволено было въ Россіи правительствомъ, здѣсь существовали всевозможныя системы, какія только были тогда въ ходу; и системы, изобрѣтенныя въ новѣйшее время, также нашли бы доступъ на русскую почву, если бы пограничный шлагбаумъ не заперъ имъ дороги. Но, въ особенности господствовала видоизмѣненная французская рыцарская система, которая обыкновенно носитъ имя Клермонтскаго капитула, и откуда, кажется, происекли всѣ новѣйшія системы черезъ посредство высшихъ степеней. Вѣтъ ея, извѣстная въ Германіи подъ именемъ циннендорфскаго масонства; также пришла въ Россію, и циннендорфскія ложи существовали какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Ригѣ и Дерптѣ. Тампліерская система, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Германіи подъ именемъ «Строгаго Наблюденія», также нашла себѣ друзей; мнѣ однако неизвѣстно, существовали ли въ собственной Россіи *чистыя* ложи этой системы (потому что обойтись *только* безъ тампліерства не могла ни одна система); относительно Курляндіи это извѣстно 2).

«Во главѣ значительныхъ ложъ всегда стояли въ качествѣ великихъ мастеровъ знатные и богатые люди, какъ напр. Елагинъ, графъ Панинъ, князь Трубецкой въ Москвѣ, генерал-лейтенантъ Мелиссино въ Петербургѣ. Многіе изъ этихъ вельможъ основали множество ложъ, устраивали ихъ на свой счетъ и управляли ими въ качествѣ мастеровъ въ различныхъ мѣстахъ

1) Фишеръ разумѣлъ подъ этимъ послѣднимъ, конечно, дѣятельность новиковскаго кружка, — а подъ блескомъ и великолѣпіемъ вообще роскошныя затѣи знатныхъ людей, тратившихъ на масонство и на устройство ложъ большія деньги.

2) Т. е. извѣстно, что тамъ были *чистыя* ложи тампліерской системы, въ которой Курляндія составляла особую префектуру подъ именемъ Темпельбурга.

своего пребывания. Братья вездѣ съ великимъ благоговѣніемъ принимали то, что сообщалось имъ какъ священная тайна и раздавалось при импонирующей и чрезвычайно великолѣпной обстановкѣ. Всякій строго держался той партіи, въ которой разъ присталъ, и защищалъ ее отъ всякихъ чужихъ нападеній, просто полагаясь на авторитетъ того, что слышалъ и видѣлъ»<sup>1)</sup>.

Если Фишеръ имѣлъ, какъ видно, ближайшее знакомство съ нѣкоторыми подробностями русскаго масонства, то Рейнбекъ писалъ только по слухамъ, хотя и собиралъ ихъ отъ людей, заслуживающихъ вѣры. Его характеристики не вполне компетентны, но пова еще не разъяснена дѣйствительная исторія, мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ какъ современный матеріалъ, который при сличеніи съ другими данными получаетъ свою историческую цѣну.

Въ 1805 году, Рейнбекъ слышалъ такіа воспоминанія о масонствѣ екатерининскихъ временъ:

«...Въ Россіи были масонскія общества подъ всякими названіями, и, быть можетъ, нѣкоторыя существуютъ и теперь; говорить, по крайней мѣрѣ, что еще не трудно найти слѣды ихъ, особенно такъ называемаго мартинизма. И если въ настоящее время (здѣсь рѣчь только о собственной Россіи) и нѣтъ ни одной дѣйствующей ложи собственнаго масонства (чего невозможно сказать навѣрное) — то братьевъ есть однако вездѣ безчисленное множество: потому что масонство было очень распространено, велось съ большой ревностью, и его порожденія являлись во всякихъ видахъ и подъ всякими именами. Конечно, только отъ нѣкоторыхъ ложъ обнаружались благотворные плоды ихъ работъ, а въ остальныхъ духъ истиннаго масонства большей частью исказился до такой степени, что прекращеніе ихъ дальнѣйшей дѣятельности было даже очень благотворно для общества.

«Существовало ли масонство въ Россіи раньше, я не могу опредѣлить; но при Екатеринѣ II его успѣхи были, говорятъ, очень быстры, хотя сама императрица вовсе не питала къ нему

<sup>1)</sup> «Die Maurerei im Orient von Russland unter der Regierung der Kaiserin Katharina II», въ Zeitschr. für Freimaurerei, Altenburg, 1823, I, 4—6. Фишеръ вначалѣ извиняется въ скудости сообщаемыхъ свѣдѣній, какія остались у него въ памяти, но замѣчаетъ, что, быть можетъ, больше удовлетворилъ бы ожиданіямъ любонитствующихъ друзей, если бы къ нему обратились гдѣ *пятнадцать* или *восемнадцать* тому назадъ (писано въ 1806 г.), когда онъ зналъ много масонскихъ дѣлъ и имѣлъ случай видѣть, что было за занавѣсомъ, — «wenn wir unsere Bekanntschaft etwa vor *funfzehn* oder *achtzehn* und mehreren Jahren gemacht hätten, wo ich allerdings in so mancherlei Dingen verflochten war und, ganz ungesucht, zuweilen Gelegenheit erhielt *hinter den Vorhang* zu schauen» (S. 2.).



расположенія. Правда, какъ говорятъ, съ ея согласія, или даже по ея желанію посвященъ былъ наслѣдникъ престола, и она будто бы присутствовала при его принятіи въ закрытой ложѣ, — вещь, которая не покажется странной никому, кто знаетъ, что у правителей полъ никогда не принимается въ расчетъ, и что передъ ними открыто устройство общества, хотя бы они и не были братьями. Однако же, потому ли, что она недостаточно глубоко вникала, или по какимъ нибудь другимъ основаніямъ, она не только въ своемъ ближайшемъ кружкѣ выразила свое нерасположеніе въ масонству, но и публично приняла презрительную мину, и даже удостоила общество нѣсколькими сатирами своего пера, которыя и напечатала.

«Не смотря на то, русскіе вступали въ это общество съ такою ревностью, которая въ самомъ дѣлѣ нуждалась въ ограниченіи, тѣмъ болѣе, что собственная дѣль общества мало принималась въ соображеніе, а превратилась въ застольныя бесѣды, дорогія пирушки и даже въ денежныя операціи. Кто знаекомъ съ духомъ этой націи, тотъ пойметъ, что такой оборотъ дѣла былъ неизбѣженъ. Здѣсь былъ случай подъ завлекательнымъ покрываломъ тайны убивать скучное время, удовлетворять своей любви къ блеску въ украшеніяхъ высшихъ и высшихъ степеней, а иной находилъ здѣсь средство пополнять недочеты въ своей кассѣ. Принятія новыхъ членовъ производились самымъ ревностнымъ образомъ, не принимая въ соображеніе ни выбора людей, ни какой-нибудь другой дѣли, кромѣ полученія взносовъ, объ употребленіи которыхъ потомъ мало было слышно. Подъ конецъ, особенно въ резиденціи, почти не было человѣка, не изъ совсѣмъ низшихъ классовъ, который бы не былъ масономъ.

«Но это распространеніе масонства, даже въ его крайнемъ несовершенствѣ, неоспоримо имѣло то выгодное вліяніе на гражданское общество, что оно сближало между собою сословія, полагало основанія большей обходительности, — которая не невыгодно отличала знатнаго русскаго, и кажется, только въ наше время больше и больше теряется, — и вводило въ обращеніе правила, которыя, относительно нравственности и характера, конечно не остались безъ благотѣльнаго дѣйствія. Наконецъ дѣло дошло до такой крайности, что императрица не одинъ разъ видѣла себя почти покинутой, и когда она спрашивала, гдѣ тотъ или другой, даже изъ обязанныхъ присутствовать лицъ, она получала въ отвѣтъ: «въ ложѣ» <sup>1)</sup>. Это побудило ее ограничить рус-

<sup>1)</sup> Это можетъ показаться преувеличеніемъ; но такой случай можетъ однако быть и вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, сколько людей изъ приближенныхъ императрицы и

скія ложи и терпѣть только иностранныя. Между этими послѣдними было, какъ говорятъ, нѣсколько ложъ, которыя очень способны были доставить масонству самое высокое уваженіе и весьма благотворно дѣйствовали на нравственное образованіе своихъ членовъ; но нельзя также отвергать, что и здѣсь хорошее дѣло унижаемо было до совершенно бездѣльной и дорогой, хотя впрочемъ совсѣмъ невинной, забавы. Но одна петербургская ложа, какъ говорятъ, простерла свои денежныя операціи до того, что держала въ пограничныхъ городахъ своихъ коммисіонеровъ, которые должны были адресовать въ ней для принятія всякаго путешественнаго, если онъ еще не былъ масономъ. Персоналъ состоялъ большею частью изъ почтовыхъ чиновниковъ, которымъ это было, слѣдовательно, и не трудно <sup>1)</sup>.

«Общество поднялось однако до такого блеска, каковой только оно имѣло когда нибудь въ Англіи и Швеціи. Выстроенъ былъ особенный домъ (для собраній), совершенно по масонскому плану; существованіе ложъ было извѣстно всѣмъ; отъ ихъ имени основывались благотворительныя учрежденія; одинъ братъ, изъ духовенства, былъ даже погребенъ съ масонскими обрядами, и почтенный священникъ, память котораго еще пользуется въ Петербургѣ всеобщимъ уваженіемъ, совершилъ церемонію по масонскому обряду. И даже во время пребыванія въ Петербургѣ Густава III шведскаго, ложи устраивали почти публичныя празднества, на которыхъ присутствовалъ король со многими лицами изъ своей свиты...»

Рейнбеъ въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ потомъ о закрытіи ложъ, упоминаетъ о намѣреніи имп. Павла I дать ордену открытое существованіе и полное развитіе, — намѣреніи, которое измѣнилось потомъ подъ вліяніемъ графа Литты и кончилось установленіемъ мальтійскаго ордена. Затѣмъ Рейнбеъ оканчиваетъ:

«Вы можете наконецъ думать о масонствѣ какъ хотите»,

вообще изъ тогдашней аристократіи были членами ордена, и даже крайне ревностными. Къ нему принадлежали напимѣръ: Никита и Петръ Ив. Панины, Чернышевы, Н. В. и П. И. Репнины, Елагинъ, Строгановъ, Воронцовъ, Мелисина, Мусинъ-Пушкинъ, Вибиковъ, Брюсъ, Ю. В. Долгорукій, Грейгъ, Куракинъ, Гагаринъ, Храповицкій и т. д., и т. д. Это показаніе Рейнбеа объясняетъ, почему Державинъ въ восхваляемъ Фелицы могъ поставить стихи:

«Не ходишь съ трона на Востокъ...»

т. е. не отвращаешься въ масонскія ложи.]

<sup>1)</sup> Въ почтовомъ вѣдомствѣ масонство и мистицизмъ дѣйствительно имѣли почему много своихъ представителей: это продолжалось и вполнѣдствіи (Ключаревъ, кн. А. Н. Голицынъ, Руничъ и т. д.). Гоголь подмѣтилъ эту черту, когда изображалъ своего мистика-почтмейстера.

часто говорилъ мнѣ одинъ весьма почтенный человѣкъ, когда заходила объ этомъ рѣчь, «но я долженъ васъ увѣрить, что его нынѣшняя недѣятельность въ Россіи есть существенный и весьма чувствительный недостатокъ для взрослога юноши, — я разумѣю масонство въ настоящемъ смыслѣ слова. И если любящіе отцы и почтенные друзья человѣчества вводятъ добронравныхъ сыновей въ союзъ въ дружескомъ кругу; то имъ все-таки недостаетъ живительнаго созерцанія (*Anschauung*), которое такъ необходимо истинному масону. Да, я долженъ вамъ откровенно признаться, я очень склоненъ объяснять этимъ то отсутствіе правилъ при успѣхахъ умственнаго образованія, отсутствіе правилъ, которое составляетъ такую рѣзкую и общую черту въ высшихъ и низшихъ классахъ въ Россіи; нѣтъ другого средства, которое бы могло больше дѣйствовать на внутреннее развитіе, — и такое учрежденіе, какъ масонство, именно въ подобномъ государствѣ можетъ сдѣлать въ особенности много; различные образованные классы общества уже не имѣютъ теперь никакого центра соединенія и остаются другъ другу чужды. Что государству недостаетъ масонства, это обнаруживается для внимательнаго наблюдателя вездѣ въ тѣхъ вѣщахъ, гдѣ имѣются въ виду общепользныя и благотворительныя цѣли, и гдѣ эти цѣли не достигаются отъ холодности, корыстолюбія и невнимательности тѣхъ, кому должно быть поручено ихъ исполненіе»<sup>1)</sup>.

У Рейнбека, какъ читатель видитъ, смѣшиваются два очень различные отзывы о масонствѣ: то его полезно было преобразить, то общество много теряетъ отъ его отсутствія; оба отзыва могли быть вѣрны, только надо было примѣнить ихъ къ разнымъ вѣтвямъ и разнымъ проявленіямъ стараго масонства.

Сообщая вышеприведенныя извѣстія, мы не будемъ останавливаться на разборѣ ихъ подробностей; мы должны пока представить ихъ въ качествѣ матеріала, который ожидаетъ дополненія по русскимъ источникамъ. Въ заключеніе мы приведемъ еще нѣсколько свѣдѣній о лицахъ, имена которыхъ встрѣтились намъ прежде въ исторіи новиковскаго масонства. Это — берлинскіе розенкрейцеры.

О Велльнерѣ мы уже говорили достаточно прежде. Прибавимъ нѣсколько біографическихъ данныхъ. Иог. Кристофъ Велльнеръ (1732—1800) началъ свое поприще предигеромъ въ «небольшомъ мѣстечкѣ близъ Берлина, и подъ конецъ былъ государственнымъ

<sup>1)</sup> Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg über Moskau etc. nach Deutschland im Jahre 1805. In Briefen von G. Reinbeck. Leipz. 1806, II, 170 — 184.

министромъ и министромъ духовныхъ дѣлъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ II. Его историческая репутація самая незавидная: это былъ обскурантъ, своимъ «эдиктомъ о религіи» и введеніемъ цензуры уничтожившій терпимость и просвѣтительныя стремленія Фридриха Великаго. Его время было временемъ гоненія противъ всякой живой мысли: его преслѣдованіямъ подпалъ и Кантъ. Его роль въ придворной сферѣ, окружавшей его короля, была крайне сомнительная, потому что его союзниками были люди положительно дурные; его образъ дѣйствій — не оправдывается; но только объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своихъ дикихъ розенкрейцеровскихъ фантазіяхъ онъ былъ искрененъ, т. е. дѣйствительно вѣрилъ во всѣ тѣ нелѣпости, какія проповѣдовалъ. Такъ, онъ вѣрилъ въ шарлатанскій обманъ масонскаго авантюриста Гугомоса, на висбаденскомъ конвентѣ въ 1776; вѣрилъ въ рассказы о духовидѣніяхъ и волшебной бутылкѣ другого шарлатана, Лосса, занимался самъ магіей и вызываніемъ духовъ—что конечно мало рекомендуетъ и его здравый смыслъ и государственныя способности.

Его достойнымъ сотоварищемъ былъ Бишофсвердеръ (1741 — 1803), сначала саксонскій каммергеръ и шталмейстеръ принца Карла курляндскаго, потомъ офицеръ прусской службы, при Фридрихѣ II довѣренный человѣкъ наслѣднаго принца, а при Фридрихѣ Вильгельмѣ II военный министръ. Какъ и Велльнеръ, онъ принадлежалъ къ системѣ «Строгаго Наблюденія», но не удовлетворился ею, и искалъ въ масонствѣ алхиміи и магіи. Когда упомянутый нами прежде шарлатанъ Шрепферъ показывалъ свое искусство въ Лейпцигѣ, Карлъ курляндскій послалъ Бишофсвердера испытать это искусство; но посланный сдѣлался однимъ изъ ревностѣйшихъ приверженцевъ этого обманщика, въ котораго онъ совершенно увѣровалъ. Когда Шрепферъ застрѣлился, Бишофсвердеръ привязался такимъ же образомъ къ его преемнику Фрелиху, потомъ къ Гугомосу; этотъ послѣдній выдавалъ себя за единственно знающаго подлинныя тайнства тамплиерскаго ордена, и Бишофсвердеръ собирался сопровождать Гугомоса въ его путешествіи на островъ Кипръ, гдѣ будто бы жилъ настоящій гроттмейстеръ ордена. Но Гугомосъ предпочелъ просто бѣжать, потому что другіе члены висбаденскаго собранія успѣли понять его продѣлки. Мы упоминали прежде, что алхимія и магія Бишофсвердера закончились приготовленіемъ возбуждающихъ средствъ и вызываніемъ духовъ: тѣмъ и другимъ онъ эксплуатировалъ своего короля.

Далѣе, въ исторіи новиковскаго кружка упоминается, въ числѣ заграничныхъ братьевъ, нѣкто Дю-Боскъ, — конечно тотъ самый

Францъ Дю-Боскъ, который игралъ роль въ берлинскомъ розенкрейцерствѣ. Это былъ купецъ, саксонскій каммерратъ, членъ тампьерской системы и основатель ложи въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ былъ одно время мастеромъ стула. Въ тампьерской системѣ онъ носилъ имя *eques ab Arbore frugifera* и принадлежалъ къ числу наиболѣе вліятельныхъ членовъ его. Въ Лейпцигѣ онъ былъ, между прочимъ, въ связяхъ съ тѣмъ же Шрепферомъ, которому онъ давалъ денегъ, кажется въ ожиданіи вознагражденія отъ его алхимическихъ предпріятій<sup>1)</sup>. Впослѣдствіи, когда вступилъ на престолъ покровитель и другъ розенкрейцеровъ, Фридрихъ Вильгельмъ II, Дю-Боскъ переселился въ Берлинъ, гдѣ онъ и игралъ значительную роль въ розенкрейцерскихъ дѣлахъ. По показаніямъ Трубецага<sup>2)</sup>, съ Дю-Боскомъ имѣлъ сношенія въ Берлинѣ Кутузовъ, который былъ посредникомъ въ перепискѣ Трубецага съ орденскими властями. Имя Дю-Боска упоминается рядомъ съ Вѣльнеромъ.

Баронъ Шредеръ, принадлежавшій въ интимному кругу московскихъ розенкрейцеровъ, считается у нѣмецкихъ историковъ авантюристомъ сомнительнаго свойства и эмиссаромъ розенкрейцеровъ въ Россіи, чѣмъ онъ и былъ. Шредеръ одно время жилъ въ Варшавѣ, гдѣ управлялъ масонской ложей въ качествѣ мастера стула, потомъ, въ 1773, отправился въ Гамбургъ, и наконецъ сдѣлался агентомъ розенкрейцеровъ въ Москвѣ. По смерти Шварца онъ сталъ, какъ извѣстно, начальникомъ московскаго розенкрейцерства, подъ именемъ *Sacerdos*. Впослѣдствіи онъ возсталъ въ Берлинѣ противъ розенкрейцеровъ и вызвалъ силанумъ или прекращеніе работъ. Нѣмецкіе источники рассказываютъ анекдотъ, что когда заболѣлъ Шварцъ, то Шредеръ поскакалъ на курьерскихъ въ Берлинъ, чтобы достать отъ Вѣльнера розенкрейцерское универсальное лекарство и получилъ его, но оно пришло уже поздно; потомъ оказалось, что доза лекарства была бы смертельна. По нашимъ извѣстіямъ, Шредеръ поѣхалъ въ Берлинъ уже только по смерти Шварца, для извѣщенія орденскихъ властей; и если этотъ анекдотъ не достовѣренъ фактически, то онъ все-таки характеристиченъ, потому что былъ совершенно возможенъ<sup>3)</sup>.

## А. Пыпинъ.

1) *Zeitschr. für Freem. Altenb.* 1825, стр. 243.—*Neueste Zeitschr. für Freimaur.* 1841, 270—271. Тамъ же и о Бишофсвердерѣ.

2) *Лонг.* 0,117.

3) См. *Handb.* I, 111, 124; III, 202, 483.

---

# ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

---

## ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Я разсмотрѣлъ лишь немногія изъ русскихъ былинъ; но эти немногія принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ и характерныхъ между всѣми нашими былинами, и представляютъ столько значительныхъ и плодотворныхъ выводовъ, что мы имѣемъ возможность и обязанность изложить главнѣйшіе изъ нихъ уже и теперь, не дожидаясь того времени, когда русскія былины будутъ разсмотрѣны съ анатомическою подробностью всѣ до единой.

Я разбиралъ былины такъ-называемаго древнѣйшаго нашего періода, т. е. тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ временамъ *древней и средней исторіи* нашей, эпохъ до XVI столѣтія. Тутъ уже идутъ, со временъ Ивана Грознаго, былины, имѣющія свой особенный характеръ, свое особенное значеніе, и ихъ я не касался. Сообразно этому, и настоящая, III-я часть моего изслѣдованія, будетъ имѣть предметомъ своимъ русскія былины, предшествующія времени Ивана Грознаго, или XVI столѣтію.

Выводы мои двухъ родовъ: одни отрицательные, другіе положительные. Излагая первые, я думаю опредѣлить: *чего мы теперь не можемъ и не должны больше находить въ русскихъ былинахъ*, какъ это прежде дѣлалось; излагая вторые, я надѣюсь опредѣлить: *что именно мы можемъ и должны нынче находить въ былинахъ*.

Послѣ тѣхъ и другихъ выводовъ, я попытаюсь указать, какіе самостоятельные, собственно-національные элементы и подробности присутствуютъ, по моему мнѣнію, въ нашихъ былинахъ.

## I.

Прежде всего представляется вниманію изслѣдователя то соображеніе, что русскія былины не имѣютъ ровно никакого права называться «былинами».

Въ самомъ дѣлѣ, что такое «былина?»

Это такое созданіе нашего народнаго творчества, основой котораго признаютъ что-то дѣйствительно случившееся, «быль». Былинами называютъ тѣ изъ числа нашихъ пѣсенъ, которыхъ герои носятъ болѣе или менѣе историческія имена изъ временъ древняго періода русской исторіи (Олеги Святославичъ, князь Владиміръ, князь Добрыня, Ставръ-Бояринъ, купецъ Садо), которыхъ дѣйствіе происходитъ посреди древне-исторической нашей обстановки, во время очень опредѣленнаго, повидимому, періода (время *до* Владиміра, время *при* Владимірѣ), и въ мѣстностяхъ, носящихъ древне-русскія названія (Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ, Муромъ, Рязань, мѣста у Днѣпра, Волхова, Ильменя). Безъ сомнѣнія, не считали этихъ разсказовъ вполнѣ, отъ начала и до конца, историческими: нельзя же было признавать, что *все* изложенныя тамъ событія дѣйствительно случились, когда многія подробности имѣютъ характеръ явно мифическій, или же просто фантастическій — таковы наприм. змѣи, чудовища, всякіе вообще сверхъестественные предметы, очарованія, превращенія, нечеловѣческія силы. Но тѣмъ не менѣе, съ полнымъ убѣжденіемъ вѣровали, что «содержаніе эпическихъ пѣсенъ нашего народа — всегда лица или событія его народной жизни»<sup>1)</sup>; что если отдѣлить сверхъестественное, все остальное въ былинахъ до такой степени вѣрно и справедливо воспроизводитъ исторію, что, для такъ-называемаго простаго народа, онѣ «несравненно выше *все-возможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ, и служатъ ему единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народъ его исторіей*. Вопреки своимъ грубымъ анахронизмамъ, былина въ общемъ составѣ, въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событий старины, и до сихъ поръ еще не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться только съ самыми лучшими стра-

<sup>1)</sup> Е. Аксаковъ, Сочиненія, I, 401.

нинами летописи, которой служитъ живымъ народнымъ отголоскомъ»<sup>1)</sup>).

Въ противоположность былинамъ указываютъ на «сказки»<sup>2)</sup>. Правда, мнѣнія, высказанныя у насъ о сказкахъ, имѣютъ нѣсколько разныхъ отдѣльныхъ оттѣнковъ. Одни видѣли въ нихъ не что иное, какъ только какія-то праздныя, фантастическія выдумки, полученныя нами съ Востока:—«Въ сказкѣ, говоритъ К. Аксаковъ, съ самыхъ уже первыхъ словъ дается знать, что это вымыселъ. Большинство нашихъ сказокъ пользуется чужою фантазіею, и зашли къ намъ цѣликомъ изъ чужихъ краевъ, наиболѣе съ Востока»<sup>3)</sup>. Другіе видѣли въ сказкахъ тоже что-то фантастическое, но уже соединенное и съ дѣйствительностью, и притомъ дѣйствительностью не чуждою, не иноземною, но нашею русскою, національною, временъ до-историческихъ, и предшествовавшихъ эпохъ вполне уже историческихъ былинъ. Сказавъ, что въ сказкахъ присутствуетъ «элементъ стихійный», г. Безсоновъ продолжаетъ: «Былево творчество началось собственно тогда для Руси, когда она сложилась прочно и крѣпко въ міръ-народъ. Сказка началась раньше, предшествовала былинѣ, отелякаясь на событія до-исторической кочевой жизни, на времена броженія въ вѣросознаніи, бытѣ и творествѣ»<sup>4)</sup>. Наконецъ третьи, сообразно съ тѣмъ, что говорится въ настоящее время о сказкѣ у другихъ европейскихъ изслѣдователей, не находятъ уже въ сказкѣ ни восточнаго, ни національно-русскаго происхожденія, а считаютъ ея коренной составъ обще-индо-европейскимъ достояніемъ, и видятъ въ ней уже не пустыя фантазіи и праздныя вымыслы, но въ то же время и не русскія до-историческія преданія эпохи кочевого быта, а «отзвукъ древнѣйшаго повѣствованія о богахъ, древнѣйшаго мифическаго эпоса», но тутъ же все-таки противопоставляютъ ее поэзіи былевой, «въ которой отражаются различныя историческія судьбы каждаго народа»; сверхъ того, тутъ же высказывается, что «сказка по основѣ своей древнѣе былины»<sup>5)</sup>. Итакъ, мнѣнія у нашихъ писателей о содержаніи и происхож-

<sup>1)</sup> *Буслаевъ*, Очерки, I, 420.—Это мнѣніе уже настолько проникло въ общій обиходъ, что его можно встрѣтить даже въ современныхъ учебникахъ. Такъ напр., въ хрестоматіи г. Филонова сказано: «Былины времени Владимірова всего лучше читать вмѣстѣ съ первыми страницами Нестора: и тамъ и здѣсь рѣшительно одинаковый тонъ, образъ возрѣнія и даже языкъ». *Хрестом. Филонова*, I, 129.

<sup>2)</sup> Въ настоящемъ изслѣдованіи, само собою разумѣется, нѣтъ рѣчи о сказкахъ *жизотнаго* (или, какъ его иногда неправильно называли, *зорринаго*) эпоса.

<sup>3)</sup> *К. Аксаковъ*, Сочиненія, I, 400, 401.

<sup>4)</sup> *Безсоновъ*, Записка къ III-му вып. Кирѣвскаго, стр. XXXIII.

<sup>5)</sup> *Ор. Миллеръ*, Опытъ историч. обзор. русск. словесн., I, 140.



деніи сказки разныя, но всѣ эти разныя мнѣнія однако же сходятся на томъ, что «былина» и «сказка» двѣ вещи совершенно разныя, изъ нихъ одна старше, другая моложе, одна стоитъ на почвѣ выдумки, или до-историческаго и мифологическаго преданія, а другая — на почвѣ подлинной исторической дѣйствительности. «Сказка и пѣсня различны изначала, прибавляетъ во всему остальному К. Аксаковъ. *Это различіе установилъ самъ народъ, и намъ всего лучше прямо принять то раздѣленіе, которое онъ сдѣлалъ въ своей литературѣ*» <sup>1)</sup>.

Но, при всемъ почтеніи къ народу и уставленнымъ имъ самимъ вещамъ, такого раздѣленія именно и нельзя никоимъ образомъ принять въ настоящемъ случаѣ.

То изслѣдованіе, которому посвящена II-я часть настоящаго труда, доказываетъ, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ не только глубокой, но даже и мелкой черты разграниченія между *коренными составомъ* русской быliny и русской сказки. Въ былинахъ нашихъ оказывается точь-въ-точь столько-же мало настоящей дѣйствительности, *были*, историческихъ фактовъ, какъ и въ сказкахъ. Похожденія князя Владиміра, Ильи, Добрыни, столько же историчны въ нашихъ пѣсняхъ, какъ и похожденія Еруслана Лазаревича, Ивана-царевича, Василисы Премудрой, и прочихъ богатырей, богатырьшъ и героевъ. Илья-ли Муромецъ, или же Ерусланъ Лазаревичъ выбираетъ себѣ коня; Ерусланъ-ли Лазаревичъ, или Васыка Буслаевъ выламываетъ руки и ноги мальчикамъ-сверстникамъ, своимъ товарищамъ по играмъ; Ерусланъ-ли Лазаревичъ освобождаетъ изъ заключенія у князя Данилы Бѣлаго отца, дядю и толпу богатырей, или Добрыня освобождаетъ изъ полона у Змѣя Горыныча племянницу князя Владиміра и съ нею толпу богатырей; Ерусланъ-ли прощаетъ царю Киркоусу свое несправедливое изгнаніе и выручаетъ изъ бѣды, или Илья-Муромецъ прощаетъ точно также князю Владиміру и спасаетъ его отъ враговъ, и т. д., вездѣ встрѣчаемъ рассказы однороднаго содержанія и однороднаго происхожденія. Въ обоихъ случаяхъ мы видимъ все однѣ и тѣ-же сказанія, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительными какими-бы то ни было событіями и дѣйствительною какою-бы то ни было исторіей. Коренная ихъ основа — мифологическая, и нѣтъ ни одной быliny нашей, которая, восходя все выше и выше, сквозь длинную цѣпь разнообразныхъ пересказовъ, въ сущности — переименованій, передѣлокъ и искаженій, — не могла бы, наконецъ, быть доведена до первообразовъ мифическихъ, обыкновенно стихійнаго и космиче-

<sup>1)</sup> К. Аксаковъ, Сочиненія, I, 400.

сваго свойства. Въ концѣ концовъ, подвиги Дуная — это повѣсть о торжествѣ солнца и гармоніи въ природѣ надъ хаосомъ и стихійнымъ броженіемъ; споръ свѣтлыхъ коней Ивана Гостиного сына съ темными его противниковъ — споръ дня съ ночью; исторія Дуная, его жены и сына — исторія лѣта и зимы, и т. д. Поэмы и пѣсни разныхъ народовъ восприняли въ себя, въ послѣдствіи, эти коренные мотивы, и переработали ихъ, каждая, въ своей особенной, національной формѣ; но, не смотря на все ихъ разнообразіе, одинъ и тотъ же мотивъ всегда чувствуется очень явственно. Но, въ тоже время, изъ этихъ самыхъ первоначальныхъ поэтическихъ пересказовъ произошли и наши сказки: и тѣ, и другія, сказки и былины наши, одинаково идутъ съ Востока, мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе далекіе первообразы ихъ въ однихъ и тѣхъ же созданіяхъ древней Азіи, и иногда изъ двухъ, рядомъ стоящихъ разсказовъ, одинъ у насъ образовалъ «былину», а другой «сказку»; иногда, двѣ половины одного и того же разсказа пошли у насъ, одна въ былину, другая въ сказку. Такъ напр., одни азіятскіе разсказы, улегшіеся въ Шахъ-Намэ подъ видомъ одного сплошного, непрерывнаго повѣствованія, появились у насъ, на половину подъ видомъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, и на половину подъ видомъ былины объ Ильѣ-Муромцѣ; одни азіятскіе разсказы образуютъ непрерывную нить повѣствованій въ Магабгаратѣ, Рамаянѣ, монгольскихъ, калмыцкихъ или киргизскихъ поэмахъ и пѣсняхъ, а у насъ пошли частью въ сказки о Жарь-Птицѣ, о Фенитѣ, удачливомъ молодцѣ и т. д., и частью въ былины о Дунаѣ, Садѣ и т. д.

Такимъ образомъ, прямо наоборотъ словамъ К. Аксакова, былина и сказка уже съ самаго изначала не имѣютъ, въ концѣ своемъ, никакого различія, а поэтому «былина» никоимъ образомъ не можетъ служить (какъ ей это приписываютъ) «къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ» и «къ пониманію великихъ событій старины». Какъ-же этому и быть, когда въ ней вовсе нѣтъ никакихъ событій старины и никакихъ національныхъ силъ, однимъ словомъ, когда въ такъ-называемыхъ нашихъ «былинахъ» нѣтъ никакой «были»?

Однако же, доказывая это, я ничуть не думаю требовать, чтобъ наши «былины» перестали зваться «былинами». Въ общемъ употребленіи есть столько невѣрныхъ техническихъ названій, именъ и терминовъ, по всѣмъ отраслямъ знанія, что измѣнять ихъ всѣ — былъ бы трудъ слишкомъ громадный и наврядъ ли исполнимый. Довольно сознать и доказать ихъ невѣрность. Про названіе «былина» можно сказать то же самое, что часто говорится про многое другое: хотя оно и невѣрно, но оно

«освящено временемъ, народнымъ употребленіемъ». Пусть же это названіе и остается, если въ этомъ «освященіи» есть какое-нибудь нравственное, интеллектуальное значеніе. Не стѣитъ спорить о словахъ, когда самая сущность дѣла признана вѣрно, и когда внѣшняя невѣрность выраженія не можетъ имѣть вреднаго вліянія на нашу мысль, убѣжденіе. Само время быть можетъ мало по малу замѣнить невѣрное наименованіе «былина» болѣе вѣрнымъ: «богатырская пѣсня».

## II.

Убѣдиться въ томъ, что наши былины не заключаютъ въ себѣ коренной основѣ своей никакихъ дѣйствительныхъ «былей», значить въ то же время убѣдиться, что онѣ въ этой коренной основѣ своей не заключаютъ ничего и русскаго. То, что никогда и нигдѣ не случилось, потому что создано творческою или художественною фантазіею—не могло, значить, случиться и у насъ.

Но, если мы даже перенесемъ русскія былины съ почвы исторической на мифологическую, все-таки тотчасъ же возникаетъ вопросъ: какія же онѣ въ самомъ дѣлѣ, русскія или иноземныя по происхожденію? Все предыдущее изложеніе, заключавшее въ себѣ подробный разборъ *состава* нашихъ былинъ, показываетъ, что ихъ *коренная основа*, ихъ *скелетъ*—не русскіе. То, что по прежнимъ понятіямъ, было признаваемо исключительно нашимъ достояніемъ, народнымъ нашимъ созданіемъ, такимъ созданіемъ, гдѣ въ самомъ корнѣ выразились національныя наши особенности, — приходится признавать теперь произведеніемъ вполне иноземнымъ. Мы столько же мало имѣемъ возможности предъявлять право на созданіе нами, собственно въ нашемъ отечествѣ, и на исключительную принадлежность, будто бы нигдѣ и ни у кого болѣе не существующихъ личностей и похожденій Ильи-Муромца, Добрыни, Садки, Потока и т. д., какъ и на созданіе личностей и похожденій Бовы Королевича, Ивана-Царевича и Еруслана Лазаревича. Въ этомъ отношеніи, мы можемъ приложить къ нашимъ былинамъ то, что сказано Бенфеемъ о сказкахъ: «у множества народовъ, не ими изобрѣтены почти всѣ тѣ сюжеты, на которыхъ основывается большинство ихъ поэтическихъ созданій, и, что касается до изобрѣтательности, они гораздо болѣе лишены фантазіи, чѣмъ обыкновенно до сихъ поръ принимали, такъ что вся поэтическая сила ихъ почти исключительно ограничивалась только переработкой или вообще обработкой»<sup>1)</sup>. Дѣй-

<sup>1)</sup> Orient u. Occident, 1861, стр. 372: разборъ Бенфеемъ изданія и перевода Брокгаузомъ собранія сказокъ Сомадевы.

ствительно, рассматривая *скелетъ*, основу нашихъ былинъ, мы не находимъ тутъ ничего такого, что принадлежало бы намъ однимъ, и чего не было бы давнымъ-давно, съ глубокой древности, въ оборотѣ у очень многихъ другихъ народовъ. Ни одного мотива, ни одного сюжета, которые могли-бы считаться чѣмъ-то собственно нашимъ, и только нашимъ, какъ насъ очень долго и настойчиво увѣряли; ничего такого, что у насъ родилось, и у насъ однихъ только и могло родиться. Уже и теперь, когда приведено въ извѣстность и передано, въ переводѣ на европейскіе языки, сравнительно говоря еще такъ мало произведеній древней восточной поэзіи, мы наталкиваемся на каждомъ шагу на сходства и родственныя, часто совершенно тождественныя черты; но нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ больше мы будемъ узнавать поэмъ, пѣсенъ и легендъ, принадлежащихъ *разнымъ* восточнымъ народамъ, тѣмъ многочисленнѣе будутъ пункты сравненія, и тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться въ нерусскомъ происхожденіи каждой изъ числа нашихъ былинъ: уже и теперь, каждый новый сборникъ пѣсенъ того или другого восточнаго народа, каждая новая поэма увеличиваетъ количество доказательствъ, и, положительно можно сказать, нѣтъ ни одного такого сборника, ни одной поэмы, гдѣ бы первообразы нашихъ былинъ не существовали въ огромномъ количествѣ. Всѣ они въ такомъ несомнѣнномъ родствѣ одни съ другими, что если наши былины приходятся съ родни которому-нибудь отдѣльному члену изъ числа ихъ, то уже навѣрное придутся съ родни и всѣмъ остальнымъ.

Но вотъ здѣсь-то именно и возникаетъ вопросъ: въ какой именно мѣрѣ наши былины — не-русскія, въ какой мѣрѣ онѣ иностранки?

Положимъ, скажутъ иные, что, по первоначальной основѣ ихъ, былины нельзя болѣе считать созданіями русской почвы и русской народности. Положимъ, что скелеты ихъ — пришлые съ Востока. Но, быть можетъ, это обстоятельство не имѣетъ еще особенной важности. Иногда первоначальный матеріалъ гораздо меньше значить и стоить, чѣмъ то, что потомъ было изъ него создано творческимъ умомъ и рукою; быть можетъ русскій народъ и русское творчество овладѣли первоначальнымъ, чужой *скелетъ* такимъ роскошнымъ, своеобразнымъ, самостоятельнымъ *теломъ*, которое заставляетъ совершенно забыть о скелетѣ, и сосредоточиваетъ всю мысль нашу на одномъ только этомъ тѣлѣ.

Да, отвѣтимъ мы, все это возможно, и осуществленію этого въ дѣйствительности ничто не препятствуетъ. Таковой фактъ могъ случиться, но могъ также и не случиться, смотря по народу и обстоятельствамъ его исторіи. Созданія великихъ худож-

никовъ часто имѣютъ основою своею такой разсказъ, такую фактуру, которая рождена не самимъ художникомъ и пришла къ нему изъ чужихъ рукъ: довольно вспомнить Гамлета, Лира, Фауста; однакоже это не мѣшаетъ считать тѣ произведенія самими коренными созданіями тѣхъ художниковъ. Тамъ можетъ быть и съ созданіями народовъ. Мы готовы вѣрить, что это случилось и у насъ, что чужеземная основа нашихъ былинъ имѣетъ очень мало значенія въ сравненіи съ тѣмъ, что впоследствии облекло ее мускулами и кровеносными жилами, совершенно самостоятельными. Но существованіе такого факта необходимо доказать. Еще слишкомъ мало, съ патріотическимъ, впрочемъ очень похвальнымъ, чувствомъ благоговѣть передъ *духомъ, характеромъ и оригинальными, самостоятельно-національными личностями* нашихъ былинъ. Надо подробнымъ разборомъ подтвердить, что этотъ духъ, этотъ характеръ, эти личности—дѣйствительно наши, что они выражаютъ духъ, характеръ и личности именно нашего, а не какого-нибудь другого народа. Надо опредѣлить, что именно привнесъ самъ народъ, своего особеннаго, къ чужой первоначальной основѣ, надо доказать объемъ и значеніе этихъ новыхъ, національныхъ сокровищъ народнаго творчества, а потомъ уже рѣшать, что чужеземный, основной скелетъ ровно ничего не значитъ и затеривается въ массѣ новаго матеріала и самостоятельной его обработки.

Однимъ словомъ — надо напередъ доказать національность *подробностей, личностей и характеровъ* въ русскихъ былинахъ.

До тѣхъ же поръ, никто изъ насъ не имѣетъ права выходить за предѣлы добытаго сравнительнымъ изученіемъ вывода: что у русскихъ былинъ происхожденіе вовсе не русское.

### III.

Разсматривая былины, мы убѣждались, что каждая изъ нихъ имѣетъ величайшее сходство, за однимъ разомъ, съ пѣсколькими подобными же пересказами разныхъ восточныхъ народовъ. Значитъ, напрасно было бы отыскивать въ богатыряхъ, главныхъ дѣйствующихъ лицахъ нашихъ былинъ, слѣды и характеристику тѣхъ личностей, чьи имена они носятъ, и которыя намъ извѣстны изъ историческихъ нашихъ памятниковъ. Наши богатыри не что иное; какъ носители разнообразныхъ мифовъ, легендъ и сказовъ древняго Востока, измѣненныхъ до извѣстной степени въ содержаніи и характерѣ своемъ, но приуроченныхъ, въ болѣе

или менѣе объемистомъ составѣ, къ извѣстнымъ личностямъ съ русскими именами.

Въ князѣ Владимірѣ нашихъ былинъ нечего искать дѣйствительнаго князя Владиміра, крестившаго Русь, и упоминаемаго византійскими историками и русскими лѣтописями, коль скоро въ томъ, что былины рассказываютъ про этого князя Владиміра, нѣтъ ничего изъ всего того, что говорено въ историческихъ памятникахъ, а есть совсѣмъ другое, именно: множество самыхъ разнообразныхъ вещей, приписываемыхъ то царю Кей-каусу *Шахъ-Намэ*, то царю Асоуѣ *Записокъ о западн. странахъ*, то брахману Вишнусвами и царю Калингадаттѣ *Сборника Сомадевы*, то мудрецу Сандипани *Гариванзы*, то князю Богдо Джангару *Джангаріады* и т. д.

Въ лицѣ княгини Аправсіи нашихъ былинъ нечего искать дѣйствительной жены князя Владиміра, когда въ ней видятся за разъ и персидская царица Судабэ изъ *Шахъ-Наме*, и брахманка Каларатри *Сомадевы*, и индѣйская царица Падмавати, жена царя Асоки, и царевна Виндумати, и т. д. Тоже самое надо сказать и про Добрыню, въ которомъ живутъ вмѣстѣ Кришна, Рама, Арджуна, разные киргизскіе и сибирскіе богатыри; про Саду, про котораго рассказывается точь-въ-точь тоже самое, что про царя Яду, брахмана Джинпа-Ченпо, купца Пурну и т. д.

Но этого мало: даже если мы оставимъ въ сторонѣ исторію и лѣтописи, все-таки нельзя признавать героевъ нашихъ былинъ индивидуальными, своеобразно и законченно-созданными типами, когда каждый изъ нихъ не есть отдѣльно и преднамѣренно сложенная личность, а представляетъ накопленіе разнородныхъ элементовъ и мотивовъ, первоначально не имѣвшихъ отношенія одинъ къ другому. Подъ однимъ общимъ именемъ Потока, соединены рассказы о событіяхъ, приписываемыхъ восточными оригиналами героямъ совершенно разнымъ, таеъ сказать разнокалибернымъ, и не имѣющимъ никакого внутренняго единства и духовнаго или душевнаго сходства. Потокъ есть эхо вмѣстѣ и вроткаго, богобоязненнаго брахмана Руру, и воинственнаго, энергическаго, диваго богатыря Гессеръ-Хана. Накопленныя подъ именемъ Дуная дѣла рассказываются вмѣстѣ и про свирѣпаго, рѣшительнаго бога Сому, и про кроткаго, сострадательнаго брахмана Сактидеву. Въ лицѣ Ильи-Муромца слиты черты разнообразнѣйшихъ характеровъ: онъ вмѣстѣ и простачокъ Готимбира, и великодушный благородный Рустемъ, и злобный Тана-богатырь, и задорный Хонгоръ-Красный и т. д.

Напрасно наши изслѣдователи, въ своемъ ревностномъ одушевленіи вырисовать отчетливую, самостоятельную характери-

стигу русскихъ богатырей, отмежевали для каждаго изъ нихъ особенныя черты, которыя должны отдѣлить совершенно явственно и опредѣлительно одного богатыря отъ другого. Такъ напр., насъ увѣряютъ, что Ильѣ принадлежатъ: кротость, смиреніе, доброта, незлобивость, въ соединеніи съ неодолимою силою и мужествомъ; Добрынѣ — вѣжливость, умѣнье обходиться и справляться съ людьми, а вмѣстѣ грамотная образованность; Василью Казимировичу — посольское, дьячье умѣнье, ловкость и споровка; Дунаю — буйство и горделивая осанка; Садеѣ — высокомѣріе и надутость разбогатѣвшаго купца, заносчивость и жадность; Алѣшѣ — донъ-жуанство и т. д. Эти усилія нашихъ изслѣдователей дѣлаютъ много чести ихъ патріотическимъ чувствамъ и ревностному усердію представить эпосъ своего народа художественно-округленнымъ и законченнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Но, въ сожалѣнію, эти усилія остаются почти всегда безъ прочныхъ результатовъ, потому что однѣ изъ этихъ чертъ не принадлежатъ исключительно только тому или другому богатырю, а очень многимъ, или даже большинству изъ нихъ; другія вовсе не существуютъ въ былинахъ, а только приписаны имъ нашими изслѣдователями; третьи основываются на словахъ и названіяхъ, которыя, правда, и существуютъ въ былинахъ, но стоятъ въ разладѣ съ дѣйствіями, описываемыми тамъ; наконецъ, всѣ вмѣстѣ, эти черты, какія бы онѣ ни были, впервые появляются не въ нашихъ былинахъ, а въ восточныхъ ихъ первообразахъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго, укажемъ здѣсь на то, что сколько буйства находятъ наприм. у Дуная, точь-въ-точь столько же его можно найти у каждаго изъ прочихъ богатырей. Вольно же считать «буйнымъ» Дуная, и считать «кроткимъ» Илью-Муромца, когда они творятъ точь-въ-точь одинакія вещи: и тотъ и другой силою вламываются въ чужія палаты, и при этомъ расшибаютъ двери и ломаютъ подъ собою мебель; бьютъ мужчинъ и женщинъ куда ни попало, то кулакомъ, то шляпой, то палицей, ведутъ самую разгульную жизнь, отнимаютъ и увозятъ чужихъ женщинъ, и т. д. Побѣдивъ Калина, «кроткій» Илья-Муромецъ мало того что долго билъ его плетью, но еще ломаетъ ему «бѣлыя руки, рѣзвыя ноги», а потомъ другому татарину ломаетъ «бѣлыя руки», выкалываетъ «ясныя очи», и посылаетъ ихъ обоимъ домой, самъ выговариваетъ: «На-тко, татаринъ, неси домой, а ты, собака, дорогу показывай»<sup>1)</sup>. Какая трогательная «кротость» и «незлобивость»! Вольно же находить свирѣпость у однихъ богатырей, и не признавать ея у другихъ, тогда какъ

<sup>1)</sup> Рыбтик., I, 106.

между тою и другою нѣтъ никакой разницы: такъ наприм., были же у насъ изслѣдователи, которые говорятъ, что все, что Добрыня сдѣлалъ со своей женой Мариной (отрубилъ ей сначала руку, потомъ ногу, потомъ груди, потомъ голову, потомъ языкъ) «не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости» <sup>1)</sup> и все это, конечно, только потому, что этого героя зовутъ «Добрыней», и значить, мы обязаны признавать отличительнымъ его свойствомъ «доброту». Точно также мы обязаны считать, что Алѣша-Поповичъ, вообще обвиняемый нашими изслѣдователями въ разныхъ непохвальныхъ качествахъ, даже и со врагами-то сражается нечестнымъ манеромъ: «онъ убиваетъ врага обманомъ, изподтишка, не надѣясь прямо», говоритъ г. Безсоновъ <sup>2)</sup>. Но правда ли это? Развертываемъ былины, и читаемъ тамъ, что онъ сражается какъ всѣ остальные товарищи его богатыри. Въ одномъ случаѣ Алѣша-Поповичъ говоритъ Тугарину Змѣвичу: — «Подъѣзжай ко мнѣ поближе, не слышу я, что ты говоришь», — а когда тотъ подъѣхалъ, то онъ убиваетъ его ударами плети. Въ другой разъ, онъ же вызывалъ на бой Тугарина, и когда тотъ, *неизвестно почему*, оглянулся назадъ, Алѣша срубилъ ему голову <sup>3)</sup>. Неужели это значить дѣйствовать изподтишка, звать врага къ себѣ поближе? Вотъ совсѣмъ другое дѣло Ильи-Муромецъ: этотъ въ самомъ дѣлѣ *тихонько ночью* подкрадывается въ лагерь врага, *во время сна* царя Калина хватаетъ и мучительно убиваетъ его <sup>4)</sup>. Но, такъ какъ принято уже разъ, что Илья всегда дѣйствуетъ прямо, честно и открыто, то и это событіе никоимъ образомъ не можетъ быть названо дѣломъ *изподтишка*. Такова уже логика нашихъ изслѣдователей.

Въ примѣръ того, какъ наши изслѣдователи выдумываютъ для нашихъ героевъ тавія свойства, которыхъ имъ вовсе не приписано былинами, можно указать на Илью и на Добрыню. Про перваго говорятъ, что «при встрѣчѣ съ врагами онъ часто не бьетъ ихъ *изъ жалости*, а только пугаетъ силой и ловкостью» <sup>5)</sup>, тогда какъ на дѣлѣ Илья не убиваетъ напавшихъ на него станишниковъ вовсе не изъ жалости, а потому, что наложилъ на себя «заповѣдь великую»: проѣхать дорогу прямоѣзжую, не вымать изъ налушна тугой лубъ, изъ волчана не вымать калену

<sup>1)</sup> К. Аксаковъ, Сочиненія, I, 344.

<sup>2)</sup> Указатель къ 4-мъ первымъ вып. Кир., 61.

<sup>3)</sup> Кир., II, 73, 78.

<sup>4)</sup> Рыбник., I, 105—106.

<sup>5)</sup> Безсоновъ, Указатель къ 4-мъ первымъ выпускамъ Кирѣвск., 41.



стрѣлу» 1). Про Добрыню точно также рассказываютъ, что онъ не стрѣляетъ въ татаръ (пробуя лукъ у Батыя въ ордѣ), а въ дубъ, — по добротѣ своей, и «щадить жизнь невѣрныхъ враговъ, хотя самъ ихъ царь даетъ ему позволеніе стрѣлять по нимъ: «стрѣлай куда хочешь», сказалъ Батый на вопросъ Добрыни, куда ему стрѣлять, по татарамъ или въ чисто поле» 2)? Но опять-таки и здѣсь основа мотива не «доброта» Добрыни, а то, что это вообще очень употребительный у насъ восточный мотивъ 3) и что въ одномъ изъ азіятскихъ первообразовъ этой былины сибирскій богатырь стрѣляетъ не въ людей, а въ скалу, и разбиваетъ ее въ дребезги: воть почему и Добрыня разбиваетъ здѣсь въ дребезги дубъ 4).

Въ примѣръ свойствъ, приписываемыхъ нашимъ богатырямъ, на основаніи выраженій, находящихся въ былинахъ, но не оправдываемыхъ самимъ дѣйствіемъ былинь, достаточно указать на Добрыню. Про него у насъ говорятъ, что главное отличіе его (кромѣ знатнаго происхожденія) — это «вѣжество, умѣнье слово молвить, передъ чужимъ царемъ поклониться», и именно на основаніи этихъ качествъ Василій Казимировичъ однажды спрашиваетъ себѣ, у князя Владиміра, Добрыню въ товарищи, чтобы ѣхать въ орду 5). Но что же выходитъ: ни въ этомъ случаѣ, ни во всѣхъ остальныхъ, Добрыня не выказываетъ на самомъ дѣлѣ ни какого-нибудь особеннаго «вѣчества», ни умѣнья говорить и ловко обращаться съ людьми. Онъ во все время своего присутствія на сценѣ молчитъ, никого не уговариваетъ и ни въ чемъ не убѣждаетъ. При посольствѣ въ орду, рѣчь постоянно ведетъ Василій Казимировичъ, а при посылкѣ къ Ильѣ, разгнѣванному на князя Владиміра, Добрыня только и сказалъ Ильѣ, что они вѣстовые братья, и что у нихъ положена заповѣдь: большому брату слушать меньшого, а меньшему большого 6). Этимъ и ограничилось все его умѣнье «слово молвить» и убѣждать другихъ своимъ краснорѣчіемъ: краснорѣчіе и даръ убѣдительности уже черезъ чуръ умѣренные! Это ясно показываетъ, что умѣнье «говорить» приписано Добрынѣ не самою русскою былиною, которая этимъ мотивомъ не воспользовалась, а зашло сюда изъ какого-нибудь оригинала, гдѣ имѣло свой резонъ и дѣйствительное основаніе. Тоже самое можно сказать и про то, что ему съ ма-

1) *Кур.*, I, 41.

2) *К. Аксаковъ*, Сочиненія, I, 346.

3) Такъ напр. см. Ставрову жену, богатыршу Василису, *Кур.*, IV, 65.

4) *Radloff*, I, 206 — 207.

5) *Кур.*, II, 91.

6) *Рыбн.*, I, 97.

долѣтства «грамота въ науку пошла»<sup>1)</sup>. Былина упоминаетъ про это умѣнье или образованность Добрыни, но оно только на первый взглядъ отдѣляетъ Добрыню отъ прочихъ богатырей, а на самомъ дѣлѣ не составляетъ никакой дѣйствительно отличительной черты его. Многіе богатыри нашихъ былинъ знаютъ грамотѣ, т. е. умѣютъ прочитать ярлыкѣ или что написано на камнѣ тамъ, гдѣ раздѣляются дороги, умѣютъ и писать; станишники-разбойники даютъ рукописанье; глава каликъ перехожихъ самъ читаетъ книгу, и даже иныя жепщины «умѣютъ русскую грамоту» (напр. жена Данилы Ловчанина). Поэтому былины имѣли бы все основаніе упоминать о грамотности Ильи-Муромца, Екима Ивановича, или Потока и т. д.<sup>2)</sup>, но онѣ именно должны были бы ни слова не говорить о грамотности и образованности Добрыни, такъ какъ онъ рѣшительно нигдѣ не доказалъ ни того, ни другого: былины не представили ни одинаго такого случая, гдѣ бы Добрыня хоть что-нибудь прочиталъ, не то что уже показалъ бы свое какое-нибудь умѣнье или знанье. Значить, если пѣсни о Добрынѣ говорятъ, что грамота ему въ науку пошла — то это опять-таки только потому, что объ этомъ говорится въ тѣхъ первообразахъ, откуда произошелъ нашъ Добрыня.

Наконецъ, какія бы душевныя свойства и черты характера былины наши ни приписывали своимъ героямъ, нѣтъ ничего такого, чего бы уже не было у тѣхъ самыхъ героевъ, которые въ восточныхъ пересказахъ были первообразами нашихъ. Гдѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ разказа былины, нашъ богатырь является свирѣпымъ или добрымъ, гордымъ или смиреннымъ, безпощаднымъ или добродушно-прощающимъ, тамъ на этомъ же самомъ мѣстѣ восточной пѣсни или поэмы, восточный герой является свирѣпымъ или добрымъ, гордымъ или смиреннымъ, безпощаднымъ или добродушно-прощающимъ. Примѣровъ я приводить не стану, ихъ легко найдетъ каждый читатель, если пробѣжить въ памяти приведенныя выше 10 былинъ: тамъ они разсѣяны во множествѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что все это мы имѣемъ право сказать, когда сравниваемъ русскія былины съ восточными поэмами и пѣснями, но не на оборотъ, когда сравниваемъ восточныя поэмы и повѣсти и пѣсни съ русскими былинами: мы ниже увидимъ, что восточные первообразы обладаютъ такимъ богатствомъ психическихъ мотивовъ — дѣлающихъ возможнымъ опредѣленные, очерченные характеры — отъ котораго въ нашихъ пѣсняхъ уцѣ-

<sup>1)</sup> Кир., II, 49.—Древн. росс. стихотвор., 346.

<sup>2)</sup> Кир., I, 3, 19, 21, 26, 32, 35, 74, 86, 89; 24; II, 70; III, 5, 8, 20, 33, 34, 96, 99 и т. д.

гѣла слипкомъ уже незначительная и ничтожная доля, такъ что очень часто, тамъ, гдѣ въ восточномъ первообразѣ нарисована психологическая подробность, черта характера, у насъ ровно ничего нѣтъ, и стоитъ одинъ голый, совершающійся съ героемъ, или совершаемый имъ фактъ.

Такимъ образомъ, со стороны характеровъ и изображенія индивидуальныхъ личностей, русскія былины ничего еще не прибавили новаго и своего къ иноземной основѣ своей.

#### IV.

Точно также, должно оставить въ сторонѣ вѣру въ значеніе географическихъ названій, встрѣчаемыхъ въ нашихъ былинахъ. Здѣсь мы очень часто находимъ имена разныхъ русскихъ мѣстностей древняго времени, и почти ни одно богатырское происхожденіе не обходится безъ точнаго обозначенія: гдѣ именно оно происходитъ. То событія совершаются въ Кіевѣ, Новгородѣ, Черниговѣ; то на Черномъ, Хвалынскомъ, Сурожскомъ морѣ; то на Ильменѣ-озерѣ, Днѣпрѣ, Волгѣ, Донѣ, Волховѣ; то въ лѣсахъ Брынскихъ или Муромскихъ; то, наконецъ, говорится, что богатырь родомъ изъ такого-то города или мѣста: Добрыня изъ Рязани, Алѣша-Поповичъ и Екимъ Ивановичъ изъ Ростова, Илья-Муромецъ изъ села Карачарова. Такая опредѣлительность географическихъ названій не можетъ не казаться изслѣдователю (по крайней мѣрѣ на первый взглядъ) столько же важною, сколько и интересною. Невольно рождается при этомъ мысль, что была же, конечно, какая-нибудь причина, почему театромъ дѣйствій для извѣстныхъ событій въ былинахъ полагается такая-то мѣстность, а для другихъ — такая-то. Самымъ естественнымъ объясненіемъ этому факту является предположеніе, что древній разсказчикъ или творецъ той или этой былины окружалъ описываемыя имъ событія тою географическою обстановкою, которая у него была передъ глазами и, значитъ, когда мы видимъ, что дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ, у Днѣпра, то имѣемъ право заключать, что былина и возникла въ Кіевѣ или около Кіева и близъ Днѣпра; когда встрѣчаемъ героя родомъ изъ Рязани, или Ростова, то должны предполагать, что былина о нихъ возникла первоначально въ Рязани или Ростовѣ; когда встрѣчаемъ героя, родившагося въ селѣ Карачаровѣ, проѣзжающаго лѣса Муромскіе и носящаго имя «Муромскаго», а потомъ ѣдущаго въ Кіевъ, то имѣемъ право выводить заключеніе, что сказаніе объ этомъ героѣ первоначально возникло во владимірской губерніи, а потомъ

перешло въ Кіевъ. Именно такъ и разсуждали наши изслѣдователи, и говорили, что каждый изъ нашихъ богатырей «представитель той или другой мѣстности», а «древняя наша литература слагалась изъ мѣстныхъ сказаній, и около имени Владиміра-князя сосредоточился цѣлый циклъ областныхъ пѣсенъ, представителями которыхъ были мѣстные богатыри» <sup>1)</sup>).

Эти соображенія и выводы были бы чрезвычайно важны, еслибъ были подтверждены фактами. Но факты именно этого-то и не подтверждаютъ, факты именно этого-то и не говорятъ. Они, напротивъ того, убѣждаютъ насъ, что географическія названія нашихъ былинъ не могутъ имѣть приписываемаго имъ значенія, и что отъ нихъ нельзя заключать о мѣстѣ, откуда пошла та или другая былина, потому что всѣ онѣ вмѣстѣ возникли первоначально не на нашей почвѣ, а на чужой, и географическія имена имѣютъ у насъ только значеніе чего-то *переводнаго* или *подстановочнаго*. Тотъ городъ, который у насъ въ былинѣ постоянно обозначенъ однимъ и тѣмъ-же именемъ «Кіева», былъ въ древнихъ редакціяхъ Востока, то столицей такшасильскаго царства въ Индіи, то столицей матхурскаго царства тамъ же, то столицей девяти творцовъ въ небѣ, то Шарра-Алтаемъ Джангара, то резиденціей персидскаго царя Кей-кауса, и т. д.; тотъ городъ, который названъ у насъ въ былинѣ «Новгородомъ», являлся прежде въ древнихъ восточныхъ редакціяхъ, то городомъ Уджайни, то городомъ Баруте, то городомъ Сурпаракой, то городомъ Сравасти и т. д. Наши Хвалынскія, Черныя, Синія, Студенныя и инныя моря оказываются — то «великимъ океаномъ» индѣйскихъ, тибетскихъ и монгольскихъ сказаній, то Молочнымъ, Мѣднымъ, Желтымъ, Золотымъ, Синимъ или Безыменнымъ моремъ или озеромъ этихъ же, или разноплеменныхъ сибирскихъ, калмыцкихъ и киргизскихъ поэмъ, пѣсенъ и легендъ. Нашъ Днѣпръ, Волга, Донъ, Израй, Сафать-рѣки оказываются то рѣкой Ямуной или иной поименованной рѣкой, то Синими, Желтыми, Бѣлыми, Черными рѣками тѣхъ же поэмъ и пѣсенъ. Иорданъ-рѣка нашихъ былинъ — ничто иное, какъ рѣка Гангъ и разные пруды, мѣста священныя омовеній; священныя мѣста, указываемыя былинами, какъ цѣль путешествія благочестивыхъ странниковъ — это святыя мѣста, цѣль путешествія брахманскихъ и буддійскихъ благочестивыхъ странниковъ. Во всѣхъ этихъ географическихъ названіяхъ мы не находимъ никакого самостоятельнаго значенія, а только прилаживанье, подстановку русскихъ именъ подъ чужеземныя.

<sup>1)</sup> *Буслаевъ*, Очерки, I, 419.

Могла бы быть рѣчь о значеніи русскихъ географическихъ именъ въ былинахъ въ томъ случаѣ, когда, не взирая на иноземное происхожденіе той или другой былины, мы вдругъ встрѣчали-бы такія подробности мѣстности, которыхъ бы не было въ восточныхъ первообразахъ, и которыя бы въ извѣстной степени имѣли вліяніе на ходъ и колоритъ событій. А, тогда другое дѣло. Мы тогда принуждены были бы сказать себѣ: нужды нѣтъ, что основа, скелетъ, чужіе. Все-таки вотъ такія-то и такія-то подробности наши собственныя, русскія, прибавлены уже у насъ. Но дѣло въ томъ, что именно этого-то и нѣтъ; никакого распространенія, прибавки мѣстныхъ географическихъ подробностей въ былинахъ не оказывается. Гдѣ нашъ богатырь появляется въ столицѣ князя Владиміра, тамъ непременно всякій разъ на этомъ самомъ мѣстѣ азіатскій богатырь присутствуетъ въ столицѣ, или по крайней мѣрѣ мѣстопробываніи того или другого царя, князя или хана. Гдѣ нашъ богатырь пріѣхалъ «изъ далекихъ чужихъ краевъ», гдѣ онъ пришлецъ, тамъ изъ далекихъ чужихъ краевъ пріѣзжаетъ, въ этомъ мѣстѣ разказа, тамъ оказывается пришлецомъ и азіатскій герой. Гдѣ у насъ дѣло происходитъ у рѣки, тамъ непременно оно происходитъ у рѣки, или какой-нибудь воды, и въ восточномъ пересказѣ. Гдѣ нашъ богатырь вѣхалъ на гору или на холмъ, очутился на какой-нибудь крутизнѣ, тамъ такъ и знай, что точно такъ же азіатскій богатырь на этомъ самомъ мѣстѣ разказа вѣхалъ на гору или на холмъ, или очутился на какой-нибудь крутизнѣ. Гдѣ нашъ богатырь проѣхалъ черезъ горы и рѣки, тамъ навѣрное такъ и ожидай найти въ восточныхъ первообразахъ упоминаніе, что герой проѣхалъ черезъ горы и рѣки (иногда моря), да еще съ тою разницею, что у насъ это всегда сказано въ самыхъ коротенькихъ словахъ, однимъ стихомъ былины, почти всегда стереотипными выраженіями, а въ восточной поэмѣ или пѣснѣ это самое часто высказано несравненно пространнѣе, съ разными, ничуть не стереотипными подробностями о томъ, какія именно мѣстности встрѣтилъ и переѣхалъ герой. Понятны при этомъ горы, поминутно встрѣчаемыя въ поэмахъ, пѣсняхъ и разказахъ тѣхъ народовъ, чье отечество наполнено горами, такъ напр. въ индѣйскихъ и персидскихъ поэмахъ, въ пѣсняхъ алтайскихъ племенъ и т. д. Но какое же значеніе имѣютъ горы въ разказахъ тѣхъ, въ чьемъ отечествѣ (какъ у русскихъ средней и южной Россіи) ихъ нѣтъ на лицо? Какихъ горъ мы должны искать около Рязани и Кіева? Ясно, что онѣ имѣютъ лишь значеніе чего-то переданнаго къ намъ, въ былины, изъ чужихъ оригиналовъ.

Примѣровъ всему сказанному мы и здѣсь не будемъ пред-

ставлять, какъ въ предыдущемъ изложеніи, по поводу собственныхъ именъ и характеристическихъ особенностей главныхъ дѣйствующихъ лицъ: примѣры разсѣяны во множествѣ по всей II-й части настоящаго изслѣдованія.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще, что даже независимо отъ сравненія нашихъ былинь съ восточными разсказами, мы находили бы въ былинахъ совсѣмъ другое, чѣмъ теперь, еслибъ существовали мѣстныя, областныя легенды и сказанія о нашихъ богатыряхъ. Мы встрѣтили бы тутъ множество своеобразныхъ подробностей не только самого разсказа и его обстановки, но и географическихъ мѣстностей. Что-же въ подобномъ родѣ находимъ мы въ былинахъ? Ровно ничего кромѣ нѣсколькихъ именъ. Какія *рязанскія* черты находимъ мы въ разсказахъ про рязанца Добрыню, какія *ростовскія* въ разсказахъ про Еяима Ивановича и Алѣшу-Поповича, какія *владимірскія* въ разсказахъ про Илью-Муромца, и т. д.? У нихъ у всѣхъ одинъ общій колоритъ, и можно было бы смѣло перемѣшать нынѣшнія *областныя* прозвища нашихъ богатырей, и сказать, что Добрыня былъ родомъ изъ Муромца, Илья изъ Рязани, Алѣша-Поповичъ изъ Кіева, Потокъ изъ Чернигова и т. д., разницы отъ этого никакой въ былинѣ не произошло бы. Иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ все дѣло держится на одномъ только имени, и нѣтъ никакихъ особенностей событій, мѣстности и быта (и тѣмъ болѣе вѣрованій), которыя наглядывали бы тутъ свою особенную печать, и различали бы одно дѣйствующее лицо и разсказы о немъ — отъ всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ и разсказовъ о нихъ.

Такимъ образомъ, оказывается празднымъ и фантастическимъ раздѣленіе нашихъ богатырей на разныхъ *областныхъ* русскихъ и *заѣзжихъ*: у всѣхъ у нихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ Россіей, значить нельзя отрывать въ нихъ ни областныхъ, ни заѣзжихъ чертъ. Они всѣ одинаково *заѣзжіе* въ нашемъ отечествѣ, и существенной разницы между ними никакой нѣтъ.

## V.

Мы не можемъ болѣе основываться на былинахъ, для выводовъ о дѣйствительномъ состояніи народныхъ сословій нашихъ въ тѣ эпохи, къ которымъ, судя по собственнымъ именамъ, относятся былины. Если, какъ до сихъ поръ это дѣлалось, вывести изъ нашихъ былинь заключенія о томъ, чѣмъ именно были, въ описываемый тутъ періодъ, самъ русскій князь, его дружина

княжеская и земская, русскіе богатыри, купцы, калики, то мы никогда не выйдемъ изъ безконечной цѣпи заблужденій и самыхъ призрачныхъ фактовъ.

Князь Владиміръ нашихъ былинъ не есть опредѣленная личность, въ похожденияхъ которой отпечатлѣваются права, обязанности и отношенія древняго русскаго князя этого имени.

Главными качествами Владиміра былинъ оказываются: непопулярная трусость и неумѣнье дѣйствовать самимъ собой. Разсматривая одну за другою всѣ наши былины, мы находимъ, что упоминаемый тутъ князь Владиміръ никогда не выказываетъ чего-нибудь похожего на мужество: иноплеменики-ли дѣлаютъ нашествіе на его землю, Идолице-ли обнасилничиваетъ Кіевъ и завладѣваетъ княгиней Апраксіей, Соловья-ли Разбойника привозятъ къ его двору, богатырьша-ли Василиса оказываетъ въ Кіевѣ чудеса молодечества, первое и единственное его движеніе — страхъ, ужасъ, уныніе, печаль. Богатыри и вообще всѣ оружающіе князя Владиміра—всѣ мужественнѣе и умнѣе своего князя. Они не терются, не пропадаютъ отъ страха; напротивъ, то одинъ, то другой изъ числа ихъ тотчасъ же придумываетъ, чтò въ данномъ случаѣ надо сдѣлать, и не только предпринимаетъ это самъ, но еще ободряетъ князя, рассказываетъ ему, чтò начинать, совѣтуетъ ему во всемъ. Самъ князь, повидимому, не въ состояніи ничего ни сообразить, ни начать, ни выполнить: все другіе дѣлаютъ за него, даже въ его собственныхъ дѣлахъ, такъ что когда ему надо жениться, то кто-нибудь изъ оружающихъ или приближенныхъ богатырей выбираетъ для него ту невѣсту, которая ему, богатырю, понравится, и добываетъ ее для своего князя силой. Сомнительно, чтобъ все это были историческія черты дѣйствительнаго князя Владиміра. Историческіе документы рисуютъ его совсѣмъ другимъ: по этимъ документамъ, онъ не былъ ни вяль, ни безхарактеренъ, не былъ ни легко-управляемымъ, ни робкимъ человѣкомъ. Напротивъ, онъ является въ русской исторіи лицомъ въ высшей степени самостоятельнымъ, и все, чтò ни совершено при немъ, предпринято и совершено по собственному его зачину и собственною его энергіею, начиная отъ жестокихъ дѣйствій противъ братьевъ, продолжая войнами съ сосѣдями, и кончая принятіемъ новой религіи и распоряженіями передъ смертью насчетъ управленія государствомъ послѣ него. При этомъ надо замѣтить, что въ характерѣ историческаго князя Владиміра легко отличить двѣ фазы: характеръ князя до крещенія, и характеръ его послѣ крещенія. Раньше принятія христіанской вѣры, Владиміръ былъ жестокъ, свирѣпъ, коваренъ, славолюбивъ, воинственъ; послѣ обращенія въ христіанство, Владиміръ утратилъ

эти особенности прежняго своего характера, и сдѣлался кротокъ, добръ, смиренень, мягокъ, врагъ войны, и послушенъ духовенству. Мудрено было бы открыть тѣ или другія черты характера въ князѣ Владимірѣ былинѣ: онъ ни свирѣпъ, ни мягокъ; ни коварень, ни прямодушень; ни любитель войны, ни ненавистникъ ея: онъ просто безличень. Если принять, что въ нашихъ былинахъ описывается Владиміръ-язычникъ, то тутъ должны бы быть на лицо не одни его *миры* (черта слишкомъ ничтожная и несущественная), а его походы, нападенія, завоеванія, вообще дѣла смѣлаго и свирѣпаго дикаря-язычника: этого нѣтъ въ былинахъ. Если бы въ нашихъ былинахъ описывался Владиміръ-христіанинъ, тутъ были бы изображенія князя, окруженнаго чужеземнымъ, повелѣвающимъ ему духовенствомъ, его дѣла кротости, милосердія, сердоболія, удаленія отъ всякихъ насилій: опять и этого въ былинахъ нѣтъ. Въ былинахъ что-то совсѣмъ иное. Былины даже вовсе не поминаютъ о крещеніи, какъ его самого, такъ и русскаго народа. А между тѣмъ трудно предположить, чтобъ такое событіе, какъ крещеніе Руси Владиміромъ, осталось безъ слѣда въ тѣхъ былинахъ, которыхъ предметомъ былъ бы дѣйствительный князь Владиміръ. Трудно предположить, чтобъ онѣ постоянно описывали вымышленныя, фантастическія событія объ историческомъ лицѣ, и оставили бы въ сторонѣ именно только то, что играетъ самую важную роль въ жизни этого лица.

Повѣствованіе о крещеніи Руси Владиміромъ, о переломѣ, совершившемся подъ вліяніемъ этого событія, какъ въ самомъ князѣ, такъ и въ народѣ русскомъ, не встрѣчается въ былинахъ такъ называемаго «Владимірова цикла» единственно потому, что тутъ рѣчь идетъ о князѣ Владимірѣ фантастическомъ, вымышленномъ, занесенномъ въ намъ извнѣ<sup>1)</sup>.

Что же касается до сластолюбія, то эта черта выражена во Владимірѣ нашихъ былинъ очень блѣдно и неопредѣленно: всего въ одномъ только случаѣ рассказывается, какъ князь (да и то по наущенію царедворца, Путяты Путятыча) рѣшается отнять

<sup>1)</sup> Правда, было заявлено мнѣніе, что въ побѣдѣ Ильи-Муромца надъ Идолищемъ поганымъ, обнасилничавшемъ Кіевъ, надо видѣть истребленіе идолопоклонства, азлчества Владиміромъ (замѣтка г. *Безсонова* къ IV вып. Кирѣвскаго, стр. X; *Шестинъ* Русская народн. въ ея повѣрьяхъ, обряд. и сказе., М. 1862, I, 146); но это мнѣніе не выдерживаетъ критики: будь это правда, мы бы непременно находили дагѣ въ былинахъ описаніе перелома, совершившагося съ княземъ и народомъ русскимъ; но мы не находимъ въ былинахъ никакихъ картинъ живописующихъ рожденіе новой вѣры и столкновенія ея со старой. Сверхъ того, мы уже выше указывали на то, что наше Идолище есть не что иное, какъ аллегорическая фигура иноземныхъ нашествій, описываемыхъ въ разныхъ азіатскихъ поэмахъ и пѣсняхъ.



чужую жену, именно жену Данила Ловчанина, Василису<sup>1)</sup>. Въ этомъ единственномъ эпизодѣ мы должны видѣть доказательство сластолюбія Владимірова; но, во-первыхъ, даже и здѣсь оно выставлено слишкомъ слабо и блѣдно, а во-вторыхъ, оно никоимъ образомъ не обрисовываетъ *историческаго* князя Владиміра, того, что до крещенія своего держалъ огромный гаремъ, и для насыщенія своего любострастія не уважалъ ничьихъ и никакого рода семейныхъ отношеній.

Но отъ чего же зависитъ эта безличность, безхарактерность князя Владиміра нашихъ былинъ? Единственно отъ того, что безличны и блѣдно-безхарактерны всѣ «цари» или вообще «владыки», являющіеся подъ какимъ бы то ни было титуломъ въ восточныхъ поэмахъ, легендахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, всякій разъ, когда рѣчь идетъ не о личности строго-исторической. Здѣсь царь, князь, принцъ, ханъ — будетъ-ли онъ индѣйскій, персидскій, туранскій, монгольскій, тибетскій, телеутскій, сагайскій, ойротскій, киргизскій — всегда выдѣланъ на одинъ и тотъ же покрой: они всѣ — князья Владиміры. Каждый изъ нихъ отличается отсутствіемъ характера и личности; онъ есть вообще «царь» или «князь» и болѣе ничего: онъ только «повелѣваетъ» (по чужому указанію) все что нужно по ходу разсказа, но ровно ничего самъ не дѣлаетъ, не предпринимаетъ и не выдумываетъ собственнымъ умомъ. Все выдумываютъ и предпринимаютъ за него его министры-совѣтники и богатыри, и это до таковой степени вошло въ нравы восточныхъ поэмъ, пѣсенъ, легендъ и сказокъ, что даже и «цари звѣрей» описываются у нихъ тѣми же самыми красками, вопреки всякой естественно-исторической правдѣ, такъ что напр., въ Панчатантрѣ, левъ изображается трусливымъ, нерѣшительнымъ и въ каждомъ дѣйствіи зависящимъ отъ антуража (*Benfey, Rantschatantra, II, 8, 11*). Это происходитъ не отъ чего другого, какъ только отъ того, что онъ фантастическій восточный царь восточныхъ подданныхъ, хотя бы даже и животныхъ.

Нѣтъ, легенды или былины *дѣйствительно историческія*, былины, основанныя въ самомъ дѣлѣ на *быльяхъ*, иначе относятся въ *дѣйствительнымъ событіямъ и личностямъ*: онѣ всегда устремляются прямо къ самымъ главнымъ пунктамъ характера и событій, вѣрно и мѣтко выбираютъ ихъ, и не опускаютъ ни одной главной черты. Стоить вспомнить «историческія» былины наши объ Иванѣ Грозномъ, Ермакѣ, Петрѣ Первомъ, Соловецкомъ монастырѣ, Стенькѣ Разинѣ, нашествіи французовъ, Пла-

<sup>1)</sup> Кур. III. 28 — 38.

товѣ и т. д. Тутъ уже ни одна существенная важная черта не утрачена.

Послѣ всего этого достаточно ясно, что въ образахъ былинъ нашихъ нечего искать очерковъ и характеристики, не только князя Владиміра, но и вообще какова бы то ни было древне-русскаго князя, и отношеній его къ богатырямъ, дружинѣ и народу.

Переходя къ дружинѣ княжеской и земской, мы находимъ, что былины не даютъ намъ возможности выводить заключенія о томъ, что такое была та и другая у насъ на Руси, въ древнѣйшее время, и именно во время Владимірово. Описываемыя въ былинахъ личности изъ антуража князя, не заключаютъ въ себѣ ничего собственно-русскаго, ничего такого, что давало бы намъ достовѣрныя характеристическія черты, для составленія себѣ понятія о той эпохѣ.

Тѣ изъ этихъ личностей, которыя намъ выставлены представителями *княжеской дружины*: Блудъ, Чесъ, Путята Путятычъ, Бермята Васильчъ, до того мало являются на сценѣ дѣйствія, что о нихъ мы не получаемъ ровно никакого представленія. Все, что мы узнаемъ, состоитъ только въ именахъ вскользь упомянутыхъ, изъ которыхъ мы обязаны уже сами выводить заключеніе, что у князя есть приближенные, царедворцы, сидящіе вокругъ него во время пирушекъ, и иногда учащіе его то тому, то другому (такъ наприм. Путята научаетъ Владиміра отнять силой чужую жену, Бермята рассказываетъ ему про врага Чурилу и его житье-бытье). Но это черты до того общія, до того свойственныя всякому двору, что изъ нихъ не можетъ сложиться никакого индивидуальнаго, особеннаго представленія о *княжеской дружине* историческаго князя Владиміра. Эта дружина нашихъ былинъ не что иное, какъ эхо тѣхъ совѣтниковъ разнаго рода, которые почти въ каждой восточной поэмѣ и пѣснѣ обружаютъ царя, царевича, хана или князя, и даютъ направленіе событіямъ разсказа. Примѣры ихъ мы видѣли въ приведенныхъ выше отрывкахъ восточной литературы. Въ индѣйскихъ поэмахъ — это царскіе министры и брахманы; въ Шахъ - Намэ — это мобеды-жрецы и опять-таки царскіе министры; въ пѣсняхъ сибирско-тюркскихъ народовъ — это сыновья или богатыри ханскіе или княжескіе. Совѣтники есть у каждаго властителя; подъ тѣмъ или другимъ видомъ и наименованіемъ они всегда обружаютъ царя, хана, князя поэмы, пѣсни и легенды, точно также, какъ они всегда обружаютъ царя, хана и князя дѣйствительной жизни; но если такія лица являются въ разсказѣ не самостоятельномъ, пришедшемъ изъ чужихъ земель, и если являются на томъ самомъ мѣстѣ разсказа, гдѣ стоятъ и въ разсказѣ - первообразѣ, и при

томъ если они являются въ блѣдныхъ, смутныхъ образахъ, безъ всякихъ характерныхъ, оригинальныхъ, самостоятельныхъ и выпуклыхъ чертъ, тогда мы не имѣемъ права считать ихъ выразителями тѣхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ, того дѣйствительнаго антуража, которые были у властителя данной страны.

Что касается до того, что намъ выставляютъ *русскою земскою дружиною* по былинамъ, то мы и тутъ не имѣемъ достаточно повода къ выводамъ о національныхъ особенностяхъ. Наша *земская дружина*, состоящая изъ опредѣленнаго, всегда круглаго числа богатырей, есть воспроизведеніе той горсти богатырей, которая окружаетъ каждаго царя (и даже царскаго сына) въ индѣйскихъ поэмахъ и разсказахъ, каждаго персидскаго царя въ Шахъ-Намэ, каждаго хана или князя въ монгольскихъ, валмыцкихъ, сибирскихъ пѣсняхъ и поэмахъ.

Въ Магаванзи часто разсказывается, какъ тотъ или другой пейлонскій царь набираетъ дружину изъ богатырей. Такъ, напр., когда царевичу Гамини исполнилось 16 лѣтъ, отецъ его, царь Кавантисси далъ ему 10 могучихъ богатырей (слѣдуютъ имена) и съ ними большую армію. «Царь велѣлъ каждому изъ этихъ 10-ти богатырей выбрать себѣ по 10-ти другихъ богатырей; они это сдѣлали и привели къ царю 100 богатырей; каждому изъ 100 богатырей царь опять велѣлъ выбрать по 10-ти богатырей; они это сдѣлали и привели къ царю 1000 богатырей; этимъ 1000 богатырямъ царь опять велѣлъ сдѣлать тоже самое, и они исполнили. Такимъ образомъ, число богатырей, начиная отъ перваго, Нандимитры, и до послѣдняго, равнялось 11,110 человекамъ. Всѣми этими богатырями, вмѣстѣ съ 10-ю главными, начальствовалъ царевичъ Гамини» <sup>1)</sup>. По Шахъ-Намэ у царевича Гуштаспа своя особая дружина изъ 300 богатырей, а у богатыря Рустема своихъ 7 особенныхъ богатырей <sup>2)</sup>. Въ Джангаріадѣ исчисляются 12 главныхъ богатырей князя Джангара, а у каждаго изъ нихъ есть по 7000 воиновъ, содержащихся на изживеніи Джангара, подобно тому, какъ въ Магаванзи богатыри содержатся на счетъ царя; сверхъ того изъ каждаго изъ этихъ 7000 отдѣляется по 72 особыхъ тѣлохранителей <sup>3)</sup>. Въ этой же поэмѣ читаемъ, что и у врага Джангарова, хана Шарра Гурго тоже есть своихъ главныхъ 12 богатырей <sup>4)</sup>. Въ монгольско-валмыцкой поэмѣ, извѣстной подъ именемъ «*Малого Гессеръ-Хана*», гово-

<sup>1)</sup> *Mahawanse*, I, 123 — 142.

<sup>2)</sup> *Mohl*, IV, 283.

<sup>3)</sup> *Bergmann*, IV, 188, 209.

<sup>4)</sup> Тамъ же, 204.

рится, что у Гессеръ-Хана было 30 главныхъ богатырей, подъ этими состояло 300 простыхъ богатырей, а подъ ними уже шло остальное войско: значить, у каждаго главнаго богатыря было по 10 подручныхъ, простыхъ богатырей <sup>1)</sup>. Въ пѣсняхъ у минусинскихъ татаръ и у сагайцевъ находимъ такія же подробности: такъ напр. у богатырей Акъ-Булата и Акбрангъ-Таса особенная дружина изъ 60 богатырей, а затѣмъ, войскомъ управляютъ 70 особыхъ воеводъ <sup>2)</sup>. Все это вмѣстѣ показываетъ, что это подробность стереотипная, вездѣ одинаково и равномерно повторяющаяся въ азіатскихъ поэмахъ и пѣсняхъ, и потому, когда мы ее встрѣчаемъ въ русскихъ былинахъ, мы уже не имѣемъ возможности считать ее исключительною принадлежностью нашей національности. Мы видѣли, что у каждой отдѣльной азіатской народности эти богатырскія дружины являются со своими особенными численными величинами; у однихъ эта величина — 10, 100, 1000, у другихъ—7, 12, 30, 40, 60, 70, 300 и т. д. Эти величины столько систематичны и правильно округлены, что въ нихъ нельзя видѣть жизненной дѣйствительности, а только условныя легендарныя числа. Но у насъ и въ такихъ числахъ не оказывается никакой своеобразности, никакого самостоятельнаго характера, никакихъ своихъ національныхъ симпатій. Наши былины повторяютъ только тѣ числа, которыя уже существуютъ въ восточныхъ разсказахъ, а такъ какъ эти чужія числа связаны съ чужими-же подробностями воинскаго дружиннаго устройства, то мы имѣемъ столько же мало права, какъ въ числахъ, такъ и въ этихъ послѣднихъ подробностяхъ, видѣть свидѣтельства о томъ, что когда-то у насъ существовало на самомъ дѣлѣ. По русскимъ былинамъ, около князя Владиміра сгруппировано нѣсколько главныхъ богатырей, а у каждаго изъ этихъ богатырей есть по своей особенной дружинѣ. Такъ, въ пѣснѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, Владиміръ говоритъ этому богатырю: «Возьми ты у меня, князя, 100 человѣкъ, русскихъ могучихъ богатырей; у княгини бери другое 100; у себя, Иванъ, третье 100» <sup>3)</sup>. Здѣсь указываются отдѣльныя дружины у князя, княгини и одного изъ главныхъ богатырей. Въ другомъ мѣстѣ опять разсказывается, что у Владиміра—300 богатырей. Онъ говоритъ Дунаю, отправляя его сватомъ за

<sup>1)</sup> *Bergmann*, III, 236. — *Schmidt*, Gesser-Chan, предисл., VII, прим.

<sup>2)</sup> *Schiefner*, *Minuss. Tataren*, 163.—*Radloff*, *Proben*, II, 16. Въ поэмахъ и пѣсняхъ сибирскихъ киргизовъ (которыя войдутъ въ III-й, еще не напечатанный томъ *Radloff*: *Proben des Volkslitt. der türk. Stämme Süd-Sibiens*) дружина богатырева, независимо отъ прочаго войска, состоитъ обыкновенно изъ 40 человѣкъ, а иногда еще (но рѣдко) и изъ 60.

<sup>3)</sup> *Кир.*, III, 22.

невѣстой: «Бери 300 жеребцовъ и могучихъ богатырей» <sup>1)</sup>. Въ иныхъ еще мѣстахъ говорится о 30 и о 12 главныхъ богатыряхъ Владиміровыхъ <sup>2)</sup>. Все это является лишь осколкомъ чужихъ эпическихъ пріемовъ. Ни одной самостоятельной подробности устройства и численности дружины — не находимъ.

Назначеніе свое богатыри наши выражаютъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ съ богатырями восточными. Въ одномъ мѣстѣ Рустемъ говоритъ: «Я рожденъ на то, чтобъ трудиться для царя» <sup>3)</sup>. Нашъ Ерусланъ Лазаревичъ говоритъ: «На то я народился, чтобъ мнѣ за васъ, государей своихъ, голову свою съладывать».

Навонецъ, что касается до заставъ богатырскихъ, такъ часто упоминаемыхъ нашими былинами, то это опять-таки чисто-восточная подробность азіатскихъ поэмъ и гѣсенъ. Въ Магаванзи (постоянно изображающей намъ нравы и жизнь индѣйскіе), часто упоминаются заставы богатырскія, иногда на берегу рѣки; въ Шахъ-Намѣ также много разъ рѣчь идетъ о томъ, что на границѣ, входномъ рубежѣ царства живетъ тотъ или другой главный богатырь (всего чаще въ этомъ качествѣ упоминается Рустемъ, какъ у насъ Илья-Муромецъ), и при немъ подчиненные богатыри и войско; въ случаѣ нужды, царь призываетъ ихъ отъ границъ царства къ себѣ на помощь. Въ монгольскихъ, калмыцкихъ и сибирско-тюркскихъ поэмахъ встрѣчаемъ тоже учрежденіе. На границахъ царства или ханства стоитъ то 2, то большее число богатырей, всегда четное и круглое, тѣмъ самымъ доказывающее свою не-реальность. Иногда это число доходитъ до 60 <sup>4)</sup>.

Обратимся теперь къ составу нашей богатырской дружины. Она состоитъ изъ богатырей разнаго сословія и разныхъ областей, сошедшихся ко двору князя Владиміра, и оттуда отправляющихся на богатырскіе подвиги, въ одиночку или партіями, — по собственному вызову, или по привязанію княжескому. Но какія это разныя сословія? Илья-Муромецъ — богатырь-крестьянинъ, Добрыня — богатырь-князь, Ставръ — богатырь-бояринъ, Алѣша — богатырь-поповичъ, Иванъ гостиный-сынъ и Соловей Будимировичъ — богатыри изъ купцовъ, и т. д. Судя по названіямъ, въ этой дружинѣ дѣйствительно присутствуетъ чрезвычайная разносоставность, разносословность; но, разсматривая дѣло ближе, мы находимъ двѣ вещи: первая, что кромѣ названій, тутъ

<sup>1)</sup> *Кур.*, III, 72.

<sup>2)</sup> *Кур.*, I, 45; III, 54; IV, 64. — Тридцать же человекъ находится въ молодецкой дружинѣ Василья Буслаева, *Кур.* V, 16. — Древн. росс. стихотвор., 76.

<sup>3)</sup> *Mohl*, III, 367.

<sup>4)</sup> *Schiefner*, *Heldensagen*, 319, 302. — *Bergmann*, *Streifereien*, I, 340. — *Schmidt*, *Gesser-Chan*, 134.

нѣтъ на лицо никакихъ чертъ древнихъ русскихъ сословій, и второе, что сословныя названія являются здѣсь вслѣдствіе причинъ, лежащихъ не въ самихъ былинахъ, а въ ихъ восточныхъ первообразахъ. Илья-Муромецъ считается у насъ представителемъ русскаго крестьянства. Но «крестьянство» не есть еще исключительная принадлежность его одного, а и многихъ другихъ иноземныхъ богатырей, и въ нашемъ Ильѣ нѣтъ такихъ чертъ, которыя-бы указывали собственно на русскаго крестьянина: напротивъ, именно тѣ самыя «крестьянскія» подробности, которыя разсказываются про Илью, почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ, и въ той же самой послѣдовательной связи съ дальнѣйшими событіями разсказа встрѣчаются и при имени тѣхъ восточныхъ богатырей, которые кажутся намъ древними прототипами Ильи-Муромца.—По былинамъ, нашъ Добрыня—князь. Но спрашивается, чѣмъ онъ князь? Кромѣ титула, мы не открываемъ въ немъ ничего княжескаго, и онъ ровно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ богатырей, не-князей. Отношенія къ другимъ, условія жизни, общій обликъ, власть, подвиги, манеры и обращеніе, костюмъ—рѣшительно все одинаково у него съ другими богатырями. Пусть у него отнимутъ титулъ и никто никогда не догадается, что въ лицѣ Добрыни мы должны видѣть древняго русскаго князя. А могло-ли и должно-ли бы такъ быть, въ ту эпоху и въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ описывается этотъ богатырь<sup>1)</sup>? Нѣтъ, нашъ Добрыня въ былинахъ ни по чему не имѣетъ права быть признанъ княземъ; но есть, кажется, несомнѣнныя доказательства, почему онъ у насъ зовется княземъ. Мы видѣли выше, что тотъ герой восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, которыхъ Добрыня является позднѣйшимъ русскимъ эхомъ, человѣкъ не простой, не богатырь обыкновеннаго рода, а всегда лицо высокаго царскаго или княжескаго происхожденія. Кришна Гариванзы происходитъ изъ царскаго дома, Рама и Арджуна—оба царевичи, Шюню и Суну—ханскіе сыновья. Многое въ нашей былинѣ о Добрынѣ измѣни-

---

<sup>1)</sup> Какъ чутки народныя пѣсни, даже народовъ и племень, считаемихъ обыкновенно нѣско-стоящими на степени гражданскаго развитія, къ внѣшнему проявленію, манерамъ и обхожденію людей высокаго рода, и какъ онѣ любятъ это выразить, мы можемъ видѣть это въ пѣсняхъ нашихъ сибирскихъ народовъ. Такъ напр., въ пѣсняхъ киргизовъ (Ш-й томъ *Радлофа*, еще не напечатанный), мы читаемъ что ногайскій князь Бось-Моной «ходилъ позачиваясь, какъ настоящій высокій господинъ» (пѣсня о *Самы-Батырѣ*); а повивальная бабка говоритъ Кузу-Курпешу: «Чтѣ ты это разговариваешь со мною словно князь какой?» (поэма *Кузу-Курпешъ*). О такихъ внѣшнихъ признакахъ и отличіяхъ въ поэмахъ высоко цивилизованныхъ народовъ (Магабгарата, Шахъ-Намэ) уже и говорить нечего: тамъ они вышукло и художественно нарисованы на каждомъ шагѣ.

лось въ сравненіи съ азіатскими первообразами, исчезли многіе мотивы и подробности, но титулъ героя остался, и иноземный царь, царевич или ханскій сынъ превратился — въ русскаго князя. — Ставрѣ-богатырь — бояринѣ. Но почему онѣ бояринѣ? Потому что въ первоначальныхъ восточныхъ разсказахъ герой челоуѣкъ не простаго, а высокаго рода: по Магабгаратѣ онѣ не только царь, но даже существо сверхъестественное, почти божественное. По дорогѣ изъ Азіи къ намъ, герой разсказа спускался по степенямъ званія все ниже и ниже, сталъ наконецъ не больше какъ бояриномъ, но все-таки сохранилъ въ себѣ ту черту, что онѣ родомъ выше другихъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа, — кромѣ самаго князя Владиміра, который тутъ въ былинѣ занимаетъ мѣсто того верховнаго бога, который въ разсказѣ Магабгараты названъ Брахмой. Но кромѣ имени боярина, Ставрѣ не представляетъ въ былинѣ ровно никакихъ чертъ русскаго боярства. — Почему и для чего нашъ Алѣша есть поповичъ? Имѣеть-ли это происхожденіе какое-либо отношеніе къ его подвигамъ, къ событіямъ его жизни? Нѣтъ, никакого. Единственныя слѣдствія названія «поповичъ» тѣ въ былинѣ, что при первомъ пріѣздѣ Алѣши въ Кіевъ, князь Владиміръ хочетъ посадить его, изъ почтенія къ поповскому его происхожденію, на большое мѣсто <sup>1)</sup>, а при брани, всѣ его уворяютъ «породой неуклончивой, неустойчивой, глазами завидущими, руками загребущими» <sup>2)</sup>. Но всѣхъ этихъ качествъ онѣ нигдѣ не оправдываетъ на самомъ дѣлѣ: въ былинахъ, гдѣ дѣйствуетъ Алѣша-Поповичъ, нѣтъ такихъ событій, гдѣ-бы этотъ богатырь на самомъ дѣлѣ овазывался неуклончивымъ, неустойчивымъ, завистливымъ и загребушимъ. При томъ, мудрено предположить, чтобы при князѣ Владимірѣ, только что принявшемъ христіанство, могли уже образоваться такія пролическія понятія о духовномъ сословіи. Кажется нельзя сомнѣваться, что всѣ эти выраженія принадлежатъ періодамъ позднѣйшимъ. А что касается до самаго прозвища «поповичъ», то оно повидимому есть потерявшій первоначальное свое значеніе отголосокъ чужихъ оригиналовъ; и, если мы пройдемъ въ памяти тѣ оригиналы, съ которыми намъ приходилось сравнивать русскія былины, то безъ труда отроемъ, какихъ именно. Нашъ богатырь-поповичъ вѣроятно не что иное, какъ послѣднее эхо богатырей-брахмановъ, каковыми наполнены брахманскія и буддійскія поэмы и пѣсни. Въ древней Азіи мы встрѣчаемъ богатырей изъ васты духовныхъ (т. е. брахмановъ), какъ встрѣчаемъ богатырей

<sup>1)</sup> Куртескій, II, 75.

<sup>2)</sup> Кур., I, 48; IV, 8.

изъ касты царей-воиновъ (т. е. вшатрiевъ), и если однимъ изъ представителей послѣднихъ у насъ является Добрыня, то однимъ изъ представителей первыхъ мы можемъ считать—Алѣшу-Поповича. Въ поэмахъ и сказкахъ древней Азіи многое зависитъ отъ того, какого происхожденія герой: вшатрiйскаго или брахманскаго. Это надо сказать столько же про отношенія его къ прочимъ дѣйствующимъ лицамъ разсказа, какъ и про отношенія его къ богамъ, участвующимъ здѣсь въ событіяхъ. Что касается до богатырей-брахмановъ, то они всегда живутъ въ монастыряхъ, изъ нихъ выходятъ на свои подвиги, туда же возвращаются послѣ окончанія походовъ (если только не дѣлаются въ концѣ разсказа царями людей или духовъ): во всякомъ случаѣ, боги совершенно особеннымъ образомъ покровительствуютъ и помогаютъ имъ, за прежнее ихъ благочестивое подвижничество. Однимъ изъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ могутъ служить: исторія брахмана-богатыря Видушаки, занимающая цѣлую четверть III-й книги сборника Сомадэвы, и исторія брахмана-богатыря Видушаки, наполняющая собою почти всю V-ю книгу того же сборника. Мы привели выше нѣкоторые эпизоды изъ ихъ многочисленныхъ походовъ, при разборѣ былинъ о Садкѣ и о Дунаѣ; обѣ же ихъ исторіи разсказываются у Сомадэвы, въ полномъ ихъ объемѣ, для доказательства того, что мужественный человекъ можетъ достигъ всего на свѣтѣ, и счастья, и высшихъ почестей, когда опирается единственно на себя и на помощь боговъ<sup>1)</sup>: первый изъ этихъ двухъ брахмановъ-богатырей дѣлается подъ конецъ разсказа царемъ, второй—царемъ духовъ, и оба получаютъ въ жены царевень-красавицъ. Все это не вошло въ наши пересказы, какъ лишнее или слишкомъ намъ чуждое, и уцѣлѣло одно названіе «поповичъ», такъ что при этомъ въ Алѣшѣ-Поповичѣ нѣтъ никакихъ чертъ «поповства» точно также, какъ въ Добрынѣ-князѣ нѣтъ никакихъ чертъ «княжества». Относительно же падкости Алѣши-Поповича до женщинъ, его русскаго донъ-жуанства (выражаемаго какъ-то очень странно выраженіями былинъ: «насмѣшникъ женскій», «бабій пересмѣшникъ», «охочь былъ смѣяться чужимъ женамъ, краснымъ дѣвушкамъ»), то достаточно будетъ замѣтить одно: главный его подвигъ по части женской—это сватанье за жену Добрынину, во время отсутствія самого Добрыни. Алѣша-Поповичъ успѣваетъ обмануть самого князя Владиміра—своими ложными разсказами о смерти Добрыни, а жену Добрынину—онъ льстивыми рѣчами или даже приневоливаньемъ склоняетъ на свою сторону, и всѣ его хитрости разрушаются возвраще-

<sup>1)</sup> *Brockhaus, Somadeva, 85—95; 131—157.*



нѣмъ Добрыни. Но каждая изъ этихъ подробностей, и всѣ онѣ вмѣстѣ, идутъ, какъ показано выше (въ разборѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ), изъ оригиналовъ восточныхъ, и потому не могутъ служить для выводовъ о русскомъ характерѣ и складѣ русскаго богатыря-поповича.—Почему Илья-Муромецъ является у насъ по преимуществу *старымъ богатыремъ*? Конечно потому, что восточные прототипы его всегда изображены старыми, проживающими гораздо большее число лѣтъ, чѣмъ всѣ остальные богатыри. Во-первыхъ, уже *въ дѣтствѣ* онъ просидѣлъ на одномъ мѣстѣ 30 лѣтъ, подобно тому, какъ его первообразы сидятъ или лежатъ на одномъ мѣстѣ кто 40, кто 70 лѣтъ (какое дѣтство!); а потомъ главный прототипъ Ильи, Рустемъ, почти постоянно изображается пожилымъ, старымъ. Иначе оно не могло и быть, когда по Шах-Намѣ большинство персидскихъ царей, миеологическаго времени, царствуютъ по нѣскольку сотъ лѣтъ (наприм. Джемшидъ 700 лѣтъ, Зохабъ—1000, Феридунъ—500' и т. д.), а Рустемъ живетъ и дѣйствуетъ при нѣсколькихъ такихъ царяхъ: Минучеръ царствуетъ 120 лѣтъ, Кей-Кобадъ 100, Кей-Каусъ 150, Кей-Хозру—160, Лограспъ—120, Гуштаспъ—120. Ясно, что Рустему (и, значить, его отголоску, Ильѣ-Муромцу) необходимо было получить эпическій обликъ богатыря стараго, сѣдого. Такого характера не могли имѣть другіе наши богатыри, потому-что прототипы ихъ идутъ изъ такихъ поэтическихъ созданій Востока, вторыя не имѣютъ претензіи быть, какъ Шахъ-Намэ, историческими лѣтописями своего отечества, и не заключаютъ никакого систематическаго, связаннаго цифрами изложенія заключающихся тамъ безконечно-многочисленныхъ, не сплоченныхъ вмѣстѣ эпизодовъ. Поэтому, эти герои не имѣютъ никакой побудительной причины старѣться, весь свой вѣкъ остаются юными, и вотъ, такимъ-то образомъ и наши русскіе отголоски ихъ: Добрыни, Алѣши, Дунай, Соловьи и т. д., всѣ молоды. Одинъ Илья Муромецъ старъ и сѣдъ.

Наши былины о Садѣѣ и Соловьѣ Будимировичѣ не даютъ намъ права для выводовъ о торговомъ нашемъ сословіи и о купцахъ, русскихъ и чужеземныхъ, въ древнѣйшую нашу эпоху. Разсказъ о нашемъ Садѣѣ не представляетъ ни одной черты, которой бы уже не было въ восточныхъ первообразахъ, столько же относительно общаго хода событій, сколько и относительно частныхъ, болѣе мелкихъ деталей. Садѣо принадлежитъ къ торговому сословію своего города не потому, что здѣсь изображаются извѣстная русская мѣстность и извѣстныя сословныя отношенія, а потому, что такъ сказано въ позднихъ восточныхъ оригиналахъ, предшествовавшихъ нашему разсказу. Мы встрѣчаемъ

въ былинѣ братчину. Никольщину не потому, что такая существовала въ Новгородѣ, а потому что надо было назвать по-русски ту купеческую, *безначальническую* купецкую общину, братчину, которая описывается въ восточныхъ оригиналахъ. Названа-же она «Никольщиной» потому, что въ эпоху сложенія, изъ азіатскихъ пересказовъ, русскихъ былинъ, повидимому сильно было распространено у насъ чествованіе св. Николая угодника: Илья-Муромецъ призываетъ на помощь св. Николу угодника Божія, Васяка Вдовинъ-сынъ обращается за помощью также къ Николѣ Можайскому, Николѣ же Можайскому велитъ молиться, послѣ воскрешенія Потока изъ камня, старчище-каликъ и т. д. Такимъ образомъ, имя этого угодника—общій эпическій приемъ нашихъ былинъ, подъ которымъ кроется много совершенно разнообразныхъ подробностей первоначальныхъ оригиналовъ, и было бы мудрено отыскать здѣсь что-то дѣйствительно мѣстное, новгородское. Садко опускаетъ въ море бочку-сороковку чистаго серебра и чистаго золота, или чаши съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ, чтобъ умилостивить море, не потому, что таковы были вообще языческія привычки древнихъ новгородскихъ купцовъ-язычниковъ, а потому, что въ извѣстномъ мѣстѣ разсказа именно это самое дѣлаетъ восточный герой описываемой поѣздки, прототипъ Садки. Садко собираетъ толпу купцовъ, велитъ имъ снарядить корабли и ѣдетъ съ ними, въ качествѣ купецкаго головы, не потому, что этимъ изображаются нравы и привычки, существовавшіе въ древнемъ Новгородѣ, или событія, созданныя новгородскимъ творчествомъ, а потому, что такъ того требуютъ восточные разсказы, предшествовавшіе нашему русскому,—разсказы несравненно болѣе подробные и обстоятельные (особенно относительно купецкихъ сборовъ и организациіи торговой дружины, пускающей въ далекое плаваніе), чѣмъ наши повѣствованія о Садкѣ, представляющія что-то до крайности урѣзанное и не ловко скомбинанное.—Что же касается до Соловья Будимировича, то мы и въ немъ не можемъ видѣть никакого рода дѣйствительности, и не можемъ принимать его за скандинавскаго или какаго бы то ни было иноземнаго гостя, купца. Не говоря уже о совпаденіи разсказываемыхъ у насъ про него событій, съ тѣми, которыя описаны восточными оригиналами: сватанье самой невѣсты, отъѣздъ его на нѣкоторое время и отсрочка свадьбы, и, въ этотъ промежутокъ, появленіе новаго лица, которое хочетъ обманомъ жениться на чужой невѣстѣ,—не говоря уже обо всемъ этомъ, достаточно будетъ указать на совершенную неисторичность, невѣроятность сватовства какаго-то неизвѣстнаго, новопріѣзжаго купца-иностранца за дочь или племянницу владѣтельнаго русскаго князя. Достаточно

есть историческихъ примѣровъ того, что древніе русскіе князья женились на иностранкахъ, а древнія русскія княжны выходили за иностранцевъ, но всегда и женихъ и невѣста были изъ царскаго, королевскаго или княжескаго рода. Выдача древней русской княжны за купца—представляется чѣмъ-то немислимымъ, и если мы встрѣчаемъ такой случай въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, то ясно, что мы должны тутъ подозрѣвать какое-нибудь искаженіе, какую-нибудь передѣлку оригинала, первоначально носившаго совсѣмъ инныя черты. Оно такъ и выходитъ на самомъ дѣлѣ: въ древнихъ восточныхъ редакціяхъ, и женихъ и невѣста тутъ—оба царскаго рода, и лицо, желающее воспользоваться отсутствіемъ главнаго дѣйствующаго лица—также царскаго происхожденія. При такихъ условіяхъ, сватовство и бракъ въ этомъ разсвѣзѣ совершенно понятны, но вовсе не понятны въ нашей былинѣ. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ всѣхъ посредствующихъ степеней между разсказомъ сборника Сомадевы (это одинъ изъ первообразовъ былины о Соловьѣ), и нашу былиню, и потому не можемъ, повуда, опредѣлить, гдѣ именно произошло искаженіе первоначальнаго мотива, но во всякомъ случаѣ имѣемъ полное право сказать, что все, что происходитъ въ нашей былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, имѣетъ не реальное, а эпическое основаніе и притомъ основаніе, исполненное самыхъ бессмысленныхъ искаженій, пропусковъ и переименованій. Поэтому, конечно, на такой почвѣ мудрено искать данныхъ, имѣющихъ дѣйствительно бытовое значеніе. — Здѣсь встаетъ мы можемъ еще замѣтить, что если въ восточныхъ оригиналахъ мы встрѣчаемъ, и даже довольно часто, браки богатырей съ царевнами и княжнами изъ царскаго дома, то это объясняется очень легко. Либо самъ герой происхожденія царскаго или даже божественнаго (каковы наприм. герои Магабгараты, Рамаяны, Шахъ-Намэ и т. д.), либо разсказъ восходитъ, что касается до твердо сложившейся формы подробностей, — до первообраза индѣйскаго, времени брахманскихъ и преобладанія васты. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если герой не изъ васты *кшатриевъ*, т. е. воиновъ и людей царской породы, то уже навѣрное изъ васты *брахмановъ*, а люди этой васты конечно никакъ не ниже стояли, чѣмъ люди той васты. Примѣры богатырей или героев—брахмановъ, во всѣхъ индѣйскихъ поэмахъ, повѣстьяхъ и сказкахъ, безчисленны. Въ нашихъ былинахъ всѣ эти мотивы божественнаго или высшаго вастоваго происхожденія уже не существуютъ и остается только одинъ, совершенно невѣроятный и неисторическій, фактъ: бракъ княженъ и царевенъ съ богатырями.

## VI.

Въ былинахъ мы не имѣемъ описаній татарскихъ нашествій на древнюю Русь и изображеній татарской эпохи въ нашемъ отечествѣ. Насъ увѣряли до сихъ поръ, что «русская былина *явственно* отмѣчаетъ въ своей формаци періодъ татарскій, когда съ особенною энергіею совершился въ народной фантази переходъ отъ мифовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому. Такія событія, какъ погромы татарскіе, даютъ *новое направленіе* поэтической дѣятельности. Пѣсня о Калинѣ-царѣ хотя совершенно въ прежнемъ тонѣ эпической старины воспѣваетъ князя Владиміра и его богатырей, но *элементъ новый* уже внесенъ въ нее, въ прекрасномъ лирическомъ воззваніи, которое составляетъ лучшее въ ней мѣсто»<sup>1)</sup>. К. Аксаковъ также признаетъ въ этой пѣснѣ точное и вѣрное изображеніе татарскаго нашествія на Русь, но вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣвается, что татары заняли тутъ мѣсто печенѣговъ и козарь<sup>2)</sup>. Но, откидывая элементъ лирическій, который, какъ посторонняя вставка, не касается настоящаго вопроса, мы не находимъ ничего новаго, ни направленія, ни элемента, въ тѣхъ былинахъ, которыя изображаютъ битвы богатырей съ татарами. Тутъ не оказывается ничего списаннаго съ природы, ничего взятаго изъ дѣйствительности, совершавшейся въ XIII и XIV вѣкѣ на поляхъ и въ городахъ русскихъ, нѣтъ портретовъ, снятыхъ съ татарскихъ хановъ и съ ихъ полчищъ, а единственно воспроизведеніе эпическихъ мотивовъ, разсѣянныхъ издревле по разнымъ созданіямъ восточной поэзіи. Разсказъ о Батыѣ или Калинѣ-царѣ нашихъ былинъ созданъ гораздо раньше пришествія монголовъ въ Россію, и мы его читаемъ съ другими только, безъ сомнѣнія, именами и мелкими подробностями, и въ Шахъ-Намѣ, и въ Джангаріадѣ и въ разныхъ отдѣльныхъ восточныхъ пѣсняхъ. Это не только не картина нашествія татаръ на наше отечество или предшествовавшихъ имъ козарь или печенѣговъ, но даже и не какое бы то ни было опредѣленное нашествіе: это вообще нападеніе одного азіятскаго племени на другое, съ примѣненными сюда извѣстными подробностями событій и мѣстности, мало измѣнявшимися въ сущности, не смотря на странствованіе этого разсказа по разнымъ землямъ и народамъ. Въ этомъ нашествіи на Кіевъ столько же исторической дѣйствительности въ общемъ

<sup>1)</sup> *Буслаевъ*, Очерки, I, 421 — 423.

<sup>2)</sup> *К. Аксаковъ*, Сочиненія, I, 373, 384.

и въ частяхъ, сколько въ нашествіи князя Даниіла Бѣлаго на столицу царя Киркоуса, въ связи о Ерусланѣ Лазаревичѣ.

## VII.

Наконецъ, нельзя дѣлать изъ былинь выводовъ о христіанскомъ элементѣ на Руси во Владимірово время. К. Аксаковъ говоритъ:—«Первое и главное, что выдается изъ міра Владиміровыхъ пѣсенъ, — это христіанская вѣра; она постоянно и всюду основа жизни... *Всѣ богатыри—православные...* Вся жизнь Владиміровыхъ пѣсенъ имѣетъ христіанскую основу: видимъ здѣсь, на пирахъ Владиміровыхъ, собранную всю русскую землю, собранную въ единое цѣлое христіанскою вѣрою, около великаго князя Владиміра». — «Радость, пронизывавшая жизнь, послѣ возрожденія христовымъ ученіемъ, является какъ праздникъ, какъ постоянный братскій пиръ»<sup>1)</sup>. Г. Безсоновъ также утверждаетъ, что въ Ильѣ-Муромцѣ полное «отсутствіе началъ языческихъ и мифическихъ и у него характеръ христіанскій: кто же изъ страстныхъ искателей русской мифологіи и русскаго язычества можетъ допустить, чтобъ представитель язычества боролся съ язычествомъ, представитель мифологіи съ мифологіей, въ лицѣ врага Идолица?»<sup>2)</sup>. Но именно дѣло въ томъ и состоитъ, что ни князь Владиміръ, ни его пиры, ни его богатыри не суть «представители» чего бы то ни было; а отзвуки рассказовъ, уже очень давно прежде существовавшихъ и распространенныхъ по многимъ древнимъ странамъ. Здѣсь нѣтъ на сценѣ ни русской мифологіи, ни русской дѣйствительности. Всѣ формы, на видъ какъ будто бы христіанскія, ничто иное, какъ переложеніе на русскіе нравы и русскую терминологию, рассказовъ и подробностей вовсе не-христіанскихъ и не-русскихъ.

Главныя дѣйствующія лица былинь нашихъ обращаются къ той или другой божественной или религіозной личности вовсе не потому, чтобъ того требовало русское христіанское чувство и русскія религіозныя привычки, а потому, что въ этомъ самомъ мѣстѣ восточнаго рассказа упоминается та или другая божественная личность, и, при переходѣ этого рассказа къ намъ, уже во времена христіанскія, необходимо было упомянуть тутъ обращеніе къ благодѣтельному сверхъестественному существу; или вы-

<sup>1)</sup> К. Аксаковъ, статья о богатыряхъ въ Русской Бесѣдѣ 1856, IV, 8.—Сочиненія I, 338—339.

<sup>2)</sup> Замѣтка г. Безсонова къ IV вып. Кирѣевск., стр. X.

сказать участіе этого существа въ судьбѣ и похожденияхъ. Илья-Муромецъ обращается къ Николаю Можайскому въ трудную минуту потому, что въ этомъ самомъ мѣстѣ этого самаго разсказа одинъ изъ первообразовъ его, богатырь Хонгоръ, обращается къ Далай-Ламѣ и его талисману; Садеѣ является «старецъ» или Никола Можайскій съ предостереженіемъ и совѣтомъ, потому что въ томъ же самомъ мѣстѣ того же самаго разсказа разнообразнымъ героямъ является съ предостереженіемъ и совѣтомъ кому богъ Агни, кому морское божество, кому «старецъ» слѣпой кормчій, кому монахи брахмане и т. д. Ванька Вдовкинъ-сынъ обращается къ *тремъ* божественнымъ христіанскимъ личностямъ потому, что восточные его прототипы точно также обращались къ *тремъ* божественнымъ личностямъ азійскихъ религій, и тому доказательство мы имѣемъ въ разсказѣ о Гессеръ-Ханѣ: тамошній *царь боговъ* переименованъ въ русской былинѣ въ самого Христа Спасителя, *царь драконовъ*—въ св. угодника Николу Можайскаго, а *царица дакинъ*—въ мать пресвятую Богородицу. Понятно, что въ русскомъ пересказѣ невозможно было оставлять неизвѣстныя азійскія наименованія, и необходимо было замѣнить ихъ именами извѣстными и доступными нашему народу. — «Черниговскій владыка» нѣкоторыхъ нашихъ пѣсенъ равномѣрно оказывается лишь русской подстановкой совершенно иныхъ первоначальныхъ именъ: такъ, напр., «Черниговскій владыка», появляющійся въ былинѣ объ Иванѣ Гостинюмъ-сынѣ, былъ въ болѣе раннихъ редакціяхъ «верховнымъ единымъ творцомъ» сибирскихъ и иныхъ азійскихъ пѣсенъ и поэмъ. — «Соборные попы» былины о Потоеѣ были вначалѣ «брахманами-отшельниками» того же самаго разсказа, въ его болѣе древней формѣ.

Этихъ примѣровъ, взятыхъ изъ числа очень многихъ другихъ, конечно, слишкомъ достаточно для того, чтобъ видѣть, какъ мало христіанскаго въ коренномъ составѣ и характерѣ нашихъ былинъ, и какъ мало христіанская религія можетъ тутъ быть названа *основою жизни*. Ни князь Владиміръ, ни всѣ его богатыри — ни чуть не *православные*, иначе какъ по имени: христіанскаго на нихъ, только одна внѣшняя, едва держащаяся тоненькимъ слоємъ на поверхности, окраска.

### VIII.

Сравнивая былины съ восточными первообразами, мы замѣчаемъ, что онѣ двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ близкое сходство, сплошь, цѣликомъ, съ однимъ которымъ-либо восточ-

нымъ оригиналомъ. Такъ, напримѣръ, былина о Волшанѣ Волшановичѣ очень близко подходитъ въ 4-й главѣ поэмы «Гессеръ-Ханъ»; былина о Ставрѣ-бояринѣ и его женѣ — въ алтайской пѣсни объ Алтайнѣ-Сайнѣ-Саламѣ и его сестрѣ; былина объ Иванѣ Гостиномѣ-сынѣ — въ одной пѣсни томскихъ шоровъ; былины о Соловьѣ Будимировичѣ — въ разсказамъ Сомадевы и т. д. Напротивъ того, другія былины представляютъ много сходства сразу съ нѣсколькими восточными оригиналами, какъ-бы нанизанными у насъ вмѣстѣ, одинъ послѣ другого. Такъ, наприм., мы не можемъ указать той восточной поэмы или пѣсни, которая заключала бы всю, отъ начала и до конца, исторію Ильи-Муромца, или Дуная, или Потока, или Сорока каликъ со валикой, рѣшительно со всѣми ихъ эпизодами, лицами, событіями, въ одной непрерывной послѣдовательности. Отдѣльныя части (какъ-бы главы) исторіи Ильи-Муромца мы встрѣчаемъ то въ Магаванзи (крестьянство и необыкновенныя работы въ полѣ), въ разныхъ сибирскихъ и въ томъ числѣ киргизскихъ пѣсняхъ, въ Шахъ-Намѣ и Джангаріадѣ (подвиги и смерть). Первую половину разсказовъ о Потокѣ мы отыскиваемъ въ Магабгаратѣ, вторую въ Гессеръ-Ханѣ. Отдѣльныя части былинь о Дунаѣ мы находимъ въ Гариванзѣ, Магабгаратѣ и сказкахъ Сомадевы.

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Должны-ли мы, на основаніи представляющей тутъ двоякости нашихъ былинь, выводить заключеніе и о двоякости ихъ происхожденія, а также, и о непосредственномъ происхожденіи тѣхъ и другихъ изъ указанныхъ поэмъ, пѣсенъ и сказокъ, въ такомъ смыслѣ, что однѣ изъ нихъ прямо взяты или переведены изъ такой-то восточной поэмы, пѣсни или сказки, а другія слиты, скомпилированы изъ таковыхъ нѣсколькихъ разныхъ поэмъ, пѣсенъ и сказокъ?

Нѣтъ, мы не имѣемъ права на такіе выводы. Вопреки какому-бы то нибыло сходству, мы не можемъ, ни въ тѣхъ, ни въ другихъ указать прямого, непосредственнаго заимствованія (и въ особенности заимствованія *письменнаго, книжнаго*). Въ разныхъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія — я впередъ уже протестовалъ противъ такого истолкованія; теперь же, обзрѣвая разобранныя мною былины всѣ вмѣстѣ, за одинъ разъ, мы тѣмъ менѣе имѣемъ возможности останавливаться на мысли о прямомъ заимствованіи русскихъ былинь именно изъ тѣхъ самыхъ оригиналовъ, которые мы были въ состояніи здѣсь привести для сравненія. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи восточные матеріалы все-таки еще малочисленны и бѣдны, мы не обладаемъ ими въ полнотѣ сколько-нибудь удовлетворительной, и потому, не имѣя всѣхъ необходимыхъ звеньевъ на лицо, мы лишены, покуда, воз-

возможности показать всю цѣпь перехода того или другого сказанія изъ древней Азіи въ новую Россію. Но не смотря на такую неполноту, мы все-таки на каждомъ шагѣ убѣждаемся въ одномъ и томъ же главномъ фактѣ: какого бы рода ни было сходство нашихъ былинъ съ восточными разсказами, болѣе ли близкое, гдѣ у насъ азійскихъ первообразовъ больше, или менѣе близкое, тамъ гдѣ этихъ первообразовъ меньше, — во всякомъ случаѣ былины наши идутъ отъ которыхъ-то изъ нихъ, или отъ имъ подобныхъ.

Въ какой формѣ представляются намъ поэтическія созданія Востока, съ которыми мы имѣли возможность сравнивать наши былины? Это или отдѣльные разсказы, повѣствованія — каковы, напр., пѣсни минусинскихъ татаръ, телеутовъ, сагайцевъ, киргизовъ и другихъ разноплеменныхъ народовъ; или же соединенные вмѣстѣ, въ формѣ одной поэмы или сборника, тѣже разсказы и повѣствованія, прежде обращавшіеся въ народѣ отдѣльными единицами, а потомъ скучившіеся болѣе или менѣе стройными группами и членами одного общаго цѣлага: таковы Рамайна, Магабгарата, Шахъ-Намэ, Гессеръ-Ханъ, Дзанглунъ, Джангаріада, и т. д. Эта послѣдняя форма всегда является у народа, когда онъ достигъ или достигаетъ значительной степени интеллектуальнаго развитія: вмѣстѣ съ успѣхами самосознанія, вмѣстѣ съ желаніемъ обозрѣть всѣ свои поэтическія, художественныя сокровища, отдать себѣ сознательный отчетъ въ созданіяхъ безсознательнаго народнаго творчества прежнихъ лѣтъ, — является всегда потребность слить въ одно всеобъемлющее, систематическое и сплошное цѣлое, разрозненные члены одного и того же рода и порядка, уже давно обращающіеся въ народѣ. Этой потребности обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ великія поэмы и сборники Востока. Здѣсь сотни, тысячи древнихъ пѣсенъ и пересказовъ, первоначально отдѣльныхъ, взяты изъ устъ народа и склеены вмѣстѣ, въ одно цѣлое, впрочемъ, почти всегда при посредствѣ внѣшней, очень слабой связи. Эти же самые законы дѣйствовали и у насъ.

Нельзя сомнѣваться, что русскія былины могли бы и должны бы были однажды слиться въ одну или нѣсколько большихъ эпоепей, подобныхъ Магабгаратѣ, Гессеръ-Хану или Шахъ-Намэ, но этого не случилось только вслѣдствіе измѣненнаго извнѣ историческаго строя русской жизни. Онѣ не успѣли совершить такого слянія, и на вѣки остались на одной степени съ пѣснями минусинскихъ татаръ, телеутовъ, сагайцевъ, киргизовъ и другихъ азійскихъ племенъ. Доказательствомъ тому предположенію, что нашимъ былинамъ предстояло слиться въ нѣсколько большихъ группъ, можетъ служить то обстоятельство, что у насъ есть уже



на лицо небольшіе конгломераты, свученія нѣсколькихъ пѣсенъ, нѣсколькихъ первоначальныхъ, малосложныхъ мотивовъ, въ болѣе сложное многообъемистое цѣлое. Примѣрами могутъ служить пѣсни объ Ильѣ-Муромцѣ, Потокѣ, Дунаѣ и т. д. Здѣсь подъ именемъ одного и того же богатыря соединено по нѣскольку разнородныхъ разсказовъ, приписываемыхъ въ болѣе старыхъ редакціяхъ—восточныхъ—разнымъ личностямъ, носившимъ, конечно, по этому и имена разные. Такъ, наприм., одни изъ походовъ Ильи-Муромца мы находимъ у персидскаго богатыря Рустема, другія — у сибирскаго богатыря Таны; одни походы Потока у индѣйскаго брахмана Руру, другія у тибетско-монгольскаго богатыря Гессеръ-Хана, и т. д. Были-ли такія азіатскія редакціи, гдѣ произошло слитіе разнородныхъ пересказовъ раньше чѣмъ у насъ, мы покуда не знаемъ. Но, кажется, слѣдуетъ скорѣе предположить, что большинство слияній произошло на нашей почвѣ,—и это доказывается вотъ чѣмъ. Еслибъ мы получили уже готовые конгломераты, то что бы тогда было? Они бы существовали у насъ въ готовой, законченной, твердо опредѣленной формѣ, и принадлежащее одному лицу, одной группѣ событій и походовъ такъ бы всегда и оставалось, всегда приуроченнымъ въ одному лицу и къ одному порядку разсказовъ. Разница между пересказами состояла бы только въ болѣе или менѣе пространномъ объемѣ ихъ: въ однихъ передавалось бы все, касающееся извѣстныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ другихъ только часть, отрывки ихъ походовъ или жизни. Но мы видимъ другое. Одни и тѣже событія, одни и тѣже мотивы постоянно приписываются совершенно разнымъ личностямъ, разными былинами. Такъ, напр., совершенно одинакое выдѣленіе дружины изъ мальчиковъ-товарищей встрѣчаемъ и въ былинѣ объ Вольгѣ Всеславичѣ, и въ былинѣ о Добрынѣ; возвращеніе мужа изъ долгаго отсутствія къ женѣ, собирающейся выходить за другого, встрѣчаемъ и въ пѣснѣ о Добрынѣ, и въ пѣснѣ о Соловьѣ Будимировичѣ; побѣда надъ чудовищемъ-обжорой разсказывается и про Илью-Муромца съ Идолицемъ и про Алѣшу-Поповича съ Тугариномъ; побѣда надъ Змѣемъ, любовникомъ героини разсказа, разсказывается и про Добрыню, убивающаго Змѣя Горыничя, любовника Марины, и про Алѣшу-Поповича, убивающаго Тугарина Змѣевича, любовника княгини; владыка черниговскій держитъ закладъ, одинъ противъ князя и цѣлаго двора его, то за Ивана Гостинаго-сына (по случаю состязанія коней), то за Алѣшу-Поповича (по случаю состязанія этого послѣдняго съ Тугариномъ); казнь невѣрной жены-чародѣйки приписывается и Добрынѣ и Потокѣ; жену казнить, отсѣвая одинъ членъ за другимъ

и при этомъ приговаривая тѣ-же самыя слова—и Добрыня и Иванъ Годиновичъ; рассказъ о тяжеломъ и огромномъ лувѣ, приносимомъ на носилкахъ цѣлою толпою богатырей, читаемъ и въ былинахъ о Добрынѣ, и въ былинѣ о Ставрѣ и его женѣ. Что все это доказываетъ? Что былины обращались у насъ сначала въ видѣ отдѣльныхъ, малосложныхъ рассказовъ, которые, смотря по волѣ, прихоти или забывчивости пересказчиковъ, передавались въ разныхъ формахъ и съ разными именами, а потомъ употребляемы были въ разныхъ сочетаніяхъ и смѣшеніяхъ. На Востоѣ, тамъ гдѣ они не достигли формы письменной или поэмой (конгломератной), эти отдѣльные рассказы постоянно находились, и теперь еще находятся, въ состояніи постояннаго броженія и измѣняемости: такъ, повидимому, было и у насъ. Рассказъ, въ своемъ кочеваніи съ мѣста на мѣсто, являлся съ разными именами и подробностями, и вступалъ въ разнообразныя соединенія съ другими, встрѣчавшимися ему по дорогѣ рассказами: иногда онъ удерживалъ болѣе простую, первоначальную форму, иногда измѣнялся подъ вліяніемъ обліпившихъ его мотивовъ и подробностей. При этомъ, общее впечатлѣніе могло до нѣкоторой степени измѣняться, точно такъ, какъ оно измѣнялось и на Востоѣ, вслѣдствіе разности народовъ, эпохъ, міросозерцаній, которымъ принадлежали тѣ или другія редакціи рассказа. Но вошедшія въ составъ этой пестрой мозаики матеріалы, такъ сказать отдѣльные камешки мозаики — все одни и тѣже. Изложеніе состава, формы и подробностей русскихъ былинъ — это, такъ сказать, послѣдняя глава изъ исторіи восточныхъ поэмъ и пѣсенъ: это изложеніе судьбы волонистовъ азіятской поэзіи въ Россіи.

## IX.

Когда станешь сравнивать наши былины съ тѣми созданіями восточной поэзіи, гдѣ оказывается одинъ и тотъ же составъ, скелеть, только въ болѣе древней формѣ, скоро придешь къ заключенію, что былины очень много утратили въ сравненіи съ своими первообразами, какъ по содержанію, такъ и по формѣ.

Какія же это утраты, и существенныя онѣ или несущественныя?

Главная, самая важная утрата состоитъ въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ наши былины не содержатъ болѣе тѣхъ побудительныхъ пружинъ дѣйствія, на которыхъ вертится все дѣло. Неизвѣстно, какъ и почему именно это сдѣлалось, но только наши былины слишкомъ часто оставляютъ ихъ совершенно въ сторонѣ,

обходятся безъ нихъ, или-же вдругъ довольствуются такими мотивами, которые иной разъ мало удовлетворяютъ смыслу и логикѣ. Русская былина нерѣдко обращаетъ вниманіе только на одни голые факты, на одну оболочку внѣшнихъ событій, излагаетъ приключенія одно за другимъ, и ничуть не заботится ни о ихъ взаимной связи, ни о ихъ побудительныхъ причинахъ. Вся душевная, вся духовная, и человѣческая сторона, всѣ внутренніе мотивы совершающихся дѣйствій и событій не имѣютъ для нея никакого интереса. Такіе мотивы, какъ мщеніе за отца, за жену и т. д., никогда не встрѣчаются въ русскихъ былинахъ; влюбленіе, муки любви и ревности, сыновняя и отцовская любовь, жажда славы, властолюбія — все это мотивы, неизвѣстные нашимъ былинамъ, а если какіе-нибудь слабые намеки на тотъ или другой изъ числа этихъ мотивовъ и встрѣчаются въ нашихъ былинахъ, то они такъ блѣдны и эмбрионны, что нечего и сравнивать ихъ съ этими же мотивами въ восточныхъ пѣсняхъ и особливо поэмахъ, гдѣ они являются въ полномъ цвѣтѣ широкаго, пышнаго развитія.

Добрыня пріѣзжаетъ домой послѣ долгаго отсутствія и находитъ, что жена его идетъ за другого: онъ этого другого бросаетъ о-поль, бьетъ плетью и — дѣло съ концомъ. Чтò онъ думалъ, чтò чувствовалъ, ничего этого нѣтъ въ былинѣ: она этого и знать не хочетъ, ей вмѣсто этого очень только интересенъ самый сырой фактъ и слѣдствіе его: «чтò хлопанье и чтò оханье, не слышно вѣдь». Князь Владиміръ отнимаетъ себѣ жену у Даниила Ловчанина: она безъ дальнѣйшихъ разговоровъ идетъ и бросается на копьѣ или на ножъ — и дѣлу конецъ. Мѣсто любви, влюбленія занимаетъ одна физическая похоть (вспомнимъ, наприм., жену князя Владиміра и атамана калигу); богатыри никогда не влюбляются, а только берутъ себѣ женъ или наложницъ. Побудительныя же причины дѣйствій у богатырей никогда не собственная удаля, не желаніе добыть себѣ геройскую славу — а только исполненіе княжескаго повелѣнія: князь приказалъ то-то или то-то, и богатырь, родъ военного раба или кондотьера, идетъ исполнять это приказаніе. Въ восточныхъ первообразахъ нашихъ былинъ мы не найдемъ такой бѣдности и ограниченности мотивовъ и личныхъ характеровъ. Какая разница! Здѣсь вы на каждомъ шагѣ встрѣтите и героя, идущаго на войну или завоеваніе, потому что ему самому такъ хочется, а не князь приказалъ, и богатыря влюбляющагося, и богатыря ревнующаго, и богатыря, выражающаго то или другое душевное свое настроеніе, и богатыря, возмущеннаго поступками постороннихъ лицъ надъ его отцомъ, матерью, женой, сестрой, и всѣ эти душевныя настроенія и дви-

женія высказываются не только *всегда* въ поэмахъ высоко цивилизованныхъ, развитыхъ народовъ (въ Магабгаратѣ, Рамаанѣ, Шахъ-Намэ), но даже *очень часто* въ поэмахъ и пѣсняхъ народовъ и племенъ, на которыхъ мы привыкли смотрѣть съ нѣкоторымъ высокомѣриемъ, какъ на народы и племена грубые, еще вовсе не развитые (поэмы средней Азіи, напр. «Гессеръ-Ханъ», «Джангаріада», «Кузу-Курпешъ», пѣсни киргизскія, сибирско-татарскія, телеутскія, сагайскія, монгольскія, калмыцкія). Здѣсь можно было-бы набрать гамму самыхъ разнообразныхъ психическихъ движеній и настроеній. Такъ, наприм., богатырь Сары-Мекѣ надумывается о *мицѣни* <sup>1)</sup>; богатыри Ханъ-Тѣнгѣсь и Кумъ-Тѣнгѣсь приходятъ въ такое *удивленіе* отъ силы и огромной тяжести богатыря Алтынъ-Айры, что долго стоятъ, совершенно нѣмые и только трясутъ головой <sup>2)</sup>; старуха Алтынъ-Арегъ до того наполнена глубокимъ *состраданіемъ* къ мальчику, котораго тиранить ея мужъ, что упрасиваетъ этого послѣдняго лучше убить ее, чѣмъ того мальчика <sup>3)</sup>; богатырь Тебетъ-Ханъ столько знаменитъ своимъ *состраданіемъ*, что къ нему прибѣгаетъ вонь Акъ-Хана и умоляетъ его выручить изъ бѣды дѣтей его господина <sup>4)</sup>; богатырь Кара-Месъ, изъ *благодарности* къ Алтынъ-Хану, рѣшается пожертвовать жизнью, чтобъ помочь его сыну <sup>5)</sup>; богатырь Айдолей обращается съ *благодарственной рѣчью* къ огненному морю, солнцу, лунѣ и Кудая (творцу), за спасеніе его отъ преслѣдующей его женщины-лебеди <sup>6)</sup>; богатырь Ала-Картага ревностно заботится о томъ, чтобъ у него во владѣніяхъ никто одинъ другаго не оскорблялъ и не обижалъ <sup>7)</sup>; богатырь-мальчикъ предается *радости*, увидавъ своего воня-жеребеночка <sup>8)</sup>; богатырь Алтынъ-Эргеъ однажды плачетъ отъ *страха* <sup>9)</sup>; богатырь-сирота рассказываетъ, что ему *стыдно* <sup>10)</sup>, и т. д. Но еще чаще, пространнѣе и художественнѣе бываютъ выражены разныя душевныя движенія въ поэмахъ и пѣсняхъ киргизовъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, должны считаться самыми художественными и самыми поэтическими произведеніями,

1) Schiefner, Heldensagen, 195.

2) Тамъ же, 332.

3) Тамъ же, 9.

4) Тамъ же, 66.

5) Тамъ же, 26.

6) Тамъ же, 31.

7) Тамъ же, 155.

8) Тамъ же, 71 — 72.

9) Radloff, II, 96.

10) Radloff, I, 275.

между всѣми подобными же созданіями тюрескихъ племенъ. Здѣсь мы ежеминутно встрѣчаемъ лирическія мѣста высокаго достоинства и красоты. Такъ наприм., красавица Аель-Чунусъ, страстно влюбившись въ богатыря Таргына, рассказываетъ ему, въ превосходномъ монологѣ, что теперь позабыла все и всѣхъ, и велитъ ему похитить себя, не то она умретъ отъ горести; ханъ, отецъ ея, хочетъ выдать ее замужъ за иноземнаго князя, котораго она не любитъ <sup>1)</sup>. Въ этой же пѣснѣ, богатырь Эр-Таргынь, чувствуя свою несправедливость противъ другаго богатыря, добровольно уѣзжаетъ, оставляя ему свою возлюбленную, а этотъ богатырь, выслушавъ трогательныя просьбы красавицы Аель-Чунусъ, великодушно отступаетъ отъ нея, и соединяетъ влюбленныхъ молодыхъ людей. Ногайскій ханъ Босъ-Монай такъ живо чувствуетъ оскорбленіе, нанесенное ему однажды взбунтовавшимися рабами, что, отъ горести и стыда, не хочетъ входить въ свой домъ, и лежитъ на землѣ цѣлый вечеръ, потомъ всю ночь и утро, и успокоивается лишь тогда, когда явившійся ему Кыдырь (пророкъ Илья) пророчитъ ему, что у него родится сынъ, который отомститъ за него <sup>2)</sup>, и т. д. Но самое большое количество разнообразнѣйшихъ психическихъ мотивовъ и движеній можно найти въ поэмѣ *«Кузу-Курпеизъ»*. Ея извѣстно нѣсколько разныхъ редакцій <sup>3)</sup>, и въ каждой свои новыя и превосходныя мотивы. Въ противоположность всему этому, наши богатыри въ былинахъ не чувствуютъ никогда ни стыда, ни ревности, ни любви, ни удивленія, ни состраданія, ни радости, ни горести, не чувствуютъ потребности ни въ великодушіи, ни въ мщеніи, ни въ благодарности. Они только совершаютъ извѣстные факты, извѣстныя дѣйствія: все остальное для нихъ сочтено излишнимъ. Въ сравненіи съ приведенными выше монгольскими и тюрескими поэтическими произведеніями, наши былины, въ отношеніи мотивовъ психическихъ и иныхъ, оказываются чѣмъ-то урѣзаннымъ, кастрированнымъ. Причина этого факта (который мы будемъ разсматривать еще ниже) — время, когда былины перенесены къ намъ и тогдашнее состояніе нашего народа.

Съ другой стороны, замѣтимъ, что множество подробностей являются въ былинахъ въ какомъ-то темномъ, непонятномъ видѣ, такъ что невозможно дать себѣ отчета въ ихъ смыслѣ и значеніи, тогда какъ въ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, болѣе

<sup>1)</sup> Третій томъ Радлоффа, пѣснь объ Эр-Таргынѣ.

<sup>2)</sup> Тамъ же, пѣснь о Саинъ-Батгрѣ.

<sup>3)</sup> Одна помѣстится въ III-мъ томѣ Радлоффа, другая—въ особомъ изданіи (еще не напечатанномъ) академика Вельяминова-Зернова.

древнихъ, чѣмъ русскія былины, мы находимъ все то, чего недостаетъ былинамъ со стороны ясности и отчетливаго обозначенія причинъ дѣйствій. Такъ, наприм., въ нашей пѣснѣ объ Иванѣ Гостинюмъ-сынѣ ничего не говорится о томъ, съ какой стати происходитъ состязаніе коней, и почему именно владыка черниговскій держитъ сторону героя пѣсни, противъ князя Владиміра и всего его двора: въ болѣе же первобытной пѣснѣ томскихъ шоровъ, мы находимъ вполнѣ удовлетворительные мотивы всего этого. Состязаніе идетъ тутъ между *однимъ* высшимъ творцомъ (= нашъ владыка черниговскій) и *девятью* творцами (= нашъ князь Владиміръ съ дворомъ своимъ), и предметъ состязанія — это кони, созданные тою и другою стороною; понятно, что это вопросъ кровный, глубоко-существенный, имѣющій значеніе еогоническое, религіозное, а это очень далеко отъ того мелкаго *скакового* интереса, который только и уцѣлѣлъ въ нашей былинѣ. Изъ былины о Ваньѣ Вдовинѣ-сынѣ точно также совершенно исчезъ главный, существенный мотивъ, и остался на лицо только ничѣмъ необъяснимый и ничего незначащій фактъ прятанья, которому мы не можемъ никоимъ образомъ сочувствовать, потому что онъ тутъ лишень, по русскому пересказу, всякаго смысла. А между тѣмъ, по первоначальнымъ оригиналамъ, этотъ фактъ заключалъ и смыслъ, и значеніе, и интересъ. Въ былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ встрѣчается особенно много темнотъ, недоговорокъ и запутанностей, тогда какъ въ предшествовавшихъ ей оригиналахъ все понятно, разумно и просто. Въ былинахъ о Дунаѣ и Ставрѣ до такой степени исчезли или затупеваны дѣйствующіе тамъ мотивы (въ первой — убійство жены и вынутіе младенца, во второй — сватовство женщины за женщину и т. д.), что рассказы, первоначально очень поэтическіе и легко обнаруживающіе все значеніе своего содержанія, превратились въ какіе-то чудовищные или карикатурно-буфонскія сказки.

Особенное вниманіе надо при этомъ обратить на то, что былины точь-въ-точь столько же утратили въ сравненіи съ азіатскими первообразами своими, какъ и сказки. Оно и понятно: источники и у тѣхъ и у другихъ были одни и тѣ же; творчество, претворявшее чужеземные матеріалы въ русскія созданія, было также совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно ясно, что какъ уцѣлѣвшія хорошія стороны, такъ и утраты были одного рода и качества. Для примѣра послѣднихъ достаточно будетъ указать на сказку о Жарь-Птицѣ, въ сравненіи съ ея восточными предшественниками. Въ сказкѣ Сомадевы, мы видимъ царя, окруженнаго цѣлымъ гаремомъ женъ, и любящаго преимущественно одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ ея сыномъ. Эта исключи-

тельная привязанность тотчасъ рождаетъ зависть, ревность, ненависть къ любимой женѣ и ея сыну со стороны остальныхъ царскихъ женъ и ихъ сыновей. Изъ этого столько опредѣленнаго, естественнаго и столько свойственнаго гаремамъ мотива развивается вся послѣдующая повѣсть. Ненавидимый сынъ побѣждаетъ множество препятствій, совершаетъ множество подвиговъ и возвращаетъ счастье гонимой матери. Въ нашихъ (и, вѣроятно, чрезъ ихъ посредство происшедшихъ западныхъ) пересказахъ, всѣ эти эпическіе мотивы уже не существуютъ: всего только и есть на лицо, что три сына царскіе, изъ которыхъ двое старшихъ, неизвѣстно за что, ненавидятъ и преслѣдуютъ младшаго. Привязанность отца къ младшему царевичу исчезла изъ разсказа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснительная причина ненависти старшихъ братьевъ къ младшему. Въ концѣ же сказки у насъ исчезла и та психологическая черта, что сынъ, достигнувъ счастья и добывъ себѣ красавицу-невѣсту, не желаетъ навазанія своихъ преступныхъ братьевъ, и умоляетъ отца помиловать ихъ, что и дѣлается по его желанію. Черта довольно общая восточнымъ поэмамъ и пѣснямъ: счастливый и торжествующій герой почти всегда великодушень и прощаетъ врагамъ своимъ; такъ наприм., кромѣ разныхъ мѣстъ Сомадевы, укажемъ на тибетскую поэму «Дзан-лунъ», гдѣ царевичъ Гедонъ (нашъ Садко), послѣ открытія всѣхъ злобныхъ дѣлъ брата своего Дигдона, заставляетъ отца своего простить ему. Нашей сказкѣ нѣтъ дѣла до всего подобнаго, потому что ей важны только внѣшнія событія, побѣжденіе трудностей, достиженіе героемъ благополучной цѣли; и счастливый герой остается совершенно равнодушень къ участи братьевъ, не дѣлаетъ ни малѣйшаго усилія, чтобъ остановить ихъ казнь. Со своей стороны, царь-отецъ никого ихъ особенно не любитъ, онъ во всѣмъ равнодушень. Но все это стоитъ въ прямой противоположности съ восточными поэмами, пѣснями и сказками, гдѣ психологическіе мотивы всегда высказываются, и въ полной мѣрѣ. Точно тѣ же самыя результаты можно было бы подробно вывести и изъ прочихъ нашихъ сказокъ. Одинъ изъ первообразовъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ — похождения Рустема въ Шахъ-Намэ; точно также, одинъ изъ первообразовъ пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ — также похождения Рустема въ Шахъ-Намэ. Но спрашивается: есть ли хоть кабая-нибудь разница между тѣмъ, чего недостаетъ Еруслану, или же, чего недостаетъ Ильѣ-Муромцу противъ Рустема? И тамъ и здѣсь, вездѣ одинаково остались одни сырые факты, одни разсказы о томъ, что богатырь поѣхалъ, встрѣтилъ такого-то противника, подрался съ нимъ, поколотилъ его — вотъ и все. Все остальное, что составляетъ многочисленныя и мно-

гообразныя черты характеристики Рустема или другихъ, художественно развитыхъ и сложенныхъ, личностей, одинаково исчезло и изъ Еруслана и изъ Ильи. Тоже самое надо сказать и про другія былины, если сравнить ихъ, вмѣстѣ со сказками, — съ восточными первообразами. Урѣзаніе всего самаго существеннаго, самаго интереснаго и важнаго — происходило совершенно по одному и тому же закону, будто бы по одной и той же мѣркѣ, какъ для былинь, такъ и для сказокъ.

Въ числѣ утратъ нашихъ былинь, сравнительно съ восточными оригиналами, нельзя не указать на утрату всѣхъ описаній природы. Наши былины довольствуются однимъ лаконическимъ упоминаніемъ о днѣ, ночи, вечерѣ или утрѣ, и *никогда* не останавливаются на самыхъ картинахъ дня, ночи, вечера или утра. При ихъ стремленіи разсказать только голый, сырой фактъ, всякія поэтическія подробности излишни, неумѣстны. Совсѣмъ другое дѣло въ поэмахъ и пѣсняхъ Востока. Мы уже не станемъ говорить о такихъ высоко-художественныхъ созданіяхъ, какъ Магабарата, Рамаана, или Шахъ-Намэ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются то картины мѣстностей, городовъ, улицъ, то описанія солнечнаго восхода, вечера, ночи и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ заключаются въ приведенныхъ нами выше довольно объемистыхъ отрывкахъ изъ великихъ азіатскихъ поэмъ. Но даже въ пѣсняхъ восточныхъ народовъ и племенъ, считаемыхъ у насъ совершенно грубыми и неразвитыми, мы очень часто находимъ поэтическія, хотя иногда и сжатые описанія и картины. Въ пѣсняхъ разныхъ южно-сибирскихъ народовъ тюркскаго племени рѣдая пѣсня не содержитъ такихъ фразъ и выраженій, какъ: «Взошла желтая заря, поднялось сверкающее солнце, началось голубое утро, поднялось лучезарное солнце» и т. д. 1). Въ киргизскихъ пѣсняхъ мы тоже читаемъ: «Сдѣлалось темно, наступила ночь, потомъ опять стало свѣтлѣть, началъ заниматься день, и, краснѣя багрянымъ свѣтомъ, поднялось солнце» 2); «краса рѣки — это зелень деревъ; краса человѣка — это одежда и богатый скоть» 3). Въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ очень часто можно встрѣтить такія картинныя мѣста, какъ напримѣръ: «Тутъ богатырь Ала-Картага посказалъ такъ шибко, что всѣ земли качались, какъ

1) *Radloff*, II, 410, 422, 434, 447, 449, 455, 486; 541, 550. Я нарочно привожу всѣ примѣры изъ *одной* части книги, чтобъ нагляднѣе было видно, какъ часто такіе примѣры встрѣчаются здѣсь.

2) Третій, непечатанный еще томъ *Радлоффа* (пѣсни киргизскія): пѣсня о богатырѣ «*Эрг-Тарымт*».

3) Тамъ же, поэма «*Кузу-Курнеш*».



вотъ качается люлька, — качались тоже и всѣ моря, что лежали по дорогѣ»<sup>1)</sup>); или: «качаясь задрожала черная земля, стали ломаться деревья въ лѣсу, пошелъ вой и грохотъ въ воздухѣ, и съ ревомъ поднялись волны морскія и залили степь»<sup>2)</sup>. Можно ли указать хоть что-нибудь подобное въ нашихъ былинахъ? Никакія картинныя и художественныя подробности этого рода не занимаютъ здѣсь ни самаго мѣста.

Исключеніемъ изъ сказаннаго нами является описаніе волненія природы, при рожденіи Добрыни; но это мѣсто есть чистѣйшая передѣлка, какъ-бы переводъ съ восточныхъ оригиналовъ, и никакого самостоятельнаго, національнаго значенія не имѣетъ. Это самое описаніе вошло потомъ и въ разныя другія былины, но еще короче<sup>3)</sup>.

Но едва-ли не самая замѣчательная утрата нашихъ былинъ, въ сравненіи съ восточными ихъ первообразами, состоитъ въ томъ, что изъ былинъ, въ числѣ разныхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, выкинутыхъ вонъ, какъ что-то несущественное, совершенно исчезъ вездѣ и — народъ. Во всѣхъ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ народъ обыкновенно играетъ видную роль; у насъ — ровно никакой, о немъ даже и помину вовсе нѣтъ. Разбирая былины о Добрынѣ, мы приводили отрывки изъ Гариванзы, и тамъ (при описаніи подвиговъ Кришны и его брата Санкаршаны въ царскомъ театрѣ), видно было, какую самостоятельную роль игралъ народъ: онъ аплодируетъ молодымъ двумъ героямъ, онъ на ихъ сторонѣ и принимаетъ живѣйшее участіе въ ихъ подвигахъ, не смотря на то, что это приводитъ въ ярость царя Канзу, желающаго какъ-нибудь погубить Кришну, и т. д. Этотъ мотивъ народа, и притомъ, народа до известной степени самостоятельнаго, свободнаго, совершенно исчезъ изъ нашихъ рассказовъ о Добрынѣ. Точно тоже самое случилось и со всѣми другими мѣстами нашихъ былинъ, гдѣ народъ долженъ былъ-бы являться на сцену: его тутъ нигдѣ нѣтъ, вездѣ остались на лицо только князь, его богатыри, его дворъ и — его враги, иноземные цари и чудовища, съ которыми должны расправляться княжіе богатыри. Нашимъ былинамъ совершенно достаточно, когда въ ихъ рамки вошли послѣдне-помянутыя дѣйствующія лица: вѣдь собственно на нихъ держится завязка и развязка, сырые факты; частныя же подробности дѣйствія, кромѣ симметричныхъ и условно-формальныхъ, вѣдь мало интересуютъ былинку! А между тѣмъ,

<sup>1)</sup> Schiefner, Heldensagen, 152.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, 334.

<sup>3)</sup> Кур., I, 78, 84, 94 и т. д.

не такъ было въ первоначальныхъ восточныхъ первообразахъ: тамъ интересъ *общаго* ничуть не требуетъ уничтоженія *частностей*, онѣ вездѣ существуютъ во всей художественной полнотѣ своей, и, относительно настоящаго вопроса, чтобъ убѣдительно показать, какую важную роль постоянно занималъ здѣсь въ восточныхъ пѣсняхъ народъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ киргизскихъ пѣсенъ. Ханъ Кебукъ-Бай не хочетъ выдавать дочери своей за Саинъ-Батыря; тогда народъ его, опасаясь мщенія со стороны этого послѣдняго, собирается, и проситъ хана своего исполнить требованіе Саинъ-Батыря, грозясь въ противномъ случаѣ перекечевать отъ него къ ногайскому (Саинъ-Батыреву) племени, — и Кебукъ-Бай покоряется своему народу <sup>1)</sup>. Такъ точно, въ другой пѣснѣ, народъ представляетъ своему повелителю, Айна-Хану, чтобъ онъ выдалъ дочь свою за богатыря Ханъ-Шентая, и этотъ, не смотря на все свое нежеланіе, выполняетъ требованіе <sup>2)</sup>. Желая узнать или найти что-нибудь, ханъ во всѣхъ вообще пѣсняхъ собираетъ цѣлый народъ свой, объявляетъ ему свою надобность, и общается то дочь свою въ замужество, то поль-имѣнья, то милость свою тому, кто исполнить то, чего онъ желаетъ <sup>3)</sup>. Народъ присутствуетъ на всѣхъ пирахъ, праздникахъ и похоронахъ, подаетъ совѣты, выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе, и даже иногда приходитъ въ *восторгъ*: такъ напр., при свадьбѣ Саинъ-Батыря весь народъ до того «радовался и волновался, что пылъ поднималась до башенъ, всѣ были въ восхищеніи, глядя на красавца-юношу, всюду такъ и кипѣло молодыми людьми и дѣвушками, и они громко шумѣли въ своихъ разговорахъ.» Нѣтъ и признака чего-нибудь подобнаго въ нашихъ былинахъ. Тутъ нѣтъ не только народа думающаго, соображающаго, занятаго своими дѣлами и выгодами, сколько-нибудь имѣющаго вліяніе на событіе былины, но даже вовсе нѣтъ и народа на степени деборации и нѣмага хора въ фонѣ картины. О народѣ былины рѣшительно вовсе молчатъ.

Однимъ словомъ, какъ въ отношеніи состава, такъ и подробностей, наши былины — довольно тощій и сильно кастрированный эстрактъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, и при томъ точно такой же, какъ и наши сказки.

<sup>1)</sup> Третій томъ Радлоффа, пѣсня о Саинъ-Батырѣ. Въ одной телеутской легендѣ, народъ недоволенъ своимъ ханомъ, Шюню, и этотъ долженъ спастись бѣгствомъ. Radloff, I, 207.

<sup>2)</sup> Тамъ же, пѣсня о Ханъ-Шентаѣ.

<sup>3)</sup> Тамъ же, пѣсня объ Ешигельди, о добромъ и зломъ челоуѣкѣ, о ханской дочери и т. д.

## X.

Мы не разъ говорили, въ настоящемъ изслѣдованіи, объ однородности, однохарактерности и односоставности былинь и сказокъ. Но есть между тѣми и другими также и нѣкоторыя очень существенныя черты разницы. Онѣ относятся до формы, приемовъ и оборотовъ редакціи.

Сказка заключаетъ въ себѣ много такого, что заставляетъ считать формы ея гораздо болѣе поздними, чѣмъ формы былины. Я въ особенности разумѣю здѣсь ту мертвую симметричность, ту механическую правильность, которыя составляютъ одну изъ главныхъ принадлежностей и неотъемлемыхъ чертъ сказки. Сказка всегда наполнена непрерывными повтореніями, такимъ образомъ, что когда вступилъ въ разговоръ тотъ или другой мотивъ, каждый читатель или слушатель, даже и не зная дальше сказки, можетъ почти всегда безошибочно впередъ разсказать, что и какъ дальше будетъ. Первый сынъ сдѣлалъ то-то или то-то въ первый день или первую ночь; услышавъ или прочитавъ это, смѣло можно впередъ говорить, что послѣ этого пойдетъ рѣчь еще о второмъ и третьемъ сынѣ, о второй и третьей ночи или дняхъ. Первые два сына, первые два дня, первыя двѣ ночи, первыя два похождения, не будутъ имѣть успѣха, а непременно будетъ успѣхъ у третьяго сына, третьяго дня, третьей ночи и третьяго похождения. Если богатырю или герою разсказа представляются дороги, то такъ уже напередъ и надо знать, что всѣ первыя навѣрное будутъ приносить герою несчастье, и лишь послѣдняя будетъ счастлива; то же самое относится и до всѣхъ вообще походовъ и подвиговъ: вплоть до самаго послѣдняго, съ каждымъ изъ нихъ всякій разъ непременно выйдетъ что-нибудь да не такъ, но за то послѣдній навѣрное удастся, и окончаніе всякой сказки безъ малѣйшаго сомнѣнія всегда будетъ состоять въ томъ, что герой ея все преодолѣлъ, все побѣдилъ, всего достигъ и наконецъ воспользовался полнымъ и совершеннымъ счастьемъ. Событія сказки не что иное, какъ слѣдующія одна за другою ступени возвышенія героя все къ большому и большому счастью, пока наконецъ онъ достигаетъ верха всякаго довольства и благополучія.

Такой искусственной, условной систематичности, рѣшительно нѣтъ въ древнѣйшихъ восточныхъ поэмахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Взгляните на Магабгарату, Шахъ-Намэ, Богдо-Гессеръ-Хана, Дзанглуна, сборники: Панчатантру, Катха-Сарить-Сагару и Сидди-Кюръ, наконецъ на большинство народныхъ азіятскихъ пѣсенъ, идущихъ изъ древности. Тамъ теченіе событій совершенно непра-

вильно и несимметрично, тамъ никоимъ образомъ нельзя ни предвидѣть, ни напередъ подсказать, что и какъ дальше будетъ. Разсказъ заключаетъ въ себѣ самую естественную неправильность, событія и лица чередуются тамъ съ тою случайностью, которая обыкновенно есть и въ самой жизни. И при томъ, чѣмъ древнѣе поэма, пѣсня, сказка или легенда, тѣмъ этой случайности и неправильности болѣе, тѣмъ невозможнѣе предвидѣть напередъ исходъ событій, и узнать: будетъ ли онъ счастливый или несчастный. Горестныя и трагическія событія перемѣшаны здѣсь совершенно несимметрично съ пріятными и счастливыми, и случаются то въ началѣ, то въ серединѣ, то въ концѣ разсказа. Эта неправильность, несимметричность, случайность въ ходѣ событій можетъ всегда служить вѣрнымъ мѣриломъ древности того или другого разсказа. Киргизскія сказки (еще не изданныя до сихъ поръ <sup>1)</sup>), почти вполнѣ замкнутыя въ мертвыя симметричныя формы и заключающія поминутныя повторенія, по всему кажутся происхожденія, или, точнѣе сказать, склада гораздо болѣе поздняго, чѣмъ сказки Панчатантры, Катха-Сарить-Сагары или Сидди-Кюра. Въ киргизскихъ сказкахъ матеріалъ не новый, не самостоятельный, но тотъ же самый, что и въ сказкахъ индійскихъ, монгольскихъ и калмыцкихъ, но форма другая, совершенно уже застылая въ рамкахъ условности; поэтому-то наши сказки всего удобнѣе и ближе сравнивать съ этими поздними восточными формаціями.

Былины наши, по формѣ своей, стоятъ на серединѣ между древними разсказами Востока и нашими сказками, или болѣе новыми разсказами того же Востока. Въ нихъ уже нѣтъ полной неправильности первыхъ, но нѣтъ еще полной и замерзлой условности послѣднихъ <sup>2)</sup>. Такъ, напримѣръ, большинство событій въ былинахъ о Добрынѣ, Иванѣ Гостинюмъ-сынѣ, о Потокѣ, Дунаѣ, заключаютъ въ себѣ столько несимметричности и неправильности, сколько ея не допускаетъ сказка, но, въ то же время, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ былинахъ мы часто находимъ и много такой условности, которой тщетно было бы искать въ древнихъ восточныхъ ихъ первообразахъ. Такъ, напр., мать предвараеетъ Добрыню: «Не плавай ты, Добрыня, за первую струю, не плавай ты за другую струю», и мы тотчасъ уже, чувствуя условный пріемъ, напередъ знаемъ, что Добрыня именно пойдетъ и за первую, и за вторую струю, и что отъ этого

<sup>1)</sup> Онѣ войдутъ въ составъ III тома изданія Радлоффа: «*Proben der Volksliteratur der türk. Stämme Süd-Sibiriens*».

<sup>2)</sup> Нѣкоторыя пѣсни сибирско-тюркскихъ народовъ (наприм., первая 5 въ I-мъ томѣ Радлоффа) также относятся къ этой категоріи, *переходной*.

ничего худаго съ нимъ не сдѣлается, но что главное событіе не-премѣнно случится на третьей струѣ. Женившись на Маринѣ, Добрыня отсѣкаетъ ей членъ за членомъ, и симметрически приговариваетъ за каждымъ ударомъ все одни и тѣ же слова. Приѣхавъ съ Васильемъ Казимировичемъ и крестовымъ своимъ братомъ въ Орду, Добрыня *три* раза одерживаетъ верхъ надъ царемъ: сначала въ игрѣ въ тавлеи, потомъ въ стрѣльбѣ изъ лука, и наконецъ въ борьбѣ; при этомъ, Добрыня играетъ въ тавлеи три раза, и три же раза стрѣляетъ въ цѣль. Ордынскій царь посылаетъ за лукомъ три раза. Вообще же, во время всѣхъ этихъ симметрическихъ дѣйствій, Василій Казимировичъ, все время передъ каждымъ новымъ дѣломъ, приговариваетъ одни и тѣ же слова: «Я не зналъ твоей утѣхи царскія, а у насъ всѣ игроки (или стрѣлки) дома оставлены, только и надежды, что на Спаса и на Пресвятую Богородицу, въ *третьихъ*—на младаго Добрыню Никитича». Со своей стороны, и Добрыня при этихъ подвигахъ тоже повторяетъ всякій разъ все однѣ и тѣ же фразы. Когда князь Владиміръ предлагаетъ своимъ богатырямъ трудный подвигъ, они всѣ отказываются: но какъ это происходитъ? Одинъ за другимъ выступаютъ: Добрыня, Потокъ, и наконецъ Илья; князь говоритъ каждому слово-въ-слово все одно и тоже, и мы послѣ перваго отвѣта знаемъ, что каждый изъ остальныхъ богатырей будетъ отказываться тѣми же словами, что и предыдущіе <sup>1)</sup>. Ванька Вдовкинъ-сынъ бьется объ закладъ, что онъ спрячется такъ, что его не найдетъ Волшанъ Волшановичъ — и мы уже знаемъ, что прятаньевъ будетъ *три*: первый два неудачныя, третье удачное, и тутъ именно и случится развязка событій. Вольга Всеславичъ два дня не можетъ доѣхать до оратая, и доѣзжаетъ только на третій. Онъ же посылаетъ въ первый разъ 5 человекъ своей дружины выдернуть изъ земли сошку Микулы Селяниновича, во второй разъ — 10 человекъ, въ третій разъ — всю дружину. Тугаринъ Зміевичъ въ первый разъ проглатываетъ ковриги хлѣба, въ второй разъ — цѣлую лебедь, и послѣ всякаго раза Алѣша-Поповичъ обращается къ нему совершенно систематично и правильно точъ-въ-точъ съ одною и тою же рѣчью, и т. д. Но ни въ однѣхъ богатырскихъ былинахъ мы не находимъ столько условной правильности, какъ въ былинахъ объ Ильѣ-Муромцѣ. Въ то время, когда онъ еще сидитъ сиднемъ, пришедшіе къ нему калики заставляютъ его по 3 раза хлѣбать чудаго напитка, и по 3 раза спрашиваютъ о дѣйствіи этого напитка; при первомъ же выѣздѣ своемъ Илья наѣзжаетъ, на распутіи, на 3 дороги, на каждой изъ которыхъ должны слу-

1) Рыбниковъ, I, 99—101.

читься съ нимъ особья происшествія. Сермяга на Ильѣ въ 3 строки прострочена: первая строка въ 100 рублей, другая въ 1,000, третьей и цѣны нѣтъ. Конь Ильи-Муромца скачетъ въ 3 скачка: первый разъ онъ скочилъ 15-ть версть, второй скочилъ — колодець сталь, въ третій скочилъ — подъ Черниговъ градъ. Подъ Черниговомъ Илья побиваетъ, одного за другимъ, трехъ царевичей, у каждаго войска по 40,000. Стрѣля въ Соловья-Разбойника, Илья въ первый разъ не дострѣлилъ, во второй—перестрѣлилъ, въ третій—попалъ (это же самое говорится и про Дуная, стрѣляющаго въ жену). По дорогѣ къ Кіеву, у Ильи 3 подвига: освобожденіе Чернигова, мощеніе мостовъ черезъ рѣку Смородину, побѣда надъ Соловьемъ, и т. д. Такой симметричности и условной правильности рѣшительно нѣтъ въ древнихъ восточныхъ поэмахъ, пѣсняхъ и легендахъ. Она сближаетъ былину со сказкой, и, что всего замѣчательнѣе, чѣмъ новѣе, чѣмъ ближе къ нашему времени (судя по языку и другимъ особенностямъ) редакция той или другой былинны, тѣмъ она болѣе заключаетъ этой условности и симметричности. По всей вѣроятности, въ первоначальной своей формѣ, наши былины болѣе чѣмъ теперь приближались къ восточнымъ оригиналамъ, со всею ихъ безыскусственностью и неправильностью, и, въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда, мы старались указать на тѣ признаки, по которымъ можно предполагать, что было время, когда наши былины имѣли форму, нѣсколько иную, чѣмъ теперь (см. разборъ былинъ о Потокѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Ильѣ-Муромцѣ). Съ теченіемъ времени, эта форма постепенно все болѣе и болѣе измѣнялась, и иногда очень сильно приближалась къ формѣ сказокъ.

Но наврядъ-ли можно то же самое сказать и про сказки. Повидимому, онѣ въ своей формѣ не измѣнялись у насъ, и съ самага же начала были на нашей почвѣ такими, какими ихъ застало наше время, т. е. гораздо болѣе измѣненными—что касается до формы — редакціями первоначальныхъ восточныхъ созданій, чѣмъ былины.

Доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что вообще всѣ сказки западной Европы издревле имѣютъ тотъ же неудовлетворительный, искалѣченный видъ, какъ и наши сказки. Тамъ всѣ главные мотивы испорчены, искажены, или вовсе утрачены, точъ-въ-точъ такимъ же образомъ и на столько же, какъ и наши сказки, сравнительно съ восточными первообразами. Можно перебрать, одну за другою, наприм., всѣ сказки, собранныя Гриммами и ихъ послѣдователями, и показать ихъ болѣе или менѣе близкіе восточные первообразы, и при этомъ сравне-

ни оказывается, что утрата главныхъ мотивовъ, затемнѣніе или искажѣніе множества деталей и уничтоженіе психологическихъ подробностей совершенно тождественны въ западно-европейскихъ и въ нашихъ сказкахъ. Эта одинаковость судьбы сказокъ на Западѣ и у насъ безъ сомнѣнія указываетъ на то, что какъ туда, такъ и въ намъ сказки пришли однимъ путемъ и въ одно время, изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Очень вѣроятно, что значительная часть этихъ сказокъ пришли въ западную Европу съ Востока, перейдя черезъ Россію. Но, какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ несомнѣненъ тотъ фактъ, что западныя сказки имѣютъ ближайшее сходство съ нашими, не только по общему содержанію, светлному составу своему, но и по мелкимъ подробностямъ, частнымъ деталямъ. Между тѣми и другими ни малѣйшей разницы мы не встрѣчаемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, ни въ общемъ колоритѣ, ни въ характерѣ, ни въ частностяхъ разсказа, ни даже въ самыхъ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Значитъ, въ продолженіе всего того времени, чтó онѣ существуютъ на разныхъ концахъ Европы, западномъ и восточномъ, онѣ не подверглись никакимъ сколько-нибудь существеннымъ измѣненіямъ. Всѣ измѣненія, на которыя можно указать, заключаются лишь въ модернизованіи иныхъ подробностей (таковы, наприм., замѣна лука и стрѣлы ружьемъ, коня—каретой, лиры или гуслей—скрипкой, восточныхъ министровъ или совѣтниковъ—маршаломъ, камергеромъ и т. д.), чтó конечно не имѣетъ никакого особеннаго значенія.

## XI.

Разбирая былины, мы видѣли, какъ много въ нихъ заключается сходства съ разными поэтическими созданіями Востока. Но эти послѣднія очень разнообразны, и принадлежатъ, по происхожденію своему, разнымъ временамъ, народамъ и мѣстностямъ. Поэтому естественно, что близость и сходство нашихъ былинъ съ ними, не могутъ быть одинаковы. Въ однихъ случаяхъ этого сходства и этой близости оказывается больше, въ другихъ меньше. Въ какихъ же случаяхъ ихъ больше, въ какихъ меньше?

Былины наши представляютъ наиболѣе сходства съ тѣми восточными разсказами, которые менѣе древни, и притомъ съ такими, которые мы находимъ у народовъ, по географическому положенію своему ближе придвинутыхъ къ Россіи, и скорѣе могшихъ имѣть непосредственное съ нею соприкосновеніе. Такимъ образомъ, русскія былины больше сходятся съ разсказами и подробностями буддійскаго времени и характера, чѣмъ съ такими

же, времени и характера брахманскаго или зороастровскаго; онѣ сходятся съ разсказами и подробностями сибирско-татарскими, киргизскими, монгольскими и калмыцкими болѣе, чѣмъ съ разсказами индѣйскими и персидскими<sup>1)</sup>. Это вполне отчетливо можно замѣтить на тѣхъ былинахъ, которыя мы имѣли возможность сличать за разъ съ цѣлымъ рядомъ разныхъ, разноплеменныхъ и разновременныхъ оригиналовъ. Въ настоящее время, самое значительное число такихъ оригиналовъ было у насъ въ рукахъ для былины о Садеѣ, и что же мы тутъ находимъ? Разсказъ Гариванзы о человекѣ, спускавшемся въ море, моложе разсказа Магабгараты; разсказъ Сомадевы моложе разсказа Гариванзы; разсказы легендъ о Пурнѣ и Самгхѣ - Ракшитѣ моложе разсказовъ Сомадевы — а наша пѣсня всего болѣе имѣетъ сходства именно съ позднѣйшими изъ всей этой цѣпи разсказовъ: съ повѣстью Сомадевы и двумя послѣдними легендами. Степень сходства увеличивается, приближаясь къ позднѣйшимъ пересказамъ, и уменьшается, восходя къ древнѣйшимъ. — Наша былина о Дунаѣ болѣе приближается къ разсказу Сомадевы, менѣе къ разсказу Гариванзы, и еще менѣе къ разсказу Магабгараты. Наша былина объ Иванѣ Гостиномъ-сынѣ болѣе приближается къ пѣснѣ томскихъ шоровъ и менѣе къ разсказу Магабгараты. Наша былина о Ставрѣ-боляринѣ болѣе приближается къ алтайской пѣснѣ и менѣе къ Магабгаратѣ. Первая половина разсказовъ о Потокѣ, которую мы до сихъ поръ могли сличить только съ разсказомъ Магабгараты, менѣе близка къ этому послѣднему, чѣмъ вторая половина близка къ монгольско-тибетской поэмѣ «Гессеръ-Ханъ», — также единственному, покуда, намъ известному, прототипу этой второй половины.

То, что мы высказали здѣсь относительно цѣлыхъ разсказовъ, вполне приложимо и къ отдѣльнымъ подробностямъ ихъ. Разсмотримъ же нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ, характернѣйшихъ между ними: рассмотримъ это окажетъ намъ большую услугу, потому что подтвердить съ особенною убѣдительною высказанное выше общее положеніе, и дать намъ указаніе, гдѣ слѣдуетъ искать ближайшихъ, по всей вѣроятности непосредственныхъ оригиналовъ нашихъ былинь.

<sup>1)</sup> Замѣтимъ здѣсь, разъ навсегда, что привода цитаты изъ «*Дзямлуна*», мы пользуемся переводомъ съ тибетскаго, сдѣланнымъ знаменитымъ Шмидтомъ. Но этимъ самымъ постоянно указываются редакціи монгольскія и калмыцкія этого сборника поэмъ, такъ какъ, по словамъ Шмидта (предисловіе, XVII) и тѣхъ и другихъ, совершенно тождественныхъ, очень много.



Жилища русскихъ князей и богатырей, описываемыя въ нашихъ былинахъ, очень мало похожи на жилища царей и богатырей въ персидскихъ и индѣйскихъ поэмахъ. Тамъ на каждомъ шагу разсказывается объ огромныхъ дворцахъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей, со множествомъ колоннъ или столбовъ внутри, изъ нихъ одни золотые или серебряные, другіе изумрудные и лапись-лазулевыя, съ лѣстницами, портиками, аркадами, куполами, золотыми рѣшетчатыми окнами и сѣтками изъ драгоценныхъ камней въ этихъ окнахъ, съ балконами изъ хрустала съ золотомъ, съ полами изъ драгоценныхъ камней (мозаика), террасами, гаремами, барельефами, фресками, коврами, флагами на бровляхъ, иногда занавѣсами вмѣсто стѣнъ, бассейнами и т. д. <sup>1)</sup>. Въ нашихъ былинахъ нѣтъ признаковъ подобной индѣйско-персидской архитектуры, и всѣ подробности иныя.

Описаніе архитектуры и жилищъ въ русскихъ былинахъ состоитъ обыкновенно въ слѣдующемъ. Дворъ—на семи верстахъ; около двора—желѣзный тынъ, на всякой тынинѣ—по маковѣ, по жемчужинѣ. Первые ворота, вальщатыя—другія ворота—хрустальные, третьи ворота—оловянныя. Подворотенки—серебряныя (или рыбій зубъ). При входѣ блестя позолоченная (кольцо, которымъ бьютъ въ металлическую доску на воротахъ, чтобъ дать знать о своемъ приходѣ). Терема—высокія, златоверхія, или съ золотыми маковками; палата—бѣлокаменная; крыльцо бѣлодубовое; сѣни—рѣшетчатая или стекольчатая. Грідни—бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ, потолокъ черныхъ лисицъ; матица—вальженная, полъ середя одного серебра, а иногда кирпичный. Крюки да пробой у дверей по булату злачены. Окошки—косячатыя, оконницы—хрустальныя или стекольчатыя, причалины серебряныя, обиты окошечки лисицами, куницами и дорогими соболями заморскими. Столбы въ палатѣ—деревянные, точеные, повыше рувъ золоченые. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце, въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды, на небѣ заря, и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная <sup>2)</sup>.

Эти подробности сильно напоминаютъ архитектурныя описанія монголо-калмыцкихъ и турецкихъ поэмъ и пѣсенъ. Тутъ

<sup>1)</sup> *Fauche*, Mahabharata, I, 84, 463—464, 565; II, 143, 321—323, 449, 493—494, 504, 526—527.—*Gorresio*, Ramayana, въ описаніи города Айюди, I, 31—36, и города Ланки, III, 270—271, 274—275.—*Harivansa*, I, 239, 399, 526.—*Mohl*, Shah-Nameh, I, 97, 119, 131, 145, 237, 247, 455, 303, 341; II, 41, 217, 351, III, 297; IV, 81, 219, 221, 365.

<sup>2)</sup> Древн. рос. стихотв., 6, 13, 14, 64, 151, 159, 229, 355.—*Рыбниковъ*, I, 15, 16, 50, 61, 91, 152, 173, 187, 191, 236, 242, 252, 254, 259, 263, 266, 363, 372, 460; III, 121—122.—*Куртескій*, II, 41, 42, 44.

необыкновенно часто упоминаются, во-первыхъ, вообще дворцы съ золотыми кровлями, и нѣсколькими, всего чаще 5-ю, золотыми главами; съ серебряными стѣнами, внутри усѣянными драгоценными камнями. Одни зданія описаны какъ каменные, и съ каменными столбами, другія изъ сандальнаго дерева, съ деревянными позолоченными столбами <sup>1)</sup>. Въ пѣсняхъ алтайскихъ татаръ зданія окружены семернымъ желѣзнымъ заборомъ <sup>2)</sup>; въ пѣсняхъ сибирскихъ киргизовъ говорится о золотыхъ окнахъ, на которые иногда садятся прилетающіе къ красавицѣ, оборотившіеся птичкой (какъ у насъ Добрыня и Волхъ Всеславьевичъ), ея знакомые <sup>3)</sup>. Вообще у всѣхъ сибирскихъ народовъ, домъ безчисленное множество разъ называется въ поэмахъ и пѣсняхъ — *бѣлымъ*; но кромѣ дома, они кажутся и всякое строеніе любили называть бѣлымъ, такъ что, наприм., въ пѣсняхъ киргизовъ *бѣлыми* обыкновенно называются и ихъ крѣпости, а у прочихъ сибирскихъ племенъ — ихъ замки. Въ poemѣ «*Богдо-Гессеръ-Ханъ*» находимъ слѣдующее описаніе дворца или палаты, построенной 500-ю купцами для Гессеръ-Хана: «Сначала они покрыли озеро каменнымъ помостомъ, потомъ поставили толстые столбы. Они сдѣлали стропила изъ желѣза, рамы изъ свинца, и вставили въ каждое по хрусталу, чтобъ пропускать свѣтъ. Кровлю обложили серебромъ, и сверху золотомъ, а кровельныя балки были сдѣланы изъ драгоценныхъ камней, пылавшихъ какъ огонь. Въ четырехъ углахъ палаты, внутри, вставлены были драгоценныя камни, пылавшіе какъ огонь. Если вынуть одинъ камень изъ каменнаго помоста, сейчасъ полетѣтъ святая вода въ палату. Такимъ образомъ въ этой палатѣ нельзя было нуждаться ни въ освѣщеніи, ни въ благоуханіи, ни въ святой водѣ». Потомъ Гессеръ-Ханъ самъ окружилъ все это зданіе крѣпкимъ тыномъ (изъ колючаго дерева); проходу онъ оставилъ 30 сажень ширины, и тутъ протянулъ желѣзную цѣпь, увѣривъ ея концы на столбахъ, врытыхъ въ землю <sup>4)</sup>. Въ «*Джангунъ*», при описаніи дворцовъ или теремовъ, рассказывается, что у нихъ бывало по трое воротъ: первыя серебряныя, вторыя лаписъ-лазулевыя, третьи золотыя; запирались они тройными желѣзными засовами или пробоями, а чтобъ дать знать о своемъ приходѣ, надо было ударить въ ворота алмазной колотушкой. Вокругъ дворца или замка было 7

1) *Bergmann*, Streiferzeiten, IV, 46, 93, 117, 128, 144. — *Dsangun*, 30.

2) *Radloff*, I, 68.

3) *Radloff*, III-й томъ (еще неапечатанный), пѣсни: о *Джемкильдѣнъ-богатырн* и о *Эрг-Таргынъ богатырн*.

4) *Schmidt*, Bogdo-Gesser-Chan, 45 — 47.

рвовъ со змѣями. Такихъ теремовъ встрѣчается иногда 3: первый серебряный, второй лапись-лазулевый, третій золотой. Полъ у нихъ былъ или изъ голубаго лапись-лазули, такъ что походилъ на воду, или изъ разныхъ драгоценныхъ камней (мозаика), весь потолокъ былъ покрытъ фигурами всякихъ дикихъ звѣрей, морскихъ чудовищъ, рыбъ, которыя отъ движенія воздуха колебались и отражались на полу. Ночью, когда была даже заперта дверь, внутри палаты было свѣтло какъ днемъ: ее освѣщала волшебный камень Чинтамани <sup>1)</sup>.

Въ этихъ описаніяхъ мы находимъ всѣ главныя черты палатъ и теремовъ, описанныхъ въ нашихъ былинахъ. Зданіе окружено 7-ю преградами (у насъ 7 верстъ пространства и тынь, у монголовъ и калмыковъ 7 рововъ и тынь, у алтайскихъ народовъ 7 заборовъ). Ворота трехъ родовъ: у монголовъ и калмыковъ серебряныя, лапись-лазулевыя и золотыя, у насъ: металлическія рѣзныя (вальчатая), вторыя хрустальныя, третьи оловячныя. (Замѣтимъ при этомъ, что на древней Руси не былъ видимому вовсе извѣстенъ, или по крайней мѣрѣ мало былъ распространенъ, камень *лапись-лазули*, столь часто встрѣчающійся въ индѣйскихъ, персидскихъ, тибетскихъ, монгольскихъ, калмыцкихъ поэмахъ, и всякій разъ, когда онъ тутъ встрѣчается, онъ съ величайшею систематичностью постоянно замѣненъ въ нашихъ разсказахъ—либо *хрусталецъ*, либо *серебромъ*. Гдѣ у насъ, въ числѣ строительныхъ матеріаловъ, упомянуты хрусталь или серебро, тамъ всякій разъ почти навѣрное можно впередъ предполагать, что въ восточныхъ оригиналахъ найдешь—лапись-лазули). Сама палата—*бллая* и *каменная*, съ золотою кровлею и нѣсколькими златоверхими теремами или куполами. Окна ствольчатая, съ золотыми рамами. Матица (стропило) желѣзная и вообще металлическая (что у насъ выражено словами: матица вальженная). Засовы или пробой дверей и воротъ—желѣзные. У насъ, при входѣ, блестя золоченая <sup>2)</sup>, у монголовъ и калмыковъ—алмазный молотокъ или колотушка <sup>3)</sup>.

Но особенно намъ важно рассмотреть описанія пола, потолка и оконъ и волшебнаго освѣщенія въ палатахъ дворца. Про нашъ полъ говорится, что онъ серебряный, про монгольскіе и калмыцкіе, что они лапись-лазулевыя: и тѣ и другіе должны изображать настоящую воду. Этотъ мотивъ пола, будто бы состоящаго изъ воды, очень древень на Востоцѣ. Уже въ Ма-

<sup>1)</sup> Schmidt, Daanglun, 241—244; 271; 353—355, 374—375.

<sup>2)</sup> Рыбниковъ, I, 268.

<sup>3)</sup> Daanglun, 271.

габгаратъ мы читаемъ, что царь Судюдхана, рассматривая дворець братьевъ Пандуидовъ, полный разнообразныхъ чудесъ и неожиданностей, пришелъ въ одну залу, гдѣ полъ былъ хрустальный. Не подозрѣвая этого, онъ сказалъ про себя: да это вода! приподнялъ полы платья, и обошелъ такимъ образомъ всю залу кругомъ, но упалъ по нечаянности, и тутъ только узналъ свою ошибку, а между тѣмъ хозяева хохотали надъ нимъ <sup>1)</sup>. Въ «*Дзанглунъ*» это событіе повторено съ самыми незначительными измѣненіями. Царь Сальдчалъ, рассматривая жилище одного богатаго челоуѣва, именемъ Дамшидцира, приходитъ въ одну залу, которой полъ былъ сдѣланъ изъ лаписъ-лазули, такого свѣтлаго и чистаго, что царь принялъ его за настоящую воду, и сталъ распрашивать хозяина, зачѣмъ тутъ вода. Когда тотъ сказалъ, что это не вода, а лаписъ-лазули, царь не повѣрилъ, снялъ съ руки браслетъ и бросилъ его на полъ, и тутъ только убѣдился въ дѣйствительности <sup>2)</sup>. Этотъ-то самый мотивъ древне-азиатскихъ дворцовъ перешелъ изъ позднихъ его редакцій, монгольскихъ или калмыцкихъ, и къ намъ, и такимъ-то образомъ мы получаемъ объясненіе одного выраженія нашихъ былинъ: «полъ-середа одного серебра». Взятое само по себѣ, отдѣльно, это выраженіе темно и непонятно; но оно становится вполне ясно при сравненіи съ восточными оригиналами: *середина*, сдѣланная изъ серебра, изображала собою воду, а *кругомъ* этого подобія настоящей воды, шла полоса пола, уже не похожая на воду (значить, сдѣланная не изъ серебра) и тутъ люди могли ходить, не принимая того мѣста за воду, — какъ это и случилось съ царемъ Судюдханой.

*Другая* любопытная подробность — это потолокъ и окна. Въ русскихъ былинахъ мы встрѣчаемся со страннымъ, на первый взглядъ, извѣстіемъ, что «гридни покрыты сѣдымъ бобромъ, потолокъ черныхъ соболей, а окна обиты лисицами, куницами и соболями заморскими» <sup>3)</sup>. Какъ это понимать? Должны-ли мы вообразить себѣ, что потолокъ и окна дѣйствительно были выложены мѣхами? Наврядъ-ли. Это была бы подробность довольно странная и необъяснимая. Но вполне удовлетворительное объясненіе этимъ загадочнымъ выраженіямъ мы получаемъ въ «*Дзанглунъ*»: тутъ рассказывается (какъ мы выше уже сказали), что потолокъ въ домѣ у одного богача былъ покрытъ фигурами «всякихъ дикихъ звѣрей, морскихъ чудовищъ, рыбъ». Дикіе звѣри азиатскихъ раз-

<sup>1)</sup> *Fausche*, Mahabharata, I, 493.

<sup>2)</sup> *Dzanglun*, 354.

<sup>3)</sup> Древн. росс. стихотвор., 159. — *Рыбниковъ*, I, 460; III, 123.

сказовъ превратились у насъ въ «бобровъ и соболей», и являются онѣ тутъ, какъ всѣ переложенныя былинами подробности восточныхъ оригиналовъ, въ урѣзанномъ и сокращенномъ видѣ. Въ восточныхъ оригиналахъ было еще сказано, что всѣ эти звѣри и животныя «отъ движенія воздуха колебались и отражались на полу», значитъ мы должны тутъ видѣть подь обычными восточными гиперболами, рѣзные барельефы, столько любимыя древнимъ Востокомъ, и всегда усѣивающіе всѣ его постройки. Наши же былины забыли архитектурное значеніе этихъ рельефовъ, и принимаютъ ихъ уже прямо за дѣйствительно тѣ самыя предметы, которыхъ тутъ первоначально описывалось только подобіе. Это ничто иное, какъ общій, всегдашній приемъ былинь: такъ наприм., чудовища, звѣри и птицы, вырѣзанные на пуговицахъ богатырской одежды, превращаются иногда, въ былинахъ, въ живыхъ, дикіе звѣри начинаютъ тутъ ревѣть, птицы пѣть, змѣище - Горынице принимается плыть между пуговицами <sup>1)</sup>. Эта привычка былины превращать изображенія извѣстныхъ предметовъ, рѣзныхъ изъ дерева, металла, или иного матеріала, въ дѣйствительные, особенно ярко выразилась, между прочимъ, въ описаніи знаменитаго корабля Соловья Будимировича. Этотъ корабль имѣетъ характеръ *купеческій*, мирный, какъ и прочіе корабли, упоминаемые русскими былинами (Соколь, корабль Ильи-Муромца, есть только повтореніе Сокола, корабля Соловья Будимировича), и этимъ самымъ приходится сродни кораблямъ восточныхъ разсказовъ, преимущественно индѣйскихъ и происшедшихъ отъ нихъ монгольскихъ, — въ противоположность военнымъ кораблямъ, описываемымъ поэмами другихъ народовъ. Про Соколь-корабль нашъ разсказывается, что у него «вмѣсто очей было вставлено по дорогову камню, по яхонту; вмѣсто бровей было прибито по черному соболу якутскому; вмѣсто уса было воткнуто два острые ножика булатные, вмѣсто ушей два остра бошья мурземецкіе и два горностая повѣшены; вмѣсто гривы было прибито двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повѣшено два медвѣдя бѣлые заморскіе; носъ-форма по-туриному, бока взведены по-звѣриному» <sup>2)</sup>. Къ этому прибавляется, «что въ терему (или на чердакѣ), стоявшемъ на этомъ кораблѣ, потолокъ былъ обитъ чернымъ бархатомъ, стѣны покрыты чернымъ соболемъ; издавѣшанъ зеленъ чердакъ кунницами и лисицами печерскими и сибирскими, ушистыми, пушистыми» <sup>3)</sup>. Эти описанія

<sup>1)</sup> Рыбниковъ, I, 303—304. — Куртвекъ, I, 23.

<sup>2)</sup> Древн. рос. стихотв., 2.

<sup>3)</sup> Рыбниковъ, I, 318 — 319.

сильно напоминаютъ восточныя формы, азіятскій вкусъ, азіятскія описанія. Такъ, въ одномъ мѣстѣ *Гаривансы* есть разсказъ о морскомъ праздникѣ, данномъ Кришною всѣмъ его женамъ и двору, и при этомъ сказано: «Всѣ они носились по волнамъ на лодкахъ, сдѣланныхъ изъ легкаго дерева и изображавшихъ, одни—цаплей, павлиновъ и слоновъ, другія—рыбъ и морскія чудовища, наконецъ — всякаго рода фигуры. Подъ вечеръ всѣ сѣли на корабли, великолѣпно изукрашенные. На этихъ корабляхъ были представлены, искусствомъ Висвакармана (индѣйскаго Вулкана, бога техническихъ искусствъ), четверугольныя площадки, округленные портики, террасы. Удивленный глазъ принялъ бы ихъ за Келазу, Мандару или Меру (жилища боговъ), потому что—тутъ во множествѣ находились деревья, дикіе звѣри, птицы, тамъ видны были аркады, украшенныя камнемъ лапидъ-лазули, длинныя нити драгоцѣнныхъ камней изъ сафира, кристалла, изумруда и золота. На иныхъ красовались также цапли, попугаи, слоны»<sup>1)</sup>. Здѣсь мы видимъ, во-первыхъ, что восточнымъ судамъ придавались формы разныхъ животныхъ, птицъ, рыбъ и чудовищъ. Это объясняетъ намъ названіе «Соколы-корабли» и выраженія: «носъ-корма по туриному, бока взведены по звѣриному». Во-вторыхъ, мы видимъ, что на этихъ судахъ воздвигались зданія или бесѣдки, и ихъ тутъ бывало иногда по нѣскольку: въ пѣснѣ о Соловѣ Будимировичѣ говорится, что на Соколъ-кораблѣ стоялъ «зеленъ чердакъ мурамленный (или: бесѣдка рыбій зубъ)», а въ концѣ той же былины разсказывается, что Соловей поставилъ на корабль всѣ три свои терема златоверхіе, а эти терема были съ нарядными сѣнями и такъ велики, что въ одномъ изъ нихъ умѣстилась вся дружина Соловьева, считавшая казну его<sup>2)</sup>. Далѣе: индѣйскія суда богато разукрашены искусствомъ бога ремеслъ; тутъ представлены всякіе архитектурные орнаменты, деревья, птицы, звѣри, нити или гирлянды изъ драгоцѣнныхъ камней. Тоже самое мы находимъ и на Соколъ-кораблѣ: онъ украшенъ изображеніями звѣрей, драгоцѣнныхъ камней и орнаментовъ (ножи, копыя)<sup>3)</sup>. Только все это превратилось уже у насъ изъ изображеній, барельефовъ, въ подлинныя предметы. Мы при-

<sup>1)</sup> *Harivansa*, II, 95 — 97.

<sup>2)</sup> *Рыбниковъ*, I, 332, 323.

<sup>3)</sup> Копья и ножи, которые у нашего звѣря-корабля замѣняли уши и усы, напоминаютъ намъ копыя и мечи у иныхъ волшебныхъ азіятскихъ коней. Въ одной алтайской легендѣ, въ стихахъ, говорится о волшебныхъ коняхъ, на переднія ноги которыхъ насажены мечи, а на хвосты—копыя (*Radloff*, *Proben*, I, 186), а въ одной пѣснѣ минусинскихъ татаръ, изъ переднихъ ногъ коня также вырастаютъ однажды мечи (*Schiefner*, *Heldensagen*, 71.)

нуждены сравнивать корабли нашихъ былинъ, пока только съ кораблями брахманской эпохи, но безъ сомнѣнія, если когда нибудь найдутся подобныя же описанія буддійской эпохи, то они еще больше будутъ имѣть сходства съ описаніями русскихъ былинъ, чѣмъ брахманскія. Итакъ, азіятскіе эпические приемы состоятъ въ томъ, чтобъ дворцы, палаты, корабли, были украшены изображеніями звѣрей, животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., которыя такъ живо сдѣланы, что какъ будто отъ всякаго движенія воздуха приходятъ въ движеніе. Эти описанія, перейдя къ намъ черезъ множество посредствующихъ ступеней, превратились у насъ уже въ описанія подлинныхъ, дѣйствительныхъ животныхъ и предметовъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что приведенныя нами выраженія о присутствіи разныхъ животныхъ и звѣрей на потолкѣ и окнахъ терема, на разныхъ мѣстахъ корабля, всего скорѣе должно принимать за выраженія эпическія, подъ которыми нельзя искать предметовъ дѣйствительныхъ, подтверждается тѣмъ еще, что точъ-въ-точъ подобныя же выраженія употреблены тамъ, гдѣ еще меньше, чѣмъ на потолкѣ и на стѣнахъ корабля можно ожидать дивныхъ звѣрей, животныхъ и птицъ. При описаніи царевны Авдотьи Черниговны говорится: «на головѣ у Авдотьи—бѣлы лебеди, на лѣвомъ плечѣ у ней—черны соболи, на правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы, на простѣяхъ у Авдотьи сизы голуби, на подножкахъ у Авдотьи—черны вороны»<sup>1)</sup>.

Навонецъ, третья примѣчательная подробность въ описаніяхъ былинами теремовъ и палатъ, это — освѣщеніе ихъ. «На небѣ солнце, въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды, на небѣ заря и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная». Кажется, трудно предполагать, чтобъ тутъ надо было разумѣть присутствіе солнца, луны и звѣздъ въ терему: выраженіе «на небѣ заря и въ теремѣ заря» довольно ясно указываетъ на то, что тутъ рѣчь идетъ уже не о небесныхъ свѣтилахъ — заря не тѣло небесное — а просто объ утреннемъ, дневномъ, вечернемъ и ночномъ освѣщеніи терема чѣмъ-то такимъ, что тамъ внутри было. Описанія индѣйскихъ поэмъ брахманскаго времени даютъ намъ уже нѣкоторое указаніе на то, что мы тутъ должны разумѣть; такъ наприм., въ Рамаянѣ, при описаніи города Ланки, читаемъ, что въ царскомъ дворцѣ стояли «изумрудныя и лапистъ-лазулевыя колонны, сіяющія какъ 100 солнцевъ и 100 лунъ»<sup>2)</sup>, а Гариванза рассказы-

<sup>1)</sup> Куртескій, III, 14.

<sup>2)</sup> Gorresio, Ramayana, III, 274.

васть, что въ жилищѣ боговъ драгоцѣнные камни, золотого цвѣта, распространяли тамъ свѣтъ, подобный солнечному свѣту <sup>1)</sup>. Но въ буддѣйскихъ поэмахъ и пѣсняхъ мы находимъ еще болѣе близости къ нашимъ былинамъ, и полное разъясненіе ихъ темныхъ выраженій. Такъ, наприм. въ «*Гессеръ-Ханъ*» говорится, что кровельныя балки палаты этого героя состояли изъ драгоцѣнныхъ камней, пылавшихъ какъ огонь; въ четырехъ углахъ палаты, вставлены были драгоцѣнные камни, также свѣтившіеся пламенемъ. Въ «*Дзанлунъ*» рассказывается, что въ палатѣ, даже ночью, при закрытыхъ дверяхъ, было свѣтло какъ днемъ: ее освѣщала волшебный камень Чинтамани. Все это объясняетъ непонятныя слова нашихъ былинъ: мы должны понимать, что въ нихъ сохранилось, въ сжатомъ видѣ, позднее эхо восточныхъ описаній; мы должны понимать, что въ теремахъ нашихъ былинъ было свѣтло днемъ какъ отъ солнца, ночью какъ отъ мѣсяца и звѣздъ, утромъ и вечеромъ какъ отъ зари; но при этомъ (какъ во многихъ другихъ случаяхъ, въ русскихъ былинахъ) выпущенъ совершенно вонъ главный, основной мотивъ, причина дѣйствія. Эта причина дѣйствія здѣсь — волшебные драгоцѣнные камни, размѣщенные на потолкѣ и по угламъ палаты.

Описаніе пира княжескаго очень часто встрѣчается въ былинахъ. Обыкновенно пѣсня начинается такимъ образомъ: «у ласкова князя Владиміра шель почестенъ пиръ, на князей, на бояръ, на русскихъ могучихъ богатырей, на всю паленицу удалую и на гостей богатыхъ; всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, всѣ на пиру порасхвасталися, промежду собой похваляются: Алешенька-Поповичъ, что боротся гораздъ, а Добрыня Нивитичъ, что гораздѣ его, а Дунай сынъ Ивановичъ, что изъ лува стрѣлять; иной хвастается силою, ухватой богатырскою, иной саблюю острою, иной конемъ, еще иной золотомъ и серебромъ, скатнымъ жемчугомъ.» И послѣ этого вступленія, былина принимается за изложеніе событія, составляющаго сюжетъ разсказа: или самъ князь выступаетъ впередъ и отправляетъ котораго-нибудь богатыря на подвигъ: жену себѣ добывать, дани выручать, настрѣлять птицъ къ княжескому столу и т. д.; или кто-нибудь изъ присутствующихъ богатырей самъ вызывается на подвигъ; или же, наконецъ, къ князю приходитъ посольство отъ вражескаго царя. И нить событія завязывается.

<sup>1)</sup> Harivansa, I, 526.



На этомъ пиру богатыри, поляницы князя и бояре сидятъ не какъ попало: у нихъ соблюдается свое мѣстничество, свой этикетъ. Изъ нихъ самые важные сидятъ выше, ближе къ князю, менѣе важные — ниже, или далѣе отъ него.

Описанія подобныхъ пиршествъ царя съ его витязями или богатырями встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагѣ въ восточныхъ поэмахъ (особенно индѣйскихъ и персидскихъ). Въ Шахъ-Намэ очень часто разсказывается о пирахъ подобнаго рода, продолжающихся дней по семи и болѣе; тутъ всѣ, и царь и богатыри его (въ особенности Рустемъ) напиваются страшнымъ образомъ, долго остаются совершенно пьяными, а «шумъ чашъ и крики собесѣдниковъ наполняютъ весь городъ, и дворецъ точно объять безуміемъ». Такими пирами начинаются и кончаются всѣ богатырскіе подвиги, всего чаще Рустемовы. При этомъ, описывая персидскіе пиры, Шахъ-Намэ часто упоминаетъ, что «царь далъ почетныя мѣста, *по ихъ достоинству*, всѣмъ вошедшимъ въ палату пранцамъ», или же еще говорить, что царь сажаетъ почетнѣйшихъ собесѣдниковъ своихъ подлѣ себя, по обѣ стороны <sup>1)</sup>.

Но самое близкое сходство съ нашими пирами и со всѣми ихъ подробностями, мы находимъ въ поэмахъ и разсказахъ монгольскихъ, калмыцкихъ и тюрвскихъ. Такъ въ «*Джангаріадѣ*» мы находимъ слѣдующее описаніе княжескаго пира съ богатырями: «Могущественный Богдо-Джангаръ Юзенговичъ царствуетъ на высокомъ Шарра-Алтаѣ (гора). Неограниченно властвуя надъ семью колѣнами народными, онъ беретъ дань съ покоренныхъ хановъ и собираетъ къ себѣ въ палаты богатырей со всѣхъ десяти странъ свѣта. Тамъ, посреди палаты, возвышается серебряное сѣдалище о 82 углахъ, съ привѣшенными къ нему 900 звѣнцами вругами; сѣдалище это покрыто 500 шелковыми покрывалами и подушками. Къ золотой подушкѣ, сѣланной изъ 44 разныхъ матерій, и украшенной 3,000 складокъ, прислоняетъ свое золотое плечо богатырь Богдо-Джангаръ, и думаетъ о многочисленныхъ народахъ. Направо отъ владыки сидитъ князь Алтанъ-Цедши, занимающій всегда первое мѣсто между богатырями царства. Онъ побилъ 12 князей и добылъ себѣ отъ нихъ своего бѣлаго коня, не отступающаго ни передъ какимъ, хотя бы самымъ многочисленнымъ, врагомъ. Внуку Малигадъ-Сумбыхана, и сынъ Ассаръ-Сулы-хана, могущественный Алтанъ-Цедши сидитъ тамъ первый между князьями, какъ довѣренный человекъ»

<sup>1)</sup> Mohl, Shah-Nameh, I, 335, 347, 363, 463, 471; II, 57, 113, 125, 565; III, 217, 289, 313, 407 и т. д.

Джангаровъ. Ниже его сидитъ Санабъ Булгировичъ, тотъ, что 36 мѣсяцевъ въ ряду, и въ каждомъ мѣсяцѣ по 3 раза, сражался со своимъ дядей Алимудомъ, отнялъ у него саврасаго коня и потомъ пріѣхалъ къ Богдо-Джангару. Не хуже Джангара владѣетъ онъ копьемъ, не хуже Савара — боевымъ топоромъ, богатырскимъ духомъ онъ равенъ Хонгору, и столько же какъ этотъ гораздъ стрѣлять изъ лука. Совершенный во всѣхъ девяти искусствахъ, сидитъ молодецъ Санабъ между довѣренными Джангаровыми. Кто тамъ ниже сидитъ, мы тотчасъ услышимъ. По ту сторону байкальскаго озера наслѣдовалъ этотъ могучій богатырь 5,000 шалашей (юртъ) отъ отца и матери: Джангаръ отнялъ ихъ у него. Онъ самъ, пѣшій, повелъ своего темногнѣдаго коня, на поводкѣ, за Бѣлую гору, и тамъ, въ скалѣ, цѣлыхъ 72 мѣсяца, самъ едва живой, отбивался боевымъ топоромъ отъ могучихъ Джангара и Хонгора, отъ многостранственнаго Санаба, мудраго Алтанъ-Цедши, и отъ 6-ти такихъ же богатырей, да еще отъ 7,000 богатырей каждаго изъ нихъ. Тогда Богдо-Джангаръ и 16-лѣтній богатырь Саваръ Сангбаловичъ поклялись жить въ мирѣ, какъ старшій и младшій братья. Пять царствъ проѣхалъ странный Саваръ на своемъ темногнѣдомъ конѣ, и сидитъ теперь между приближенными Джангаровыми. Гордо вступаетъ онъ въ собраніе князей, самъ беретъ почетную чашу, и потомъ садится на мѣсто, дико сверкая огненными глазами. Какъ между богатырями *правой* стороны превосходить всѣхъ своимъ видомъ Алтанъ-Цедши: такъ между остальными богатырями возвышается старшій Гюмба Хашинговичъ, съ бѣлымъ 12-складочнымъ пузомъ. У его сабли 33 лезвья и 3 спинки. По *лѣвую* руку отъ Джангара сидитъ Гюмба, знаменитый старикъ. Между богатырями сидитъ еще Энгюнь Кійбанговичъ. Безъ одинаго промаха попадаютъ богатыревы 80 стрѣлъ, и вонзаясь въ скалу, оставляютъ снаружи только свои перья. Шерсть его коня мягкая и мышинаго цвѣта; конь не отступаетъ ни передъ какимъ многочисленнымъ непріателемъ. Могучій Энгюнь сидитъ между приближенными Джангаровыми. Между богатырями сидитъ могучій Джильбангъ. Проскальзывая какъ шакаль, онъ, верхомъ на своемъ пѣгомъ конѣ, въ одно мгновенье 12 разъ обскакиваетъ 12 отрядовъ войска. Между 12-ю богатырями сидитъ еще меченосецъ Очиръ Геррель. Между 12-ю же богатырями сидитъ *направо*, облокотясь на уголь сѣдалища, внучъ Ширѣевъ, князь Хонгоръ-Красный; онъ набиваетъ табакомъ трубку своего владыки. Навьюченный верблюдъ можетъ спрятаться между красными мускулами на спинѣ у этого богатыря. Десяти дѣвухъ мало, чтобы вплести волосы въ черную косу богатыреву. Черезъ 70 вражескихъ плечъ мечетъ онъ копьѣ, не шелохнув-

шись, не притронувшись до гривы своего сѣраго коня. Когда вражеская стрѣла вонзается по самымъ перья въ грудь богатыреву, онъ хоть бы вздохнулъ. Когда внучь Ширеевъ, князь Хонгорь-Красный вступаетъ въ собраніе князей, онъ самъ беретъ почетную чашу, диво сверкая огненными глазами, и садится на ихъ мѣсто. На издвигеніи своего владыки каждый изъ 12 богатырей выводитъ въ бой 7,000 воиновъ, и изъ этихъ 7,000, 72 назначены въ безсмѣнные тѣлохранители. По срединѣ княжеской палаты сидятъ, вмѣстѣ съ богатырями, знатнѣйшіе воины тремя кругами воокругъ владыки Богдо-Джангара. Сидятъ они, и ведутъ попойку среди шумныхъ рѣчей. Самые крѣпкіе опораживаютъ по 70 полныхъ чашъ водки, а самые слабые — по 60. Распаленные водкой богатыри припоминаютъ свои бои, гдѣ сражались съ богатырями. «Кто совершилъ славные подвиги, ты или я?» говорятъ они другъ другу, съ великимъ шумомъ. Тутъ, дико поводя глазами, князь Хонгорь-Красный произнесъ такіа слова: «Вонъ тотъ богатырь, что сидитъ здѣсь, наполнялъ онъ когда нибудь прежде ужасомъ толпы непріятельскія? Вотъ я васъ спрашиваю, Богдо-Джангаръ, и вы всѣ, славные богатыри. Отвѣчайте мнѣ вы всѣ, что сидите и шумите, правду я связала или нѣтъ?» Тогда проговорилъ богатырь Богдо-Джангаръ: «На верху Шарра-Алтая растетъ трава и не вянетъ, — отчего это? Испивши изъ широкаго Шарту-Далай моря, люди живутъ потомъ 8,000 лѣтъ, — отчего это? Богдо-Джангаръ или второй нибудь изъ славныхъ богатырей возвращаются изъ боя безъ единой раны, — отчего это? Говори, Хонгоръ, ты, что сидишь и шумишь тутъ». Тогда, обращаясь къ Хонгору-Красному, заговорилъ князь Алтанъ-Цедши, богатырь, сидящій *направо* отъ Джангара: «Ты каждую вещь считаешь своимъ дѣломъ, безумный! А что наверху Шарра-Алтая трава растетъ и не вянетъ: то это происходитъ отъ благороднаго лазореваго камня, что народился на верху горы. А что испивши изъ широкаго Шарту-Далай моря люди живутъ по 8,000 лѣтъ, то это происходитъ отъ талисмана, что народился въ кипящей пучинѣ морской. Но ты, безумецъ, все считаешь своимъ собственнымъ дѣломъ. А что тотъ или другой славный богатырь нашего владыки ворочается изъ боя безъ единой раны: то это происходитъ отъ мѣднаго коня Аранджулы». Такъ говорилъ богатырь Алтанъ-Цедши и всѣ богатыри сидѣли, вмѣстѣ съ Джангаромъ, и вели шумныя рѣчи». Вслѣдъ за этой общей картиной ханскаго пира, начинаются событія Джангаріады <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> *Bergmann*, IV, 183 — 190.

Въ этомъ описаніи мы находимъ всѣ главныя черты пировъ князя Владиміра, по нашимъ былинамъ. Въ «*Джанариадъ*» самыя почетныя мѣста—въ одномъ ряду съ княземъ, на почетнѣйшія—*направо*, нѣсколько менѣе почетныя—*налѣво*: тутъ сидятъ все самыя главные богатыри, самыя приближенные къ князю люди. Такъ точно и въ нашихъ былинахъ, князь Владиміръ, желая оказать величайшую честь которому-нибудь главному богатырю, говорить: «вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня, хоть по правую руку, хоть по лѣвую» <sup>1)</sup>. Менѣе почетное мѣсто для богатырей или воиновъ Джангаровыхъ, нѣсколько поодаль, особыя богатырскія мѣста. Такъ точно и у насъ, менѣе почетнымъ мѣстомъ названо въ былинахъ «другое мѣсто, богатырское, на дубовой скамьѣ, *противъ* князя» <sup>2)</sup>. Собственно же за самымъ столомъ, почетнѣйшимъ мѣстомъ почитается у насъ мѣсто *оверху* стола, непочетное мѣсто—*снизу*, *по край* стола <sup>3)</sup>. Это самое мы встрѣчаемъ въ «*Гессеръ-Ханъ*» и въ «*Дзанглунъ*». Въ первомъ мы читаемъ, что прийдя на пиръ къ князю Чотонгу, Гессеръ-Ханъ находитъ, что самъ князь сидитъ *оверху* стола, *направо* и *налѣво* отъ него сидятъ, по достоинству, всѣ присутствующіе, а ему, по матери его, нѣтъ мѣста. Гессеръ-Ханъ и сѣлъ *совсѣмъ снизу, по край* стола <sup>4)</sup>. Въ «*Дзанглунъ*» также говорится о *верхнемъ, почетномъ, и нижнемъ, непочетномъ* мѣстѣ у стола, на пирѣ <sup>5)</sup>. Въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ богатыри точно также всегда сидятъ вокругъ своего хана, отдѣльно отъ него; такъ наприм. ханъ Миргэнъ сидитъ рядомъ съ красавицей Буртювъ, а 70 его богатырей—вокругъ нихъ, въ родѣ того, какъ наши богатыри на особой богатырской скамьѣ <sup>6)</sup>. Вообще же, во всѣхъ этихъ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ буддійской эпохи, князь или ханъ и богатыри его сидятъ вмѣстѣ, пьютъ огромные приемы вина, ведутъ шумныя рѣчи, хвастаются подвигами, спорятъ другъ съ другомъ, и князь принимаетъ участіе въ этихъ спорахъ. Конечно, все это подробности, которыя могутъ принадлежать каждому пиру людей, бывавшихъ на богатырскихъ подвигахъ, но они могутъ быть описываемы очень разнообразно, и съ большею или меньшею краткостію, съ удержаніемъ и пропускомъ тѣхъ или другихъ подробностей: а тѣ описанія, что мы встрѣчаемъ въ нашихъ былинахъ, всего сворѣе и ближе схо-

<sup>1)</sup> *Куртескій*, IV, 48.

<sup>2)</sup> *Куртескій*, II, 19, 37, 75.

<sup>3)</sup> *Кур.*, I, 84.

<sup>4)</sup> *Schmidt*, Gesser-Chan, 51.

<sup>5)</sup> *Dsanglun*, 69.

<sup>6)</sup> *Schiefner*, Heldensagen, 352.

дятся съ описаніями монгольскихъ и тюркскихъ разсказовъ. Только, по всегдашнему, наши короче и сжатѣе.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что одна очень существенная подробность отдѣляетъ пиры русскихъ былинъ отъ пировъ индѣйскихъ и персидскихъ, и сближаетъ ихъ съ пирами монгольскихъ, калмыцкихъ, сибирско-тюркскихъ и киргизскихъ поэмъ и пѣсень. Это—музыка, пѣніе и танцы. Все это—непремѣнная принадлежность застольныхъ пировъ индѣйскихъ и персидскихъ; тутъ всегда присутствуетъ цѣлая толпа музыкантовъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ, пѣвцовъ и танцовщицъ; но ни въ русскихъ былинахъ, ни въ поэмахъ и пѣсняхъ упомянутыхъ азійскихъ племенъ и народовъ, ихъ никогда не встрѣчается.

Мы выше упомянули, что, по словамъ нашихъ былинъ, на пирахъ князя Владиміра всѣ «наѣдались и напивались», подобно тому, какъ это разсказывается и въ разныхъ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ. Но, по части ѣды, примѣчательно слѣдующее обстоятельство. Почти всѣ восточные герои крайне обжорливы. Рустемъ, еще будучи младенцемъ, выпивалъ молоко 10 кормилицъ, потомъ съѣдалъ столько, сколько 5 взрослыхъ человѣкъ вмѣстѣ; придя въ возрастъ, онъ съѣдалъ, на охотѣ или во время богатырской поѣздки, по цѣлому онагру<sup>1)</sup>. Почти тоже самое разсказывается въ Шахъ-Намѣ про каждаго изъ прочихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Такая же способность много ѣсть приписывается героямъ монгольскихъ, сибирско-татарскихъ и калмыцкихъ пѣсень. Богатырь Гессеръ-Ханъ разомъ съѣдаетъ цѣлую кобылу и цѣлаго быка<sup>2)</sup>; при описаніи пира обыкновенно говорится, что для него припасены «были цѣлыя горы мяса и цѣлое море вина», и послѣ него «худощавые потолстѣли, голодные насытились». Иногда даже пѣсня разсказываетъ, что гости такъ много ѣли, такъ разжирѣли, что не видать стало ихъ ушей<sup>3)</sup>. Богатырь Адынь-Терѣнь-Алабтай застрѣливаетъ на охотѣ 100 штукъ дичи, съѣдаетъ ихъ и потомъ наконецъ сытъ<sup>4)</sup>. Киргизскій богатырь Эръ-Кювшю, будучи еще младенцемъ, пьетъ молоко отъ 90 коровъ; другой киргизскій богатырь, Джелькильдѣкъ съѣдаетъ однажды 40 кобылъ и выпиваетъ 40 мѣховъ кумыса; Саинъ-Батырь, еще младенцемъ, въ 3 дня съѣдаетъ кобылу; богатырь Ханъ-Шентай съѣдаетъ за-разъ 2 верблюда, а потомъ 3 кобылы и т. д.<sup>5)</sup>: У русскихъ богатырей мы не встрѣ-

1) *Mohl*, *Shah-Nameh*, I, 357, 511, 517; IV, 591.

2) *Schmidt*, *Gesser-Chan*, 32.

3) *Radloff*, *Proben*, I, 28.

4) Тамъ же, 291.

5) III-й неапечатанный томъ Радоффа.

чаемъ подобнаго многояденія: они ѣдятъ столько же, сколько всѣ обыкновенные люди, и этимъ сходятся съ богатырями индѣйскихъ поэмъ и сказокъ. Здѣсь надо еще замѣтить, что гуси-лебеди, обычный предметъ охоты нашихъ богатырей и лакомое блюдо на пирахъ, играютъ такую же роль и въ тюрескихъ (особенно киргизскихъ) поэмахъ и пѣсняхъ<sup>1)</sup>. Тамошніе богатыри очень часто ѣздятъ на охоту за гусями; когда рѣчь идетъ о ѣдѣ, всегда по преимуществу упоминаются гуси; лебеди же — вообще одна изъ любимыхъ и всего чаще упоминаемыхъ птицъ сибирско-тюрескихъ племенъ.

Но, что касается до питья, то тутъ уже нѣтъ разницы между русскими и разнообразными восточными богатырями. И тѣ и другіе пьютъ необыкновенно много, и чѣмъ доблестнѣе богатырь, тѣмъ болѣе напивается, по словамъ восточныхъ поэмъ и пѣсенъ, и русскихъ былинъ. Но примѣчательную разницу составляютъ сосуды, изъ которыхъ пьютъ. Почти вездѣ вино пьется чашами (Магабгарата, Рамайна, Шахъ-Намэ, Джангаріада, Гессеръ-Ханъ, пѣсни минусинскихъ татаръ, пѣсни южно-сибирскихъ тюрескихъ народовъ). Въ видѣ исключеній встрѣчаются рога<sup>2)</sup>, кожанья бутылки<sup>3)</sup> и мѣха<sup>4)</sup>. Русскіе же богатыри, хотя и пьютъ иногда изъ чашъ и роговъ, но рѣдко; чаще всего они пьютъ — ведрами. Они выпиваютъ ихъ по нѣскольбу, иногда цѣлыхъ полпята, т. е. 4½ ведра<sup>5)</sup>. Но эта подробность у нихъ общая съ богатырями сибирско-тюрескихъ пѣсенъ. Такъ у томскихъ шоровъ богатырь Алтынъ-Эргеъ пьетъ 7 ведеръ вина, и не пьянѣетъ, потому еще 9 ведеръ, и тогда только пьянѣетъ и засыпаетъ; а у кызыльцевъ, богатырь Сюдей-Мэргэнъ пьетъ 6 дней сряду и выпиваетъ 16 ведеръ водки, и лишь только послѣ этого засыпаетъ<sup>6)</sup>.

У насъ вино обыкновенно называется *зеленымъ*. Это не есть исключительно русская особенность. Въ знаѣ особенно высокого, превосходнаго качества, вино называется *зеленымъ* и въ пѣсняхъ минусинскихъ татаръ. Такъ, наприм., Алтенъ-Ханъ угощаетъ пріѣхавшаго къ нему Кара-Хана «зеленымъ виномъ, почетнымъ напиткомъ гостей»<sup>7)</sup>. По всей вѣроятности, прилага-

1) *Schiefner*, Heldensagen, 276. — *Radloff*, I, 202, 203. — III-й томъ, множество мѣстъ. — *Gesser-Chan*, 188.

2) *Radloff*, I, 268.

3) Тамъ же 98. — *Gesser-Chan*, 53, 58.

4) *Radloff*, II, 599 и др.; множество разъ въ III томѣ.

5) *Kupnesckii*, II, 95.

6) *Radloff*, I, 411; II, 608.

7) *Schiefner*, Heldensagen, 265.

тельное «зеленое», употребляется здѣсь вслѣдствіе того почетнаго, возвышеннаго или сверхъестественнаго значенія, которое имѣетъ зеленый цвѣтъ на Востокѣ: кони Индры, солнца и царя Юджиштры—зеленые; у великана, врага Гессеръ-Ханова, мулъ зеленый; борода у Данава (демона) Каланеми — зеленая<sup>1)</sup>. Наконецъ, извѣстны зеленыя чалмы мусульманскихъ пилигримовъ.

Похожденія русскихъ богатырей имѣютъ, какъ мы видѣли выше, много общаго съ похожденіями разныхъ восточныхъ богатырей; но во внѣшней ихъ обстановкѣ есть много такого, что сближаетъ ихъ съ богатырями однихъ изъ числа этихъ народовъ, и отдаляетъ ихъ отъ другихъ. Такъ, относительно вооруженія и манеры сражаться, богатыри русскихъ былинь всего менѣе имѣютъ сходства съ богатырями индѣйскими, и нѣсколько болѣе съ богатырями персидскими; но и при сравненіи съ персидскими богатырями все-таки оказывается у нихъ много разницы. Всего же болѣе сходства находимъ у русскихъ богатырей съ богатырями монгольскихъ, калмыцкихъ, разныхъ сибирско-тюркскихъ и въ томъ числѣ киргизскихъ поэмъ и пѣсень.

Индѣйскіе богатыри отправляются въ бой обыкновенно на колесницахъ, росписанныхъ красками и увѣшанныхъ матеріями, со знаменами, или же пѣшіе; верхомъ на конѣ или на слонахъ — рѣже; иногда они идутъ сражаться одни, но большею частію съ войскомъ. Вооруженіе ихъ составляютъ: кольчуга или латы, шлемъ, щитъ, сабля, кинжалъ, лукъ со стрѣлами, копье, палица, булава, топоръ, острый метательный дискъ (чакра), рогатина, пестъ, ломъ, трезубецъ, плугъ, арканъ; для стрѣлянья изъ лука надѣвають особую перчатку, а на палецъ кожаный наперстокъ; въ ухахъ серьги, на шеѣ ожерелье, на рукахъ браслеты. Персидскіе богатыри сражаются всегда верхомъ, иногда одни, но чаще съ войскомъ, какъ и индѣйскіе богатыри; передъ ними въ бою, и передъ ихъ палатками всегда находятся ихъ знамена. Ихъ вооруженіе составляютъ: кольчуга или латы, шлемъ, щитъ, сабля, кинжалъ, лукъ со стрѣлами, копье, метательный дротикъ, палица, булава, топоръ, арканъ. На богатырѣ всегда кушакъ золотой, часто съ камнями, на ногахъ сапоги (по большей части золотые, даже иногда у цѣлаго войска), на рукахъ браслеты, въ ухахъ серьги, на шеѣ ожерелье.

<sup>1)</sup> *Fauche*, Mahabh., I, 574, 585; II, 189.—*Harivansa*, I, 200, 206.—*Gesser-Chan*, 141.—*Harivansa*, I, 219.

Въ нашихъ былинахъ большинство этихъ подробностей вооруженія другое; богатыри нашихъ былинъ имѣютъ въ этомъ отношеніи особенности, которыя ихъ отдѣляютъ не только отъ индѣйскихъ и персидскихъ богатырей, но и отъ дѣйствительныхъ богатырей и воиновъ древней Руси. Всего важнѣе здѣсь то, что эти послѣдніе, какъ извѣстно, были по преимуществу пѣхотинцы или ѣздили на судахъ: въ противоположность этому, богатыри русскихъ былинъ никогда не являются пѣшими или на судахъ<sup>1)</sup>, и всегда описываются конными. Конь у нихъ столько же неизбѣженъ, играетъ точно такую же наиважнѣйшую роль, какъ и у персовъ, а еще болѣе какъ у монголовъ, калмыковъ, киргизовъ, татаръ и всѣхъ сибирско-тюркскихъ народовъ, по ихъ поэмамъ и пѣснямъ; безъ коня богатырь никогда не отправляется на подвиги, обращается къ нему постоянно за совѣтомъ и помощью, падаетъ при этомъ къ нему въ ноги и обнимаетъ колѣна; ему онъ обязанъ болѣею частью своихъ успѣховъ. Въ русскихъ былинахъ, точно также, какъ въ упомянутыхъ поэмахъ и пѣсняхъ, конь занимаетъ рѣшительно первое мѣсто послѣ самого богатыря: онъ предвѣщаетъ своего господина объ опасности, отвращаетъ всѣ бѣды отъ него, совѣтуетъ все, что можетъ быть ему полезно и выгодно, и даже указываетъ, кого онъ долженъ взять себѣ въ невѣсты. При такомъ значеніи коня, понятно, что всегда важную роль въ разсказѣ о героѣ занимаетъ разсказъ о выборѣ и приобрѣтеніи коня, а потомъ подробности о попеченіяхъ его хозяина о немъ, сѣдланіе его на каждый подвигъ и т. д. Безъ сомнѣнія, много говорится о конѣ и въ персидскихъ поэмахъ: тамъ, наприм., конь предвѣщаетъ Рустема объ опасностяхъ въ продолженіе всей его жизни, и Рустемъ погибаетъ наконецъ отъ хитрости кабульскаго царя потому, что не послушался совѣтовъ коня; конь постоянно помогаетъ Рустему во всѣхъ его предпріятіяхъ, и герой тоже самъ часто обращается къ нему съ рѣчью и просьбою. Но все-таки конь далеко не занимаетъ здѣсь такого мѣста, какъ въ пѣсняхъ и поэмахъ монгольскихъ, калмыцкихъ, сибирско-тюркскихъ и вообще номадныхъ народовъ, которые всю жизнь свою, можно сказать цѣлый день свой, проводятъ съ конями своими. Довольно упомянуть уже одно то, что здѣсь каждый богатырь называется не только своимъ собственнымъ, личнымъ именемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нераздѣльно и именемъ своего коня. Такъ, наприм., сибирско-тюркскихъ богатырей зо-

<sup>1)</sup> То, что разсказывается про Илью-Муромца на Соколѣ-кораблѣ и про Погова, ѣздившаго на кораблѣ за Лебедью Бѣлою—исключеніе, и притомъ, повидимому, позднѣе примѣненіе мотивовъ изъ другихъ мѣстъ.



вуть: Алтѣнь-Бѣлте на буланомъ жеребцѣ, Чалаты-Миргѣнъ на сѣромъ конѣ, Кулаты-Миргѣнъ на свѣтло-гнѣдомъ конѣ, Караханъ на ворономъ конѣ, Ай-Алтанъ на темно-буланомъ конѣ, Ай-Темусъ на рыжемъ конѣ, и т. д. <sup>1)</sup> Ничего подобнаго не встрѣчаемъ ни въ Индіи, ни въ Персіи: такія привычки могли существовать только у народовъ кочевыхъ. Вслѣдствіе заимствованій у этихъ послѣднихъ народовъ, наши былины и наполнены безчисленными подробностями, свидѣтельствующими о такомъ значеніи коня, какового въ нашей дѣйствительности никогда не было, такъ какъ русскій народъ кочевымъ не былъ, и никогда не проводилъ жизни среди конскихъ табуновъ. Правда, богатыри нашихъ былинъ не зовутся по имени своего коня, но въ разсказахъ русскихъ древнихъ пѣсень все, касающееся до коня, играетъ точь-точь такую же важную, первенствующую роль, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монголовъ, калмыковъ и разныхъ сибирско-тюркскихъ народовъ. Нигдѣ мы не найдемъ, наприм., такихъ частыхъ и многочисленныхъ подробностей о сѣдланіи, разсѣдланіи, кормленіи коня, уходѣ за нимъ, какъ въ пѣсняхъ и поэмахъ кочевыхъ народовъ, и эти самыя подробности перешли и къ намъ, уцѣлѣли, можно сказать, съ буквальною точностью. нашихъ богатырскихъ коней, чтобы они стали дѣйствительно богатырскими, кормятъ пшеномъ бѣлояровымъ, поятъ сытой медвяной или студеной водой, и выкатываютъ въ три ночи (зари) въ трехъ росахъ <sup>2)</sup>. Это самое мы находимъ ежеминутно въ разсказахъ тюркскихъ и вообще номадныхъ племенъ, и особенно часто наприм. въ поэмахъ и пѣсняхъ киргизскихъ: тутъ разсказывается, какъ коня кормятъ пшеницей, поятъ студеной водой, а передъ каждымъ какимъ-нибудь особеннымъ подвигомъ конь проситъ своего господина снять съ него сѣдло, чепракъ и узду, и дать ему выкататься въ травѣ, и отъ этого онъ становится совершенно свѣжъ и могучъ, забываетъ всю усталость и понесенные труды, иногда раны <sup>3)</sup>. Въ киргизской повѣсти о молодцѣ *Эшмелди* разсказывается, какъ молодого жеребенка поили въ полночь, а потомъ на разсвѣтѣ, а потомъ пускали бѣгать на свободѣ.—Про сѣдланье коня, наши былины всегда тщательно разсказываютъ, что богатырь беретъ узду тесмянную, подѣлдышею черкасское полагаетъ потничокъ шелювенькій, потнички на потнички, сверху войлочекъ, а сѣдышею кованое, обсажено камешкомъ самоцвѣтнымъ, оболо-

<sup>1)</sup> *Schiefner*, *Heldensagen*, 105, 146.—*Radloff*. *Proben*, I, 349, 368, 391, 404, и т. д.

<sup>2)</sup> *Киртескій*, I, 25; III, 6.—*Рыбниковъ*, I, 35, 36.

<sup>3)</sup> Третій еще непечатанный томъ *Радлоффа*, пѣсни о богатыряхъ: *Эръ-Кокшо*, *Джель-Кильдекъ*, *Ханъ-Шентатъ*, *Дударъ-Кыстъ* и т. д.

ченнымъ; потомъ подтягиваетъ 12-ть тугихъ подпругъ, а 13-ю владеть для крѣпости; подпруги были шелковыя, пряжки у сѣдла — красна золота, шпеньки у подпругъ — все булатныя, стремена желѣза булатнаго же, шелкъ не рвется, булатъ не трется, красно золото не ржавѣетъ<sup>1)</sup>. За конемъ своимъ наши богатыри, хозяева ихъ сами ходятъ, сами кормятъ его и поятъ, сами осѣдлываютъ и взнуздываютъ, сами разсѣдлываютъ и разнуздываютъ, вообще сами постоянно заботятся. Точно такія же описанія находимъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ, калмыцкихъ, тюркско-сибирскихъ и киргизскихъ. Въ «Гессеръ-Ханъ» три богатыря, отправляясь на подвиги, накладываютъ на своихъ коней по два ремня около хвоста, по два ремня около сѣдла, и по двѣ подпруги<sup>2)</sup>. Тамъ же конь рассказываетъ однажды Гессеръ-Хану, послѣ долгаго заключенія своего у врага-волшебника: «Твоя жена, Рогмо-Гоа, въ прежнее время, бывало, влала мнѣ на сѣдло, для красы, шелговую подушку, а чтобъ она была теплѣе, подъ низомъ подделывала соболий мѣхъ; подпруги, чтобъ были помягче, она подтягивала шелковыя; пряжки она пристегивала золотыя, чтобъ блестѣло отъ нихъ. Зимой она меня накрывала, отъ холода, соболинымъ одѣяломъ, и всякій день по три раза кормила меня овсомъ и пшеницей; лѣтомъ она привязывала меня въ тѣни, а въ полуденный жаръ поила доброй водой, а вечеромъ пускала на хорошую траву». Выслушавъ эти жалобы, Гессеръ-Ханъ три раза накормилъ своего гнѣдаго коня овсомъ и пшеницей, и только уже потомъ сѣлъ на него<sup>3)</sup>. Въ «Джангаріадъ», богатырь князь Хонгоръ слѣдующимъ образомъ самъ сѣдлаетъ своего сѣраго коня: «На спину ему онъ положилъ золотую полость, а на нее сѣдло, украшенное серебромъ. Сѣдло онъ подтянулъ 12-ю бѣлыми ремнями, а каждый ремень застегнулъ 20-ю мѣдными пряжками; 33 ремня съ золочеными бляхами окружали грудь коня, и 66-ть — хвостъ его; стремена были бѣлой мѣди». Одинъ богатырь кызыльцевъ, сѣдая своего коня, «положилъ нахвостникъ, снизу крѣпко подтянулъ 9 подпругъ, и въ 12-ти мѣстахъ заерѣпилъ ихъ пряжками». Подобныхъ же примѣровъ изъ пѣсенъ сибирско-тюркскихъ народовъ можно было бы привести множество<sup>4)</sup>. Такихъ подробностей, столько схожихъ съ нашими, мы не найдемъ ни въ индѣйскихъ, ни въ персидскихъ разсказахъ.

1) Рыбниковъ, I, 122, 151, 246, 297; II, 96. — Курневскій, II, 23.

2) Schmidt, Gesser-Chan, 178.

3) Тамъ же, 218.

4) Radloff, II, 642, 52, 76, 90, 192, 229, 241, 349.

Другая особенность, сюда же относящаяся — это заботливость богатыря о конѣ, оставляемомъ на дворѣ, пока самъ богатырь входитъ въ жилище, свое или чужое. Русскіе богатыри, приѣзжая куда-нибудь, сходятъ съ коня и обыкновенно тотчасъ же привязываютъ его къ золотому или серебряному кольцу особаго столба, для того назначеннаго <sup>1)</sup>. Это самое мы находимъ въ пѣсняхъ и поэмахъ монгольскихъ, калмыцкихъ, киргизскихъ и сибирско-тюркскихъ. Примѣры тому безчисленны, и потому мы ихъ приводить не станемъ: здѣсь уже не то что *иногда*, какъ въ русскихъ былинахъ, а *непремѣнно*, *всегда* въ разсказѣ о приѣздѣ богатыря тщательно упомянуто, что богатырь слѣзъ съ коня и привязалъ его къ золотому или серебряному столбу. Такой подробности, столько важной для кочевыхъ народовъ, любящихъ коня, едва-ли не столько, сколько свое семейство, ихъ разказы и пѣсни никогда уже не пропускаютъ. Въ поэмахъ же индѣйскихъ и персидскихъ ея вовсе нѣтъ.

Въ нашихъ былинахъ, богатырь бранить обыкновенно своего коня въ такихъ выраженіяхъ: «А ты, волчья сыть (волчій кормъ), травяной мѣшокъ» <sup>2)</sup>! Въ поэмахъ сибирско-тюркскихъ народовъ, богатырь обыкновенно бранить своего коня такъ: «Ахъ ты, снаружи кожа, внутри навозъ» <sup>3)</sup>! Кромѣ нашихъ былинъ, и поэмы и пѣсенъ номадныхъ народовъ, вѣдется на врядъ-ли у кого еще встрѣчаются подобныя бранныя слова богатыря къ его коню.

Навонецъ, очень значительную роль въ нашихъ былинахъ играетъ — плеть. Безъ сомнѣнія, это прямое наслѣдіе Востока. Но надо обратить вниманіе вотъ на что: конечно, плеть всегда была. извѣстна цѣлому Востоку, только употребленіе ея было у иныхъ народовъ большее, у другихъ меньшее, и упоминаніе ея въ нашихъ былинахъ сходится *больше* съ упоминаніемъ ея въ извѣстныхъ восточныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, и *меньше* съ упоминаніемъ ея въ другихъ восточныхъ же поэмахъ и пѣсняхъ. Въ индѣйскихъ поэмахъ, сказкахъ и пѣсняхъ, плеть упоминается очень рѣдко, въ Магабгаратѣ почти всегда только въ общихъ описаніяхъ сраженій <sup>4)</sup>, хотя нѣтъ сомнѣнія, плеть должна была быть вообще въ большомъ употребленіи, коль скоро богатыри и вообще воины индѣйскіе такъ рѣдко дѣйствуютъ пѣшіе, и такъ часто на колесницахъ и верхомъ. Въ Шахъ-Намѣ говорится о плети также довольно рѣдко, но тутъ есть одно очень характер-

<sup>1)</sup> Рыбниковъ, I, 30, 50, 64, 97 и т. д.

<sup>2)</sup> Куртёвскій, I, 42, 78; II, 33.

<sup>3)</sup> Radloff, Proben, II, 152, 155, 503, 509.

<sup>4)</sup> Fauche, Mahabharata, VII, 235.

ное мѣсто: здѣсь мы видимъ, какое было значеніе плети у персіянъ. Персидскій богатырь Баграмъ потерялъ, во время сраженія, свою плеть, и считаетъ, что честь его потеряна, если она попала въ руки непріятелю, потому что на ней написано его имя. Богатырь Гудеръзъ уговариваетъ его не ходить отыскивать ее на полѣ сраженія, потому что опасно отъ непріятеля, и тутъ же прибавляетъ, что у него самого есть «7-мь превосходныхъ плетей, украшенныхъ золотомъ, драгоценными камнями, съ ремнемъ вышитымъ жемчугомъ»; и предлагаетъ ихъ ему<sup>1)</sup>. Во время послѣдняго своего подвига, Рустемъ погибаетъ именно отъ того, что не хочетъ слушать предостереженій своего коня, и, ударивъ плетью, заставляетъ прыгать черезъ ровъ, утыканный внутри мечами, копытами и рогатинами: туда падаютъ и богатырь, и конь его<sup>2)</sup>. Въ грузинскихъ поэмахъ, пропитанныхъ персидскимъ духомъ и наполненныхъ персидскими подробностями, также изрѣдка упоминается плеть. Такъ напр. въ поэмѣ «Таріель — Барсова кожа» говорится объ «окованной плети самого героя, Таріеля, разсказывается, что плеть служить ему не только на то, чтобъ побуждать коня, но и раздѣлываться съ посланною за нимъ, отъ царя Ростевана, погонею<sup>3)</sup>. Но безъ всякаго сравненія, гораздо большую роль играетъ плеть въ разсказахъ всѣхъ кочевыхъ народовъ, т. е. тѣхъ, которые всю жизнь свою проводятъ посреди коней и въ верховой ѣздѣ. Нигдѣ нѣтъ таковаго, можно сказать, ежеминутнаго расхода на плети, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ, калмыцкихъ, киргизскихъ, алтайскихъ и другихъ сибирско-тюркскихъ: здѣсь плеть поминается едва-ли не на каждой страницѣ разнообразнѣйшихъ разсказовъ. Ни разу не позабыто сказать, какъ богатырь ударилъ коня своего «по крутымъ бедрамъ»<sup>4)</sup>, чтобъ заставить его ѣхать или скакать куда тотъ не хочетъ, а иногда даже и отговариваетъ. Изъ числа бесчисленныхъ примѣровъ, упомянемъ хоть тотъ, что, прискакавъ въ жилищу Гессеръ-Хана, вороной конь богатыря Чотонга испугался протянутой у входа цѣпи и поднялся на дыбы. «Чотонгъ ударилъ его плетью по бедрамъ и по головѣ, и тогда онъ однимъ прыжкомъ скакнулъ черезъ цѣпь, но запутался въ ней и повисъ»<sup>5)</sup>. Алтайскій богатырь Тастаракай бьетъ плетью коня, и

<sup>1)</sup> Moll, Shah-Nameh, II, 685.

<sup>2)</sup> Тамъ же, IV, 715.

<sup>3)</sup> Грузинская хрестоматія, составл. Д. Чубиновымъ, Спб., 1846, II часть: «Таріель — Барсова кожа», XVII, XIX, XX.

<sup>4)</sup> Radloff, II, 340, 365, 372, 379, 398, 412.

<sup>5)</sup> Schmidt, Gesser-Chan, 47.

тотъ разомъ переносить его черезъ Золотое море <sup>1)</sup>. Шорскій богатырь Алтынъ-Эргеъ, прискакавъ въ Синему морю, не знаетъ, какъ ѣхать дальше; но тутъ самъ конь совѣтуетъ ему: «Ударь, говоритъ, меня одинъ разъ плетью, и я попробую, не перепрыгнуть-ли мнѣ море». Богатырь бьетъ коня одинъ разъ плетью, и тотъ дѣйствительно перескакиваетъ съ нимъ черезъ море <sup>2)</sup>. Но этого мало: во всѣхъ поэмахъ и пѣсняхъ номадныхъ народовъ, плеть не только служитъ для понуканія коня, но еще и для того, чтобъ бить; а иногда и убить какого бы то ни было врага, обыкновеннаго земнаго, или волшебнаго. Такъ, наприм., алтайскій богатырь ханъ-Пудей — плетью своею «побиваетъ 9-ть народовъ и съ ними ихъ владыку, Иланъ-Пи»; шорскій богатырь Каратты-Пергәнъ плетью побиваетъ чудовище Пуспасъ - Пулана, ударивъ его «промежду обоихъ ушей»; въ исторіи шорскаго же богатыря Алтынъ-Эргеа (въ извѣстной степени прототипа нашего Ивана Гостинаго-сына) почти всѣ дѣйствующія лица, естественныя и сверхъестественныя, при встрѣчахъ бьютъ другъ друга плетями, и иногда до смерти; плетью обыкновенно бьетъ мужъ жену; отъ ударовъ богатырской плети лопаются лебединая волшебная сорочка на спинѣ у женщины-лебедя, трескается спина у коня, поворачиваются земля и небо, трясутся горы и волнуется море, сверкаетъ молнія, и Кудаи (творецъ) не въ состояніи усидѣть на своемъ престолѣ <sup>3)</sup>; плетью дѣйствуютъ для своей обороны простыя женщины, или же наносятъ удары врагу, какъ оружіемъ, женщины-богатырши <sup>4)</sup>; удары плети иногда даже служатъ на то, чтобъ возвратить жизнь мертвому: такъ, наприм., въ алтайской пѣснѣ, бывшей однимъ изъ прототиповъ былины о Ставрѣ, жена богатыря Алтаинъ-Салама возвращаетъ жизнь мужу своему многочисленными ударами плети <sup>5)</sup>. Наконецъ, чтобъ раздѣлить море, или рѣку, черезъ которыя онъ хочетъ переѣхать, богатырь ударяетъ плетью по водамъ, онѣ разступаются, и онъ переходитъ черезъ море какъ по-суху <sup>6)</sup>. Плети во всѣхъ этихъ разсказахъ номадныхъ народовъ иногда золотыя, иногда «съ дерево величиной», но чаще простыя, 8-рныя, 9-рныя, иногда изъ

<sup>1)</sup> Radloff, I, 52.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 405.

<sup>3)</sup> Тамъ же, 71; 880, 407 — 409; II, 119, 129, 149, 318, 349. — Schiefner, Helden-sagen, 214, 326, 389.

<sup>4)</sup> Киргизскія пѣсни въ III-мъ, непечатанномъ еще т мѣ Радлоффа: разговоръ въ стихахъ, юноши Менька съ дѣвушкой Опанъ - Кысь; Кузу-Курпешъ, переводъ (въ рукописи) академика Вельяминова-Зернова. — Radloff, I, 20.

<sup>5)</sup> Radloff, I, 20.

<sup>6)</sup> Schmidt, Gesser-Chan, 132.

90-та воловьихъ шкуръ<sup>1)</sup>. Всѣхъ этихъ разнообразныхъ мелюзъ и необыкновенно частыхъ подробностей о плети нѣтъ ни въ индѣйскихъ, ни въ персидскихъ поэмахъ и вообще разсказахъ. Значить, не оттуда произошли наши русскія подробности объ этомъ орудіи: но у насъ онѣ столько же разнообразны и столь же тщательно упоминаются, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ номадныхъ народовъ, монгольскихъ и тюрескихъ. Тамъ плети въ 8 и 9-ть хвостовъ, у насъ троесучныя и въ 7 хвостовъ<sup>2)</sup>, и точно также, какъ тамъ, ни одинъ ударъ плети не скрытъ отъ насъ: каждый разсказанъ, каждый сосчитанъ. Для былины, удары плети богатыремъ, «по круглымъ бедрямъ» его коня (это слово въ слово выраженіе монгольскихъ и тюрескихъ поэмъ и пѣсенъ), столько же, повидимому, интересны, сколько удары его копыя или меча по шлемамъ и кольчугамъ враговъ, и они такъ часто поминаются, что привести примѣры изъ былинъ рѣшительно трудно. — Добрынина мать, отпуская сына на подвиги, даетъ ему при прощаніи плеть, и учитъ: «Бей бурка промежу уши, и бей его промежу ноги, и станеть онъ поскакивать» и т. д. Но, кромѣ коня, плеть служить богатырю русскихъ былинъ точь-въ-точь на тоже самое, на что богатырямъ монгольскихъ, калмыцкихъ, киргизскихъ и другихъ сибирско-тюрескихъ поэмъ и пѣсенъ: плетью бьютъ и враговъ своихъ, богатырей и богатырьшъ, и князя Владиміра, и его гостей, и женщинъ<sup>3)</sup>, и существа сверхъестественныя, чудовищъ<sup>4)</sup>. Очень примѣчательно при этомъ, что у насъ даже уцѣлѣли цифры тюрескихъ народовъ, и ихъ плети изъ 90 шкуръ превратились у насъ въ шалыги и шелепуги (плети) въ 90 пудъ<sup>5)</sup>.

Что касается оружія, то богатыри нашихъ былинъ употребляютъ шлемъ, кольчугу, саблю, лукъ со стрѣлами, копье, палицу, рогатину. Все это еще не составляетъ ничего особенно-характеристическаго. Но есть три обстоятельства особенной важности, которыя сближаютъ, въ этомъ отношеніи, наши былины съ поэмами и пѣснями монгольскихъ и тюрескихъ племенъ. *Первое* обстоятельство—это употребленіе вуяка, т. е. кожанаго кафтана, покрытаго металлическими бляхами, нашитыми сверху. Это подобіе латъ или панцыря довольно часто упоминается въ нашихъ былинахъ<sup>6)</sup>; но въ пѣсняхъ тюрескихъ и монгольскихъ племенъ

1) Тамъ же, 299, 390; II, 47, 409, 483; третій томъ: пѣсня про Ханъ-Шенгяя, и др.

2) *Киревскій*, I, 81, 85; III, 17.

3) *Кир.*, I, 85, 81.—*Рыбниковъ*, I, 19, 48—49, 342; III, 20, 21.—*Кир.* I, 9; II, 89.

4) *Киревскій*, II, 73.

5) *Рыбниковъ*, I, 342; III, 20, 35.

6) Др. росс. стих., 96. — *Киревскій*, III, 77, 101; IV, 91.

кузекъ упоминается очень часто <sup>1)</sup>, и самое названіе принадлежитъ ихъ языку. Второе обстоятельство—полнѣйшее отсутствіе въ нашихъ былинахъ щита. Многочисленные историческіе памятники письменности и искусства не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что древніе русскіе употребляли щиты; тѣмъ удивительнѣе то, что ихъ *вовсе* ни разу не упомянуто въ нашихъ былинахъ. Но фактъ этотъ объясняется очень просто тѣмъ, что въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и тюркскихъ народовъ никогда нѣтъ рѣчи о щитѣ, такъ какъ они его не употребляютъ, и единственное, намъ извѣстное исключеніе, это—упоминаніе какого-то щита *Тюменъ-одунъ* (10,000 звѣздъ), назначеннаго въ числѣ награды за свачку коней, въ одномъ мѣстѣ поэмы «*Гессеръ-Ханъ*» <sup>2)</sup>, но изъ текста еще ясно не видно, какой это щитъ, и даже что именно надо разумѣть въ этомъ мѣстѣ поэмы <sup>3)</sup>. Наконецъ, *третье* важное обстоятельство, то, что въ нашихъ былинахъ ни разу не говорено о серьгахъ мушкетъ, тогда какъ документально извѣстно, что древніе русскіе въ дѣйствительности носили ихъ, подобно всѣмъ остальнымъ древнимъ народамъ арийской породы (индѣйцы, персы). Но опять-таки и этотъ странный фактъ объясняется тѣмъ, что о серьгахъ мушкетъ рѣшительно никогда не говорится въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ и сибирско-тюркскихъ народовъ.—Потомъ здѣсь еще можно замѣтить, что былины наши не говорятъ про мечъ, обоюдо-острое воренное оружіе славянъ, извѣстное уже и Нестору: постоянно упоминаются сабли, оружіе восточное. Далѣе замѣтимъ, что подобно тому, какъ въ пѣсняхъ и поэмахъ монгольскихъ и тюркскихъ племенъ, у насъ несравненно менѣе является на сценѣ копьѣ, чѣмъ лукъ и стрѣлы. У насъ, какъ и у тѣхъ племенъ, самую главную роль постоянно играетъ это послѣднее оружіе, указывающее на дальнія пространства. Любопытно, наконецъ, обратить вниманіе на то, что богатыри былины часто цѣляютъ и попадаютъ врагу въ глазъ (наприм. Василій Казимировичъ Калину-царю, Илья-Муромецъ Соловью Разбойнику и т. д.): привычка чисто-азіятская, и въ особенности черта монгольско-тюркскихъ поэмы и пѣсенъ. Мы тутъ даже находимъ ей объясненіе:

<sup>1)</sup> Schmidt, Gesser-Chan, 41, 170. — Radloff, II, 76, 116, 192, 262.

<sup>2)</sup> Schmidt, Gesser-Chan, 67.

<sup>3)</sup> Быть можетъ, тутъ надо видѣть слѣды вліянія персидскаго или индѣйскаго, подобно тому, какъ въ Хивѣ, у тѣлохранителей ханскихъ нынче есть небольшіе щиты, вслѣдствіе вліянія персидскаго. Эта послѣдняя подробность сообщена мнѣ нашимъ ориенталистомъ, П. И. Леркомъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ мѣстѣ «*Гессеръ-Хана*», щитъ *Тюменъ-одунъ* является не у монгольской и не у тибетской національности, а у какого-то вражескаго племени «*Ликъ*».

въ монгольско-калмыцкой поэмѣ «*Малый Гессеръ-Ханъ*» богатырь Зесе-Шикеръ стрѣляетъ въ глазъ чудовищу (Мангушу), говоря: «Душа врага сидитъ въ глазахъ!» и дѣйствительно, онъ попадаетъ Мангушу въ глазъ, и тѣмъ окончательно уничтожаетъ его <sup>1)</sup>. Въ одной киргизской пѣснѣ также упоминается, что надо стрѣлять врагу въ глазъ — это смертельное мѣсто <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, изъ этого сличенія оружія оказывается, что у богатырей нашихъ былины нѣтъ ни индѣйскихъ: колесницъ, слоновъ, чакры (диска), плуга, трезубца, песта, перчатки и наперстка для стрѣльбы изъ лука; ни персидскихъ: латы на конѣ, булавы, метательнаго дротива; ни общихъ индѣйскимъ и персидскимъ поэмамъ: знаменъ, щита, аркана, топоровъ, серегъ, браслетъ, ожерельевъ <sup>3)</sup>. Между тѣмъ, лишь очень немногія подробности отдѣляютъ боевой снарядъ нашихъ богатырей отъ снаряда богатырей монгольскихъ и тюркскихъ племенъ: самое существенное здѣсь то, что у этихъ послѣднихъ есть арканъ и знамена, точно также какъ у индѣйскихъ и персидскихъ, а у нашихъ богатырей ихъ нѣтъ (хотя знамена древнихъ русскихъ извѣстны древнѣйшимъ нашимъ памятникамъ). За исключеніемъ этихъ, не слишкомъ значительныхъ отличій, вооруженіе нашихъ богатырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ конь богатырскій, его сѣдланіе и весь уходъ за нимъ всего ближе сходятся съ описаніемъ вооруженія и коня богатырскаго въ поэмахъ и пѣсняхъ монголовъ и сибирскихъ тюрковъ.

Влад. Стасовъ.

<sup>1)</sup> *Bergmann*, III, 275.

<sup>2)</sup> Третій томъ Радлофа, пѣсня объ Эр-Таргынѣ.

<sup>3)</sup> Въ сказкѣ о Ерусланѣ, мы встрѣчаемъ латы на конѣ, щитъ и пансырское ожерелье. Все это показываетъ слѣды, на этой сказкѣ, персидскаго вліянія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)



# СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ

## ВЪ Р О С С І И.

(Историческіе очерки).

III \*).

### МЕННОНИТЫ.

До сихъ поръ шла у насъ рѣчь о поселеніяхъ, послѣдовательное развитіе которыхъ при самыхъ льготныхъ условіяхъ не дало практически примѣнимыхъ у насъ результатовъ, хотя и Радичевъ, и Сарепта стремились приложить къ жизни, развитію и утвердить окончательно нормы человѣческаго общежитія, составляющія, по мнѣнію этихъ братствъ, сущность истиннаго христіанства.

Попытки въ томъ же родѣ, но несравненно болѣе крайнія, во множествѣ встрѣчаются теперь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ <sup>1)</sup>. Тамъ, на территоріальномъ просторѣ столь же широмъ, какъ и индивидуальная свобода американскаго гражданина, болѣе или менѣе сильныя, цвѣтуція общины разныхъ сектъ отрѣшились не только отъ господствующихъ гражданскихъ кодексовъ, но нерѣдко и отъ догматики христіанства. Каждая секта, создавъ себѣ свой собственный социальный уставъ, одинъ оригинальнѣе другого, всѣми силами старается приложить его къ жизни, возвести

\*) См. выше, т. I, 258—300; II, 277—326.

<sup>1)</sup> «Новая Америка» В. Диксона. Спб. 1867.

свое ученіе въ строгую систему и пропагандировать его въ «языческой» средѣ.

Такъ, мормоны признають три міра, — два невидимыхъ, безплотныхъ, а именно: *небесный* или *загробный*, куда переселяются души обитателей третьяго, *вещественнаго міра* — земли, и *доземной*, населенный душами, ожидающими воплощенія чрезъ чловѣка. Въвѣняя чловѣку въ особую заслугу и обязанность — возможно большее воплощеніе душъ послѣдняго міра, мормоны возвели полигамическій бракъ въ догматъ вѣры и практикуютъ его въ самыхъ странныхъ примѣненіяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ нашими нравственными нормами брачныхъ отношеній. Въмѣстѣ съ тѣмъ, мормоны признають семейное начало, въ смыслѣ патриархальной семьи, и личную собственность, не включая сюда землю, которая остается собственностью коммунальною.

Шэверы и библейскіе коммунисты, или перфекціонисты, живутъ и хозяйничаютъ въ родѣ радичевцевъ — коммунально, придерживаясь догмата безусловной общности имуществъ; но во всемъ остальномъ обѣ секты расходятся діаметрально.

«Царство небесное — учать шэверы — настало; Христосъ явился вторично на землю; личное управленіе земли Богомъ восстановлено». За этими главными принципами, какъ необходимое ихъ слѣдствіе, идутъ многіе другіе: «древній законъ уничтоженъ; повелѣніе рости и множиться отмѣнено; грѣхъ. Адама искупленъ; единеніе неба и земли восстановлено; проклятіе, наложенное на трудъ, снято; земля и все, что на ней, будетъ искуплено; ангелы и безплотные духи, какъ во время оно, стали друзьями и слугами людей. Но только избраннымъ извѣстно, что эти великія перемѣны совершились на землѣ, ибо большинство людей слѣпы, глухи и, какъ въ былыя времена, не вѣдаютъ Бога въ ту самую минуту, когда Онъ призываетъ ихъ къ единенію съ собою. Немногіе, очень немногіе избраны благодіюю Божіею; но въ сердцахъ своихъ избранныхъ Онъ царитъ и творитъ свою волю. Призванные Имъ люди умирають для міра и забываютъ въ своемъ новомъ небесномъ бытіи самое существованіе міра, его страстей, борьбы, грѣховъ. Каждый изъ этихъ избранныхъ твердо вѣритъ, что его новое бытіе не есть только перемѣна образа жизни, но совершенно новая жизнь души, въ второй міръ не имѣетъ ни малѣйшаго участія. Рожденіе дѣтей и бракъ для нихъ болѣе не существуютъ; самая смерть — лишь перемѣна одежды, лишь обмѣнъ видимой, тѣлесной оболочки, на невидимый, духовный нарядъ славы небесной». Вотъ — по словамъ В. Диксона — основныя идеи, которыми руководятся шэверы въ ихъ коммунальной жизни — внутренней и внѣшней.

«Въ истинной организаціи семьи — утверждаютъ въ свою очередь библейскіе коммунисты — есть четыре степени: 1) примиреніе съ Богомъ; 2) спасеніе отъ грѣха; 3) братство мужчинъ и женщинъ, — и 4) общность въ трудѣ и его результатахъ. Но общность имуществъ подразумѣваетъ и общность женъ. Совершенно ошибочно мнѣніе, что человѣкъ можетъ любить только разъ въ жизни и что онъ можетъ любить одинъ только предметъ въ данное время. Напротивъ, тайная исторія человѣческаго сердца вполне ясно доказываетъ, что оно способно любить сколько бы то ни было разъ и сколько бы то ни было лицъ; что чѣмъ болѣе оно любитъ, тѣмъ болѣе оно можетъ любить. Это законъ природы. Но вполне ошибочна мысль, что любовь — неизбежный рокъ, которому должно предоставить свое теченіе; напротивъ, все дѣло любви и ея выраженія должны быть подвергнуты просвѣщенному контролю самого человѣка и должны быть направлены къ достиженію наибольшей пользы». На этомъ основаніи, каждая община перфекціонистовъ составляетъ одинъ брачный, пантагамическій циклъ, въ которомъ «каждый мужчина — братъ и мужъ каждой женщины, а каждая женщина — жена и сестра каждаго мужчины». И подобные циклы, какъ напр. «Онеидскій Ручей» доходятъ до 300 членовъ! «Бракъ, какъ обрядъ и какъ фактъ — говоритъ В. Диксонъ — уничтоженъ библейскими коммунистами на вѣки во имя истинной вѣры; они громко заявляютъ свое убѣжденіе, что такое исключительное и эгоистическое учрежденіе, какъ бракъ, будетъ отвергнуто всѣми честными церквями съ той минуты, когда міръ освободится отъ ложной идеи, что любовь — грѣхъ».

И приведенные примѣры взяты нами на выдержку изъ цѣлаго ряда другихъ, почти не менѣе своеобразныхъ явленій американской жизни! Современная постановка тамъ одного, такъ называемаго «женскаго вопроса» такова, что серьезнѣйшимъ образомъ грозитъ подрвать самыя существенныя основы господствующаго соціальнаго устройства. И гдѣ же ключъ къ правильному анализу этихъ явленій?... Съ своей стороны, мы видимъ въ нихъ ни болѣе, ни менѣе какъ болѣзненные отпрыски усиливающагося въ американскомъ обществѣ реакціоннаго движенія противъ всесильнаго преобладанія въ немъ индивидуальнаго, личнаго принципа, готоваго, повидимому, на развалинахъ моногамической семьи и существующаго соціальнаго строя водрузить знамя личнаго произвола, какъ видимую эмблему своего безусловнаго главенства надъ началомъ ассоціаціоннымъ, въ смыслѣ гражданско-общественнаго режима. Пока въ Америкѣ будетъ гдѣ разойтись различнымъ партіямъ — существованіе каждой изъ

нихъ, какъ самостоятельнаго, цѣльнаго организма, не встрѣтитъ особыхъ внѣшнихъ затрудненій; каждая сеета легко можетъ болѣе или менѣе развиться и окрѣпнуть. Но настанетъ и тамъ пора, когда территоріальный просторъ съюзится и всѣ партіи, сееты, системы и общины подвергнутся ближайшему взаимодействию. Тогда въ полной силѣ скажется взаимное противорѣчіе началъ и міросозерцаній; тогда представители ихъ придутъ къ окончательному взаимному учету, къ послѣдней повѣрѣ обоюдныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ. По всей вѣроятности, въ этихъ конечныхъ расчетахъ примутъ не маловажное участіе представители всѣхъ расъ человѣчества и всѣхъ своеобразныхъ цивилизацій древняго и новаго міра. И кто же рѣшится предсказать конечный исходъ этого хаотическаго броженія и попытается предугадать тѣ средніе выводы, которые въ концѣ концовъ явятся общими нормами вновь успокоившагося общества?... Ктѣ, въ виду предусматриваемаго нами столкновенія, скажетъ намъ утвердительно, что историческій ходъ развитія американскаго общества не подвергнется вновь, и быть можетъ, еще не одинъ разъ, подобнымъ же кровавымъ эпизодамъ, какой оно пережило недавно, на нашихъ глазахъ, и раны котораго еще далеко не залечены?...

Но наши религіозно-соціальные братства далеки отъ американскихъ утопій. Признавая обязательнымъ для себя одну только библію съ новымъ завѣтомъ, Радичевское и Сарептское братства исходятъ отъ того положенія, что исключительно этотъ кодексъ долженъ служить для христіанскаго общества руководствомъ и въ вопросахъ совѣсти, и въ дѣлахъ гражданской жизни. Вслѣдствіе того, братства позаботились оградить себя отъ непосредственнаго вмѣшательства и вліянія на ихъ внутренніе порядки общихъ гражданскаго права и административно-полицейскихъ властей. Они доказываютъ, что наше общественное право выросло всецѣло на языческой почвѣ; что оно чуждо началамъ полнаго равенства и взаимной братской любви, заповѣданныхъ Евангеліемъ «обществу во Христѣ». Не станемъ доискиваться — насколько наше русское право солидарно съ правомъ германскимъ, вызвавшимъ противъ себя этотъ протестъ; оставляемъ въ сторонѣ и вопросъ — насколько оба эти кодексы соотвѣтствуютъ началамъ истиннаго христіанства. Скажемъ только, что прародитель нашей современной юридической науки — кодексъ Юстиніана не могъ отрѣшиться отъ права грековъ и римлянъ, проницавшаго и обусловливавшаго весь бытъ и строй древняго цивилизованнаго міра. Положительное законодательство какъ теперь, такъ и во всѣ времена, нормируя условія гражданскаго быта,

имѣть предметомъ прежде всего болѣе или менѣе крѣпко сложившіяся формы во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности; самая наука права есть, въ свою очередь, не иное что, какъ логическій выводъ изъ вѣковой жизни человѣчества. Поэтому, если переворотъ, вызванный христіанствомъ, не легко давался языческому міру въ сферѣ отвлеченной — въ умахъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, то само собою понятно, что въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ онъ могъ совершиться только путемъ несравненно болѣе медленнымъ. Соціальныя революціи ни въ какія времена не входили и положительно не могутъ входить въ расчетъ людей практическихъ, и тѣмъ болѣе законодателя, допускающаго въ принципѣ лишь прогрессивное, но отнюдь не революціонное движеніе.

Съ этой точки зрѣнія, Радичевъ и Сарепта получаютъ особенный интересъ, какъ живой, фактический протестъ противъ золь современнаго имъ человѣка въ семьѣ, обществѣ, церкви и государствѣ. Но если и признать, что протестъ этотъ нелишенъ до известной степени справедливаго основанія, то, съ другой стороны, и опыты названныхъ двухъ братствъ представляются вполне неудачными.

Радичевъ, порвавъ всѣ нити, связывавшія братство съ общимъ порядкомъ вещей, и пытаясь воплотить въ объективную дѣйствительность свою собственную систему, жертвовалъ всѣмъ для своего идеала. Исходя отъ принциповъ общности имущества и полного равенства въ личныхъ правахъ индивидуума, и придавъ этимъ началамъ значеніе догмата вѣры, Гуттерская община низвела семью, — мужа и жену, — до «пары» въ смыслѣ самца-самки, племенного приплода. Это ставило общину въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое она, по сущности своей теоріи, признавала за семейнымъ началомъ. Другое послѣдствіе, логически вытекавшее изъ основныхъ началъ, было соединеніе церковной и гражданской власти надъ общиною въ одномъ лицѣ, приговоры котораго «священны»; вотъ новое, коренное противорѣчіе съ основнымъ принципомъ равноправности, такъ какъ, въ сущности, члены братства оказались *равно безправными* предъ деспотическою властью своего старшины. Результаты такой комбинаціи читателю известны. Радичевская коммуна, въ силу догматическаго значенія усвоенныхъ ею основныхъ положеній, не допускала и не могла допустить никакихъ уступокъ въ пользу гражданскаго положенія индивидуума; ей оставалось, или омончательно застыть въ первоначально сложившихся условіяхъ, или разрушиться. И судьба Радичева разрѣшилась гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать при благопріятной обстановкѣ,

данной братству правительствомъ. Ни пособія, ни привилегіи не могли остановить разложенія коммуны, такъ какъ единственная способная на это сила — прогрессивно возрастающій деспотическій терроръ — была здѣсь немыслима, хотя почти только вслѣдствіе окружавшей общину внѣшней среды, т. е. того «языческаго» кодекса, несостоятельность котораго требовалось доказать.

Сарепта, по крайней мѣрѣ въ періодъ цвѣтущаго своего положенія, стремилась неуклонно къ осуществленію того же идеала. Вся разница въ устройствѣ евангелическаго братскаго общества отъ Радичевской коммуны касалась не столько сущности основныхъ принциповъ, сколько способа практическаго ихъ примѣненія. Старшину-деспота замѣнили центральныя коллегіальныя учрежденія: синодальное собраніе и дирекція, — одно какъ законодательная, другая — какъ исполнительная власть. Власти эти, выходя изъ среды братства по срочнымъ выборамъ, всегда стояли выше статута церковно-общиннаго благочинія и благоустройства, безусловно обязательнаго до отмѣны, или измѣненія его, въ законодательномъ порядкѣ, для мѣстнаго управленія въ общинахъ. Кромѣ того, братское общество, исходя отъ тѣхъ же основныхъ началъ — общности имущества и полной равноправности — не прикрѣпило однако никого изъ своихъ членовъ лично ни къ общинному имуществу, ни вообще къ общинному союзу: всякій членъ его сохраняетъ за собою личное право во всякое время оставить братскій союзъ, какъ въ свою очередь и община можетъ удалить изъ своей среды каждаго, «не отдавая никому отчета». Такимъ образомъ, приведенныя нами основныя начала получили здѣсь, по преимуществу, экономически-гражданское значеніе, вмѣсто прежняго догматическаго; а такая условность въ свою очередь давала возможность, рядомъ съ корпоративно-коммунальною жизнью, — допустить и жизнь семьями, въ отдѣльныхъ домахъ и хозяйствахъ, личную собственность, болѣе или менѣе опредѣленныя юридическія отношенія индивидуума къ общинѣ и т. д. Читатель знаетъ, къ чему пришла Сарепта въ теченіе столѣтняго своего существованія: вся исторія ея есть рядъ палліативныхъ сдѣлокъ общиннаго начала съ личнымъ, — сдѣлокъ, окончателный результатъ которыхъ еще впереди, хотя и обозначилось уже довольно осязательно, что братство, путемъ тяжелаго опыта, болѣе и болѣе сближается съ отвергнутымъ имъ «языческимъ» кодексомъ. И едва ли потребуется новаго столѣтія, чтобы окончательно придти Сарептѣ къ сознанію превосходства гражданскаго права «грѣшнаго міра» предъ ея собственнымъ, уже значительно поблекшимъ

идеаломъ, благодаря, конечно, *обоюднымъ уступкамъ и усовершенствованіямъ.*

Меннониты, съ которыми мы намѣрены теперь ознакомить читателя, именуютъ себя также братствомъ; также, какъ Сарепта и Радичевъ, они связываютъ довольно тѣсно церковно-общинное благочиніе съ гражданскимъ устройствомъ, основывая и то и другое предпочтительно на текстахъ св. писанія. Но у нихъ власть духовная положительно отдѣлена отъ власти гражданской, и притомъ въ таковой комбинаціи, что послѣдняя вполнѣ подчиняется общимъ порядкамъ управленія, а семейно-гражданское право ихъ, имѣя въ основаніи своемъ все тотъ же принципъ равноправности, весьма близко, если не совершенно совпадаетъ съ идеаломъ, къ которому стремится наше сельское состояніе. По крайней мѣрѣ на всю нашу иностранную колонизацію общинно-имущественное и семейное устройство меннонитовъ оказало весьма существенное, и притомъ благотворное вліяніе, тѣмъ болѣе, что правительство, убѣждаясь изумительно быстрыми успѣхами меннонитскаго хозяйства, руководилось ими до извѣстной степени при устройствѣ большинства остальныхъ колоній.

## I.

Исторія меннонитскаго братства восходитъ равнымъ образомъ до временъ реформаціонныхъ. Братство это составляетъ преобразовавшуюся отрасль анабаптистовъ или перекрещенцевъ, появившихся, въ видѣ особой секты, въ Германіи, одновременно съ Лютеромъ. Анабаптисты возставали противъ крещенія младенцевъ, и нѣкоторыхъ другихъ догматическихъ и обрядовыхъ ученій католичества, лютеранства и кальвинизма. Изъ числа послѣдователей секты анабаптистовъ отличались особеннымъ фанатизмомъ извѣстные «цвикаускіе пророки» въ Саксоніи, и, во главѣ ихъ, не менѣе извѣстные въ исторіи того времени Тома Мюнцеръ, Мартынъ Целларіусъ и др. Основнымъ принципомъ ихъ проповѣди была полная равноправность всѣхъ христіанъ. При дальнѣйшемъ развитіи секты, сюда присоединился еще принципъ безусловной имущественной общности.

Юный протестантизмъ, выставивъ на знамени своемъ: свободу совѣсти и убѣжденія, держался однако этого великаго начала только въ собственныхъ, исключительныхъ интересахъ. «Цвикаускіе пророки», осмѣлившіеся имѣть свое сужденіе, подверглись въ Саксоніи жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны главныхъ религіозныхъ партій. Слабые числомъ, анабаптисты бѣ-

жали во всё стороны, и главный ревнитель ихъ, Тома Мюнцеръ, успѣлъ основаться въ Вальдсгутѣ, на границѣ Швейцаріи съ Виртембергомъ. Здѣсь сложился новый центръ секты, перемѣстившійся затѣмъ въ городъ Мюнстеръ, гдѣ тогдашній глава анабаптистовъ — Бокгольдъ, или Іоганнъ Лейденскій, основатель «царство новаго Сіона» и провозгласилъ себя его королемъ.

Извѣстно, что принципы личной равноправности и имущественной общности были доведены въ царствѣ «новаго Сіона» даже до разрушенія семьи, до многоженства. И не здѣсь ли слѣдуетъ искать первый зародышъ мормонизма, достигшаго въ Америкѣ уже теперь такихъ значительныхъ размѣровъ, что во всякое время можетъ выставить на свою защиту до 20,000 вооруженныхъ съ ногъ до головы воиновъ? Но и въ настоящемъ случаѣ мы находимъ нить, возвращающую насъ въ Чехію. Дѣло въ томъ, что Тома Мюнцеръ, до удаленія своего въ Вальдсгутъ, провелъ около двухъ лѣтъ (1521—1522 гг.) въ Прагѣ, возвращаясь здѣсь, по преимуществу, въ кругу мораво-чешскихъ братьевъ. Только съ этого времени всё проповѣди и сочиненія Мюнцера обнимаютъ уже не одну религію, но и вопросы политико-соціальныя. И нѣтъ сомнѣнія, что въ сущности соціальныхъ воззрѣній первыхъ анабаптистовъ лежитъ главная причина той непримиримой ненависти, которую одинаково питали къ нимъ и католики, и лютеране, и реформаты. Не въ правѣ ли мы предполагать, что соціальная часть ученія Мюнцера, и особенно принципъ имущественной общности, возведенный въ догматъ вѣры, былъ заимствованъ имъ изъ того же источника, откуда почерпнули его тиролецъ Гуттеръ и другіе?... Но тѣмъ интереснѣе становится для насъ крайняя уродливость, до которой дошло это начало на чуждой ему почвѣ; среди кровныхъ нѣмцевъ, въ Мюнстерѣ. Неудивительно, что на сыновъ «новаго Сіона» ополчилась вся Германія, и что противъ догмата имущественной общности и католики, и протестанты дѣйствовали также дружно, какъ въ свое время каликстинцы и католики противъ гусситовъ-таборитовъ.

Въ 1535 г., городъ Мюнстеръ былъ взятъ приступомъ общими силами католиковъ и протестантовъ; сыны «новаго Сіона» погибли почти поголовно. Но еще до настоящей катастрофы отсюда были отправлены въ разныя стороны «апостолы-проповѣдники». Благодаря этому обстоятельству, ученіе анабаптизма не погибло; въ теченіи времени оно подверглось только существеннымъ измѣненіямъ. Устрашенное судьбой царства «новаго Сіона», большинство мюнстерскихъ апостоловъ-проповѣдниковъ нашли возможнымъ возвратиться къ ученію о святости моногамическаго брака



и семьи, и съ тѣмъ вмѣстѣ вовсе отступиться отъ принципа имущественной общности. Такая уступка ставила ихъ сразу въ прежнія солидарныя отношенія съ тогдашнимъ обществомъ, но она же доказываетъ, что означенное начало было элементомъ напускнымъ и, по сущности своей, совершенно чуждымъ духу и возрѣнιάмъ этихъ людей. Иначе, едва-ли они такъ легко отрѣшились бы отъ него. Не забудемъ, что собравшіеся въ Гернгутѣ мораво-чешскіе братья, не смотря ни на авторитетъ графа Цинцендорфа, ни вообще на значительное число присоединившихся къ нимъ нѣмцевъ, согласились только обойти молчаніемъ вопросъ имущественной общности, а на дѣлѣ пытались удержать этотъ принципъ почти всецѣло. Вспомнимъ нашихъ радичевцевъ, которые, среди вѣсковыхъ гоненій, выражали постоянную готовность жертвовать въ защиту своего знамени и жизнь, и достояніемъ; вспомнимъ, наконецъ, потомство этихъ утопистовъ, стремящееся и по сіе время къ осуществленію идеала отцовъ. Не зная даже личности мюнстерскихъ «апостоловъ - проповѣдниковъ», отказавшихся такъ легко отъ начала имущественной общности, мы тѣмъ не менѣе вполне увѣрены, что они вышли не изъ среды славянской народности, и вообще не принадлежали къ числу людей, бывшихъ въ болѣе или менѣе близкихъ соотношеніяхъ съ религіозно-соціальными движеніями въ Чехіи и Моравіи.

Ограничиваясь одной религіозной пропагандою, апостолы анабаптистовъ вновь стали пріобрѣтать послѣдователей по Рейну, въ сѣверной Германіи и Нидерландахъ. Наконецъ, ученіе ихъ почти совершенно освободилось отъ прежняго фанатизма, когда явились между ними, въ качествѣ реформаторовъ, братья Уббо и Диреъ Филипсы и Менно Симонсъ, толку котораго слѣдуютъ всѣ меннониты, названные его именемъ.

Менно Симонсъ родился въ Витмарзумѣ, въ Фрисландіи. Съ 1524 г., онъ состоялъ на родинѣ своей приходскимъ священникомъ. Въ 1536 г., Менно формально отрекся отъ католицизма, окрестился по обряду анабаптистовъ и сдѣлался духовнымъ старшиною ихъ, въ Гренингенѣ. Поставивъ себѣ задачею склонить, по возможности, всѣхъ новыхъ единовѣрцевъ своихъ на такую внутреннюю организацію, которая доставила бы имъ, если не покровительство, то терпимость со стороны правительственныхъ властей, Менно Симонсъ объѣзжалъ для этой цѣли Нидерланды, прирейнскія земли, ганзейскіе города и Пруссію. Неутомимой пропагандѣ его удалось собрать разбросанныхъ въ этихъ мѣстностяхъ анабаптистовъ въ особыя общины, которыя стали именоваться: «общины Божьи, нищее беззащитное братство».

Ученіе Менно Симонса отвергаетъ духовную іерархію и

вообще священство, присягу, войну и всякаго рода возмездіе. Брачный разводъ оно допускаетъ только въ случаѣ нарушенія супругами взаимной вѣрности. Требуя крещенія не младенцевъ, а исключительно однихъ взрослыхъ, и положительно запрещая послѣдователямъ своимъ отправленіе какихъ бы то ни было правительственныхъ должностей и военной службы, Менно признаетъ правительство вообще учрежденіемъ до времени необходимымъ, но, тѣмъ не менѣе, чуждымъ царству Христа Спасителя. Далѣе, Менно наказываетъ, что церковь, какъ общество святыхъ, слѣдуетъ поддерживать въ соотвѣтственной тому чистотѣ. Вообще же, отождествляя вполне понятія «церковь», «общество святыхъ» и «приходскую общину», праучитель меннонитовъ требуетъ и практическаго примѣненія весьма строгихъ правилъ церковно-общиннаго благочинія. Въ то же время онъ не только сохраняетъ лично за каждымъ меннонитомъ право, но и обязываетъ его придерживаться исключительно того прихода, который болѣе всего соотвѣтствуетъ собственному личному убѣжденію каждаго. Крайнимъ дисциплинарнымъ средствомъ благочинія указывается — церковное отлученіе, и притомъ въ такой формѣ, что примѣненное строго, отлученіе это влечетъ за собою ограниченіе, или даже временное лишеніе отлученнаго, косвеннымъ путемъ, не маловажныхъ гражданскихъ правъ. Мѣра эта состоитъ не только въ устраненіи отлученнаго собственно отъ церкви и церковнаго общенія, но и въ запрещеніи всякому другому меннониту имѣть съ такимъ лицомъ какое бы то ни было сношеніе исоприкосновеніе, даже въ частной гражданской жизни. По принципу, отлученнаго оставляютъ его слуги, даже семейные; отъ него отворачиваются сосѣди и не удостоиваютъ ни отвѣта, ни приѣта лучшіе друзья его; онъ — личность безусловно всѣми отверженная, «пока не принесетъ должнаго покаянія». Такой характеръ церковнаго отлученія приводилъ меннонитовъ нерѣдко въ весьма неловкія отношенія къ законамъ страны не только у насъ, но и за границу, такъ какъ нигдѣ, кромѣ развѣ въ мѣстахъ преобладанія католическаго ультрамонтанства, карательная власть церкви не должна касаться личныхъ правъ гражданина. Подобнаго рода неудобства породили у самихъ меннонитовъ, уже вскорѣ послѣ смерти ихъ праучителя, внутреннія несогласія и раздоры: явились двѣ партіи, отстаивавшія одна — болѣе строгія, другая — менѣе суровыя правила церковнаго отлученія. Только около 1800 г. состоялось между враждующими соглашеніе, которымъ было положено — не дѣлать настоящій вопросъ поводомъ раздора, а предоставить практическое разрѣшеніе его каждому приходу; сообразно убѣжденію большинства при-

хозянъ и соотвѣтственно даннымъ внѣшнимъ условіямъ. Отсюда понятно, что и по настоящее время церковное отлученіе, и вообще общинно-церковное благочиніе играютъ весьма важную роль какъ у заграничныхъ, такъ и у нашихъ меннонитовъ.

Еще во время польскихъ королей, значительное число меннонитовъ перешло изъ Нидерландовъ въ окрестности города Данцига, въ западной Пруссіи. Здѣсь, въ устьяхъ Вислы, они заняли такъ-называемую Маріенвердерскую низменность, состоявшую въ то время изъ болотъ, песковъ и солончаковъ, заливаемыхъ то рѣкою, то со стороны моря. Пользуясь особымъ покровительствомъ польскихъ королей, а потомъ и прусскаго правительства, меннониты всегда были свободны и даже по настоящее время освобождены лично отъ военной и гражданской службы. Отведенную имъ бесплодную низменность они оградил со стороны рѣки и моря грандіозными искусственными сооруженіями и земляными плотинами, осушили болота, вывели пески и солончаки, и обратили такимъ образомъ эту мѣстность въ цвѣтущій садъ, богатые нивы и т. д. И надобно замѣтить, что эти результаты достигнуты ими еще въ то время, когда и въ самой Пруссіи поселянское хозяйство стояло на сравнительно весьма низкой степени, такъ что культурные успѣхи меннонитовъ давно уже утвердили за ними славу лучшихъ хозяевъ и благонадежнѣйшихъ гражданъ. А что эти заслуги всегда имѣли и теперь еще имѣютъ не маловажную цѣну даже за границею, то это доказывается непреклонностью, съ которою прусское правительство на нашихъ глазахъ отстаивало противъ народнаго представительства личную свободу меннонитовъ отъ обязательной военной службы. Оно дѣйствовало въ этомъ случаѣ, конечно, въ томъ сознаніи, что лишеніе меннонитовъ указаннаго права вынудитъ ихъ покинуть Пруссію.

## II.

Въ началѣ нашей статьи мы указали уже на первыя колонизаціонныя попытки нашего правительства. Въ то время нигдѣ, конечно, не было и помину о привлеченіи меннонитовъ къ отбыванію военной службы. Но за то Маріенвердерская низменность была переполнена ими, а приобрѣтеніе новыхъ земель въ Пруссіи, въ тѣхъ условіяхъ, какихъ требуетъ меннонитская общинно-культурная система, изъ года въ годъ дѣлалось затруднительнѣе. Съ другой стороны, правительству нашему очень желалось поодвинуть братство къ колонизаціи Новороссіи. Наконецъ, польскія смуты, повлекшія за собою первый раздѣлъ царства, и неопре-

дѣленные, шаткія условія, въ которыхъ по этому раздѣлу былъ поставленъ городъ Данцигъ съ его окрестностью, привели Мариенвердерское меннонитское братство къ тому, что оно охотно послѣдовало приглашенію нашего правительства, и въ 1787 г. выслало въ Петербургъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о колонизаціи. Но братство, какъ въ свое время и евангелическое братское общество, не удовольствовалося правами, дарованными манифестомъ 1763 г. всѣмъ иностраннымъ колонистамъ; само же правительство, вынесши горькій опытъ изъ предшествовавшихъ колонизаціонныхъ предпріятій, рассчитывало, и конечно не безъ основаній, что поселеніе въ Россіи такихъ испытанныхъ хозяевъ, каковы меннониты, должно будетъ сопровождаться болѣе благоприятными послѣдствіями. Поэтому немудрено, если маріенвердерскому братству было дано разрѣшеніе на переселеніе къ намъ, въ неограниченномъ числѣ, на слѣдующихъ условіяхъ <sup>1)</sup>: 1) имъ отводится земля близъ Берислава, въ Новороссійской (нынѣ Херсонской) губ., по 65 дес. на семейство, независимо отъ числа душъ въ семьѣ; 2) принявъ подданство Россіи, они и ихъ потомство пользуются свободою вѣроисповѣданія и правомъ приносить присягу «по ихъ правиламъ» изустнымъ «да»; они навсегда свободны отъ воинской и гражданской службы, отъ подводъ, работъ и постоевъ; 3) имъ предоставляется льгота «отъ всякихъ податей» на 10 лѣтъ и право заводить фабрики и заводы, торговать и записываться въ гильдіи и цѣхи; 4) на переѣздъ и первоначальное обзаведеніе имъ даются: а) подводы «отъ границы до Берислава»; б) кормовыя деньги посуточно, именно: во время пути отъ 12 до 25 к., а затѣмъ до перваго урожая по 10 коп. на душу обоюго пола; в) сѣмянной хлѣбъ «съ возвращеніемъ его по времени»; ссудою на каждое семейство по 500 руб. «черезъ 5 мѣсяцевъ по прибытіи въ Ригу» и по 120 четырех-саженныхъ бревенъ, а на все общество перваго транспорта—еще 6 жерновыхъ камней и нужный на выстройку двухъ мельницъ лѣсъ. Со своей стороны, меннониты обязывались: давать, на общемъ основаніи, квартиры и подводы для проходящихъ чрезъ ихъ селенія войскъ, содержать въ исправности дороги и мосты въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель, а по истеченіи льготныхъ лѣтъ, возвратить казнѣ ссудный долгъ въ три года и уплачивать поземельную подать «навсегда» по 15 коп. съ удобной десятины надѣла. Наконецъ, депутатамъ было дано обѣщаніе, что «если общество ихъ удовольствуется льготами и пособіями, изображенными въ рѣшеніи на

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак., т. XXVI (19372).

представленные отъ нихъ пунеты, то получаютъ и жалованную грамоту, за подписаніемъ Императорскаго Величества и съ приложеніемъ государственной печати».

На основаніи этихъ условій, въ началѣ 1789 г. прибылъ изъ-за границы первый транспортъ меннонитовъ, въ числѣ 228 семействъ. Онѣ поселились, 8-ю отдѣльными колоніями, не оволо Берислава, а въ Екаторинославской губерніи и уѣздѣ, по правому берегу Днѣпра, въ Хортицкомъ урочищѣ, съ островомъ того же названія. Въ 1793—1796 гг. явились новыя 118 семействъ; изъ нихъ 86 сем. расселились въ существовавшихъ уже колоніяхъ, а остальные 32 сем. образовали двѣ новыя колоніи: Шёнвизе — въ Александровскомъ, и Кронсгартенъ — въ Новомосковскомъ уѣздѣ. Всѣ эти колоніи вошли въ составъ особаго округа (волости), названнаго Хортицкимъ.

Однако, несмотря ни на огромныя выгоды, предоставленныя меннонитамъ, ни на испытанную славу ихъ, какъ образцовыхъ хозяевъ, предпринятая ими колонизація шла далеко не вполне удовлетворительно. Причины тому были весьма разнородныя, но всѣ онѣ состояли внѣ власти самихъ поселенцевъ. По свидѣтельству извѣстнаго уже читателю статскаго совѣтника, впоследствии сенатора Контеніуса, ревизовавшаго южныя колоніи въ 1798—1799 гг., меннониты были «почти всѣ вообще въ домашнемъ быту порядочны и опрятны, въ нравственной жизни — трезвы и чисты, а въ домостроительствѣ прилежны и старательны». Но за всѣмъ тѣмъ, Контеніусъ выражалъ сомнѣніе, чтобы поселенцы эти когда-либо могли достигнуть «хорошаго состоянія». Хортицкое урочище состоитъ изъ маловодной, каменистой возвышенности. По словамъ Контеніуса, «по сухости земли, по недостатку влажности и по безводію» — травы здѣсь выгорали, хлѣбъ росъ худо и часто «пахарь обрабатывалъ и засѣвалъ поля напрасно», такъ что только «рѣдкій изъ поселянъ» могъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Одно скотоводство приносило «нѣкоторую» выгоду, а потому поселенцы «сею частью сельскаго хозяйства весьма» занимались. Они привели съ собой изъ-за границы «достаточное число иностранной породы» лошадей и скота, но, по недостатку въ пастбахъ и сѣнѣ, нельзя было дать скотоводству тѣ размѣры, какъ того желали поселенцы и какъ то было въ «обычаѣ». Особенно вредили въ этомъ отношеніи «жестокія зимы», къ которымъ ни сами поселенцы, ни приведенный ими скотъ не привыкли. Къ тому же, 86 семействъ послѣднихъ транспортовъ, «прождавъ слишкомъ два года назначенія имъ мѣстъ подъ водвореніе» и не дождавшись — таки надѣла, принуждены были размѣститься въ средѣ устроившихся уже обществъ, и тѣмъ

стѣснили послѣднихъ. «Тѣснота помѣщенія меннонитовъ — включаетъ Контеніусъ — на такомъ мѣстѣ, которое не приноситъ надлежащихъ выгодъ, главною причиною сихъ крайностей, а при томъ и со стороны казны чрезмѣрно медленное и мелочное, не въ сходство привилегій и кондицій ихъ, удовольствіе, ибо суммы, весьма раздробительно и малыми частями выданныя, по долгому неводворенію послужили имъ только къ одному провормленію и донныѣ отнимали отъ нихъ способы къ прочному устроенію себя, такъ что многіе дома доселѣ ими отстроены худо, или не оконченны, 38-же семействъ и совсѣмъ не имѣютъ оныхъ». При такихъ условіяхъ, Контеніусъ не предвидѣлъ даже возможности для меннонитовъ платить въ свое время положенную съ нихъ подать и возвратить казнѣ ссудный долгъ; вообще же положеніе дѣлъ было таково, что сами меннониты упали духомъ, а маріенвердерское братство даже вовсе пріостановило дальнѣйшее переселеніе.

Такое недоувѣріе къ будущимъ успѣхамъ колонизаціи не можетъ, вонечно, не вызвать невольную улыбку у современнаго читателя, болѣе или менѣе знакомаго съ положеніемъ нашихъ колонистовъ. Но, въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, недоувѣріе это имѣло весьма существенныя и дѣйствительныя основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что не малую роль играли здѣсь рѣзкія противоположности климатическихъ, почвенныхъ и вообще хозяйственныхъ условій, существующія между Маріенвердерскою низменностью съ одной, и Новороссіею съ другой стороны. Само собой разумѣется, что близкое знакомство съ культурою колонизируемой мѣстности, меннониты могли купить только цѣною немаловажныхъ пожертвованій, упорнаго и осмысленнаго труда. Но изъ имѣющихся въ виду данныхъ, мы убѣждаемся, что матеріальныя жертвы не пугали поселенцевъ, а въ нравственныхъ силахъ недостатка у нихъ не было. Чтобы еще болѣе убѣдиться, что дѣйствительныя причины «крайняго» положенія меннонитской колонизаціи слѣдуетъ искать не въ этомъ направленіи, мы позволимъ себѣ сдѣлать отступленіе и бросить взглядъ на одновременное положеніе остальныхъ колонистскихъ водвореній.

## III.

Мы указали уже на характеръ нѣмецкихъ колонистовъ, привлеченныхъ въ Россію, на основаніи манифеста 1763 г., нарочно посланными отъ насъ комиссарами. Огромное большинство этого люда представляло не иное что, какъ самый разнохарактерный, обнищавшій и нравственно распущенный сбродъ, по типическому выраженію самихъ колонистовъ: *der Abschaum Deutschlands* (накипь, или, какъ у насъ говорятъ, «подонки» Германіи). Здѣсь находились и промотавшіеся офицеры, художники, студенты, купцы, ремесленники, и даже бѣжавшіе отъ правосудія преступники; всего менѣе было сколько-нибудь благонадежныхъ земледѣльцевъ. Весь этотъ сбродъ, въ теченіе 3 — 4 лѣтъ, былъ перемѣщенъ, какъ намъ извѣстно, въ низовое повожь. Только небольшая, и при томъ лучшая часть переселенцевъ была водворена въ колоніяхъ: Средней Рогаткѣ, Ново-Саратовской, Ямбургской и Ижорской С.-Петербургской губерніи, въ вол. Рибенсдорфъ на Слободской украинѣ; въ вол. Бѣловѣжскихъ Черниговской губерніи и въ лифляндской колоніи Гиршенгофъ-Гельфрейхсгофъ.

Благодаря мотовству, праздности и разврату поселенцевъ, но не менѣе того и корысти управлявшихъ дѣломъ колонизаціи мѣстныхъ властей, одно повожское водвореніе обошлось казнѣ до 5 милліоновъ рублей, изъ числа которыхъ подлежало возврату безъ малаго только 3 милл. — Къ довершенію бѣды, колонизація повожья была предпринята вообще не въ добрый часъ. Тогдашняго состоянія края мы отчасти коснулись уже въ исторіи Сареπτы, а кто нуждается въ болѣе близкомъ поясненіи, того отсылаемъ къ статьѣ г. Мордовцева: «Пугачевщина» <sup>1)</sup>. Разоренные огнемъ, убійствами и грабежемъ города и селенія; розыски, казни и ссылки; не вспаханные и не засеянные поля, голодъ и нищета, — вотъ страшная картина того положенія, въ какомъ очутились мѣстности, непосредственно пострадавшія отъ Пугачевского мятежа; но не однѣ эти мѣстности, даже весь русскій народъ, вся Россія долго не могли оправиться послѣ этого кроваваго пира.

Мятежническія шайки прошли разрушительнымъ ураганомъ черезъ всѣ колоніи обоихъ береговъ Волги. Кромѣ того, поселенія лугового берега неоднократно подвергались еще хищническимъ набѣгамъ со стороны киргизъ-кайсаковъ, которые рѣзали,

<sup>1)</sup> Вѣстникъ Европы. Томъ I, 1866 г.

грабили и уводили въ плѣнъ населеніе, его скотъ и имущество; нѣкоторыя колоніи были уничтожены ими окончательно.

Наконецъ, послѣ повозможнаго въ то время успокоенія края, были сформированы: 46 колоній, въ составѣ 5 округовъ, по нагорной сторонѣ р. Волги, т. е. въ Саратовской губ., и 56 колоній въ составѣ 5-ти же округовъ, по луговой сторонѣ, въ нынѣшней Самарской губ. Съ 1770 г. прекращено всякое со стороны приселеніе къ этому водворенію, а въ 1775 г. числилось въ немъ всего 12,929 муж. пола душъ. Слѣдовательно, одного возвратнаго долга приходилось здѣсь до 230 руб. на душу.

Изъ предъидущаго видно, что поселеніе колонистовъ, по отдѣльнымъ округамъ и колоніямъ, или сельскимъ обществамъ, соотвѣтствовало вполнѣ порядку, установленному основнымъ колонизаціоннымъ закономъ 19-го марта 1764 г. Но ни въ дѣлахъ того и послѣдующаго времени, ни въ памяти самихъ поселенцевъ, намъ не удалось найти ни малѣйшаго указанія на то, чтобы означенный законъ былъ примѣненъ къ колонизаціи поволжья во всѣхъ подробностяхъ. Напротивъ, архивныя дѣла единогласно указываютъ на вполнѣ хаотическое состояніе какъ поземельнаго устройства и счетовъ о казенныхъ долгахъ поселенцевъ, такъ и порядковъ мѣстнаго управленія ими. Правда, по закону 19-го марта 1764 г., было предположено между прочимъ «заблаговременно сочинить нѣсколько различныхъ учрежденій (о внутренней юрисдикціи колоній), и на которыя изъ оныхъ выѣхавшіе и впредь выѣзжающіе согласятся, тѣ утвердя письменно, учинить всегдашнимъ той колоніи и всѣхъ поселянъ одной округи закономъ». Но это благое дѣло такъ и осталось въ предположеніи; «внутренняя юрисдикція» была предоставлена обычаю и произволу мѣстныхъ властей какъ въ поволжьѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ колонистскихъ водвореніяхъ, не исключая меннонитскихъ: Причину тому слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, въ полнѣйшей неудачѣ, которую потерпѣли главные дѣятели, двигавшіе колонизаціоннымъ дѣломъ. Правда, Канцелярія опекунства иностранныхъ поселенцевъ еще въ 1765 г. успѣла подчинить поволжскія колоніи и завѣдывавшихъ ими комиссаровъ особой конторѣ, въ Саратовѣ, облеченной весьма обширной властью. Но изъ высочайше утвержденнаго доклада по этому предмету правительствующаго сената видно, что контора эта утверждалась «на то лишь время, пока сіе иностранное поселеніе, вошедъ во всѣ русскіе обычаи, препоручено быть можетъ» общему порядку мѣстнаго управленія. Слѣдовательно, голоса болѣе или менѣе враждебные исключительному положенію колонистовъ среди сельскаго состоянія—уже тогда заявляли о себѣ; они очевидно шли въ разрѣзъ съ



тою системою, которая была усвоена руководителями колонизаціи. Къ довершенію всего, саратовская контора оказалась безсильною, какъ противъ всеобщаго неурстройства въ краѣ, такъ и противъ безпутности самихъ поселенцевъ. И вотъ, съ учрежденіемъ, въ 1782 г., губерній, упомянутые нами голоса взяли верхъ: всѣ колоніи подчинились, на общемъ основаніи, вѣдѣнію казенныхъ палатъ, земскихъ исправниковъ и общихъ судебныхъ мѣстъ. О послѣдствіяхъ этой мѣры слишкомъ краснорѣчиво распространяются законодательные акты и архивы, въ памяти же самихъ поселенцевъ время это считается періодомъ народныхъ бѣдствій, въ сравненіи съ которыми самая Пугачевщина представляется совершенно ничтожною.

Къ исходу XVIII столѣтія, однѣ только колоніи Петербургскія и Меннонитскія, въ Новороссіи, представляли болѣе или менѣе прочныя задатки правильнаго общественнаго устройства — первыя, благодаря ближайшей заботѣ объ нихъ центральнаго правительства, а вторыя — вслѣдствіе извѣстныхъ колонизаторскихъ свойствъ меннонитовъ и выработанной ими общинно-культурной системы. Всѣ остальные колонисты наши оказались въ полнѣйшемъ разстройствѣ, такъ что правительство нашло нужнымъ нарядить повсемѣстныя чрезвычайныя ревизіи для изслѣдованія причинъ безпрестанныхъ жалобъ и всеобщаго «изнеможения и несостоянія иностранныхъ поселенцевъ». Собранныя этими ревизіями фактическія свѣдѣнія убѣдили правительство окончательно въ необходимости возвратиться къ основнымъ началамъ колонизаціи, предпринять заново устройство колоній и ихъ управленія снизу до верху, и изъять ихъ совершенно изъ вѣдѣнія общихъ мѣстныхъ учреждений, «дабы поселенные иностранцы съ уѣзднымъ казначеемъ и съ земскимъ исправникомъ, или комиссаромъ, никакого дѣла имѣть не могли»<sup>1)</sup>.

Вслѣдствіе того, въ 1797—1801 гг. были вновь учреждены конторы опекунства иностранныхъ — Саратовская и Новороссійская, и особое инспекторство для с.-петербургскихъ колонистовъ. Къ вѣдѣнію сихъ учреждений отошли всѣ дѣла колонистовъ, за исключеніемъ уголовныхъ, и, изъ числа гражданскихъ, дѣла общія волонистовъ «съ россійскими обывателями». Но и эти дѣла разрѣшались не иначе, какъ въ общемъ присутствіи колониальнаго начальства съ подлежащими мѣстами.

Однако, одного изъятія колоній изъ вѣдѣнія общихъ властей и учреждений было недостаточно; нужно было оградить поселенцевъ и отъ произвола ихъ собственнаго попечительства и для

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак., указъ 1797 г. іюля 30.

того окончательно установить ихъ внутреннія и внѣшнія, общественныя и поземельныя условія. Съ этой цѣлью, въ 1800 — 1803 гг. <sup>1)</sup> были изданы законодательнымъ порядкомъ и повсемѣстно по колоніямъ преподаны къ руководству однообразныя «инструкціи внутренняго распорядка и управленія», дѣйствующія и по настоящее время.

Сущность этихъ инструкцій, на сколько онѣ касаются порядковъ общественнаго управленія, заключается въ слѣдующемъ:

*По мірскому или сельскому управленію*, колонисты каждой колоніи составляютъ мірское, сельское общество, которымъ управляютъ: а) сельскій мірской сходъ, составляющійся созывомъ «не менѣе одного колониста съ каждаго двора»; и б) сельскій приказъ, состоящій изъ шульца и двухъ или болѣе бейзицеровъ, назначаемыхъ по выбору схода на два года, и изъ писаря, по найму. Предметы вѣдѣнія сельскаго схода суть: выборы лицъ сельскаго и окружнаго управленія; увольненіе колонистовъ въ другія званія; утвержденіе условій на вызовъ священниковъ; разсмотрѣніе просьбъ и жалобъ объ общественныхъ нуждахъ; раскладка податей и повинностей; учетъ должностныхъ выборныхъ лицъ по окончаніи каждаго года и при оставленіи должности; исключеніе и удаленіе изъ колоній поселенцевъ развратнаго поведенія; установленіе мірскихъ сборовъ и расходовъ и т. п. При выборахъ на общественную службу, каждый колонистъ на сходѣ подаетъ свой голосъ по очереди «кто, кого, къ чему избираетъ»; на кого падетъ большее число голосовъ, «тѣ и утверждаются общею всѣхъ подпискою и представляются на окончательное утвержденіе начальства». Сельскій приказъ завѣдуетъ каждый тѣмъ селеніемъ, въ которомъ онъ учрежденъ; онъ долженъ имѣть засѣданія не менѣе одного раза въ недѣлю, по назначенію шульца, и вести особыя книги: для записки начальственныхъ приказаній и распоряженій, о приходѣ и расходѣ суммъ и сборовъ; для внесенія частныхъ жалобъ, исковъ и споровъ и состоявшихся по нимъ постановленій. Но «никакое положеніе приказа не должно быть признано за законное, если по немъ дѣло не было слушано, суждено и рѣшено всѣми членами вообще». Шулецъ отвѣтствуетъ за благоустройство и благочиніе въ колоніи, а также за исправное поступленіе всѣхъ сборовъ; онъ ведетъ счета какъ этимъ сборамъ, такъ и вообще всѣмъ общественнымъ суммамъ, печется вообще о нуждахъ общества и предлагаетъ ихъ на обсужденіе схода, котораго онъ предсѣдатель. Виновные въ проступкахъ поселяне подвергаются взыска-

<sup>1)</sup> Полн. Собр. 1800 (19562), 1801 (19873) и 1803 (20841). Digitized by Google

нiямъ по приговору шульца, но не иначе какъ съ согласiя «лучшихъ людей» въ обществѣ, или же съ разрѣшенiя окружнаго приказа. Внѣ закона или безъ особаго мiрскаго приговора не допускаются никакiе сборы или поборы съ колонистовъ.

По окружному управленiю, колонiи соединены въ округа и въ каждомъ округѣ состоитъ особый окружный приказъ. Сельскiй приказъ тавой колонiи, которая, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могла войти въ составъ округа, дѣйствуетъ во всемъ на правахъ приказа окружнаго. Въ обоихъ случаяхъ приказъ составляютъ: окружный голова и два или болѣе бейзицеровъ, избираемыхъ окружнымъ обществомъ — первый на три, а послѣднiе — на два года. При каждомъ окружномъ приказѣ состоитъ писарь, большею частью съ помощниками. Писаря опредѣляются попечительствомъ по соглашенiю съ окружнымъ головою. Предметы занятiя и порядокъ дѣлопроизводства и счетоводства въ окружныхъ приказахъ тѣ же, какiе установлены для приказовъ сельскихъ, съ тою только разницею, что вѣдомство первыхъ, какъ высшей по всѣмъ дѣламъ инстанци, обнимаетъ всѣ причисленныя къ округу селенiя. На этомъ основанiи, головѣ подчиняются шульцы, но и онъ, подобно шульцу, обязанъ отчетомъ предъ избравшими его обществами. Голова имѣетъ власть наказывать виновныхъ поселянъ денежными штрафами, арестомъ и публичною работою, но только съ согласiя шульца; наказанiе же тѣлесное допускается не иначе, какъ по особому въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшенiю главнаго мѣстнаго начальства. Ссоры и иски, неоконченныя въ сельскомъ приказѣ, переносятся, по жалобѣ одной изъ сторонъ, въ приказъ окружный, а отсюда уже, въ случаѣ неудовольствiя кого-либо изъ сторонъ, дѣла поступаютъ на окончательное рѣшенiе главнаго мѣстнаго начальства, съ которымъ окружный приказъ сносится непосредственно.

Наконецъ, были опредѣлены особые смотрители колонiй. Они, проживая на мѣстахъ — каждый въ своей дистанци — должны содѣйствовать главному мѣстному попечительству «къ вѣдшему улучшенiю благосостоянiя колонистовъ и, не вводя произвольно никакихъ распоряженiй», сохранять между поселенцами «надлежащую подчиненность къ начальству всегдашнимъ наблюдениемъ, чтобы учрежденный въ колонiяхъ порядокъ неизмѣнно былъ сохраняемъ», о всякомъ же нарушенiи этого порядка доносить по начальству. По мѣрѣ развитiя колонiй, сверхъ обязанности надзора за правильнымъ ходомъ общественнаго самоуправленiя сверхъ производства мѣстныхъ дознанiй, слѣдствiй и т. п., къ вѣдомству смотрителей колонiй отошли всѣ тѣ обязанности попечительства,

которые истекали изъ соприкосновенія дѣлъ колонистовъ съ общими властями—полицейскими, административными и судебными, какъ-то: депутатствованіе при слѣдствіяхъ, при рѣшеніи дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, и т. д.

По точному смыслу приведенныхъ инструкцій, цензомъ, по участію въ сходѣ и по выбору лицъ колонистскаго общественнаго управленія, является «дворъ, хозяйство». Но что же разумѣть законъ подъ этими терминами?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и выяснитъ важное значеніе втораго отдѣла инструкцій 1800—1803 гг., установившаго систему хозяйства въ колоніяхъ, намъ необходимо возвратиться къ закону 19 марта 1764 г.

До новѣйшаго времени, законодательство наше вовсе не касалось частнаго внутренняго распредѣленія между крестьянами данныхъ имъ въ надѣль земель; оно предоставляло это дѣло обычаю, усмотрѣнію самихъ обществъ. Иная постановка дана этому вопросу вышеприведеннымъ колонизаціоннымъ закономъ, съ содержаніемъ котораго читатель уже знакомъ. Сущность этого закона заключается въ томъ, что онъ приурочилъ угоды посемейнаго надѣла колонистовъ не къ «семьѣ» или «душѣ», а къ «двору» или «хозяйству», разумѣя подъ послѣдними терминами посемейный надѣль нормальнаго размѣра съ хозяйственнымъ на немъ обзаведеніемъ. Прочитавъ со вниманіемъ указываемый нами законъ, всякій легко убѣдится, что основная мысль законодателя состояла въ томъ, чтобы каждая семья получила всѣ угоды нормальнаго надѣла въ одномъ обрубѣ, чтобы въ этомъ видѣ участки, образуя съ хозяйственными обзаведеніями «дворъ», «хозяйство», оставался изъ рода въ родъ въ нераздробленномъ и единоличномъ распоряженіи одной только семьи или главы ея, и чтобы распорядитель двора былъ, по возможности, полнымъ хозяиномъ по эксплуатаціи участка, не лишая однако общества правъ владѣнія на землю и рѣшительнаго голоса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда личный произволъ участковаго хозяина могъ бы быть несомвѣстнымъ съ интересами общины-землевладѣльца. Выражаясь иначе, законъ 19 марта 1764 г. вводилъ въ тѣсныя предѣлы поселянскаго «двора-хозяйства» начало единоличнаго пользованія, какъ лучший, болѣе энергическій двигатель хозяйственнаго успѣха. Подчинивъ это начало принципу общиннаго землевладѣнія, тотъ же законъ гарантируетъ какъ цѣлостность и самобытность каждаго отдѣльнаго хозяйства, такъ и всегдашнее преобладаніе общиннаго принципа надъ произвольными попользованіями личнаго начала, которое «не имѣетъ власти участвовать своихъ ни продать, ни заложить, ни въ дробныя части раздѣ-

лить» съ тѣмъ, чтобы участки эти оставались «нераздѣльно во власти той деревни».

Мы позволимъ себѣ называть эту комбинацію поселенскаго землевладѣнія—*лично-общинною* или просто *мирскою*, въ отличіе отъ господствующихъ двухъ системъ: *обычно-общинной*, которой держится огромное большинство нашихъ крестьянъ, — и *личной*, основанной на правѣ полного частнаго владѣнія.

Посмотримъ же, какъ примѣнялась на дѣлѣ созданная, повидимому, вновь сельско-поземельная комбинація.

Привести ее въ дѣйствіе въ поволжскихъ колоніяхъ правительство, повидимому, и не пыталось. Почему, — это понятно. Прошло не мало времени, пока общія неурядица низоваго поволжья уступили мѣсто болѣе нормальному состоянію дѣлъ, пока насущная нужда успѣла вынудить наши «подонки Германіи» взяться серьезно за земледѣльческій трудъ и прочное устройство своего быта, и пока выработались здѣсь элементы здороваго земледѣльческаго сословія, сложившагося въ болѣе или менѣе органически сплоченныя сельскія общества. Когда же, наконецъ, должна была наступить эта, давно желанная пора, тогда оказалось, что прежняя неурядица стерла всѣ слѣды первоначальнаго распредѣленія населенія и его земельного надѣла. Недосчитывались цѣлыхъ сельскихъ обществъ или колоній; наличное население, — рядомъ переходовъ изъ мѣста въ мѣсто, — основало свою осѣдность по своему, такъ что если колонія и существовала подъ прежнимъ названіемъ, то первоначальнаго населенія тамъ уже почти не было: оно или исчезло неизвѣстно куда, или вымерло, или перешло въ инныя колоніи, уступивъ свое мѣсто другимъ колонистамъ. Вслѣдствіе того, перепутались и поземельныя условія. Въ колоніяхъ, гдѣ почему-либо накопилось большее число поселенцевъ, имъ недоставало земли, вообще же образовались колоніи, по большей части, очень многолюдныя, такъ что въ настоящее время численность населенія отдѣльныхъ колоній доходитъ даже до 6,000 душъ обоюго пола. Напротивъ, въ опустѣлыхъ селеніяхъ оказывался значительный избытокъ земли. Отсюда возникали споры, драки и тяжбы изъ-за границъ общественнаго землевладѣнія, которыми, какъ равно и хаотическимъ состояніемъ счетовъ казеннаго долга и незнаніемъ поселенцами русскаго языка, сьумѣла отлично воспользоваться корысть мѣстныхъ чиновниковъ. Въ довершеніе всего этого, общее число поселенцевъ успѣло значительно увеличиться, такъ что, по тогдашнимъ экономическимъ условіямъ края, земельный надѣлъ и въ общемъ итогѣ оказывался далеко недостаточнымъ. Колонисты уже въ 80-хъ годахъ начали постоянно снимать смежныя казенныя участки изъ оброка.

Къ тому же сами колонистскія общества усвоили себѣ окончательно крестьянскій общинный порядокъ пользованія землями, съ его срочными передѣлами угодій на наличное число душъ.

Въ виду всего сказаннаго, правительство признало невозможнымъ возвратиться здѣсь къ лично-общинному или мірскому распредѣленію угодій надѣла. Оно предпочло приравнять поволжскія колоніи вполне къ порядкамъ крестьянскаго землевладѣнія, и всѣ дополнительные надѣлы давало этому водворенію уже не на семейство, а на число ревизскихъ душъ. Такимъ образомъ, нормальный надѣлъ поволжскихъ колонистовъ былъ установленъ: въ 1797 г., при предпринятомъ въ то время генеральномъ межеваніи, въ 20 дес. на душу 5-й ревизіи, а въ 1840 г. въ 15 дес. на душу 8-й народной переписи <sup>1)</sup>. Соотвѣтственно этому и манифесту 1763 г., поселенцы эти съ 1809 г. уравнины съ крестьянами въ податяхъ и повинностяхъ, сохранивъ за собою одну свободу отъ повинностей рекрутской и военно-постоянной.

Иначе сложились поземельныя условія колонистовъ с.-петербургскихъ, рибендорфскихъ и бѣловѣжскихъ. У нихъ правительство стремилось дать возможное примѣненіе закону 19 марта 1764 г., особенно въ петербургскихъ колоніяхъ, которыя имѣли назначеніе «служить примѣромъ въ благоустройствѣ и сельскомъ домоводствѣ» для колонизаціи прочихъ мѣстностей имперіи <sup>2)</sup>. Но и здѣсь отводъ всѣхъ угодій надѣла каждой семьѣ «особо», т. е. въ одномъ обрубѣ, встрѣтило непреодолимыя препятствія, съ одной стороны, въ разнообразіи мѣстныхъ почвенныхъ условій, а съ другой, въ разныхъ весьма существенныхъ неудобствахъ въ отношеніи внѣшней безопасности, общественнаго благочинія, школы, церкви и т. д. Ни одно поселенческое общество не согласилось основать свою усадебную осѣдность въ разбивку, каждому двору на своемъ обрубномъ участкѣ. Противъ такого порядка поселенцы приводили массу возраженій, и, между прочимъ, неодинаковость почвенныхъ условій, отсутствіе или дальность воды, неудобства посѣщенія школы и церкви; затруднительность взаимной защиты и огражденія полей отъ потравъ; рискованность для хозяина терять разомъ весь урожай отъ градобитія, пожара и др. случайныхъ бѣдствій и т. д. Наконецъ, надѣлъ собственно петербургскихъ колонистовъ, получившихъ по 30—35 дес. на семейство, состоялъ, по преимуществу, изъ угодій, требовавшихъ такихъ трудовъ и жертвованій, которыя не были по плечу отдѣльнымъ хозяевамъ, а уступали только

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. 1802 (25,556) и 1840 (18,255).

<sup>2)</sup> Полн. Собр. Зак. 1802 г., Т. XXIV (18,006).

дружнымъ усиліямъ цѣлаго общества, и то не сразу. Приходилось вырубать сплошные лѣса, очищать поля отъ пней, высушивать болота и т. д. При такихъ условіяхъ, всѣ общества петербургскихъ колоній распорядились своимъ надѣломъ такимъ образомъ: изъ общаго пространства были вырѣзаны а) сплошная усадьба для цѣлаго поселенія, изъ которой каждая семья получила свое дворовое мѣсто съ огородомъ, садомъ и т. д., по уравнительному раздѣлу; б) общій выгонъ, съ присоединеніемъ сюда, по возможности, всѣхъ «неудобныхъ» угодій, и в) лѣсныя угодья въ общее же пользованіе цѣлой колоніи. Затѣмъ оставались сѣновосы и пахатныя поля. Эти уже угодья, соображаясь съ добротачественностью почвы, разстояніемъ полей отъ усадьбы и съ другими мѣстными условіями, были разбиты на болѣе или менѣе значительное число полей; въ каждомъ полѣ, а также изъ сѣновоса, всякій отдѣльный дворъ получалъ свой пай по уравнительному передѣлу. Самая система хозяйствованія установилась по усмотрѣнію не отдѣльныхъ хозяевъ, а общества или схода.

Да тутъ нѣтъ ничего новаго, скажетъ иной читатель: все это существуетъ точно также и въ нашей крестьянской общинѣ.

Съ перваго взгляда такое замѣчаніе не лишено, повидимому, справедливаго основанія, тѣмъ болѣе, что и въ наилучше устроенныхъ колоніяхъ, не исключая даже меннонитскихъ, пай каждаго колонистскаго двора разбросаны нерѣдко въ 20 — 30 различныхъ поляхъ. Но, всматриваясь въ дѣло ближе, мы найдемъ слѣдующія, весьма существенныя различія въ двухъ системахъ мірской и общинной. *Во-первыхъ*, обычная община дѣлитъ и передѣляетъ свои угодья на пай по числу душъ; здѣсь, по мѣрѣ увеличенія населенія, пай эти становятся меньше и меньше, такъ что поселянскій дворъ не представляетъ ничего нормальнаго даже въ томъ случаѣ, еслибъ не существовало вовсе раздѣловъ семьи. Напротивъ, мірская система, не обращая никакого вниманія на численность душъ, по отношенію къ угодьямъ надѣла знаетъ только дворъ-хозяйство, и притомъ на данное количество угодій только одно, однажды навсегда определенное число дворовъ нормальнаго размѣра; она выдѣляетъ пай двору-хозяйству «независимо отъ числа душъ въ семьѣ», такъ что количественный и качественный итогъ этихъ паевъ всегда одинъ и тотъ же, а если и встрѣчается измѣненіе собственно въ размѣрахъ отдѣльнаго пая, то только вслѣдствіе такого измѣненія всей системы мірскаго хозяйства, которая требуетъ иного распредѣленія пахатныхъ полей. *Во-вторыхъ*, въ порядкѣ наслѣдованія, обычная община дѣлитъ не только движимость, но и

строения, земледѣльческія орудія, скотъ, однимъ словомъ все хозяйственное обзаведеніе, соображаясь исключительно съ числомъ и личными правами наслѣдниковъ; она признаетъ за каждымъ членомъ семьи безусловное право на непосредственно личное пользование, какъ земельнымъ душевымъ паемъ общественныхъ угодій, такъ равно и соотвѣтственную часть хозяйственныхъ обзаведеній и инвентарнаго имущества поселянскаго двора <sup>1)</sup>. Напротивъ, мірская система, по точному смыслу закона 19 марта 1764 г., допускаетъ къ раздѣлу между наслѣдниками или членами семьи одну лишь движимость, поселянскій же «дворъ-хозяйство» она сохраняетъ, изъ рода въ родъ, нераздѣльно въ единоличномъ распоряженіи кого-либо одного изъ семьи, и съ тѣмъ притомъ, чтобы дворъ-хозяйство, сдѣлавшійся почему либо вакантнымъ, переходилъ исключительно только къ одному изъ тѣхъ ближайшихъ родственниковъ умершаго хозяина, «которые собственныхъ участковъ не имѣютъ». Въ-третьихъ, въ обычной общинѣ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія, растетъ и число поселянскихъ дворовъ, а съ ними и численность представительства на мірской сходкѣ. Напротивъ, при мірской системѣ собираются на сходѣ «колонисты не менѣе одного съ cadaго двора» и выбираются на должности общественной службы исключительно одни колонисты, «имѣющіе свое собственное хозяйство». Слѣдовательно, здѣсь численный составъ сельскаго схода и число правоспособныхъ поселянъ для выборной службы, ограничены опредѣленнымъ цензомъ, не подлежащимъ de jure никакимъ колебаніямъ и перемѣнамъ, не смотря даже на возрастаніе численности населенія сельскаго общества.

Но эти, указанныя нами, правила лично-общинной системы правительству удалось, въ теченіе прошлаго вѣка, поддержать у однихъ только с.-петербургскихъ колонистовъ, у которыхъ они съ того времени и вошли въ обычай, за исключеніемъ, впрочемъ, права миноратства, безусловно отвергнутаго всѣми поселенцами. Что же касается до колонистовъ рибендорфскихъ и бѣловѣжскихъ, то они, принявъ земельный надѣлъ посемейно —

<sup>1)</sup> Тверской корреспондентъ одной изъ нашихъ газетъ, говоря о ходѣ, въ 1867 г., дѣла въ волостныхъ и общественныхъ управленіяхъ, сообщаетъ слѣдующій фактъ: «мужа дѣлятъ съ женою; три брата, во избѣжаніе грѣха, также раздѣляются, хотя у всѣхъ ихъ одна изба, одна плохая житница, одинъ худой сарай, одна лошадь, часто одна корова и т. д. По приговору общества, съ разрѣшенія волостнаго правленія, даютъ одному брату избу и овецъ, другому — житницу и лошадь, третьему — сарай и корову, и оказывается, что у cadaго брата по кухарѣ съ ребятами, нѣтъ ни у котораго свободной работницы, и одному не на чемъ работать, другому негдѣ жить, а третьему — и негдѣ жить, и не на чемъ работать».



первые въ размѣрѣ 65, а вторые 30 дес.,—были предоставлены затѣмъ вполнѣ дѣйствию ихъ «мѣстнаго обычая».

Объ экономическомъ положеніи меннонитовъ въ Хортицкомъ урочищѣ мы выше привели отзывъ Контениуса. Прибавимъ только что меннонитскія общества, основываясь въ степяхъ, имѣющихъ слишкомъ мало общаго съ угодыми петербургской губерніи, распредѣляли тѣмъ не менѣе свой надѣлъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и петербургскіе колонисты. Здѣсь и тамъ существовалъ уже въ исходѣ прошлаго столѣтія одинъ и тотъ же порядокъ внутренняго распредѣленія всѣхъ угодій надѣла, а поселянскій дворъ-хозяйство имѣлъ совершенно одинаковое значеніе, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ семейно-общественномъ быту. Принципъ мірскаго землевладѣнія, *de jure*, неизвѣстный меннонитамъ за границую, оказался, однако, вполнѣ солидарнымъ съ ихъ общинно-религіозными воззрѣніями и съ порядками ихъ церковнаго благочинія. Съ другой стороны, начало единоличнаго пользованія поселянскимъ дворомъ-хозяйствомъ вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ меннонитской культуры. Потому, начало это, будучи приведено въ неразрывную связь съ господствующимъ общиннымъ принципомъ, доставило меннонитскимъ обществамъ полную возможность выработать окончательно ту систему лично-общиннаго хозяйства, существеннѣйшія основныя положенія которой установилъ уже законъ 19-го марта 1764 г.

Въ несомнѣнности преимуществъ лично-общинной системы поселянскаго землевладѣнія и хозяйства правительство не могло не убѣдиться изъ анализа тѣхъ результатовъ, до которыхъ дошли колонисты с.-петербургскіе, рибендорфскіе и особенно бѣловѣжскіе. Нивакихъ земельныхъ запасовъ при этихъ водвореніяхъ не было оставлено, а между тѣмъ численность населенія, путемъ естественнаго народженія, возрастала быстро. Жалобы на недостаточность надѣла стали поступать прежде всего отъ петербургскихъ и бѣловѣжскихъ поселенцевъ. Оно и понятно: они, какъ сказано, получили въ обрѣзъ по 30—35 дес.

Еще указомъ 17 августа 1793 г., 57 семьямъ с.-петербургскихъ колонистовъ ямбургскаго уѣзда, въ числѣ 273 обоего пола душъ, было разрѣшено переселеніе въ Екатеринославскую губ. Вслѣдъ за тѣмъ, признано было полезнымъ и возможнымъ допустить раздѣлъ двора нормальнаго размѣра, но «не иначе какъ съ дозволенія начальства, при чемъ головы и шульцы должны смотрѣть, чтобы таковыя дѣлежи служили въ прямую пользу поселянъ, а не въ разстройству ихъ хозяйства, и для того, представляя о желающихъ дѣлиться, они должны именно объяснять

добрую волю на то родителей или родственниковъ, также достаточно ли отдѣляемому будетъ на составленіе хозяйства земли, орудій и скота; и словомъ, должно при семъ случаѣ непременно наблюдать, чтобъ у перваго хозяйства удержано, а у послѣдняго заведено было съ успѣхомъ<sup>1)</sup>. На этомъ основаніи, уже въ 1806 г. почти всѣ дворы четырехъ петербургскихъ колоній были раздѣлены—каждый на два самостоятельныхъ хозяйства. Но, на этомъ дробленіе остановилось; половинный дворъ первоначальнаго надѣла сдѣлался здѣсь нормальнымъ и такимъ онъ остается до настоящаго времени, такъ какъ дальнѣйшій раздѣлъ общества признаютъ положительно вреднымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Соотвѣтственно этому, общества с.-петербургскихъ колоній допускаютъ раздѣлъ семействъ по ревизіи только въ двухъ случаяхъ: а) когда семья пріобрѣтаетъ въ чертѣ общественнаго владѣнія, сверхъ собственнаго, еще другой дворъ; но въ этомъ случаѣ раздѣлъ для семьи даже обязателенъ, такъ какъ соотвѣтствующее закону 19 марта 1764 г. обычное право поссленцевъ вполне усвоило себѣ правило, въ силу котораго одна и таже семья, нераздѣлившись, ни въ какомъ случаѣ не должна владѣть одновременно двумя или болѣе дворами-хозяйствами въ чертѣ общественнаго землевладѣнія; и б) когда часть семьи, излишняя во дворѣ, пожелаетъ совершенно выбыть изъ состава сельскаго общества — переходомъ въ другія состоянія, другія общества и т. д. Дворъ умершаго хозяина переходитъ, по праву наслѣдованія, въ общее пользованіе его вдовы съ сыновьями, внуками и т. д., а если нѣтъ въ живыхъ матери, то къ старшему представителю семьи, который исключительно и признается полноправнымъ хозяиномъ. Всѣ дѣла по имуществу и опекамъ на земляхъ, какъ казеннаго надѣла, такъ и принадлежащихъ семьямъ въ полную собственность — внѣ этого надѣла, разрѣшаетъ, въ смыслѣ обычнаго права, мѣстный приказъ колоніи обще съ сельскимъ сходомъ. И хотя, по закону, на приговоры схода и приказа могутъ быть приносимы жалобы, но намъ не удалось найти ни одного дѣлопроизводства, похожаго на тяжбу о наслѣдственномъ хозяйствѣ. Однако, къ исходу прошлаго столѣтія, когда истекла 30-ти-лѣтняя льгота с.-петербургскихъ колонистовъ, хозяйственное положеніе ихъ еще не было вполне упрочено, благодаря все тѣмъ же общимъ причинамъ, о которыхъ мы уже

<sup>1)</sup> Ст. 173 уст. о кол. Хотя законъ упоминаетъ здѣсь о разрѣшеніи «Начальства» и ставить раздѣлъ въ зависимость отъ усмотрѣнія «головъ и шуйцевъ», но на практикѣ дѣло это безусловно подчинено, съ одной стороны, усмотрѣнію сельскаго схода, а съ другой—разрѣшенію Окружнаго Приказа.

упомянули. Вредное вліяніе «земскихъ комиссаровъ и уѣздныхъ казначеевъ» было и здѣсь положительно доказано; это повело къ учрежденію особаго инспекторства. вмѣстѣ съ тѣмъ, было постановлено <sup>1)</sup>: а) при удобнѣйшемъ для сихъ колонистовъ времени и ощутительномъ поправленіи ихъ состоянія, доводить по-земельный съ нихъ окладъ, по правиламъ удѣльныхъ имѣній, сначала до трети, а потомъ до половины дохода съ каждой десятины пашенной земли, полагая обыкновенный засѣвъ, обыкновенный урожай и обыкновенныя цѣны на хлѣбъ; б) рассмотреть счета, «по какимъ исчислены казенные долги, и силою высочайшей конфирмаціи отыскать и потребовать, гдѣ слѣды оныхъ находятся»; и в) отвести на каждое семейство не менѣе 30 дес. земли.

Бѣловѣжское водвореніе устроилось въ 1765 — 1766 г. изъ 7-ми колоній, соединенныхъ въ особый округъ. Въ томъ числѣ, колонія «Бѣловѣжскій городокъ» была заселена по преимуществу ремесленниками (23 сем.); всего же въ округѣ водворились 147 сем. Имъ были отведены 3,664 дес., т. е. на 746 дес. менѣе нормальнаго 30-ти-десятиннаго надѣла. Руководствуясь обычаемъ выдѣлять женатыхъ сыновей въ особыя хозяйства, каждая семья этихъ колонистовъ дробила свой участокъ по мѣрѣ образованія изъ ея среды молодыхъ семействъ. При всемъ томъ не прошло и 30 лѣтъ, какъ нужда въ землѣ для народившагося населенія побудила правительство отвести Бѣловѣжскимъ колоніямъ еще 821 дес. въ 70 верстахъ отъ нихъ, изъ Хрещатинской степи. Въ 1802 г. выселились сюда 36 молодыхъ семействъ кореннаго водворенія, образовавшихъ колонію Хрещатикъ, Роменскаго уѣзда Полтавской губ. Тѣмъ временемъ, обычное въ порядкѣ наслѣдованія и раздѣловъ измелченіе хозяйственныхъ земельныхъ участковъ, перепродажа и переуступка изъ рукъ въ руки дробныхъ частей нормальнаго двора, и т. д., привели Бѣловѣжское коренное водвореніе, съ одной стороны, къ крайне неравномѣрному распредѣленію угодій между хозяевами, а съ другой — къ тяжбамъ, ссорамъ и искамъ «для всѣхъ вообще раззорительнымъ». Для устраненія этихъ неудобствъ, въ 1800 г. <sup>2)</sup> послѣдовало распоряженіе: 1) довольствоваться Бѣловѣжскихъ колонистовъ землей по 30 дес. на каждое семейство, полагая по 4 души муж. пола въ семьѣ, а всего 160 сем. и соотвѣтственно сему прирѣзывать имъ удобной земли еще 1805 дес., и 2) подчинить эти колоніи вѣдѣнію новороссійской конторы опекунства

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. т. XXIV (18,006).

<sup>2)</sup> Выс. конф., 21 авг. 1800 г., докладъ прав. сената.

иностранныхъ. Означенный дополнительный надѣлъ состоялся въ слѣдующемъ 1801 г., но онъ послужилъ только поводомъ къ новымъ, еще болѣе большимъ раздорамъ. Неравнобѣрное распредѣленіе первоначальнаго надѣла дошло до того, что дѣйствительное владѣніе двора колебалось между  $\frac{1}{4}$  и 35 дес. во всѣхъ дробныхъ степеняхъ, и, сверхъ того, имѣлось до 13 семействъ вовсе безъ земли. Къ тому, въ 1806 г., числилось здѣсь уже не 160, а 194 семейства. Главы тѣхъ семействъ, которыя являлись представителями старшихъ линій въ потомствѣ первоначально поселенныхъ въ Бѣловѣжскихъ колоніяхъ 147 семействъ, доказывали преимущественное право свое на полный 30 дес. надѣлъ и требовали дополненія ихъ участвоу до этого размѣра, предоставляя остатокъ дополнительнаго надѣла къ уравнительному распредѣленію между младшими семьями. Послѣднія же, отвергая это домогательство, настаивали на уравнительномъ передѣлѣ на наличное число семействъ всего надѣла — стараго и новаго. Обѣ партіи были болѣе или менѣе равны по силамъ и упорству, а потому, всѣ попытки со стороны конторы опекунства — покончить дѣло путемъ миролюбиваго соглашенія — были тщетны. Наконецъ, высшее правительство, вынужденное полнѣйшимъ разстройствомъ всего водворенія и обременяемое нескончаемыми жалобами и дразгами, разрѣшило въ 1830 г. переселеніе отсюда 131 семейства въ Екатеринославскую губ. Онѣ образовали тамъ пять особыхъ колоній съ надѣломъ въ 60 дес. на семейство и вошли въ составъ мариупольскаго колонистскаго округа. Оставшіяся на мѣстѣ семьи, образуя по прежнему семь колоній, должны были принять къ руководству тѣ же порядки, какіе установились во всѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, надѣленныхъ землей посемейно.

Съ этого времени внутренняя вражда въ коренномъ Бѣловѣжскомъ водвореніи прекратилась совершенно и болѣе уже не возобновлялась, хотя по 10 ревизіи (1857 г.) числится здѣсь уже 205 сем., въ составѣ 1,133 муж. пола душъ.

Совершенно тѣ же результаты, при дѣйствіи однородныхъ порядковъ, мы позже встрѣчаемъ и у рибенсдорфскихъ колонистовъ. Вотъ что сказано объ нихъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ воронежскаго губернатора за 1831 г.: «Состояніе рибенсдорфскихъ колонистовъ не цвѣтущее, земля въ колоніи первоначально была раздѣлена на равные семейственные участки, числомъ 65. Хотя семейства сии въ послѣдствіи времени увеличились до 140, но количество владѣемой ими земли остается одно и то же и земля, какъ наслѣдственная, передается въ каждомъ семействѣ своему потомству, дѣлясь на 2, 3, 4 и болѣе участка. Иные

изъ сихъ участковъ перешли съ давняго времени, посредствомъ продажи, въ другія руки (т. е. отчуждены отъ потомства родоначальной семьи), нѣкоторыми владѣютъ вдовы по смерти мужей своихъ и потомъ передаютъ своимъ, а не мужнинымъ родственникамъ. Слѣдовательно, инья семейства, кои не такъ еще размножились, избыточнѣе по своему состоянію и владѣютъ землею въ бѣльшемъ количествѣ, а другія, напротивъ, раздѣлясь на 5 — 6 новыхъ семействъ и оставаясь на одномъ наслѣдственномъ первоначальномъ участкѣ, терпятъ крайній въ землѣ недостатокъ. Таковыхъ семействъ во всей колоніи находится до 30, не могущихъ безъ отягощенія оплачивать слѣдующія съ нихъ повинности. Поравнять же ихъ въ количествѣ земли не предстоитъ возможности, ибо однимъ земля сія принадлежитъ по праву наслѣдства, другимъ — по праву приобрѣтенія покупкою; у иныхъ она занята садами и огородами; другіе обратили оную подъ разныя заведенія или сѣнокосы. Отсюда возникало множество споровъ, несогласій и судебныхъ дѣлъ». Дѣла эти доходили нерѣдко даже до правительствующаго сената, такъ какъ рибенсдорфскія земли надѣла, совершенно эманципировавшись отъ основнаго принципа мірскаго владѣнія, получили характеръ какъ бы полной частной собственности, и потому тяжбы велись по праву вотчинному, т. е. въ наиболѣе сложномъ процессуальномъ порядкѣ. По поводу указаннаго заявленія губернатора завязалась административная переписка, оконченная въ 1852 г. переселеніемъ 30 бѣднѣйшихъ семействъ рибенсдорфскихъ колонистовъ въ Черноморье, гдѣ онѣ устроились особою колоніею, близъ г. Ейска. Но мало помогло это выселеніе. Рибенсдорфское общество остается при сложившемся путемъ обычая поземельномъ устройствѣ и, продолжая держаться обычая въ дѣлахъ наслѣдованія, раздѣловъ и т. д., и до сего времени не можетъ, хотя приблизительно, сравняться по благосостоянію и благоустройству даже съ тѣми поселенцами, которые водворились въ Россіи только въ нынѣшнемъ столѣтіи и воспользовались меньшими льготами, преимуществами и выгодами. Въ законѣ сказано <sup>1)</sup>: «Всѣ отведенныя подъ поселеніе колонистовъ земли присвоены имъ въ неоспоримое и вѣчно-потомственное владѣніе, но не въ личную кого-либо, а въ общественную каждой колоніи собственность», съ тѣмъ однакоже, что «колонисты не могутъ ни малѣйшаго участка изъ земель ихъ, подъ какимъ бы то видомъ не было, ни продавать, ни уступать и нивакихъ на то

<sup>1)</sup> Ст. 159 и 160 уст. о кол. ч. 2, Т. XII, изд. 1857.

крѣпостей совершать, дабы оныя земли никогда въ постороннія руки достаться не могли». Воспользовавшись этимъ закономъ, управленію государственныхъ имуществъ удалось достигнуть въ Рибенсдорфѣ по крайней мѣрѣ одного весьма немаловажнаго результата, именно: не трогая установившагося внутренняго распредѣленія угодій колоніи, управление возстановило здѣсь силу мірскаго принципа въ томъ отношеніи, что оно предоставило разбирательство и разрѣшеніе частныхъ споровъ о поселянской землѣ самому обществу, какъ дѣйствительному, законному владельцу всѣхъ отведенныхъ колоніи угодій. Вслѣдствіе того раззорительныя тяжбы рибенсдорфцевъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ совершенно прекратились.

Для полноты сдѣланнаго нами краткаго обзора нѣмецкой колонизаціи, остается сказать еще нѣсколько словъ о водворенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ колонистахъ — іозефстальскихъ, данцигскихъ, шведскихъ и ямбургскихъ.

Іозефстальскіе колонисты выѣхали изъ окрестностей г. Данцига одновременно съ первымъ меннонитскимъ транспортомъ, т. е. въ 1789 г. Они, въ числѣ 90 семействъ лютеранскаго исповѣданія, были поселены въ Новомосковскомъ уѣздѣ особою колоніею, названною Іозефсталь. Въ высочайшемъ рескриптѣ 2 іюня 1792 г., на имя генераль-маіора Кохановскаго, было только указано «удовольствовать этихъ людей ссудою вполнѣ противъ меннонитовъ». Вотъ что писалъ, въ 1799 г., извѣстный намъ Контеніусъ: «Были-ли съ іозефстальскими колонистами заключены какія либо предварительныя условія — о томъ слѣдовъ не имѣется. Мѣстоположеніе колоніи весьма хорошее; земля подъ оною плодороднѣйшая, пастбы тучныя; словомъ, колонисты имѣютъ всѣ средства, чтобы быть въ избыткѣ. Но, къ сожалѣнію, только часть ихъ или въ хорошемъ, или въ посредственномъ состояніи; прочіе же, бывъ прежде въ отечествѣ своимъ ремесленниками и поденщиками, и не зная обращаться въ хлѣбопашествѣ, мало имъ занимаютъ, въ хозяйству не радѣютъ и остаются въ бѣдности и дурно устроенными».

Данцигскіе колонисты, въ 1787 — 1788 гг., были вызваны какимъ-то коллежскимъ совѣтникомъ Траппе, равнымъ образомъ изъ Пруссіи, въ числѣ 510 муж. и 400 жен. пола душъ. Контеніусъ напелъ изъ нихъ «разсѣянными въ шведской и нѣмецкой колоніяхъ, въ Крыму и Херсони» уже всего только 111 муж. и 97 жен. пола душъ. Въ вышеприведенномъ рескриптѣ 1792 г. объ этихъ поселенцахъ сказано, что «въ разсужденіи льготы, они должны пользоваться пожалованною въ губ. Екатеринослав-

скою десятилѣтнею <sup>1)</sup>); а изъ денегъ, употребленныхъ на нихъ, уплачивать ту только сумму, которая на наличныхъ причитается». Находившіеся въ Крыму 10 и въ Херсонѣ 27 душъ снискивали себѣ пропитаніе ремесломъ или поденною работою. 21 семья, въ числѣ 41 муж. души, были поселены въ Елисаветградскомъ уѣздѣ особою колоніею, названною «Нѣмецкою». Эти поселенцы, за исключеніемъ семи хозяевъ, бывшихъ прежде ремесленниками, матросами и батраками, занимались хлѣбопашествомъ прилежно. «Въ дождливые годы, говоритъ Контеніусъ, они собирали хлѣба достаточно, при обыкновенно же случающихся тамъ засухахъ лишаются даже сѣмянъ. Вообще положеніе сихъ колонистовъ таково, что они съ нуждою одно только бѣдное пропитаніе получаютъ, а нѣкоторые, по нерадѣнію своему, и насущнаго хлѣба не имѣютъ». Къ тому же «отъ худой воды въ запрудахъ, которая наполняется лѣтомъ червями и получаетъ худой запахъ, поселенцевъ этихъ ежегодно однимъ или двумя человѣками болѣе умирало нежели рожалось». Остальныя 14 сем. данцигскихъ колонистовъ пребывали въ кол. шведской, пользуясь одинаковыми правами съ кореннымъ населеніемъ. Но изъ числа ихъ только два семейства отличались достаткомъ и прилежаніемъ; остальныя были «лѣнныя, къ хозяйству нерадивы и въ худомъ состояніи».

Шведскіе колонисты были переведены сюда, въ 1787 г. съ острова Даго, въ числѣ 904 обоого пола душъ. Къ 1799 г. Контеніусъ нашелъ въ ихъ колоніи уже не болѣе 74 муж. и столько же жен. душъ, въ числѣ 22 семействъ. Всѣ остальные «въ дорогѣ и въ колоніи померли отъ болѣзней, происшедшихъ частью отъ перемѣны климата и худой необыкновенной пищи, а частью отъ неимѣнія домовъ и отъ недостатка въ другихъ необходимо нужныхъ потребностяхъ». Сюда же была переселена, по распоряженію князя Потемкина, партія плѣнныхъ шведовъ въ 31 чел. Но въ ревизіи Контеніуса изъ нихъ оказалось на мѣстѣ не болѣе двухъ семействъ; прочіе «или вымерли, или ушли».

«Шведскіе колонисты и плѣнные шведы, отзывается Контеніусъ, къ земледѣлію и вообще хозяйству прилежны и рачительны; но мѣсто ихъ поселенія высоко, отъ чего хлѣбъ выгораетъ и получаютъ не рѣдко одни сѣмяна, иногда же и ихъ лишаются. Къ тому же суслики (овражки) причиняютъ полямъ великій вредъ. Напротивъ, пастбы тамошнія весьма хороши. Колонисты съ успѣхомъ упражняются въ рыбной ловлѣ, отъ чего

<sup>1)</sup> Т. е. общаго льготою, дарованною въ то время всѣмъ переселенцамъ, не исключая русскихъ крестьянъ.

получаютъ посредственный доходъ. На какомъ основаніи они поселены — казенная палата у себя ничего не нашла».

Наконецъ, ямбургскіе колонисты, прибывшіе въ 1793 г. изъ с.-петербургской губ., были размѣщены сначала между жителями казеннаго селенія Кайдана. Здѣсь они оставались безъ малаго два года «при совершенномъ недостаткѣ во всемъ потребномъ, отъ чего случившимися болѣзнями число ихъ умалилось съ 273 до 239 душъ». Контеніусъ нашелъ ихъ поселенными особою колоніею, подъ именемъ Ямбургской, въ 17 верстахъ отъ Новороссійска. «Часть земли колоніи хороша и удобна, говоритъ Контеніусъ, другая же песчана и камениста. Состояніе колонистовъ весьма худое; самая одежда ихъ изъявляетъ бѣдность и недостатокъ. Земледѣіемъ занимаются не всѣ, ибо нѣкоторые отъ повражи и падежа лишились купленнаго для нихъ скота; другіе, болѣзнію пришедъ въ нищиту, скотъ свой продали, такъ что 11 сем., за неимѣніемъ онаго, въ земледѣліи упражняться не могутъ. Много и такихъ находится хозяевъ, кои, сыскывая прежде себѣ пропитаніе работою на суконной ямбургской фабрицѣ и не приобывнувъ въ хлѣбопашеству, остаются до нынѣ дурными земледѣльцами».

#### IV.

Порывшись въ разныхъ захоlustяхъ обширнаго нашего отечества и насмотрѣвшись на далеко нерадостныя картины хозяйственнаго быта той части нашего сельскаго состоянія, которой льготы, права и преимущества составляли предметъ справедливой зависти русскаго крестьянина, мы невольно спрашиваемъ себя: каково же во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій, было положеніе этого крестьянина, если онъ не безъ основанія бросалъ завистливыя взгляды на своего сосѣда-колониста?...

Понятно, что о крестьянахъ, томившихся подъ вѣршнымъ игомъ, намъ и упоминать нечего; они, по тогдашнимъ понятіямъ огромнаго большинства нашего образованнаго общества, были въ полномъ смыслѣ слова не иное что, какъ безотвѣтныя «подлые рабы-холопы». Съ потрясающей душою судьбою «холопей», въ параллели съ положеніемъ «государевыхъ черныхъ людей» любознательный читатель знакомъ, или легко можетъ ознакомиться, по историческимъ изслѣдованіямъ о древней Руси гг. Чичерина, Бѣляева и другихъ. Поэтому мы коснемся нѣсколькими словами только сословія государственныхъ крестьянъ, или прежнихъ «государевыхъ черныхъ людей» за послѣднее столѣтіе.



Императрица Екатерина II обратила, въ 1763 г., до 900,000 крестьянъ, принадлежавшихъ въ крѣпость монастырямъ, въ число государственныхъ <sup>1)</sup>, и мѣру эту всякій, не задумываясь, назоветъ весьма существеннымъ улучшеніемъ быта этихъ людей. Посмотримъ же, что въ данныхъ обстоятельствахъ приходится признавать иногда за лучший жребій.

По изданіи учрежденія о губерніяхъ, государственные крестьяне, какъ и иностранные колонисты, въ хозяйственномъ и финансовомъ отношеніяхъ были поставлены въ зависимость отъ казенныхъ палатъ, а въ полицейскомъ — отъ земскихъ судовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ было даровано право имѣть собственные свои суды, подъ именемъ нижней и верхней расправъ, въ которыхъ предсѣдатели назначались отъ правительства, а засѣдатели отъ сельскихъ обществъ, по ихъ выборамъ. При заселеніи Новороссійскаго края былъ сдѣланъ даже опытъ учрежденія общественаго сельскаго управления, котораго въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи нигдѣ въ то время не существовало. Съ этою цѣлью, въ 1787 г., было издано особое учрежденіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества. Въ учрежденіи этомъ съ замѣчательною послѣдовательностью было проведено начало раздѣленія властей: наблюдательной, исполнительной и судебной; начало же финансовое занимало здѣсь второстепенное мѣсто. Въ то же время переселенцамъ дарованы были льготы въ податяхъ и повинностяхъ и предоставлены въ ихъ пользу доходы съ продажи питей. Екатерина II лично занималась даже проектомъ общаго устройства государственныхъ крестьянъ и намѣревалась дать этому сословію особую грамоту, подобно тому, какъ дарованы были грамоты дворянству и городамъ. Но императрица скончалась и намѣреніе это не осуществилось.

Между тѣмъ необходимость устройства государственныхъ крестьянъ съ каждымъ годомъ становилась болѣе настоятельною. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, желая немедленно приступить въ устройству государственныхъ крестьянъ и улучшенію сельскаго хозяйства вообще, учредилъ для этой цѣли, подъ начальствомъ генераль-прокурора, извѣстную уже нашимъ читателямъ «Экспедицію государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства». Подъ ея наблюденіемъ производились упомянутыя нами выше ревизіи колоній и, по преимуществу, ея же трудамъ колонисты обязаны прочнымъ устрой-

<sup>1)</sup> Обзорніе дѣятельности М-ва Г. И. съ 1836 по 1866. Спб. 1867. Отсюда заимствованы нами всѣ сообщаемыя о государств. крестьянахъ свѣдѣнія.

ствомъ ихъ быта. Что же касается общаго вопроса, то экспедиція успѣла только составить предположеніе объ учрежденіи волостей. Какъ ни полезно было это учрежденіе для водворенія порядка въ селеніяхъ, но отсутствіе высшаго хозяйственнаго управленія поставило волостныя учрежденія въ зависимость отъ земской полиціи и сдѣлало изъ нихъ новое орудіе притѣсненія крестьянъ. Императоръ Александръ I, въ манифестѣ 1810 г., объявляя о притѣсненіяхъ, терпимыхъ государственными крестьянами отъ чиновниковъ земской полиціи, торжественно обѣщавъ принять мѣры къ устройству и огражденію ихъ. Но, вскорѣ за тѣмъ, дѣла внѣшней политики отвлекли къ себѣ все вниманіе правительства.

Однако не одни политическія дѣла постоянно тормозили благія и самыя искреннія намѣренія монарховъ въ отношеніи улучшенія быта крестьянъ. Главнѣйшимъ тормозомъ являлось повсюду и во всемъ крѣпостное право, ревниво слѣдившее за всякими попытками и упорно предупреждавшее всякія мѣры даже въ пользу государственныхъ крестьянъ, изъ опасенія, конечно, что улучшеніе быта послѣднихъ усилитъ неминуемо неудовольствіе и ропотъ крестьянина крѣпостного.

Сельское управленіе основывалось на общественномъ началѣ, сохранявшемся искони; но, разными частными постановленіями, составъ сельскихъ обществъ былъ поколебленъ и селенія раздроблены въ административномъ отношеніи на различныя участки. Управленіе состояло: изъ старосты, или «сборщика податей», смотрителя магазина или «сборщика запасовъ», рекрутскаго отдатчика, обязаннаго «сборомъ и сдачею рекрутовъ», и сотскихъ, распорядившихся «нарядомъ подводъ и людей»; но сельскаго начальства не было.

Такимъ образомъ «сборщики» составляли внутреннюю сельскую администрацію многихъ милліоновъ народа. При такой системѣ общественнаго управленія, крестьяне подвергались повсемѣстно притѣсненіямъ и поборамъ, ибо переходя отъ одного сборщика къ другому, они не имѣли въ цѣломъ составѣ сельскаго управленія никого, кто бы по праву и обязанности могъ оградить ихъ отъ неправильнаго и безотчетнаго требованія сборщиковъ.

Таково было въ главныхъ чертахъ управленіе крестьянами. Хозяйственное ихъ устройство находилось не въ лучшемъ положеніи.

Не было ни плановъ, ни вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ владѣемыхъ крестьянами земель: правительство не знало о ихъ нуждахъ и не могло имъ помочь.

Еще, въ 1812 г., обратило на себя вниманіе правительства крайнее во многихъ мѣстностяхъ малоземеліе крестьянъ, и хотя переселеніе ихъ, мѣрами правительства, продолжалось безостановочно съ 1787 г., но тѣмъ не менѣе, къ 1837 г., болѣе 275 т. душъ имѣли земли по 2 дес. на душу, 212 тыс. — по 1 дес., до 60 тыс. менѣе 1 дес. и до 63 тыс. душъ не имѣли ни земли, ни обзаведенія.

Нуждающіеся поселяне нанимали землю у помѣщиковъ; другіе нашлись въ необходимости переселиться вовсе на владѣльческія земли, уплачивая двойную подать и владѣльцамъ и казнѣ. Наконецъ, массы народа оставляли свои селенія самовольно и шли по произволу въ другія губерніи искать свободныхъ земель; одни захватывали земли гдѣ могли; другіе безъ успѣха возвращались на прежнія мѣста и должны были снова обзаводиться.

Съ другой стороны, на новыхъ мѣстахъ о самовольныхъ переселенцахъ не было никакого свѣдѣнія, а на старыхъ продолжали показывать ихъ на лицо и насчитывали на общества огромныя недоимки. Такъ, въ одной Курской губерніи было открыто недоимокъ 402,568 руб. сер. на переселенцахъ, давно уже вышедшихъ въ другія мѣста. Наконецъ, и переселившіеся, по распоряженію правительства, крестьяне иногда весьма долго должны были ожидать на новыхъ мѣстахъ отмежеванія и отвода земли, оставаясь въ это время безъ пріюта и способовъ содержанія. Иногда медленность въ назначеніи и отводѣ участковъ бывала такъ значительна, что истощала терпѣніе крестьянъ и принуждала ихъ возвращаться на прежнія мѣста жительства. Такіе примѣры невниманія къ устройству переселенцевъ со стороны мѣстныхъ властей, — мы видѣли выше и на иностранныхъ колонистахъ, цѣлыми годами выжидавшихъ отвода имъ земель.

Крестьяне коренныхъ мѣстъ поселенія находились не въ лучшемъ положеніи. Удобнѣйшимъ мѣриломъ крестьянскаго благосостоянія можетъ всегда служить большій или меньшій успѣхъ въ поступленіи съ нихъ сборовъ. Но эта часть издавна отличалась крайнею неисправностью. «Вслѣдствіе злоупотребительныхъ поборовъ земскихъ полицій, — сказано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, которымъ мы пользуемся, говоря о крестьянахъ, — всѣ средства сельскихъ обывателей были поглощаемы этими поборами, а на долю казны оставались однѣ недоимки.» Такъ, въ 1814 году, было сложено 30 милл. рублей асс. податей, а въ 1818 г., т. е. чрезъ 4 года послѣ сложения, накопилось вновь недоимокъ до 96 милл. рублей<sup>1)</sup>. Съ 1826 по 1836 годъ съ государственныхъ крестьянъ

<sup>1)</sup> Полн. Собр. зак., 7-го ноября 1818 года (27,572).

было сложено, по высочайшимъ манифестамъ и особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, 17 милл. руб. сер., и не смотря на то, въ вѣдомство министерства имуществъ крестьяне эти были переданы въ 1839 году съ податною недоимкою болѣе 18-ти милл. руб. сер.

Изъ представленной, въ декабрѣ 1841 года, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову, записки бывшаго губернскаго предводителя дворянства Полтавской губерніи, вполсѣдствіи сенатора Капниста, видно, что недоимка съ государственныхъ крестьянъ и казаковъ Полтавской губерніи, возрасла съ 1812 года, когда она составляла только 61,565 руб., въ 1817 году до 6,879,122 руб. Хотя съ 1815 по 1831 г. въ разное время было сложено съ государственныхъ крестьянъ и казаковъ Полтавской губерніи около 16½ милл. руб. податной недоимки, однако въ 1839 году, на нихъ все еще числилось ея болѣе 5½ милл. руб. Относительно мѣръ къ взысканію податей и недоимокъ—Капнистъ говоритъ слѣдующее: «Движимость, скотъ и овцы, одежда и рублища поселянъ были продаваемы съ публичнаго торга на базарахъ и ярмаркахъ; сами же поселяне были подвергаемы жестокимъ тѣлеснымъ истязаніямъ. Въ теченіе этого несчастнаго времени, бѣдность казаковъ достигла до такой степени, что на девять хозяевъ считалась одна пара воловъ, а земли оставалось не болѣе 2½ дес. на душу. Въ продолженіе этого времени возникло и постепенно увеличилось число казаковъ совершенно безземельныхъ, которые составили вполсѣдствіи болшую тягость обществу, обязанному за нихъ уплатою податей. Поселяне здѣшняго края, такъ сказать, боролись съ угнетавшими ихъ обстоятельствами, сохраняя нравственность, трудолюбіе и безкорыстіе своихъ предковъ; но когда всѣ вспомогательныя средства ихъ истощились, когда, наконецъ, они вынуждены были крайностью сорвать съ женъ и дочерей своихъ, служившіе имъ вмѣсто ожерельевъ, серебрянныя рубли и имперіалы и отдать оныя въ уплату податей и недоимокъ, тогда веселость народная, трудолюбіе и безкорыстіе естественно замѣнились уныніемъ, бездѣйствіемъ и другими пороками, имѣвшими самое пагубное вліяніе на нравственность народную. Если принять въ соображеніе совершенный произволь въ распредѣленіи податей, отсутствіе всякаго порядка во взысканіи оныхъ и полную безотчетность во взысканныхъ суммахъ, тогда съ ясностью откроется степень безобразнаго положенія въ это время сихъ важнѣйшихъ установленій государственнаго хозяйства. Съ утвердительною сказанъ можно, что въ то время каждый поселянинъ находился въ совершенной неизвѣстности, сколько онъ уплатилъ податей и сколько

за нимъ числится недоимки. Всякій учетъ по этому предмету теряется въ хаосѣ безотчетности и безпорядка.»

Но если таково было положеніе государственныхъ крестьянъ еще въ 30-хъ годахъ, то лучшаго невозможно требовать и отъ предшествовавшаго времени.

Въ такихъ условіяхъ колонизація нашихъ окраинъ, и особенно возможно быстрая колонизація Новороссіи, представлялась уже въ исходѣ прошлаго вѣка самою насущною государственною потребностью. Поэтому неудивительно, что правительство, въ лицѣ лучшихъ своихъ дѣятелей, снова ухватилось за призывъ иностранцевъ. По крайней мѣрѣ въ отношеніи ихъ оно не было связано крѣпостническими путами и соображеніями; въ ихъ водвореніяхъ оно хотя мѣстами видѣло нѣкоторые утѣшительные задатки, дававшіе право рассчитывать, что съ устраненіемъ причинъ и влѣній, вредившихъ лучшему устройству колоній, послѣднія оправятся быстро и получится возможность продолжать дѣло съ бѣльшимъ успѣхомъ противъ прежняго.

Такими, какъ замѣчено выше, задатками отличались однако только Сарептяне — въ отношеніи промысловомъ и по торговлѣ, хортиціе меннониты и отчасти с.-петербургскіе колонисты. Потому опыты этихъ поселенцевъ въ дѣлѣ общинно-земледѣльческаго устройства получили особенное значеніе въ предстоявшихъ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ. И нужно сознаться, что правительство съумѣло воспользоваться этими опытами если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ существеннѣйшихъ проявленіяхъ поселенскаго быта. Такимъ образомъ, изъявъ всѣ колоніи изъ вѣдѣнія общихъ учреждений и подчинивъ ихъ особымъ управленіямъ съ властію административнаго попечительства, «земской» полиціи, расправы и суда, а также съ правами нотарьяльными, правительство въ тоже время устроило, какъ мы знаемъ, на прочныхъ началахъ, общественное самоуправленіе поселенцевъ, крайними полюсами котораго являются, съ одной стороны, главное мѣстное попечительство, какъ высшая регулирующая и контролирующая власть, а съ другой — община, и въ ней поселянскій «дворъ-хозяйство», какъ краеугольный камень хозяйственнаго успѣха. Значеніе «двора-хозяйства» въ быту колоній извѣстно. Но, въ нашихъ глазахъ, представляется особенною заслугою тогдашняго правительства, что оно, среди окружающаго его хаоса, съумѣло по достоинству оцѣнить ту лично-общинную поземельную комбинацію, которая, опираясь въ основныхъ началахъ на законъ 19-го марта 1764 года, была прагматически развита и до извѣстной степени уже провѣрена меннонитами и с.-петербургскими колонистами. Во второй части «инструкціи внутренняго

распорядка и управленія»<sup>1)</sup>, правительство попыталось развить эту комбинацію подробно и примѣнить ее ко всѣмъ колоніямъ. Оно предписывало: «дабы вездѣ по колоніямъ земли раздѣляемы были на три поля и производились испытанія о раздѣленіи оныхъ на шесть, или на семь полей»; оно даетъ самыя обстоятельныя наставленія во всѣхъ подробностяхъ поселянскаго, или, вѣрнѣе, меннонитскаго хозяйства; наблюдение же за точнымъ исполненіемъ всего предписаннаго, какъ и ближайшее руководство въ этомъ дѣлѣ поселянъ, оно вмѣняетъ въ обязанность выборныхъ шулцевъ и головъ. Мы употребили выраженіе «попыталось» потому, что инструкція увлеклась излишними въ законодательномъ актѣ и несущественными подробностями. И хотя законъ 19-го марта 1764 года, въ связи съ инструкціями, успѣли охватить всецѣло сущность главнѣйшихъ пружинъ, обусловливающихъ силу и цѣлостность системы, но законодателю не вполне удалось вылить эти начала въ наипростѣйшей формѣ, а одинъ изъ важнѣйшихъ въ этомъ случаѣ фактовъ—порядокъ наслѣдованія остался, по прежнему, несогласованнымъ съ обычнымъ кодексомъ населенія. Последняго вопроса мы коснемся подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ дальнѣйшимъ судьбамъ собственно меннонитской колонизаціи.

## V.

Мы оставили хортицкихъ меннонитовъ въ состояніи горькаго раздумья объ успѣхѣ предпринятаго ими дѣла. Раздумье это было не далеко отъ безнадежнаго отчаянія. До времени братство не могло, конечно, знать: какъ и чѣмъ высшее правительство признаетъ возможнымъ упрочить дѣло колонизаціи, со стороны же мѣстной власти добра нечего было ожидать.

Но вотъ власть эту вполне замѣняетъ попечительство, входящее самымъ заботливымъ образомъ во всѣ потребности населенія; является инструкція, узаконившая окончательно меннонитскій общинно-хозяйственный порядокъ и общественное самоуправленіе, инструкція, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ широтою взгляда даже положеніе 19-го февраля 1861 года и ограждала сельское самоуправленіе отъ всякаго, хотя бы даже доброжелательнаго произвола попечительной власти. 150 семействъ меннонитовъ переводятся на Молочныя воды, и тамъ вырѣзывается цѣлая территория—до 120 тыс. дес.—исключительно подъ менно-

<sup>1)</sup> Уст. о кол., раздѣлъ V, глава II.

нитскую колонизацію, все же Хортицкое урочище — до 35 тыс. дес. — предоставляется въ распоряженіе остающихся на мѣстѣ поселенцевъ, частью на правахъ надѣла, частью въ видѣ запаса на прибылое населеніе изъ уплаты въ казну по 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> коп. за дес. Частное землевладѣніе отдѣльныхъ сельскихъ обществъ регулируется окончательно, съ установленіемъ твердыхъ границъ каждой дачи; казенный долгъ приводится въ положительную ясность и неправильно начтенныя суммы (до 23 тыс. руб.) слагаются со счетовъ. «Для лучшаго сохраненія между поселянами благонравія, порядка и попечительности о хозяйствѣ» воспрещается «навсегда» имѣть въ меннонитскихъ колоніяхъ, какъ и въ петербургскихъ, «ни откупныхъ питейныхъ домовъ или шиневъ, ни вообще чарочной откупной продажи вина», которая, впрочемъ, и до этого времени не была допущена меннонитами, какъ не подчинявшаяся правиламъ ихъ общинно-церковнаго благочинія. Наконецъ, согласно данному меннонитскому братству, еще въ 1787 году, обѣщанію, правительство выдало ему особую всемілостивѣйшую грамоту <sup>1)</sup>.

Всѣ эти мѣропріятія не могли не убѣдить и иностранцевъ и нашихъ колонистовъ въ искренности заявленій правительства и прочности дарованныхъ имъ правъ и преимуществъ. Повсюду въ колоніяхъ сразу обнаружилось вѣяніе иной жизни, иного духа — духа справедливости, порядка и благоустройства. Прежній кошмаръ, прежнее уныніе уступили мѣсто бодрой дѣятельности и полной увѣренности въ свѣтлую будущность. Наконецъ, такой оборотъ дѣла далъ толчекъ новымъ, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, переселеніямъ къ намъ изъ-за границы.

Интересуясь, по преимуществу, конечными результатами, до которыхъ дошли меннониты, мы, въ отношеніи постепеннаго хода ихъ колонизаціи, будемъ кратки. Это тѣмъ удобнѣе для насъ, что меннонитская система устройства новыхъ колоній, порядка общественнаго и попечительнаго ихъ управленія и т. д., все это со стороны законодательной власти осталось доселѣ нетронутымъ: на свободѣ и на извѣстныхъ уже намъ основаніяхъ — работали сама жизнь, практической смыслъ населенія и его обычныя правовыя понятія.

Несмотря ни на совершенное отсутствіе на Молочнѣхъ лѣсовъ, ни вообще на маловодность всей означенной мѣстности, сюда направилась, по преимуществу, вся дальнѣйшая иностранная колонизація меннонитовъ. Къ тому же изъ Пруссіи стали выѣзжать къ намъ уже не одни только несостоятельные люди, но не

<sup>1)</sup> Полн. Собр. зак. т. XXVI, 6-го сентября 1800 года № 19,546.

въ маломъ числѣ и хозяева весьма зажиточные, даже капитальные. Благодаря этому обстоятельству, Молочанскій округъ сдѣлался главнымъ центромъ хозяйственной и умственной интеллигенціи меннонитовъ, гордостью и баловнемъ колонистскаго попечительства.

Въ обоихъ округахъ — Хортицкомъ и Молочанскомъ — всѣ земли «излишнія» при сельскихъ обществахъ и «запасныя» въ предѣлахъ окружной территоріи — оставались въ хозяйственномъ распоряженіи самихъ обществъ, изъ-за уплаты казны незначительнаго оброка. Въ началѣ поселенія земли эти давали только ничтожную выгоду. На Молочнѣй пражной земли во всѣ стороны было въ волю; одни ногайскія владѣнія свободно могли кормить многіе десятки, если не сотни тысячъ, земледѣльческаго населенія; но его тамъ не было, и во всей окружности молочанскихъ меннонитовъ оно имѣло своими представителями только разбросанныя кое-гдѣ русскія селенія и сосѣдній молочанскій волонистскій округъ, къ которому, какъ къ достойному сопернику меннонитовъ, мы возвратимся еще не разъ.

Свободно распоряжаясь колонизаціею своихъ «излишнихъ» и «запасныхъ» земель, меннониты имѣли ту существенную выгоду, что они близко знакомились съ нею. Знакомство это давало имъ, при устройствѣ новыхъ поселеній, полную возможность вести дѣло колонизаціи по общему плану — систематически, располагать угоды каждаго отдѣльнаго селенія, соображаясь съ хозяйственными выгодами мѣстности и избѣгая всякой неуравновѣженности и чрезполосности. До 1824 года колонизація эта подвигалась почти исключительно заграничными силами. За это время число колоній увеличилось: въ Молочанскомъ округѣ — до 40, а въ Хортицкомъ — до 18. Къ послѣднимъ отошла въ надѣль вся площадь Хортицкаго урочища, за исключеніемъ лишь 2,908 дес. оставшихся подъ окружною овчарнею. Съ этого времени приселеніе со стороны здѣсь прекратилось и началось сплываніе внутри округа населенія путемъ естественнаго народженія.

Съ 1820 года, впускъ въ Россію иностранныхъ поселенцевъ былъ вовсе приостановленъ, такъ что дальнѣйшая колонизація меннонитовъ производилась уже однѣми собственными силами нашихъ коренныхъ водвореній. Спустя 15-ть лѣтъ, Хортицкій округъ, вслѣдствіе увеличившагося населенія, сталъ нуждаться въ землѣ. Ему отвели въ Александровскомъ уѣздѣ участки въ 9,492 дес., на которомъ 145 молодыхъ хортицкихъ семействъ устроили, въ 1836—1852 годахъ, пять новыхъ колоній; къ нимъ отошелъ въ надѣль весь участокъ по 65 дес. на семейство, но только около 1852 года воспослѣдовало окончательное отдѣленіе этого



водворенія изъ вѣдѣнія Хортицкаго окружнаго управленія. Такимъ образомъ, образовался третій меннонитскій округъ, названный Мариупольскимъ, и съ этого времени внутреннее сплачиваніе населенія началось и здѣсь.

Молочанское общество тоже не сидѣло, сложа руки. На запасныхъ земляхъ безостановочно возникали новыя колоніи: въ 1828—1839 годахъ,—пять; въ 1842—1848 годахъ—двѣ, и въ томъ числѣ извѣстный Гуттерталь нашихъ Радичевскихъ знаменцевъ; въ 1851—1857 годахъ—семь, и наконецъ, послѣднія три въ 1862—1866 годахъ. За тѣмъ, при округѣ оставались изъ прежнихъ запасовъ до 31 тыс. дес. Изъ нихъ до 15-ти тыс. дес. состояли подъ окружною овчарнею, разными другими заведеніями и свободными, а около 16-ти тыс. дес. отошли подъ пролегающія черезъ округъ два солевозныхъ тракта.

Всѣ меннонитскія колоніи вообще не велики. Обыкновенно онѣ основывались каждая въ числѣ 13—50-ти земледѣльческихъ, 65-ти десятинныхъ хозяйствъ. Многія изъ новыхъ колоній, по отсутствію проточныхъ водъ и по неудобству запрудъ, устроились на колодцахъ. Отдаленнѣйшія поля отстоятъ здѣсь отъ усадебъ не далѣе 4—5 верстъ; нарѣзка-же колонистскихъ дачъ съ меньшимъ сосредоточеніемъ угодій встрѣчается только въ немногихъ старыхъ колоніяхъ, основанныхъ въ то время, когда меннониты не признавали еще возможности добыть воду среди голы, возвышенной степи и довольствоваться цѣлую колонію одною колодезною водою. Нечего, кажется, упоминать, что всякая колонія распланирована самымъ правильнымъ и просторнымъ образомъ, и что усадьба каждаго двора, какъ равно расположеніе жилыхъ и хозяйственныхъ строеній, ихъ наружный фасадъ и внутреннее устройство—повсюду одни и тѣже, отличаясь въ частности только большею или меньшею солидностью и обширностью, а также различіемъ строительнаго матеріала. Усадьбу каждой колоніи обвиваютъ лентой—лѣсныя плантаціи.

Въ описанныхъ нами условіяхъ, «дворы-хозяйства» первоначальнаго водворенія какъ прежде, такъ и по сіе время, образуютъ въ каждой колоніи земледѣльческое ядро, неразрывно сплоченное лично-общиннымъ землевладѣніемъ и пользованіемъ. Выдѣлявшееся мало-по-малу изъ среды двора молодое поколѣніе обращалось къ промысламъ, ремесламъ, торговлѣ и т. д., образовывало такія же новыя колоніи на запасныхъ участкахъ, или занималось хозяйствомъ на собственныхъ покупныхъ и арендныхъ земляхъ, по преимуществу у сосѣднихъ ногаевъ. Быстро меннонитскія колоніи достигли невиданнаго у насъ благосостоянія и благоустройства. Въ степяхъ, гдѣ прежде не было ни воды, ни вѣста лѣс-

ной поросли, точно волшебствомъ являлись одно за другимъ цвѣтущія поселенія, здоровая и изобильная володезная вода, цѣлыя рощи плодовыхъ, тутовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ; богатые, отлично обработанныя нивы, цѣлыя стада овецъ и отличной породы разнаго скота и лошадей.

Предъ нами чрезвычайно любопытная таблица, подъ заглавiемъ: «Статистическое обозрѣнiе колонiй, подвѣдомыхъ Попечительному комитету объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россiи, по губернiямъ и округамъ за 1841 годъ». Къ сожалѣнiю, таблица эта такихъ размѣровъ, что приложение ея цѣлкомъ къ журнальной статьѣ неудобноисполнимо. Къ тому же, какъ видно изъ оглавленiя, она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнiя и о колонiяхъ, которыхъ мы касаемся только стороной. По этой таблицѣ, къ 1841 году въ меннонитскихъ округахъ состояло:

### Колонiй, населенiя и земли въ надѣлѣ.

По 8-й ревизii 1834 года:

	Колонiй.	Семействъ.	Душъ		Дес. удобн.
			муж.	жен.	
а) По Молочанскому.	44 <sup>1)</sup>	1,437	5,272	4,963	72,727
б) > Хортицкому и Мариупольскому .	18	670	2,419	2,441	32,789
Итого. . .	62	2,107	7,691	7,404	105,516.

На мѣсто къ 1841 году:

	Семействъ.	Душъ.		Десят.		
		муж.	жен.	на душ.	на сем.	
а) по Молочанскому:						
1. Полныхъ хозяевъ съ 65 дес. надѣл. .	1,033	2,751	6,185	5,936	11,6	26,4
2. Безземельныхъ .	1,350					
3. Ремесленниковъ .	368					
б) по Хортицкому:						
1. Полныхъ хозяевъ.	445	1,058	2,993	3,036	11,3	30,9
2. Безземельныхъ .	363					
3. Ремесленниковъ .	250					
Итого. . .	3,809		9,178	8,972	>	>

На наличную муж. пола душу приходилось: а) по Молочанскому округу—лошадей 1,4; рогатаго скота 1,7; овецъ улучшенныхъ породъ 17,0; б) по Хортицкому округу—лошадей 1,24; рогатаго скота 1,7, и овецъ 21,7.

<sup>1)</sup> 45-я колонiя Радичевцевъ, сюда не включена.

Садоводство и лѣсоразведеніе	дер. фрукт.	лѣсныхъ.	тутовыхъ.	лосъ вин.
а) по Молочанскому округу . .	105,394	116,787	80,760	»
б) » Хортицкому . . . . .	40,930	41,342	24,724	450
Итого . . . . .	146,324	158,129	105,484	450.

Шелку было выдѣлано въ 1841 году, на Молочнѣ 2 пуда 16 фунтовъ, въ Хортицахъ—1 пудъ 24¼ фунта.

Пчелиныхъ ульевъ состояло на Молочнѣ 266, въ Хортицахъ 302.

Промышленныя заведенія и постройки, школы и т. д.

	Маслобенъ.	Мельницъ въ-трѣвнхъ, воднхъ, и конныхъ.	Мельницъ бру-венныхъ.	Ткацкихъ стан-ковъ.	Железхъ до-мовъ.	Персей и мо-длейхъ домовъ.	Школы.	Учашихся.		Учашійхъ на на-личное населеніе обоего пола.	Хлѣбныхъ ма-шинъ.	Хлѣбныхъ зава-совъ на вывѣхъ обоего пола луку въ четвергахъ.
								Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.			
а) По Молочан-скому округу . . . . .	28	41	14	151	1648	8	44	1402	1327	4,4	40	½ четв.
б) По Хортиц-кому округу . . . . .	4	52	5	37	847	5	18	569	496	5,1	18	⅓
Итого . . . . .	32	93	19	188	2495	13	62	1971	1823	—	58	—

Общественныхъ капиталовъ числилось: на Молочнѣ—богоу-годнаго не болѣе 142 р., въ Хортицахъ—богоугоднаго 47 р. и овцеводнаго 9,750 руб.

Доходы меннонитовъ въ 1841 году составляли отъ продажи:

	хлѣба.	Скота, овецъ, и шерсти.	Разныхъ.	Итого.	На наличную мужеского по-ла души.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
а) по Молочанскому округу . . . . .	82,992	56,555	22,889	162,436	26 22½
б) » Хортицкому . . . . .	18,533	56,205	3,234	77,972	26 5
Итого . . . . .	101,525	112,760	26,123	240,408	»

Въ томъ же году меннониты уплатили въ казну податей и повинностей: молочанскіе 9,313 руб. или по 1 руб. 47½ коп., и хортицкіе 6,437 руб. или по 2 руб. 15 коп. съ наличной мужескаго пола души. Какъ ничтожны эти сборы, по сравненію съ овладомъ остальныхъ колонистовъ, это мы укажемъ въ свое время.

По 1841 годъ, изъ молочанскихъ меннонитовъ въ теченіе предшествовавшихъ 37 лѣтъ, а изъ хортицкихъ въ 10-ти лѣт-ній періодъ, т. е. въ 1831—1841 гг., были осуждены за преступленія и проступки:

	Молоч.	Хортиц.
Противъ вѣры . . . . .	>	2
За неповиновеніе и дерзость противъ начальства . . . . .	6	>
— Лихоимство . . . . .	>	>
— Упускъ арестантовъ . . . . .	2	>
— Убійство . . . . .	>	>
— Ослушаніе противъ родителей . . . . .	11	>
— Клевету, ябеды и ложные доносы . . . . .	10	1
— Прелюбодѣяніе . . . . .	41	24
— Грабежи . . . . .	>	>
— Воровство и мошенничество . . . . .	9	5
— Завладѣніе и истребленіе чужой собственности . . . . .	>	>
— Поджоги . . . . .	>	>
— Самовольныя порубки лѣса . . . . .	>	4
— Неисполненіе обязанностей при тушеніи пожаровъ . . . . .	1	>
— Нерадѣніе къ хозяйству . . . . .	16	4
— Междоусобную вражду и ссору . . . . .	4	1
— Пьянство . . . . .	1	7
— Бродяжество . . . . .	>	>
— Корчемство . . . . .	5	>
— Невыполненіе предписаній начальства . . . . .	3	17
— Неисполненіе договоровъ . . . . .	1	1
— Неисполненіе по векселямъ и заемнымъ письмамъ . . . . .	1	1

Итого, въ 37 лѣтъ 100, въ 10 л. 78.

Въ настоящее время въ одномъ Молочанскомъ округѣ растетъ болѣе 6 милл. разнаго рода деревъ и кустарниковъ. Каждая колонія имѣетъ свою школу, школьный домъ и хлѣбозапасные магазины. Сверхъ того, меннониты содержатъ высшія училища — два русскихъ въ Хортицѣ и Гальбштадтѣ, и два реальныхъ въ Гальбштадтѣ же и Орловѣ на Молочнѣ. У нихъ имѣются: два вольнонаемныхъ врача, фельдшеры и бабки.

Всѣ три округа, или иначе «Новороссійское меннонитское братство», давно уже составляютъ страховое отъ огня общество, въ которомъ обязательно застрахованы строенія братства въ суммѣ болѣе трехъ милл. руб. сер.; страховыя правила установлены самимъ братствомъ, безъ всякаго участія попечительства. Никакихъ страховыхъ премій здѣсь не существуетъ, а раскладъ

вается пожарный убытокъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, уравнительно на не подвергавшееся пожару страховое имущество всего братства, а погорѣлецъ, не дожидаясь поступленія сбора, удовлетворяется немедленно изъ свободныхъ общественныхъ суммъ. Дѣлаются здѣсь попытки страховать и движимость: скотъ, хлѣбъ, земледѣльческія орудія, товары, поля и т. д. отъ пожара, надежда и градобитія, но въ какомъ именно положеніи это дѣло — намъ неизвѣстно.

На удовлетвореніе погорѣльцевъ было взыскиваемо по раскладѣ съ каждаго ста руб. оцѣночной стоимости страховыхъ строеній по ипотечнымъ книгамъ: въ 1861 году по 20 коп., въ 1862 году — по 1 руб. 21 коп.; въ 1863 году по 1 руб. 40 к., въ 1864 году по 24 коп., и въ 1865 году — по 23 коп.

Въ настоящее время, какъ показываетъ нижеслѣдующая таблица, населеніе меннонитскихъ колоній распадается: 1) на *хозяевъ* — полныхъ, половинныхъ и четвертныхъ, т. е. владѣющихъ дворомъ полнымъ, половиннымъ и т. д.; 2) на *малоусадбниковъ*, *Anwohner*, *Freiwirthe* — владѣющихъ усадьбою въ размѣрѣ до  $\frac{1}{2}$  десят., безъ полевого надѣла, или же съ надѣломъ до 12 дес. на дворъ, обратившимъ ихъ въ разрядъ хозяевъ; *Anwohner* ведетъ хозяйство полусемейное, полупромышленное; и 3) на *безземельныхъ*, не владѣющихъ, въ предѣлахъ общаго надѣла, ни усадьбой, ни полевою землею; поселенцы этого класса — либо собственники и арендаторы, проживающіе на своихъ и арендныхъ земляхъ, либо ремесленники, промышленники и купцы, либо наконецъ, батраки проживающіе и работающіе у хозяевъ по найму. De jure — права этихъ разрядовъ населенія одни и тѣже, такъ какъ даже податные оклады специально объ нихъ вовсе не упоминаютъ, и касаются ихъ только въ общемъ числѣ «душъ» или «семействъ».

№ ПО ПОРЯДКЪ.	НАИМЕНОВАНИЕ ВОЛОСТЕЙ.	Число колоній или сельск. овчарствъ.		СОСТОИТЪ ЗЕМЛЬ ВЪ ПОЛНОМЪ ЗОВАНІИ.		ХОЗЯЕВЪ.						БЕЗЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ.						НЕ ВЛАДУЩ. НИ УСАДЬБОВЪ, НИ ПОЛЕВЫХЪ НАДѢЛОМЪ: РЪ-МЕСЯЧНИКОВЪ И ВАТРАКОВЪ.	
		ПОДКОРОВАЯ И ПОЛЪ ОВЧАРОВЪ И ПАНТАЦІИ.	ОШИННОМЪ, ВЪ ВИДѢ МІСЯЧНО ОВЧАРОВЪ СЛАТЪ.	СЪ ПОЛНЫМЪ НАДѢЛОМЪ ВЪ 65 А. НА УБОРЪ.	СЪ ПОЛОВИНЫМЪ НАДѢЛОМЪ — 32 1/2 ДЕС.	СЪ НАДѢЛОМЪ ВОДЪЕ УРОВНЯЮЩАГО 1/4 НОРЪ МАТНАГО — 16 1/4 А.	ИТОГО.			СЪ ОДНОЮ УСАДЬБОЮ ИЛИ НАДѢЛОМЪ ВЪЗЪ ПОЛЕВОЙ ЗЕМЛИ.			ИТОГО.			СЕМ. РАВНОЦѢННЫХЪ МЪЖСКОГО ПОЛА 16—60 ЛѢТЪ.			
							СЪ ПОЛНЫМЪ НАДѢЛОМЪ ВЪ 65 А. НА УБОРЪ.	СЪ ПОЛОВИНЫМЪ НАДѢЛОМЪ — 32 1/2 ДЕС.	СЪ НАДѢЛОМЪ ВОДЪЕ УРОВНЯЮЩАГО 1/4 НОРЪ МАТНАГО — 16 1/4 А.	СЕМ.	М. П. ДУШЪ.	СЕМ.	М. П. ДУШЪ.	СЕМ.	М. П. ДУШЪ.		СЕМ.	М. П. ДУШЪ.	
1	Хорутцкая . . . .	29776	2908	320	257	46	623	2149	—	681	1633	681	1633	147	196				
2	Мариупольская мен- нонитская . . . .	9492	—	105	39	5	149	579	—	126	295	126	295	92	122				
3	Молочанская менно- нитская . . . .	103901	—	1290	322	—	1612	5307	3375	189	412	1493	3787	1124	1304				
	Всего . . . .	143169	2908	1715	618	51	2384	8035	3304	996	2340	2300	5715	1363	1562				

1) Этого разрядъ послѣднѣ образованъ только съ 1866 года, т. е. со времени предоставления 12-ти-десятичного надѣла. Ближайшія свѣдѣнія по этому предмету сообщаются ниже.

Въ 1867 году, отведенныя показаннымъ въ таблицѣ меннонтамъ земли были распределены по угодьямъ:

	ПО ХОРТИЦЕВОЙ ВОЛОСТИ.		ПО МАРИУПОЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ.		ПО МОЛОЧАНСКОЙ ВОЛОСТИ.	
	УДОВН. ДЕС.	НЕУД. ДЕС.	УДОВН. ДЕС.	НЕУД. ДЕС.	УДОВН. ДЕС.	НЕУД. ДЕС.
Подъ усадьбами съ гѣсными плантаціями	494½	—	220¾	—	2,461	—
➤ пашнями . . . . .	8,991	—	2,749¾	—	34,633	—
➤ выгонами . . . . .	14,235	5,138	4,997¾	167	41,293½	7,694
➤ обществен. овчарнями и проч. . . . .	2,908	16½	—	—	5,994	196
➤ гѣсами . . . . .	445	—	—	—	—	—
➤ сѣвкосами . . . . .	664½	—	1,483	—	11,716½	—
Итого . . . . .	33,721	5,154½	9,450¾	167	96,097	7,890

Изъ этихъ угодій: усадьбы, пашни и сѣвкосы — состоятъ въ исключительномъ пользованіи подворныхъ хозяевъ каждаго сельскаго общества, всѣ же остальные въ общемъ — цѣлаго общества или колоніи.

По сборамъ и повинностямъ, различныя категоріи поселенцевъ по каждой отдѣльной колоніи находятся въ слѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Сборы подушные на государственныя земскія повинности и на содержаніе колонистскаго управленія раскладываются сходомъ уравнительно на рабочихъ обоого пола отъ 14 до 60-тилѣтняго возраста. Поземельная подать, сборъ на государственныя, губернскія и уѣздныя повинности, всѣ натуральныя повинности, сборы на покупку и содержаніе племенного скота, на постройку и содержаніе общественныхъ строеній и учреждений, мостовъ, заборовъ и плотинъ, а также взносы общественнаго запаснаго хлѣба — хозяева несутъ соразмѣрно владѣемому каждымъ изъ нихъ земельному надѣлу, т. е. половинный хозяинъ на половину, а четвертвой — въ четвертой части противъ полнаго хозяина.

Право выпаса на общественномъ выгонѣ соразмѣряется для хозяевъ, равнымъ образомъ, съ величиною подворнаго участка. Такъ, владѣлецъ полнаго участка имѣетъ право выпасать отъ 20 до 25-ти, а въ иныхъ колоніяхъ даже до 34-хъ штукъ крупнаго скота, при чемъ каждыя пять овецъ и вообще мелкаго скота

принимаются за голову. Половинный хозяинъ выпасаетъ половину, а четвертной—четвертую часть головъ скота противъ полнаго хозяина.

Малоусадобные владѣльцы, Anwohner, вносятъ, по мірскимъ приговорамъ, въ общественную кассу, собственно за усадьбу, особую ежегодную плату. Размѣръ этого платежа не вездѣ одинавовъ; по отдѣльнымъ колоніямъ онъ колеблется между 30 к. и 3 руб. съ усадьбы. По мірскимъ же приговорамъ, опредѣляется право этой категоріи поселянъ на выпасъ скота за извѣстную плату съ каждой головы. Въ 1867 году малоусадобные владѣльцы пользовались правомъ выпаса отъ 2 до 4 и 5 штукъ скота, съ платою въ общественныя кассы, по принадлежности, отъ 14 до 50-ти коп. и даже до 1 руб. съ головы. Въ платежѣ подушной подати, государственной земской повинности и сбора на управление, они участвуютъ наравнѣ съ хозяевами по числу рабочихъ душъ, мірскаго же сбора взыскивается у нихъ съ рабочей обоюго пола души: на содержаніе сельскаго старосты отъ 8 до 20 коп.; на содержаніе пастуховъ—сколько приходится по уравнительной раскладкѣ этой статьи на число выпасаемаго скота; и на содержаніе сельскаго учителя—сколько изъ его денежнаго жалованья падаетъ по уравнительному расчету на ученика. Что же касается до отопленія и освѣщенія школьнаго дома и продуктовъ, выдаваемыхъ учителю натурою, то эти статьи лежатъ въ иныхъ колоніяхъ на обязанности однихъ участевыхъ хозяевъ, но въ другихъ привлекаются къ поставкѣ продуктовъ въ пользу учителя и малоусадобные владѣльцы, по уравнительной раскладкѣ этой повинности на число учениковъ. Въ сборѣ на содержаніе врачей, фельдшеровъ, оспопрививателей и бабоекъ,—малоусадобные владѣльцы участвуютъ наравнѣ съ прочими поселенцами округа.

Наконецъ, безземельные, будучи свободны только отъ сбора за усадьбу, которой у нихъ нѣтъ, платятъ во всѣхъ отношеніяхъ тоже самое, что и малоусадобные владѣльцы.

Изъ числа показанныхъ выше поселенцевъ-меннонитовъ, въ 1866 году, проживали внѣ округовъ, на земляхъ собственныхъ и арендныхъ въ Новороссійскомъ Краѣ, преимущественно въ губерніяхъ Таврической и Екатеринославской:



	СЕМЕЙСТВЪ.	ДУШЪ.		НА СОБСТВ. ЗЕМЛЯХЪ.	НА АРЕНД. НЫХЪ ЗЕМЛЯХЪ.
		МУЖ.	ЖЕН.	ДЕСЯТИНЪ.	
<b>1. Хортицкой волости :</b>					
а) на земляхъ 12 хортицкихъ меннонитовъ . . . . .	41	119	113	10,957	—
б) на земляхъ казенно-оброчныхъ и помѣщичьихъ . . . . .	289	838	835	—	15,666
Итого хортицкихъ . . . . .	330	957	948	10,957	15,669
<b>2. Мариупольской меннонитской волости :</b>					
а) на земляхъ одного мариупольскаго меннонита . . . . .	2	5	6	245	—
б) на помѣщичьихъ . . . . .	38	75	101	—	253
Итого мариупольскихъ . . . . .	40	80	107	245	253
<b>3. Молочанской меннонитской волости :</b>					
а) на земляхъ семи товариществъ-собственникововъ . . . . .	110	325	295	11,079	—
б) на земляхъ 32 меннонитовъ - владѣльцевъ . . . . .	32	87	98	99,682	—
в) на земляхъ, арендованныхъ отъ казны и помѣщиковъ . . . . .	81	255	227	—	7,960
Итого молочанскихъ . . . . .	223	667	620	110,761	7,960
А всего трехъ волостей . . . . .	593	1,704	1,675	121,963	23,879

Такимъ образомъ, все Новороссійское меннонитское братство, т. е. 15,213 рев. муж. пола душъ, сверхъ 143,000 дес. казеннаго надѣла, владѣло къ 1866 году, въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ своихъ, еще до 122,000 дес. земли на правахъ частной собственности.

Въ дѣлахъ духовнаго призрѣнія и церковнаго благочинія, меннониты наши вѣдаются духовными старшинами и проповѣд-

никами или наставниками, избираемыми обществами изъ своей среды пожизненно. Духовные старшины и проповѣдники исполняютъ свои обязанности или безвозмездно, или за ничтожное вознагражденіе. Иной церковной власти меннониты не признаютъ и не подчиняются. Колоніи ихъ раздѣлены на приходы, каждый со своимъ старшиною и болѣе или менѣе значительнымъ числомъ проповѣдниковъ. Но приходское дѣленіе не имѣетъ и не можетъ имѣть опредѣленныхъ границъ, такъ какъ каждый меннонитъ лично избираетъ, по собственному усмотрѣнію, тотъ приходъ, въ которому онъ желаетъ принадлежать. При такихъ условіяхъ Хортицкій округъ составляетъ два прихода и имѣетъ двухъ старшинъ, а Мариупольскій—одинъ приходъ съ старшиною; Молочанскій округъ составлялъ прежде 9 приходовъ со столькими же старшинами, но съ 1865 или 1866 года онъ преобразовался въ семь приходовъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ближайшихъ свѣдѣній для объясненія такой перемѣны; полагаемъ, однако, что это обстоятельство есть послѣдствіе религіознаго движенія, котораго коснемся ниже.

## VI.

Въ числѣ главныхъ факторовъ, содѣйствующихъ сельскому устроенію, состоитъ безъ сомнѣнія и порядокъ наслѣдованія въ земляхъ и имуществѣ; по преимуществу на немъ отражаются семейныя и имущественныя отношенія въ частной и общественной жизни, а также обычныя понятія и вообще нравственный кодексъ населенія.

Высочайшею грамотою 1800 года меннонитамъ предоставлено устанавливать опеки «по собственнымъ ихъ правиламъ» и распоряжаться своимъ имуществомъ, кромѣ земли казеннаго надѣла, по собственному усмотрѣнію (ст. 124, 125 и 154 уст. о Кол.). На этомъ основаніи, они не подчинялись установленному, въ 1764 году, вообще для колонистовъ миноратскому порядку наслѣдованія (ст. 169 — 178 того же уст.), а составили особое положеніе. Этимъ рукописнымъ положеніемъ меннониты руководствуются даже въ отношеніи имуществъ, принадлежащихъ имъ въ частную собственность, внѣ казеннаго надѣла. Оно до сихъ поръ нигдѣ не было обнародовано, и потому мы сочли нужнымъ представить его въ русскомъ переводѣ.

## ПРАВИЛА ОПЕКИ И НАСЛѢДОВАНІЯ МЕННОНИТСКАГО БРАТСТВА ВЪ РОССИИ.

(Положеніе Молочанскаго округа).

### I. *Общія положенія.*

§ 1. Собственное имущество Меннонита бываетъ:—недвижимое и движимое.  
 § 2. Недвижимымъ имуществомъ признаются: а) состоящія на хозяйственныхъ участкахъ жилия и хозяйственные строенія; самый 65-дес. участокъ казеннаго надѣла, хотя и не можетъ, по закону, войти въ оцѣнку, какъ частная собственность, въ полной его стоимости, но тѣмъ не менѣе новый владѣлецъ хозяйства обязанъ вознаграждать наслѣдниковъ за приобретаемое имъ право пользованія участкомъ, за лѣсныя и другія насажденія на немъ; за участіе, въ качествѣ участковаго владѣльца, въ имуществахъ и угодьяхъ общеннаго пользованія и т. п. Соотвѣтственная всѣмъ этимъ выгодамъ сумма включается въ оцѣнку недвижимаго имущества; б) благоприобрѣтенные земельные участки, т. е. земли, приобретенныя внѣ казеннаго надѣла, путемъ покупки, наслѣдованія или даренія, въ полную наслѣдственную собственность. Таковыя имущества включаются въ общую наслѣдственную массу, но съ обязательствомъ уплатить слѣдующія по закону, въ казну, пошлины <sup>1)</sup>. § 3. Движимымъ имуществомъ считается: наличный капиталъ, долговныя требованія, скотъ, хозяйственные и земледѣльческія орудія и всякаго рода домашняя утварь, а также ремесленныя и промысловыя орудія и т. п.

### II. *О правѣ наслѣдованія по линіямъ и степенямъ родства.*

§ 4. Въ дѣлѣ наслѣдованія должно отличать линіи: нисходящую, восходящую и боковыя. *По нисходящей линіи* — законнорожденные дѣти составляютъ первую степень родства; внуки — вторую; правнуки — третью и т. д. *По восходящей линіи* — первую степень составляютъ родители, вторую — дѣды-бабки (Grosseltern), третью — прадѣды-прабабки (Urgrosseltern). *Въ боковыхъ линіяхъ* — первую степень образуютъ братья и сестры; вторую—родные племянники и племянницы, а также родные братья и сестры родителей (родные дяди и тѣтки) съ ихъ дѣтьми; третью — внуки родныхъ братьевъ и сестеръ, внуки родныхъ дядей и тетокъ, родные братья и сестры дѣдовъ съ ихъ дѣтьми и внуками. § 5. Раздѣлъ наслѣдственнаго имущества совершается слѣдующимъ образомъ: 1) Если по смерти кого-либо, кромѣ наслѣдниковъ первой степени, по нисходящей линіи, остаются и родственники въ восходящей и боковыхъ линіяхъ, то наслѣдуютъ во всякомъ случаѣ *одни родные дѣти и внуки*; именно: а) если остаются одни родныя дѣти, то оставленное родителями, отцомъ или матерью, дѣлится между ними по равнымъ частямъ; единственное дитя есть, какъ само собою разумѣется, и един-

<sup>1)</sup> Т. е. съ обязательствомъ совершить законнымъ порядкомъ актъ о переходѣ этого имущества по наслѣдству, согласно меннонитскимъ правиламъ.

ственный наслѣдникъ; б) если при родныхъ дѣтяхъ остаются по прямой нисходящей линіи и родные внуки (т. е. дѣти ранѣе умершихъ сына или дочери), то эти послѣдніе сообща получаютъ такую же часть, какая причитается на каждое родное дитя, и часть эта дѣлится между ними уравнительно. Если нѣтъ дѣтей, а одни только внуки, то они получаютъ все наслѣдство по равнымъ частямъ, дѣтямъ же умершаго внука (правнукамъ) выдѣляется сообща такая же часть. 2) По смерти родныхъ братьевъ или сестеръ, не оставившихъ наслѣдниковъ по нисходящей линіи, имущество ихъ, даже при живыхъ родителяхъ, наслѣдуютъ оставшіеся въ живыхъ братья и сестры, или ихъ дѣти. Если нѣтъ ни родныхъ братьевъ и сестеръ, ни дѣтей ихъ, то въ наслѣдство вступаютъ оставшіеся въ живыхъ родители умершаго. 3) Если, послѣ смерти кого-либо, остаются въ живыхъ одни родители и двоюродные братья съ сестрами, которые наслѣдовали имущество *изъ одного и того же рода* съ умершимъ, то половинная часть имущества послѣдняго обращается въ пользу родителей его, а другая половина передается всѣмъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ сообща, для уравнительнаго между собою раздѣла. 4) Имущество умершаго, оставившаго ближайшими кровными родственниками однихъ родныхъ племянниковъ и племянницъ, или ихъ дѣтей, а также двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, или дѣтей ихъ, наслѣдуютъ первые, т. е. племянники съ племянницами, или ихъ дѣти, по линіямъ и степенямъ родства, уравнительно. Если по смерти кого-либо остаются ближайшими родственниками дѣды (дѣдъ и бабушка) и двоюродные братья и сестры, а также дядя и тетки, то наслѣдуютъ въ одной половинѣ имущества дѣды, а въ другой— двоюродные братья и сестры; послѣдніе дѣлятъ между собою наслѣдство, по линіямъ и степенямъ родства, уравнительно; если же нѣтъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, то часть ихъ поступаетъ къ дядямъ и теткамъ на томъ же основаніи. 6) Если среди живыхъ родственниковъ не имѣется дядей и тетокъ, но остаются прадѣды и двоюродные братья съ сестрами, то послѣдніе признаются единственными наслѣдниками. 7) Если нѣтъ двоюродныхъ братьевъ или сестеръ, но есть прадѣды и дядя съ тетками, то имущество дѣлится между первыми (прадѣдомъ и прабабушкой) и послѣдними (дядями и тетками) на двѣ равныя части. 8) Если при двоюродныхъ братьяхъ и сестрахъ, или дѣтяхъ отъ нихъ, остаются родные дядя и тетки, или ихъ дѣти, то единственными наслѣдниками признаются двоюродные братья и сестры, или ихъ дѣти, по линіямъ и степенямъ родства уравнительно. 9) Если же нѣтъ въ живыхъ ни обоого пола дѣдовъ и прадѣдовъ, ни двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, то наслѣдуютъ родные дядя и тетки, или дѣти ихъ, по линіямъ и степенямъ родства. 10) Въ болѣе отдаленныхъ степеняхъ родства, если остались одни дядя и тетки родителей умершаго, а также дѣти родныхъ племянниковъ и племянницъ, то тѣ и другія признаются *за два отдѣльныхъ рода*, изъ коихъ каждый получаетъ половину наслѣдственного имущества. 11) Родные племянники и племянницы устраняютъ отъ наслѣдства двоюродныхъ дядей и тетокъ. 12) Если остаются одни двоюродные дядя и тетки родителей умершаго, а также дѣти родныхъ племянниковъ и племянницъ, то единственными наслѣдниками признаются сіи послѣдніи. 13) Дядя и тетки племянниковъ и племянницъ умершаго, при дѣтяхъ отъ послѣднихъ, наслѣдуютъ одну половину, а дѣти племянниковъ и племянницъ — другую половину имущества; и тѣ, и другія, *каждый родъ особо*, дѣлятся между собою уравнительно по линіямъ и степенямъ родства. 14) Дядя и тетки двоюродныхъ племянниковъ и племянницъ (Halbvetteroheime, Halbnichtoheime) наслѣдуютъ на правѣ равенства съ дѣтьми двоюродныхъ племянниковъ и племянницъ. 15) Въ степеняхъ и линіяхъ еще болѣе отдаленныхъ, наслѣдственное имущество дѣлится между оставшимися въ живыхъ родственниками поголовно и уравнительно.

### III. О выборѣ сиротскихъ старшинъ и опекуновъ; ихъ обязанности.

§ 6. Молочанскій меннонитскій округъ, по управленію опекунскими дѣлами, раздѣляется нынѣ между семью сиротскими старшинами, имѣющими каждый свою опредѣленную дистанцію. Сообща они составляютъ одно сиротское управленіе; общества каждой дистанціи избираютъ своего сиротскаго старшину изъ среды наиболѣе благонадежныхъ хозяевъ, большинствомъ голосовъ, на четыре года. Избранныя обществами лица, по повѣрѣй правильности выборовъ со стороны окружнаго приказа, утверждаются имъ въ должности. Сиротскіе старшины, въ общемъ засѣданіи, избираютъ изъ своей среды, на четыре же года, предсѣдателя, который обязывается сообщать окружному приказу балансовые счета, о состояніи и оборотахъ сиротскихъ имуществъ и капиталовъ. Сиротскіе старшины присутствуютъ, каждый въ своей дистанціи, при раздѣлахъ имущества, въ коемъ участвуютъ сироты; руководятъ сими раздѣлами, ведутъ при этомъ ясные и точные письменные протоколы, разрѣшаютъ возникающія недоразумѣнія на точномъ основаніи сего положенія и заботятся вообще объ устраненіи всякихъ пристрастія и несправедливости въ дѣлѣхъ имущества, предупреждая всякую возможность въ недоразумѣніямъ и въ будущемъ. Счета и книги свои сиротскіе старшины повѣряютъ и контролируютъ другъ у друга сами, въ общемъ засѣданіи, подъ наблюденіемъ и руководствомъ предсѣдателя. Послѣдній о результатахъ такой повѣрки отчитывается ежегодно окружному приказу. Равнымъ образомъ сиротскіе старшины обязаны бдительнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями опекуновъ, дабы ввѣренные симъ послѣднимъ капиталы и имущества сиротъ не растрачивались, а были помѣщаемы и поддерживаемы обезпеченно и выгодно для сиротъ; за несоблюденіе правилъ сего положенія вообще, или въ частности, а также за невѣрное или ошибочное веденіе счетовъ, сиротскіе старшины отвѣтствуютъ лично и по имуществу. § 7. Въ случаѣ смерти супруга, наслѣдники коего всѣ, или частью, несовершеннолѣтніе, оставшіяся въ живыхъ супругъ-вдовецъ или вдова (Schicht- или Erbgeber), и мѣстные сельскіе начальники избираютъ двухъ кандидатовъ въ опекуны, изъ коихъ по крайней мѣрѣ одинъ долженъ имѣть постоянное пребываніе въ томъ же селеніи, гдѣ состоитъ опекаемое имущество, или въ ближайшемъ съ нимъ соудѣствѣ. Кандидаты эти представляются сельскимъ управленіемъ въ сиротское, которое, подвергнувъ ихъ испытанію и признавъ способными и благонадежными, утверждаетъ ихъ въ званіи опекуновъ окончательно. При этомъ опекуны обязываются подпискою о неукоснительномъ исполненіи своихъ, въ отношеніи сиротъ и ихъ имущества, обязанностей и замѣнять имъ отца и мать. Никто не въ правѣ уклоняться отъ званія опекуна; изъятіе допускается только въ томъ случаѣ, когда избранное лицо зафѣдываетъ уже тремя отдѣльными опеками. Опекуны вполнѣ отвѣтственны за дѣлосъ ввѣренныхъ ихъ управленію сиротскихъ капиталовъ. Если, по ихъ винѣ, потратится часть сихъ капиталовъ, то они обязаны пополнить оныя изъ собственныхъ средствъ. Равнымъ образомъ, на обязанность опекуновъ возлагается неослабное наблюденіе за обезпеченностью сиротскихъ капиталовъ, оставляемыхъ безпроцентно въ рукахъ Schicht- или Erbgeber'овъ. Посему, предварительно раздѣла наслѣдственного имущества, окружный приказъ дважды вызываетъ чрезъ публикацію всѣхъ кредиторовъ и дебиторовъ Schicht- или Erbgeber'a, дабы состояніе имущества послѣдняго выяснилось вполнѣ. § 8. Послѣ смерти обоихъ родителей, либо отца или матери несовершеннолѣтнихъ дѣтей, сельскій приказъ обязанъ: въ первомъ случаѣ—тотчасъ, а во второмъ—въ теченіе восьми сутокъ, произвести подробную опись всему оставшемуся имуществу, и опись эту, за надлежащимъ подписомъ, при особомъ донесеніи, съ изложеніемъ обстоятельствъ

дѣла, представить чрезъ одного изъ сельскихъ начальниковъ лично — въ сиротское управленіе, а тѣмъ временемъ, впредь до раздѣла, имѣть неослабое наблюденіе за дѣлостью наслѣдственного имущества, сохраняя подлежащее изъ онаго подъ печатью. Тотъ же порядокъ соблюдается и въ случаѣ смерти несемейныхъ лицъ, если есть несовершеннолѣтніе наслѣдники. § 9. Опекуну обязаны лично навѣщать опекаемыхъ ими сиротъ, во всякомъ случаѣ не менѣе одного раза въ годъ; они убѣждаются при этомъ о положеніи и поведеніи сиротъ, и ежегодно, — не позже 15 января, представляютъ, по данной формѣ, письменныя свѣдѣнія сиротскому старшинѣ о состояніи опекаемыхъ. § 10. Каждая вдова обязана, до начала раздѣла, избрать себѣ благонадежнаго попечителя (Kurator), утверждаемаго въ этомъ званіи сиротскимъ управленіемъ, по представленію сельскаго приказа. Тоже самое наблюдается и въ отношеніи лицъ хотя совершеннолѣтнихъ, но еще не вступившихъ въ законный бракъ. *Всякаго рода сдѣлки съ подобными лицами, состоявшіяся безъ согласія попечителя, признаются не дѣйствительными.* § 11. Если кто-либо изъ наслѣдниковъ отсутствуетъ или пребываетъ за границею, то интересы такихъ лицъ заступаетъ одинъ изъ родственниковъ или иное, избранное сельскимъ приказомъ, благонадежное лице. Въ обоихъ случаяхъ лица эти, будучи уполномочены утвержденіемъ сиротскаго управленія, заступаютъ мѣсто отсутствующихъ, обязываясь отчетомъ предъ послѣдними въ своихъ дѣйствіяхъ. § 12. *Комъ скоро предполагено приступить къ раздѣлу,* Schichtgeber объявляетъ о томъ сельскому старостѣ, а послѣдній сообщаетъ сиротскому старшинѣ, который оповѣщаетъ всѣхъ заинтересованныхъ въ наслѣдствѣ лицъ, приглашая ихъ, на сребъ, собраться въ домѣ Schichtgeber'a. Здѣсь, сельское управленіе, подъ руководствомъ сиротскаго старшины и при бытности наслѣдниковъ, ихъ опекуновъ и попечителей, производитъ всему имуществу — движимому и недвижимому — оцѣнку по закону и совѣсти. § 13. Вдовецъ, въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ со дня смерти жены, а молодая вдова — по истеченіи первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ вдовства, равно какъ всѣ вообще вдовцы и вдовы, обязаны во всякомъ случаѣ, до новаго брачнаго союза (Verlobung) предложить, согласно § 12 сего положенія, раздѣлъ наслѣдственного имущества. При этомъ, *за вычетомъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ домовъ, изъ остающагося свободнаго имущества предоставляется:* одна половина въ пользу Schichtgeber'a, а другая — въ собственность наслѣдниковъ. Капиталы несовершеннолѣтнихъ должны быть выплачиваемы наличностью, не далѣе одного года со дня смерти владѣльца (Erblasser), въ чемъ съ Schichtgeber'a берется письменное, точно изложенное, обязательство, удостовѣренное подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ при раздѣлѣ. Одна копія съ обязательства вручается Schichtgeber'у, другая — опекунамъ, а подлинное обязательство сохраняется при сиротскомъ управленіи. § 14. Если вдовецъ или вдова, рѣшившись на вступленіе въ новый бракъ, потомъ отменяетъ свое намѣреніе, то и въ этомъ случаѣ они обязаны, на точномъ основаніи § 12, выдѣлить половину имущества наслѣдникамъ умершаго супруга, такъ-какъ въ теченіе времени имущество овдовѣвшаго подвержено перемѣнамъ. Изъ сего правила изъемятся только случаи, когда супруги, не имѣя наслѣдниковъ по нисходящей линіи, еще при жизни своей, путемъ завѣщанія или договора, постановили, чтобы по смерти одного изъ нихъ, — другой владѣлъ пожизненно и нераздѣльно ихъ общимъ имуществомъ. Раздѣлъ такого имущества, согласно сему положенію, допускается только по смерти послѣдняго супруга — вдовца или вдовы. § 15. *Если въ числѣ наслѣдниковъ состоитъ слабоумный, убогий, калѣка и т. д.,* то сиротскій старшина, сельское управленіе, опекуны и попечители обязаны положительно обсудить: какимъ способомъ слѣдуетъ обезпечить судьбу несчастнаго. Въ случаѣ совершенной и пожизненной неспособности послѣдняго къ личному заработку

ему, преимущественно предъ остальными сонаслѣдниками, присуждается *третья часть всего родительскаго имущества, а въ раздѣлѣ остального онъ участвуетъ на общихъ основаніяхъ*. Уклоненіе отъ сего правила можетъ быть допущено только въ такихъ случаяхъ, когда имущество столь значительно, что существованіе несчастнаго обезпечивается вполне и меньшею долею наслѣдства. Если же будетъ признано, что такое лице способно къ нѣкоторому приобрѣтенію личнымъ трудомъ, то надлежитъ обсудить и постановить, сколько должно отчислить въ пользу его изъ общей массы наслѣдственнаго имущества, сверхъ узаконенной части. Въ тоже время должно быть установлено, гдѣ и какимъ порядкомъ обезпечивается содержаніе такого лица, *дабы оно не могло сдѣлаться тягостно для общества*. Если въ раздѣлѣ участвуютъ, въ качествѣ наслѣдниковъ, двоюродные братья и сестры, то въ раздѣльномъ актѣ слѣдуетъ объяснить въ точности: сколько отчислено на несчастнаго наслѣдника сверхъ законной его части, такъ какъ, съ одной стороны, на содержаніе убогаго должно прежде всего обращать его *законную часть* по общему раздѣлу, *отчисленное же сверхъ этой части*— только за недостаткомъ оной, — а съ другой, въ случаѣ смерти несчастнаго до израсходованія всей суммы наслѣдства, двоюродные братья и сестры его имѣютъ на часть, сверхъ законной отчисленную, равное право съ его родными братьями и сестрами. § 16. *Если послѣ смерти обоихъ супруговъ остаются круглыя сироты*, то сельскій приваезъ обязанъ немедленно довести о семъ до свѣдѣнія сиротскаго управленія, дабы, при посредствѣ его, имѣющія находиться при раздѣлѣ лица были собраны безъ потери времени, для обсужденія, какимъ образомъ, съ наибольшей выгодой для сиротъ, слѣдуетъ распорядиться ихъ наслѣдственнымъ имуществомъ. Но во всякомъ случаѣ, безъ предварительнаго разрѣшенія сиротскаго управленія, не могутъ совершаться ни вызовъ къ торгамъ или даже самые торги на продажу таковаго имущества, ни продажа оного по волевой цѣнѣ. § 17. Вързные опекунамъ наличные сиротскіе капиталы они обязаны помѣщать на процентное приращеніе, въ пользу сиротъ, подъ надежное поручительство и законныя обязательства; сами же воспользоваться сими капиталами, или частью оныхъ, хотя бы на правахъ заемщика, они не въ правѣ, и дѣлать это имъ строго воспрещается, такъ какъ подобное съ ихъ стороны обязательство было бы несовмѣстно съ опекунскими ихъ обязанностями. Сиротскіе старшины, для обезпеченія сиротскихъ капиталовъ, ведутъ имъ подробный счетъ, по даннымъ для этой цѣли книгамъ. По книгамъ должно быть видно: гдѣ, когда и на какихъ именно условіяхъ помѣщены капиталы каждой опеки; кто, когда и сколько именно уплатилъ и сколько, за кѣмъ, на какихъ условіяхъ, остается въ долгу. § 18. Для правильнаго веденія сихъ счетовъ, опекуны, по требованію сиротскихъ старшинъ, обязаны сообщать имъ самыя точныя свѣдѣнія о состоящихъ въ вѣдѣніи ихъ капиталахъ, давать подробный отчетъ о положеніи каждаго капитала и о происшедшихъ въ теченіе года перемѣнахъ по онымъ. Отчеты эти повѣряются и приводятся въ порядокъ сиротскимъ управленіемъ; изъ нихъ составляется балансовый учетъ, который поступаетъ на ревизію окружнаго приказа. § 19. Общія засѣданія сиротскаго управленія составляются два раза въ годъ, по полугодіямъ, для взаимнаго учета и повѣрки счетовъ старшинъ и состоянія капиталовъ.

На приведенный актъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на дополненіе ст. 159, 160, 170, 171, 174, 176 — 178 уст. о вол., которыя остаются въ силѣ только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ не противорѣчатъ положенію обычному.

Не имѣя намѣренія входить въ ближайшую критическую оцѣнку правилъ наслѣдованія у меннонитовъ, мы привели однако дѣйствующее у нихъ положеніе по этому предмету вполне, по важности подобнаго рода документовъ. Для насъ многозначительно содержаніе этого акта, какъ наглядное доказательство полной возможности согласовывать — по наслѣдованію въ имуществѣ — личное право по степенямъ родства, съ хозяйственными интересами двора и общины. Но съ другой стороны, содержаніе того же акта свидѣтельствуетъ, не менѣе краснорѣчиво, о томъ, что примѣненіе къ лично-общинному поземельному устройству поселянъ общедѣйствующаго порядка наслѣдованія (ч. X т. зак. гражд. изд. 1857 г.) положительно немислимо безъ полнѣйшаго разстройства основныхъ условій ихъ хозяйственнаго успѣха.

Общедѣйствующія правила наслѣдованія, руководствуясь соображеніями болѣе политическими, въ отношеніи *крупной* поземельной собственности, имѣютъ тенденцію — безконечную дѣлимость наслѣдственнаго имущества, такъ-какъ тенденція эта совпадаетъ съ началами, корень которыхъ приводится къ началамъ личнаго и кровнаго родства. Но непримѣнимость этихъ порядковъ къ быту и насущнымъ потребностямъ поселянъ-мелкихъ собственниковъ, подтвердилась, какъ мы видѣли, на примѣрѣ петербургскихъ, рибендорфскихъ и бѣловѣжскихъ колонистовъ. Въ первыхъ, какъ и вообще въ нашихъ наиболѣе благоустроенныхъ и богатыхъ колоніяхъ, личное право на наслѣдованіе въ хозяйствѣ, истекающее изъ кровнаго родства, ограничивается чисто экономическими соображеніями, исходная точка которыхъ — цѣлостность земледѣльческаго хозяйства или двора. Напротивъ, у рибендорфцевъ и бѣловѣжцевъ, при господствѣ въ дѣлахъ наслѣдства личнаго принципа въ связи съ неограниченною дробимостью имущества, послѣдствія были весьма нерадостны.

Молочанскіе меннониты, опасаясь вмѣшательства въ ихъ наслѣдственныя дѣла законодательной власти, высказывались такъ: «Мы не можемъ поступиться нашими правилами наслѣдованія, даже въ малѣйшихъ частностяхъ. Съ одной стороны, правила эти самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ нашими церковно-религіозными воззрѣніями и порядками, и даже основываются на нихъ. Съ другой стороны, правила эти содѣйствуютъ нашему хозяйственному преуспѣянію, упрочивая нашъ семейно-имущественный бытъ. Въ силу всемилостивѣйшей грамоты, намъ дарованной, мы взираемъ на наше право наслѣдованія, какъ на *право положительное* — желаемъ сохранить его и впредь, и не намѣрены отступать отъ него ни въ малѣйшей частности, такъ



какъ всякое уклоненіе отъ нашихъ наслѣдственныхъ порядковъ, хотя бы только отъ правилъ имущественнаго раздѣла, происходящаго между *лицами обоого пола* на началахъ полной равноправности, подорвало бы въ самомъ корнѣ внутреннее и внѣшнее наше согласіе и спокойствіе, лишило бы наше общество нравственной, братской связи, и положительно разстроило бы матеріальное и нравственное благосостояніе, а съ нимъ и бытіе наше.»

Въ томъ же смыслѣ отозвались и всѣ остальные колонистскія общества. Поэтому, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что благо матеріальное и нравственное сельскихъ земледѣльческихъ состояній вообще, будучи основано на общинной автономіи или началѣ общественнаго самоуправленія, сосредоточивается въ двухъ главнѣйшихъ фокусахъ. *Одинъ*, — это порядокъ и условія внутренняго распредѣленія земельныхъ угодій общества; *другой* — полное соотвѣтствіе этому устройству порядковъ самоуправления и наслѣдованія въ земляхъ и имуществѣ. Касаясь одного, нельзя не коснуться и другого; нельзя оставлять одну часть на обычайъ поселянъ, а другую — регламентировать законодательнымъ порядкомъ. Здѣсь, чтобы избѣжать полнѣйшаго разстройства въ поселянскомъ быту, безусловно необходимо: либо вовсе не касаться ни внутреннихъ порядковъ землевладѣнія, ни обычнаго права наслѣдованія, предоставляя и то и другое безусловно обычаю; либо, устраивая одно законодательнымъ путемъ, устроить разомъ и другое — тѣмъ же путемъ.

Что касается до административно-полицейскаго и хозяйственнаго управленія, то, въ этомъ отношеніи, меннониты никогда не составляли исключенія изъ тѣхъ общихъ порядковъ, съ которыми въ главныхъ чертахъ читатель уже знакомъ. Такая податливость братства объясняется очень просто тѣмъ, что инструкція общественнаго управленія и вообще уставъ о колоніяхъ если и страдаютъ крайнею отсталостью, по отношенію къ современному быту колонистовъ, но замѣчаніе это можетъ относиться только къ частностямъ. Напротивъ, по основнымъ положеніямъ, законоположенія эти давали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ колонистамъ несравненно болѣе широкій просторъ по общественному самоуправленію, нежели предоставлено крестьянамъ положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Не входя въ подробности, мы замѣтимъ только, что колонистскіе приказы — сельскій и окружный — какъ первая и вторая инстанціи суда и расправы, всегда рѣшали дѣла колонистовъ, не стѣсняясь суммою иска или спора, тогда какъ волостной крестьянскій судъ ограниченъ цѣною 100 руб. и состоитъ лишь *изъ одной инстанціи*, что противорѣчитъ основ-

нымъ началомъ правильнаго судоустройства, въ ущербъ правосудію. Колонистскія общества пользовались всегда *неограничен-нымъ правомъ схода*, тогда-какъ на созваніе внѣ опредѣленныхъ сроковъ волостнаго схода крестьяне обязаны испрашивать каждый разъ согласіе мирового посредника. Мировой же посредникъ, своею властью, можетъ подвергать волостныхъ и сельскихъ начальниковъ денежнымъ штрафамъ и даже аресту до семи дней. О подобныхъ взысканіяхъ съ выборныхъ начальниковъ, внѣ приговора коллегіальнаго суда, колонисты не имѣютъ понятія и считая арестъ равносильнымъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ, положительно не помирились бы съ необходимостью подчиняться головѣ или шульцу, подвергнутому — почему бы то ни было — аресту. Съ переходомъ колоній въ вѣдѣніе общихъ учрежденій — одно это обстоятельство можетъ отшатнуть лучшихъ поселянъ отъ общественной службы.

И при такихъ льготныхъ условіяхъ, меннонитскія общества всегда являлись еще какъ бы баловнемъ управленія; нигдѣ въ иномъ мѣстѣ попечительство административное не вмѣшивалось такъ мало во внутреннія дѣла обществъ, какъ именно у меннонитовъ. Такое послабленіе имѣло только одно, впрочемъ не всѣмъ благоприятное для меннонитскихъ водвореній послѣдствіе; именно: они не составили себѣ тѣхъ общественныхъ капиталовъ, которые, при несравненно меньшихъ матеріальныхъ способахъ и преимуществахъ, накопили большая часть остальныхъ колонистовъ, во многихъ случаяхъ недалеко отставшихъ отъ меннонитовъ и по хозяйству, и по общественному благоустройству.

А. Клаусъ.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

# ДОНЪ, КАВКАЗЪ

И

## К Р Ы М Ъ

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

II \*).

Простившись съ «тихимъ», но мутнымъ Дономъ, черезъ который, по случаю весенняго развода моста, надо было переправляться на паромъ, поѣхали мы на Кавказъ. На противоположномъ берегу Дона насъ ожидалъ новый, довольно грустный случай: около 30 повозокъ малоруссовъ-поселенцевъ, вышедшихъ годъ передъ тѣмъ изъ Томаровки, Бѣлгородскаго уѣзда, съ женами, дѣтьми и всякимъ имуществомъ на поселеніе въ Ставропольскую губернію — теперь возвращались обратно, на родину. Что это такое, неужели въ этихъ мѣстахъ земель мало? — «Нѣтъ, не то — отвѣчали поселенцы — вышли мы изъ своего села съ вѣдома нашего начальства, обѣщавшаго выслать намъ увольнительныя свидѣтельства отъ общества. Мы продали свои избы и все, чего нельзя было съ собою забрать. Собрались, взяли виды, кѣмъ мы такіе, и пришли въ Ставрополь селиться. Тутъ насъ не принимаютъ безъ общественнаго увольненія. Мы писать, просить — оттуда не высылаютъ. Помаялись полгода — некуда дѣваться — не кочевать-же по степямъ, какъ калмыки. Мы и возвращаемся назадъ».

\*) См. выше, т. II, стр. 699 — 717.

Неужели все это правда? Вѣроятно. Вѣдь обозъ въ 30 воевъ съ женщинами, дѣтьми и всякой всячиной не могъ убѣжать и скрыться неизвѣстно куда, безъ вѣдома ближайшаго начальства. Этого тайно въ селѣ сдѣлать нельзя, и неужели начальство не могло бы воспрепятствовать самовольному уходу крестьянъ, если этотъ уходъ былъ дѣйствительно самовольный. — Если же нѣтъ, то почему не выдать увольнительныхъ свидѣтельствъ или, обнадеживъ переселенцевъ, не выслать бумагъ, какъ было обѣщано? Мы никакъ не могли объяснить себѣ всего этого.

Пожалѣвъ о потраченномъ такъ непроизводительно времени, трудѣ и имуществѣ, и пожелавъ лучшаго пути впередъ несчастнымъ странникамъ, поѣхали мы въ эту негостепримную страну, откуда ихъ такъ безжалостно вернули.

Пустынной показалась намъ дорога между Харьковомъ и Аксаемъ, но все же она можетъ быть названа роскошнымъ садомъ сравнительно съ трактомъ между Аксаемъ и Ставрополемъ. Черезъ нѣсколько десятковъ верстъ встрѣтите вы станицу въ степи. Станціи въ Землѣ Войска Донскаго той же самой постройки, что и по-сю сторону Ростова. Въ Ставропольской губерніи отличаются они бѣльшимъ разнообразіемъ. Общее между всѣми ими то, что они плохо отвѣчаютъ своему назначенію — ѣсть нечего, и вода солена.

По этому тракту ѣдетъ военный, чиновникъ, да купецъ, и если вы не принадлежите къ двумъ первымъ категоріямъ, васъ причисляютъ къ третьей, и тогда вы еще подвергаетесь особенно пытливымъ взглядамъ со стороны единственнаго, окружающаго васъ общества ямщиковъ. Разныя шалости по этой дорогѣ не рѣдкость. Въ нихъ будто бы принимаютъ болѣе дѣятельное участіе, кочующіе и живущіе въ услуженіи по разбросаннымъ, Богъ знаетъ гдѣ, хуторамъ, калмыки. Намъ, впрочемъ, вспомнилась поговорка: «на волка — помолвка».

О самой мѣстности не много можно сказать. Это безпредѣльная степь съ высокими бадыльями посохшихъ бурьяновъ. Воображаемъ, что это за мѣстность лѣтомъ. Тутъ заблудился бы самъ Тарасъ Бульба. Только родившійся среди этой степи калмыкъ, да его конь чувствуютъ, что они дома.

Но вотъ мы проѣхали сотню-другую верстъ — передъ нами начинаются пологія возвышенности по направленію къ югу, съ періодическими крутыми обрывами — это подошва кавказскихъ предгорій. Мало-по-малу цѣлыми десятками верстъ вы подымаетесь все вверхъ и достигаете Ставрополя, расположеннаго на плоской возвышенности, надъ уровнемъ моря на 2,500 футъ.

Ставрополь — довольно красивый городъ съ большими площадями, порядочными улицами, театромъ, красивымъ городскимъ садомъ и бульваромъ, но довольно плохими гостинницами; одна или двѣ улицы вымощены, по остальнымъ проѣзжие пользуются природною мостовою, потому что весь городъ стоитъ на строительномъ плитнякѣ. Изъ него сложена въ видѣ террасъ длинная красивая лѣстница, ведущая къ городскому, расположенному на возвышенности, собору.

Ставропольская губернія пользуется гражданскимъ управленіемъ. Но территория ея изрѣзана въ видѣ самыхъ разнообразныхъ зигзаговъ землями терскихъ, кубанскихъ и черноморскихъ казаковъ съ ихъ общинно-войсковымъ бытомъ. Пространство Ставропольской губерніи въ 65,599 квадр. верстъ <sup>1)</sup> съ 365,512 душъ обоого пола, т. е., по 5,6 жителей на квадратную версту, что составитъ болѣе 20 десятинъ на душу. И въ этой странѣ не нашлось мѣста для тѣхъ переселенцевъ?!

Намъ рассказывали другой, болѣе изумительный случай: — года два тому назадъ около 300 душъ переселенцевъ почему-то не могли быть устроены въ этой степи. Они обратились въ Ставрополь и оставались тамъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ безъ дѣла и хлѣба, когда у мѣстныхъ жителей хлѣбъ высыпался съ колосьевъ — пропадалъ на корнѣ. Эти люди въ городѣ голодали, пока между ними развился тифъ, повончившій все дѣло.

Правда, что Курская, Орловская или Полтавская губерніи обладаютъ лучшими топографическими условіями, чѣмъ Ставропольская, и въ названныхъ губерніяхъ не мало удобныхъ земель лежитъ еще нетронутыми, но все же, въ этихъ губерніяхъ причитается по 42 жителя на квадратную версту или около 3 десятинъ на душу. По этому расчету Ставропольская губернія могла бы вмѣстить въ себя 2.755,058 душъ, а не 365,000.

Правда и то, что климатъ Ставропольской губерніи иной — мѣстами вода солонa, но не смотря на то даже калмыки умѣютъ добывать себѣ воду. Впрочемъ, искать поселенцевъ не нужно — сами приходятъ. Нужно лишь только немного хлопотъ: указать имъ мѣсто для водворенія или предоставить то, которое они избрали сами.

Въ Ставропольской губерніи есть небольшіе участки лѣса. Говорятъ, что въ прежніе, весьма недавніе годы лѣса въ этой мѣстности, особенно къ сѣверу, были довольно порядочные; теперь они или вырублены или безпощадно вырубаются на дрова, даже въ настоящее время, когда въ 40 верстахъ отъ города открыты

<sup>1)</sup> Кавказскій календарь 1867 года.

копи каменнаго угля, залегающаго по ущелью оврага. Толщина пласта, говорятъ, достигаетъ до 3 аршинъ — стоимость добычи нуда — 5 коп. сер., но уголь этотъ продается въ Ставрополѣ 22 коп. сер., тогда какъ донецкій антрацитъ, стоющій тоже на мѣстѣ отъ 6 до 9 коп. сер. и привезенный болѣе чѣмъ за 300 верстъ, продается иногда въ Ставрополѣ чумаками по 17 коп. сер. за пудъ. Кажется, что ставропольскій каменный уголь могъ бы продаваться дешевле, и для углепромышленниковъ было бы выгоднѣе. Тогда домовладѣльцы имѣли бы полный расчетъ переѣзжать свои печи, чего они теперь, за дороговизною угля, сдѣлать не могутъ, а продолжаютъ истреблять лѣсъ. Жаль: для такой мѣстности лѣсъ дороже золота.

Отъ Ставрополя до Владивавказа мѣстность принимаетъ совершенно иной характеръ. Это не прежняя пробѣванная нами безконечная степь. Тутъ начинаются возвышенности, прорѣзанныя широкими живописными долинами; то взвѣзжаете вы на небольшое, совершенно ровное плато, затѣмъ подымаетесь еще на другой, третій и т. д. подобный же уступъ, то — широкая равнина, примыкающая, кажется, къ самому подножію Кавказскихъ горъ, видящихся на синевѣ неба, какъ безконечныя, неподвижныя гряды облаковъ.

Станицы попадаются чаще; дворики въ нихъ уютнѣе; отъ домиковъ, обнесенныхъ не рѣдко садами, вѣетъ жизнью. Вѣроятно, быть этого населенія менѣе стѣсненъ, менѣе осужденъ на неподвижность, менѣе скованъ обычаемъ.

Не станемъ описывать подробно маленькаго приключенія, происшедшаго по случаю встрѣчи съ какимъ-то черкесомъ, просившемъ абазъ (20 коп.) на хлѣбъ и не отстававшимъ отъ насъ, пока онъ не получилъ желаемаго. Замѣчательно, что насъ предупреждали противъ подобныхъ встрѣчъ.

Но вотъ мы во Владивавказѣ, расположенномъ надъ уровнемъ моря на высотѣ 2,346 футъ, красивомъ городѣ и по мѣстоположенію и по постройкамъ. Довольно большой мостъ на Терезѣ, берега котораго унизаны крошечными водяными мельницами. Городской бульваръ; почтовая гостинница. Въ стѣнахъ этого зданія мы, въ удивленію, нашли книги: «Вѣтъ Людовика XIV», «Исторія цивилизаціи въ Европѣ» Гизо, и «Divina comedia».

Помчавшій насъ вскорѣ четверицъ почтовыхъ лошадей, толпа простого мѣстнаго населенія, въ своихъ типичныхъ востюмахъ, съ неменѣе типичными лицами, скоро напомнили намъ, что хотя это небо похоже на небо Италіи, но мы на стлупени лѣстницы между Азіей и Европой.

Собственно отъ Владикавказа начинается знаменитая военно-грузинская шоссированная дорога. Версть черезъ пять отъ города, мы были, въ буквальномъ смыслѣ, у подошвы кавказскихъ великановъ. Еще нѣсколько сажени, и непривычному глазу кажется, что дорога гдѣ-то исчезла, вытянулась въ какую-то узкую тропу, что по этой тропѣ, прижавшейся къ колоссальному отвѣсу горы и въющейся змѣеобразно надъ глубокимъ ложемъ Терека, едва-ли въ состояніи проѣхать ваша карета, а развѣздъ двухъ экипажей невозможенъ. Но, благодаря поворотливости тамошнихъ возницъ и привычѣ лошадей, ѣзда по этой дорогѣ не дурна.

Мы остановились ночевать на первой станціи Балта, лежащей на 2,754 фута надъ моремъ. Станція эта очень красивый, довольно удобный, хотя и плохо меблированный, каменный двухъ-этажный домъ, съ весьма достаточнымъ количествомъ комнатъ. Построена она необыкновенно прочно — по виду это замокъ, а не почтовая станція, но въ томъ-то и дѣло, что въ бывшее военное время это зданіе должно было удовлетворять тому и другому назначенію, т. е. служить пріютомъ для проѣзжающихъ и отбивать нерѣдко напоры горцевъ. Далѣе всѣ станціи, до самаго Тифлиса, имѣють, въ бѣльшей или меньшей степени, тотъ-же характеръ.

Зданіе это устроено въ живописной мѣстности, на нѣсколько сотъ сажени ниже Дарьяльскихъ воротъ. Жаль, что мы ѣхали въ первыхъ числахъ апрѣля, когда въ горахъ только начинало чувствоваться первое дуновеніе весны.

На другой день пошелъ мокрый снѣгъ, что отнимало чрезвычайно много эффекта у этой грозной, величественно-красивой, но мрачной природы. Вотъ проѣхали мы замокъ знаменитой въ исторіи Грузіи царицы Тамары: взлѣсть на эти утесы едва-ли впору самому отчаянному осетину, и какъ туда взбиралась нѣжная, царская ножка Тамары — не понимаемъ.

Снѣгъ, начавшійся съ утра, не унимался. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе мѣстность и дива и страшна. Только кой-гдѣ изрѣдка попадаетъ арба мирнаго черкеса, а съ противоположной стороны изъ-подъ скалы выгянетъ какъ-будто притаившійся тамъ сторожевой пиветь, то объѣдутъ васъ верхами два-три горца въ своихъ папахъ и бурвахъ, съ ружьями, закутанными въ кожаные, шерстью наверхъ, чехлы.

Полотно дороги почти вездѣ слѣдуетъ за русломъ Терека, текущаго въ тѣхъ мѣстахъ въ видѣ небольшого горнаго ручья. Говорять, что не таковъ бываетъ Терекъ во время разлива. Вѣроятно въ этомъ состояніи временнаго величія описывать Терекъ

Марлинскій. Мы видѣли—увы!—ручей. Не менѣ того, мы ѣхали между двухъ отвѣсныхъ стѣнъ, высокою въ иныхъ мѣстахъ до нѣсколькихъ тысячъ футъ. Скалы грандіознаго объема то высились надъ нами въ едва достигаемой для глаза высотѣ, то выступали съ боковъ, гдѣ только порохъ, да ломъ могли проложить черезъ нихъ узенькую дорогу, то сброшенные въ самый ручей, образовали утесистые пороги. Все это продолжительная и упорная работа Терека.

Черезъ станцію мы были у подошвы Казбека, на высотѣ 5,740 футъ. Здѣсь резиденція князей Казбековъ—небольшое каменное, обнесенное каменною же стѣною, жилище. Маленькая красивая православная церковь и почтовая перворазрядная станція съ номерами, общей столовой залой, бильярдомъ и буфетомъ.

Съ крыльца этой станціи виднѣется Казбекъ <sup>1)</sup>. За снѣгомъ нельзя было видѣть его вершинъ; на одной изъ нихъ есть остатки древняго христіанскаго монастыря. Туда ежегодно осенью собирается мѣстное населеніе, и казбекскій священникъ съ причетомъ и всѣмъ необходимымъ взбирается туда же для совершенія службы Божіей.

По дорогѣ отъ Казбека до Коби вамъ чаще попадаются болѣе пологіе холмы. Вы чувствуете, что это вершины горъ. Вамъ скажутъ, что это вершины перваго разряда горъ или, лучше сказать, перемычки главныхъ великановъ хребта. Лѣса здѣсь нѣтъ, и только въ одной, довольно значительной лощинѣ встрѣтили мы торчащій сквозь снѣгъ какой-то кустарникъ въ родѣ терна.

Кой-гдѣ виднѣется крошечное овсяное или ячменное поле, на которомъ нашъ крестьянинъ не ухитрился бы помѣстить одной своей избы.

Въ иномъ мѣстѣ выглядываютъ изъ-подъ скалъ какія-то черныя развалины, въ родѣ закоптылыхъ трубъ на деревенскомъ пожарницѣ—это аулы. Ихъ нельзя назвать деревнями, селами или хуторами—всѣ эти названія не могутъ дать понятія о физиономіи кавказскаго аула. Это скорѣе можно назвать гнѣздомъ, гдѣ нѣсколько, а иногда и нѣсколько десятковъ семействъ сложили изъ простого камня, каждое для себя отдѣльно не избу, — это будетъ не вѣрно, — а четырехъугольное болѣе или менѣ правильное вмѣстилище, съ плоскою каменною крышею—это сакля. Въ ней почти всегда, вмѣстѣ съ людьми, имѣютъ постоянно отведенныя имъ мѣста и домашнія животныя. Собраніе нѣсколькихъ саклей составляетъ аулъ. Эта бучка крошечныхъ неправильныхъ строеній, изъ почернѣвшаго камня, подъ суровымъ

<sup>1)</sup> Главная вершина Казбека — 16,558 фута.



мрачнымъ небомъ, между скаль и облаковъ, непохожа ни на хуторъ, ни на село; это — мѣсто, гдѣ можно прятаться и отбуда можно выходить на добычу.

Было время, скажутъ обитатели этихъ ауловъ, когда по нашей странѣ можно было дитяти пройти отъ конца до конца весь кавказскій хребетъ, когда наши стада паслись далеко въ широкихъ кабардинскихъ степяхъ <sup>1)</sup>, когда въ Редуть-Кале было до 350 переводчиковъ отъ разныхъ нашихъ племенъ для веденія торговли произведеніями земли, на которой мы обитаемъ. — Но гдѣ-же слѣды всего этого? Такъ же непроходимы ваши горы, какъ и въ тѣ времена, такъ же мало извѣстны минеральныя ихъ богатства, въ которыхъ, скажемъ между прочимъ, кроется главный источникъ вашего благосостоянія въ будущемъ. Пусть же не пропадетъ для васъ безслѣдно кровавый трудъ русскаго народа — пора кинжалъ и ружье промѣнять на заступъ и ломъ, а пороху дать иное, болѣе производительное употребленіе.

Къ вечеру мы пріѣхали на станцію Коби, лежащую на 6,570 футъ надъ уровнемъ моря. Мы остановились здѣсь ночевать. Отсюда только 14 верстъ до Гудаурской станціи, но этотъ путь — высшая точка перевала на военно-грузинской дорогѣ. Это путь извѣстныхъ кавказскихъ снѣговыхъ заваловъ, ежегодно погребаящихъ въ своихъ холодныхъ лавинахъ десятки несчастныхъ жертвъ. Эти 14 верстъ лучше всего проѣхать утромъ, когда солнце не растопило еще снѣга на вершинахъ горъ. Въ противномъ случаѣ, самый ничтожный снѣговой комокъ, отодвинувшись отъ общей массы, рѣдко останавливается на пути, большею же частію отъ постоянно налипающаго снѣга онъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ и съ шумомъ стремится внизъ.

Станція Коби лежитъ между тремя почти отвѣсными стѣнами горъ. Станція устроена также точно въ видѣ маленькаго замка, какъ и всѣ остальные, черезъ которыя мы проѣзжали. Но странное дѣло — капитальный, прочный, каменный, жилой домъ, а печей нѣтъ, и гдѣ же? — на Коби, въ климатѣ, гдѣ два три мѣсяца въ году нѣсколько похожи на то, что мы называемъ лѣтомъ, а остальные 9 мѣсяцевъ — время вьюги и мятели. Мы объясняемъ это просто архитектурной ошибкой. Планъ, вѣроятно, составлялся въ Тифлисѣ, гдѣ зиму понимаютъ такъ точно, какъ лашландцы лѣто, у которыхъ оно, вѣроятно, такое же какъ на Коби, и длится всего 2 — 3 мѣсяца. Архитекторъ строилъ по плану, строилъ лѣтомъ, осенью проѣзжающіе стали мерзнуть — вотъ и поставили имъ для назиданія жестяныя коробки безъ

<sup>1)</sup> Нынѣ земля терскихъ казаковъ.

кирпичей внутри и безъ вьюшекъ. Топка производится дровами; пока горить — угарно, потухли дрова — холодно и сыро.

Недалеко отъ станціи течеть Терекъ. На другомъ его берегу устроено небольшое поселеніе, что-то въ родѣ деревни, въ которой большею частію живутъ семейные, гарнизонные солдаты. Тутъ же нѣсколько духановъ, т. е. кабаковъ. Всѣ эти постройки расположены на одной небольшой площадкѣ, окруженной съ двухъ сторонъ почти отвѣсными стѣнами горъ. Передъ нами на юго-востоку узкое глубокое ущелье, по которому намъ завтра придется проѣзжать. Нельзя поручиться, что это ущелье не послужитъ и могилой. Вся обстановка — голыя скалы, снѣгъ да ледъ — не привлекательна.

На станціи ночевала проѣзжая дама съ двумя дѣтьми, — нужно было видѣть смущеніе несчастной, когда на другой день, чуть-свѣтъ, запрягли намъ три тройки подъ перекладную, потому что въ каретахъ по этому пути ѣхать нельзя, и пригласили садиться. Сколько ни увѣряли мы ее, въ чемъ сами не были твердо убѣждены, что еще рано, солнце еще не растопило ни одной снѣжинки, и завала не послѣдуетъ — но она боялась не за свою жизнь, а за дѣтей. Мы просили дистанціоннаго начальника дать намъ нарочнаго провожатаго, въ чемъ намъ не было отказано, и затѣмъ поѣхали вполнѣ на волю Божию.

На этихъ 14 верстахъ, особенно на первыхъ 10, вездѣ лежалъ глубокій слой снѣга въ 3—4 и болѣе аршина. Въ этомъ толстомъ пластѣ постоянно роется нѣсколько ротъ солдатъ, дѣлая снѣговые корридоры, которые то-и-дѣло засыпаютъ снѣгомъ — это вѣчная работа Данаидъ. Корридоры эти такъ узки, что по нимъ едва можетъ проѣхать тройка — и горе при встрѣчахъ. Недалеко отъ вершины перевала, переѣхали мы, по каменному, весьма высокому мосту, черезъ глубокій оврагъ на другой его бокъ. Но странно, мостъ узкій, со скатами на обѣ стороны и безъ перилъ. На другой сторонѣ оврага ямщикъ объяснилъ намъ, что перила снесло заваломъ, вмѣстѣ съ обозомъ, шедшимъ съ дровами, въ 18 человекъ. Все это въ оврагѣ дожидается весеннихъ водъ.

Снѣговой заваль — это въ началѣ, большею частію, оборвавшійся на вершинѣ горы небольшой комъ снѣга, просто камушекъ или груда земли, но пока этотъ комокъ долетитъ до дна ущелья, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ, а иногда и болѣе тысячи футъ, по рыхлой поверхности снѣга, онъ все болѣе и болѣе увеличивается въ объемѣ, и наконецъ достигаетъ огромныхъ, поражающихъ размѣровъ. Паденіе завала слышно на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Сила паденія ужасна. Бывали случаи, что пѣшеходовъ, сжатымъ воздухомъ, отъ падающей ла-

вины, перебрасывало на другую сторону ущелья, через пропасть, въ нѣсколько сотъ футъ глубиною и такою же ширины. Намъ рассказывали, что одинъ какой-то переброшенный счастливецъ остался живъ, благодаря мягкой снѣговой постели, въ которую его вгрузило глубоко. Несчастные случаи съ рабочими командами не рѣдкость. Иногда проѣзжающіе ждутъ по нѣсколько дней, пока рабочіе прорѣжутъ дорогу въ освѣпемъ завалѣ. Бываетъ и такъ, что ямщики отвезутъ проѣзжающихъ, а назадъ вернуться нельзя. Везшій насъ ямщикъ провелъ одну ночь между двухъ спустившихся почти одновременно заваловъ. Приятная ночь!

Почему бы, подумали мы, не устроить на этихъ 14 верстахъ—даже менѣе—хотя деревянную прочную галерею. Дорога лежитъ то по одному, то по другому боку ущелья, и ниже ея глубина ущелья такова, что можетъ вмѣстить весь нагорный снѣгъ. Тогда бы завалы скатывались внизъ черезъ прочную крышу галереи. Это стоило бы нѣсколько десятковъ, быть можетъ и сотню тысячъ, но, не говоря уже о прекращеніи несчастныхъ случаевъ, чуть ли это не было бы дешевле содержанія многочисленной рабочей команды.

Посмотрите на блѣдныя, унылыя лица этихъ несчастныхъ людей. Многіе изъ нихъ носятъ зеленые козырьки или зонтики надъ глазами—солнечный свѣтъ, при постоянной бѣлизнѣ снѣга, убійственно дѣйствуетъ на зрѣніе.

По другую сторону этого ущелья, на пологомъ скатѣ горы, устроена сторожка и волокольчикъ, въ который сторожъ звонитъ, когда замѣтитъ падающій на другой сторонѣ обвалъ. Представьте себя, читатель, на этомъ мѣстѣ, въ моментъ стремящейся внизъ снѣговой лавины, быть можетъ, на голову людей. Едва ли есть въ Швейцаріи такіе виды.

Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, очутились мы передъ Крестовою горою. Высота ея 8,142 футовъ надъ уровнемъ моря. Гора эта получила названіе отъ поставленнаго на ней, по преданію, Петромъ Великимъ каменнаго креста.

Было около 8 часовъ. Солнце стояло на горизонтальной плоскости и лучи его падали прямо въ лицо; отражаясь съ трехъ сторонъ отъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, они производили ослѣпительный блескъ. Только изрѣдка наплывутъ на васъ облака снѣжнаго тумана, и въ миріадахъ мелкихъ, кристаллическихъ звѣздочекъ тонетъ солнечный свѣтъ. Но, посмотрите—какая игра цвѣтовъ: они искрятся, переливаясь съ одного оттѣнка въ другой, то станутъ сплошною, густою массою однороднаго цвѣта, то расплывутся во всѣ оттѣнки радуги, то снова пушистой пеленой стелятся эти облака по горнымъ вершинамъ, и яркій свѣтъ солнца

падаетъ прямо на лицо. И снова вокругъ васъ тотъ же ослѣпительный блескъ, и только раздвинувшійся тамъ далеко внизу туманъ поужасетъ вамъ черную бездонную пропасть ущелья.

Впрочемъ, намъ недолго суждено было любоваться всѣмъ этимъ. Прозаическая дѣйствительность вскорѣ предстала предъ нами. Длинная вереница троечниковъ, везшихъ хлопокъ, пресѣкла дорогу — разѣхаться между двухъ снѣговыхъ стѣнъ нельзя. Мы простояли два часа, пока для нашей повозки вырѣзали въ боку этой стѣны возможное помѣщеніе. Къ намъ подошелъ татаринъ просить на «несчастный случай» — извощики опрокинули на дорогѣ его изхудалаго верблюда.

Передъ нами недалеко Гудаурская станція; тутъ, въ одномъ мѣстѣ, валится не снѣгъ, а гора. Нѣсколько дней передъ тѣмъ завалило, говорили намъ, 7 человекъ рабочихъ.

Гудаурская станція, чуть-ли не высшая точка перевала — она лежитъ на высотѣ 8,713 футъ. Впрочемъ, по этой дорогѣ есть еще высшая точка, опредѣленія которой мы не нашли въ таблицахъ, а нашъ барометръ пересталъ указывать.

На станціи намъ дали опять почтовую карету, запряженную парой отличныхъ вороныхъ лошадей. На этой станціи лошади не нужны, чтобы везти экипажъ, а только для того, чтобы удерживать напоръ. До слѣдующей Милетской станціи всего 15 верстъ, но она ниже Гудаурской на 3,752 фута, т. е. черезъ каждыя 100 саженой вы опускаетесь ниже на 7 саженой.

Самая дорога идти зигзагами. Пригорная ея сторона выстѣнена большею частію въ скалѣ, боковая сторона опирается на искусственную каменную, нерѣдко въ нѣсколько сотъ футъ вышиною, стѣну. Ширина дороги — только что можно разѣхаться съ трудомъ: это знаменитое воронцовское шоссе, о чемъ свидѣлствуетъ золотая надпись на доскѣ, вдѣланной въ одномъ мѣстѣ въ скалу.

Однако, спускъ по этому пути, для непривычнаго пассажира, далеко не привлекателенъ. Иногда колесо идетъ на нѣсколько вершковъ отъ края ничѣмъ неогороженной пропасти. Впрочемъ, несчастные случаи здѣсь необыкновенная рѣдкость. Экипажи, ящики и лошади — великолѣпныя лошади — все это вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли, но..... испугайся лошадь, сломись колесо или дышло, тогда вы можете спастись только чудомъ. Однимъ словомъ, равнодушно проѣхать предъидущую и эту станцію можетъ только тотъ, кто воспиталъ въ себѣ чувство равнодушія къ жизни, кому когда бы ни умереть и какъ бы ни умереть, рѣшительно все равно. Если же проѣзжіи не принадлежатъ къ этому разряду людей, то еще въ Коби долженъ запа-

стись увѣренностью, что съ нимъ никакого несчастья не можетъ случиться.

Съ Милетской станціи очутились мы въ другомъ климатѣ. Дорога до самаго Тифлиса на протяженіи 120 верстъ пролегаетъ большею частію по ущельямъ, превращающимся иногда въ болѣе широкія равнины, но это не тѣ безконечно широкія равнины, какія мы видѣли не доѣзжая Кавказскаго хребта.

Не менѣе того, въ окружающей васъ природѣ вездѣ замѣтна жизнь — горы покрыты лѣсомъ, на вершинахъ ихъ лежалъ еще снѣгъ, но ниже самыя крупныя косогоры глинистой почвы вспаханы самымъ тщательнымъ образомъ. Кое-гдѣ подъ лѣсомъ на обрывѣ ущелья видѣется сакля горца. Но это не та сакля, какую мы видѣли въ горахъ — эта болѣе похожа на человѣческое жилище. Возлѣ нея группируется еще нѣсколько хозяйственныхъ построекъ. Все это виситъ надъ вспаханнымъ полемъ и смотритъ привѣтливо вокругъ.

Еще ниже — виноградники и персиковыя деревья, бывшія тогда (начало апрѣля) въ цвѣту. То попадется пахарь, взрывающій съ трудомъ каменистую почву, то цѣлая груда каменьевъ, собранныхъ для того, чтобы очистить крошечный клочекъ земли и превратить его въ пашню. Въ иномъ мѣстѣ мимо этого клочка прокопана продольная канавка, въ которую проведенъ нагорный ручей. Этой водой орошается поле.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ проѣхали мы въ разрѣзъ пласты бѣлаго, какъ мраморъ, плитняка: съ виду это — или бѣлый мраморъ, или алебастръ — скорѣе мраморъ. Толщина этихъ параллельныхъ другъ-другу и почти вертикально прорѣзывающихъ ущелье пластовъ различна, отъ 3 вершковъ до 2 и болѣе четвертей. Объемъ залеганія и количество матеріала громадно. Вотъ отличный плитнякъ для мощенія улицъ и выдѣлки ступеней. Тутъ же мы видѣли нѣсколько известковообжигательныхъ печей. Не у кого было спросить — дѣйствительно ли это мраморъ. Карету остановить почти что невозможно. А на станціи никто ничего не знаетъ.

Чѣмъ ближе въ Тифлису, тѣмъ чаще попадаются на острыхъ стрѣльчатыхъ острогахъ горныхъ хребтовъ старинныя укрѣпленія.

Станціи построены въ населенныхъ мѣстахъ, имѣющихъ уже сколько нибудь европейскій характеръ. По этой дорогѣ лежитъ старинный грузинскій городокъ Мцхетъ, бывшая лѣтняя резиденція грузинскихъ царей.

Мцхетъ въ настоящее время — нѣчто въ родѣ нашихъ небольшихъ торговыхъ мѣстечекъ. Но сѣрый, необтесанный камень въ

нештуатуренныхъ постройкахъ, самая форма и расположение этихъ построекъ сообщаютъ ему непривлекательный видъ.

У Мцхета встрѣтили мы караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ тюками хлопчатой бумаги. По недостатку дорогъ и дорогому продовольствію по существующимъ уже трактамъ, азіатскіе товары нерѣдко отправляются извѣстными изстари тропами черезъ горы, на верблюдахъ. Замѣчательнъ этотъ обозъ — это длинная вереница, тихимъ мѣрнымъ шагомъ идущихъ животныхъ, тихій, однообразный звукъ бубенчиковъ, закутанныя въ черныя, длинныя бурки фигуры проводниковъ. Все это, въ темный сумракъ, очень похоже было на торжественную процессію тѣней.

Отъ Мцхета до Тифлиса 20 верстъ. Дорога лежитъ по широкому ущелью Куры. Впрочемъ ширина ущелья не превышаетъ двухъ-трехъ верстъ. Но вотъ что странно: такъ близко отъ города, населеніе котораго превышаетъ 100,000 душъ, и равнина эта съ отличною почвою лежитъ пустыремъ. Это что-то не гармонируетъ съ той обработкой едва доступныхъ косогоровъ, которую мы видѣли передъ тѣмъ. Уже не общинная-ли это земля! Неужели такъ трудно ту же самую Куру, имѣющую паденіе до 8 футовъ на версту, заставить, при помощи колесъ, поднять свои воды для орошенія луговъ и полей этой равнины!

Въ такомъ климатѣ, какъ климатъ Тифлиса, можно снять четыре укоса люцерны въ годъ, или хлѣбъ и корнеплоды одно за другимъ, съ одного и того же поля. Одна эта равнина могла бы снабдить сѣномъ, молокомъ и огородными овощами весь городъ. Пространство этой равнины отъ 50 до 60 квадратныхъ верстъ, т. е. отъ 5 т. до 6 т. десятинъ, а десятина люцерны, въ тифлисскомъ климатѣ, при орошеніи, въ четыре укоса даетъ болѣе 600 пудовъ сухого сѣна. Разсчетъ этотъ можно повѣрить въ тифлисскомъ же городскомъ саду, гдѣ посѣяна на клумбахъ люцерна и притомъ только поливается водою, но безъ удобрения. 6,000 десятинъ по 600 пудовъ сѣна каждая, да это 3.600,000 пудовъ! Этимъ количествомъ можно отлично прокормить до 15,000 штукъ крупнаго скота, считая по 250 пудовъ сухого сѣна на штуку въ годъ, т. е. около 27 фунтовъ въ день или  $\frac{1}{30}$  часть по вѣсу на 20-ти пудовое животное. Кавказскій скотъ никогда не былъ такого вѣсу и отродясь не видалъ такого количества корма въ день. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что удобреніе отъ тѣхъ же животныхъ, употребленное на тѣ же поля, могло бы поднять производительность ихъ гораздо выше. Извѣстный до сихъ поръ предѣлъ урожая люцерны, съ культивированной десятины превышаетъ 1,000 пудовъ сухой травы.

Этотъ разсчетъ вовсе не преувеличенъ. Только калмыкъ недо-

вѣрчиво посмотреть на васъ, если вы ему скажете, что европейская культура пространствомъ земли въ одну десятину прокармливаетъ болѣе чѣмъ одного человѣка, и, неудивительно, что это будетъ для него непонятно. Между тѣмъ, плодороднѣйшая равнина подъ Тифлисомъ лежитъ пустыремъ.

Но вотъ ущелье суживается, вдали виднѣются куполы церквей, начинаютъ попадаться садики, огороды и постройки — мы въѣжаемъ въ Тифлисъ.

Представьте себѣ, читатель, раздвинувшееся вдругъ по обоимъ берегамъ рѣки Куры ущелье. Съ правой стороны Куры внизъ по теченію оно образуетъ дугу, хорда которой вдоль рѣки простирается до 5 верстъ, а самый бѣльшій перпендикуляръ въ ней отъ окружности — у подошвы горы св. Давыда — около 2 верстъ. Лѣвая сторона по рѣкѣ Курѣ сначала возвышенная, плоская равнина, окаямленная невысокимъ хребтомъ, мало-по-малу превращается въ рядъ холмовъ, и около 5 верстъ ниже, гдѣ противоположная сторона ущелья снова загибаетъ свою дугу, холмы эти переходятъ въ покатую на югъ по теченію рѣки равнину. Тифлисъ называютъ котломъ — мы скажемъ, что котель этотъ съ неровными краями (потому что восточная часть гораздо ниже западной), весьма помятыми боками и двумя щелями, черезъ которыя течетъ Кура. Въ этой-то котловинѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ расположенъ городъ съ населеніемъ во 100 тысячъ жителей.

Въѣздъ въ городъ по правой сторонѣ рѣки. Первая улица, по которой мы ѣдемъ, такъ называемый Головинсей проссектъ, довольно широка, съ двумя рядами двухъ и трехъ-этажныхъ весьма вычурно разукрашенныхъ домовъ. По бокамъ узенькіе переулки, въ которыхъ могутъ развѣхаться развѣ верхоме. Далѣе, по лѣвой сторонѣ Головинскаго проссекта, городской довольно порядочный, но еще молодой садъ, съ красивыми роскошно растущими деревьями бѣлой акаціи и фонтаномъ. Съ правой стороны дворецъ намѣстника. Въ концѣ улицы площадь съ громаднѣйшимъ, высокимъ, невзрачнымъ зданіемъ — это караванъ-сарай, гостинный дворъ. Тутъ же внутри театръ.

Отъ этого зданія на западъ въ верхъ къ горѣ большая улица; отъ нея нѣсколько меньшихъ поперечныхъ въ оба бока: это самая лучшая по постройкамъ, чистотѣ и воздуху часть города — такъ называемые Салалаки.

Далѣе, на югъ и востокъ отъ караванъ-сарая начинается азійская часть города съ невообразимо узкими, грязными, вонючими переулками. Тутъ домигъ на домигъ и лавочка на лавочку нагромождены. И все это завалено зеленью, табакомъ, бараниной,

старымъ тряпьемъ, оружіемъ, чѣмъ-то въ родѣ блиновъ, тутъ же приготовляемыхъ на горячихъ угольяхъ. Однимъ словомъ всякая всячина, какая только можетъ входить въ бытъ азіятца. Народъ въ буквальномъ смыслѣ кипитъ. Одинъ на яшакѣ — родъ осла <sup>1)</sup> — везетъ два кубка древеснаго угля, другой на лошади — два кожаные мѣха воды; третій успѣлъ забраться въ эту тѣсноту на двухъ-колесной арбѣ, нагруженной вздутою бычачьею кожей, наполненной вахетинскимъ виномъ. Это извѣстный кавказскій бурдюкъ. Такіе бурдюки меньшихъ размѣровъ — бараньи — то-и-дѣло попадаются, ножами въ верхъ, на крышахъ домовъ.

Проѣзжаете дальше. На пути старый караванъ-сарай, въ родѣ темныхъ рядовъ въ нашихъ московскихъ ножовыхъ линіяхъ; только здѣсь зданіе болѣе высоко и болѣе темно. Тутъ продаются сукна и красный товаръ. Тутъ же, сейчасъ за этимъ караванъ-сараемъ, небольшая площадка въ родѣ московскаго толкучаго рынка, но грязь и вонь превосходятъ всякое воображеніе. Едва переводя духъ и подогнавъ извозчика, мы выбрались на болѣе просторную, но весьма плохо застроенную улицу, Воронцовскій проспектъ. На обратномъ пути мы повернули къ западу въ ущелье горы, гдѣ расположенъ небольшой, не богатый, но весьма красивый ботаническій садъ, живое доказательство, чѣмъ могъ бы быть Тифлисъ при болѣе практическомъ расположеніи. Воды, проведенной изъ дальняго ручья, больше чѣмъ нужно. Растительность богата. Подымаясь по одной дорожкѣ, мы взошли на вершину скалы, выдвинувшейся длиннымъ, узкимъ въ родѣ стрѣлки хребтомъ съ двухъ ущелій.

На самомъ гребнѣ этой скалы до сихъ поръ уцѣлѣли остатки замка грузинскихъ царей — небольшая круглая башня — въ другомъ мѣстѣ двѣ-три комнаты. Мы охотно допускаемъ, что время истребило остальные постройки, потому что въ тѣхъ, которыя остаются, еще теперь было бы тѣсно. Красива панорама Тифлиса съ этой горы. Повернувшись лицомъ на сѣверъ, вы видите весь совершенно передъ вами открытый городъ. Площади, улицы, строенія — все это собирается въ одну общую массу съ какимъ-то сѣрымъ оттѣнкомъ. Рѣзче другихъ выдаются отдѣльныя группы зелени въ ущельѣ, что повыше Салалакъ. Въ горѣ, составляющей западную дугу Тифлиса, на высотѣ 1,940 футовъ, т. е. на 700 почти футовъ выше города <sup>2)</sup>, церковь св. Давида. За городомъ на сѣверъ виднѣется небольшая кучка зелени — это загородный садъ Муштаидъ. На юго-востокъ по другой сторонѣ рѣки видны

<sup>1)</sup> Среднее между лошадыю и осломъ.

<sup>2)</sup> Мостъ на Курѣ 1,350 футовъ.



большія красивыя зданія военныхъ госпиталей. Жаль, что весь Тифлисъ не на этихъ холмахъ — правда, что теперь тамъ нѣтъ воды, но по линіи этихъ холмовъ течетъ на 20 верстъ вверхъ Кура и на 80 слишкомъ верстъ Арагва. Паденіе той и другой таково, что немного верстъ надобно подняться, чтобы провести цѣлую рѣку черезъ эти холмы.

Съ этого мѣста наблюденія можно прямо спуститься, съ большимъ впрочемъ трудомъ, въ Салалаки, но мы не рискнули и предпочли вернуться старымъ путемъ.

Проѣхавъ поперегъ татарскую часть города, мимо старой мечети черезъ узенькій мостъ, мы очутились на другой сторонѣ Куры.

Здѣсь также караванъ-сарай, да еще съ номерами — вѣроятно это первый прототипъ построекъ этого рода въ Тифлисѣ. Изъ всего предъидущаго читатель можетъ заключить, что это за постройка.

Далѣе, поѣхали мы по длинной улицѣ, пролегающей подъ обрывистою горою. Съ обоихъ боковъ этой улицы черные, каменные или изъ плоскаго кирпича, сложенные на обычномъ кавказскомъ цементѣ — на глинѣ, небольшіе домики. Правая линія этихъ домиковъ задними стѣнами вошла въ гору, только фасады ихъ смотрятъ на улицу. Фасады лѣвой линіи большею частью обращены къ рѣкѣ, а крыши въ уровень съ полотною улицы. Кое-гдѣ на берегу рѣки работаютъ маленькія пловучія мельницы — и все это тянется нѣсколько верстъ до другого каменнаго, весьма красиваго моста черезъ Куру, называемаго Воронцовскимъ.

Тутъ же поставленъ довольно изящный памятникъ Воронцову. Мы въ части города, называемой Куки.

Далѣе, по тому же направленію начинаются обыкновенные порядочные дома, особенно выдѣляется оригинальностью архитектуры домъ татарскаго благороднаго собранія или клуба. Еще дальше начинается знаменитая нѣмецкая слобода. Это — деревянныя чистенькіе домики въ одинъ и въ два этажа, съ прилично содержимыми дворами и маленькими садиками — лѣтнія дачи для менѣе богатыхъ жителей Тифлиса.

Владѣльцы этихъ домиковъ, нѣмцы, около 30 лѣтъ какъ поселились въ Тифлисѣ. Говорятъ, не дешево имъ стоило оклиматизироваться и свыкнуться со всею обстановкою здѣшней страны. Въ настоящее время они не тѣ колонисты, которыхъ мы привыкли представлять себѣ въ видѣ рачительныхъ фермеровъ, у которыхъ хлѣба и скота въ волю, а молочныхъ скоповъ и дѣвать некуда. Нѣтъ, эти отдають свои дома и садки въ наймы, за-

нимаются разными сподручными промыслами. Хозяйство, въ смыслѣ подгороднаго фермерства, для нихъ вторая, а то и вовсе посторонняя статья. Это понятно. Въ Тифлисѣ европейскаго дѣятельнаго населенія мало, а необходимость этой дѣятельности огромная. Туземцы не понимаютъ этихъ потребностей и не въ состояннн удовлетворить имъ.

Еще съ версту за нѣмецкую колонію — городской общественный садъ — Муштайдъ, небольшой вишневыи садикъ въ родѣ курскихъ или черниговскихъ помѣщичьихъ садиновъ средней руки. Только два деревянныя строенія, изъ которыхъ одно, вокзалъ съ весьма изящно убранною одною или двумя комнатами, напоминаютъ вамъ, что вы въ городскомъ саду.

За Муштайдомъ большое поле — бѣгъ. Дальше, засѣянные хлѣбомъ небольшія поля.

Вотъ въ общемъ очеркъ весь Тифлисъ съ его главными улицами и частями. Въ переулки заглядывать не будемъ — неудобно, узко, грязно и нездорово.

Климатъ Тифлиса имѣетъ свои характеристическія особенности. Но въ общемъ итогъ это жаркій климатъ, и только въ ноябрѣ и декабрѣ бываетъ нѣсколько градусовъ мороза. На Крещеніе нѣрѣдко жители Тифлиса жалуются на жару, какъ жители Полтавы въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ февралѣ миндальныя деревья цвѣтутъ. Мартъ, апрѣль, начало мая умѣренные, но съ половины мая — іюнь, іюль и августъ — невыносимо жарко, особенно для непривычныхъ прїѣзжихъ.

Туземцы въ то время прячутся въ свои, въ землѣ устроенные дома или, вѣрнѣе, погреба. Заѣзжіе люди со средствами уѣзжаютъ по дачамъ въ горы на высоту 4 — 5 тысячъ футъ — въ Каджоры, на Бѣлый-ключъ въ Боржомъ, словомъ, куда кто можетъ; менѣе состоятельные въ нѣмецкую колонію или куда ни попало, а то иной день въ городѣ дышать не чѣмъ. И не удивительно: между 42 и 41 градусомъ сѣверной широты, окруженный высокими раскаляющимися отъ солнца горами, безъ свободнаго доступа воздуха, Тифлисъ дѣйствительно котелъ, только нагрѣваемый сверху, и въ немъ можно задохнуться.

Къ тому же самое многочисленное населеніе Тифлиса — азіатское. Занимаетъ оно по всему протяженію города густою сплошною массою жилыхъ построекъ оба берега Куры. Образъ жизни этого населенія, чистота жилищъ и вообще опрятность — извѣстны. Слѣдовательно, центръ города по всему протяженію составляетъ гнѣздо, въ которомъ съ полнымъ успѣхомъ развиваются миазмы со всѣми ихъ послѣдствіями — и какъ это должно быть сильно въ такомъ жаркомъ климатѣ!

Другая, не менѣ замѣчательная особенность Тифлиса въ гигиеническомъ отношеніи — это сухость воздуха. Количество ежегодно выпадающей влаги достигаетъ здѣсь 18,7 дюйма — это больше чѣмъ въ Курскѣ — больше чѣмъ въ Петербургѣ. Но на голой каменистой почвѣ Тифлиса, влажность эта не можетъ держаться. Высокая температура способствуетъ весьма быстрому испаренію, что, въ свою очередь, производитъ сильное, почти внезапное охлажденіе воздуха, и эти перемены далеко не благотворно дѣйствуютъ на здоровье.

Вода употребляется изъ Куры — ее доставляютъ по домамъ въ вожаныхъ мѣшкахъ, навьюченныхъ по два на лошадь. Этотъ способъ перевозки тяжести обусловливается необыкновенно узкими и взрытыми переулками, по которымъ едва можетъ пройти пѣшеходъ. Доставкою воды занимается особая корпорація водовозовъ, считающихъ себя посвященными на это дѣло. И не рѣдко горе бывало русскому бородатому кучеру, когда онъ въ своей классической красной рубахѣ и поддѣвкѣ, съ бочкою на дрогахъ, явится на берегъ за водою. Теперь столбовенія эти рѣже.

Есть, правда, въ городѣ противъ зданія полиціи фонтанъ и бассейнъ, изъ котораго, сколько намъ помнится, берутъ воду, — но это буквально капля въ морѣ. И водовозы, съ сознаниемъ своего значенія, непрерывно снуютъ по улицамъ. Жаль смотрѣть на ихъ несчастныхъ и вѣчно навьюченныхъ лошадей — чѣмъ они ихъ кормятъ — овесъ, ячмень и сѣно въ Тифлисѣ несравненно дороже чѣмъ въ Петербургѣ.

Провизія въ Тифлисѣ привозная изъ далека, поэтому все дорого и рѣдко бываетъ свѣжо. Объ огородахъ, въ смыслѣ подмосковныхъ огородовъ, помину нѣтъ, хотя для нихъ есть весьма удобныя мѣста выше и ниже Тифлиса по Курѣ, надо только воду для поливки поднять.

Итакъ — климатъ жаркій, воздухъ спертый, воды мало и то съ загрязняемой ежедневно рѣки, провизія дорогая и не особенно свѣжая. Вотъ тѣ гигиеническія условія, которыми обставлены жители Тифлиса.

Какимъ же образомъ, спроситъ читатель, при такихъ неблагоприятныхъ для жизни условіяхъ, въ Тифлисѣ живетъ 100-тысячное населеніе, и съ каждымъ годомъ Тифлисъ получаетъ все больше и больше значенія. Да, это правда, скажемъ мы — это даже не все. Посмотрите на мѣстныхъ тифлискихъ жителей, особенно армянъ и грузинъ, они отличаются красивымъ здоровымъ видомъ. Но за то чуть-ли не вся ихъ жизнь посвящена противодѣйствию климатическимъ неблагоприятнымъ условіямъ. Домъ въ

землѣ. Одежда лѣтомъ и зимою теплая — онъ въ нее закутанъ съ ногъ до головы, и едвали на ночь разстается съ ней. Пицца прѣная, вино въ изобиліи, испарина постоянная, при такихъ условіяхъ онъ до поры до времени здоровъ.

Высшее туземное сословіе, сословіе со средствами, владѣющее имѣніями и вообще развитое, менѣе подчинено сказаннымъ неудобствамъ.

Но взгляните на тифлисскаго татарина, на рабочаго грузина, — населеніе этого рода въ Тифлисъ преобладающее, — какое же сравненіе между этими людьми и судакскими или ялтинскими татарами, не говоря уже о курскихъ краснощекихъ мѣщанахъ или тамбовскихъ крестьянахъ.

А почему, не только это, но и другое, не привыкшее къ такимъ условіямъ, населеніе прибываетъ въ Тифлисъ, кажется само собою понятно. Тифлисъ, столичный городъ Кавказа, слѣдовательно, центръ всей административной дѣятельности того края. Тутъ непрерывное передвиженіе лицъ и притомъ привыкшихъ къ лучшей жизни — затѣмъ непрерывный притокъ денегъ. Дурно-ли, хорошо-ли, жить здѣсь все-таки надобно. Хоть и дорого все платить надобно — было бы по крайней мѣрѣ сносно.

Вотъ источникъ для жизни мѣстнаго населенія, не отличающагося ни энергіей, ни прочной предпримчивостію. Сегодня купилъ, завтра продалъ. Все-то мѣстное производство Тифлиса ограничивается приготовленіемъ предметовъ необходимыхъ для обыкновенной мѣстной одежды, да оружія. Въ Тифлисъ указывали намъ на одинъ только устроенный нѣмцемъ механической заводъ, довольно приличныхъ размѣровъ. И за то ему спасибо.

Но вотъ утро въ Тифлисъ. Солнце не такъ допекаетъ какъ днемъ. По городской площади снуютъ водовозы. Продавцы дровъ сбились къ одному мѣсту. Кто вывезъ двухъ-колесную арбу <sup>1)</sup> на четырехъ мулахъ, или пара муловъ впередъ, а быки къ вію <sup>2)</sup>; кто навьючилъ двумя вязанками маленькаго невзрачнаго ящика: первый просить отъ 4 до 6 руб. за арбу, второй довольствуется рублемъ. Тамъ двѣ-три четырехъ-колесныхъ арбы сѣна — за одну просятъ отъ 8 до 10 и даже 15 руб.

Между тѣмъ возлѣ караванъ-сарая начинаютъ группироваться кучки плотныхъ, здоровыхъ армянъ въ своихъ типическихъ востюмахъ.

По узкимъ неровнымъ тротуарамъ пройдутъ двѣ-три грузинки, закутанныя съ ногъ до головы въ бѣлая покрывала. То проѣдетъ

<sup>1)</sup> Количество дровъ менѣе воловьего воза.

<sup>2)</sup> Малорусское названіе. Вію — воловье дышло.

толстый колонистъ-нѣмецъ на возу, съ высокими полудрабками<sup>1)</sup>, запряженномъ парюю добрыхъ коней. Начинаютъ появляться извозицы фэатоны. Этимъ промысломъ занимаются старовѣры, живущіе въ ущельѣ по лѣвой сторонѣ Куры, не далеко отъ города.

Жаль, что мало этихъ людей; экипажи ихъ довольно приличны, лошади порядочныя, но цѣны баснословны — отъ 60 к. до 1 рубля въ часъ, около 8 руб. въ день. Въ воскресенье и праздничные дни цѣна поднимается до 25 руб. за пару лошадей въ фэатонѣ. Нечего дѣлать, — платятъ.

Есть нѣсколько магазиновъ, содержимыхъ французами. Тамъ вы найдете всего по немного — денегъ только по многу берутъ. Впрочемъ сигаръ хорошихъ мы не могли достать. Чай весь мѣстной развѣски, хотя и встрѣчаются вывѣски Попова, Кореценко и т. д. Торгующіе подъ этими вывѣсками называютъ себя комиссіонерами тѣхъ фирмъ. Если замѣтите, что развѣска чая этихъ фирмъ не такова, вамъ добавятъ, что они комиссіонеры съ правомъ развѣски.

Есть довольно порядочный книжный магазинъ, но многое надо выписывать, по неимѣнію на мѣстѣ. Спросъ, говорятъ, не великъ.

Публичная бібліотека не особенно загромождена книгами, а еще менѣе читателями.

Есть двѣ-три гостинницы, изъ которыхъ самая сносная и притомъ въ центрѣ города, но за то и самая дорогая, подъ названіемъ «Европа». Ее содержитъ французъ. Номера безъ печей, а въ стѣнахъ сдѣланы какія-то ниши безъ дверецъ и вьюшекъ. Къ тому же окна ординарныя, большія. Было ужасно холодно. Мы приказали развести огонь въ этой нишѣ. Насъ спросили: «на сколько?»<sup>2)</sup> Признаемся, мы не сразу поняли суть дѣла, такъ точно, какъ насъ не могъ понять грузинъ-служитель, что надобно топить столько, чтобы было тепло: «этакъ пожалуй и сосчитать послѣ нельзя».

Вечеромъ отправились мы въ оперу. Театръ небольшой, но красивый. Особенно отличаются первыя въ сценѣ ложи весьма оригинальными, въ восточномъ вкусѣ, украшеніями потологовъ. Это, подражаніе своду пещеры, увѣшанному безчисленнымъ множествомъ блестящихъ кристалловъ. Только тутъ выпуклые бока кристалловъ замѣнены впадинами. Жаль, что все это не изъ хрустала. При освѣщеніи было бы необыкновенно эффектно.

Послѣ мы видѣли такой же формы гипсовыя украшенія въ

<sup>1)</sup> Лѣстницы, положенныя бокомъ на оси.

<sup>2)</sup> Т. е. на какую сумму дровъ принести.

нипахъ мечетей. Въ этотъ вечеръ давали Риголетто. Труппа очень хорошая. Оркестръ сносный. Вообще при всей обстановкѣ можно вечеръ провести не скучно.

Не успѣли мы впрочемъ выйти изъ театра, какъ горькая дѣйствительность напомнила намъ, что мы въ Тифлисѣ. Темень страшная. Фонари видны, но отъ фонарей ровно ничего — и это въ Тифлисѣ, гдѣ столько источниковъ нефти, откуда горный воскъ почти за 3 тысячи верстъ везутъ въ Петербургъ.

Вѣдь нефть съ выгодою можно продавать по 40 коп. сер. за пудъ. Въ Тифлисѣ же можно купить ее по лавочной цѣнѣ 60 коп. сер. за пудъ. 100 пудовъ нефти, допустимъ даже въ 60 руб. сер., дають 40 пудовъ лучшаго веросина. Перегонка стоитъ пустое — 10 или 20 коп. сер. на пудъ веросину. Слѣдовательно, веросинъ въ Тифлисѣ можетъ и долженъ стоить не дороже 2 руб., 2 руб. 50 коп. сер. за пудъ.

Въ номерѣ намъ довелось слышать иную музыку. Несмотря на темную ночь, на площади стали раздаваться какіе-то глухіе удары въ родѣ рѣдеаго боя въ полковой барабанъ. Свистъ и безконечно-протяжный, несложный, съ однообразными переливками звукъ свирѣли. Это грузинская сурна. Сопровождалась она множествомъ простой молодежи, собравшейся повеселиться хотя бы въ темную ночь. Долго слышалась эта музыка со свистомъ и ударами въ барабанъ, пока исчезла гдѣ-то въ дали.

Въ Тифлисѣ есть кавказскій отдѣлъ русскаго географическаго общества, музей, обсерваторія, общество сельскаго хозяйства, въ засѣданіи котораго намъ довелось быть. Это засѣданіе имѣло много общаго съ петербургскими засѣданіями комиссіи по хлѣбной торговлѣ. При обществѣ имѣется депо земледѣльческихъ орудій; практическій хуторъ, цѣль котораго впрочемъ разведеніе фруктовыхъ и орнаментальныхъ деревьевъ; практическая сыродѣльня; сѣменное депо и акклиматизаціонная станція. Общество имѣетъ два изданія: на русскомъ языкѣ — «Записки общества», и на грузинскомъ — «Пахарь»; сверхъ того, интересныя для армянъ свѣдѣнія издаются на армянскомъ языкѣ.

Замѣчательно общество кавказскихъ врачей. Цѣль его — взаимный обмѣнъ наблюденій. Члены-медики разсыпаны по всему Кавказу. Въ одномъ изъ засѣданій этого общества, въ которомъ довелось намъ присутствовать, члены, тифлисскіе медики, были приглашены секретаремъ общества сообщить, каждый по району своей практической дѣятельности, о родѣ и силѣ господствующихъ въ данный моментъ болѣзней, такъ что это одновременное сообщеніе знакомитъ всѣхъ членовъ съ характеромъ и силою господ-

ствующей эпидеміи, а равно и болѣе удачными средствами противодѣйствовать ей.

Обращаясь затѣмъ къ внутренней жизни Тифлиса, скажемъ, что она не многостороння, средствъ требуетъ много, удобствъ даетъ мало. Въ высшемъ обществѣ численностью преобладаютъ заѣзжіе. Далѣе — грузины, татары и армяне. Общество средняго круга состоитъ изъ заѣзжихъ чиновниковъ, грузинъ, армянъ, преимущественно купцовъ. Средній кругъ мало общителенъ между собою.

Низшій классъ или рабочій людъ состоитъ преимущественно изъ татаръ, грузинъ, армянъ съ небольшимъ количествомъ русскихихъ, замедшихъ плотниковъ, бондарей и т. п., да разночинцевъ — отставныхъ солдатъ.

Въ этомъ обществѣ каждый, отдѣльно взятый, живетъ по своему; но армяне, грузины и татары, смотря по роду занятій, составляютъ промысловые цѣхи. Надобно удивляться разнообразію ихъ. Какихъ тутъ цѣховъ нѣтъ — начиная отъ водовозовъ и кончая торговцами сунонъ, красныхъ и т. п. товаровъ. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ удивительно дружно. Каждый готовъ всевозможными средствами защищать интересы своего цѣха. Но далеко не то тамъ, — гдѣ дѣло коснется частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ сосѣдъ на сосѣда смотритъ какъ на своего естественнаго врага, и чуть-ли не радуется въ душѣ несчастью, постигающему ближняго. По крайней мѣрѣ мы это слышали отъ лицъ хорошо знакомыхъ съ обычаями своего народа.

Это не тотъ характеръ русскаго крестьянина, что иной разъ отдаетъ погорѣвшему послѣднюю копейку; не тотъ, очень часто надменный, но въ сущности не злобный характеръ русскаго купца-капиталиста, что готовъ отсрочить платежъ, по кредитовать или сбросить съ костей постигнутому несчастьемъ своему товарищу-купцу. Это не тотъ характеръ, способный сплотить нѣсколькихъ капиталистовъ для одного значительнаго предпріятія. Это единичный характеръ въ каждомъ индивидуумѣ — обыкновенно, только для самого себя.

Такое грустное явленіе можно объяснить развѣ продолжительною замкнутостію въ мірѣ умственнымъ и физическомъ — замкнутостію, которая не умѣетъ расширить узкихъ предѣловъ устарѣвшей, а потому неудовлетворяющей дѣйствительности, создавшей весь нынѣшній матеріальный бытъ этихъ людей на исключительномъ фактѣ обмѣна. Въмѣсто широкой производительности, развивающей умственный горизонтъ и способствующей прочному возрастанію богатствъ, совершается крошечное перемѣщеніе.

Все это можетъ быть измѣнено только воспитаніемъ, и надо отдать кавказцамъ справедливость, они всѣми силами стремятся

къ нему. Не говоря о существующихъ на Кавказѣ официальныхъ казенныхъ и частныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, намъ лично доводилось въ послѣдствіи времени встрѣчать почтенныхъ отцевъ семействъ изъ грузинъ и татаръ, везшихъ то нѣмцевъ, то англичанокъ къ своимъ дѣтямъ. Говорятъ только, что это не надолго, гувернантки эти скоро выходятъ за-мужъ за хорошихъ людей, мѣстныхъ уроженцевъ, какъ туземки весьма охотно выходятъ за-мужъ за русскихъ. Намъ пріятно добавить, что кавказскіе уроженцы, воспитанники русскихъ университетовъ, отличаются весьма трезвымъ взглядомъ на жизнь.

Познакомившись отчасти съ Тифлисомъ, мы желали узнать поближе Кавказъ въ отношеніи его производительности и естественныхъ богатствъ. Мы встрѣчали полную готовность со стороны лицъ, въ которыхъ обращались съ просьбою указать, способствовать намъ. Но не много въ этомъ отношеніи можно было успѣть. Всѣ изслѣдованія по этой части едва въ зародышѣ. Только о топографіи Кавказа нельзя того сказать. Благодаря самой внимательной предупредительности главнаго начальника кавказской триангуляціи, генераль-лейтенанта Ходзьео, мы познакомились, хотя и весьма неполно, какъ не специалисты по этому дѣлу, съ работами, произведенными на Кавказѣ по этому предмету. Болѣе 1324 различныхъ опредѣленныхъ пунктовъ горъ, ущелій, рѣкъ, обитаемыхъ мѣстъ, озеръ, источниковъ, предѣловъ той или другой растительности, начиная отъ виноградниковъ и до дерна и мха, помѣщено въ Кавказскомъ календарѣ. Вѣроятно, тоже количество, если не больше, имѣется въ портфель топографическаго корпуса. Во всякомъ случаѣ, гигантскій трудъ.

Трудъ этотъ совершенъ при содѣйствіи многихъ лицъ, но генераль-лейтенантъ Ходзьео чуть-ли не съ 1842 года и по настоящее время всю жизнь свою посвятилъ этому труду и, какому труду! Легко сказать, измѣрить кавказскія горы подъ пулями непріятели! Воображаемъ себѣ этого труженника на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ; среди дикой природы онъ ориентируется, дѣлаетъ свои линіи и засѣки; они такъ прочны, какъ эти горы, которыя онъ исходилъ съ такимъ трудомъ. За то и резульгаты громаденъ.

Изъ многихъ картъ во всевозможныхъ масштабахъ, и даже карты разрѣза главнаго кавказскаго хребта, особенно замѣчательнъ снимокъ или слѣпокъ изъ папье-маше всего кавказскаго края со всѣми горами, ущельями, рѣками, въ соответствующемъ масштабѣ. Доска чуть не 16 арш. въ квадратѣ. На ней вы видите Ставропольскую, Терскую и Кубанскую равнины, главный хребетъ Кавказа, начиная отъ Каспійскаго и до Чер-



наго моря, долину Куры и затѣмъ малый Кавказскій хребетъ отъ персидскихъ границъ и Каспійскаго моря вплоть до Батума и Поти.

§ Это замѣчательное произведеніе вполне заслуживало бы занять мѣсто во всѣхъ музеяхъ, въ ученыхъ собраніяхъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже въ кабинетахъ образованныхъ людей.

Не такъ легко намъ было познакомиться съ земледѣльческою производительностію Кавказа, или лучше сказать, мы получили объ ней самыя отрывочныя понятія. Еще менѣе могли мы уяснить себѣ вопросъ объ ископаемомъ богатствѣ Кавказа. Много пришлось выѣздить по городу, пока мы нашли горное управленіе. Сначала завезли насъ въ инженерное, оттуда *по указанію* въ горское, т. е. административное управленіе горскими народами. Наконецъ, удалось намъ найти искомое вѣдомство, въ которомъ мы получили столько-же свѣдѣній, сколько ихъ можно найти въ кавказскомъ календарѣ, съ добавленіемъ впрочемъ неполныхъ свѣдѣній по тому, что только производятся развѣдки о весьма богатыхъ залежахъ сѣры въ Дагестанѣ, въ 60-ти верстномъ разстояніи отъ Петровска на берегу Каспійскаго моря <sup>1)</sup>).

Проживъ около двухъ недѣль въ Тифлисѣ, мы чуть было не поплатились здоровьемъ, такъ что докторъ посоветовалъ уѣзжать скорѣе въ горы. Но тутъ мы испытали то, къ чему вѣроятно привыкли жители Тифлиса, но противъ чего сильно вооружается каждый проѣзжающій въ Россіи. Въ Тифлисѣ, съ его большимъ населеніемъ, сходятся три тракта — военно-грузинскій, военно-имеретинскій и трактъ на Баку съ вѣтвью на Александрополь. Въ такомъ пунктѣ на почтовой станціи всего 13 троекъ почтовыхъ лошадей. Подорожныхъ по всякимъ надобностямъ кучи. Записываются онѣ за нѣсколько дней впередъ. Еще одно, приятное обстоятельство для посѣтителей Тифлиса.

Не знаемъ, долго ли пришлось бы намъ дожидаться. Но, благодаря вниманію главнаго начальника, управляющаго гражданскою частію въ краѣ, намъ дали лошадей, какой-то штутьвагенъ и кондуктора. Мы поѣхали по военно-имеретинской дорогѣ на Кутаисъ.

Трактъ отъ Тифлиса на Кутаисъ лежитъ по ущелю Куры вплоть до Сурамскаго перевала. На всемъ протяженіи этого пути

<sup>1)</sup> Наши замѣтки были уже написаны, когда въ декабрѣ мѣсяцѣ прочитали мы приглашеніе желающихъ заняться добычею сѣры; тутъ же выведенъ расчетъ, что стоимость ея обойдется около 1 руб. 60 коп. въ Казани. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія — эта сѣра должна обойтись гораздо дешевле.

мы постоянно поднимались въ гору. Погода была хорошая, но жаркая, и въ тоже время холодный вѣтеръ дулъ отъ снѣговыхъ горъ. Это, по нашему крайнему разумѣнію, первая и чуть-ли не главная причина извѣстныхъ кавказскихъ лихорадокъ. Самое вѣрное предохранительное средство — теплая одежда и постоянная испарина. Мѣстные жители постоянно одѣты въ вату и бараньи тулупы.

Чтобы имѣть понятіе о дѣйствиі этого климата на организмъ, достаточно сказать, что разница между сухимъ и смоченнымъ термометромъ достигаетъ иногда до 10°. Если вы одѣты на столько легко, что вѣшній воздухъ свободно дѣйствуетъ на ваше влажное бѣлье, вы рискуете простудиться. Свойство этой простуды таково, что очень трудно послѣ возстановить испарину. Хининъ прописывается здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ, былъ случай употребленія чуть-ли не 70 гранъ за одинъ разъ. Только такимъ свойствомъ климата объясняется употребленіе горцами ихъ теплаго костюма среди едва выносимыхъ жаровъ. Горцы не боятся осенняго и зимняго холода, а боятся лѣтней жары. Намъ говорили, что горцы косятъ траву въ шубахъ, къ чему переселенцы съ равнинъ едва-ли въ состояніи привыкнуть скоро.

Впрочемъ, избѣгать дѣйствія этого климата возможно отчасти выборомъ мѣста для жилища, и постояннымъ наблюденіемъ надъ собою. Надобно избѣгать селиться въ небольшой котловинѣ, гдѣ воздухъ спертъ какъ въ ямѣ; избѣгать селиться на выступахъ узкихъ ущелій, гдѣ свирѣпствуютъ постоянные порывистые вѣтры; особенно же избѣгать ущелій, идущихъ перпендикулярно къ снѣговымъ горамъ, по которымъ вѣчно дуетъ сильный, холодный вѣтеръ, тогда какъ съ другой стороны солнце печетъ по отвѣсной почти линіи.

Къ удивленію нашему, Мцхетская и Ничбисъ-Цхальская почтовые станціи, особенно послѣдняя, расположены именно въ обратномъ положеніи. Еще Мцхетская защищена горами съ трехъ сторонъ и подвержена преимущественно дѣйствию западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, но Ничбисъ-Цхальская прямо окнами обращена противъ снѣговыхъ горъ.

Смотритель этой станціи чуть-ли не 3 мѣсяца лежалъ въ лихорадкѣ, и спасенія на этомъ пунктѣ нѣтъ. Выборъ удобнаго мѣста для жилища имѣетъ вообще важное значеніе, но для станціи это важно вдвойнѣ, иначе, не говоря о пробѣжающихъ, ямщики не держатся, а затѣмъ и лошади не ведутся.

Слѣдующая станція, Ахалкалаки, въ деревнѣ, въ буквальномъ смыслѣ погруженной въ садахъ. Мѣстность необыкновенно красива, но она слишкомъ закрыта съ трехъ сторонъ высокой го-

рой: глазу, привышему къ равнинѣ, тутъ тѣсно, и воздухъ сухой, становится душно.

Еще одинъ перегонъ, и мы въ Гори. Здѣсь ущелье Куры раздвигается до нѣсколькихъ верстъ въ ширину. Тутъ же въ Куру впадаютъ съ сѣвера почти подъ прямымъ угломъ двѣ рѣки, изъ которыхъ одна носить названіе Ляхвы. Рѣки эти текутъ по широкой равнинѣ и при самомъ впаденіи въ Куру соединяются между собою. Въ сѣверо-восточномъ углу впаденія этихъ рѣкъ въ Куру, на высотѣ 1872 фута, расположенъ красивый городокъ Гори. Воздухъ здѣсь достаточно влажный и здоровый. Вся мѣстность кругомъ города, особенно къ сѣверу, открыта. Верстахъ въ двухъ по направленію къ юго-западу тянется правый гористый берегъ Куры. Это Гурійскія горы. Покрываютъ они дремучими лѣсами. Въ этихъ горахъ обитаетъ здоровое и красивое племя гурійцевъ. Мѣстное преданіе говорить, что сюда именно приходили герои древней Греціи искать золотого руна.

Въ Гори мы встрѣтили нашихъ старыхъ знакомыхъ, курскихъ плотниковъ, строившихъ черезъ рѣку Куру деревянный мостъ, а то прежній каменный, построенный, говорятъ, по старому обычаю изъ булыжника на весьма обыкновенномъ кавказскомъ цементѣ, все размываетъ вода.

Тутъ же около станціи встрѣтили мы нѣмца — стекляннаго мастера изъ Курляндіи. Это одинъ изъ числа нѣсколькихъ чело-вѣкъ, выписанныхъ сюда владѣльцемъ въ Гуріи для устройства стекляннаго завода.

Вся мѣстность отъ Гори до Сурама, 46 верстъ, отличается умѣреннымъ характеромъ возвышенностей, весьма красивыми видами, здоровымъ, хотя и жаркимъ климатомъ. Все это долина Куры.

Правый Гурійскій берегъ живописенъ. Кое-гдѣ виднѣются въ дали красивые дома владѣльцевъ, построенные въ видѣ замковъ или небольшихъ укрѣпленій. Горы покрыты отличнымъ сосновымъ строевымъ лѣсомъ. Бревна этаго лѣса въ болѣе удобныхъ мѣстахъ спускаютъ съ высоты болѣе тысячи футовъ въ долину Куры, вьжутъ въ плоты и по рѣкѣ сплавляютъ въ Тифлисъ и ниже.

Надобно видѣть, съ какою быстротою несется этотъ плотъ вдоль рѣки, и съ какимъ безстрашіемъ и искусствомъ управляютъ этимъ плотомъ находящіеся на немъ, двое, много трое людей.

Въ долину, по которой мы ѣдемъ, лежитъ нѣсколько небольшихъ деревушекъ, всѣ онѣ въ садахъ. Сады орошаются искусственно проведенною водою. Дворики весьма небольшіе. Постройки незатѣливы. Достаточно одного дерева грецкаго орѣха, чтобы подъ его вѣтви спрятать все жилище туземца. О-бокъ двора

вбиты въ землю 4 высокія жерди съ перевязью и обшивкою на высотѣ около 5 арш. отъ земли. Это для сбереженія кукурузы. На дворѣ подъ открытымъ небомъ круглая глиняная печь въ родѣ большого чугуна. Туда кладутъ дрова и зажигаютъ, а на раскаленныхъ стѣнахъ хозяйка печетъ изъ тѣста чуреки, что-то въ родѣ коржиговъ. Надъ тою же печью она встряхиваетъ свою одежду.

Кое-гдѣ попадаются вспаханныя поля. Тутъ уже мы нашли плугъ и весьма оригинальную тележку на двухъ колесахъ, состоящихъ каждое изъ двухъ широкихъ, сплоченныхъ крестообразно досокъ, углы заложены клиньями. Колесо это имѣетъ форму чугуннаго сплошнаго колеса, какія употребляются на желѣзныхъ дорогахъ.

Въ деревнѣ близъ Сурамскаго перевала зашли мы въ саклю туземца; это длинный подвалъ со стѣнами въ уровень съ землею, и крышею выходящею наружу. Стѣны закрѣплены сошвами, обполками или бревнами. Конекъ крыши держится на двухъ-трехъ сошкахъ. Въ одномъ концѣ этаго подвала пепелище, на которомъ разводять огонь. Дымъ, не стѣсняемый ничѣмъ, идетъ свободно въ оставленное для него въ крышѣ небольшое отверстіе. Въ другомъ концѣ этого помѣщенія имѣютъ пріютъ коровы, мулы и овцы. У богатаго туземца такихъ саклей двѣ, одна для него съ семействомъ, другая — для домашнихъ животныхъ. Насъ встрѣтилъ хозяинъ, три старухи и молодая, очень красивая дѣвушка, дочь его.

Сурамскій переваль ничего общаго не имѣетъ съ Гудаурскимъ переваломъ. Тамъ постоянная зима, здѣсь полное лѣто. Мѣстность открыта, и вездѣ самая роскошная растительность. Мы въ Имеретіи. Дорога начала опускаться ниже. Снова ущелье, но красивое ущелье. Растительность чрезвычайно густа, и породы лѣса новыя. Дикій виноградъ и плющъ обвиваютъ стволъ стараго чинара. Воздухъ пропитанъ ароматомъ тутъ же цвѣтушаго чрезвычайно красиваго ползучаго полукустарника.

Кое-гдѣ въ горахъ виднѣтся что-то въ родѣ построекъ, это, если хотите, здѣшніе хутора. Иначе трудно назвать эти отдѣльные, въ зелени между скалъ устроенные пріюты человѣка. Это не то что на Казбекѣ ауль. Тутъ домикъ, виноградникъ и садъ. Вокругъ всё, сколько-нибудь для горца доступныя, полосы на крутыхъ склонахъ горныхъ вершинъ распаханы и превращены въ поля. На нихъ большею частію разводять кукурузу. Народъ болѣе трудолюбивый и, кажется, смиренный.

Стало смеркаться въ ущельи, хотя по всему замѣтно было, что тамъ на верху еще совершенно свѣтло. Противъ насъ ѣхали

два всадника въ буркахъ, и нашъ, 30 лѣтъ ѣздящій по кавказскимъ дорогамъ кондукторъ, только тутъ оставилъ свой почтовый рожокъ, на которомъ онъ не переставалъ играть во всю дорогу, и пригласилъ насъ держать револьверъ наверху, положивъ самъ руку на свою старую шпагу; но дѣло сошло благополучно.

Проѣхавъ еще два перегона, Бѣлгорійской и Квирильской станціи, мы очутились въ совершенно открытой, весьма красивой, но, къ несчастью, не совсѣмъ здоровой мѣстности <sup>1)</sup>—это Мингрелія. Странно, растительность здѣсь густа, роскошна, но не такъ сильна какъ въ Имеретіи. Это, сколько мы могли замѣтить, происходитъ отъ свойства почвы, состоящей изъ весьма плотныхъ породъ и вывѣтрившейся пока на весьма незначительную глубину, что, въ свою очередь, обуславливается однообразіемъ климата, не подверженнаго рѣзкимъ перемѣнамъ температуры. На мелкой почвѣ негдѣ распространиться корнямъ растений. Жители, благодаря благодатному климату, не особенно расположены въ труду и бѣдны.

Хозяйственный бытъ мингрельцевъ не отличается зажиточностью. Мѣстность въ состояніи принять самую высшую культуру. Это природой намѣченная страна садовъ, табачныхъ, виноградныхъ и т. п. плантацій. Но все это пока только въ будущемъ. Мы были удивлены мингрельской тележкой: она состоитъ изъ оси съ двумя колесами, которыя дѣлаются изъ двухъ врестобразно скрѣпленныхъ досокъ; но углы ихъ даже не задѣланы клиньями, а потому колесо не представляетъ круга, какъ въ тележкѣ верховьевъ Куры.

Предпоследняя къ Кутаису, Симонетская станція расположена въ красивой мѣстности. Отсюда широкій видъ на долину Ріона. Дорога отсюда до Кутаиса почти ровная, только въ одномъ мѣстѣ оврагъ съ протекающей внизу его небольшой рѣчкой, въ которой не совѣтуютъ купаться и рыбы ѣсть оттуда, а то лихорадка неизбѣжна.

Кутаисъ небольшой, но красивый городъ. Жаль только, что въ немъ господствуетъ постоянно сильный и, что всего болѣе странно, сухой вѣтеръ: Кутаисъ всего въ 60 или около этого верстахъ отъ Чернаго моря и притомъ на высотѣ всего 473 футъ. Въ Кутаисѣ точно также не ищите удобствъ, всего одна гостинница, куда завозятъ пассажировъ чуть-ли не обязательно. Хорошо, если проѣзжающихъ немного, и найдутся свободные по-

<sup>1)</sup> Мы здѣсь имѣемъ въ виду вліяніе климата на непривычныхъ къ нему. Мѣстные жители подвержены здѣсь болѣзнямъ на столько же, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ.

мера, а то, быть можетъ, вамъ придется прождать здѣсь нѣсколько дней. Не удивляйтесь слову «прождать». Не думайте, что въ горахъ идетъ жаркая битва и проѣхать нельзя, или на морѣ свирѣпствуетъ ураганъ, и надо выждать погоды. Нѣтъ, просто, на почтовой станціи никогда лошадей нѣтъ.

Содержатель гостинницы, французъ, въ это время весьма обязательно составляетъ самые замѣчательные итоги, и весьма не обязательно отнесется къ вамъ, если вы, изъ уваженія къ его искусству, обратите на эти итоги должное вниманіе, тогда для васъ ничего нѣтъ, а больше и не у кого достать. Между тѣмъ лошадей все нѣтъ. По крайней мѣрѣ нашъ опытнѣйшій на Кавказѣ кондукторъ, не смотря на всѣ старанія, кончилъ тѣмъ, что нанялъ фаянтъ съ парой лошадей, и за разстояніе до Орпири, 31 верста, заплатили мы 12 рублей.

Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ только потому, что подобные случаи весьма часто повторяются въ Кутаисѣ и со многими. Это еще одно изъ удобствъ путешествія по Кавказу.

Дорога отъ Кутаиса до Орпири пролегаетъ по долинѣ Ріона. Великолѣпная равнина покрыта сплошною густою массою преимущественно кустарной растительности, между которой кое-гдѣ виднѣется убогая изба мингрельца. Только на пространствѣ послѣдняго перегона до Орпири, проѣхали мы двѣ, въ зелени погруженные и хорошо обстроенныя деревушки.

Орпири — небольшое поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домиковъ, построенныхъ по берегу рѣки Ріона. Отсюда начинается ріонское, весьма скромное пароходство, и не смотря на то, что началось оно весьма шумно, теперь производится всего нѣсколькими мелкосидящими въ водѣ, крошечными, а потому и тѣсными пароходами. Пароходство это получаетъ субсидіи, кажется, 50 или 60 тысячъ въ годъ. Мы ночевали на ріонскомъ пароходѣ, и на другой день пошли внизъ до Поти.

Характеръ окружающей насъ мѣстности тотъ же. Широкая, покрытая густою растительностью равнина. Мѣстами почва истрескалась отъ жары на значительную глубину. Некому обработать и оросить ее. Въ населеніи вездѣ проглядываетъ бѣдность.

Богатая почва, богатая природа при весьма ничтожномъ трудѣ удовлетворяютъ первыя жизненныя, весьма простыя потребности мѣстнаго населенія. Населеніе это до сихъ поръ было погружено въ полудивую жизнь; представляетъ ли оно по крайней мѣрѣ возможность для будущей гражданственности въ той странѣ?

Мѣстный житель этого края, замкнутый самой природою въ весьма крошечномъ районѣ, до сихъ поръ былъ предоставленъ самому себѣ безъ всякаго вліянія на него церкви, закона и об-

щественности. Онъ не только не знакомъ былъ съ чувствомъ сопровождающимъ законное право собственности на окружающіе его предметы, но даже чувство личной безопасности, чувство личной законной защиты не было ему знакомо. Послѣ этого понятно, какъ могъ сложиться семейный, гражданскій и общественный бытъ этого народа, или лучше сказать, этихъ племенъ, и можно-ли прочной гражданственности ожидать отъ нихъ въ будущемъ.

Приѣхали мы въ Поті, лежащемъ чуть-чуть выше уровня моря. Это только начинающійся городъ—грязь, вонь, міазмы, сырость. Хорошо еще, что пронзительный сильный вѣтеръ хотя отчасти способствуетъ очищенію воздуха, но за то этотъ вѣтеръ въ состояніи самъ по себѣ подѣйствовать на легкія и кожу. При этихъ-то условіяхъ образуются знаменитыя потійскія лихорадки. Но при такихъ условіяхъ, лихорадка, тифъ, холера, это еще легкія слѣдствія небрежности человѣка объ улучшеніи своего быта. Нормальный результатъ такихъ условій—чума. Если, въ счастію Поті, этотъ бичъ не провелъ тамъ своего слѣда, такъ это благодаря сильному вѣтру, малочисленному и весьма разбросанному населенію.

Между тѣмъ Поті ожидаетъ блестящая будущность. Молъ въ устьѣ Ріона, устраиваемый нашимъ инженеромъ Шавровымъ, поставитъ этотъ портъ на ряду съ лучшими европейскими портами. Желѣзный путь пойдетъ отъ Поті до Тифлиса и въ весьма непродолжительномъ времени отъ Тифлиса до Баку, а также черезъ Александрополь до персидскихъ границъ и Тегерана. Все это будетъ имѣть исходнымъ пунктомъ городъ Поті. Поэтому, въ настоящее время, пока на мѣстѣ будущаго города почти-что пустая топкая равнина, все это не мѣшало бы имѣть въ виду. Сильный приморскій вѣтеръ, сухая почва, не сжатое населеніе сдѣлаютъ современнымъ изъ Поті сносный въ гигиеническомъ отношеніи для жизни городъ.

Еще разъ объ устьѣ Ріона. Мы слышали, что г. Шавровъ, совмѣстно съ работами по устройству мола, избрѣлъ нѣсколько составовъ подводныхъ цементовъ, и что между ними есть замѣчательные по достоинству. Мы искренно обрадовались этому слуху. Спустя 5 мѣсяцевъ, намъ довелось прочитать коротенькій отчетъ объ устройствѣ мола въ Одессѣ и, признаемся, удивились дорогой стоимости подводныхъ заграничныхъ цементовъ. Вотъ бы прекрасный случай, подумали мы, употребить при этомъ цементы, изобрѣтенныя г. Шавровымъ.

Въ Поті мы ночевали. На другой день на небольшомъ мелкосидящемъ пароходѣ «Голубчикъ», принадлежащемъ Рус. Общ.

Пар. и Торг., поплыли мы въ большому морскому пароходу того же общества, ожидавшему насъ въ Сухумъ-Кале.

Къ самому Поту въ настоящее время не могутъ подходить большіе морскіе пароходы. Постоянные наносы Ріона и обратный прибой съ моря образовали кругомъ баръ — пространную отмель, на которой вѣчно бушуетъ короткая, но сильная морская волна. На наше счастье поднялся довольно сильный вѣтеръ, и нашъ «Голубчикъ» то и дѣло нырялъ въ волнахъ. Къ 5 часамъ вечера добрались мы до большого морского парохода, который повезъ насъ дальше, въ Крымъ.

Вмѣстѣ съ нами на пароходѣ ѣхали жители Тифлиса черезъ Поту, Донъ и Волгу въ Москву. Намъ казалось, что гораздо ближе проѣхать 500 верстъ отъ Тифлиса до Баку, а тамъ на пароходѣ и прямо въ Нижній, чѣмъ дѣлать такой сложный объѣздъ, но намъ объяснили, что эти 500 верстъ труднѣе всякаго объѣзда. Это говорили лица, занимающія весьма порядочное положеніе (что важно въ подобныхъ случаяхъ и въ Россіи, а на Кавказѣ и подавно), слѣдовательно, въ услугамъ которыхъ всѣ удобства состояція на лицо. Хорошо, должно быть, путь.

Нашъ пароходъ шелъ вдоль береговъ западнаго Кавказа. На этомъ пунктѣ покончили мы кавказскую войну. Умѣренный характеръ горъ; хорошій (хотя и вредно дѣйствующій въ началѣ на непривычнаго) климатъ; тропическая растительность, обиліе рѣкъ и ручьевъ, вообще достатокъ хорошей воды, все это даетъ возможность въ пропитанію въ этой мѣстности большого числа людей. Прежніе обитатели этихъ горъ были самые отчаянные бойцы и держались дольше другихъ. Отсюда совершилось извѣстное переселеніе черкесовъ въ Турцію, и послѣ того мѣстность эта превратилась въ глубокую пустыню.

Еще и теперъ кое-гдѣ по склонамъ горъ виднѣются ограды бывшихъ полей. По прежнему въ ущельяхъ зеленѣютъ роши каштановъ, грецкаго орѣха, и дикій виноградъ обвиваетъ толстые стволы ихъ деревьевъ, но плодами ихъ питаются бѣлка да дивій кабанъ.

Правда, что по всей линіи вдоль моря, на протяженіи болѣе 400 верстъ, есть нѣсколько вновь образующихся поселеній, но что значитъ тысяча или другая для такой мѣстности, въ которой при дикой, постоянно боевой жизни обитало нѣсколько сотъ тысячъ семействъ, тѣмъ болѣе, если эти вновь поселяющіеся имѣютъ болѣе доброй воли, чѣмъ знанія, необходимаго въ такой странѣ — тѣмъ болѣе, если эти вновь поселяющіеся уроженцы широкихъ равнинъ не только не знакомы съ условіями горнаго хозяйства, но они не знакомы даже со способами кое-какъ по-



беречь въ новомъ климатѣ свое здоровье и жизнь. Нѣтъ, съ такимъ населеніемъ далеко не уйдешь.

Вотъ мы доѣхали до Крыма, но на этотъ разъ мы не воснемся его. Проѣдемъ только за Симферополь взглянуть на чеховъ, поселившихся тамъ недавно. Люди эти первоначально были выписаны мѣстными владѣльцами земель, потомъ, не поладивъ съ ними, поселились на казенныхъ земляхъ. Теперь они ужъ нѣсколько лѣтъ живутъ самостоятельными хозяевами, обзавелись скотомъ и всѣмъ необходимымъ соотвѣтственно роду ихъ хозяйства, совершенно довольны своимъ положеніемъ и ни чуть не намѣрены уклоняться, подобно инымъ колонистамъ, отъ государственныхъ повинностей. Дай намъ Богъ побольше такихъ колонистовъ.

Отдохнувъ затѣмъ въ Ялтѣ недѣлю-другую отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, мы снова сѣли на пароходъ съ тѣмъ, чтобы высадиться въ Новороссійскѣ на западномъ Кавказѣ.

Солнце только-что начало подыматься, когда пароходъ, на которомъ мы ѣхали, вошелъ въ Новороссійскую бухту. Это одна изъ весьма красивыхъ мѣстностей на западномъ Кавказѣ. Длинное широкое ущелье, образовавшееся изъ двухъ хребтовъ довольно высокихъ, но сравнительно покатыхъ горъ. Около 10 верствъ этого ущелья занимаетъ довольно глубокая, отъ 4 до 5 верствъ шириною, бухта. Далѣе, образуемое небольшою горною рѣчкою крошечное, но гнилое, слѣдовательно заразительное болото. Оба бока ущелья, особенно равнина, одна изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей. Наносная почва равнины простирается мѣстами до нѣсколькихъ верствъ въ ширину. Трава сочная, густая. Правда, что иногда случающійся здѣсь ливень пригладитъ ее наноснымъ иломъ съ горъ. Но проведите выше параллельно ущелью канаву, или огородите каменною стѣною, и посѣвы избавлены отъ илу.

Къ западу около 20 верствъ вплоть до моря вся мѣстность состоитъ изъ ряда меньшихъ по объему, но не менѣе плодородныхъ и когда-то не дурно обработывавшихся ущелій. Дикій виноградъ, грецкій орѣхъ, каштанъ—обыкновенная растительность той страны. Черкесы имѣли тутъ большіе сады, слѣды которыхъ остаются и по настоящее время. Пчеловодство составляло у нихъ весьма важную отрасль промышленности.

То, что мы говорили о Новороссійскомъ и смежныхъ съ нимъ ущельяхъ относительно удобствъ для колонизаціи края, можно вполне примѣнить во всѣмъ почти ущельямъ западнаго Кавказа съ весьма незначительными измѣненіями. Тѣ же плодородныя долины внизу ущелій. Тѣ же совершенно годныя для садовъ мѣста по склонамъ горъ. То же обиліе рѣкъ и ручьевъ.

Дальше, верстъ черезъ 20 по Новороссійскому ущелью въ верхъ, начинается волнообразная плодородная равнина вплоть до Анапы и Таманскаго полуострова. А затѣмъ въ верхъ по обѣимъ сторонамъ Кубани тянутся сплошныя Кубанскія, Черноморскія, Ставропольскія и Донскія степи.

Новороссійская бухта, въ лучшія времена нашего черноморскаго флота, была занята частію нашихъ кораблей. Самая крѣпостца устроена подъ выстрѣлами черкесовъ, торговавшихъ днемъ въ городѣ, а ночью заводившихъ съ городомъ перестрѣлку. Тогда, говорятъ, Новороссійскъ кипѣлъ жизнью. Правда, что жизнь эта создавалась на счетъ флота. Городъ самъ по себѣ не имѣлъ ровно никакого значенія. Таковъ онъ и теперь — крошечный, съ малочисленнымъ обществомъ и такихъ же размѣровъ жизненной обстановкою.

Его бухта глубока и просторна, но подвержена постоянному, почти сѣверо-восточному вѣтру, который весною и осенью бываетъ такъ силенъ, что корабли, посаженные на нѣсколько якорей, выбрасываетъ на берегъ. Пароходы Рус. Общ. пар. и торг., обязанные заходить два раза каждую недѣлю, не заглядываютъ иногда по 2 по 3 раза сряду изъ опасенія, что ихъ можетъ застигнуть вѣтеръ и выкинуть на мель.

Одно средство противъ этого — это развести сплошной лѣсъ, начиная отъ самой бухты, вплоть до вершины хребта, черезъ вершину и по ту сторону хребта. Тогда вѣтеръ растеряется въ сплошной массѣ деревьевъ, но отдѣльныя насажденія, особенно на срединѣ или внизу ущелья, вырветъ съ корнемъ.

Самое же вѣрное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое дешевое средство — это поселеніе трудолюбиваго и знакомаго съ горнымъ хозяйствомъ населенія. Оно развело бы здѣсь сады, огородило бы ихъ цѣлыми десятками продольныхъ и поперечныхъ каменныхъ стѣнъ, и Нордъ-Остъ превратился бы въ преданіе. Правда, что воды тамъ немного — два-три горныхъ ручья, но вѣдь только татарское и вообще похожее на него хозяйство требуетъ всѣхъ условій производства на лицо. Разумное европейское хозяйство, если имѣетъ почву, да климатъ, такъ воду съумѣетъ достать. Только такое населеніе, какое въ настоящее время обитаетъ по обѣимъ сторонамъ этой бухты, неспособно къ подобной работѣ.

Проживъ около 2 $\frac{1}{2}$  недѣль въ Новороссійскѣ, мы имѣли случай познакомиться, хотя отчасти, съ климатомъ, если можно такъ выразиться, ущелій и съ соотвѣтственною для нихъ хозяйственною обстановкою. Чѣмъ ниже къ долинѣ ущелья, тѣмъ болѣе спирается — застаивается воздухъ. Особенно это ощутительно послѣ захожденія солнца. Чѣмъ выше, тѣмъ сильнѣе вѣтеръ, и

воздухъ чище. Но, во всякомъ случаѣ, необходима защита деревь отъ зноя и слишкомъ сильнаго дѣйствія вѣтра. Такъ что низменность ущелья самую природою назначена подъ виноградники, плантаціи и огороды, середина ущелья подъ поселенія и сады, горный хребетъ подъ пастбища и лѣсъ. Самая разнообразная культура на весьма, сравнительно, незначительномъ пространствѣ. Такая культура развиваетъ энергію и смышленность человѣка; культура эта при подобныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, какъ на западномъ Кавказѣ, богато награждаетъ человѣка за его разумный трудъ. Но она требуетъ многосторонняго знанія, она не знаетъ случайностей и слова: авось!

Для развитія культуры гористыхъ странъ въ Европѣ, какъ и для развитія науки сельскаго хозяйства вообще, потребовалось много вѣковъ. Развитие это совершилось постепенно. Такъ что хозяйственная культура есть результатъ одновременнаго и взаимно вліявшаго другъ на друга развитія науки и общественной жизни, и мы видимъ, что тамъ высшія научныя познанія не чуждаются общественной трудолюбивой жизни, и жизнь не только не отвергаетъ науки, но ищетъ ее, опирается на ней. Всякое развитие вообще, и высшее развитие хозяйственной культуры въ особенности, тогда только можно считать дѣйствительнымъ, когда оно составляетъ результатъ органической жизни того общества, на которое простирается его вліяніе.

Послѣ этого, какимъ же образомъ высшая культура нагорнаго хозяйства, требуемая топографическими и климатическими условіями западнаго Кавказа, можетъ быть привита въ немъ?

Не употребить ли и тутъ тотъ приемъ, который въ старыя годы при крѣпостномъ правѣ и трехъ-польной системѣ употребляли нѣкоторые помѣщики, заводя у себя многопольное германское хозяйство? Это было менѣе трудно. Почва, климатъ одинаковы, населенія вволю — только хозяйственныя, да бытовыя условія немного не тѣ. И что же — вышло такъ мало, что почти ничего. А вѣдь лѣтъ 30 времени прошло съ тѣхъ поръ.

Допустивъ впрочемъ возможность переселенія хозяйственной культуры изъ страны въ страну, мы на Кавказѣ не находимъ перваго основнаго элемента — населенія нѣтъ. Правда, что поселенцы являются изъ разныхъ мѣстъ, то отдѣльно по одному, то по нѣскольку человѣкъ. Но кто они таковы? — Это простые, быть можетъ, трудолюбивые люди — уроженцы равнинъ. Постараемся изслѣдовать, насколько они соотвѣтствуютъ дѣлу.

Климатъ создаетъ хозяйственную обстановку человѣка и въ большей или меньшей степени вліяетъ на весь его матеріальный и нравственный бытъ. Эта зависимость отъ стихій природы тѣмъ

сильнѣе, чѣмъ ниже степень цивилизаціи, на которой стоитъ подчиненный имъ человѣкъ — такъ что онъ часто становится безотчетнымъ исполнителемъ того строя, какой созданъ взаимодействіемъ стихій природы и общественнаго его быта. Послѣ этого кажется ясно, почему русскій крестьянинъ, со времени прадѣдовъ сроднившійся съ своей сохой, съ своей широкой равниной, не придаетъ особеннаго значенія остальнымъ, по его положенію только вспомогательнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, а садъ въ рѣдкихъ случаяхъ считаетъ, такъ-себѣ — дѣломъ хорошимъ, но дѣломъ не русскимъ и не хозяйственнымъ.

О сподручности для него разведенія шелковичныхъ плантацій, виноградниковъ, плантацій марены и т. д., кажется, нечего и говорить, когда онъ обо всемъ этомъ ровно никакого понятія не имѣетъ. Какой же онъ послѣ этого поселенецъ для Кавказа? Ему будетъ казаться *чуждо* и *тъсно* въ этихъ ущельяхъ. На родинѣ привыкъ онъ селиться поближе къ рѣкѣ — скотину поближе поить. А тутъ его еще снесетъ горнымъ потокомъ или область міазматическими испареніями, а затѣмъ лихорадка и тифъ, отъ которыхъ ему не спастись.

Допустимъ, что народъ нашъ многочисленъ, что населеніе поплыветъ изъ Россіи, но какую же пользу принесетъ оно, когда его ожидаетъ та же будущность? Гдѣ мѣстный хозяйственный опытъ? Допустимъ, что нѣсколько поселеній, быстро смѣняясь одно за другимъ, оставляютъ послѣ себя болѣе сильныя природы — словомъ, акклиматизируется нашъ поселенецъ. Но, чтобы онъ зажилъ хозяиномъ согласно мѣстнымъ условіямъ, для этого потребуются цѣлыя генераціи. Позвольте спросить, неужели эти годы, наполненные борьбою съ природою за существованіе, сдѣлаютъ этихъ поселенцевъ опытными садоводами, плантаторами, шелководами, винодѣлами и т. д...?

Неужели то знаніе, которое далось европейскому горному населенію, при всѣхъ благопріятствующихъ къ тому условіяхъ, только цѣною весьма продолжительнаго времени и прогрессивнаго труда, такъ вотъ черезъ море перевалить и пропитаетъ нашего кавказскаго поселенца насквозь? Или не посѣянное, не политое пѣтомъ, такъ себѣ, съ помощію агронома да нѣсколькихъ садовниковъ выростетъ само собою?

Много погибнетъ этихъ поселенцевъ, пока они привыкнутъ къ климату. Много лѣтъ придется отпускать имъ казенный провіантъ, пока они сообразятъ средства для своего прокормленія, и много десятинъ земли потребуется для ихъ хозяйства, которое, если возникнетъ, то въ такихъ же, соотвѣтственныхъ мѣстности, первоначальныхъ формахъ, въ какихъ оно возникаетъ въ

средѣ кочевого населенія, переходящаго къ осѣдой жизни. Въ этомъ случаѣ, за примѣромъ ходитъ не далеко, достаточно взглянуть на недавно поселенныя станицы возлѣ Анапы. Одна, начавшая кое-какъ хозяйничать, потому что мѣстность ровная, т. е. сродная, и другая возлѣ Новороссійска, не обзаведшаяся хозяйствомъ до сихъ поръ, потому что тутъ мѣстность имѣетъ болѣе гористый характеръ и не похожа на родную страну.

Конечно, не смотря ни на что, возражать можно, что наука общее достояніе, что истины, выработанныя ею въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, имѣютъ общее значеніе для всего человѣчества, а потому и агрономическая культура мало-по-малу можетъ быть прививаема агрономическими обществами и т. п., и наконецъ разовьется со временемъ и нашего поселенца. Но при этомъ попросимъ мы обратить вниманіе, что общества сельскаго хозяйства имѣютъ ту особенность, что труды ихъ, т. е. результаты взаимной ихъ практической дѣятельности по улучшенію своихъ хозяйствъ, вліяютъ преимущественно на нихъ самихъ, т. е. на членовъ, входящихъ въ составъ тѣхъ же обществъ и составляющихъ извѣстный хозяйственный районъ. Чѣмъ шире этотъ районъ, чѣмъ болѣе въ немъ общечеловѣчески развитыхъ личностей — тѣмъ труды ихъ, направленные къ одной, хотя бы хозяйственной цѣли, болѣе плодотворны. Чѣмъ менѣе разнохарактеренъ этотъ районъ, тѣмъ скорѣе труды этихъ лицъ достигаютъ, хотя одностороннихъ, но возможно полныхъ результатовъ. Насколько все это примѣнимо къ Кавказу вообще, а къ западному Кавказу въ особенности, предоставляемъ рѣшить тѣмъ, кто знакомъ съ Кавказомъ.

По нашему крайнему разумѣнію, для того, чтобы Россія могла извлечь изъ Кавказа всю ту пользу, какую въ состояніи онъ ей дать, необходимо обратиться къ опытности другихъ людей, лучше насъ знакомыхъ съ приемами такого хозяйства, какое требуется для западнаго Кавказа. Пригласить ихъ не въ видѣ единичныхъ лицъ, учителей за дорогую плату, или образцовыхъ фермеровъ и т. п., т. е. эксплуататоровъ страны, а пригласить ихъ сотни тысячъ, пригласить ихъ, какъ гражданъ, сознательно воплощающихся въ тѣло русской земли. Такимъ приглашеніемъ никто не побрезгаетъ.

Много племенъ, стоящихъ на весьма различной степени цивилизаціи, культивировали мы, принявъ ихъ въ свою народность. Много труда предстоить намъ впереди въ этомъ отношеніи. Но отсюда не слѣдуетъ, что не должны мы принимать къ себѣ другія, болѣе опытные чѣмъ мы, хотя бы въ горномъ хозяйствѣ, племена.

Правда, есть у насъ разные колонисты, которые насъ впрочемъ ничему не научили, но это—иноплennыя намъ народности, у нихъ есть свой языкъ, свое развитіе и т. д. Но, не смотря на это, они преисправно обрабатываютъ ту землю, которая имъ отведена. А если они не отбываютъ за то никакихъ повинностей, такъ въ этомъ ужъ не ихъ вина. Не менѣе того, раньше или позже, а превратятся они въ русскихъ. Къ тому же германскія, напр., поселенія намъ удаются. Но вотъ бѣда—германецъ въ отношеніи разнообразія хозяйства также мало подвиженъ, какъ русскій. Это дознано всѣми. Мѣсто его поселенія въ Россіи, хотя отчасти, аналогично съ прежнимъ его бытомъ въ Германіи. Также, какъ и въ Германіи равнина. Родъ его хозяйства, хотя быть можетъ съ незначительными измѣненіями, таковъ же какъ и въ Германіи—тотъ же плугъ, тотъ же посѣвъ хлѣба, только все это болѣе рационально, да еще, если хотите, въ болѣе изящномъ видѣ.

Подъ Тифлисомъ нѣмецъ превратился въ торговца—занятіе не требующее особенныхъ специальныхъ познаній и усиленнаго продолжительнаго труда. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ качествъ едва ли можно надѣяться, что сыны Германіи будутъ тѣ желательные поселенцы для западнаго Кавказа.

Еще есть племена—десятки тысячъ своихъ дѣтей шлютъ они ежегодно на другую сторону полушарія. Это загнанныя злою судьбою, но сродныя намъ славянскія племена чеховъ, моравовъ, иллирійцевъ, черногорцевъ и многихъ другихъ, начиная отъ устья Лабы по направленію на югъ вплоть до Балкановъ. О племенахъ, заселяющихъ равнины, слѣдовательно также мало способныхъ къ нагорному хозяйству, какъ и наши внутренніе поселенцы, нечего говорить. Но въ числѣ этихъ племенъ, особенно къ югу и сѣверу ихъ страны, есть не мало такихъ, которыя иэони живутъ среди горъ и давно знакомы съ лучшими приѣмами горнаго хозяйства. Численность ихъ такъ велика, что они ежегодно, десятками тысячъ, оставляютъ свои горы и ищутъ новаго отечества по ту сторону океана. Неужели эти племена не стали бы селиться на нашемъ Кавказѣ? Вѣдь это гораздо сподручнѣе и ближе, какъ въ экономическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Вѣдь и теперь ихъ языкъ—почти-что нашъ языкъ, ихъ обычаи—наши обычаи. Вѣра—это племена евангелистовъ, реформаторовъ, гусситовъ. Но какое намъ наконецъ дѣло до внутреннихъ отношеній человѣка къ Богу, это дѣло совѣсти, дѣло церкви, а не колонизаціи края.

Словомъ, мы глубоко убѣждены въ томъ, что нѣтъ никакихъ

причинъ препятствующихъ заселенію западнаго Кавказа средними намъ нагорными славянскими племенами.

Выгода же отъ поселенія ихъ, особенно въ большомъ количествѣ, очевидна.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить вниманіе на положеніе кавказскаго края въ настоящее время, сравнительно съ другими странами.

	НА ЭТОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ ЖИТЕЛЕЙ.	СЛѢДОВАТЕЛЬНО.	
		НА КВАДРАТН. ВЕРСТУ ЖИТЕЛЕЙ.	НА ДУШУ ДЕСЯТН. ТИНЬ ЗЕМЛ.
Пространство Кавказа . . . . .	4.438.037	—	—
Квадратныхъ верстъ 384,081 . . . . .	—	11,6	—
или десят. 39,944,424 . . . . .	—	—	9½
Пространство царства польскаго. . . . .	4.764.446	—	—
Квадратныхъ верстъ 109,244 . . . . .	—	43,7	—
или десят. 11,361,376 . . . . .	—	—	2½
По этому разсчету населеніе Кавказа должно простирается до . . . . .	15.980.195	—	—
т. е. въ 4 раза больше, чѣмъ теперь.			

Но царство польское—не особенно населенная мѣстность, сравнительно съ другими странами.

	НА ЭТОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ ЖИТЕЛЕЙ.	СЛѢДОВАТЕЛЬНО.	
		НА КВАДРАТН. ВЕРСТУ ЖИТЕЛЕЙ.	НА ДУШУ ДЕСЯТН. ТИНЬ ЗЕМЛ.
Пространство Германіи . . . . .	70.686.000	—	—
Квадратныхъ верстъ 1.034,575 . . . . .	—	70	—
или десят. 107.595.876 . . . . .	—	—	1½
Пространство Франціи . . . . .	36.000.000	—	—
Квадратныхъ верстъ 469,416 . . . . .	—	71	—
или десят. 48,719,332 . . . . .	—	—	1½
По этому разсчету населеніе Кавказа должно простирается, сравнительно съ Германіею и Франціею, до . . . . .	26.629.616	—	—

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Германія прокармливаетъ своимъ хлѣбомъ все свое населеніе, что Франція, сравнительно, немного ввозитъ хлѣба.

	НА ЭТОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ ЖИТЕЛЕЙ.	СЛѢДОВАТЕЛЬНО.	
		НА КВАДРАТН. ВЕРСТУ ЖИТЕЛЕЙ.	НА ДУШУ АРСЧ- ТЛѢВЪ ЗЕМЛИ.
Пространство Англии . . . . .	29.031.164	—	—
Квадратныхъ верстѣ 279,270 . . . . .	—	104	—
или десятиныхъ 29.044.089 . . . . .	—	—	1
По этому разсчету, населеніе Кавказа должно простирается до . . . . .	39.944.424	—	—

Впрочемъ, чтобы составить себѣ понятіе, — какое населеніе Кавказъ въ состояніи прокормить своими собственными средствами, необходимо обратить вниманіе на топографическое его положеніе.

Кавказъ, въ настоящихъ своихъ границахъ, состоитъ изъ такъ-называемаго Сѣвернаго Кавказа — плоской, болѣе или менѣе возвышенной равнины, заключающей въ себѣ Ставропольскую губернію, Кубанскую и Терскую области. Пространство это равняется 196,559 $\frac{1}{2}$  квадр. верстѣ, или 20.442,136 десятиныхъ. Вся эта земля, за весьма ничтожными исключеніями, способна къ обработкѣ и, при плодоперемѣнномъ, сообразномъ съ климатомъ и почвою хозяйствѣ, въ состояніи дать такое точно количество питательныхъ продуктовъ, въ животномъ и растительномъ видѣ, какое получается съ такого точно пространства обрабатываемыхъ, Впрочемъ, земель, въ австрійской имперіи, провармливающей 34-хъ-милліонное населеніе. Извѣстно, что въ Австрію почти не ввозятся жизненные продукты. Слѣдовательно, это пространство могло бы прокормить не менѣе 20.442,136 душъ населенія.

Правда, что на Сѣверномъ Кавказѣ много солончаковъ, много открытыххъ, подверженныхъ засухѣ мѣстностей. Но мы скажемъ, что на это есть артезіанскіе и другіе колодцы, есть запруды и плотины, образующія цѣлыя озера и удерживающія, такимъ образомъ, бесполезно стекающую, въ настоящее время, каждую весну, каждый проливной дождь, воду. Одно только безспорно, потому что это уже вѣками доказано, что калмыки и сосѣди ихъ по обоимъ бокамъ ничего этого не сдѣлаютъ. Даже командировка къ нимъ инженеровъ и агрономовъ едва ли сколько-нибудь поможетъ.

Обращаясь ватѣмъ въ Закавказскому краю, мы тамъ находимъ долины Куры и Аракса, араратскую или эриванскую котловину — это мѣстность разведенія риса — нѣсколько выше пше-



ницы. Правда, что долина Куры, начиная отъ Тифлиса, и долина Аракса, почти отъ Арарата, отличаются зноемъ и вообще нездоровымъ климатомъ. Но ни Кура, ни Араксъ, по быстротѣ теченія и свойству ложа, не могутъ быть судоходными. Между тѣмъ, обѣ онѣ несутъ огромное количество воды. Длинное ихъ протяженіе, уклонъ паденія, какъ нельзя болѣе пригодны для того, чтобы обѣ эти рѣки примѣнить къ орошенію тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя онѣ протекаютъ.

Намъ говорили, что въ долинахъ этихъ рѣкъ и по настоящее время сохранились слѣды чьей-то сильной, разумной руки, сумѣвшей заставить повиноваться своей волѣ эти свободно-текущія воды. Время и непрерывныя войны—этотъ бичъ всякаго развитія—опять разрушили эти полезные труды.

Обитающее въ этихъ долинахъ нынѣшнее ихъ населеніе, безъ сильной инициативы извнѣ, не въ состояніи сдѣлать что-либо само собою. Откуда же ожидать этой инициативы? При настоящемъ порядкѣ вещей—только отъ правительства. Но исключительное вмѣшательство правительства въ это дѣло потребовало бы громаднхъ затратъ. Дѣятельное и сочувственное участіе мѣстнаго населенія, при настоящемъ его развитіи,—немыслимо. Будь на мѣстѣ этого апатичнаго населенія, или, по крайней мѣрѣ, въ средѣ его иное, болѣе развитое, сознающее болѣе свой гражданскій долгъ—дѣло иное, нашлось бы все.

А какъ велико пространство этихъ долинъ—оно, вѣроятно, не менѣе 100,000 квадр. верстъ или 10.400,000 десятинъ. Мы не знаемъ, съ какою страной сравнить эту мѣстность относительно могущей возникнуть на ней производительности,—развѣ съ среднимъ Китаемъ.

	НА ЭТОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ ЖИТЕЛЕЙ.	СЛѢДОВАТЕЛЬНО	
		НА КВАДРАТН. ВЕРСТУ ЖИТЕЛЕЙ.	НА ДУШУ ДЕСЯТИНЪ ЗЕМЛИ.
Въ Китаѣ на пространствѣ 1 квадр. мили живеть 6,000 душъ . . . . .	6,000	—	—
или $\frac{1}{10}$ десятины на душу . . . . .	—	—	$\frac{1}{10}$
По этому расчету, эти 10.400,000 десятинъ могли бы прокормить . . . . .	12,480,000	—	—

Затѣмъ нагорная часть тифлиской, эриванской, бутанской губерній, Дагестанъ, Мингрелія, Сухумскій отдѣлъ заключаютъ въ себѣ, приблизительно, около 90,000 квадрат. верстъ или 9.960,000 десятинъ земли, со своими нагорными пастбищами, мѣстами посѣвовъ хлѣбовъ, фруктовыми садами и, наконецъ, внизу ущелій, съ мѣстностями, способными въ высшей культурѣ, могутъ въ весьма слабой степени идти въ сравненіе съ горной Шотландіей—сравненіе для Кавказа положительно невыгодное, потому что Кавказъ, съ поватостями своихъ ущелій, далеко оставляетъ за собою все, что могутъ представить въ этомъ отношеніи лучшія страны Европы.

	НА ЭТОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ ЖИТЕЛЕЙ.	СЛѢДОВАТЕЛЬНО	
		НА КВАДРАТН. ВЕРСТУ ЖИТЕЛЕЙ.	НА ДУШУ ДЕСЯТН. ТЕНЬ ЗЕМЛИ.
Пространство Шотландіи . . . . .	3.061,117	—	—
Квадратныхъ верстъ 73,576 . . . . .	—	41	—
или десятинъ 7.651,934. . . . .	—	—	2 $\frac{1}{2}$
По этому расчету эти 10.400,000 десят. должны вмѣстить . . . . .	4.150,000	—	—

Весь же Кавказъ, приблизительно, въ состояніи провормить, среднимъ числомъ, не менѣе 37.000,000 душъ.

Говоря о томъ количествѣ населенія, какое въ состояніи пропитать кавказскій край, не слѣдуетъ упускать изъ вида благоприятнаго положенія Кавказа относительно рыбнаго промысла. Сальянскіе и Божій рыбные промыслы, одни изъ богатѣйшихъ рѣчныхъ промысловъ чуть ли не во всемъ мірѣ. Кавказскія озера и рѣки изобилуютъ отличными сортами рыбъ—форель достигаетъ здѣсь замѣчательнѣйшей величины. Близость Чернаго и Азовскаго морей обезпечиваетъ за Кавказомъ и въ этомъ отношеніи преобладающее положеніе.

Но какія данныя представляетъ Кавказъ для развитія народнаго хозяйства?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо обратить вниманіе на естественныя богатства того края — богатства многочисленныя, но даже неизвѣданныя вполнѣ, а тѣмъ болѣе не раз-

работанны. Мѣстный житель беретъ только то, что на верху лежитъ.

Въ длинномъ ряду естественныхъ произведеній Кавказа первое мѣсто принадлежитъ минеральному его богатству, по настоящее время весьма мало изслѣдованному и еще менѣе разработанному. Горнозаводское дѣло находится почти въ зародышѣ.

Въ терской области существуетъ казенный алагирскій серебристо-свинцовый заводъ, и замѣчательно, говорятъ, что казна, какъ водится, не получаетъ барыша, но и не терпитъ убытка, а промѣниваетъ только бумажныя деньги на такое же количество по счету металла серебра и свинца. Какъ хотите, но вѣроятно алагирскій заводъ въ частныхъ рукахъ принесъ бы весьма значительныя выгоды, если онъ теперь, не въ примѣръ другимъ заводамъ, не приноситъ убытка.

Затѣмъ на южномъ хребтѣ кавказскихъ горъ или такъ-называемомъ Маломъ Кавказѣ, въ Тифлисской и Эриванской губерніяхъ существуетъ 11 мѣдно-плавильныхъ заводовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, мѣстнымъ владѣльцамъ и компаніямъ, большею частію состоящимъ изъ грековъ, даже греческихъ подданныхъ. Одинъ только кведабекскій заводъ принадлежитъ компаніи прусскаго подданнаго Сименсъ, гдѣ вѣроятно введена лучшая система добычи мѣди.

Нельзя не радоваться развитію каковой бы то ни было промышленности въ таковой странѣ какъ Кавказъ, но было бы лучше, если бы именно въ отрасли горнаго хозяйства принимали участіе граждане русскаго государства. Мы не думаемъ, чтобы греческіе или прусскіе граждане допустили, чтобы компанія изъ русскихъ гражданъ истощала горныя произведенія ихъ странъ. Во всякомъ случаѣ, пусть разрабатывается Кавказъ кѣмъ бы то ни было, чѣмъ лежать ему, какъ до сихъ поръ, нетронутой пустыней. Его мѣдныя мѣсторожденія такъ богаты и такъ обширны, что, съ развитіемъ соотвѣтствующихъ размѣровъ правильнаго и постояннаго производства, кавказская мѣдь займетъ видное мѣсто на рынкахъ Европы.

Въ тифлисской губерніи открыты мѣсторожденія сѣры, въ кутанской — каменнаго угля, но ни то ни другое до сихъ поръ не обслѣдовано еще.

Въ гунибскомъ округѣ (въ Дагестанѣ) добывается горючій сланецъ. Въ той же части Кавказа (о чемъ упомянуто выше) залегаютъ, въ 60 верстахъ отъ Петровска, богатое и все-таки не изслѣдованное мѣсторожденіе сѣры. Далѣе мы видимъ въ перечнѣ фабрикъ и заводовъ 2 соляныхъ завода, съ производствомъ на сумму 118,686 р. сер. Впрочемъ, при такомъ обиліи соляныхъ

ключей и таковой сухости воздуха, гдѣ градирня составитъ устройство болѣе полезное чѣмъ печь, вопросъ о соли разрѣшается самымъ благоприятнымъ образомъ. Градирная соль можетъ быть предметомъ вывоза съ Кавказа. Но кромѣ того, говорятъ, у персидскихъ границъ есть цѣлыя залежи каменной соли, не уступающей по достоинству и количеству знаменитѣйшимъ въ мѣрѣ солянымъ копанъ Бохни и Велички.

По берегамъ Каспійскаго моря, отчасти по Тереку — нефть. Странно, что добыча нефти весьма незначительна — тѣмъ болѣе, что это дѣло, какъ намъ передавали, въ настоящее время въ рукахъ нѣсколькихъ состоятельныхъ людей — развѣ нефтяные источники несостоятельны — а это едва ли.... Добылъ же г. Новосильцевъ на Таманскомъ полуостровѣ, въ урочищѣ, называемомъ Кудаво, столько нефти, что, по описанію горнаго инженера г. Гилева <sup>1)</sup>, струя била въ 40 футовъ вышины, а количество выбрасываемой ежедневно нефти съ 3 февраля по 5 апрѣля 1866 года, т. е. въ теченіи 65 сутокъ простиралось въ средней сложности до 3,000 ведеръ въ день. Жаль только, что нельзя было предвидѣть таковаго обилія, а потому не запасено было соответствующее тому количество посуды.

Вообще, за исключеніемъ нефтяныхъ колодцевъ г. Новосильцева, въ 1864 году на Кавказѣ добыто:

	пуд.
Чистой нефти . . . . .	535,716
Горючаго сланца . . . . .	154,150
На кубанской каменно-угольной копи угля . . . . .	140,000
Стоившаго за исключеніемъ всѣхъ расходовъ по 5 коп. сер. <sup>2)</sup> за пудъ.	
Чистой мѣди . . . . .	16,425
Употреблено на работы 1,138 человекъ.	

Нефть и мѣдь — это такіе продукты, которые всегда найдутъ сбытъ на всѣхъ европейскихъ рынкахъ. Уголь и горючій сланецъ въ народной жизни дороже золота. Испанія потеряла свое значеніе послѣ того, какъ завладѣла богатствами Перу. Англія стала усиливаться по мѣрѣ развитія ея каменно-угольной производительности.

Обращаясь затѣмъ къ фабрично-заводской промышленности Кавказа, обрабатывающей преимущественно растительные и жи-

<sup>1)</sup> Кавказскій календарь 1867 г., стр. 278.

<sup>2)</sup> Кавказскій календарь, 1867 г., стр. 308.

вогные продукты <sup>1)</sup>, находимъ, что самое значительное производство на Кавказѣ—размотка шелва на сумму . 1.141,810 р. с.

Затѣмъ производство всѣхъ остальныхъ животнорастительныхъ продуктовъ простирается всего до суммы около . . . . . 1.100,000 > >

Стоимость продуктовъ горнаго производства, и вообще другихъ обрабатывающихся веществъ минеральнаго происхожденія, простирается до суммы около . . . . . 1.300,000 > >

Сумма всего же производства на Кавказѣ около . . . . . 3.541,810 > >

Что и составить при 4,438,000 жителей по 79 коп. сер. на душу.

Производительность ничтожная. Тогда какъ она въ Россіи, въ сороковыхъ еще годахъ—по опредѣленію Тенгоборскаго—достигала до 4 р. 50 к. с. на душу. Но кто же станетъ заниматься ею—мѣстный житель или такой же безпомощный нравственно и физически вновь поселяющійся его сосѣдъ.

Таково экономическое положеніе Кавказа въ настоящее время. Не менѣе того, Кавказъ имѣетъ всѣ данныя для развитія самой широкой дѣятельности въ будущемъ, имѣя возможность провормить цѣлыя десятки милліоновъ населенія произведеніями своей почвы. Нужно дать этому населенію возможность широкаго производства, при обработкѣ заготовленныхъ уже самую природою и воспроизводимыхъ ею ежегодно сырыхъ продуктовъ, и возможность имѣть постоянныя сообщенія черезъ два моря съ Азіей и Европой. При такихъ условіяхъ Кавказъ имѣетъ значеніе въ будущемъ. Но, чтобы осуществить это будущее, необходима усиленная дѣятельность. Дѣятельность эта должна быть обращена на лучшую культуру страны.

Страна же эта представляетъ ту особенность, что на небольшихъ сравнительно пространствахъ сосредоточиваетъ произведенія всѣхъ климатовъ земнаго шара, но доступъ къ нимъ не леговъ черезъ цѣлыя горныя хребты и безвѣчно-глубокія ущелья. Съ другой стороны, вызвать къ жизни, усилить эту производительность страны, невозможно безъ самаго энергическаго труда, соединеннаго съ знаніемъ предпринимаемаго дѣла.

Итакъ, производительность страны немислима безъ знанія дѣла и удобныхъ путей сообщенія. Удобные же пути сообщенія должны только предупреждать производительность страны и слу-

<sup>1)</sup> Кавказскій календарь, 1867 г., стр. 300.

жить дѣйствительному развитію края. И если слишкомъ очевидно, что нельзя кавказскаго края оставить при тѣхъ едва проходимыхъ тропахъ, какія въ немъ существуютъ въ настоящее время, то безспорно и то, что создаваемые лучшіе пути едва ли послужатъ въ проѣзъ при эксплуатаціи ихъ однимъ теперешнимъ туземнымъ населеніемъ.

Единственный, по нашему мнѣнію, исходъ изъ этого положенія — призывъ другого опытнаго въ горномъ хозяйствѣ населенія. Энергичный и сознательный трудъ европейскаго рабочаго былъ бы лучшимъ примѣромъ для туземца, а ближе всего подходитъ къ той мѣстности чешское населеніе.

Изъ Новороссійска поѣхали мы на Анапу. Черезъ 20 верстъ отъ Новороссійска начинаются уже земли кубанцевъ. Тутъ намъ удалось видѣть засѣянные хлѣбомъ поля, но небрежность въ работѣ, неумѣнье примѣниться къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, весьма ясно обнаруживаются на здѣшнихъ жителяхъ, какъ въ характерѣ построекъ, такъ и во всемъ ихъ быту.

Замѣчательный и вмѣстѣ характеристическій случай разсказанъ намъ былъ — случай, который мы послѣ видѣли на лицо. Одинъ изъ казаковъ въ близку къ Анапѣ лежащей станицѣ вздумалъ загородить огородъ, посадить виноградъ, плодовые деревья, словомъ, завести садъ. Чтò бы вы думали, читатель — станичники собрались сходомъ и чуть не разрушили стѣны сада, на томъ основаніи, что онъ-де на общественной землѣ, т. е. въ чистой пустынной степи, садъ завелъ. Только вмѣшательство высшаго начальника, оборонившаго бѣднаго садовода и поощрившаго его въ глазахъ всего схода 25-ю руб. сер., спасло его садикъ отъ неминуемой гибели.

Анапа, бывшая когда-то знаменитая турецкая крѣпость, обнесена толстою каменною стѣною и широкимъ валомъ. До крымской кампаніи Анапа точно также, какъ Новороссійскъ, была весьма красивымъ городомъ. Теперь это таже вуча развалинъ, даже нѣтъ церкви; а времени съ тѣхъ поръ много ушло. Мѣстное населеніе почти все состоитъ изъ переселившихся сюда грековъ, ведущихъ мелочную торговлю.

Анапа незамерзающій портъ, но въ настоящее время онъ открытъ дѣйствию юго-западныхъ и западныхъ вѣтровъ. Съ устройствомъ мола анапскій портъ имѣлъ бы важное значеніе для всего сѣвернаго Кавказа.

Въ Анапѣ только-что устроенъ нефте-очистительный заводъ полковника Жукова.

Съ Анапы поѣхали мы на почтовыхъ по берегу Чернаго моря до Тамани. Здѣсь только въ хорошую погоду можно ѣздить, не

менѣе того весьма легко устроить тутъ почтовое сообщеніе съ Таманью.

Не доѣзжая верстѣ 15-ти до Тамани, намъ пришлось переправляться на лодкѣ черезъ одинъ изъ рукавовъ, которыми Кубань впадаетъ въ Черное море. Проливъ этотъ, подъ названіемъ Бугасъ, нивогда не бываетъ мельче 4 футъ. Кубань впадаетъ въ Черное и Азовское море нѣсколькими рукавами. Болѣе важныя изъ нихъ: Бугасъ и Темрюковское-Гирло. Передъ впаденіемъ въ море у устьевъ рѣки эта образуетъ нѣсколько обширныхъ озеръ или лимановъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательныя передъ Бугасомъ и Темрюковскимъ-Гирломъ.

Съ Тамани поѣхали мы черезъ г. Темрюкъ на Екатеринодаръ; тутъ мы снова встрѣтились съ широкой равниной съ болотами и черноморскими да кубанскими камышами. Мѣстность, по которой мы ѣдемъ, чрезвычайно мало населена: на протяженіи около 200 верстѣ всего 3 или 4 станицы.

Самый городъ Екатеринодаръ — это большая въ 20 тысячъ душъ станица на берегу Кубани, съ красивыми домами въ садахъ. Но улицы... Чтобы дать объ нихъ понятіе, скажемъ, что они состоятъ изъ чистаго чернозема на значительную глубину. Грязь въ буквальномъ смыслѣ бездонная. Въ настоящее время, начинаютъ постепенно прорывать канавы по обоимъ бокамъ этихъ грязевыхъ путей, хотъ немного обсохнеть. Эта-то грязь, низкое положеніе станицы въ лощинѣ, и наконецъ, самое богатство растительности способствовали развитію лихорадовъ. Обсохнутъ улицы — одною причиною, дѣйствующею вредно на здоровье, меньше.

Екатеринодаръ по іюль мѣсяць 1867 года былъ только центромъ Кубанскаго войсковаго управленія, поэтому ни гостинницъ, ни другихъ удобствъ не ищите.

Въ іюлѣ 1867 года объявлено въ Екатеринодарѣ гражданское управленіе, и намъ довелось слышать 2 мѣсяца спустя, что въ это время въ Екатеринодару причислилось 4,000 человекъ.

Говоря объ Екатеринодарѣ, нельзя умолчать о томъ, что на той сторонѣ рѣки Кубани осталось до 80,000 горцевъ. Въ настоящее время ими очень довольны — это развитой трудолюбивый народъ, да и они не менѣе того довольны, что остались.

На обратномъ пути мы осмотрѣли Таманскій полуостровъ; до сихъ поръ еще тамъ много сопокъ, изъ которыхъ по временамъ выбрасываетъ грязь. Есть нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ сочтиса нефть, но дѣланныя здѣсь г. Новосильцевымъ пробы не привели къ благопріятнымъ результатамъ.

Въ 20 верстахъ отъ Тамани, по берегу Керченскаго залива, расположено чрезвычайно много насыпныхъ разной величины куръ

гановъ. Это царскія гробницы обитавшихъ здѣсь народовъ. Во многихъ изъ нихъ нашими археологами подѣланы ходы, и вообще поиски въ этихъ курганахъ остаются не бесплодны.

На этомъ пути, т. е. между курганами и Таманью, видны слѣды когда-то въ древности существовавшего здѣсь искусственнаго канала, которымъ Кубань вливалась въ Керченскій заливъ. Право, древнiе обитатели этихъ мѣстъ были болѣе энергичны и дѣятельны, чѣмъ мы. То зияющую огнемъ Муганскую долину, оросивъ, превращали они въ роскошный садъ, то на протяженiи нѣсколькихъ сотъ верстъ въ безводной степи проводили отъ моря до моря каналъ. Есть много вѣроятiй, что этотъ крошечный каналъ отъ лимана и до Керченскаго залива былъ весьма незначительною частiю огромнаго канала, соединявшаго сначала посредствомъ Кубани Черное море съ Каспiйскимъ.

Въ Тамани, небольшой станицѣ, имѣющей впрочемъ таможенную и телеграфную станцiю, сѣли мы на небольшой пароходъ Русскаго Общества пароходства и торговли, ежедневно совершающемъ рейсы между Таманью и Керчью, и черезъ полтора часа были на томъ берегу.

И. Бретовичъ.

*(Окончанiе слѣдуетъ.)*



---

# НАШИ ДѢЛА

въ

## ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

---

Замѣтки по средне-азиатскому вопросу. Съ приложеніями и картою Туркестанскаго генераль-губернаторства. *Д. И. Романовскаго*. Спб. 1868.

---

### I.

Внесеніе европейской цивилизаціи въ Азію—вотъ великая историческая задача, выпадающая на долю двухъ великихъ державъ: Англіи и Россіи. Въ этомъ общемъ назначеніи между ними та разница, которая обуславливается различіемъ въ ихъ географическомъ положеніи. Роль Англіи, по необходимости ограничена, между тѣмъ какъ — Россіи на Востокъ не поставлено географическими условіями никакихъ непреодолимыхъ предѣловъ. Правда, Англія можетъ охватывать своими торговыми сношеніями всю Азію, въ томъ числѣ такія отдаленныя страны, съ которыми мы въ настоящее время не можемъ имѣть никакого сообщенія. Англія можетъ открыть для своей торговли всѣ порты восточнаго берега Азіи и усѣять его своими факторіями. Но эти одни торговля сношенія не могутъ создать твердой почвы, для цивилизованія полуварварской страны. Цивилизованіе, если оно не является плодомъ самостоятельнаго внутренняго усилія, чему во всей исторіи есть только одинъ великій примѣръ, совершается не иначе, какъ путемъ завоеванія. Такъ проникла первая образованность въ Испанію, Галлію, Британію, Америку и т. д.

Вмѣсто того, чтобы брать отдѣльные примѣры, достаточно сказать,

что этимъ путемъ, путемъ завоеванія — распространилась со своими цивилизаторскими началами та арийская раса, которая теперь, въ лицѣ англичанъ и русскихъ, возвратилась, опять съ оружіемъ въ рукѣ, къ самой своей колыбели, къ возвышенной плоскости центральной Азии, къ хребтамъ Гинду-Ко и Гималаю. И вотъ, передъ этой забытой, заросшей дикостью колыбелью стоятъ новыя, вооруженные представители просвѣтительной расы, и имъ-то и предстоитъ роль различная: пришедшіе съ юга остановились передъ предѣлами, дальше которыхъ они идти не могутъ; пришедшіе съ сѣвера сознаютъ, что они еще только *начинаютъ* свое дѣло; въ сознаніи своей силы, понимая истиннымъ неизбѣжное будущее, они увлекаются отъ одного завоеванія къ другому, даже безъ заранѣе опредѣленнаго намѣренія. Ихъ гонить впередъ историческая необходимость.

Для обезпеченія границъ, для защиты своихъ данниковъ, въ степяхъ Туркестана, Россія сперва разставила укрѣпленные посты на этихъ границахъ, потомъ, для защиты этихъ постовъ, соединила двѣ линіи ихъ на пространствѣ болѣе 1,000 верстъ, потомъ, для обезпеченія этихъ соединенныхъ линій, овладѣла гнѣздами разбойничества и фанатизма, лежавшими къ югу, уже въ сторонѣ отъ этихъ линій; затѣмъ, пришла въ такое близкое сосѣдство съ самыми столицами двухъ средне-азиатскихъ ханствъ, что вопросъ о паденіи ихъ самихъ представляется уже только вопросомъ времени. Къ этому результату ведетъ все: и необходимость наказывать хищниковъ за набѣги, и невозможность отнынѣ не вмѣшиваться въ раздоры между ханствами и даже въ междоусобицы въ каждомъ изъ нихъ, и наконецъ, естественное желаніе вознаградить себя обладаніемъ плодороднѣйшими, даже богатыми землями, за устройство дорого-стоющей военной и административной машины, дѣйствующей на 3,000-верстномъ разстояніи.

Повторимъ сказанное сейчасъ на языкѣ фактическомъ: взятіемъ Ходжента, мы, отрѣзавъ Коканъ отъ Бухары и лишивъ Коканъ, на дѣлѣ, самостоятельности, обязались защищать его на будущее время и поддерживать тамъ доброжелательное намъ правительство; сверхъ того, чтобы вполнѣ владѣть правымъ берегомъ Сыръ-Дарьи, мы по необходимости должны будемъ взять Наманганъ, стоящій на ея верховьяхъ, какъ то уже и предполагалось. Взятіемъ Джюзака, мы стали у входа въ бухарское ханство, и Бухара никогда не примирится съ этимъ фактомъ. Наѣзды и разбой Садыка, между Джюзакомъ и Чиназомъ, были не что иное, какъ нормальное явленіе нашего будущаго положенія на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. И теперь уже, по извѣстію офиціального органа военнаго министерства <sup>1)</sup>, сдѣлано распоряженіе о содержаніи сторожевого отряда на лѣвомъ берегу. По

<sup>1)</sup> «Русск. Инв.», 9 января, 1868 г.

мало того: владѣя Джюзакомъ, въ который все нужно доставлять болѣе чѣмъ изъ-за 100 верстъ, по голодной степи, и имѣя передъ собою плодороднѣйшія земли Бухары, долго ли можно удержаться отъ вступленія туда? Вѣдь Самаркандъ гораздо ближе отъ Джюзака, чѣмъ Ташкентъ. Да если бы мы имѣли столько твердости духа и настойчивости въ рѣшеніяхъ (чему исторія послѣднихъ четырехъ лѣтъ въ Туркестанѣ прямо противорѣчитъ), чтобы долго удерживаться отъ такого соблазна, то онъ самъ придетъ къ намъ, навязетъ намъ въ видѣ неизбѣжной необходимости; пусть только эмиръ бухарскій предприметъ серьезное нападеніе на передовую нашу линію или на Коканъ, пусть въ Бухарѣ произойдетъ междоусобица и одна партія позоветъ насъ (а партія мирная, торговая легко можетъ сдѣлать это;— вѣдь имѣли же мы, по показанію генерала Черняева <sup>1)</sup>, въ Ташкентѣ сильную партію, до вступленія туда), пусть къ намъ изъ Самарканда явится такая депутація, какая уже однажды являлась изъ Шахр-Зябле — и вотъ, мы принуждены будемъ вступить въ бухарское ханство. И мы непременно это сдѣлаемъ, потому что иначе уронимъ свое значеніе. Но если мы овладѣемъ Бухарою, то это уже будетъ значить, что завоеваніе наше не ограничилось бассейномъ Сыра, а перешло въ бассейнъ древняго Окса, Аму-Дарьи.

Вступивъ въ этотъ бассейнъ, мы не можемъ оставить самостоятельную Хиву, которая стоитъ близъ низовья этой рѣки. Да съ Хивою мы во всякомъ случаѣ не долго останемся безъ столкновеній, не смотря на дѣйствительно - опасную разорительность предпріятій противъ нея. Уже въ концѣ прошлаго года, по извѣстіямъ изъ Ташкента <sup>2)</sup>, хивинскій ханъ заключилъ союзъ съ туркменами и сталъ строить укрѣпленіе на нашей границѣ. Но какъ бы то ни было, столкновеніе съ Хивою сдѣлается неизбѣжно и въ томъ случаѣ, когда захотятъ обезпечить наши средне - азіатскія приобрѣтенія сообщеніемъ съ Кавказомъ чрезъ Усть - Уртъ, сообщеніемъ, которое представило бы возможность легко отдѣлать изъ другихъ войскъ подкрѣпленія для ташкентскаго района и доставлять ихъ по назначенію гораздо скорѣе, чѣмъ это возможно при нынѣшнемъ пути, изъ Оренбурга.

Поле нашихъ дѣйствій въ средней Азіи трудно ограничить, и въ будущемъ едва ли оно имѣетъ иные предѣлы, какъ предѣлы самого пространства, которое извѣстно подъ названіемъ Средней Азіи. Это громадное пространство состоитъ изъ степей, за которыми намъ представляются три ханства: Коканъ, Бухара и Хива. На этомъ пространствѣ мы видимъ кочевниковъ-киргизовъ, которые постоянно тревожили своихъ однородцевъ, покорныхъ Россіи, и даже въ тѣхъ мѣст-

<sup>1)</sup> Донесеніе отъ 11 мая 1865 г. и др.

<sup>2)</sup> «Московск. Вѣд.», 9 января 1868 г.

ностяхъ, которыя считались нашими степями, были подвластны намъ только номинально до тѣхъ поръ, пока мы не выдвинулись въ степь и не обложили свои границы поясомъ укрѣпленій. Въ ханствахъ господствуютъ надъ кочевниками и надъ осѣдлымъ мирнымъ населеніемъ сартовъ — узбеки, народъ монгольскаго племени, сохраняющій преданіе о законной принадлежности ему Средней Азіи, еще до времени Чингисъ-Хана. Съ киргизами постоянно были столкновенія мелкія, какъ съ хищниками; даже возстаніе знаменитаго Кутебара было не что иное, какъ фактъ случайный, временный. Но узбеки, господствуя надъ тремя ханствами, обезпечивали отчасти безнаказанность самихъ киргизовъ укрѣпленіями, которыя составляли оплоты противъ насъ. Въ то же время, они сами притѣсняли киргизовъ, заставляя ихъ платить высокую дань и налагали тяжелыя пошлыны на торговые караваны.

Узбеки — народъ не только воинственный, но и фанатическій. Въ Средней Азіи нѣсколько религиозныхъ центровъ, городовъ, къ которымъ стремятся богомольцы, и въ этихъ-то центрахъ и гнѣздится туземное населеніе, въ которомъ власть хановъ или эмировъ находитъ свои орудія, подчиняясь сама его фанатизму. Строй этихъ ханствъ — самый грубый изъ азіатскихъ. Войны между ними и «охота на людей» въ степяхъ, для продажи ихъ на невольничьихъ рынкахъ — нормальное положеніе Средней Азіи. Среди хановъ, преобладающее положеніе занимаетъ эмиръ бухарскій, Мозафферъ. Имя его часто упоминается далѣе, а потому познакомимся съ нимъ поближе. Эмиръ Саидъ-Мозафферъ признается главою «вѣрующихъ» въ Средней Азіи и считаетъ себя преемникомъ Тамерлана, непобѣдимымъ завоевателемъ. Въ этой мысли его укрѣпила успѣшная экспедиція въ Кабуль и въ Коканъ. Равнымъ себѣ владѣтелемъ онъ признаетъ только турецкаго падишаха, которому онъ уступаетъ ту же законную власть надъ Европою, какаю ему, эмиру Саиду-Мозафферу, сыну эмира Назръ-Алла, принадлежитъ въ Средней Азіи.

Назръ-Алла, отецъ Мозаффера, произвелъ въ Бухарѣ «реформу», похожую на ту, какаю была совершена въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Турціи, надъ янычарами. Онъ истребилъ сипаевъ и ввелъ въ Бухарѣ правленіе, основанное на самомъ суровомъ фанатизмѣ. Слава эмировъ бухарскихъ разносится по Средней Азіи богомольцами. Азретъ (Туркестанъ) и Ташкентъ, города нами взятые, были на Сыръ-Дарьѣ такими же центрами узбекскаго фанатизма, какъ Бухара на верховьяхъ Аму-Дарьи. Ханъ коканскій, Худояръ — лицо довольно жалкое. Низверженный съ престола, онъ бѣжалъ въ Бухару, и былъ восстановленъ Мозафферомъ, что, между прочимъ, подало этому послѣднему поводъ занять Коканъ. Впослѣдствіи, когда владѣнія его были отрѣзаны нами отъ Бухары, взятіемъ Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака,

ханъ Худояръ сталъ всячески увѣрять въ дружбѣ своей къ Россіи и даже просилъ нашего генерала о помощи противъ «непріятелей», разумѣя, конечно, эмира Мозаффера, своего благодѣтеля.

Войскà коканцевъ и бухарцевъ—нестройныя толпы. У бухарскаго эмира есть, правда, регулярныя войскà, но въ чемъ состоятъ ихъ преимущество передъ иррегулярными—отгадать трудно. Вооруженіе у коканцевъ и бухарцевъ имѣется въ изобиліи, при чемъ, конечно, не обходится безъ добрыхъ намъ услугъ со стороны будущихъ нашихъ сосѣдей—англичанъ. Но обращаться съ артиллерією они не умѣютъ (хотя, впрочемъ, генераль Черняевъ указываетъ на случаи удачнаго дѣйствія коканской артиллеріи).

Вотъ тѣ противники, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло въ Средней Азіи. Понятно, что противники эти не страшны, даже при большомъ неравенствѣ численныхъ силъ. Ясно, что отъ Россіи зависитъ послать въ Среднюю Азію достаточное число войскъ и употребить на нихъ достаточно денегъ, чтобы покорить не только полу-покоренный Коканъ, но и независимую Бухару. Относительно этого послѣдняго владѣнія, можно, правда, принимать въ расчетъ, какое впечатлѣніе занятіе его произвело бы въ Англіи; объ этомъ мы будемъ говорить ниже и покажемъ, что, по всему вѣроятію, англичане не воспротивились бы силою занятію нами Бухары, но для обезпеченія себя, могли бы принять иныя мѣры. Стало бытъ, покорить Коканъ и Бухару—во власти Россіи. Затѣмъ, представляется вопросъ: должна ли Россія желать ихъ покоренія, должно ли оно быть цѣлью ея политики въ Средней Азіи, однимъ словомъ, должна ли она захотѣть того, что приобрести можетъ, если только захочетъ?

Эти земли такъ далеки отъ Россіи, и въ самой Россіи, даже европейской, такія громадныя пространства земель незаселенныхъ, необработанныхъ, что нечего удивляться, если желаніе, которое мы сейчасъ назвали, не проявляется ни въ общественномъ мнѣніи, ни въ заявленіяхъ органовъ правительства. Отвлеченная мысль о «цивилизаторской миссіи» государства, сама по себѣ, неспособна увлечь его; надо еще, чтобы прямыя, осязательныя интересы его совпадали съ сознаниемъ этой миссіи. Но въ политикѣ государства, какъ и въ развитіи его, далеко не все зависитъ отъ сложившейся въ немъ опредѣленной воли. Многое является независимо отъ воли, плодомъ обстоятельствъ, результатомъ прежнихъ, иногда даже ошибочныхъ, дѣйствій.

## II.

Передъ нами лежитъ книга генераль-майора Романовскаго: «Замѣтки по средне-азіятскому вопросу», которая лучше всего, хотя и независимо отъ желанія автора, доказываетъ то, что мы сейчасъ сказали, именно, что опредѣленная мысль не всегда управляетъ событиями, не всегда бываетъ въ состояніи сдерживать ихъ въ тѣхъ границахъ, которыя казались сообразными первоначальной цѣли. Генераль Романовскій былъ начальникомъ Туркестанской области, въ 1866 г.; онъ взялъ Ходжентъ и Ура-Тюбе, и теперь, когда управление Туркестанскимъ краемъ получило новое образованіе, онъ взялся за перо, чтобы изложить ходъ нашей политики въ Средней Азійи и объяснить свои личныя дѣйствія тамъ. Книга его, носящая скромное названіе замѣтокъ, представляетъ большой интересъ, какъ потому, что она содержитъ разсказъ одного изъ главныхъ, непосредственныхъ дѣятелей, такъ и потому, что въ приложеніяхъ къ ней находятся подлинныя донесенія (изъ которыхъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, въ извлеченіи) начальниковъ, переписка съ ханами, адреса жителей и другіе официальные документы. Авторъ «Замѣтокъ», въ предисловіи, говоритъ: «Въ вопросахъ, столь новыхъ и важныхъ, какъ нашъ средне-азіятскій вопросъ, едва ли найдется на столько самоувѣренный человѣкъ, который серьезно взялся бы предлагать цѣльную, полную систему для всѣхъ дѣйствій, какія намъ предстоятъ еще въ краѣ. Вѣроятно, мнѣтъ не мало времени, пока установится непогрѣшимый, вполне правильный взглядъ на дѣло и выработается стройная, опредѣлительная система. Но несомнѣнно, что то и другое—т. е., и взглядъ и система, получатся тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ болѣе откровенныхъ и основанныхъ на точныхъ данныхъ сужденій по этой части будетъ высказано въ печати». Съ этою цѣлью, генераль Романовскій предпринялъ свой трудъ; и нельзя не быть благодарнымъ ему за это; нельзя также не пожелать, чтобы и другіе дѣятели, участвовавшіе въ развитіи средне-азіятскаго вопроса, выступили съ объясненіемъ своихъ личныхъ распоряженій. Только тогда можетъ вполне примѣниться приводимый авторомъ афоризмъ о происхожденіи истинны изъ столкновенія мнѣній.

Замѣтимъ еще, что такіе «Commentarii», гдѣ полководецъ самъ является описателемъ, неизбѣжно получаютъ значеніе полемическое въ обоихъ смыслахъ этого греческаго слова: изъ-за полемарха — военачальника, неизбѣжно выдвигается и полемистъ, защищающій свои личныя дѣйствія, какъ изъ-за автора комментаріевъ *De bello gallico*,— авторъ другихъ комментаріевъ *De bello civili*.

Удовлетворительная оцѣнка этой-то послѣдней стороны сочиненія генерала Романовскаго можетъ быть сдѣлана только тогда, когда по-

явятся отзывы другихъ дѣятелей на томъ же полѣ. Мы отстранимъ эту сторону на второй планъ, хотя не можемъ скрыть отъ читателей, что въ подлежащей намъ книгѣ она занимаетъ видное мѣсто и, какъ видно, служить одною изъ главныхъ цѣлей.

Настъ болѣе всего занимаетъ въ этомъ сочиненіи та фактическая сторона, которая показывается, какъ постепенно видоизмѣнилась программа дѣйствій, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Изъ этого-то изложенія мы и убѣждаемся, что какъ бы умѣренны ни были въ настоящую минуту виды нашей политики по средне-азиатскому вопросу, они не могутъ служить ручательствомъ, что уже въ ближайшемъ будущемъ намъ не придется вступить въ Самаркандъ и Бухару. Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что «современное положеніе cadaго края зависитъ преимущественно отъ самыхъ послѣднихъ событій, отъ самыхъ послѣднихъ дѣйствій». Эта истина особенно примѣняется именно къ такимъ вопросамъ, въ которыхъ «послѣднія дѣйствія» произвели настоящій кризисъ. Съ этой-то точки зрѣнія мы и смотримъ на будущность средне-азиатскаго вопроса. Намъ кажется труднымъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, когда онъ въ концѣ своей книги (стр. 107) говоритъ, что «внимательное обсужденіе cadaго факта даетъ каждому, и не бывшему въ краѣ, возможность вполне убѣдиться, что все совершившееся на нашихъ средне-азиатскихъ границахъ въ послѣдніе годы было *прямымъ послѣдствіемъ* задуманнаго давно» и утвержденнаго въ 1854 году предпріятія. Съ этимъ согласиться тѣмъ труднѣе, что самъ авторъ черезъ три страницы высказываетъ слѣдующее признаніе: «дѣйствія 1865 и 1866 годовъ не могли, конечно, входить въ правительственную программу». Если самыя важныя дѣйствія, давшія совершенно новую постановку средне-азиатскому вопросу дѣйствія, не входили въ правительственную программу, то можно ли утверждать, что «все совершившееся было *прямымъ послѣдствіемъ*» программы 1854 года? Мало того. Если непредвидимыя обстоятельства и частный починъ мѣстныхъ начальствъ поставили «послѣдствія» въ прямую противоположность «причинѣ», замѣнили оборонительную программу наступательною, и вмѣсто того, чтобы замѣнить одну линію укрѣпленій, провели отъ нея совершенно новую линію во внутрь страны, къ центрамъ непріятельскихъ населеній, то можно ли утвердить—какъ то говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 114)—что «въ отношеніи средне-азиатскаго вопроса въ настоящее время положено *начало концу*». Это можно разумѣть только именно въ томъ смыслѣ, что положено начало концу существованія независимыхъ средне-азиатскихъ ханствъ. Англичане въ Индіи испытали, какъ трудно положить начало концу въ иномъ смыслѣ, то есть, въ смыслѣ самоограниченія въ завоеваніи. Остъ-индская компанія не была арміею, предводительствуемою вождемъ, въ которомъ не можетъ не говорить

честолюбіе. Это была — компанія торговая, которая не гналась за завоеваніями, изъ-за славы завоеваній. Завоеванія эти падали на нее тяжелымъ бременемъ, но тѣмъ не менѣе они совершались, неодолимо вытекая одно изъ другого. Обзоръ книги генерала Романовскаго покажетъ читателямъ, какъ «начало концу» постепенно переносилось съ Урала и Иртыша на устья Сыръ-Дарьи, потомъ на ея истоки. За тѣмъ, естественно ожидать, что намъ придется искать этого конца на всемъ теченіи Аму-Дарьи, независимо даже отъ общаго убѣжденія, что на «слабыя кости» не слѣдуетъ взваливать огромнаго тѣла. Такимъ образомъ, сила обстоятельствъ можетъ заставить насъ; выполнить цивилизаторскую миссію въ Средней Азій, независимо отъ нашего желанія.

### III.

Громадная степь Средней Азій способна остановить на своемъ порогѣ самаго пылаго завоевателя. Государство московское, ниспровергнувъ татарскія царства на восточной своей окраинѣ, присоединивъ къ себѣ Казань, Астрахань и Сибирь, остановилось на порогѣ великой степи. Русская имперія стояла на немъ около вѣка. Въ такъ-называемомъ средне-азіатскомъ вопросѣ, то-есть въ вопросѣ о продолженіи въ степи дѣла, начатаго покореніемъ татарскихъ царствъ Москвою, труднѣе и важнѣе всего былъ первый шагъ: вступленіе въ степь. Движеніе въ степь началось въ двадцатыхъ годахъ. Россія рѣшилась на этотъ шагъ потому, что ея постоянныя границы, ея линіи по Уралу и Иртышу не захватывали и не обороняли всѣхъ племенъ, которыхъ она считала въ своемъ подданствѣ. Надо было или отказаться отъ всякаго покровительства надъ киргизами, или передвинуть передовые посты впередъ, чтобы доставить имъ покровительство дѣйствительное. Быть можетъ, правильный расчетъ средствъ Россіи оправдывалъ бы именно первую политику; но государства до сихъ поръ не привыкли отказываться отъ принадлежащихъ имъ, хотя бы номинальныхъ только, правъ. Первый примѣръ такой здоровой политики представила въ наше время уступка Соединеннымъ-Штатамъ нашихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ. Мы извлекали мало пользы изъ этихъ владѣній. Конечно, пользу можно было предвидѣть въ будущемъ — російско-американскія владѣнія современемъ заселились бы, отмѣна привилегій компаніи позволила бы частной предпріимчивости внести туда капиталы и, съ помощью китайскихъ куліевъ и русскихъ переселенцевъ, начать разработку предполагаемыхъ почвенныхъ богатствъ того края.

Но когда все это могло осуществиться? Сколько слѣдовало ждать до того времени, когда частная предпріимчивость въ Россіи стала бы довольно сильна и настолько бы утратила уже предметовъ для экс-



платацин внутри самой страны, чтобы обратить свои силы на окраину Нового Свѣта? Почти нѣтъ сомнѣнiя, что до того времени могущественная предприимчивость Соединенныхъ-Штатовъ уже стала бы твердою ногою на границѣ нашихъ владѣнiй въ Америкѣ, и по всей вѣроятности, предупредила бы нашу собственную предприимчивость и въ нихъ самихъ. Но тогда, въ нашемъ владѣнiи, стало-быть, оставался бы край, связанный промышленными силами и сообщениями не съ Россiею, а съ Соединенными-Штатами. Въ такомъ случаѣ, для охраненiя нашего номинальнаго господства въ немъ, пришлось бы посылать туда войска, передвигать наши оборонительныя средства на американскiй континентъ, строить на границахъ русской Америки крѣпости, быть можетъ, современемъ отражать такiя же нападенiя со стороны Америки, какiя Испанiи приходилось отражать на Кубѣ, и Англии въ Канадѣ. Гораздо лучше было отказаться отъ правъ, приносящихъ мало выгоды въ настоящемъ и тѣмъ устранить отъ себя возможность въ будущемъ политики «авантюристской», то есть, такой, которая не можетъ предвидѣть, на какихъ именно данныхъ ей придется дѣйствовать и къ какому развитiю дѣйствiя она будетъ принуждена. Отъ возможности такой, всегда невыгодной, не рѣдко разорительной политики, мы избавились въ Америкѣ рѣшительнымъ шагомъ — отказомъ отъ нашихъ владѣнiй тамъ.

Если бы мы точно также отказались отъ претензiи господства надъ киргизами, и ограничили свою заботу о самозащитенiи укрѣпленiемъ нашихъ старыхъ линiй, по Уралу и Иртышу, однимъ словомъ, продолжали бы только то дѣло, которому было положено прочное начало, устройствомъ поселенныхъ тамъ казачьихъ войскъ, оренбургскаго и сибирскаго, то наше будущее на Востока было бы, правда, ограничено, но зато оно было бы въ нашихъ рукахъ.

Этого сдѣлано не было. Итакъ, намъ пришлось принять рѣшенiе противоположное: сдѣлать киргизовъ подданными Россiи не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, ввести въ степь порядокъ, превратить между киргизами междуусобiя и защитить ихъ отъ набѣговъ изъ средне-азиатскихъ ханствъ. Для этого надо было вступить въ степь. Движенiе въ степь было прямымъ послѣдствiемъ мѣръ, принятыхъ къ «устройству» киргизовъ, во время губернаторства Сперанскаго. Движенiе это было постепенно. Такъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, мы имѣли уже, далеко въ степи, при устьѣ Сыръ-Дарьи, укрѣпленiе Аральское, имѣли уже и флотилiю на Аральскомъ морѣ. Генераль Перовскiй далъ нашему наступленiю въ степь рѣшительный толчекъ, по направленiю вверхъ до Сыръ-Дарьи, и взялъ, въ 1852 году, фортъ Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскiй). Этотъ фортъ представлялъ до 1859 года крайнiй пунктъ сыръ-дарьинской линiи. Сибирская граница, для обезпеченiя которой были учреждены внѣшнiе округа, что уже

оставило далеко позади старую иртышскую линію, была перенесена за рѣку Или, и въ 1854 году постройкою укрѣпленія Вѣрнаго, у подножія Тянь-шанскаго хребта и вблизи озера Иссыкъ-Куля получила прочную точку опоры. Такимъ образомъ, мы, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, выдвинулись уже далеко въ степь и со стороны Оренбурга и со стороны Сибири, и простирали на Среднюю Азію двѣ руки, двѣ линіи: сырѣ-дарьинскую и сибирскую. Но между передовыми пунктами этихъ линій, между фортомъ Перовскимъ и укрѣпленіемъ Вѣрнымъ, оставалось незанятое пространство верстъ въ тысячу, и степные хищники могли продолжать свои набѣги на принадлежавшіе намъ номинально степи въ центрѣ между двумя названными передовыми пунктами. Нападенія особенно часто случались, конечно, со стороны Кокана, какъ наиболѣе близкаго сосѣда. Итакъ, вотъ оказывалась необходимость новаго наступленія, съ оборонительною цѣлью, необходимость соединить линію сырѣ-дарьинскую съ линіею сибирскою.

Мы уже видѣли, что для этой обороны сдѣлано было очень много: прежнія линіи были замѣнены новыми, врѣзавшимися глубоко въ степь. Для защиты собственно сибирской и оренбургской границъ, быть можетъ, и было бы достаточно тѣхъ средствъ, которыя были уже тогда въ рукахъ Россіи въ этомъ краѣ: поселенные здѣсь казачьи войска, уральское, оренбургское и сибирское, составляли населеніе въ 400 тысячъ душъ; сверхъ того, въ оренбургскомъ и сибирскомъ корпусахъ, вмѣстѣ взятыхъ, находились 23 линейные баталіона, кромѣ инвалидовъ и этапныхъ командъ. Но для господства въ степи, «для полнаго успокоенія степи», къ которому Россія была «нравственно обязана», всѣхъ этихъ средствъ и самыхъ линій укрѣпленій по Сырѣ-Дарѣ и за рѣкою Или, было недостаточно.

Мѣстные начальники рекомендовали такую систему, «при которой,—какъ говорить генералъ Романовскій,—не намъ приходилось бы опасаться вторженій со стороны средне-азіатскихъ ханствъ, а, напротивъ, вслучаѣ какихъ-либо враждебныхъ противу насъ замысловъ, угрожать имъ нападеніемъ». Понятно, куда должна была привести насъ эта система. Самъ авторъ, хотя онъ и опровергаетъ всякіе честолюбивые замыслы въ нашей политикѣ и вполне убѣжденъ, что все, что сдѣлано, необходимо было сдѣлать, замѣчаетъ, что, рѣшаясь на соединеніе оренбургскихъ и сибирскихъ линій, мы принимали рѣшеніе, «которое такъ, или иначе, не дреминуло бы подчинить нашему вліянію Коканъ, Бухару и Хиву».

Но, на первое время, имѣлось въ виду только прикрыть всю границу укрѣпленіями, т. е. соединить сырѣ-дарьинскую линію съ сибирскою и сосредоточить на этихъ передовыхъ линіяхъ «число войскъ, достаточное не только для обороны, а вслучаѣ надобности, и для на-

ступленія». Въ 1854 году, комитетъ, которому было поручено обсужденіе вопроса объ обезопасеніи нашихъ границъ въ Средней Азіи, и въ которомъ принимали участіе генераль-губернаторы: оренбургскій—графъ Перовскій и сибирскій—генераль Гасфордъ, рѣшилъ соединить линію сибирскую съ линією оренбургскою. Это постановленіе комитета было утверждено верховною властью. Смыслъ этого постановленія ясенъ: оно, очевидно, предполагало наступательныя дѣйствія, безъ которыхъ немислимо было осуществленіе его; но цѣль его была чисто-оборонительная—замѣнутіе нашей линіи, и притомъ весьма опредѣленная: комитетъ полагалъ ограничиться соединеніемъ линій; а такъ какъ его разсмотрѣнію былъ подвергнутъ средне-азіатскій вопросъ, въ полномъ его составѣ, и онъ пришелъ къ постановленію только, относительно соединенія линій обороны, то очевидно, что дальнѣйшее движеніе впередъ, внутрь степи, къ югу, противорѣчило политикѣ, на которой остановился комитетъ. Такимъ образомъ, опять представлялась возможность остановиться на пути къ центрамъ средне-азіатскихъ ханствъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ воспользовались этою возможностью.

Программа 1854 года была вполне исполнена втеченіи 10 лѣтъ. Послѣ Вѣрнаго было построено далѣе на западъ укрѣпленіе Кастекъ. Русскія войска овладѣли коканскими передовыми укрѣпленіями Пишпекомъ и Токмакомъ. Изъ края Заилійскаго подвигаясь къ западу, на встрѣчу къ продолженію сыръ-дарьинской линіи, на востокъ, сибирскій отрядъ перешелъ рѣку Чу и взялъ укрѣпленіе Ауліету. Съ другой стороны, на сыръ-дарьинской линіи, впереди форта Перовскаго, вверхъ по рѣкѣ, было построено укрѣпленіе Джулекъ, взято коканское укрѣпленіе Яны-Курганъ. Предполагалось завершить соединеніе линій по Каратоускому хребту. Въ 1864 году, для этого предстояло только утвердиться на пространствѣ отъ Яны-Кургана до рѣки Чу; тогда соединенная линія представила бы слѣдующую цѣпь: отъ рѣки Или до Сыръ-Дарьи: Вѣрное, Картекъ, Пишпекъ и Токмакъ, Ауліета (продолженіе линіи сибирской), Чулакъ, Сузакъ, Джулекъ и фортъ Перовскій (продолженіе линіи сыръ-дарьинской). Таже линія, опираясь на хребетъ Тянь-Шань, озеро Иссыкъ-Куль, хребетъ Александровскій, пески Акъ-Кумъ и хребетъ Каратоускій, имѣла бы характеръ въ самомъ дѣлѣ оборонительный и только оборонительный, стало бытъ вполне соответствовала бы видамъ программы 1854 года.

Но по представленію начальниковъ совмѣстно дѣйствовавшихъ отрядовъ, со стороны Сибири и со стороны Оренбургскаго края, генераловъ Черняева и Веревкина, программа эта была подвергнута неизбѣжному риску тѣмъ, что мысль объ ограниченіи оборонительной линіи Каратоускимъ хребтомъ была оставлена и линія была выдвинута впередъ занятіемъ укрѣпленія Азрета (Туркестана) генераломъ Верев-

кинымъ и укрѣпленнаго города Чемкента генераломъ Черняевымъ, который принялъ начальство надъ обоими отрядами (Ауліета была взята имъ же).

Занятіе Чемкента уже составляло отклоненіе на югъ отъ прямой линіи соединенія. Къ сожалѣнію, въ книгѣ генерала Романовскаго рапорты генерала Черняева приводятся въ извлеченіи, такъ что мы не имѣемъ собственныхъ его показаній о предстоявшей необходимости занятія Чемкента. Мы можемъ предположить, что временная потребность — недостатокъ въ продовольствіи могъ побудить дѣйствовавшій отрядъ къ движенію въ хлѣбородный чемкентскій округъ. Но на основаніи временныхъ потребностей нельзя утверждать всей послѣдующей политики. Авторъ анализируемаго нами сочиненія, хотя не упускаетъ случая заявить, что послѣдовавшее затѣмъ движеніе еще далѣе къ югу, на Ташкентъ, противорѣчило программѣ 1854 года, но къ занятію собственно Чемкента относится сочувственно. Онъ говоритъ: «Направленіе, окончательное избранное для передовой линіи, было гораздо выгоднѣе прежде предполагавшагося. Кромѣ того, что занятіемъ вмѣстѣ съ Ауліетой, — Туркестана и Чемкента мы приобрѣтали болѣе мѣсть хлѣбородныхъ и стало быть лучше обезпечивали себя въ продовольствіи войскъ мѣстными средствами, — утвержденіемъ въ двухъ послѣднихъ пунктахъ мы окончательно занимали плодородный оазисъ, въ которомъ они лежали и который отдѣляется отъ слѣдующаго оазиса гдѣ расположенъ Ташкентъ, незначительнымъ, но голымъ и незащищеннымъ горнымъ хребтомъ.»

Но, спрашивается, что предполагалось программой 1854 года: занятіе ли новыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей, для продовольствія войскъ, или охраненіе мѣстностей, уже бывшихъ въ нашемъ владѣніи? Если предполагалось послѣднее, то ясно, что для этого нуженъ былъ именно кордонъ укрѣпленій, а не занятіе такихъ пунктовъ, которые, будучи окружены населенными округами, тѣмъ самымъ ослабляли оборонительное значеніе кордона, такъ какъ округа эти кордономъ не обнимались, и для защиты ихъ должны были потребоваться новые передовые посты, уже внѣ предполагаемаго кордона. Взятіе Чемкента ставило насъ въ необходимость защищать весь оазисъ, въ которомъ онъ находится.

Генералъ Романовскій объясняетъ, что осуществленное такимъ образомъ соединеніе нашей сирь-дарьинской и сибирской линій вполнѣ удовлетворило правительство, которое искренно не желало идти впередъ. Въ свидѣтельство онъ приводитъ общее убѣжденіе въ этомъ служившихъ въ то время въ краѣ, приводитъ еще какъ доказательство и то, что правительство не ассигновывало денегъ на дальнѣйшія наступательныя дѣйствія, и что поэтому, когда «неожиданно сложившіяся обстоятельства» побудили къ движенію впередъ, то ничего не

оставалось «какъ употреблять на это первыя высказавшіяся суммы, были ли то жалованье, приварочныя деньги и т. д.» Упомянувъ о послѣдовавшихъ «неожиданностяхъ», генералъ Романовскій тщательно оговариваетъ искренность «высшаго правительства» въ намѣреніи его остановиться на приобретеньяхъ 1864 года.

Намъ кажется, что искренности не только высшаго правительства, но и мѣстнаго распорядителя, генерала Черныяева, никто заподозрить не можетъ, потому что «неожиданности» очень просто объясняются какъ увлеченіемъ побѣдителя, которое самого его двигало постепенно далѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, такъ и дѣйствительной трудностью остановиться въ такой войнѣ, которая хотя имѣетъ конечной цѣлью одну оборону, но состоитъ сама все-таки изъ наступленія, изъ преслѣдованія постепенно отступающаго непріятели. Примѣръ самого генерала Романовскаго, въ то короткое время, когда ему пришлось быть независимымъ распорядителемъ дѣлами въ средней Азіи, покажетъ намъ, какъ трудно остановиться въ этой системѣ предупрежденія нападеній нападеніемъ. Его же примѣръ покажетъ намъ, что при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ подобной войны, при отдаленности отъ высшей власти, употребленіе первыхъ попадающихся суммъ на военныя цѣли не только бываетъ минутною необходимостью, но даже обращается въ систему.

Генералъ Черныяевъ въ іюль 1864 года былъ назначенъ начальникомъ передовой коканской линіи. Взявъ Чемкентъ въ сентябрѣ, онъ въ октябрѣ двинулся уже къ Ташкенту. Авторъ объясняетъ это движеніе, уже рѣшительно уклонившееся отъ программы 1854 года, признанной генераломъ Черныяевымъ необходимою «ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Ташкентѣ». Но это любопытство самимъ генераломъ Черныяевымъ объясняется <sup>1)</sup> тѣмъ, что Ташкентъ вступилъ въ сношенія съ бухарскимъ эмиромъ. Генералъ Черныяевъ писалъ: — «Я думалъ, при возможности, воспользоваться впечатлѣніемъ чемкентскаго погрома, лишившаго ханство почти всей его артиллеріи, чтобы изгнать изъ Ташкента коканскій гарнизонъ и затѣмъ, если жители выскажутся въ нашу пользу, отправить отъ нихъ депутацію въ Петербургъ и пока предоставить имъ собственное городское управленіе, наблюдая за устраненіемъ всякаго посторонняго вліянія, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій правительства.»

Итакъ, исходя изъ намѣренія соединить двѣ наши оборонительныя линіи, мы очутились вдругъ по дорогѣ къ Ташкенту, городу, отстоящему верстъ за 250 отъ Ауліеты и отъ Туркестана, городу со стотысячнымъ населеніемъ. Прибавимъ еще, что Ташкентъ, послѣ Бухары, столица мусульманскаго фанатизма въ средней Азіи, и что торговое значеніе его также велико. Ясно, что, занимая его, мы уже вели войну

<sup>1)</sup> Донесеніе 14 октября 1864 года.

чисто-завоевательную. Взятіе Ташкента уже нельзя объяснить необходимостью обороны, по смыслу программы 1854 года. Но, съ другой стороны, какъ устоять противъ соблазна, взять такой важный и богатый пунктъ, когда на это достаточны ничтожныя средства? И если ужъ взять былъ Чемкентъ съ его округомъ, то можно ли было оставить вблизи себя такой сильный враждебный центръ, какъ Ташкентъ? Замѣтимъ, что къ Чемкенту Ташкентъ ближе, чѣмъ Туркестанъ или Ауліета. Тагъ-то, наша политика, хотя бы и не объявляли ее завоевательною, на дѣлѣ обращалась въ чисто-завоевательную, и едва-ли напередъ не лучше будетъ намъ не обольщать самихъ себя и знать, что мы идемъ просто къ покоренію средней Азии и рано или поздно осуществимъ его вполне. Тогда по крайней мѣрѣ можно будетъ заблаговременно заготовлять средства, необходимыя для обращенія этихъ завоеваній въ пользу. Иначе, то-есть будучи неприготовленными, дѣйствуя сюрпризами сами для себя, мы хотя будемъ въ состояніи совершить завоеваніе, но въ нашихъ громадныхъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ учредится полный хаосъ, порядковъ не лучшей чѣмъ тотъ, который существуетъ въ ханствѣ нынѣ, и быть можетъ еще худшій, такъ какъ мы въ томъ краѣ пришельцы. При такомъ положеніи сомнительно, чтобы мы могли извлечь изъ нашихъ завоеваній и всѣ тѣ выгоды, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нихъ, тагъ какъ уже эти завоеванія неизбежны.

Генераль Черняевъ двинулся на Ташкентъ, какъ доносилъ онъ въ приведенномъ уже рапортѣ, всего съ 1550 человекъ войска, при 12 полевыхъ орудіяхъ и 400 милиціонерахъ. Онъ попытался взять городъ врасплохъ, но штурмъ былъ отбитъ. Генераль Черняевъ однако не отказался отъ мысли о занятіи Ташкента. Въ началѣ слѣдующаго года, изъ сыр-дарьинской линіи и новыхъ приобрѣтеній образована была Туркестанская область, съ подчиненіемъ ея оренбургскому генераль-губернатору. Генераль Черняевъ былъ назначенъ губернаторомъ этой области и командующимъ въ ней войсками. Весною, узнавъ, что бухарскій эмиръ собираетъ войска въ Ура-Тюбе, генераль Черняевъ озаботился участію, ожидавшею Ташкентъ. Въ началѣ мая онъ доносилъ, что не «считаетъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, удобнымъ занимать этотъ городъ силою, но находитъ нужнымъ поставить его въ положеніе непосредственно отъ насъ зависимое.» Вслѣдствіе этого генераль Черняевъ выступилъ противъ укрѣпленія Ніязбека, намѣреваясь достигнуть упомянутой цѣли, овладѣніемъ водами Ташкента, чрезъ взятіе Ніязбека. Ніязбекъ онъ дѣйствительно взялъ. Но вотъ что замѣчательно: 2-го мая, онъ писалъ прямо, что *не считаетъ удобнымъ занимать* Ташкентъ силою, и въ ночь съ 14 на 15 мая онъ *взялъ* городъ и цитадель *штурмомъ* по лѣстницамъ, съ потерей убитыми 25 человекъ и ранеными 89, захвативъ 60 пушекъ, и донесеніе

свое объ этомъ заключать слѣдующими словами:—«Съ занятіемъ Ташкента мы приобрѣли въ' средней Азій положеніе сообразное съ выгодами имперіи и мощью русскаго народа !»).

Подвигъ генерала Черняева, который въ сраженіи 9 мая совершенно разбилъ коканское войско, при чемъ былъ убитъ и коканскій правитель мулла Алимкулъ, и взятіе штурмомъ двухтысячнымъ отрядомъ укрѣпленнаго города съ огромнымъ населеніемъ, съ 60-ю орудіями, безъ всякаго сомнѣнія блистателенъ. Нельзя не поставить его выше всего, что было впослѣдствіи совершено въ средней Азій въ военномъ отношеніи, не исключая и иррджарской побѣды надъ бухарскимъ войскомъ, такъ называемаго иррджарскаго «погрома», который былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что бухарцы стрѣляли черезъ головы нашихъ солдатъ, такъ что вся побѣда обошлась намъ въ 12 человекъ раненыхъ<sup>2)</sup>. Совсѣмъ не то было взять Ташкентъ. Правда, городъ этотъ, при огромномъ протяженіи его укрѣпленій, могъ защищаться съ успѣхомъ только при многочисленномъ гарнизонѣ, котораго въ немъ не было. Но все-таки, чтобы рѣшиться, имѣя всего 1,951 человекъ<sup>3)</sup>, взять штурмомъ городъ съ стотысячнымъ населеніемъ, послѣ трехдневнаго боя на стѣнахъ и въ улицахъ, городъ, который могъ сосредоточить противъ любого атаккованнаго пункта количество силъ все-таки во много разъ превышавшее число нападающихъ — надо было много смѣлости. Надо было много мужества и много хладнокровнаго расчета, который возможенъ только при полной увѣренности въ себѣ, чтобы исполнить это намѣреніе, чтобы ворвавшись въ городъ преодолѣть непредвидѣнныя препятствія, огонь изъ всѣхъ саклей и безпрестанно возникавшія баррикады. Чтобы двумъ тысячамъ человекъ, разрозненнымъ на отряды, не потеряться въ огромномъ неизвѣстномъ имъ городѣ, наполненномъ пулями противъ нихъ, съ десятками тысячъ поднятыхъ противъ нихъ рукъ,—требовались, по истинѣ, выходящія изъ ряда качества въ главномъ распорядителѣ. Пошатнись, усомнись онъ на одно мгновеніе, и все бы пропало, горсть смѣльчаковъ была бы задавлена массою непріятелей, хотя бы даже безъ иного оружія, какъ съ камнями и саблями въ рукахъ. Взятіе Ташкента отличается отъ послѣдовавшаго за нимъ, при другомъ начальникѣ, взятія Ходжента и Ура-Тюбе, не только большею несоотвѣтственностью силъ, но и тѣмъ въ особенности, что на Ташкентѣ былъ *показанъ первый примѣръ*. Когда генераль Черняевъ доказалъ, что съ двумя тысячами человекъ *можно* брать города подобные Ташкенту, то неудивительно, что другимъ начальникамъ захотѣлось послѣдовать этому примѣру; и

<sup>1)</sup> Донесеніе 2 мая 1865 года.

<sup>2)</sup> Донесеніе генераль-маіора Романовскаго, 11 мая 1866 года.

<sup>3)</sup> Донесеніе генераль-маіора Черняева, 7 іюля 1865 года.

что они могли рѣшиться на это. Совсѣмъ не то было рѣшиться въ первый разъ рискнуть участіемъ всей новой кокандской линіи для совершенія безпримѣрнаго, кортесовскаго дѣла. Надо было сознавать въ себѣ большія силы и имѣть замѣчательно вѣрный взглядъ, чтобы получить убѣжденіе, что въ такомъ рискѣ всѣ шансы успѣха были на нашей сторонѣ.

Замѣтимъ еще, что самый приемъ штурма: вторженіе въ одни ворота и движеніе въ бокъ, вдоль городской стѣны, для открытія другихъ воротъ отряду, отдѣленному противъ нихъ, а потомъ совмѣстное движеніе на цитадель, этотъ приемъ былъ показанъ генераломъ Черныаевымъ, и впослѣдствіи повторялся при взятіи другихъ крѣпостей.

Отдавъ справедливость храбрости и техническому умѣнью, которыя обнаружены были взятіемъ Ташкента, напомнимъ, что взятіе этого города уже совершенно отмѣняло на дѣлѣ программу 1854 года, которой необходимо было держаться, если не имѣлось въ виду завоеваніе средней Азіи. Взятіе Ташкента поставило вопросъ уже иначе; только что неожиданное соединеніе сирь-дарьинской и сибирской линій оказалось уже недостаточнымъ, отчасти излишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, впереди этой линіи у насъ создано огромное владѣніе, съ богатымъ городомъ, съ плодородною мѣстностью; въ нашихъ рукахъ оказалась главная торговая дорога, однимъ словомъ, самыя интересныя изъ нашихъ туркестанскихъ владѣній оказались внѣ той замкнутой линіи, которой завершеніе было цѣлью самого похода.

На занятіи собственно Ташкента нельзя было остановиться. Здѣсь лучше всего обнаружилось то, о чемъ мы говорили выше, по поводу Чамкента, именно что центръ заселеннаго округа не можетъ быть ключевымъ звеномъ оборонительной линіи: взявъ Ташкентъ, надо было идти еще далѣе впередъ, вступить въ Зачирчикскій край, уже потому, что въ ближайшей части его поля принадлежатъ жителямъ Ташкента, и что она доставляетъ Ташкенту главное его продовольствіе. Сверхъ того занятіе Ташкента ставило насъ въ неизбѣжность войны съ эмиромъ бухарскимъ. Таеъ, еще до занятія Ташкента, генералъ Черныаевъ долженъ былъ сдѣлать рекогносцировку къ Чиназу (выше по Сырь-Дарьѣ) и уничтожить тамъ переправу, чтобы предупредить возможность подачи помощи Ташкенту со стороны Бухары. Въ Ташкентѣ при оборонѣ уже былъ небольшой бухарскій отрядъ, который и руководилъ защитою.

Авторъ анализируемаго нами сочиненія нѣсколько разъ говоритъ, что правительство не дало разрѣшенія на занятіе Ташкента, не одобрило предположеній о занятіи Ташкента. Однако мы видимъ, что правительство, хотя и замѣнило впослѣдствіи генерала Черныаева другимъ начальникомъ, однако приняло предположеніе генерала Черныаева, присоединило Ташкентъ къ имперіи. Если намъ возразятъ на это: «Но



что же оставалось дѣлать, когда Ташкентъ уже былъ взятъ?» — то за отвѣтомъ мы обратимся къ мнѣнію, высказанному оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генераломъ Крыжановскимъ, который, пріѣхавъ въ сентябрѣ 1865 года на Сыръ-Дарью, настаивалъ на осуществленіи первоначальной мысли генерала Черняева, объ образованіи въ Ташкентѣ независимаго владѣнія съ ханомъ, подъ покровительствомъ Россіи, между тѣмъ какъ генералъ Черняевъ уже совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей въ этомъ отношеніи. Генералъ Черняевъ въ 1864 году предполагалъ сперва образовать независимое ташкентское ханство потому, что считалъ затруднительнымъ непосредственное управленіе имъ. — «Главное, что побудило меня къ заявленію этой мысли», писалъ онъ 10 мѣсяцевъ спустя <sup>1)</sup>, — «были мнимыя затрудненія, которыя должны были представиться намъ, для удержанія въ повиновеніи этого многолюднаго города и устройства въ немъ полиціи. Соображая численность войскъ, употребляемыхъ для карауловъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и огромныя суммы, издерживаемыя на содержаніе полиціи, я не могъ себѣ представить, чтобы Ташкентъ съ его 200,000 <sup>2)</sup> мусульманскимъ населеніемъ, стекающимся для торговли со всѣхъ концовъ Азіи, потребовалъ бы такъ мало войскъ и денегъ для удержанія въ немъ спокойствія и порядка. Опытъ убѣдилъ меня, что если предоставить жителямъ самоуправленіе, то для охраненія спокойствія и полнаго повиновенія достаточно имѣть здѣсь, въ особой отъ города цитадели, одинъ баталіонъ и двѣ сотни; полиція можетъ быть предоставлена самимъ жителямъ.»

Вотъ почему генералъ Черняевъ считалъ даже неудобноисполнимою свою прежнюю мысль. — «Ханъ, поставленный нашимъ правительствомъ», говорилъ онъ, — «въ глазахъ народа будетъ тѣмъ же русскимъ чиновникомъ, которымъ управляются они и теперь, но съ тою разницею, что власть нашего чиновника они признаютъ, потому что видятъ за ней силу; власть же хана можетъ быть только номинальной. Чтобы онъ имѣлъ значеніе, необходима таже военная сила, и въ результатъ выйдетъ, что мы только лишимся доходовъ, которые будутъ поглощаться на содержаніе хана.»

Однимъ словомъ, генералъ Черняевъ полагалъ, что взявъ Ташкентъ, слѣдовало просто присоединить его къ имперіи, и мнѣніе его подкрѣплялось адресомъ въ этомъ смыслѣ, поданномъ самими ташкентцами. Хотя адреса покоренныхъ городовъ не всегда можно принимать

<sup>1)</sup> Довесеніе 6 августа 1865 года.

<sup>2)</sup> Цифра эта по всей вѣроятности значительно преувеличенная. Населеніе Ташкента, по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Бехчуринимъ, во время поѣздки въ Туркестанскій край генералъ-губернатора, въ 1865 году — только до 100 тысячъ, а по свѣдѣніямъ, доставленнымъ управлявшими населеніемъ — всего 80 тысячъ! См. прил. 83, стр. 281.

за искреннее выраженіе желаній населенія, но не надо упускать изъ виду, что въ Ташкентѣ и прежде покоренія его была партія, склонявшаяся на сторону Россіи. Между тѣмъ генераль-губернаторъ держался мысли объ оставленіи Ташкента независимымъ владѣніемъ.

Генераль Романовскій (а ему, какъ онъ говоритъ, хорошо извѣстны представленія генерала Крыжановскаго, котораго онъ самъ сопровождалъ въ то время въ Туркестанскую область) сообщаетъ, что это-то разногласіе въ мнѣніяхъ и было причиною вызова въ Петербургъ генераловъ Крыжановскаго и Черняева, для постановленія окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу въ особомъ комитетѣ. Замѣтимъ однако, что вызовъ въ Петербургъ генерала Черняева обратился въ отозваніе его, такъ какъ онъ уже не возвратился на свой постъ, а между тѣмъ правительствомъ было въ конечномъ результатѣ принято и осуществлено мнѣніе генерала Черняева, а не генерала Крыжановскаго. Итакъ, чѣмъ бы ни объяснялась перемѣна начальника Туркестанской области, она во всякомъ случаѣ не можетъ быть объяснена несогласіемъ высшаго правительства съ его видами.

Еще до своего отозванія изъ Туркестана, генераль Черняевъ осенью 1865 года могъ убѣдиться въ неизбѣжности войны съ Бухарою, какъ послѣдствія взятія Ташкента. Посольство, отправленное имъ къ бухарскому эмиру, было задержано этимъ владѣтелемъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что блестящія военныя способности не всегда сопровождаются равными политическими качествами. Трудно оправдать принятую по распоряженію и по ходатайству генерала Черняева, вслѣдъ за занятіемъ Ташкента, мѣру: узнавъ, что эмиръ бухарскій овладѣлъ коканскимъ городомъ Ходжентомъ, почти одновременно съ занятіемъ нами Ташкента, генераль Черняевъ арестовалъ всѣхъ находившихся въ Туркестанской области бухарцевъ съ ихъ товарами, а затѣмъ, по его представленію, были заарестованы и въ Оренбургѣ всѣ бухарцы съ ихъ товарами. Генераль Черняевъ видѣлъ въ этой мѣрѣ средство къ поддержанію нашего вліянія въ средней Азіи, но ошибочность такого предположенія очевидна изъ самой сущности того порядка, который существуетъ въ среднеазиатскихъ ханствахъ, да и вообще въ Азіи. Бухара не есть европейское государство, которое можно удержать отъ какихъ-либо военныхъ предпріятій, нанесеніемъ удара его торговлѣ. Весь строй Бухары состоитъ именно въ деспотизмѣ шайки фанатиковъ и шайки воителей надъ мирнымъ торговымъ и земледѣльческимъ населеніемъ. Итакъ, можно ли было ожидать, чтобы эмиръ Мозафферъ, считающій себя преемникомъ Тимура, военнымъ и духовнымъ владыкою, которому Богъ поручилъ завоевать всѣ земли невѣрныхъ, стѣснился въ своихъ предпріятіяхъ тѣмъ, что нѣкоторое число людей изъ этого мирнаго, презираемаго имъ и казнимаго при случаѣ безъ пощады, торговаго населенія задержаны непріателемъ?

Ошибочность предположенія генерала Черняева обнаружилась вполнѣ осенью 1865 года. Несмотря на арестованіе бухарцевъ, онъ рѣшился отправить посольство въ Бухару. Нельзя не найти совершенно естественнымъ, что эмиръ Мозафферъ арестовалъ это посольство. Впослѣдствіи, въ своихъ переговорахъ съ Бухарою, наши власти ссылались на то, что первымъ поводомъ къ войнѣ съ Бухарою было задержаніе бухарскимъ правительствомъ нашихъ чиновниковъ; но ясно, что поводъ былъ данъ нами самими. Какъ бы то ни было, по задержаніи нашихъ чиновниковъ война съ Бухарою стала неизбѣжна. Въ январѣ 1866 года, генералъ Черняевъ собралъ отрядъ въ Чиназѣ и сдѣлалъ движеніе на лѣвый берегъ Сыра, къ бухарской крѣпости Джюзаку, стоящей у самаго прохода чрезъ хребетъ *Кура-Тау* (не смѣшивать съ *Кара-Тау*), который вмѣстѣ съ хребтомъ Самаркандъ-Тау образуетъ изъ самаркандскаго округа природную передовую крѣпость бухарскаго ханства по направленію къ нашей линіи. Но походъ подъ Джюзакъ, стоящій за голодною степью, не удался. Послѣ стычки подъ крѣпостью, наши войска отступили къ Чиназу, за недостаткомъ въ кормѣ для лошадей; генералъ Черняевъ побудился къ отступленію и тремя письмами эмира Мозаффера, въ которыхъ онъ положительно обѣщавъ возвратитъ задержанныхъ имъ русскихъ посланныхъ <sup>1)</sup>. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что на подобныя обѣщанія нельзя было много разсчитывать. Письмо, прежде присланное эмиромъ и объяснявшее, почему посланные были имъ задержаны, было слишкомъ убѣдительно, чтобы можно было ожидать съ его стороны перемѣны мысли, безъ положительнаго принужденія къ тому: а мы отступили.

Приведемъ это короткое письмо въ подлинникѣ: «*Михаилу Черняеву* <sup>2)</sup>. Было бы извѣстно, что вы просили о своихъ посланныхъ, но они въ добромъ здоровьи. Отъ насъ также было послано посольство къ вашему царю, о которомъ я получилъ извѣстіе отъ пріѣхавшихъ изъ Россіи людей, что мои посланники до царя не допущены, а задержаны гдѣ-то на дорогѣ, что нельзя позволить (и) другу; по поводу сему я остановилъ и вашихъ посланниковъ. Посланники и допрежде не были обижаемы, и мы вашихъ посланниковъ нисколько не обижаемъ. Посланники же ваши до тѣхъ поръ будутъ здѣсь, пока мои посланники не явятся къ вашему царю и не получатъ отвѣта. Когда отъ вашего царя получится дружественное извѣстіе, тогда и послан-

<sup>1)</sup> Донесеніе генерала Черняева 19 февраля 1866 года.

<sup>2)</sup> Замѣтимъ, что кокандцы и бухарцы сперва повидимому принимали фамилію русскаго генерала за титулъ, понимали слова «Михаилъ Черняевъ» какъ Михайль-Бекъ. Такъ впослѣдствіи въ нѣсколькихъ туземныхъ грамотахъ генерала просто называли Михайломъ, а первое письмо бека Джюзакскаго къ генералу Романовскому начинается такъ: «Вновь прибывшему отъ Бѣлаго Царя *Черняеву* да будетъ извѣстно» в проч.

никовъ вашихъ отпущу съ величайшимъ удовольствіемъ. Мѣсяцъ Тачбанъ.»

Задержаніе бухарцевъ и вслѣдъ затѣмъ отправленіе въ Бухару нашихъ посланныхъ, наконецъ экспедиція для вытребованія этихъ послѣднихъ — все это нельзя признать искусною политикою. Но бѣды особенной во всемъ этомъ также не было. Стоило только освободить арестованныхъ нами бухарцевъ, и наши чиновники были бы отпущены. Возраженіе, что этимъ мы «уронили бы свое значеніе въ средней Азій», всегда готовое на устахъ военачальниковъ и, какъ мы видѣли, заведшее насъ, путемъ «нравственной обязанности», отъ Каратоускихъ горъ къ Джюзаку, есть не что иное, какъ Schlagwort, которымъ нельзя разрѣшать всѣхъ вопросовъ. Значеніе наше въ средней Азій было основано на владѣніи Сыръ-Дарьею и занятіемъ Ташкента, а не на томъ, чтобы удерживать захваченныхъ бухарцевъ.

Какъ бы то ни было, въ отступленіи отъ Джюзака не было ровно никакой катастрофы, и генералъ Романовскій, какъ намъ кажется, напрасно придаетъ этому обстоятельству значеніе кризиса. Онъ говоритъ, что «по первому извѣстію объ этихъ новыхъ complicаціяхъ правительство поспѣшило вызвать въ Петербургъ генераловъ Черняева и Крыжановскаго», между тѣмъ какъ самъ сказалъ выше, что поводомъ къ ихъ вызову было разногласіе ихъ въ мнѣніяхъ относительно Ташкента. «По первому извѣстію объ этихъ новыхъ complicаціяхъ», какъ выражается генералъ Романовскій, правительство не только вызвало въ Петербургъ генерала Черняева, но и «командировало автора предлагающаго очерка для начальствованія войсками и для исправленія должности военного губернатора». Между тѣмъ донесеніе генерала Черняева объ отступленіи отъ Джюзака было еще только подписано 19 февраля, а генералъ Романовскій уже 10 февраля вѣхалъ изъ Петербурга. Стало быть совершенно ясно, что замѣна генерала Черняева генераломъ Романовскимъ послѣдовала вовсе не вслѣдствіе неудачнаго похода на Джюзакъ. Мы останавливаемся на разъясненіи этого факта потому собственно, что въ изложеніе автора прокралось, конечно независимо отъ его воли, именно такое представленіе, что вотъ, вслѣдствіе своей неудачи, генералъ Черняевъ былъ замѣненъ генераломъ Романовскимъ, представленіе, не имѣющее, какъ мы показали, и тѣни основанія. Побѣдитель Ташкента былъ вызванъ для объясненій и потомъ оставленъ въ Петербургѣ, хотя его мысль объ устройствѣ Ташкента и была принята, а въ Туркестанъ командированъ генералъ Романовскій, которому, какъ состоявшему при военномъ министерствѣ, должны были ближе быть извѣстны предназначенія этого министерства.

## IV.

При командированіи въ Туркестанъ генерала Романовскаго составлена была, по соглашенію министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, инструкція для руководства новаго губернатора Туркестанской области и его непосредственнаго начальника — оренбургскаго генералъ-губернатора. Инструкція эта была утверждена верховною властью. Составлять въ Петербургѣ инструкціи для дѣйствій въ средней Азіи дѣло не легкое. Опредѣленіе точныхъ правилъ на всякіе случаи стѣснило бы непосредственнаго начальника, передъ которымъ на дѣлѣ могли возникнуть обстоятельства все-таки непредвидѣнныя. Но въ инструкціи, составленной для руководства генераловъ Романовскаго и Крыжановскаго были изложены основанія столь общія, что они никакимъ руководствомъ служить не могли. Такое сужденіе мы составляемъ себѣ, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ пунктамъ инструкціи, которыя приведены въ сочиненіи генерала Романовскаго. Напримѣръ, тамъ предписывалось: «Неуклонно стараясь не распространять нашихъ непосредственныхъ владѣній въ средней Азіи, въ тоже время не отказываться, однако, ради сего, отъ такихъ дѣйствій и распоряженій, которыя были бы для насъ необходимы; вообще же имѣть прежде всего въ виду истинную пользу Россіи.»

Послѣднее, казалось бы, предполагалось само собою и безъ инструкціи. На самомъ дѣлѣ этотъ пунктъ инструкціи просто предоставлялъ ближайшимъ начальникамъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Относительно Бухары инструкція изъясляла сожалѣніе, что дѣйствія послѣдняго времени сдѣлали врага намъ изъ бухарскаго эмира, который считался другомъ Россіи и выражала желаніе скорѣйшаго возстановленія дружественныхъ торговыхъ сношеній съ Бухарою, но не предписывала прямого для этого средства — освобожденія арестованныхъ бухарцевъ, а напротивъ того напоминала ближайшему начальнику: «Что азіятець уважаетъ только силу оружія, что малѣйшее колебаніе и нерѣшительность, тѣмъ болѣе уступая въ виду какихъ бы то ни было неумѣстныхъ съ ихъ стороны заявленій или дѣйствій, будутъ приняты ими за слабость, и потому не только не достигнуть цѣли, но могутъ гибельно отозваться, какъ на частяхъ нами вновь занятыхъ, такъ и на нашихъ степяхъ и на нашихъ прежнихъ линияхъ.» Сказывающаяся здѣсь преокупация — чисто военная, и едва ли мы ошибемся отнеся составленіе этого пункта къ министерству военному. Впрочемъ, какъ сообщаетъ далѣе генералъ Романовскій, и министерство иностранныхъ дѣлъ признавало неумѣстнымъ всякіе переговоры съ эмиромъ бухарскимъ до возвращенія имъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, инструкція хотя и выражала желаніе дружественныхъ сношеній съ Бухарою, но своими оговорками оставляла столь же, если не болѣе, вѣроятнымъ открытіе войны съ Бухарою. Понятно, что когда инструкція затѣмъ указывала мѣстному начальнику главной цѣлю: «Заставить эмира понять, что мы не желаемъ завоеваній и не грозимъ дѣлности его владѣній, но не позволимъ и ему расширять своихъ владѣній по направленію къ нашимъ предѣламъ»,—то исполненіе этого пункта представлялось сомнительнымъ. Не дѣлать уступокъ и заставить эмира возвратить плѣнныхъ — значило допускать войну; а предшествующій опытъ могъ показать, что война поведетъ и къ новымъ завоеваніямъ.

И вотъ, на самомъ дѣлѣ, генераль Романовскій исполнилъ эту инструкцію такъ, что началъ войну съ Бухарою и завоевалъ Ходжентъ, а потомъ, дѣйствуя въ присутствіи генерала Крыжановскаго, завоевалъ и Ура-Тюбе и Джюзакъ, чѣмъ уже прямо нарушалась цѣлность бухарскихъ владѣній.

Въ числѣ главныхъ затрудненій, представлявшихся г. Романовскому при принятіи имъ должности, кромѣ недостаточности войскъ, онъ называетъ и «запутанность счетовъ за прежнее время.» Въ самомъ дѣлѣ, еще генераль Черняевъ постоянно жаловался, что войскъ въ Туркестанской области было слишкомъ мало. Ихъ было всего 13 тысячъ человекъ. По ходатайству генерала Чернаева, ему посланы были подкрѣпленія въ три тысячи человекъ съ Волги, но они были оставлены на зиму въ Оренбургѣ и могли прійти на мѣсто не ранѣе августа 1866 года. Итакъ, генералу Романовскому предстояло на первое время довольствоваться прежнею цифрою 13 тысячъ человекъ на всю область.

Что касается «запущенности счетовъ за прежнее время», то она явилась вслѣдствіе необходимости, въ какую былъ поставленъ прежній начальникъ, употреблять всѣ наличныя суммы на потребности, наименѣе терпѣвшія отлагательства, то-есть преимущественно на военныя. Авторъ анализируемаго нами сочиненія во многихъ мѣстахъ останавливается на этой «запущенности» и «запутанности счетовъ» за прежнее время, хотя намъ кажется, что для него собственно это обстоятельство не могло имѣть большого значенія; другое дѣло — для его канцеляріи, которой пришлось до нѣкоторой степени распутать эти счета. Такъ какъ сочиненіе г. Романовскаго есть не только обзоръ событій въ средней Азій въ 1864, 1865 и 1866 годахъ, но и оцѣнка дѣятелей этого времени и въ нѣкоторой степени автоапологія, то мы считаемъ необходимымъ, прежде изложенія дальнѣйшихъ дѣйствій, разъяснить то обстоятельство, на которое авторъ такъ настойчиво указываетъ.

Что разумѣется подъ словами «запутанность счетовъ»? Во-первыхъ, расходованіе денегъ изъ наличныхъ суммъ на первыя потребности,

безъ соблюденія формальностей; во-вторыхъ, несвоевременное представленіе или даже неудовлетворительное составленіе отчетности. Первое было неизбѣжно. Генералъ Чернаевъ, при быстротѣ своихъ предпріятій и отдаленности отъ оренбургской власти, не могъ ожидать разрѣшеній на производство расходовъ, безъ которыхъ безусловно нельзя обойтись въ походѣ. До какой степени невозможно было подчинить расходованіе суммъ во время военныхъ дѣйствій распоряженіямъ изъ Оренбурга доказывается всего лучше примѣромъ самого генерала Романовскаго, когда, прибывъ въ Ташкентъ, онъ получилъ предписаніе отнестись на мѣстные доходы 62,000 р., требовавшіеся на квартирное довольствіе, да еще 50,000 р. на инженерныя работы, а всѣ мѣстные доходы въ наличности представлялись въ цифрѣ 800 рублей! Вотъ что значить управлять издалека.

Мы не можемъ думать, чтобы расходованіе денегъ изъ наличныхъ суммъ, безъ соблюденія формальностей, при генералѣ Чернаевѣ составлялось ему въ видѣ упрека авторомъ, хотя онъ и указываетъ на это обстоятельство съ особенной настойчивостью; не можемъ потому, что первымъ дѣломъ самого генерала Романовскаго, при принятіи новой должности еще въ Петербургѣ, было испросить себѣ разрѣшеніе: «Въ случаѣ крайности въ деньгахъ не стѣсняться формальностями, а расходовать на неотложныя надобности заимобразно суммы *ассигнованныя на другіе предметы*», конечно съ представленіемъ отчетовъ. Всѣ доходы съ Ташкента и другихъ мѣстностей, еще не присоединенныхъ къ имперіи, было повелѣно даже считать экстраординарною суммой, и расходованіе ея предоставить военному губернатору. Прибывъ въ Оренбургъ, генералъ Романовскій просьбу свою о «нестѣсненіи его формальностями» повторилъ генералъ-губернатору, который призналъ ее уважительною. Итакъ, самъ авторъ узаконилъ то, въ чемъ можно было бы, пожалуй, — не зная этого — видѣть упрекъ съ его стороны прежнему порядку.

На дѣлѣ онъ самымъ широкимъ образомъ примѣнилъ эту неизбѣжную систему удовлетворенія потребностей настоятельныхъ изъ наличныхъ суммъ, съ откладываніемъ расчетовъ на будущее; когда онъ прибылъ въ Туркестанскую область, то за нимъ слѣдовалъ транспортъ интендантскаго вѣдомства съ деньгами, и вотъ изъ этихъ денегъ онъ употреблялъ безразлично на настоятельныя нужды, отвлекая ихъ временно отъ прямого ихъ назначенія. Мало того, вполнѣдствіи, по взятіи генераломъ Романовскимъ Ходжента, однажды представилась такая нужда въ деньгахъ, что пришлось занять у одного изъ туземцевъ 3,000 рублей, что генералъ Романовскій оправдываетъ соображеніемъ, что такъ дѣлалось и при его предшественникѣ.

Итакъ, та главная причина «запутанности счетовъ», которая заключалась въ расходованіи денегъ на первыя настоятельныя потреб-

ности, а не по росписанію и не по разрѣшеніямъ изъ-за 2000 верстъ, при генералѣ Романовскомъ дѣйствовала точно также, какъ и при генералѣ Черняевѣ.

Затѣмъ остается степень порядка въ веденіи счетоводства и отчетности. Надѣмся, никто не будетъ противорѣчить намъ, если мы скажемъ, что правильность счетоводства въ походной палаткѣ и подъ выстрѣлами зависитъ прежде всего отъ устройства администраціи, на которой она лежитъ. Если при генералѣ Романовскомъ счетоводство велось правильнѣе, чѣмъ при генералѣ Черняевѣ, то (надо принять въ соображеніе, что у генерала Черняева *вся* администрація по Туркестанской области, считая тутъ и правителя канцеляріи и управляющихъ туземнымъ населеніемъ, состояла на лицо изъ *восьми* человекъ, которыхъ тамъ нашелъ генералъ Романовскій при пріѣздѣ своемъ въ область, въ мартѣ 1866 года <sup>1)</sup>). У генерала же Романовскаго, въ концѣ того же года, на лицо было 22 чиновника <sup>2)</sup>). Сверхъ того не забудемъ, что въ 1866 году была командирована специальная коммисія изъ Петербурга для повѣрки счетовъ, при чемъ на покрытие сверхсмѣтныхъ расходовъ было ассигновано 400,000 рублей. При помощи этой-то коммисіи счета за экспедицію генерала Романовскаго и могли быть закончены въ томъ же году.

Указавъ на эти цифры, намъ достаточно будетъ привести слѣдующія слова генерала Романовскаго, по поводу малаго числа служащихъ, найденнаго имъ въ краѣ: — «Не трудно понять, насколько возможно было, при подобномъ недостаткѣ служащихъ, дѣйствительное осуществленіе того порядка, который былъ проецированъ мѣстнымъ начальствомъ и Высочайше утвержденъ вышедшимъ въ 1865 г. положеніемъ.» То, въ чемъ г. Романовскій видѣлъ затрудненіе для себя, при вступленіи въ должность, было постояннымъ затрудненіемъ и для его предшественника.

Уже по дорогѣ къ мѣсту своего назначенія, генералъ Романовскій узналъ тревожныя извѣстія о приготовленіяхъ бухарскаго эмира. Въ передовыхъ отрядахъ нашихъ за Ташкентомъ было всего 3,000 человекъ и поддержки, собиравшіяся съ линіи, могли прійти только черезъ нѣсколько недѣль. Между тѣмъ бухарскія войска стояли уже въ 50 верстахъ отъ нашего передоваго поста Чиназа, и, по слухамъ, войска, собранныя имъ, доходили до 100,000 человекъ при 100 орудіяхъ. Эмиръ Мозафферъ пользовался въ средней Азій славою непобѣдимаго воителя, и встрѣча съ его арміею представляла, повидимому, уже ту опасность, что у эмира были и регулярныя войска. Замѣтимъ, впрочемъ, тотчасъ же, что на характеръ послѣдующихъ дѣйствій это

<sup>1)</sup> Вѣдомость, прилож. № 77.

<sup>2)</sup> Вѣдомость, прилож. № 78.



обстоятельство ровно никакого вліянія не имѣло, и что мнимыя регулярныя войска эмира столь же мало оказали сопротивленія нашимъ солдатамъ, какъ и коканскія войска.

Генераль Романовскій не началъ никакихъ переговоровъ съ бухарцами, а прямо произвелъ, 5 апрѣля, успѣшную рекогносцировку къ Мурза-Рабату, по направленію отъ Чиназа къ Ирджару, и только тогда послалъ эмиру письмо, въ которомъ, увѣдомляя его о своемъ назначеніи, приглашалъ эмира <sup>1)</sup>: «Показать, какими соображеніями руководствуетесь вы въ дѣйствіяхъ вашихъ по отношенію къ Россіи, то есть имѣете ли вы намѣреніе вести съ нами войну, или дѣйствія ваши происходятъ вслѣдствіе недоразумѣній вашихъ лично съ генераломъ Черняевымъ.» Генераль Романовскій прибавлялъ при этомъ, что не дозволяя возвратиться нашимъ посланнымъ, эмиръ наноситъ оскорбленіе Россіи. Отвѣтъ на это письмо былъ полученъ черезъ 11 дней, а между тѣмъ было получено извѣстіе, что въ концѣ апрѣля будутъ подкрѣпленія, именно 4 роты, 2 сотни и два орудія. Отвѣта Мозаффера авторъ къ сожалѣнію не могъ сообщить въ подлинникѣ, не имѣя его подъ рукою. По тому анализу, который намъ представленъ, должно полагать, что отвѣтъ былъ не только уклончивый, но даже съ угрозою.

Подкрѣпленія прибыли къ маю, и къ тому же времени эмиръ сосредоточилъ свои войска у Ирджара (за Сыръ-Дарьею, почти на полдорогѣ отъ Чиназа къ Джюзаку) и самъ прибылъ туда; сверхъ того онъ послалъ десяти-тысячный отрядъ въ Зачирчикскій край, на правый берегъ Сыра. Генераль Романовскій вступилъ въ бой съ бухарскими войсками 8 мая, при Ирджарѣ, и одержалъ побѣду. Побѣда эта была полная: эмиръ бѣжалъ; казаки преслѣдовали непріятеля на протяженіи 5 верстъ, и наши войска захватили множество военныхъ снарядовъ и припасовъ, въ томъ числѣ 6 орудій и 670 пудовъ пороху. Наша потеря составила всего 12 раненыхъ, потому, какъ мы сказали выше, что бухарцы стрѣляли черезъ головы нашихъ:— «Непріятель допустилъ наши колонны на самый вѣрный выстрѣлъ», писалъ генераль Романовскій <sup>2)</sup>, «и дѣйствовалъ чрезвычайно быстро и настойчиво; направленіе выстрѣловъ было весьма правильно, но, не считавъ разстояніе, бухарцы придавали такой большой уголъ возвышенія своимъ орудіямъ, что большая часть ихъ снарядовъ перелетала черезъ наши войска, построенныя въ боевыхъ порядкахъ, и ложилась частью въ обозѣ, а частью внѣ онаго». Приведенныхъ сейчасъ строкъ, между прочимъ, достаточно, чтобы показать, почему при обзорѣ событій, излагаемыхъ генераломъ Романовскимъ, мы не останавливаемся на изложеніи сраженій и весьма симпатичныхъ намъ во всякомъ слу-

<sup>1)</sup> Прилож. № 35.

<sup>2)</sup> Донесеніе генерала Романовскаго, отъ 11 мая 1866 года.

чаѣ военныхъ подвиговъ нашихъ начальниковъ. Насъ занимаетъ гораздо болѣе политическая сторона всего этого дѣла, чѣмъ оцѣнка техническая, тѣмъ болѣе, что такъ или иначе распоряжались начальники, но побѣда была несомнѣнна послѣ того, какъ Ташкентъ былъ взятъ двухъ-тысячнымъ отрядомъ. Все, что могла бы разъяснить техническая оцѣнка, это — въ какой мѣрѣ, посредствомъ тѣхъ или другихъ распоряженій, можно было болѣе или менѣе охранить наши войска отъ потерь, соблюсти большую или меньшую экономію солдатъ. Такая оцѣнка дѣлъ, въ особенности при Ура-Тюбе и Джюзакѣ, могла бы быть сама по себѣ интересна и то временемъ, конечно, будетъ сдѣлана специальными военными писателями.

Побѣда при Ирджарѣ, разумѣется, измѣнила все положеніе дѣлъ. Эмиръ Мозафферъ былъ наказанъ за излишнюю самоувѣренность, которая побудила его встрѣтиться съ нашими войсками въ открытомъ полѣ. Обаяніе непобѣдимости эмира разрушилось, и населеніе Ташкента, которое было взволновано разными слухами по поводу приближенія Мозаффера, успокоилось. А такъ какъ въ ирджарскомъ дѣлѣ участвовали огромныя массы <sup>1)</sup>, которыя окружали нашъ отрядъ, то нельзя не отдать справедливости мужеству начальника, который изъ этого положенія вышелъ съ блестящею побѣдой.

Пораженіе эмира подъ Ирджаромъ измѣнило положеніе дѣлъ не только въ отношеніи стратегическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Предшествующія указанія уже не могли служить руководствомъ для этого измѣненнаго положенія. Впрочемъ, какъ мы видѣли, инструкція, данная генералу Романовскому, составлена была такъ, что она ни въ какомъ случаѣ не могла стѣснить его. — «Во всѣхъ моихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ», говоритъ авторъ, «съ 8 мая до половины іюля, когда получено было первое приказаніе генераль-губернатора, основанное уже на соображеніяхъ, возникшихъ по разбитіи эмира, и даже потомъ, до пріѣзда въ край, въ августѣ мѣсяцѣ, самого генераль-губернатора, я руководствовался преимущественно моими личными взглядами на дѣло, а потому и отвѣтственность за эти собственно дѣйствія должна падать исключительно на меня.»

Что предстояло дѣлать по разбитіи эмира? Если имѣть въ виду, что генераль Романовскій причисляетъ себя, по взгляду на политику въ средней Азій, къ партіи «умѣренныхъ» и принять, что онъ управлялся въ край съ программю преимущественно мирною, то-есть выразившею желаніе скорѣе возстановить дружественныя сношенія съ ханствами, съ тѣмъ только, чтобы не дѣлать уступокъ, наконецъ, если

<sup>1)</sup> По показаніямъ лазутчиковъ — до 100 тысячъ. Но самъ авторъ признаетъ это число преувеличеннымъ и въ своемъ донесеніи остановился на весьма, однако, почтенной цифрѣ 40 тысячъ человекъ, при 21 орудіи.

вспомнить, какъ сильно онъ настаиваетъ на томъ обстоятельстве, что взятіе Ташкента не входило въ расчеты правительства, а потому и повлекло за собою различныя неудобства, то придется сказать, что не сдѣлавъ Бухарѣ уступокъ, а, напротивъ, уничтоживъ блестящимъ успѣхомъ ея обаяніе и успокоивъ край, генералу Романовскому предстояло потребовать только выдачи нашихъ посланныхъ и затѣмъ возвратиться на прежніе наши посты. Такова была бы политика мира. Мозафферъ безъ сомнѣнія отпустилъ бы нашихъ чиновниковъ, еслибы ихъ потребовалъ снова побѣдитель при Ирджарѣ; во всякомъ случаѣ для достиженія этой цѣли излишне было движеніе совсѣмъ въ иную сторону — къ Кокану.

Но если принять за руководство программу дальнѣйшихъ пріобрѣтеній, программу завоевательную (которой въ такомъ случаѣ не зачѣмъ и скрывать или не называть по имени), то тогда, естественно, представлялся только вопросъ: Какъ лучше воспользоваться побѣдою при Ирджарѣ? Чтò занять еще? Генералу Романовскому представился этотъ именно вопросъ, и онъ занялъ Ходжентъ столь же непредвидѣнно для высшаго правительства, какъ генераль Черняевъ занялъ Ташкентъ. Ему, повидимому, даже не пришлось и принять во вниманіе возможность какой-либо иной политики, кромѣ политики наступленія впередъ. Вопросъ, который подвергся обсужденію послѣ ирджарскаго дѣла, состоялъ только въ выборѣ, куда идти впередъ. — «Чтобы воспользоваться рѣшительнымъ успѣхомъ нашимъ подъ Ирджаромъ», говоритъ онъ, «предстояло два способа дѣйствій: или, неотступно преслѣдуя непріятеля, идти на Джюзакъ, Самаркандъ и далѣе, или направиться на Нау и Ходжентъ.»

Поставивъ себѣ такой вопросъ, генераль Романовскій рѣшилъ его въ послѣднемъ смыслѣ, то-есть рѣшился идти на Ходжентъ. Затѣмъ онъ оправдывалъ это дѣйствіе уже только по сравненію съ движеніемъ въ Бухару, отъ котораго онъ воздержался. Онъ доносилъ впослѣдствіи <sup>1)</sup>: — «Я считалъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе выгоднымъ, безъ крайности, избѣгать до времени движенія въ предѣлы Бухары и направиться на Нау и Ходжентъ.» Союзъ и представляетъ здѣсь, быть можетъ, не строго-логическій выводъ. Изъ того, что мы не шли въ Бухару, слѣдовала ли, говоря строго-логически, необходимость движенія на Нау и Ходжентъ, каковы бы ни были выгоды этого движенія сравнительно, собственно, съ движеніемъ въ Бухару, которое вовсе предположено не было?

Но какъ было не воспользоваться плодами ирджарской побѣды, не занять городъ важный и въ стратегическомъ и въ торговомъ отношеніи? Въ стратегическомъ отношеніи занятіе Ходжента было важно

<sup>1)</sup> Донесеніе 30 мая 1866.

потому, что оно отрѣзывало Коканъ отъ Бухары. Вспомнимъ, что тѣ же важныя стратегическіе и экономическіе доводы представлялись въ пользу занятія Ташкента. Здѣсь, какъ и тамъ, правительство не предвидѣло того, что сдѣлаютъ генералы, а когда города были заняты, присоединило ихъ къ имперіи.

Лежавшее на дорогѣ къ Ходженту укрѣпленіе Нау, было занято безъ выстрѣла, и 17 мая оба отряда, слѣдовавшіе по двумъ берегамъ Сыра, соединились подъ Ходжентомъ. Эта крѣпость и городъ тѣмъ только отличается отъ Ташкента, что меньше его. Генераль Романовскій говоритъ, впрочемъ, что укрѣпленіе Ходжента было сильнѣе всѣхъ прежде-взятыхъ нами въ Туркестанѣ. Но укрѣпленія его точно также, какъ и въ Ташкентѣ, представляли протяжную линію стѣнъ (11 верстѣ), которую гарнизону было трудно защищать. Осада Ходжента продолжалась 8 дней; 24 мая онъ былъ взятъ. При этомъ повторились главныя черты взятія Ташкента: точно также, сады, окружающіе городъ, дали возможность нашимъ штурмовымъ колоннамъ приблизиться къ стѣнамъ, не бывъ замѣченными; точно также, ворвавшись въ одни ворота, наша колонна двинулась вдоль стѣнъ, для соединенія съ другою колонною, направленною на другія ворота и т. д. Только добыча въ Ходжентѣ была меньше, чѣмъ въ Ташкентѣ. Вооруженіе Ташкента состояло изъ 63 орудій, вооруженіе Ходжента всего изъ 13. Зато и наша потеря убитыми и ранеными была меньше: при взятіи Ходжента — 76 чел.; при взятіи Ташкента — 114.

Итакъ, мы приобрѣли, на теченіи Сыръ - Дарьи, новый важный пунктъ. Ходжентъ собственно не составлялъ владѣнія бухарскаго эмира; жители его пользовались нѣкоторою самостоятельностью, подчиняясь то коканцамъ, то бухарцамъ. Въ то время, какъ мы брали Ташкентъ, эмиръ бухарскій занялъ Ходжентъ. Приведемъ здѣсь, какъ доказательство, что занятіе нами Ходжента не было нужно для освобожденія нашихъ посланныхъ, что для этого достаточно было ирджарской побѣды, то обстоятельство, что еще въ первый день подступленія нашего отряда къ Ходженту, уже прибыло посольство отъ джюзакскаго бека, съ увѣдомленіемъ, что наши посланные отпускаются. На другой день по взятіи Ходжента, уже прибылъ въ нашъ лагерь одинъ изъ задержанныхъ эмиромъ чиновниковъ и получено было извѣстіе отъ того же бека, что наши посланные уже освобождены. Ясно, по сравненіи времени, что эти распоряженія сдѣланы были въ Бухарѣ не подъ вліяніемъ взятія нами Ходжента, а ранѣе.

Ханъ коканскій принялъ безъ неприяни извѣстіе о паденіи Ходжента въ руки русскихъ войскъ. Въ письмѣ къ генералу Романовскому, Худояръ-ханъ объявилъ себя другомъ Россіи, просилъ ея покровительства на случай вторженія въ Коканъ «непріятеля» и обѣщалъ «уважать и любить» пріѣзжихъ русскихъ «болѣе, чѣмъ своихъ»

подданныхъ» <sup>1)</sup>). Генераль Романовскій отвѣчалъ на это письмо дружелюбно, но поставилъ хану нѣкоторыя условія, между прочимъ то, чтобы партіи коканцевъ не переправлялись на правый берегъ Сыра. На просьбу джюзакскаго бека отъ имени бухарскаго эмира, о представленіи эмиру гарантіи въ нашемъ миролюбіи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ собственно его владѣній, генераль Романовскій отвѣчалъ требованіемъ, чтобы наши посланные были отправлены въ Ташкентъ, и заявленіемъ, что въ Ташкентъ прибылъ самъ оренбургскій генераль-губернаторъ, и что для переговоровъ о мирѣ долженъ быть присланъ къ нему уполномоченный отъ Бухары. Посланные наши, дѣйствительно, были тотчасъ отпущены и, возвращаясь изъ Ходжента въ Ташкентъ, генераль Романовскій уже засталъ ихъ тамъ. Вслѣдъ затѣмъ, эмиръ Мозафферъ отпустилъ и всѣхъ задержанныхъ имъ купцовъ нашихъ, возвративъ имъ ихъ товары.

Еще до пріѣзда въ край генераль-губернатора, генераль Романовскій, который взялъ на свою отвѣтственность занятіе Ходжента, былъ обрадованъ письменнымъ сообщеніемъ его, изъ Петербурга, по полученіи здѣсь извѣстія о побѣдѣ при Ирджарѣ, что, по его мнѣнію, необходимо занять Ходжентъ. — «Слѣдовательно—говоритъ авторъ—можно было надѣяться, что уже случившееся между тѣмъ занятіе Ходжента не противорѣчило правительственнымъ видамъ». Но между тѣмъ, какъ генераль Романовскій, по возвращеніи своемъ въ Ташкентъ, занялся внутреннимъ устройствомъ края и предпринялъ образованіе судовъ «мехкеме», онъ получилъ новыя извѣстія, которыя показывали, что генераль-губернаторъ держится совсѣмъ иного взгляда на дальнѣйшія дѣйствія въ Средней Азіи, чѣмъ генераль Романовскій. Генераль Романовскій, какъ мы уже сказали, причисляетъ себя къ людямъ «умѣренной» партіи. Это, впрочемъ, не помѣшало ему занять Ходжентъ. Но и послѣ занятія Ходжента, онъ повторялъ себѣ такое правило: «поддержаніе въ Средней Азіи нашего *нравственнаго* вліянія, *не расширеніе*, а упроченіе вновь занятыхъ частей, при общемъ умиротвореніи края». Между тѣмъ, генераль Романовскій, который полагалъ, что этой программѣ не противорѣчило занятіе Ходжента, считалъ нужнымъ взять еще Наманганъ, городъ на верховьяхъ Сыръ-Дарьи.

Генераль-губернаторъ, какъ мы сказали, былъ несогласенъ съ политическими видами мѣстнаго начальника. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ точнѣе его держался программы мира. Напротивъ того, и несмотря на возвращеніе эмиромъ бухарскимъ нашихъ посланныхъ и, стало быть, на устраненіе предлога къ той войнѣ, истинный поводъ къ которой былъ поданъ нами самими,—онъ не отпустилъ аре-

<sup>1)</sup> Прилож. № 46.

стованныхъ бухарцевъ изъ Оренбурга. Генераль Романовскій просилъ прислать ихъ на Сыръ - Дарью, но генераль - губернаторъ и этого не сдѣлалъ, объясняя, что они могутъ бѣжать изъ сыръ - дарьинскихъ фортовъ. Сверхъ того, генераль Крыжановскій находилъ нужнымъ занять весь Кованъ, какъ можно скорѣе, и съ этой цѣлью предлагалъ генералу Романовскому: «принять, относительно Кована, тонъ высокой, третировать Худояръ - хана, какъ человѣка, который по положенію своему долженъ быть вассаломъ Россіи. Если обидится и будетъ дѣйствовать противъ насъ — тѣмъ лучше, это дастъ предлогъ покончить съ нимъ». Относительно же эмира бухарскаго, генераль - губернаторъ писалъ: «побивъ его такъ, какъ вы его побили, надо отъ него всего требовать, не уступая ему ни въ чемъ». Мудрено ли послѣ этого, что иностранные писатели вовсе не допускаютъ объясненія нашихъ постепенныхъ завоеваній въ Средней Азіи увлеченіями начальниковъ мѣстныхъ войскъ, а видятъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ преднамѣренную, ясно сознанную систему завоеванія, которая только маскируется предлогами?

А между тѣмъ, мы, если и допустимъ, что наступательныя дѣйствія самого генерала Романовскаго объяснялись до нѣкоторой степени неопредѣлительностью инструкціи, обязательной какъ для него, такъ и для генераль - губернатора, то уже никакъ не будемъ въ состояніи признать, что упомянутые виды генераль - губернатора, генерала Крыжановскаго, были согласны съ этою инструкціею. Мы должны, наоборотъ, признать, что они прямо противорѣчили тому, что намъ о ней извѣстно. «Возобновленіе въ скорѣйшемъ времени нашихъ дружественныхъ отношеній къ ханствамъ» и полное покореніе одного изъ нихъ, полная неуступчивость относительно другого, подъ предлогами, которые создавались произвольно — возможно ли согласить это?

Мы видимъ, однако, что генераль Крыжановскій, по пріѣздѣ своемъ въ Ташкентъ, въ половинѣ августа, одобрилъ дѣйствія генерала Романовскаго, отказался отъ своихъ предположеній по устройству края, а впоследствии и отъ покоренія коканскаго ханства. Но всего уступить изъ своей программы онъ, конечно, не могъ, а результатомъ этого и было взятіе нами еще крѣпостей Ура-Тюбе, Заamina и Джизака. Такимъ образомъ, и пріѣздъ въ край генерала Крыжановскаго былъ ознаменованъ побѣдами, что хотя и поставило насъ впереди голодной степи, но, конечно, возвысило блескъ нашего оружія и было полезно все тѣмъ же «усиленіемъ нашего нравственнаго вліянія въ Средней Азіи».

Съ своей стороны, и генераль Романовскій, который, получивъ прямо противорѣчившія его убѣжденію предписанія, собирался уже подать въ отставку и говорилъ по этому предмету, что въ такомъ положеніи дѣятелю «слѣдуетъ удалиться, предоставивъ продолженіе

тѣмъ, это не сомнѣвается въ полезности предлагаемыхъ новыхъ мѣръ» — остался на мѣстѣ потому, какъ говорить онъ, что послѣдующія хорошія «отношенія къ ближайшему главному начальнику края не могли не радовать и не возбуждать усердія къ службѣ». Удовлетворительныя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ проявились, между прочимъ, тѣмъ, что генералъ Брижановскій «хотя лично находился при войскахъ, но поручивъ отрядъ» — генералу Романовскому — «ограничивался лишь главными указаніями и вполне довѣрилъ» — ему — «всѣ подробности распоряженій». Такимъ образомъ, генералу Романовскому пришлось взять бухарскія владѣнія Ура-Тюбе и Джюзакъ, противъ занятія которыхъ онъ приводилъ такіе убѣдительные резоны. Ура-Тюбе и Джюзакъ были взяты штурмомъ 2 и 18 октября. При этомъ не исполнилось и убѣжденіе генерала Романовскаго въ необходимости занять Наманганъ, но зато ему удалось отклонить враждебныя дѣйствія противъ коканскаго хана, который обязанъ ему призракомъ остающейся за нимъ независимости и не даромъ величаетъ его въ своихъ письмахъ «цѣнителемъ друзей».

Поставимъ теперь рядомъ, для болѣе нагляднаго сужденія, такіе два факта: въ 1864 году, впереди фортовъ, расположенныхъ въ степи, мы заняли Чемкентъ для того, чтобы пріобрѣсть пунктъ въ хлѣбородной мѣстности и тѣмъ облегчить содержаніе нашихъ войскъ въ степи; въ 1866 же году, мы, впереди хлѣбороднаго ташкентскаго округа, заняли въ голодной степи Джюзакъ, который и остается пока нашимъ передовымъ пунктомъ.

## V.

Завоеванія наши въ Средней Азіи были легки; гораздо труднѣе другое предлежащее намъ дѣло — устройство новыхъ пріобрѣтеній. Эра завоеваній въ томъ краѣ, по нашему убѣжденію, еще не закрыта; но правительство должно было принять мѣры къ упроченію своей власти надъ новыми своими владѣніями. Таковъ, безъ сомнѣнія, будетъ непосредственный результатъ даннаго Туркестанской области новаго образованія. Будемъ надѣяться, что военныя дѣйствія, если имъ и суждено скоро возобновиться, оставятъ новому начальнику края возможность содѣйствовать прочному началу водворенія въ Туркестанѣ цивилизаціи, то есть Россіи. Для этого надобно многого: дорогъ, безопасности, изслѣдованія тѣхъ натуральныхъ богатствъ, которыя находятся въ пріобрѣтенныхъ нами областяхъ: каменноугольныя копи на Каратау, хлопокъ и шелкъ — вотъ что прежде всего способно заинтересовать Россію и связать съ нею новопріобрѣтенный край связью болѣе прочною, чѣмъ тѣ цѣпи, которыя куются изъ оружія: торгов-

лею и колонизаціею. Когда мы увидимъ первую хлопчато - бумажную фабрику на мѣстѣ рожденія дешеваго хлопка, тогда мы будемъ въ состояніи сказать, что въ Туркестанѣ поставлена самая могущественная батарея.

Административная организація края, разумѣется, должна была предшествовать всякимъ начинаніямъ въ немъ; но не надо думать, что, издавъ положеніе о новомъ управленіи и обративъ Туркестанскую область въ туркестанскій военный округъ и туркестанское генераль-губернаторство, мы сдѣлали *малое*.

Отдѣленіе управленія Туркестанской областью и командованія въ ней войсками отъ вѣдомства оренбургскаго начальства было потребностью очевидною. Приведенныхъ въ этой статьѣ примѣровъ уже достаточно, чтобы показать всю невозможность управленія страной и дѣйствующимъ отрядомъ за 2,000 верстъ. Еще генераль Черняевъ ходатайствовалъ о предоставленіи туркестанскому управленію самостоятельности. Для изслѣдованія положенія дѣлъ въ киргизскихъ степяхъ, а потомъ и въ новопріобрѣтенномъ краѣ, правительствомъ была командирована, въ началѣ 1865 года, такъ-называемая «степная коммиссія», состоявшая изъ лицъ: отъ военнаго министерства, отъ Оренбургскаго края, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ управленія Западной Сибири. Въ мартѣ прошлаго года составленъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Въ этомъ комитетѣ засѣдали, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, лица отъ разныхъ вѣдомствъ и члены «степной коммиссіи», а также генералы Крыжановскій, Черняевъ и Романовскій. Члены этого комитета признали единогласно (за исключеніемъ генерала Крыжановскаго) необходимымъ отдѣлить Туркестанскую область отъ оренбургскаго управленія, и соотвѣтственно этому состоялось Высочайшее повелѣніе. Комитетъ для организаціи края имѣлъ въ виду проекты туркестанскаго управленія и отъ оренбургскаго генераль-губернатора; изъ этихъ, по порученію комитета, проектовъ, «степная коммиссія» составила свой проектъ, который и былъ внесенъ въ комитетъ министровъ. Комитетъ министровъ постановилъ, не утверждая всего проекта, образовать туркестанское генераль-губернаторство и предоставить его начальнику согласовать проектъ «степной коммиссіи» съ мѣстными условіями и затѣмъ представить его на окончательное утвержденіе въ порядкѣ законодательномъ.

По устройству собственно военнаго управленія былъ составленъ проектъ въ главномъ штабѣ. Этотъ проектъ, создававшій особый туркестанскій военный округъ, получилъ Высочайшее утвержденіе.

Такимъ образомъ, и на основаніи Высочайше утвержденного 11-го апрѣля прошлаго года, мнѣнія особаго комитета, средне-азиатскій край



получилъ нынѣшнее свое образованіе: изъ бывшей Туркестанской области и части области Семипалатинской было образовано туркестанское генераль-губернаторство, раздѣленное на двѣ области: Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую. Генераль-губернаторство Туркестанское составило и особый военный округъ. Генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками былъ назначенъ генераль Кауфманъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь въ подробности новаго устройства, даннаго Туркестанскому краю <sup>1)</sup>; но обратимъ вниманіе на главныя черты его.

Соединеніе части Семипалатинской области съ областью Туркестанскою, осуществленное новымъ положеніемъ, было вызвано желаніемъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ управленіе всѣмъ краемъ, пограничнымъ съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ современемъ намъ, быть можетъ, придется дѣйствовать не только на верховьяхъ Сыръ-Дарьи, но и въ китайской Монголіи. Хотя мы и не думаемъ, что наше правительство уже теперь намѣрено предпринимать чтó-либо въ этой новой странѣ, но послѣ того, какъ случилось такъ много непредвидѣннаго, правительство совершенно основательно имѣетъ желаніе все предвидѣть. А положеніе дѣлъ въ западномъ Китаѣ тревожно. Туранцы, населяющіе эту часть имперіи, нерѣдко возстаютъ противъ китайскихъ властей. Такъ, въ 1866 году, произошло возстаніе въ Кашгарѣ и Яркендѣ, и китайцы съ нимъ не справились. Надо еще имѣть въ виду, что по мѣрѣ ослабленія нами Кокана и уменьшенія хищничества въ нашемъ Туркестанѣ, коканцы переносятъ свой мусульманскій фанатизмъ и свое хищничество въ эту страну и легко могутъ возбуждать въ ней движеніе, враждебное Россіи. Эти соображенія оправдываютъ съ воинской точки зрѣнія соединеніе въ однѣхъ рукахъ управленія мѣстностями разнородными, каковы Туркестанская область и присоединенная къ ней часть области Семипалатинской. Но вѣтъ сомнѣнія, что разнородность эта составитъ, все-таки, затрудненіе для новаго туркестанскаго управленія.

Однимъ изъ главныхъ основаній образованія, даннаго Туркестанскому краю, представляется еще соединеніе въ однѣхъ рукахъ власти административной и власти военной. Это основаніе проведено во всѣхъ инстанціяхъ власти правительственной: командующій войсками въ краѣ есть вмѣстѣ генераль-губернаторъ, командующіе войсками въ областяхъ — вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ гражданскіе начальники, наконецъ, даже уѣздные начальники — командиры войскъ, расположенныхъ въ уѣздахъ, хотя, однако, должно замѣтить, въ управленіи введено и коллегіальное начало, въ лицѣ областныхъ правленій. Но вся высшая

<sup>1)</sup> Высочайшій указъ объ этомъ преобразованіи напечатанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 15 іюля 1867 г.

власть предоставлена нераздѣльно генералъ-губернатору, которому предоставлено также и право дипломатическихъ сношеній. Однимъ словомъ, край въ административномъ отношеніи имѣетъ чисто-военное устройство. Понятно, что иначе и быть не могло въ только-что завоеванномъ и притомъ *такимъ* краѣ. Желательно только, чтобы по мѣрѣ того, какъ край станетъ соединяться съ Россіею иными связями, кромѣ военныхъ, сообразно съ этимъ измѣнились и его учрежденія, чему мы видимъ примѣръ на Кавказѣ.

Другое главное условіе, положенное въ основаніе устройству Туркестанскаго края, состоитъ въ томъ, что внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ предоставлено выборнымъ изъ самого народа, съ примѣненіемъ къ его нравамъ и обычаямъ, — за исключеніемъ однихъ дѣлъ политическаго характера. Сообразно съ этимъ, установлено въ каждой волости и аулѣ (такъ какъ дѣленіе принято не на роды, а на волости, аулы, что уже потребуетъ ломки собственно въ Туркестанской области), что управители избираются хозяевами кибитокъ въ двухъ степеняхъ <sup>1)</sup>, и содержаніе имъ назначается по приговору обществъ. Согласно съ тѣмъ же началомъ, туземцамъ осѣдлымъ и кочевымъ предоставленъ народный судъ (нѣкоторые дѣла исключены изъ него) биевъ — для киргизовъ, и казиевъ — у сартовъ <sup>2)</sup>. Уголовныя дѣла и важныя гражданскія рѣшаются на сѣздахъ судей. Туземному суду поставлено только одно ограниченіе: запрещеніе истязаній и смертной казни, ограниченіе, которому нельзя не сочувствовать виолнѣ. Военнымъ судамъ подлежатъ туземцы за преступленія политическія.

Итакъ, высшее управленіе Туркестанскаго края — военное, низшее — народное. Въ своей совокупности оно носитъ даже официальное названіе «военно-народнаго». Это устройство болѣе всего соотвѣтствуетъ первоначальной чисто-политической потребности. Но не надо упускать изъ виду, что управляя краемъ по военному и оставляя нетронутымъ азіатское общество, не вводя въ его внутреннюю организацію элементовъ русскихъ, мы оставляемъ его совершенно отрѣзаннымъ отъ цивилизаціи. Такое положеніе не должно быть не только окончательнымъ, но и продолжительнымъ. Въ новомъ положеніи есть одна статья, которая указываетъ на тотъ смыслъ, въ которомъ эти учрежденія должны развиваться: туземцамъ предоставлено, по ихъ желанію, обращаться къ русскимъ уѣзднымъ судьямъ, которые въ этомъ случаѣ рѣшаютъ дѣло по совѣсти, примѣняясь къ народнымъ обы-

<sup>1)</sup> Въ аулѣ, хозяева 10-ти кибитокъ избираютъ одного избирателя; сходъ ихъ избираетъ старшину; въ волости, хозяева 50 кибитокъ избираютъ одного избирателя, а сѣздъ избирателей — избираетъ волостного управителя.

<sup>2)</sup> Для суда надъ русскими учреждены уѣздные судьи по назначенію отъ правительства, а областное правленіе замѣняетъ судебную палату.

чаемъ. Органическое слияніе этого края съ Россією, со временемъ, — вотъ что должно быть окончательною цѣлью. Что на населеніи осѣдломъ, городскомъ, слияніе это осуществится въ періодъ недолговременный, если не устранять его намѣренно, — это доказывается примѣромъ тѣхъ татарскихъ городовъ, которые были присоединены въ прежнія времена.

Подати установлены въ Туркестанскомъ краѣ слѣдующія: съ киргизовъ кибиточный сборъ не менѣе 2 р. 75 к.; сумма, слѣдующая съ волости, опредѣляется по числу кибитокъ, но раскладывается на аулы не по числу кибитокъ, а по благосостоянію. Раскладка производится выборными, съ жителей осѣдлыхъ взимаются «хераджъ» (подать въ натурѣ съ земледѣльческихъ продуктовъ, десятина урожая), «танапная» подать (поземельная, при чемъ земли цѣнятся по сортамъ продуктовъ) и «закеть» (подать съ торговаго капитала въ размѣрѣ  $\frac{1}{40}$  стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ). Расходы по управленію Туркестанскимъ краемъ исчислены въ 460,000 рублей. Доходовъ, при нынѣшней администраціи, поступаетъ всего до 636,000 рублей. Но, по мнѣнію «степной коммисіи», недостаточность нынѣшняго контроля по введеніи проектированнаго коммисією положенія, доходы должны составлять не менѣе милліона рублей. Такимъ образомъ, за вычетомъ расходовъ, ожидается чистаго дохода съ Туркестанскаго края около полмилліона. Излишне было бы доказывать, что для Россіи всего выгоднѣе будетъ обратить весь излишекъ доходовъ на устройство въ самомъ краѣ дорогъ, изслѣдованіе его богатствъ, даже гарантію доходовъ первымъ частнымъ предпринимателямъ, по такимъ отраслямъ, гдѣ возможенъ контроль.

Устройство дорогъ — вотъ первая потребность даже и въ военномъ отношеніи. Генераль Романовскій говоритъ, что на передвиженіе войскъ съ Волги въ Туркестанскій округъ требуется два года, а по устройствѣ дорогъ, по одному изъ указываемыхъ имъ направленій, будетъ требоваться для этого всего нѣсколько недѣль. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить о томъ, которое изъ предлагаемыхъ направленийъ дорогъ выгоднѣе, но соединеніе Туркестанскаго округа съ Кавказомъ, по мысли фельдмаршала князя Барятинскаго, очевидно, представляетъ ту важную стратегическую выгоду, что дастъ возможность отдѣлять отъ многочисленной арміи небольшіе отряды для Туркестанскаго края, въ которомъ и незначительное подкрѣпленіе, во время военныхъ дѣйствій, весьма чувствительно.

Генераль Романовскій высказывается въ пользу уничтоженія Оренбургской таможенной линіи, которая, доставляя казѣ неважный доходъ, сильно стѣсняетъ азіатскихъ торговцевъ, и отнимъ льготы отъ гильдейскихъ повинностей, какими пользуются въ Россіи среднеазіатскіе торговцы. Намъ кажется, что послѣднія мѣра едва ли не прежде-

временна; всѣ наши усилія должны пока клониться къ усиленію торговыхъ сношеній между Туркестанскимъ краемъ и имперією, а объ уравниеніи правъ гражданъ забота еще впереди. Извѣстно, что въ Москвѣ составилось въ 1866 году торговое товарищество для прямыхъ сношеній съ Ташкентомъ. Наши караваны уже ходятъ въ Кобань. Съ Бухарою мы давно ведемъ торговлю и изъ послѣднихъ извѣстій видно, что торговля эта возобновилась <sup>1)</sup>.

Отношенія наши къ Бухарѣ вообще еще не выяснились, хотя и замѣчается наклонность ея владѣтеля къ миру. Осенью прошлаго года въ Оренбургъ пріѣзжалъ бухарскій посолъ, но соглашеніе съ нимъ не могло состояться уже потому, что Туркестанскій край ожидалъ въ то время новаго начальника. Генераль Кауфманъ прибылъ въ Ташкентъ въ началѣ ноября и затѣмъ стали ожидать новаго посла изъ Бухары.

Устройство новой администраціи началось на дѣлѣ; открытіе мѣстныхъ управленій поручено пяти комисіямъ, которыя должны были также собирать свѣдѣнія о кочевникахъ. Комисіи должны были окончить свои труды къ 1 марту <sup>2)</sup>. Дѣла предстоитъ много. Вотъ какъ характеризуетъ одинъ корреспондентъ общее положеніе дѣлъ въ Туркестанскомъ краѣ, при пріѣздѣ генераль-губернатора: — «Масса злоупотребленій, общее недовѣріе и злоба мѣстныхъ жителей на русскую администрацію» <sup>3)</sup>. Какъ ни неудовлетворительно такое положеніе дѣлъ, но жаловаться теперь, зачѣмъ мы заняли край такой далекой, когда еще самъ оренбургскій край у насъ пустыненъ и неустроенъ, уже слишкомъ поздно. Дѣло сдѣлано, дѣло поставлено такъ, что можно ожидать только дальнѣйшаго развитія его, а объ оставленіи и говорить нечего. Что касается Оренбургскаго края, то съ устройствомъ предполагаемой самарско-оренбургской дороги и со введеніемъ земскихъ учрежденій, проектъ о которыхъ, какъ говорятъ <sup>4)</sup>, взялъ съ собою оренбургскій генераль-губернаторъ при своей поѣздкѣ въ Петербургъ, — положить основаніе новымъ, европейскимъ порядкамъ; а для самой прочности владѣнія краемъ Туркестанскимъ необходимо, чтобы край Оренбургскій совершенно слился съ европейскою Россією.

Производство хлопка, — вотъ первая отрасль промышленности, на которую должно обратиться наше вниманіе. Хлопокъ, извѣстный подъ названіемъ бухарскаго, обходится нашимъ хлопчато-бумажнымъ фабрикамъ уже теперь вдвое дешевле американскаго. Мы говоримъ

<sup>1)</sup> Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ ноябрѣ было извѣстіе, что изъ Бухары выступилъ караванъ въ 3000 верблюдовъ.

<sup>2)</sup> Корреспонденція изъ Туркестанскаго края въ «Русскомъ Инвалидѣ», 18 января 1868 года.

<sup>3)</sup> Письмо изъ Ташкента въ «Московскія Вѣдомости», 9 января.

<sup>4)</sup> Корреспонденція изъ Оренбурга, въ «Русскомъ Инвалидѣ», 8 марта.

«извѣстный подъ названіемъ» бухарскаго потому, что онъ производится не въ одной Бухарѣ. По словамъ Вамбери, въ Хивѣ его производится еще болѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, но хивинскіе караваны соединяются съ бухарскими, а потому на оренбургской таможенѣ хлопокъ и называется бухарскимъ. Шелкъ — другое сокровище Бухары, по словамъ того же путешественника, производится и въ Коканѣ и именно въ мѣстности Намангана, съ которою граничатъ наши владѣнія. Шерсть также составляетъ одну изъ главныхъ отраслей мѣстной производительности. Киргизское овцеводство снабжаетъ насъ ежегодно пригодною на сумму до 4,000,000 рублей.

Изложеніе нашихъ нынѣшнихъ коммерческихъ сношеній съ средней Азіею не входитъ въ предметъ этой статьи. Объ устройствѣ управленія краемъ и мѣстной производительности мы упомянули только въ дополненіе къ обзору книги г. Романовскаго. Остановимся здѣсь на замѣчаніи, что богатства Бухары, Хивы и Кокана — вовсе не миеъ, хотя, разумѣется, и не соответвуютъ преданію, сохранившемуся на Востокѣ о прежнемъ цвѣтущемъ состояніи этихъ странъ. Богатства среднеазиатскихъ ханствъ заключаются не столько въ изумрудахъ и рубинахъ Бедахшана, и въ золотомъ пескѣ, который въ верховьяхъ Аму-Дарьи добывается простымъ способомъ погруженія въ рѣку верблюжьихъ хвостовъ насаженныхъ на шестахъ, сколько въ плодородности почвы, обусловленной, кромѣ климата, весьма развитою системою искусственнаго орошенія; въ хлопкѣ, шелкѣ, «киргизской» и «узбекской» овцахъ, въ фруктахъ, изъ которыхъ нѣкоторые своимъ достоинствомъ превосходятъ всѣ извѣстные въ Старомъ Свѣтѣ сорта, и т. д.

Эти естественныя богатства средней Азіи и ея рынокъ для сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній, которымъ предстоитъ мало шансовъ являться на рынокѣ европейскомъ — все это побуждаетъ къ вопросу: если мы уже зашли такъ далеко, приняли на себя главный трудъ прохода черезъ бесплодныя степи, то останавливаться ли намъ передъ входомъ въ Самаркандъ и Бухару, которые Гафизъ признаетъ сокровищемъ болѣе цѣннымъ даже, чѣмъ его возлюбленную коканскую столицу, за которой Востокъ призналъ названіе «прелестницы»? Дѣло по всей вѣроятности тѣмъ и кончится, что мы вступимъ туда. Остановиться въ завоеваніяхъ въ средней Азіи, какъ мы видѣли, трудно, да наконецъ теперь вопросъ поставленъ предыдущими событіями уже такъ, что было бы совершенно излишне отказываться безусловно отъ довершенія дѣла и отъ исполненія нашей цивилизаторской миссіи на Востокѣ. Въ этомъ отношеніи, поставленіе среднеазиатскихъ ханствъ въ вассальную зависимость отъ насъ совсѣмъ не то, что покореніе. Только покоривъ Бухару, мы можемъ закрыть въ ней громадный невольничій рынокъ, который служитъ главнымъ поощреніемъ «охоты на людей» на берегахъ Каспійскаго моря и въ южной части средней

Азіи. Одно поставленіе ханствъ въ вассальную зависимость отъ Россіи, не соотвѣтствовало бы и нашимъ прямымъ выгодамъ. Большая часть доходовъ съ нихъ пожиралась бы тѣмъ тунеядческимъ, грабительскимъ и фанатическимъ меньшинствомъ, которое составляетъ въ нихъ опору власти хановъ, ихъ дворъ и войска и самими ханами. Однимъ словомъ, та самая причина, которая приводилась генераломъ Черняевымъ противъ созданія вассальнаго ханства въ Ташкентѣ, основательно можетъ быть приведена и противъ оставленія существующихъ ханствъ въ вассальномъ положеніи. Въ настоящее время намъ уже принадлежитъ треть Коканскаго ханства, и остальные двѣ трети его, отрѣзанныя отъ Бухары Ходжентомъ, подпадутъ подъ нашу власть, когда того захочетъ правительство.

Съ другой стороны, владѣніе Джюзакомъ облегчаетъ намъ доступъ въ Бухару; удержаніе въ нашемъ владѣніи этого пункта, лежащаго за голодною степью, и можетъ быть объяснено только предвидѣніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Бухары. Взятіе Ходжента и Джюзака было необходимо для дальнѣйшихъ завоеваній и необходимо только для этой цѣли. Намъ кажется совершенно излишнимъ обманывать самихъ себя, отворачиваясь отъ того, что непременно случится въ будущемъ и прибѣгать къ объясненію взятія Ходжента, Ура-Тюбе и Джюзака «политикою умѣренности».

Это не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительному смыслу фактовъ, да не соотвѣтствуетъ и никакой цѣли, потому что въ Европѣ этому никто не вѣритъ. Въ британской Индіи, гдѣ наиболѣе заинтересованы слѣдить за нашими успѣхами, каждый шагъ нашъ впередъ возбуждаетъ тревогу. Уже первые шаги наши въ степь, лѣтъ тридцать тому назадъ, возбудили такой страхъ въ Индіи, что англичане предприняли экспедицію въ Афганистанъ, для предупрежденія покоренія его Персією съ нами въ союзѣ. Экспедиція эта имѣла бѣдственный исходъ: Англія потерпѣла полную неудачу и издержала даромъ огромную сумму, 17 милліоновъ фунтовъ. Съ тѣхъ поръ взглядъ Англіи, относительно покоренія Афганистана, значительно измѣнился. Мы скажемъ сейчасъ объ этой перемѣнѣ и о перемѣнѣ вообще тона англійскихъ органовъ печати, по отношенію къ нашему наступательному движенію въ средней Азіи. Сперва же замѣтимъ, что и сами англичане на сѣверѣ Индіи шли намъ на встрѣчу. Они наконецъ покорили Пенджабъ и обратили Кашмиръ и Тибетъ во владѣнія, находящіяся въ ихъ зависимости настолько же, насколько уцѣлѣвшее Коканское ханство зависитъ отъ насъ. Они врѣзались на сѣверъ острымъ угломъ по Инду и уперлись въ южную отрасль того самого Болорскаго хребта, по который генералъ Крыжановскій хотѣлъ распространить наши владѣнія. Еслибы онъ это сдѣлалъ, то мы были бы сосѣдями англичанъ.

Сосѣдство это, что бы ни говорили англійскіе органы печати, не

можетъ быть пріятно англичанамъ, какъ никому не можетъ быть пріятно такое расширеніе чужой власти, которое дастъ ей возможность переносить, на невыгодное для него поле, расчеты съ того поля, гдѣ онъ недосыгаемъ. Относительно собственно Афганистана, политика Англіи измѣнилась въ томъ смыслѣ, что она уже не стремится предупредить Россію покореніемъ его. Но она заботливо охраняетъ его отъ покоренія Персією, опасаясь какой-нибудь невыгодной для себя комбинаціи между Персією и Россією. Такъ она сколько могла охраняла отъ Персіи Гератъ, а въ Кабулѣ, по смерти Достъ-Магомета, воцарила одного изъ его сыновей, родственника бухарскаго эмира Мозаффера, нашего врага. И теперь въ Англіи, а особенно въ англійской Индіи слышатся голоса, требующіе покоренія Кандахара и занятія Герата. Но самыя вліятельныя органы разсуждаютъ иначе. Въ Афганистанѣ, населенномъ воинственнымъ племенемъ и сильно укрѣпленномъ самою природою, они видятъ естественное препятствіе установленію сосѣдства Россіи съ британскими владѣніями съ опасной стороны, съ той стороны, гдѣ межею между нами не былъ бы хребетъ Гинду-Ко. Приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ статей «Times», чтобы познакомить читателей со взглядомъ, преобладающимъ нынѣ въ Англіи на отношенія къ намъ въ средней Азіи. — «Россія уже находится на границѣ Афганистана. Она можетъ вступить въ соглашеніе съ Персією для покоренія Афганистана, и тогда она лично предстанетъ на нашей границѣ. На этотъ аргументъ представляется слѣдующій простой отвѣтъ: нельзя утверждать навѣрное, что Россія можетъ и хочетъ исполнить приписываемыя ей намѣренія, но навѣрное можно сказать, что во всякомъ случаѣ намъ невыгодно идти ей полдороги на встрѣчу. Правда, мы не имѣемъ основанія приписывать Россіи особенную умѣренность. Ясно, что ея политика чисто завоевательная, и что русскіе, какъ нація, предвидятъ здѣсь для себя будущность завоеваній и расширенія, опредѣленную судьбою. Но напрасно думаютъ, будто для завоевателя нѣтъ достойной добычи между Каспійскимъ моремъ и Индомъ и будто только одна Индія можетъ вознаграждать Россію. Замѣчательно, что политика Россіи такъ похожа на нашу. Взглядъ русскихъ на ихъ миссію на Востокаѣ тождественъ съ нашимъ, и результаты его совершенно сходны съ тѣми, къ которымъ приходили мы. Россія объявляетъ, что ея цѣль — торговля, а орудіе ея — цивилизація, а политика не олицетворяется военнымъ завоеваніемъ и присоединеніемъ земель. Но не то ли же самое говорили и дѣлали мы? И когда Россія объявляетъ намъ, что она вовсе не имѣла намѣренія идти впередъ и завоевывать, но что это дѣло было навязано ей обстоятельствами, не есть ли это тоже самое, что мы говорили и сознавали сами за себя, въ періодъ цѣлыхъ трехъ поколѣній? Не слѣдуетъ ли намъ допустить тѣхъ оправданій, которыхъ вѣроятность намъ извѣстна по собственному примѣру?

Но главное побужденіе политики сэра Джона Лоуренса (губернатора Индіи) состоитъ въ слѣдующемъ: что бы ни думала Россія, идетъ ли она къ намъ въ качествѣ друга или въ качествѣ врага, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — ожидать ее тамъ, гдѣ мы теперь стоимъ. Всякій нашъ шагъ впередъ былъ бы потерей для насъ. Завладѣніе Афганистаномъ, чтобы создать въ немъ *барьеръ* — мысль хи-мерическая. Если придется остановить гдѣ-либо Россію, то остановить ее можетъ только британское оружіе. На какую бы линію мы ни стали, чтобы выждать ее, эта линія и сдѣлается нашей границей. Если мы вступимъ въ Афганистанъ, то эта страна сдѣлается такою же британскою провинціею, какъ самъ Пенджабъ. Единственный возможный между нами барьеръ представляется именно почвою и населеніемъ Афганистана, въ томъ видѣ, какъ онъ находится теперь. — Вмѣшиваться въ междоусобицу, раздирающую Афганистанъ, значило бы принять на себя афганскую войну. Самая лучшая политика именно та, которой слѣдуетъ сэръ Джонъ Лоуренсъ: политика не знанія, не равнодушія, а бездѣйствія. — Если разсматривать приближеніе Россіи къ нашимъ границамъ какъ враждебное, то пусть она возьметъ покореніе Афганистана на себя; намъ не слѣдуетъ избавлять ее отъ этой задачи и идти ей на встрѣчу. Но почему не думать, что Россія, приблизясь къ намъ, станетъ добрымъ намъ сосѣдомъ? Намъ выгоднѣе было бы имѣть сосѣда образованнаго, чѣмъ полудикаго хищника.

Искренность этого послѣдняго заявленія, конечно, подлежитъ сомнѣнію. Гораздо доказательнѣе тѣ резоны, которые приведены выше. Они убѣждаютъ насъ, что даже полное покореніе нами Бухары не вызвало бы не только войны съ Англіею, но серьезныхъ угрозъ съ ея стороны. Надо имѣть въ виду, что ей невыгодно приближаться самой къ намъ, сокращать намъ путь. Итакъ, обстоятельства непредвидѣнныя поставили нынѣ среднеазіятскій вопросъ въ такое положеніе, что было бы несерьезно увѣрять себя, что дальше мы не сдѣлаемъ ни шагу; а предстоящіе намъ непосредственно шаги и заманчивы и едва ли опасны, въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Л. А—въ.



## ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го іюня, 1868.

«La Russie nouvelle s'est faite agitatrice et même révolutionnaire»!... — вотъ что говоритъ Шарль де-Мазадъ, разбирая нашу вѣдущую политику, за 1866 и 1867 гг., во второй главѣ той же статьи, о началѣ которой мы имѣли уже случай говорить въ предыдущей хроникѣ. Такое мнѣніе о Россіи, особенно высказанное французскимъ публицистомъ, само по себѣ скорѣе лестно, чѣмъ обидно для насъ: авторъ имѣеть въ виду наши отношенія къ восточному вопросу и къ судьбамъ славянскаго міра. Родственныя связи наши съ славянами такъ же несомнѣнны, какъ такія же связи, на примѣръ, между французами и итальянцами — народами романскаго племени. Но еще выше и настоятельнѣе — общечеловѣческое сочувствіе, какое можетъ внушать намъ неудовлетворительное, и даже бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Франція въ отношеніи Италіи исполнила революціонную роль въ смыслѣ самомъ непосредственномъ; а нынѣшній императоръ французовъ, какъ извѣстно, принималъ въ 1831 году, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ, личное участіе въ итальянскомъ революціонномъ движеніи. Походомъ 1859 года онъ произвелъ успѣшную революцію въ Италіи противъ австрійскаго ига, и въ настоящее время, скорѣе мы должны удивляться тому, что Франція по отношенію къ Италіи сдѣлалась «реакціонною и даже клерикальною», чѣмъ публицисты этого отечества революціонной пропаганды должны бы недоумѣвать, если бы Россія, по отношенію къ славянамъ, стала даже въ самомъ дѣлѣ «агитирующею и революціонною»....

Итакъ, въ славянскомъ вопросѣ мы, собственно говоря, не должны особенно удивлять во Франціи, гдѣ было выражено такъ много сочувствія къ возвращенію самостоятельности Италіи, и освобожденію ея отъ австрійскаго ига. Почему логика французскаго и вообще западнаго публициста должна измѣняться, если будетъ поставленъ аналогическій вопросъ объ освобожденіи славянъ отъ того же австрійскаго

или турецкаго ига? Впрочемъ г. де-Мазадъ объясняетъ причины колебанія западно-европейской логики съ замѣчательною откровенностью, по крайней мѣрѣ по отношенію Оттоманской Порты:

«Во всѣхъ переходахъ восточнаго вопроса — говорить онъ — замѣчается одно очевидное обстоятельство, внушающее даже страхъ, а именно, что положеніе Россіи и Европы не одинаково. Россія, однимъ словомъ, имѣетъ важныя преимущества предъ Европою. Она касается оттоманскаго міра и давитъ его со всѣхъ сторонъ. Съ восточными народами, всегда расположенными къ возстанію, такъ какъ они страдаютъ, Россія имѣетъ общую религію, она дѣйствуетъ именно въ качествѣ христіанской державы. Къ тому, она знаетъ, чего она хочетъ, она имѣетъ неизмѣнную цѣль, и ей не съ кѣмъ договариваться... Европа, напротивъ, отдалена; ее раздѣляютъ тысячи другихъ вопросовъ, да и въ этомъ вопросѣ она несогласна сама съ собою. Чтобы сдѣлать какое-нибудь движеніе, она обязана условливаться, обмѣниваться безконечными объясненіями. Въ восточномъ вопросѣ для Европы, ея единственнымъ побужденіемъ служить одинъ изъ интересовъ, почти абстрактныхъ, и который не можетъ вызывать участія въ несчастномъ населеніи, — а именно интересъ политическаго равновѣсія. Европа знаетъ, чего она хочетъ, а то, чего она хочетъ — это, *независимость Востока*, подъ которой она до сихъ поръ разумѣла: *цѣлость Оттоманской Порты*; но это и все, а затѣмъ начинаются недоумѣнія относительно путей, одинаково опасныхъ. Если Европа станетъ слишкомъ сильно стремиться къ освобожденію христіанскаго населенія, то тѣмъ рискнетъ ослабить власть султана и оказать услугу притязаніямъ русскихъ. Если Европа начнетъ во чтобы то ни стало поддерживать Турцію, она увидитъ себя чисто въ противорѣчій съ своими же принципами цивилизаціи и опять будетъ помогать видамъ Россіи, представляя ей прекрасную роль.... Вслѣдствіе всего этого, дѣйствія западной Европы въ восточномъ вопросѣ являются всегда запутанными, часто безплодными, и мѣры, принимаемыя ею, не приводятъ ни къ какому результату; самый вопросъ остается нетронутымъ, выступаетъ на сцену безпрестанно, и въ настоящую минуту, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ паденія Севастополя и Парижскаго мира, онъ представляетъ въ себѣ болѣе жизненности, чѣмъ когда-либо.»

Однимъ словомъ, западная Европа, по сознанію де-Мазада, въ восточномъ вопросѣ находится въ томъ же затруднительномъ положеніи, въ какомъ она была 80 лѣтъ тому назадъ, когда Потемкинъ говорилъ Сегюру: — «Согласитесь, что существованіе мусульманъ есть бичъ для человѣчества. Между тѣмъ, если бы три или четыре великихъ державы захотѣли бы условиться, то не было ничего проще, какъ откинуть этихъ свирѣпыхъ турокъ въ Азію и освободить такимъ образомъ отъ язвы Египеть, Архипелагъ, Грецію и всю Европу? Не правда ли,

такое предприятие было бы вмѣстѣ справедливо, религиозно, нравственно и великодушно?» Но Европа и до сихъ поръ осуждена отвѣчать на этотъ вопросъ и *да* и *нѣтъ*, и все только потому, что она не могла придумать лучшей формы для независимости Востока, какъ цѣлость Оттоманской Порты. Точно также Европа долго была убѣждена, что для независимости Италіи необходимо господство въ ней австрійцевъ, для независимости Германіи — политическая ея раздробленность и т. д. Сила обстоятельствъ переломила предрасудки Европы относительно Италіи и Германіи, и г. де-Мазадъ понимаетъ важность этихъ двухъ примѣровъ для восточнаго вопроса: — «Какъ допустить, спрашиваетъ онъ, чтобы господство турокъ въ христіанскихъ и славянскихъ провинціяхъ считалось болѣе законнымъ, тогда какъ исчезло австрійское господство въ Венеціи и въ Миланѣ, уступая чувству итальянскаго народа, поддержаннаго Франціею и Пруссіею?» И при этомъ, французскій публицистъ торжественно признаетъ, что «въ послѣдніе десять лѣтъ, послѣ Парижскаго мира, турецкое правительство, спасенное войною, не выполнило ни одного условія изъ тѣхъ, которыми его обязали», и что «можно наполнить цѣлыя томы, если захотѣтъ перечислять всѣ бѣдствія и притѣсненія христіанъ турками, только въ одномъ какомъ нибудь пашалыкѣ....»

Высказывая такимъ образомъ вѣрный взглядъ на фальшивое положеніе западной политики въ восточномъ вопросѣ, г. де-Мазадъ, по нашему мнѣнію, преувеличиваетъ выгоды нашего положенія и ищетъ аналогіи въ восточномъ вопросѣ и вопросахъ итальянскомъ и германскомъ. Чехія, Сербія, относительно Россіи, не находятся въ такомъ положеніи, какъ Гессенъ-Кассель или Ганноверъ въ отношеніи къ Пруссіи. Мы не можемъ даже сказать, чтобы у насъ панславизмъ пользовался такою же распространенностью въ народныхъ классахъ, какою имѣлъ для себя пангерманизмъ: народныя движенія, въ родѣ движенія 1849 года, нѣмецкіе либералы и патриоты расчистили весьма дорогу графу Бисмарку. Между тѣмъ мы стали бы обманывать себя и безъ всякой пользы для дѣла, еслибы не захотѣли видѣть, что у насъ панславизмъ не имѣетъ для себя такихъ же антецендентовъ, и самое сочувствіе къ славянамъ далеко еще до того, чтобы считаться принадлежностью массъ: оно вращается пока въ одномъ, такъ сказать, любительскомъ кружкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ выработкою общественнаго мнѣнія, съ приступленіемъ къ сознательной политической жизни большей части нашего общества, сочувствіе это охватитъ болѣе многочисленную среду; тогда-то, переставъ быть достоиніемъ кружка, оно и опредѣлится яснѣе и очистится отъ словесныхъ преувеличеній, отъ нѣкоторой аффектаціи, неизбѣжной при нынѣшнемъ его монополизированіи. Въ настоящую же минуту для насъ болѣе полезно сознание, что панславистическія идеи въ нашемъ обществѣ весьма неопре-

дѣленны и до того неясны по своимъ цѣлямъ, что ихъ невозможно формулировать практически. Сказать, напримѣръ, что русскій народъ желаетъ войны за освобожденіе славянъ или для присоединенія ихъ — никакъ нельзя. А между тѣмъ нѣкоторые любители, вдаваясь въ увлеченія быть можетъ именно потому, что совнавали безвредность этихъ увлеченій, настраивали свои рѣчи, при прошлогоднемъ приемѣ славянскихъ гостей, положительно на воинственный тонъ. Конечно, для осуществленія этихъ пожеланій и обѣщаній ничего не предпринималось, а потому воинственные любители и заслужили со стороны одного изъ гостей извѣстный упрекъ: *Words instead of swords!*

Въ минувшемъ мѣсяцѣ, въ кружкахъ, сочувствующихъ славянамъ у насъ, отозвались два славянскія празднества: празднованіе дня святыхъ Кирилла и Меодія и торжественная закладка чешскаго народнаго театра. Въ Петербургѣ, въ день памяти славянскихъ просвѣтителей, нѣсколько лицъ собрались вокругъ той хоругви, которая въ прошломъ году стояла въ залѣ дворянскаго собранія, подъ надписью: «Славянскій языкъ и русскій — единъ»; затѣмъ эти лица, за завтракомъ, произносили добрыя пожеланія общеславянскому дѣлу. Въ Москвѣ этотъ день былъ также ознаменованъ духовнымъ обрядомъ. А за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Москвѣ происходило засѣданіе славянскаго комитета, на которомъ назначена премія въ 1,000 р. за лучшую драму на чешскомъ языкѣ для народнаго чешскаго театра; въ самый же день его закладки и изъ Петербурга и изъ Москвы летѣли по телеграфу въ Прагу тоже пожеланія успѣха общеславянскому дѣлу.

Не придавая особеннаго значенія этому случайному сопоставленію, мы привели его собственно какъ вывѣску той неясности, какая преобладаетъ въ понятіяхъ объ общеславянскомъ дѣлѣ даже въ кружкахъ имъ живо интересующихся. Если прошлогодняя надпись, подъ которую петербургцы-хозяева такъ наивно усадили такихъ людей, какъ Палацкій, котораго вся жизнь посвящена воскрешенію національной чешской литературной особы, имѣла смыслъ, то она означала, что русскій языкъ долженъ быть общимъ языкомъ славянъ, и если не со всѣмъ заглушить отдѣльные языки, то служить имъ языкомъ единства, стало быть, стать среди славянства въ положеніе Hochdeutsch среди германства, слѣдовательно, низвестъ остальные славянскіе языки на степень нарѣчій. Надпись, дѣйствительно, имѣла этотъ смыслъ, потому что въ нашихъ славянофильскихъ кружкахъ преобладаетъ мысль о главенствѣ Россіи, среди славянъ, и ей дается имя моря, въ которое сольются ручьи. Но если славянскіе языки должны обратиться въ ратоіа передъ общеславянскимъ, которымъ будетъ русскій, то за чѣмъ же давать премію на развитіе одной изъ литературныхъ разновидностей? Если мы централизаторы по убѣжденію, то за чѣмъ же мы назначаемъ премію сепаратизму?

Повторяемъ, что указывая на это обстоятельство, мы не придаемъ ему серьезнаго значенія: ясно, что цѣли сочувствія еще не опредѣлились въ стройную программу, и потому сочувствіе это имѣетъ еще нѣсколько валовой видъ, относясь равнымъ образомъ ко всему славянскому, граничному, намъ пріязненному, безъ строгаго вычета факторовъ отрицательныхъ изъ суммы факторовъ положительныхъ. Что приверженцы общеславянской идеи относятся исключительномъ образомъ къ полякамъ, это естественно, потому что поляки сами ставятъ себя въ исключительное и прямо-враждебное славянскому единству положеніе. Но, въ примѣръ неясности и противорѣчивости нашихъ славянофильскихъ тенденцій, мы можемъ привести то различіе, съ какимъ онѣ относятся къ языку и литературѣ малороссійской, по сравненію съ любой изъ мельчайшихъ другихъ лингвистическихъ разновидностей въ славянствѣ. Многіе изъ любителей утверждаютъ, что малороссійской литературы вовсе не должно быть, что она не имѣетъ причины быть, что литературнымъ языкомъ малороссовъ долженъ быть языкъ великорусскій; а между тѣмъ, тѣже любители признаютъ права національной особенности какимъ-нибудь словинцамъ и лужичанамъ.

Точно такъ неопредѣленны или лучше сказать еще несформированы и взгляды интересующихся у насъ славянскимъ движеніемъ на ту роль, какая должна принадлежать въ этомъ дѣлѣ Россіи, и на общую цѣль, къ какой должно стремиться само это движеніе. Иные смѣшиваютъ дѣло славянства съ дѣломъ православія, что ставитъ ихъ въ изолированное положеніе—не говоря уже о Польшѣ, которая сама смѣшиваетъ католицизмъ съ національностью—отъ значительной части западнаго славянства; иные на праздникъ св. Кирилла и Меодія предлагаютъ отпраздновать юбилей «еретика» Гусса, и тутъ же пьютъ за здоровье г. Майкова; одни говорятъ, что общеславянское единство должно быть политическое, другіе, что оно должно быть только «духовнымъ единеніемъ» (?); третьи наконецъ, и это именно самые не ловкіе и вредные ревнители, открыто провозглашаютъ не столько первенство Россіи среди славянъ, но и право ея присоединить ихъ къ себѣ, такъ что сочувствіе заявляемое ими коронѣ св. Вячеслава вдругъ оканчивается перемѣщеніемъ ея въ Грановитую палату, а поощреніе чешскому театру, пожалуй, подчиненіемъ его нашей театральной дирекціи.

Неопредѣленность возрѣній порождаетъ сбивчивость и разбросанность и въ тѣхъ начинаніяхъ дѣла, которыя уже имѣются на лицо. Московскій славянскій комитетъ, при случаѣ празднованія дня Кирилла и Меодія, опубликовалъ отчетъ о своей десятилѣтней дѣятельности. Главной цѣлью комитета было противодействовать иновѣрческой пропагандѣ среди южныхъ славянъ; съ этой цѣлью доставлялись православнымъ церквамъ, преимущественно въ Болгаріи, пожер-

твованія деньгами, книгами и утварью; съ той же цѣлью, молодыхъ болгаръ, прїѣзжавшихъ въ Москву, помѣщали въ духовныя училища. Итакъ, цѣль была собственно не содѣйствіе умственной эманципаціи болгарскаго народа, а поддержаніе въ немъ православной и притомъ національной церкви. Правда, церковный вопросъ, въ Болгаріи именно, тѣсно связанъ съ вопросомъ національнаго освобожденія. Иго фанариотовъ не менѣе тягостно для болгаръ, какъ иго турокъ; въ дѣйствительности, одно поддерживаетъ другое. Греческіе архіереи безпощадно эксплуатируютъ народъ и вмѣстѣ поддерживаютъ власть турокъ. Они же, съ сонмомъ окружающихъ ихъ грековъ, преслѣдовали всякое движеніе въ Болгаріи: умственное подавляли, запрещая народныя школы, отрицая самую народность болгарскую, политическое—донося туркамъ на патріотовъ. Патріархъ константинопольскій облеченъ не только духовною, но и свѣтскою властію; онъ—турецкій государственный чиновникъ, поставленный главою надъ всѣми православными населеніями Турціи, и неизбѣжный, единственный посредникъ между этими населеніями и Портою.

Отсюда—энергическое стараніе болгаръ о доставленіи независимости своей церкви. Это—главное національное стремленіе болгаръ; еще недавно, лѣтъ двадцать тому назадъ, они и не сознавали иного, хотя частныя возстанія были нерѣдки, вслѣдствіе мѣстныхъ, особенно сильныхъ притѣсненій. Идеаломъ болгарина было спокойствіе. Съ тѣхъ поръ политическое стремленіе сдѣлало большіе успѣхи въ Болгаріи, но все-таки первый практическій вопросъ для нея—независимость національной церкви. Она одна можетъ поставить этотъ народъ въ непосредственныя сношенія съ Портою, освободивъ его отъ ига двойного, отъ вліянія греческихъ архіереевъ, которое заглушало ихъ голосъ <sup>1)</sup>.

Итакъ, снабжая болгарскія церкви и училища книгами, и приготавливая для болгаръ образованныхъ священниковъ, славянскій комитетъ дѣйствовалъ въ пользу національнаго освобожденія болгаръ. Но все-таки главной своей цѣлью комитетъ выставлялъ противодѣйствіе ино-вѣрческой пропагандѣ, католической и протестантской. Между тѣмъ, что же общаго было между этой цѣлью и собственно-национальнымъ дѣломъ? Американское миссіонерское общество, которое первое дало болгарамъ переводъ св. писанія на ихъ языкъ, навѣрное, оказало національному дѣлу Болгаріи большую услугу, чѣмъ всѣ колокола, посланные туда изъ Москвы.

Славянскій комитетъ, каково бы ни было его воззрѣніе, даже и первоначальною своею дѣятельностію во всякомъ случаѣ оказывалъ

<sup>1)</sup> Нынѣ цѣль эта отчасти достигнута пребываніемъ въ Константинополь постоянной болгарской депутаціи. Въ послѣднее время, константинопольскій патріархъ предлагалъ болгарамъ компромиссъ, который эта депутація совершенно основательно отвергаетъ.

болгарамъ и другимъ южнымъ славянамъ несомнѣнную услугу: воспитанники его, возвращаясь на родину, дѣлались полезными людьми, уже потому что получили образованіе. Съ 1861 года въ дѣятельности комитета замѣчается болѣе и болѣе рациональности, менѣе исключительно-церковной преокупациі. Воспитанниковъ помѣщаютъ преимущественно въ университеты, ходатайствуютъ у духовнаго начальства о дозволеніи воспитанникамъ подвѣдомственныхъ ему заведеній быть экстернами (это было важно и для здоровья южанъ, и для развитія ихъ), при комитетѣ основывается бібліотека, предпринимается изданіе словарей. Нельзя не замѣтить изъ отчета, что предложенія о такихъ полезныхъ реформахъ главнымъ образомъ исходили отъ члена его г. Опмянцова. Повидимому, онъ именно давалъ комитету практическое направленіе. Въ 1862 и 1863 годахъ, комитетъ выслалъ въ пособіе пострадавшимъ отъ войны черногорцамъ и герцеговинцамъ по 1000 р. Замѣтимъ, что сумма эта въ сравненіи съ тѣми, какія были собраны нѣкоторыми петербургскими редакціями, была очень невелика.

Нѣтъ сомнѣнія, что для Болгаріи, какъ и для другихъ южно-славянскихъ странъ всего важнѣе имѣть людей въ самомъ дѣлѣ образованныхъ; это важнѣе даже чѣмъ имѣть людей со специально-духовнымъ образованіемъ. Обращеніе московскаго славянскаго комитета къ меньшей исключительности, или — скажемъ прямо — отдѣленіе его отъ первоначальной дѣли сказалось тѣмъ, что изъ 46 молодыхъ людей получившихъ отъ него пособія на образованіе, 43 учились въ университетахъ и только 9 въ духовныхъ училищахъ. Доказательство практичности такого направленія тутъ же налицо: изъ 8 воспитанниковъ комитета, которыхъ литературные труды упомянуты, ни одинъ не былъ приготовленъ духовными училищами.

Но практичность дѣятельности комитета много теряла отъ той разбросанности, которая именно и обусловливается отсутствіемъ ясно-сознанной дѣли и программы. Комитетъ сверхъ своего главнаго и обязательнаго расхода — на воспитаніе молодыхъ людей — расходовалъ по многу или по немножку на самые разнообразныя предметы: и на высылку церковной утвари, и на высылку книгъ, и на путевыя издержки, и на пособія въ пользу пострадавшихъ отъ войны, и на лучшую чешскую драму, и все это распространялось на всѣ южно-славянскія земли, посвящая очень небольшія средства на разныя потребности многочисленныхъ населеній. Дѣятельность славянскаго комитета, безспорно, — почтенная, но быть можетъ она принесла бы еще болѣе пользы, если бы комитетъ точнѣе опредѣлилъ программу своихъ дѣйствій, ссузилъ ихъ слишкомъ широкую рамку и сосредоточилъ свои средства на пособія воспитанникамъ и на изданіе славянскихъ учебниковъ и словарей.

Что славянское дѣло далеко еще не сдѣлалось у насъ народнымъ, это доказывается между прочимъ скудностью и непостоянствомъ по-

жертвованій въ кассу комитета со стороны публики. Важною поддержкою для него было пособіе отъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1500 р. Но въ послѣдніе годы, эта цифра понизилась на половину. Въ 1865 году, отъ «стороннихъ благотворителей», т. е. отъ публики поступило всего 66 р.; въ 1866 и 1867 году *ничего* (за исключеніемъ собранныхъ во время этнографической выставки 212 р.). Средства комитета въ первые три года представлялись ежегодною цифрою около 3½ тысячъ р., въ 1862 и 1863 г.—около 8½ тысячъ, въ 1864—4½, въ 1865 — 3½, въ 1866 и 1867 годахъ всего около 1½ тысячи. Неравномѣрность эта, показывающая именно *случайность* пожертвованій, свидѣтельствуетъ и о слабости мысли о славянскомъ дѣлѣ въ нашемъ обществѣ, и о бесполезности того церковнаго направленія, котораго отчасти держится комитетъ до сихъ поръ. Онъ спрашиваетъ о томъ, какъ пособить *школамъ* въ южно-славянскихъ земляхъ—у болгарскаго настоятеля въ Одессѣ и у сербскаго митрополита и, разумѣется, получаетъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что всего важнѣе нужда *церквей* въ церковныхъ сосудахъ, антиминсахъ и т. д. На этомъ полѣ съ комитетомъ успѣшно конкурируютъ пріѣзжающіе въ Россію архимандриты, и это дѣло слѣдовало бы, кажется, исключительно предоставить имъ.

Если мы хотимъ серьезно относиться къ славянскому вопросу, то, прежде всего, должны отстранить отъ себя всякую исключительность и всякіе корыстные виды. Отъ завоеванія и присоединенія славянъ надо положительно отказаться. Сербія, которая имѣетъ своеобразное политическое устройство и сама стремится къ собиранію южныхъ славянъ воедино, къ восстановленію сербскаго царства, никакъ не согласится на присоединеніе къ Россіи. Въ Чехіи національное движеніе возникло только въ послѣдніе полвѣка; Палацкій теперь сказалъ, что 50 лѣтъ тому назадъ еслибъ на собраніе чешскихъ патріотовъ упала крыша, то она задавила бы всю чешскую націю. Ригеръ, въ 1863 году, когда члены партіи «молодая Чехія» доказывали ему, что жертвованія на народный театръ могутъ быть собираемы успѣшнѣе, чѣмъ онъ дѣлалъ, сказалъ, что 25 лѣтъ передъ тѣмъ, многіе изъ членовъ новаго комитета сами еще не знали хорошенько—чехи они или нѣтъ. Но въ настоящее время національное чувство, и именно чувство политической національности, такъ сильно въ Чехіи, что при празднествѣ по случаю закладки театра, представители ея, отзвываясь на рѣчь, сказанную тѣмъ же Ригеромъ, клялись умереть, если нужно, «за корону св. Вячеслава», то есть за политическую особность своей національности.

Что ни сербы, ни чехи, ни кроаты не захотятъ пожертвовать намъ національнымъ чувствомъ, къ полному осуществленію котораго они стремятся—это очевидная истина. Но мы должны сказать ее себѣ и затѣмъ дѣйствовать такъ, чтобы и славяне положительно увѣрились въ безкорыстіи нашего сочувствія. Тогда устранится недовѣріе, которое



нынѣ возбуждается неловкими выходками въ родѣ прошлогодней надписи въ дворянскомъ собраніи и тѣхъ газетныхъ статей, въ которыхъ провозглашается наше право присоединить къ себѣ славянъ. Только при полномъ отсутствіи недовѣрія, возможно будетъ и намъ рассчитывать на славянъ, какъ на естественныхъ нашихъ союзниковъ. Содѣйствіе, какое имъ можетъ оказать Россія — ея призваніе здѣсь — разумѣется преимущественно политическое, но безъ всякой присоединительной цѣли. Они будутъ полезны намъ какъ союзники, и этого довольно. Мы не проповѣдники войны за освобожденіе славянъ; но рано или поздно война изъ-за восточнаго вопроса будетъ, и тогда именно отъ безкорыстія нашего будетъ зависѣть главный успѣхъ дѣла; если же мы проявимъ пожеланіе прибрать освобожденныхъ въ свои руки, то произойдетъ неизбежно слѣдующее: во-первыхъ, сами славяне отшатнутся отъ насъ, и надежды имѣть вѣрныхъ союзниковъ въ будущемъ мы лишимся; во-вторыхъ, западная Европа напряжетъ всѣ свои силы, чтобы помѣшать и нашему честолюбію, и ихъ освобожденію.

Сольются ли когда ручьи въ море—объ этомъ серьезно нельзя говорить теперь; во всякомъ случаѣ ручьи не потекутъ вверхъ, назадъ, и увлекать ихъ можетъ только тотъ склонъ, который поведетъ ихъ дальше по пути развитія. Племенное родство не остановитъ всемогущаго закона развитія. Общеславянская идея, какъ и всякая національная или расовая, можетъ имѣть цѣну единственно настолько, насколько она представляетъ собою соединеніе, союзъ съ цѣлью освобожденія отъ ига, то есть осуществленія общечеловѣческой идеи свободы, саморазвитія и самоуправленія.

Совершенно въ иномъ отношеніи мы стоимъ къ тому зауральскому востоку, куда призываетъ Россія миссія ея, какъ цивилизующаго государства. Слово «миссія» или призваніе мы употребляемъ здѣсь безъ всякаго колебанія. Словомъ этимъ нерѣдко злоупотребляетъ произволь для оправданія честолюбивыхъ замысловъ или несправедливаго притѣсненія. Но злоупотребленіе словомъ не опровергаетъ принципа, когда примѣненіе его указывается и исторією и фактами современности. Издревле славяне, создавшіе русскія княжества, шли на востокъ, какъ народъ—колонизацію, какъ государство—войною. Поступленіе это на востокъ сперва завоевало для славянства всю восточную полосу нынѣшней Россіи, населенную нѣкогда, начиная отъ истоковъ Клязьмы и Ворсклы, чуждыми племенами; могучія волны монгольства задержали на время движеніе завоевательное, но не прекратили движенія колонизаціоннаго. Русскія княжества, сложенные въ московское государство, возобновили ходъ завоеванія, которое охватило всѣ восточныя ханства, заняло весь сѣверъ Азіи и южнѣе остановилось только передъ тѣми степями Туркестана, куда повела его русская имперія.

Тѣ мнимыя государства, съ которыми мы нынѣ имѣемъ дѣло въ этихъ степяхъ—Коканъ, Бухара и Хива неспособны ни принять цивилизацію, ни дать нашимъ границамъ нѣкоторую прочность, поддерживая на нихъ спокойствіе. Въ помѣщенной выше статьѣ, сотрудникъ нашъ Л. А—въ выражаетъ мнѣніе о невозможности для Россіи сказать себѣ рѣшительное «стой» въ этихъ степяхъ, гдѣ волны ордынскихъ набѣдовъ также мало могутъ быть сдерживаемы въ прочныхъ предѣлахъ, какъ песокъ поднимаемый степнымъ вѣтромъ,—и съ этимъ нельзя не согласиться.

Какъ бы мы ни старались убѣдить себя самихъ, что вотъ ужъ мы дошли до прочной межи, и что намъ остается только заняться организаціею легко завоеваннаго, но трудно-управляемаго края, — факты разувѣряютъ насъ въ томъ. Вотъ мнѣніе, высказываемое въ упомянутой статьѣ, и мы съ своей стороны не можемъ не замѣтить, что мнѣніе это иллюстрировалось въ послѣднее время именно такимъ фактомъ. Официальный органъ нашего военнаго министерства недавно помѣстилъ замѣтку о туркестанскихъ дѣлахъ, спеціально-назначенную для того, чтобы опаривать мысль о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ въ этомъ краѣ. Въ замѣткѣ этой упоминалось, что съ Коканомъ мы нынѣ живемъ въ ладу, а съ Бухарою ведемъ переговоры о мирѣ. Не успѣла, такъ сказать, замѣтка эта появиться въ печати, какъ та же газета помѣстила извѣстіе о нападеніи, произведенномъ между Джюзакомъ и Яны-Курганомъ бухарцами на нашу команду, при чемъ раненъ былъ офицеръ и трое людей, а одинъ киргизъ убитъ.

Но этого мало; вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ получены были изъ туркестанскаго генераль-губернаторства свѣдѣнія, что признано было необходимымъ построить укрѣпленія далѣе Джюзака, на югозападной границѣ джюзакскаго округа, для обезпеченія отъ хищническихъ набѣговъ; что для этого высланъ былъ отрядъ, которому и пришлось дать битву бухарскимъ бекамъ; въ битвѣ этой участвовало до 1000 бухарцевъ, въ томъ числѣ войска самого эмира. Полученныя свѣдѣнія не рѣшаютъ, было ли это нападеніе сдѣлано по распоряженію самого эмира или нѣтъ, — но намъ кажется, что этотъ вопросъ не очень важенъ. Важно то, что Джюзакъ, стоящій впереди степи, уже перестанетъ быть нашимъ крайнимъ передовымъ постомъ, что признано необходимымъ сдѣлать еще шагъ. Если впослѣдствіи и окажется, что самъ эмиръ не давалъ приказанія дѣйствовать противъ насъ (въ чемъ мы должны положиться на его слово), то въ этомъ всетаки не будетъ гарантіи того, что дальнѣйшихъ движеній намъ дѣлать не придется. Если эмиръ не можетъ сдерживать своихъ бековъ, то укрощать ближайшихъ изъ нихъ придется намъ, а при этомъ мы встрѣтимся и съ эмиромъ. Бухарѣ не миновать участи — быть покоренною, и намъ не миновать судьбы покорить ее. Быть можетъ, лучше было откровенно

сказать себѣ это напередъ, потому что только при ясной постановкѣ вопроса можно соразмѣрить заранѣ средства, дабы избѣжать въ будущемъ чего нибудь въ родѣ перваго нашего похода на Джюзакъ.

Что касается Кокана, то онъ, конечно, безопасенъ для насъ въ томъ смыслѣ, что онъ бессиленъ. Но опасность легко можетъ появиться тамъ въ случаѣ низложенія преданнаго намъ, повидимому, хана и вообще вслѣдствіе анархіи, которая всего возможнѣе въ ордѣ, которой глава лишился авторитета. Оставить эти ханства на произволъ внутреннихъ смятеній тѣмъ менѣе возможно, что приобрѣтенія Россіи въ томъ краѣ дали новый толчекъ нашей торговлѣ.

Различіе между нашими отношеніями къ азіатскому востоку и европейскому западу проявляется и на полѣ торговой политики. Тамъ — торговлю нашу развиваетъ завоеваніе: оно открываетъ ей пути, оно даетъ ей безопасность; здѣсь, на западныхъ границахъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ культурою, развитіе нашей торговли зависитъ отъ мира и отъ облегченія международныхъ сношеній, постепенною расчисткою того лѣса, который мы унаслѣдовали въ системѣ запретительно-покровительственной. Дѣло о пересмотрѣ нашего тарифа, какъ извѣстно, разсматривается теперь въ комиссіи государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ генерала Чевкина. По поводу закрытія прежней тарифной комиссіи (труды которой нынѣ напечатаны), мы высказали надежду, что наименѣе рациональное изъ ея дѣлъ — обложеніе высокою пошлиною ввозныхъ машинъ, въ которыхъ такъ нуждается и наше земледѣліе, и наша фабрикація, — подвергнется поправкѣ. Мы назвали это проявленіе протекціонизма логическою, хотя и бессознательною попыткою покровительственной системы убить промышленность, которую она имѣетъ притязаніе защищать. Поднимая руку на машины, стремясь къ вздорожанію орудій земледѣлія и фабрикація, протекціонизмъ поднимаетъ руку на нашу промышленность, которая ни въ чемъ такъ не нуждается, какъ въ машинахъ. Механическіе заводчики, конечно, могутъ требовать примѣненія къ нимъ, въ средѣ всѣхъ производителей той монополіи, какою эти производители пользуются по отношенію къ потребителямъ искусственнаго поддержанія налогомъ съ большинства. Но развѣ обложеніе ввозныхъ машинъ пошлиною не отзовется и на самыхъ механическихъ заводчикахъ? Конечно, оно отзовется и на нихъ, также какъ и на другихъ и, замѣтите, отзовется въ особенности именно на новыхъ заводахъ, для которыхъ нужно машинное обзаведеніе. Старые заводы будутъ имѣть передъ новыми то преимущество, что они будутъ продолжать работу машинами, которыя выписаны беспошлинно. Итакъ, установленіе пошлины на машины есть установленіе налога на учрежденіе новыхъ заводовъ. Вотъ гдѣ про-

тектіонизмъ оказывается во всей своей красѣ; создавая двойной налогъ: и съ потребителей, и съ новыхъ производителей. Другіе фабриканты, въ силу той коалиціи, какая установилась нынѣ между протекціонистами, на основаніи правила: «вы poradѣйте намъ, а мы вамъ», не протестовали на этотъ разъ противъ побуженія механическихъ заводчиковъ, какъ они протестовали противъ подобныхъ попытокъ ихъ, въ былое время, и вотъ, тарифная комиссія нашла нужнымъ обложить, пошлиною въ 1 р. 25 к. съ пуда ввозные локомотивы, локомобили и машинныя принадлежности; пошлиною въ 25 к. съ пуда всякія иныя машины, кромѣ земледѣльческихъ и вообще сельско-хозяйственныхъ, для которыхъ она помиловалась, ограничась пошлиною въ 25 к. съ пуда.

Итакъ, огражденные отъ иностранной конкуренціи, уже издержками доставленія и курсомъ, механическіе заводчики наши пожелали еще получать налогъ въ 25 к. съ пуда каждой выписываемой машины отъ нашего сельскаго хозяйства. Не есть ли это вопіющая несправедливость? Что сельское хозяйство, даже при беспошлинномъ ввозѣ машинъ, упало вслѣдствіе обстоятельствъ переходнаго времени — это кажется не подлежитъ сомнѣнію. Что механическая фабрикація наша, при существованіи беспошлиннаго ввоза машинъ, не только не упала, а напротивъ, сдѣлала большіе успѣхи, это столь же несомнѣнно, такъ какъ изъ свѣдѣній собранныхъ тарифною комиссіею оказывается, что въ 1851 году было у насъ 19 механическихъ заведеній, въ 1857 году — 35, а въ 1865 году ихъ было — 126. А между тѣмъ, эта развивающаяся промышленность хочетъ пользоваться налогомъ съ той, которая находится въ кризисѣ!

Другую отрасль производительности, которая хотя и находится въ состояніи развитія, но нуждается въ развитіи быстрѣйшемъ и въ такомъ удешевленіи обзаведенія, чтобы она могла скорѣе обходиться безъ гарантіи отъ казны, именно желѣзно-дорожное дѣло, составляющее для всей нашей экономической жизни жизненный вопросъ, механическіе заводчики облагаютъ въ свою пользу всякимъ налогомъ по 1 р. 25 к. съ пуда локомотива.

Какъ слышно, комиссія государственнаго совѣта уже отвергла предположеніе тарифной комиссіи, объ обложеніи пошлиною ввозныхъ земледѣльческихъ машинъ, и относительно машинъ другихъ родовъ значительно уменьшила пошлины требуемыя протекціонистами, но все-таки допустила установленіе пошлины, именно по 75 к. съ пуда локомотива, и по 35 к. съ пуда остальныхъ машинъ. Рѣшеніе это во всякомъ случаѣ неокончательное, и можно еще надѣяться, что въ самомъ государственномъ совѣтѣ одержитъ верхъ болѣе широкій взглядъ на экономическія нужды Россіи.

Нынѣшнее рѣшеніе, приписываемое комиссіи государственнаго со-

вѣта, какъ всякую полумѣру, трудно объяснить рациональными доводами. Что нибудь изъ двухъ: или правы протекціонисты, утверждая, что механическіе заводы не могутъ ни развиваться, ни даже существовать при нынѣшнемъ беспошлинномъ ввозѣ машинъ; что наложеніе пошлины на иностранныя машины только вначалѣ поведетъ къ вздорожанію у насъ машинъ, и затѣмъ, развивъ наше собственное механическое производство, понизитъ цѣны на его продукты; — или правы защитники свободной торговли, приводя фактъ, что наши механическіе заводы развились при беспошлинномъ ввозѣ машинъ, что вздорожаніе будетъ не временное, а постоянное, что въ отсутствіи конкуренціи внѣшней, у насъ установятся на долгое время однѣ и тѣ же искусственныя цѣны, что вздорожаніе обзаведенія новыхъ заводовъ не поведетъ къ умноженію ихъ числа, наконецъ, что подвергая опасности самое достоинство орудій производства, мы едва ли можемъ надѣяться на улучшение нашей фабрикаціи вообще и желѣзнодорожнаго дѣла въ особенности.

Допуская первую систему, зачѣмъ дѣлать изъятіе для земледѣльческихъ орудій, зачѣмъ ослаблять дѣйствіе предлагаемой полезной реформы? Вѣдь вотъ механическіе заводчики говорятъ, что одна изъ невыгодъ беспошлинности машинъ состоитъ въ томъ, что ихъ чинить негдѣ, такъ-какъ при беспошлинности, наши механическія заведенія не могутъ дѣйствовать. Ну, а какія же машины столь подвержены ломкѣ и порчѣ, какъ сельско-хозяйственныя? Стало быть ихъ-то именно и не надо освобождать отъ пошлины. Пусть онѣ обходятся дороже, а въ случаѣ поврежденія, мы ихъ будемъ чинить дома тоже по возвышенной цѣнѣ, по крайней мѣрѣ покровительство будетъ оказано своему, а не иностранному труду. Конечно, на это можно возразить, что облегченіе издержекъ производства есть болѣе рациональное покровительство труду, чѣмъ искусственное перенесеніе денегъ изъ однихъ кармановъ въ другіе, хотя бы и въ предѣлахъ любезнаго отечества, но, въ такомъ случаѣ, почему же не допустить и беспошлинный ввозъ локомотивовъ?

Нынѣшняя агитація протекціонистовъ имѣетъ, если хотите, и хорошую сторону: она представляетъ примѣръ того, какъ частныя корпорации, при энергическомъ, обдуманномъ и дисциплинированномъ дѣйствіи, могутъ добиваться удовлетворенія своихъ желаній; успѣхъ протекціонистовъ будетъ у насъ первымъ примѣромъ успѣха *агитации*, въ законныхъ предѣлахъ....

Охотникамъ до отысканія протекціонистскихъ аргументовъ былъ недавно открытъ рынокъ для пріобрѣтенія ихъ по дешевой цѣнѣ; говоримъ такъ потому, что *opus probandi* въ этомъ дѣлѣ лежитъ на протекціонистахъ; рынокъ этотъ представлялся во французскомъ за-

конодательномъ корпусѣ и былъ открытъ запросомъ Кольба-Бернара и товарищей о вліяніи, оказанномъ на экономическое положеніе Франціи либеральною торговою политикою правительства. Протекціонисты воспользовались нынѣшнимъ экономическимъ кризисомъ Франціи для того, чтобы основать на временномъ явленіи, происшедшемъ отъ совсѣмъ иныхъ причинъ, вѣчную истинность своего лжеученія. Они вынесли на рынокъ цѣлыя коробки аргументовъ, разнаго сорта, но все ветхаго качества; это все тѣже лежалые, бракованные аргументы объ иностранномъ наводненіи и необходимости спасенія французской промышленности отъ англійской, съ тѣмъ, конечно, чтобы англійская промышленность, въ свою очередь, спасалась отъ французской. Ветхость аргументовъ вознаграждалась развѣ только ихъ разнообразіемъ; чего тутъ не было, въ этихъ протекціонистскихъ коробкахъ! Разнообразіемъ особенно отличился Кольба-Бернаръ, извѣстный клерикаль. Но и Тьеръ приводилъ такіе аргументы, какъ, на примѣръ, цитаты въ протекціонистскомъ духѣ изъ сочиненій принца Людовика-Наполеона и протестъ противъ воинственной политики правительства. О степени авторитетности личныхъ мнѣній нынѣшняго императора г. Тьеръ самъ наилучшій судья. Чтѣ касается протеста противъ воинственности, то развѣ меркантильная система, этотъ первообразъ протекціонизма, не была сама прямою причиною безпрестанныхъ войнъ? Развѣ свободная торговля нуждается въ войнахъ или солидарна съ воинственностью?

Было время, когда самъ Тьеръ требовалъ войны съ четырьмя державами. Онъ же прославился укрѣпленіями Парижа, и вообще всегда считался человѣкомъ весьма воинственнымъ, чтѣ во время оно объясняли его малымъ ростомъ.

Рѣчь Тьера наполнена подробностями о положеніи французской промышленности, которыхъ мы, конечно, оцѣнить не можемъ. Но замѣтимъ, что общихъ цифръ, общихъ числовыхъ данныхъ о торговлѣ, которая представляли бы самымъ безспорнымъ образомъ результаты трактата 1860 года съ Англіею, онъ не далъ. А если такой искусный полемистъ, какъ Тьеръ, избѣгаетъ общихъ цифръ и ведетъ свое доказательство подробностями, которыхъ выборъ и освѣщеніе всегда зависитъ отъ произвола, то будьте увѣрены, что дѣло его слабо. Эти данныя были, однако, представлены на поле преній; они были представлены министрами и оказались такими, что вся роскошь подробностей Тьера и всѣ бѣшенныя декламации г. Пуье-Кертѣ передъ ними совсѣмъ лишаются цѣны. Министръ земледѣлія и торговли, талантливый Форкадъ-ла-Рокеттъ, котораго рѣчь представляла образецъ фактичности не произвольной, а обнимающей именно главныя стороны вопроса, сообщилъ, что при протекціонистской системѣ, торговля между Франціею и Англіею, въ *двадцатилѣтній* періодъ, 1827—1847 года, уведичилась менѣе чѣмъ на 2 миллиарда франковъ, между тѣмъ

какъ въ *семилетній* періодъ, 1859—1866 года, она увеличилась на 2 миллиарда 715 милліоновъ франковъ, благодаря тому важному шагу въ свободной торговлѣ, который былъ сдѣланъ трактатомъ 1860 года и дальнѣйшими его развитіями. Государственный министр Руэ при заключеніи преній сообщилъ, что Франція вывозитъ въ Англію товаровъ на 800 милліоновъ, а ввозитъ изъ Англіи только на 200 милліоновъ, стало быть утверждать, что французская промышленность и торговля гибнуть отъ трактата, — никакъ нельзя.

Что сказать противъ этихъ данныхъ? Ничего путнаго сказать нельзя; остается одинъ ресурсъ — отрицать ихъ вѣрность. За этотъ ресурсъ протекціонисты и ухватились, и повидимому, ужасно сердятся, что палата прекратила слишкомъ продолжительныя пренія по простому запросу, не давъ имъ опровергнуть министерскихъ цифръ. Имъ представлялась возможность играть роль жертвъ насилія, людей, которымъ не дадутъ высказать лучшіе ихъ аргументы, хотя отъ нихъ зависѣло начать именно съ лучшихъ, представить общіе выводы.

Относительно этихъ сомнѣній и жалобъ, заявляемыхъ протекціонистами, нельзя не сдѣлать двухъ замѣчаній: если сомнѣваться въ оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, то тѣмъ болѣе позволительно сомнѣваться въ тѣхъ цифрахъ, которыя приводилъ Тьеръ и которыя, какъ онъ самъ сказалъ, основаны на собранныхъ имъ показаніяхъ фабрикантовъ, т. е. на такихъ цифрахъ, какія представляютъ у насъ гг. Шиповъ и Полетика.

Что касается недозволенія говорить сколько угодно, то вѣдь надо же положить когда-нибудь конецъ преніямъ, когда выслушаны и обвиненіе и защита. Тьеръ жаловался на перерывы министра и даже разрывко сказалъ ему: «Не прерывайте; я здѣсь исполняю свой долгъ». Прекрасно; но развѣ самъ Тьеръ не прерывалъ безпрестанно рѣчи Оливье? Онъ прерывалъ его такъ часто, что остроумный «кандидатъ въ министры» замѣтилъ ему: «Мнѣ кажется, г. Тьеръ хочетъ поступить со мною, какъ съ иностранною пражею; онъ хочетъ запретить меня».

Но вотъ въ чемъ были сильны Тьеръ и другіе противники правительства: въ осужденіи его за измѣненіе экономической системы, безъ спроса представительства. Эти обвиненія были и справедливы и практичны. Elles ont porté — и министр Руэ объявилъ, что правительство на будущее время будетъ дѣлать измѣненія въ тарифѣ не иначе, какъ съ согласія палаты. Что касается трактата съ Англіею, которому срокъ наступитъ въ 1870 году, то правительство, по объявленію Руэ, намѣрено продлить его.

Другая уступка правительства здравому смыслу націи — новый законъ о печати, облечена уже въ законодательную форму. Декретъ, утверждающій законъ, напечатанъ въ «Монитёрѣ». Напомнимъ, что

законъ этотъ отмѣняетъ необходимость предварительнаго разрѣшенія и систему административныхъ предостереженій въ той самой странѣ, гдѣ эта система изобрѣтена, такъ-какъ система эта изобрѣтена не въ Турціи, гдѣ она нынѣ существуетъ, а именно во Франціи.

Французскія дѣла могли бы дать намъ удобный поводъ перейти къ дѣламъ Германіи, въ новомъ центрѣ которой въ послѣднее время былъ созванъ таможенный парламентъ и интересы промышленные выступили на первый планъ; но нашъ берлинскій корреспондентъ разсмотрѣлъ этотъ вопросъ съ такою подробностью, что намъ остается только сдѣлать на него ссылку, и за тѣмъ перейти къ Англіи.

«Свѣтъ находится въ состояніи критическаго перехода; не только въ политической сферѣ, но и въ сферахъ умственной, общественной и религіозной, — очевидно, начинается великое движеніе; можно сказать, безъ преувеличенной риторики, что этотъ кризисъ — самый важный во всемірной исторіи, со времени реформаціи. Переходя къ нашимъ непосредственнымъ дѣламъ, укажу на несомнѣнный фактъ, что англійскія учрежденія въ настоящее время подвергаются большому измѣненію», — вотъ что говорилъ недавно одинъ изъ вліятельныхъ радикаловъ, профессоръ Гольдуинъ Смитъ, на митингѣ въ Мэнчестерѣ, бывшемъ въ честь его. И естественно, что англичанамъ именно теперь особенно бросается въ глаза фактъ великаго кризиса: дѣло въ томъ, что въ Великобританіи происходятъ вещи, совсѣмъ не обычныя для либеральныхъ партій: большинство палаты общинъ идетъ шагъ за шагомъ къ отмѣнѣ владѣній и привилегій англиканской церкви въ Ирландіи, той церкви, которая органически связана съ самымъ актомъ соединенія Ирландіи съ Англіею. Но этого мало: радикалъ Брайтъ требуетъ выкупа земель въ пользу ирландскихъ арендаторовъ. Другой радикалъ, Милль, объявляетъ, что какъ бы Ирландіи ни было худо безъ Англіи, все-таки ей будетъ лучше чѣмъ теперь, потому что она рѣшитъ земельный вопросъ. Отъ Ирландіи къ Англіи переходъ не далекъ, итакъ, является опасность для связи государства съ церковью, опасность какого-то аграрнаго закона!

Но это далеко еще не все. Съ нѣкоторымъ трепетомъ Англія ожидаетъ результата билля о реформѣ, перенесшаго власть на низшій уровень; предстоитъ опасность «демократизаціи», «американизаціи» благородныхъ единорога съ леопардомъ. А тутъ палата вдругъ еще вычеркиваетъ изъ билля о реформѣ въ Шотландіи непосредственный платежъ налога въ пользу бѣдныхъ, какъ условіе избирательнаго ценза; выходитъ нѣчто въ родѣ поголовной подачи голосовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, женщины, слѣдуя ученію Милля и Фоусетта (еще ужаснѣйшаго радикала), подають адресъ покрытый тысячами подписей, и во главѣ ихъ г-жа Нейтингэль, знаменитая сестра милосердія — о распространеніи и на нихъ избирательнаго права. «И какъ будто все это еще



недостаточно-удивительно» — какъ восклицаетъ одинъ изъ героевъ Диккинса — является человекъ, опять Гольдуинъ Смитъ, который говоритъ, что въ англійской націи совсѣмъ нѣтъ династическаго чувства; что народъ просто лично уважаетъ королеву, а къ самому учрежденію давно уже сталъ равнодушенъ <sup>1)</sup>. Это провозглашается въ Англии! За нимъ является ирландскій либераль Герденъ и по случаю отъѣзда королевы въ Бальмораль спрашиваетъ, посоветуютъ ли министры королевѣ отречься отъ престола или предоставить отправление своей власти принцу и принцессѣ уэльскимъ. Это — династичность, но надо сознаться, выражающаяся нѣсколько странно.

Рядомъ съ такими «знаменіями временъ», министерство, съ своей стороны, дѣлаетъ все возможное, что можетъ подкрѣпить слова Смита о большомъ измѣненіи, какому подвергаются учрежденія Великобританіи. Дизраэли претерпѣваетъ поражение за пораженіемъ — и остается на мѣстѣ. Палата приняла три резолюціи Гладстона относительно отиѣнн «Establishment» въ Ирландіи и представила, на основаніи ихъ, адресъ королевѣ; палата допустила первое и второе чтеніе внесеннаго Гладстономъ билля объ отиѣнн «Establishment» въ Ирландіи. При обсужденіи шотландскаго билля о реформѣ, палата нашла, что увеличивать числа членовъ нижняго парламента не слѣдуетъ, не смотря на мнѣніе Дизраэли, что 658 человекъ, сидящихъ нынѣ въ собраніи, совершенно достаточно; итакъ, для увеличенія числа представителей Шотландіи, надо было лишить нѣсколько городковъ въ Англии или одного депутата или права имѣть своего представителя. Были поданы два предложенія: Бэкстеръ и Нейтли; Дизраэли, подчиняясь необходимости уступки, согласился на предложеніе Нейтли; между тѣмъ палата приняла предложеніе Бэкстера — новое поражение. Не успѣлъ еще Дизраэли опомниться отъ него, какъ палата приняла поправку Боувери, нарушающую самый принципъ министерскаго избирательнаго закона. И какія большинства, по важнымъ вопросамъ, прямо противъ министерства! Первая резолюція Гладстона — большинство въ 65 голосовъ; вторая и третья прошли безъ именного голосованія. Второе чтеніе Гладстонова билля — большинство 54. Поправка Боувери — большинство 22, при 214 присутствовавшихъ членахъ.

И все-таки министерство держалось! Дизраэли явилъ невиданный примѣръ, противорѣчіе всѣмъ преданіямъ и самому духу парламентаризма. Защищаясь противъ палаты, онъ сдѣлалъ еще большее нарушеніе и приличій, и духа конституціоннаго правленія, ссылаясь на то, что сама королева, не просила его отставки, и дала ему согласіе на распущеніе палаты; такимъ образомъ, Дизраэли «выставилъ корону», самымъ неопозволительнымъ образомъ, а въ добавокъ употребилъ про-

<sup>1)</sup> Quarterly Review, april 1868: The newschool of radicals, p. 415.

тивъ палаты систему устрашенія двойными избирательными издержками, такъ какъ новый парламентъ опять пришлось бы распустить для производства выборовъ на основаніи билля о реформѣ. Эта система защиты вызвала общее негодованіе; Брайтъ прямо сказалъ, что совѣтники престола, выставляющіе его противъ палаты столь же преступны, какъ измѣнники престолу; а въ другой рѣчи юмористически отозвался, какъ о «штрафѣ» (a penalty), о милліонѣ фунтовъ издержекъ на выборы, которыми премьеръ пугаетъ палату, чтобы не лишиться столь желаннаго своего мѣста....

Однимъ словомъ, курьезъ слѣдуетъ за курьезомъ, и англичанинъ читаетъ парламентскіе отчеты съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ знаменитый нашъ герой у Диккинса читалъ исторію римскаго императора Коммода, переходя отъ «болѣе удивительнаго къ еще болѣе удивительному». Соглашеніе, состоявшееся наконецъ по биллю о шотландской реформѣ, поправкою къ поправкѣ Боувери, не укрѣпляетъ положенія министерства, которое держится только парадоксомъ, запутанностью самого положенія. Въ «Пончѣ», удачно схватывающемъ смыслъ моментовъ политической жизни, нарисованъ корабль, который не только обуреваемъ волнами, но на половину захваченъ пиратами: Гладстонъ и Брайтъ уже взобрались на корабль. Но отчаянный кормчій, Дизраэли, кричитъ имъ всѣмъ: Come on, come on! и направляетъ пистолетъ къ пороховой камерѣ.

Замѣтимъ однако, среди всѣхъ этихъ волненій и опасностей, одну изъ сторонъ этой картины: взрывъ пороховой камеры въ Англіи означаетъ только распушеніе парламента. Самолюбіе британскихъ джентльменовъ сильно возбуждено противъ Дизраэли, на котораго они смотрятъ какъ на рагвену, дорожащаго болѣе мѣстомъ, для котораго онъ не рожденъ, чѣмъ честью правительства. Даже съ консервативной стороны слышатся горькія жалобы. Такъ, генераль Пиль совѣтовалъ «отправить министерскую скамью въ британскій музей, какъ рѣдкость, доставляющую такую честь тѣмъ, кто сидитъ на ней, что этой чести можно приносить въ жертву всѣ понятія о чести.»

Но самолюбіе британскихъ джентльменовъ, затрунутое внутреннимъ положеніемъ, находитъ утѣшеніе въ блестящемъ внѣшнемъ успѣхѣ, въ успѣхѣ абиссинской экспедиціи. Магдала пала, «король королей» Теодоръ застрѣлился изъ одного изъ пистолетовъ, подаренныхъ ему нѣкогда королевою Викторіею, непосредственная цѣль экспедиціи достигнута. Невольно приходитъ на мысль сравненіе между этимъ успѣхомъ и катастрофою мексиканскаго предпріятія. Сравненіе это, конечно, невѣрно въ общихъ чертахъ. Теодоръ, тиранъ ненавидимый народомъ, окруженный туземными врагами, имѣвшій всего 40 т. человекъ варварскаго войска для противопоставленія 20 тысячамъ англичанъ, вооруженныхъ снейдеровскими карабинами и армстронговыми орудіями,

палъ, оставленный собственными своими солдатами — не то, что представитель національной свободы Хуаресъ, дѣйствующій на громадной территоріи; въ Мексикѣ сосѣдство было въ пользу туземнаго дѣла, сосѣдство Соединенныхъ Штатовъ; въ Абиссиніи сосѣдство было въ пользу завоевателей, потому-что Остиндію слѣдуетъ признать сосѣднею страной для восточнаго берега Африки. Наконецъ, рѣшительная битва, штурмъ Магалы, при которомъ убито всего 12 англичанъ, не похожъ на сраженія, бывшія въ Мексикѣ. По легкости побѣды, эта битва скорѣе приближается къ нашей при Ирджарѣ, гдѣ наша потеря состояла изъ 12 раненыхъ.

Но сравнивать абиссинскую экспедицію съ мексиканскою всетаки можно въ томъ смыслѣ, что одна изъ нихъ представляетъ предпріятіе толковое, хорошо обдуманное, смѣлое, но не авантюристское, веденное съ замѣчательною осторожностью и предусмотрительностью и достигшее цѣли, между тѣмъ, какъ другое было химерично по мысли, необдуманно и безтолково въ исполненіи, а потому и кончилось постыднымъ образомъ.

Самое же взятіе Магалы вовсе не отличается рыцарскимъ блескомъ. Оно состояло изъ бомбардированія армстронговыми пушками несчастныхъ хижинъ, сколоченныхъ изъ досокъ и крытыхъ соломой, наступленія на непріятели, который оцѣпенѣлъ отъ страха и почти не защищался, и въ заключеніе блестящую иллюминацію: сожженіе этой кучи хижинъ, «для произведенія сильнаго нравственнаго впечатлѣнія.»

Сэръ Робертъ Нэпиръ тотчасъ послѣ побѣды донесъ, что войска возвращаются. Но въ Европѣ не вѣрятъ, чтобы, издержавъ громадную сумму на эту экспедицію, Англія удовлетворилась освобожденіемъ консула Дэнкана-Камерона, и ихъ товарищей. Высказывается предположеніе, что англичане захотятъ если не совершенно подчинить себѣ Абиссинію, то всетаки занять въ ней нѣкоторые пункты, со спеціальною цѣлью господствовать на Черномъ морѣ; говорятъ, что освобожденіе плѣнныхъ было только предлогомъ для экспедиціи; что истинной цѣлью ея было противопоставить надежный пунктъ опоры для англійскихъ интересовъ французскому влиянію, которое должно пріобрѣсть большую силу съ окончаніемъ, будущею осенью, работъ по прорытію Суэзскаго перешейка.

Полнаго довѣрія къ этимъ догадкамъ имѣть нельзя; но допуская нѣкоторую вѣроятность ихъ, необходимо обратить вниманіе и на тѣ факты, изъ которыхъ можно вывести возраженія противъ этихъ догадокъ. Прежде всего надо замѣтить, что Англія владѣетъ уже нѣсколькими пунктами вблизи Баб-эль-мандебскаго пролива, изъ которыхъ самый важный — Аденъ. Итакъ, если входъ въ Черное море со стороны Европы будетъ принадлежать Франціи, то входъ въ это море со стороны Азіи — и теперь уже принадлежитъ Англіи. Владѣніе Абис-

синією само по себѣ не доставило-бы Англіи новаго пункта на Черномъ морѣ по той причинѣ, что Абиссинія не прилежитъ къ морю: она отрѣзана отъ него узкою полосой, принадлежащею египетскому вице-королю; чтобы занять на этой полосѣ пунктъ и основать тамъ укрѣпленный постъ, пришлось-бы просить согласія у египетскаго владѣтеля; а онъ находится, какъ извѣстно, подъ преобладающимъ вліяніемъ Франціи, и въ самомъ фактѣ этого вліянія приведенное предположеніе видитъ одну изъ причинъ вызвавшихъ абиссинскую экспедицію.

Нѣтъ сомнѣнія, что всетаки, заглявъ прочно Абиссинію, англичане приобрѣли-бы важную военную колонію, вблизи Чернаго моря и Египта; предоставивъ управленіе Абиссинією одному изъ туземныхъ претендентовъ на наслѣдство Θεодора, они могли-бы всетаки создать себѣ на югѣ Чернаго моря тотъ-же Египетъ, который на сѣверѣ благопріятствуетъ Франціи. По всей вѣроятности, на этомъ рѣшеніи Англія и остановится: она утвердитъ надъ Абиссинією свое вліяніе и откроетъ эту богатую природою страну для своихъ капиталовъ.

Почва Абиссиніи, по словамъ Лежана <sup>1)</sup>, даетъ по двѣ и даже по три жатвы въ годъ. Но Англія едва-ли рѣшится обратить эту страну въ свое владѣніе. Такая политика противорѣчила-бы тѣмъ убѣжденіямъ, которыя болѣе и болѣе проникаютъ въ колоніальную политику Англіи вообще, и которыя представляютъ колоніи скорѣе какъ тягость, чѣмъ выгоду для метрополіи, и положительно неблагопріятствуютъ заведенію новыхъ колоній. Быть можетъ, осуществится буквально именно то предсказаніе, которое слышалъ Θεодоръ отъ «чернаго демона» за нѣкоторое время до своей смерти: демонъ объявилъ ему о приближающемся концѣ, и когда «король королей» просилъ себѣ нѣкоторой отсрочки «для совершенія великихъ дѣлъ», то демонъ сказалъ ему: «Нѣтъ! ты испилъ слишкомъ много абиссинской крови; ты погибнешь! послѣ тебя надъ Эіопією будутъ царствовать англичане *три года* и установятъ тамъ порядокъ, а за ними явится добрый негусъ, который отошлетъ ихъ и откроетъ для Абиссиніи счастливое время.» Быть можетъ, Англія на время оставитъ небольшой отрядъ, а по утвержденіи безопасности и вліянія своей факторіи отзоветъ этотъ отрядъ; — мы не намѣрены отвергать политической проницательности «чернаго демона».

Джонсонъ оправданъ! Иначе нельзя назвать отсрочку суда надъ нимъ на неопредѣленное время, послѣ устраненія трехъ пунктовъ обвиненія. Когда въ засѣданіи 16 (4) мая, сенатъ устранилъ 11-й па-

<sup>1)</sup> L'Abyssinie en 1868, p. G. Lejean, Rev. des deux Mondes, 1 mars. Замѣчательно, что этотъ извѣстный путешественникъ и этнографъ требуетъ, въ интересъ цивилизаціи, чтобы англичане утвердились въ Абиссиніи, какъ въ прошломъ году онъ требовалъ того же отъ русскихъ въ Туркестанѣ.

параграфъ обвиненій, то этому рѣшенію не придали въ Европѣ большой важности, потому что 11-й параграфъ считали самымъ слабымъ; онъ былъ дополнительнымъ, компилятивнымъ, обнимая собою главныя вины приписанныя Джонсону. Но теперь, когда устранены 2-й и 3-й параграфы—дѣло приняло совсѣмъ иной видъ. Для объясненія этого необходимо вкратцѣ напомнить о сущности параграфовъ обвинительнаго акта. Первые девять параграфовъ заключали въ себѣ рѣзныя стороны одного и того же обвиненія, именно обвиненія въ нарушеніи постановленнаго въ прошломъ году Конгрессомъ и признаннаго самимъ президентомъ (что доказывалось) закона о должностяхъ — the Tenure of office Act, по которому президентъ не имѣетъ права ни назначать, ни измѣнять высшихъ должностныхъ лицъ безъ согласія сената. Президентъ обвинялся въ нарушеніи этого закона попыткою къ устраненію военнаго министра Стантона и замѣщенію его, генераломъ Томасомъ, съ намѣреніемъ прибѣгнуть къ насилію для осуществленія этой своей воли. Десятая статья (введенная Ботлеромъ) обвиненія касалась рѣчи, произнесенной Джонсономъ въ Ст. Луисѣ, въ которой онъ называлъ конгрессъ незаконнымъ представительствомъ республики. Наконецъ, одиннадцатая статья, или параграфъ, обвиняла его въ отрицаніи законодательныхъ правъ конгресса, особенно право дѣлать дополненіе къ конституціи, въ стараніяхъ помѣшать акту конгресса о возстановленіи Юга и его акту относительно порядка передачи приказаній войску.

Этотъ параграфъ труднѣе всего было доказать, и когда его устранили, такъ какъ противъ Джонсона оказалось большинство 35 голосовъ противъ 19 (т. е. менѣе двухъ третей, требуемыхъ закономъ), то это было принято за симптомъ послѣдующаго оправданія Джонсона. Отсрочка на неопредѣленное время сдѣлалась потому равнозначуща съ оправданіемъ. Такъ понялъ это и Стантонъ, который удался со своего спорнаго поста, предоставивъ его своему сопернику Томасу. Понятно, что когда судъ не нашелъ вины въ попыткѣ президента принудить Стантона оставить военное министерство, то Стантону больше ничего не оставалось и дѣлать, какъ удалиться.

Итакъ, гражданинъ Уэдъ, президентъ сената, не переѣдетъ въ «Бѣлый Домъ», какъ онъ думалъ; напрасно этотъ джентльменъ поторопился уже составить свое министерство. Во всемъ этомъ замѣчательенъ одинъ фактъ: въ то время какъ въ Англии консервативная партія обнаруживаетъ на каждомъ шагѣ полное безсиліе,—по ту сторону Атлантики, среди передовой части англо-саксонской расы, консерваторы, повидимому, торжествуютъ.

## КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

27 (15) мая, 1868.

Политическое объединеніе Германіи, совершившееся въ извѣстныхъ предѣлахъ съ такою быстротою, обязано много своимъ успѣхомъ предшествовавшему развитію въ ней общности интересовъ матеріальныхъ и промышленныхъ. Потому нисколько не удивительно, что новый органъ политическаго единства Германіи, сѣверо-германскій парламентъ, обратилъ все вниманіе на дальнѣйшее развитіе общности тѣхъ интересовъ, и его комиссія ревностно обсуждаетъ проектъ общаго ремесленнаго устава для всего Союза, представленный имъ незадолго до собранія таможеннаго парламента. Заменить двадцать-два различныхъ законодательствъ однимъ общимъ, предполагая, что такая замѣна должна произойти не насильственнымъ путемъ, — дѣло нелегкое, которое можетъ показаться даже невозможнымъ. Вотъ почему въ обсужденіи проекта господствуетъ чрезвычайное разногласіе въ мнѣніяхъ; между тѣмъ какъ одни привѣтствуютъ его какъ великое и отрадное явленіе, другіе считаютъ его явленіемъ, рѣшительно неудовлетворительнымъ. Имъ желательно лучше, чтобы государство разомъ отказалось отъ всякаго вмѣшательства въ промышленную дѣятельность гражданъ, и они полагаютъ, что самый лучший законъ по этому предмету былъ бы тотъ, въ которомъ заключались бы только слова: «промышленность и свобода». Всякій «порядокъ» — уже противорѣчіе этой безусловной свободы. Правительство согласилось съ ними только отчасти. Оно признало, правда, что основою ремесленнаго законодательства должна быть свобода промышленности, но такъ какъ оно не могло рѣшиться на всѣ послѣдствія, истекающія изъ этого принципа, то и задумало проложить средній путь между крайностями настоящихъ, повсюду столь разнообразныхъ, законовъ по этому предмету. Нѣкоторыя нѣмецкія государства, на примѣръ Саксонія, провели въ своихъ законахъ принципъ свободы почти вполнѣ; другія, съ Мекленбургомъ во главѣ, вязнутъ болѣе или менѣе глубоко въ тинѣ феодальныхъ цеховъ и гильдій. Пруссія держится середины, и притомъ такъ, что, признавая въ принципѣ свободу промышленности и не мечтая о прелестяхъ цеховой жизни, она все-таки считаетъ необходимымъ довольно широкое покровительство и опеку надъ промыслами; — таковы уже преданія этого бюрократическаго и военнаго государства. Существенныя начала нынѣшняго прусскаго ремесленнаго законодательства признаются теперь подходящими подъ общія требованія Союза. Впрочемъ, къ принятію ихъ принуждаются только отсталыя государства; тѣ же, которыя ушли впередъ, по пути

промышленной свободы, остаются при своихъ старыхъ законодательствѣхъ. Этой цѣли проектъ достигаетъ весьма ловко и просто, не нарушая единства союзнаго законодательства. Въ первыхъ же параграфѣхъ законъ устанавливаетъ свои великія начала: «Прекращается привилегія городовъ на производство извѣстныхъ ремесль»; «дозволяется одновременное производство разныхъ ремесль»; «право на производство ремесла не зависитъ отъ вступленія въ какое бы то ни было ремесленное общество (цехъ, гильдію)». Но эти начала подлежатъ двоякому измѣненію. Во первыхъ, изъ вѣдѣнія Союза изъята значительная часть законодательства: о типографскомъ ремеслѣ, о горнозаводствѣ, объ агентствахъ для страхованія и выселенія; всѣ эти отрасли промышленности и еще другія, менѣе важныя, предоставляются въ полное распоряженіе законодательствъ каждаго изъ членовъ сѣверо-германскаго Союза. Во вторыхъ, требуется особое полицейское дозволеніе на учрежденіе многихъ промышленныхъ заведеній и на производство значительнаго числа ремесль. Но, вообще говоря, каждый способный человекъ, мужчина ли, или женщина, можетъ производить то или другое ремесло гдѣ и когда ему угодно, безъ предварительнаго полицейскаго разрѣшенія. Къ заводамъ, для учрежденія которыхъ необходимо особое полицейское дозволеніе, принадлежатъ пороховые, газовые, химическіе и костесжигательные, а къ ремесламъ — ремесло врача, аптекаря, содержателя театровъ, кабатчика, ростовщика, учителей: танцовъ, фехтованія, гимнастики и плаванія, и многихъ другихъ. Такое раздѣленіе промысловъ, и введеніе или исключеніе того или другого ремесла въ тотъ или другой отдѣлъ составляютъ главный предметъ преній въ парламентѣ. Многимъ покажется ремесло танцовальнаго учителя совершенно безопаснымъ, но самый отъявленный поклонникъ свободы перестанетъ быть послѣдовательнымъ въ своемъ принципѣ, если его ближайшій сосѣдъ задумаетъ учредить пороховую фабрику. Итакъ, новый законъ нуждается въ исправленіи его отдѣльныхъ частей, но въ цѣломъ онъ во всякомъ случаѣ шагъ впередъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, онъ служитъ результатомъ исторіи нѣмецкой промышленности, по крайней мѣрѣ того періода ея, въ которомъ она дала намъ весьма поучительные примѣры того, какъ не слѣдуетъ вести промышленность.

Заглядывая въ исторію германской промышленности, вамъ невольно приходится на умъ, что эти нѣмцы вынесли изъ своего аріискаго отечества особенную страсть къ кастовымъ стѣсненіямъ жизни; но еще болѣе ужасаетесь и смущаетесь вы, видя на каждомъ шагу, какъ медленно и какими окольными путями совершается каждое движеніе впередъ. Нѣмецкій историкъ, Густавъ Фрейтагъ, сказалъ въ предисловіи къ своему роману: «Soll und Haben», что тотъ, кто желаетъ познать нѣмецкій народъ, долженъ изучать его въ его трудѣ; но, когда про-

сматриваешь исторію этого труда, то находишь, подгѣ немногихъ, блестящихъ работъ, весьма значительное число темныхъ дѣлъ. Мы не приходимъ въ ужасъ отъ слова «цехъ». Было время, когда оно служило высшимъ выраженіемъ политической и гражданской жизни. Многіе историки возводятъ исторію цеховаго устройства до римлянъ, и, во всякомъ случаѣ, до тѣхъ мыловаровъ въ Висбаденѣ, которые снабжали Римъ мыломъ и помадою. Несомнѣнно, что во времена римскаго владычества, въ городахъ на Рейнѣ и на Дунаѣ существовали ремесленные уставы, но они снесены до основанія страшными бурями переселенія народовъ, такъ что точныя свѣдѣнія о цехахъ получаются не раньше XII столѣтія, когда они существовали въ Кёльнѣ. Возникновеніе промышленной самостоятельности сдѣлалось возможнымъ лишь по окончаніи великаго историческаго переворота, когда натуральное хозяйство замѣнилось денежнымъ, а это случилось около XII-го столѣтія. Едва освободившись изъ оковъ, въ которыхъ оно такъ долго томилось, ремесленное искусство обнаружило изумительную силу и энергію. Болѣе двухъ столѣтій борется и трудится оно. Дужій мастеръ, который до сихъ поръ приготавливалъ свои искусныя произведенія, сидя за верстакомъ, берется теперь за шлемъ и щитъ, пику и алебарду, и идетъ биться со своими врагами, а враговъ у него не мало. Древніе дворянскіе роды, называемые часто патриціями, а обыкновенно фамиліями, господствовавшіе олигархическимъ образомъ въ городахъ, не хотѣли и слышать о какомъ-либо соучастіи цеховъ въ управленіи, не смотря на то, что эти послѣдніе принимали участіе вмѣстѣ съ городскими полками въ жестокихъ и кровавыхъ битвахъ. Цехамъ приходилось защищаться какъ противъ рыцарей, которые стремились захватить богатство промышленныхъ городовъ, такъ и противъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ до самаго императора, которые инстинктивно принимали сторону аристократіи противъ демократическихъ цеховъ. До настоящаго времени, историки относились къ цехамъ по большей части несправедливо, хотя въ новѣйшемъ періодѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ демократическая партія стала играть опредѣленную роль въ дѣйствительной политикѣ, нѣтъ недостатка и въ такихъ писателяхъ, которые питаютъ къ цехамъ особенное сочувствіе. Машеръ, новѣйшій изслѣдователь въ области исторіи нѣмецкой цивилизаціи, написавшій съ изумительнымъ прилежаніемъ подробную исторію всей нѣмецкой промышленности, произноситъ надъ характеромъ этой цеховой борьбы умѣренный и основательный приговоръ:

«Сужденія о характерѣ цеховыхъ войнъ были, говорить онъ, весьма различны въ разныя времена. Бунтомъ и мятежемъ—называютъ это вооруженное сопротивленіе сторонники историческаго права, по мнѣнію которыхъ господство патриціевъ должно продолжаться во вѣки



вѣковъ; — освобожденіемъ изъ-подъ гнуснаго гнета называютъ его сторонники безусловнаго естественнаго права, полагающіе, что господство патриціевъ не должно существовать вовсе. Здравая политика судить иначе. Потому что она не основывается исключительно на какомъ-либо изъ этихъ правъ, а является только посредствующимъ звеномъ между противными положеніями обѣихъ партій, а также потому, что она видитъ въ реформѣ тотъ путь, который одинъ соответствуетъ естественному порядку вещей. Разсматривая цеховыя войны съ этой преобразовательной точки зрѣнія, она находитъ въ нихъ энергическое стремленіе угнетеннаго сословія къ политической самостоятельности. Въ этомъ стремленіи лежала внутренняя необходимость борьбы патриціевъ съ промышленнымъ сословіемъ, старыхъ бюргеровъ съ дѣйствительными бюргерами или, лучше сказать, рабочимъ сословіемъ, которое, не смотря на кровавыя распри между императоромъ и папою и между приверженцами обѣихъ партій, несмотря на взаимныя ссоры между людьми знатными и низкими, несмотря на безпокойное и безправное время и на войны городовъ между собою, — успѣло умножиться въ числѣ, приобрести значительную ловкость и проворство въ своихъ дѣлахъ и ревностно способствовать возстановленію общественнаго спокойствія. Развитіе низшихъ сословій и всей городской жизни, подъ господствомъ денежнаго хозяйства, шло путемъ организациі труда. Исполненіе этой цивилизаціонной задачи, являвшейся и въ древнемъ мірѣ, только подъ другою формою, выпало въ XII и XIII столѣтіяхъ на долю патриціевъ, въ XIV и XV — на долю цеховъ. Также естественная необходимость указала средневѣковому рабочему сословію его мѣсто въ борьбѣ между церковью и государствомъ, папою и императоромъ; оно встало на сторону послѣдняго, между тѣмъ какъ патриціи поддерживали папскій престолъ. Побѣда императора надъ іерархіей должна была, поэтому, нанести пораженіе и элементу, враждебному организациі труда. Какъ скоро ремесленное сословіе достигло такого же благосостоянія какъ и патриціи, и когда оба сословія стали одинаковыми по образованію, когда, наконецъ, рабочее сословіе превзошло непродуцирующій классъ, своимъ прилежаніемъ и искусствомъ, а также индивидуальнымъ капиталомъ, общественное движеніе должно было тогда перейти и на политическую почву, при чемъ могущество патриціевъ стремилось къ неизбѣжному паденію, такъ какъ это сословіе шло противъ теченія жизни. Это явленіе замѣчено у всѣхъ народовъ. Развитіе законодательства идетъ одинаковымъ шагомъ съ развитіемъ цивилизаціи, и законы суть продуктъ измѣняющихся состояній образованности».

Важнѣйшимъ общественнымъ послѣдствіемъ цеховаго движенія было то, что дворянскіе роды, оставшіеся въ городахъ, послѣ того, какъ цехи приобрѣли одинаковыя съ ними политическія права, лиш-

лись своего дворянскаго достоинства и стали членами новаго современнаго бюргерскаго (буржуазнаго) сословія. Цеховое устройство достигло высшей степени процвѣтанія въ концѣ XIV и XV столѣтій;— точнѣе опредѣлить это время невозможно, такъ какъ въ одно и тоже время, въ однихъ пунктахъ оно клонилось къ паденію, а въ другихъ развивалось все шире и сильнѣе. Что оно непрпятствовало тогда развитію цивилизаціи, это доказывается весьма очевидно чрезвычайнымъ развитіемъ благосостоянія, въ которомъ находились тогда города. Макіавелли называлъ Германію могущественнѣйшемъ государствомъ, потому что она была богаче всѣхъ и изобиловала людьми, сокровищами и оружіемъ, а папа Пій II сказалъ, что шотландскіе короли могли бы считать себя счастливыми, еслибъ могли жить также хорошо, какъ живетъ вообще нюрнбергскому бюргеру. Множество причинъ, дѣйствуя вмѣстѣ, подкопались подъ это гордое зданіе и наконецъ разрушили его. Сначала ослабѣла вооруженная сила цеховъ. Отчасти этому способствовало увеличивавшееся, при помощи самихъ городовъ, могущество владѣтелей; эти послѣдніе успѣли, при помощи своихъ наемныхъ войскъ, взять перевѣсъ надъ цеховыми войсками. Вѣчное общественное спокойствіе, которымъ тогда наслаждались, какъ ни благодѣтельно было оно вообще, ограничило косвеннымъ образомъ право употребленія оружія, при чемъ въ бюргерское сословіе быстро проникла глубокая деморализація. Впрочемъ, паденіе не совершилось бы такъ быстро и глубоко безъ участія двухъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ: открытія морского пути въ Остъ-Индію въ 1509 году (это нанесло жестокой ударъ сухопутной торговлѣ съ Востокомъ черезъ Италію и Германію), и религіознаго движенія, начавшагося въ XVI вѣкѣ. Это движеніе такъ сильно охватило людей, что, занимаясь религіозными предметами, они лишились политическаго смысла. Случилось сверхъ того такъ, что города склонились къ протестантству. Императоръ Карлъ IV сталъ, поэтому, непримиримымъ врагомъ цеховъ. Вооруженною силою разбилъ онъ цеховое господство въ отдѣльныхъ городахъ, какъ въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Ульмѣ, Страсбургѣ, возстановивъ снова владичество патриціевъ. Цехи защищались храбро и погибали не безславно, но непримиримая судьба предала погибели и ту форму цеховъ, которая пережила удары императора. Позже, въ срединѣ XVI столѣтія, цехи лишились всякаго политическаго значенія, и могущество ихъ стало разрушаться съ стремительною быстротою. Отлетѣла душа и окостенѣло тѣло. Духъ древняго братства исчезъ вполнѣ. Во времена процвѣтанія цехового устройства, всякій подмастерье имѣлъ право носить шагу въ знакъ личной свободы, теперь онъ считалъ своею честью, въ торжественные дни, кормить оплеухами своихъ младшихъ сотоварищей по ремеслу или бить ихъ палкою, этимъ символомъ рабства. Мало-по-малу «веселый понедѣльникъ» (blaue Montag) сталъ

называться «обжорнымъ» (Fressmontag). Частная полиція, необходимая и полезная въ вѣкъ всеобщей самостоятельности, выродилась въ гнусную тиранию, давленіе которой оказалось особенно вреднымъ для ремесленного сословія. Всѣ эти злоупотребленія проявлялись въ продолженіи и по окончаніи Тридцатилѣтней войны, крайне бѣдственной для Германіи, все яснѣе и ужаснѣе, такъ что уже въ то время раздавались отдѣльные голоса объ окончательномъ уничтоженіи цеховъ. Но и въ тѣ времена, дѣла въ Германіи шли часто такъ, какъ остроумно замѣчаетъ Бёрне о дѣлахъ нѣмецкихъ вообще: «Полстолѣтія употребляется на то, чтобъ замѣтить какое-нибудь зло, да другое полстолѣтіе на то, чтобъ уничтожить его.» Значительная перемѣна въ цеховомъ устройствѣ произошла въ концѣ XVII столѣтія, когда начался періодъ государственныхъ цеховыхъ распоряженій, посредствомъ которыхъ, въ теченіи XVIII вѣка образовалось мало по малу полное промышленное право, основныя начала котораго во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ были одинаковы. Цеховыя товарищества обратились въ корпорации, имѣвшія своихъ собственныхъ старшинъ и свою собственную кассу; члены этихъ корпораций собирались для обсужденія и рѣшенія по дѣламъ, касающимся ихъ ремесль. Этимъ путемъ цехи такъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, что производители одного ремесла лишились права производить какое-нибудь другое ремесло. Кто желалъ стать подмастерьемъ какого-либо ремесла, долженъ былъ поступать въ ученіе на опредѣленное число лѣтъ, къ какому-нибудь мастеру этого ремесла; — по окончаніи срока ученія его объявляли «свободнымъ», принимая въ подмастерья. Первымъ условіемъ для поступленія въ ученики ставилось рожденіе отъ законнаго брака. Работникъ долженъ былъ провести опредѣленное число лѣтъ въ этомъ состояніи и, затѣмъ, поработать въ разныхъ мѣстахъ (это называлось технически: «странствовать» — wandern) еще извѣстное число лѣтъ, для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ. Приобрѣтеніе мастерскихъ правъ зависѣло, сверхъ того, еще отъ другихъ обременительныхъ условій. Если цехъ былъ «замкнутый», т. е. такой, въ которомъ число мастеровъ было опредѣлено какою-нибудь цифрою, то, чтобы стать мастеромъ, приходилось ждать вакансіи; въ цехахъ не замкнутыхъ большинство имѣло право недопускать новыхъ членовъ, и оно пользовалось имъ обыкновенно противъ людей, пришедшихъ изъ другихъ мѣстностей. Искатель мастерскаго достоинства долженъ былъ представить какую-нибудь собственную работу (Meisterstück) въ доказательство своихъ мастерскихъ способностей и понести издержки на обычное торжество при вступленіи въ мастера. Самостоятельное производство ремесла подвергалось, кромѣ того, цѣлому ряду многоразличныхъ ограниченій, установленныхъ для охраненія заработковъ членовъ цеха. Приготовленіе разныхъ вещей, подлежащихъ цеховымъ распоряженіямъ, запрещалось

подъ страхомъ наказанія всѣмъ, кто не пріобрѣлъ право на это предписаннымъ путемъ. Такъ какъ при неестественности подобныхъ отношеній число нарушителей (называемыхъ обыкновенно—фушерами) цеховыхъ предписаній было весьма велико, то привилегированные мастера повели противъ нихъ нескончаемую войну. Мастера, вооружившись гнусными, карательными законами, не щадившими ни семейнаго права, ни права собственности, преслѣдовали самымъ безпощаднымъ образомъ бѣдныхъ фушеровъ, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они желали существовать самостоятельнымъ трудомъ. На этихъ бѣдныхъ несчастныхъ людей нападали въ ихъ квартирахъ, гдѣ рыскали инквизиторскимъ образомъ по всѣмъ угламъ, чтобы отнять всѣ произведенія ихъ прилежанія, предоставляя ихъ самихъ и ихъ семью нуждѣ и всѣмъ ея послѣдствіямъ и воспрещая имъ, во имя закона, зарабатывать свой хлѣбъ въ потѣ лица.

Рѣшительно непонятно, какимъ образомъ могло существовать столь долгое время такое безумное законодательство, и какимъ образомъ существуетъ оно кое-гдѣ еще теперь, не смотря на то, что даже слѣпой можетъ убѣдиться въ томъ, что оно всего вреднѣе для тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе попасть подъ его покровительство. Вредныя послѣдствія его были достаточно доказаны и ясны уже въ концѣ XVIII столѣтія. Иоганнъ-Адамъ Вейссъ, приверженецъ цехового устройства (сочиненіе котораго объ этомъ предметѣ и о томъ, слѣдуетъ ли удерживать или уничтожить цехи, удостоено награды въ 1792 году отъ гамбургскаго общества, для споспѣшествованія полезныхъ ремеслъ), вычисляетъ, что въ Германіи того времени изъ 21 человѣка только одинъ пользовался полнымъ достаткомъ, — половина остальныхъ съ трудомъ зарабатывали свое дневное пропитаніе, а другая половина находилась въ той крайней бѣдности, что питалась однимъ лишь сухимъ картофелемъ. Но вмѣсто того, чтобы искать спасенія въ свободѣ промышленности, люди того періода только усиливали и усугубляли цеховое угнетеніе, подобно привычному пьяницѣ, который ищетъ облегченія своего недуга не въ воздержаніи, но въ постоянномъ увеличеніи ежедневной порціи яда. Въ Гессенѣ доходили до того, что частнымъ лицамъ запретили печь хлѣбъ на дому, — однако и это запрещеніе повредило только самимъ хлѣбопекарямъ. Старались уничтожить соперничество даже внутри cadaго цеха. Чтобы одинъ хозяинъ не продавалъ своего товара дешевле другого и въ лучшемъ видѣ, цехи умудрялись назначать опредѣленные цѣны, ниже которыхъ ни одинъ хозяинъ не имѣлъ права заходить; этого мало, — цехи ограничивали извѣстною цифрою число учениковъ и подмастерьевъ въ каждой мастерской и даже опредѣляли какимъ образомъ и въ какое время должны производиться работы. Въ Данцигѣ, на примѣръ, золотыхъ дѣлъ мастера не смѣли приступать къ работамъ ранѣе пяти часовъ утра или

продолжать ее позже девяти вечера. Въ Шмалькальденѣ, богато надѣленномъ прекрасною желѣзною рудою, владѣтелямъ рудниковъ предоставлялось право разрабатывать только опредѣленное по вѣсу количество руды; тамъ никто не смѣлъ владѣть въ одно и то же время двумя заводами: желѣзнымъ и стальнымъ, ни одинъ заводчикъ не имѣлъ права вести торговлю съ иностранными государствами. Стальные фабриканты не смѣли покупать уголь на мѣстѣ, ибо отъ такой купли онъ могъ бы подняться въ цѣнѣ, а это повредило бы интересамъ владѣтелей желѣзныхъ заводовъ. Приготовитель сапожныхъ шилъ не имѣлъ права работать позже шести часовъ вечера; ножевицкѣ не могъ дѣлать клинки, а дѣлатель клинковъ не смѣлъ готовить ножи; слесарь лишень былъ правъ дѣлать всячіе замки, а гвоздечный мастеръ не смѣлъ готовить гвозди для подковъ.

Такъ какъ переходъ отъ одного ремесла къ другому былъ въ дѣйствительности невозможенъ, потому что для этого пришлось бы повторить всю процедуру новаго ученья и странствованія съ мѣста на мѣсто, то рабочему, дѣло котораго не шло, и который не желалъ нищенствовать или кормиться какимъ-нибудь другимъ не менѣе унижительнымъ способомъ, оставалось только удалиться изъ своего отечества. И въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкіе рабочіе толпами покидали свою неблагодарную родину и переселялись на мысъ Доброй Надежды, въ Батавію, Суринамъ и Америку. Во Франціи и Англии не было ни одной важной отрасли промышленности, въ которой не употреблялись бы силы нѣмецкаго рабочаго, отвергнутаго своимъ отечествомъ, — и это были лучшія силы Германіи, это были самыя энергическіе люди, самыя сообразительныя и крѣпкіе умы!

За кризисомъ наступаетъ обыкновенно или смерть, или выздоровленіе. Въ этомъ случаѣ послѣдовало выздоровленіе. Между тѣмъ какъ Германія глубоко утопала въ цеховыхъ притѣсненіяхъ, въ Англии появился знаменитый трудъ Адама Смита, установившій науку политической экономіи на новыхъ началахъ, сущность которыхъ вѣрна и въ настоящее время. Промышленной опеке сочиненіе Смита противопоставило промышленную свободу, свободу труда, свободу соперничества. Въ 1777 году, это сочиненіе переведено въ первый разъ на нѣмецкій языкъ, но разумныя основы, въ немъ излагаемыя, нашли себѣ примѣненіе въ Германіи только послѣ толчка французской революціи и примѣра Англии въ осуществленіи смитовской системы. Только катастрофа, постигшая Пруссію въ 1806 году, открыла путь преобразованіямъ, и великій государственный мужъ Штейнъ принялся энергическою рукою очищать страну отъ средневѣкового хлама. Его примѣру послѣдовали также другія государства. Но, по окончаніи войны за независимость, повсюду наступила реакція, которая шла въ Пруссіи слабѣе, чѣмъ въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ. Въ 1845 году, въ Пруссіи обнародованъ

уже «общій ремесленный уставъ», который, основываясь на принципѣ свободы, стремился примирить систему средневѣкового цехового устройства съ системою полной свободы промышленности. Въ остальной Германіи, со времени французской іюльской революціи, тоже произведено множество реформъ въ смыслѣ свободы промысловъ; всѣ эти преобразованія становились неизбѣжными, вслѣдствіе развитія промышленности вообще, но особенно вслѣдствіе введенія машинъ. Цехи питали, разумѣется, самую рѣшительную ненависть противъ всякаго промышленнаго прогресса. Положеніе цеховыхъ ремеслъ становилось крайне печальнымъ, но ремесленное сословіе искало причину этого не въ своей апатіи и не въ недостаткѣ свободнаго промышленнаго движенія, — напротивъ, оно продолжало ожидать улучшенія своихъ дѣлъ отъ восстановленія средневѣковыхъ вымершихъ учреждений. Между тѣмъ, къ прежнимъ тяжкимъ обстоятельствамъ присоединились еще два новыхъ. Изъ Франціи перешли въ Германію соціалистическія и коммунистическія ученія въ союзѣ съ революціонными политическими идеями. Рабочее сословіе тѣмъ охотнѣе принимало ихъ, чѣмъ рѣзче поражала эта непереваримая пища ихъ слабое умственное образованіе. Два года сряду, въ 1846 и 1847, господствовали нужда и голодъ, и изъ этихъ-то источниковъ возникла та агитація въ пользу промышленной свободы, которая обнаружилась въ 1848—49 годахъ по всей Германіи, и всего сильнѣе въ Пруссіи. Тутъ начинается уже періодъ «соціального вопроса» въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ настоящее время, этотъ вопросъ снова подымается со всѣхъ концовъ, вооруженный поголовнымъ и прямымъ избирательнымъ правомъ. Поэтому весьма любопытно прослѣдить его до самыхъ первыхъ началъ. Эти начала необыкновенно поучительны для уразумѣнія того, что происходитъ въ настоящую минуту.

Когда въ 1848 году революція одержала верхъ въ Берлинѣ, здѣшніе рабочіе тотчасъ выступили съ своими требованіями. Спустя восемь дней послѣ 18-го марта, собрался первый громаднй народный митингъ на открытомъ воздухѣ, на которомъ было не менѣе 20 тысячъ человѣкъ; при этомъ случаѣ сами рабочіе придали болѣе или менѣе опредѣленную форму своимъ желаніямъ. Въ одномъ сочиненіи шестидесятихъ годовъ: «Берлинская революціонная хроника» (Berliner Revolutions-Chronik), въ которомъ подробно рассказаны всѣ событія того времени и притомъ съ сочувствіемъ къ революціонному движенію, находится весьма обстоятельный отчетъ и о митингѣ 26-го марта. Отчетъ этотъ превосходно характеризуетъ возрѣнія и убѣжденія рабочихъ, составившіяся въ тиши, при общемъ молчаніи, такъ какъ до самаго 1848 года не было еще никакой политической и общественной жизни, а безцвѣтная печать занималась всѣмъ въ свѣтѣ, что только дозволяла цензура, но отнюдь не «соціальнымъ вопросамъ». Послѣ

того, какъ нѣкоторые изъ представителей города вышли передъ толпой и пообѣщали ей, что городское управленіе желаетъ удовлетворить справедливыя требованія рабочихъ, изъ толпы выдвинулся плотникъ и началъ говорить рѣчь. Онъ жаловался на то, что плотники имѣютъ работу только въ продолженіи 9 мѣсяцевъ, и что зимою имъ приходится входить въ долги. Имъ приходится работать по 14 часовъ въ сутки. Онъ требуетъ повышенія заработной платы и уменьшенія числа рабочихъ часовъ. За нимъ слѣдуетъ слесарь, который жалуется, отъ имени всѣхъ машинныхъ рабочихъ, на недостатокъ работы. Онъ требуетъ министерства труда, законнаго опредѣленія наименьшей заработной платы въ 4 талера еженедѣльно, при десяти-часовомъ ежедневномъ трудѣ. Лавочный сидѣлецъ требуетъ въ пользу своихъ товарищей, не имѣющихъ работы, не менѣе трети талера ежедневнаго пособія. Какой-то кожевникъ тоже желаетъ уменьшенія числа рабочихъ часовъ и повышенія заработной платы. Одинъ рабочій жалуется на то, что работаютъ ремесленники, что такія работы слѣдовало бы отдавать исключительно рабочимъ, то есть, поденщикамъ. Другой рабочій недоволенъ тѣмъ, что извозчики занимаются доставкой тюковъ и тѣмъ лишаютъ работы обыкновенныхъ носильщиковъ. Третій требуетъ, кромѣ повышенія платы и уменьшенія работы, особую прибавку на праздничные и воскресные дни. Какой-то выбощикъ желаетъ ограничить число машинъ и воспретить женскій трудъ на фабрикахъ, а кучеръ требуетъ не позволять солдатамъ исправлять частныя должности. Самая гениальная идея приходитъ на умъ писцу Захарію, говорившему отъ имени поденщиковъ. Государство — объясняетъ онъ — нанесло рабочимъ глубокія раны, — оно должно теперь залѣчить ихъ. Оно должно дать имъ дешевыя квартиры. Оно должно скупать оптомъ муку, чтобы распродавать ее потомъ рабочему люду по мелочамъ. Пусть поденщики соединятся въ особый союзъ пролетаріевъ. (Тутъ начинается шумъ, который принуждаетъ оратора взять назадъ слово «пролетаріи».) Всякій человѣкъ, получающій ежедневно менѣе полуталера, уже членъ этого союза и долженъ быть освобожденъ отъ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Это послѣднее предложеніе встрѣчено собраніемъ весьма сочувственно и примирило его, по всей вѣроятности, даже съ названіемъ «пролетаріи». Другіе ораторы повторяли требованіе особаго министерства труда, которое они вычитали изъ парижскихъ извѣстій. Короче сказать, изъ всего длиннаго списка ораторовъ оказалось только двое, которые сумѣли взглянуть на положеніе дѣлъ съ высшей точки зрѣнія. Одинъ изъ нихъ былъ токарь, Густавъ Гессе, пріобрѣтшій нѣкоторую популярность своими подвигами на баррикадахъ 18 марта. — «Мы сражались — сказалъ онъ — не изъ-за заработной платы; цѣлью нашихъ усилій была не наша частная выгода. Мы бились за свободу и права нашего отечества. По-

этому, братья любезные, мы должны стремиться не за эгоистическими преимуществами, которыя не могутъ стать постоянными. Наше благоденствіе покоится на благоденствіи всей страны; будетъ процвѣтать и благоденствовать страна, будетъ у насъ работа, будетъ и достойная плата за нашъ трудъ. Итакъ, братья, установимъ прежде всего свободу на прочномъ основаніи. Только изъ нея одной могутъ вырасти плоды нашихъ трудовъ. Но этой цѣли можно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если всѣ сословія и наше собственное пошлютъ своихъ представителей въ общій ландтагъ, который слѣдуетъ созвать для обсужденія мѣръ, необходимыхъ къ достиженію общаго благосостоянія. Когда у насъ будетъ такое законодательное собраніе, мы представимъ ему всѣ мѣры, которыя могутъ основательно и прочно улучшить наше положеніе. Поэтому, я предлагаю вамъ слѣдующее: — подадите нашему великодушному королю адресъ, съ просьбою о томъ, чтобы онъ даровалъ намъ такой избирательный законъ, въ силу котораго каждый гражданинъ, къ какому бы сословію или состоянію онъ ни принадлежалъ, приобрѣталъ бы право быть избираемымъ и избирать другихъ».

Типографчикъ Бриль держался политико-экономической точки зрѣнія: — «Если мы въ состояніи принудить хозяевъ—говорилъ онъ—къ повышенію заработной платы, то имъ придется тоже брать больше; товары вздорожаютъ и перестанутъ расходиться въ прежнемъ количествѣ. Мы разоримъ такимъ образомъ хозяевъ, но мы не этого желаемъ (*шумъ*). Я тоже за повышеніе платы, но пусть она повышается путемъ дружественныхъ сдѣлокъ съ хозяевами, ибо не хозяева, но соперничество опредѣляетъ цѣну вещамъ. Нужно также, чтобы рабочій человекъ старался о своемъ умственномъ образованіи; для этого необходимо сократить число часовъ ежедневной работы. Дыннѣ существовавшій общественный порядокъ относился къ рабочему сословію весьма несправедливо, — когда рабочіе просили хлѣба, общество давило ихъ руками жандармовъ. Почему это? Потому что рабочіе не имѣли никакого образованія. Я требую, поэтому, народнаго образованія на счетъ государства. Оно обойдется весьма дорого, но мы и сэкономимъ очень много. Намъ не нужно будетъ ни жандармовъ, ни тюремъ, ни исправительныхъ заведеній, ни палачей, ни казней. Чтобы помочь бѣдѣ, нужно приступить къ сильнымъ, радикальнымъ мѣрамъ. Богатые должны пожертвовать частью своего достоянія. До настоящаго времени ни они, ни всѣ знатные люди ничего не сдѣлали для улучшенія быта рабочихъ, между тѣмъ какъ рабочіе создавали все, чѣмъ содержались и наслаждались эти сословія. Рабочій человекъ — основа всего общества; съ измѣненіемъ этой основы должно измѣниться и улучшиться само общество. Мы должны приобрести дешевый образъ управленія. Этимъ путемъ можно облегчить бремя, лежа-



щее теперь на мужикѣ, ремесленникѣ и рабочемъ. Всѣ сограждане должны пользоваться избирательнымъ правомъ; постоянную армию слѣдуетъ замѣнить общимъ вооруженіемъ всего народа. Люди свѣдущіе пусть составляютъ министерство труда, которое должно войти въ сношеніе со всею страной и учредить провинціальныя комитеты въ главныхъ городахъ каждой провинціи, и окружныя комитеты въ каждомъ окружномъ городѣ. Наконецъ, о народномъ образованіи. Нынѣшняя система образованія не приноситъ человѣчеству никакой помощи. Человѣчеству можетъ пособить только оно само. Въ груди cadaго есть свой спаситель!»

Эта рѣчь заслужила сильное одобреніе, да она и превышаетъ значительно общій уровень всѣхъ прочихъ рѣчей; однако, въ ней тоже проявилось вліяніе социалистическихъ ученій.

Между тѣмъ, социалистическое движеніе мало-по-малу стихло, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Каваньякъ разбилъ французскій социализмъ во время страшныхъ юнскихъ дней 1848 года. Въ городѣ Берлинѣ (какъ и въ другихъ городахъ) оно оставило послѣ себя воспоминаніе лишь въ двухъ стахъ тысячахъ талеровъ долгу, который составился вслѣдствіе употребленія денегъ на ненужныя работы, начатыя съ цѣлью доставить заработокъ всѣмъ рабочимъ, не имѣвшимъ работы. Но нелѣпый духъ монополіи, проявившійся въ большинствѣ ораторовъ народнаго митинга, одержалъ побѣду въ Пруссіи и почти во всей Германіи, вслѣдствіе чего политическая революція повела за собою повсемѣстный и большой шагъ назадъ въ области народнаго хозяйства. Вслѣдствіе требованій ремесленнаго сословія и безчисленныхъ представленій разныхъ корпорацій и особаго собранія депутатовъ, правительство издало, въ 1849 году, указъ объ учрежденіи ремесленныхъ совѣтовъ (Gewerberäthen), которымъ предоставлено было надзирать за устроеніемъ промысловъ. Правительство произвело, сверхъ того, разныя измѣненія въ ремесленномъ уставѣ 1845 года, которыя повели къ тому, что почти во всѣхъ ремеслахъ право на самостоятельное производство стало въ зависимость отъ вступленія ремесленника въ какой-либо цехъ путемъ вышеупомянутыхъ стѣснительныхъ испытаній. Снова ограничены были области отдѣльныхъ отраслей промышленности, снова явились опредѣленные сроки пребыванія въ ученикахъ и подмастерьяхъ, и т. д.

Но законы, несоотвѣтствующіе экономическому состоянію и экономическимъ потребностямъ энергическаго народа, становятся пустыми влочками бумаги. Съ великимъ трудомъ учреждены мало-по-малу 96 ремесленныхъ совѣтовъ, по разнымъ большимъ городамъ;—спустя десять лѣтъ, эти совѣты исчезли всѣ до одного. Мастеровые сами увидели, какое тяжкое бремя они возложили на самихъ себя. Подъ вліяніемъ непредвидѣннаго, громаднаго развитія торговли, распространен-

нѣя политико-экономическихъ свѣдѣній и живой политической жизни, пробуждающей самостоятельное мышленіе, большинство ремесленниковъ обратилось мало-по-малу въ приверженцевъ промышленной свободы. Одновременно съ этимъ движеніемъ быстро проявились послѣдствія фабричной системы. Между тѣмъ, какъ крупное производство стало готовить вещи лучше и дешевле мелкаго, ремесленный трудъ сталъ терять одно производство за другимъ, при чемъ значительное число ремесленниковъ низошло въ наемные рабочіе, положеніе которыхъ можетъ быть улучшилось на нѣкоторое время, не смотря на то, что они лишились своей самостоятельности.

Подлѣ крупнаго производства, съ его великими благодѣяніями для отдѣльныхъ лицъ и государствъ, развивается рѣзкій антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Капиталъ закрѣпощаетъ себѣ трудъ, а экономическая свобода сама по себѣ (то-есть принципъ Адама Смита) не въ состояніи—это достаточно доказано опытомъ—разрушить всемогущество капитала. Для достиженія этой послѣдней цѣли дѣйствительнымъ средствомъ является, повидимому, *ассоціація*. Извѣстный статистикъ Энгель опредѣляетъ ее, какъ «организованное соединеніе неблагоприятно поставленныхъ, шаткихъ, и потому лишенныхъ почти всякаго значенія силъ—въ одну полную трудовую, денежную и умственную силу, для того чтобы экономическимъ образомъ связать и укрѣпить всѣ эти условія, дать мелкой собственности всѣ выгоды крупной, и поднять, въ нравственномъ смыслѣ, моральныя и умственныя разрозненныя силы посредствомъ развитія общихъ между ними отношеній». Шульце-Деличъ опредѣляетъ ее, какъ «такія соединенія недостаточныхъ, преимущественно рабочихъ людей, которыя имѣютъ цѣлью доставить отдѣльнымъ, мелкимъ, исчезающимъ въ общемъ движеніи силамъ, по возможности большую сумму выгодъ крупной силы на экономическомъ полѣ».

Честь введенія ассоціацій въ Германіи принадлежитъ профессору Виктору Эме Губеру, который съ 1833 года былъ доцентомъ въ университетахъ ростоцкомъ, марбургскомъ и берлинскомъ, а съ 1845 г. началъ издавать газету «*Lapus*», возстававшую противъ радикальной и либеральной оппозиціи, и который преимущественно занимался улучшеніемъ экономическаго положенія рабочихъ, и былъ, между прочимъ, главнымъ основателемъ «Общепользнаго строительнаго общества» (*Ge-meinnützige Gesellschaft*). Губеръ придерживается въ политикѣ и религіи самыхъ строгихъ консервативныхъ воззрѣній. Не смотря на то, онъ никакъ не могъ примириться съ партією «Крестовой Газеты», господствующей въ Пруссіи съ 1849 года, взявъ отставку и поселился въ городкѣ Вернигероде въ Гарцскихъ горахъ, откуда онъ пустился въ путешествіе по Бельгіи, Франціи и Англии для изученія тамошняго положенія рабочихъ. Онъ неутомимо работаетъ какъ на литератур-

номъ поприщѣ — теоретически, такъ и практически, стараясь о процвѣтаніи артельного дѣла. Энгель, справедливо называющій Губера «апостоломъ ассоціаціи», приписываетъ ему то важное обстоятельство, что артельное движеніе въ Германіи оказывается рѣшительно консервативнымъ. Безсмысленные реакціонеры, разъ погружившись въ свои средневѣковныя идеи, остались при своемъ прежнемъ убѣжденіи, что *корпорация* (союзъ во всѣхъ отношеніяхъ ограниченный, опекаемый и надзираемый) консервативна, а ассоціація революціонна. Чувствительная, нѣжно организованная натура Губера оказалась неспособною вліять на массы. Это дѣло выпало на долю другого человѣка, который придерживается совершенно противоположныхъ политическихъ мнѣній, Шульце, прозываемаго Деличемъ въ отличіе отъ безчисленнаго множества другихъ Шульце, повсемѣстно проживающихъ въ Германіи; — Деличемъ прозывается онъ потому, что онъ былъ представителемъ города этого имени въ 1848 году. Въ то время Шульце-Деличу было уже 40 лѣтъ отъ роду, и онъ служилъ окружнымъ судьей (то есть, однимъ изъ 2300—2500 судей, засѣдающихъ по округамъ — въ каждомъ округѣ по одному судѣ — и получающихъ не болѣе 1,100 талеровъ ежегоднаго жалованья); въ парламентѣ онъ принадлежалъ къ лѣвой партіи. Правительству не понравилась парламентская дѣятельность Шульце, и оно перемѣстило его, какъ бы въ наказаніе, во Врешенъ. Шульце не послѣдовалъ на новое мѣсто и, выйдя въ отставку, занялся практическимъ примѣненіемъ артельного начала. Въ національномъ собраніи онъ былъ членомъ специальной комиссіи, занимавшейся изслѣдованіемъ промышленныхъ отношеній, и въ этой-то комиссіи ему стало ясно, по всей вѣроятности, его «призваніе». Шульце не что иное, какъ экономистъ. Его ярый противникъ, Лассаль, доказалъ неоспоримо, что вся экономическая ученость Шульце ограничивается трудомъ одного изъ самыхъ поверхностныхъ французскихъ экономистовъ, Бастія, изъ которыхъ и списаны всѣ сочиненія Шульце. Онъ не отличается политическими способностями, но у него есть нѣкоторыя достоинства, восполняющія и тотъ и другой недостатокъ. Это человѣкъ съ незапятнаннымъ безкорыстіемъ, одаренный сухимъ, но увлекающимъ массы краснорѣчіемъ, чрезвычайно практическимъ взглядомъ на вещи, — онъ неутомимъ въ своей дѣятельности. Цѣлые годъ, болѣе десяти лѣтъ сряду (какъ мнѣ кажется), трудился онъ на избранномъ поприщѣ и достигалъ уже крупныхъ послѣдствій, когда приверженцамъ его пришла наконецъ мысль спросить самихъ себя, откуда являютя у него средства къ жизни, такъ какъ всѣмъ извѣстно было, что онъ не получалъ за свои труды ни малѣйшаго вознагражденія. Справившись обстоятельно, они узнали, что въ семьѣ Шульце нерѣдко господствуетъ самая горькая нужда. Съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Въ качествѣ адвоката всѣхъ нѣмецкихъ ас-

соціацій, Шульце принялъ опредѣленное жалованье; приверженцы его поднесли ему, сверхъ того, значительный капиталъ, который онъ принялъ во зло самому себѣ. Но я забѣгаю впередъ. Первое кредитное общество (или сберегательную кассу — Vorschuss- und Creditverein) основалъ Шульце въ 1849 году въ Делпчѣ. По образцу этого перваго общества основаны другія съ 1856 года, сперва въ прусской Саксоніи, потомъ въ саксонскомъ королевствѣ, въ Брауншвейгѣ и Ганноверѣ. Въ сентябрѣ 1858 года, число ихъ доходило уже до 80, въ 1860 году — до 258, въ 1863 — до 420, въ 1864 — до 550, а въ 1867 ихъ было около 1600, изъ которыхъ кредитно-сберегательныхъ союзовъ было 1122; остальные ассоціаціи были или потребительныя (Consumvereine) — 250, или производительныя — 199 (Rohstoff-Magazin- und Productiv-Gemeinschaften). Кредитно-сберегательныя кассы вели въ 1866 году кредитныя дѣла на сумму 105—110 милліоновъ талеровъ, а весь годовой оборотъ ихъ былъ болѣе чѣмъ вдвое. Я не стану вдаваться въ подробное описаніе самой организаціи общества, потому что объ этомъ достаточно сказать, что всѣ шульцевскія артели основаны на принципѣ *самопомощи*, то-есть, безъ всякихъ пособій со стороны государства. Кредитъ стекается въ эти ассоціаціи весьма обильно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ получили съ начала прошлаго года всѣ льготы купческаго права, раздаваемыя нѣмецкимъ торговымъ законодательствомъ всѣмъ торговымъ обществамъ вообще. Здѣсь, въ Берлинѣ, существуетъ съ 1866 года банкъ подъ именемъ «Нѣмецкаго артельного банка» (Deutsche Gemeinschaftsbank), занимающійся съ большимъ успѣхомъ крупными денежными операціями кредитныхъ союзовъ. Взвѣсивъ на это по-истинѣ изумительное развитіе ассоціаціоннаго дѣла съ 1856 года и принимая во вниманіе то обстоятельство, что ассоціаціи перенесли безъ существеннаго урона тяжелый кризисъ 1866 года, вы почти не можете повѣрить тому, какъ социализмъ, именно въ новѣйшее время, снова поднялъ свою голову.

Зачинщикомъ новаго соціалистическаго движенія былъ Фердинандъ Лассаль, личность какъ бы нарочно созданная для агитаторскаго и революціоннаго дѣла, человекъ гениальный, остроумный, отважный и честолюбивый, обладающій всѣми качествами Катилины. Его публичная карьера началась крупнымъ скандаломъ. Изучивъ юридическія науки въ Бреславльскомъ и Берлинскомъ университетахъ и познакомившись черезъ Гейнриха Гейне (съ которымъ онъ сошелся въ Парижѣ въ 1846 году) съ Александромъ Гумбольдтомъ и Варнгагеномъ фонъ-Энзе, Лассаль отправился въ Прирейнскія провинціи, гдѣ сошелся съ графинею Гатцфельдъ, которая вела въ то время энергическій процессъ о разводѣ съ своимъ мужемъ. У графа была любовница, баронесса фонъ-Мейендорфъ. Было извѣстно, что онъ поднесъ любовницѣ значительный подарокъ въ ущербъ своему сыну. Лассаль рѣшился

овладѣть необходимымъ документомъ во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами; онъ былъ однако на столько уменъ, что предоставилъ вынимать каштаны изъ огня другимъ двумъ друзьямъ и почитателямъ графини: ассессору Оппенгейму и доктору Мендельсону. Оба они похитили изъ той гостинницы, гдѣ остановилась баронесса проѣздомъ черезъ Кельнъ, небольшую шкатулку, въ которой лежали документы и многія другія драгоценныя вещи. «Похищеніе шкатулки» — такъ назывался возникшій изъ этого происшествія процессъ—обратило на себя всеобщее вниманіе. Подобные крупныя общественныя скандалы почти всегда бывають предвѣстниками политическихъ катастрофъ, какъ признаки общественнаго разложенія. Оппенгеймъ и Мендельсонъ были представлены передъ кельнской ассизный судъ, который освободилъ отъ всякой отвѣтственности перваго, приговоривъ послѣдняго къ тяжкому лишенію свободы. Лассаль между тѣмъ обнародовалъ статью въ защиту графини Гатцфельдъ; изъ-за этой статьи начался процессъ за клевету, и Лассаль приговоренъ къ денежному штрафу, тюрьмѣ и лишенію гражданскихъ правъ на пять лѣтъ. Вскорѣ затѣмъ на него пожаловались въ судъ, какъ на главнаго виновника въ дѣлѣ похищенія шкатулки, но онъ произнесъ блестящую рѣчь передъ кельнскими присяжными засѣдателями, и его оправдали. Въ ноябрѣ того же года, онъ принималъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ, состоявшихся въ Дюссельдорфѣ въ пользу распущеннаго правительствомъ національнаго собранія, и его присудили за это къ шестимѣсячному заключенію. Будучи въ тюрьмѣ, и по возвращеніи въ Берлинъ, Лассаль не переставалъ защищать графиню Гатцфельдъ. Въ столицѣ онъ утопалъ, по примѣру Фауста, «то въ страстномъ желаніи, изъ котораго переходилъ къ наслажденіямъ, то въ наслажденіяхъ, изъ которыхъ переходилъ въ страстное желаніе». Къ 1854 году, процессъ графини Гатцфельдъ окончился въ ея пользу. Она осталась, какою она была всегда, до самой смерти Лассаля, неизмѣннымъ другомъ его. По окончаніи процесса, Лассаль вернулся къ серьезнымъ изслѣдованіямъ въ области науки, плодомъ которыхъ были два сочиненія: одно вышло въ 1858 году — «*Philosophie Heracleitos des Dunklen von Ephesus*», другое въ 1861 — «*Das System der erworbenen Rechte*». Эти оба труда обнаруживаютъ замѣчательный умъ и колоссальную ученость, но они не касаются современнаго порядка вещей. Время «новой эры» не обратило на себя вниманіе агитатора, но когда наступила пора борьбы, онъ тотчасъ почувалъ ее, какъ чуетъ коршунъ присутствіе добычи. Въ апрѣлѣ 1862 года, онъ произнесъ въ здѣшнемъ рабочемъ союзѣ самую рѣшительную революціонную рѣчь, за которую его снова приговорили на нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Его защитительныя рѣчи въ этомъ процессѣ послужили ему новымъ средствомъ къ агитаціи. Все рѣзче и яростнѣе поражалъ онъ

либераловъ; шульцевскую систему онъ объявилъ надувательствомъ, посредствомъ которой рабочіе могутъ быть введены лишь въ обманъ. Онъ требовалъ государственной помощи и поголовнаго, прямого избирательнаго права. Не смотря на постоянныя судебныя преслѣдованія Лассала, либералы предполагали или, лучше сказать, старались распространить такое предположеніе, что народный агитаторъ дѣйствуетъ за-одно съ феодалами и преимущественно съ Бисмаркомъ. Но это несправедливо,—Лассаль былъ рѣшительный революціонеръ и именно поэтому ненавидѣлъ онъ прусскихъ либераловъ самымъ жестокимъ образомъ, такъ какъ эти либералы и по принципамъ и по требованіямъ своимъ люди невѣроятно умѣренные. Чтобы окончательно разбить ихъ, Лассаль не пренебрегалъ и такимъ средствомъ, какъ правительство. Правительство и консервативная партія радовались, разумѣется, тому, что у либеральной партіи явился такой сильный врагъ съ тылу. Въ началѣ 1864 года, снова приговоренный къ двухгодичному заключенію за рѣчь, произнесенную въ Золингенѣ, Лассаль уѣхалъ въ Швейцарію, не дождавшись окончательнаго утвержденія приговора, и погибъ тамъ на дуэли 31-го августа, не достигнувъ и сорокалѣтняго возраста; его политическая дѣятельность продолжалась всего три года. Противникомъ на дуэли былъ валахскій бояринъ, Раковичъ, счастливый соперникъ Лассала въ любви къ дѣвицѣ фонъ-Дѣннигесъ, дочери извѣстнаго баварскаго депутата. Г-жа Дѣннигесъ подавала сперва надежды Лассалу; огорченный агитаторъ написалъ, поэтому, оскорбительное для Дѣннигеса письмо къ Раковичу, за которымъ тотчасъ послѣдовалъ вызовъ. Дѣвица Дѣннигесъ (сказать мимоходомъ) вскорѣ потомъ стала женою Раковича, но ненадолго; онъ, какъ мнѣ кажется, страдалъ чахоткою. Спустя годъ послѣ смерти мужа, она вышла снова замужъ за второстепеннаго берлинскаго актера. Не смотря на то, что смерть произошла отъ причины совершенно случайной, соціалистическая партія (во всякомъ случаѣ небольшая) похоронила его какъ мученика идеи. Кровь, какъ говоритъ, поэтъ, «жидкость совершенно особенная». Далѣе отрицанія, система Лассала не идетъ; онъ выставялъ, правда, свою цѣлью учрежденіе производительныхъ ассоціацій, посредствомъ пособій отъ государства, и желалъ этимъ путемъ обратить рабочихъ въ фабрикантовъ и уничтожить барышъ предпринимателей, но онъ не разъяснилъ, какимъ образомъ можетъ быть достигнута подобная цѣль.

Со смертью Лассала, соціалистическая агитація лишилась своего жизненнаго нерва; въ небольшомъ кругу возникли несогласія и споры,—преемники великаго агитатора люди весьма незначительные. Одинъ изъ консервативнѣйшихъ консерваторовъ, графъ Бисмаркъ, взялся выполнить одинъ изъ пунктовъ завѣщанія Лассала,—Бисмаркъ предложилъ ввести поголовное прямое избирательное право при избраніи депута-

товъ въ парламентъ сѣверо-германскаго Союза. Консервативная партія, уже давно отвыкшая отъ всякой самостоятельности, до того оторопѣла отъ этого предложенія, что не представила противъ него почти ни одного возраженія; либералы, постоянно порицавшіе настоящее, хотя поголовное, но не прямое избирательное право, мило улыбнулись неприятному для нихъ положенію. За то рабочіе, попявъ, какое прекрасное орудіе дается имъ въ руки, рѣшились употребить его въ дѣло, и имъ удалось уже ввести въ парламентъ незначительное число своихъ дѣйствительныхъ представителей. О причинахъ, побудившихъ графа Бисмарка установить поголовное прямое избирательное право, говорилъ отчасти самъ графъ во время парламентскихъ преній,—отчасти онѣ понятны сами по себѣ. Бисмаркъ полагаетъ, что не смотря на безусловное равенство, формально устанавливаемое поголовнымъ избирательнымъ правомъ, вліяніе естественныхъ общественныхъ разностей и неравенствъ не прекратится, и что консервативное сельское населеніе значительно превосходить по числу либеральныхъ избирателей въ городахъ. Этотъ расчетъ можетъ быть и вѣренъ, но онъ можетъ оказаться и ложнымъ. И если еще не скоро наступитъ то время, когда большинство парламента составитъ изъ представителей рабочихъ, однако уже теперь видимъ мы, что даже небольшое число этихъ представителей оказываетъ весьма значительное вліяніе на парламентскія дѣла.

Единственное отличіе, пограничную линію, отдѣляющую социализмъ отъ всякой другой политической и общественной партіи преобразованій (реформы), провести не трудно. Какими словами ни прикрывался бы социализмъ, его окончательная мысль всегда заключается въ новомъ распредѣленіи богатствъ путемъ насилія. Какъ бы идеально ни представляли социалисты свои стремленія, какъ бы превосходно ни рисовали они намъ будущее существованіе на землѣ, когда не будетъ ни бѣдныхъ, ни нищихъ, ни преступленій, ни наказаній, ни господъ, ни рабовъ, ни празднолюбцевъ, ни мотовъ, ни надменныхъ, ни приниженныхъ, когда исчезнетъ всякая борьба частныхъ интересовъ и разрушительнаго соперничества, и когда за каждымъ человѣкомъ будетъ обезпечена возможность развитія въ цѣльную личность,—во всякомъ случаѣ все это лишь утопія, и утопіями оно останется до тѣхъ поръ, пока духовные и матеріальные задатки и потребности людей будутъ также различны, какъ ихъ фізіономіи. Въ дѣйствительности же социализмъ — дикая сила, которая говоритъ богатымъ: «у васъ слишкомъ много всего!» Какъ бы вы ни произвели уравниваніе—путемъ ли государственной помощи, или прогрессивныхъ налоговъ, или прямымъ грабежемъ—результатъ получается совершенно одинаковый. Въ мірѣ все измѣняется, и, быть можетъ, наступитъ новый общественный порядокъ, вовсе не похожій на нынѣшній, но социализмъ, съ его общественнымъ

уравниваніемъ, тѣмъ не менѣе уничтожаетъ все, что есть великаго, благороднаго и прекраснаго въ человѣческой жизни; и вноситъ варварство или, лучше сказать, внесъ бы его съ собою, если бы всякій разъ, когда онъ становится серьезною силою, не встрѣчалъ бы какогонибудь Каваньяка. До настоящаго времени нынѣшнее движеніе еще не приобрѣло такихъ широкихъ размѣровъ, чтобъ сдѣлаться опаснымъ; но замѣчательно однако, что оно рѣшилось войти и сюда, въ главную твердню либерально-политической экономіи. Четыре года тому назадъ, Лассаль, взывая къ берлинскимъ рабочимъ о вступленіи въ основанный имъ общій рабочій союзъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Могущественнѣйшіе центры Германіи уже приобрѣтены нами. Лейпцигъ и фабричныя округа Германіи за насъ. Гамбургъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ шествуютъ подъ нашимъ же знаменемъ; прусскія прирейнскія провинціи идутъ уже на приступъ. Съ Берлиномъ наше движеніе станетъ неодолимымъ.» Берлинъ, правда, не идетъ еще объ руку съ движеніемъ, но движеніе уже въ Берлинѣ есть, а это чтонибудь да значить...

Но какимъ образомъ проникло оно въ Берлинъ?—Прежде всего въ этомъ виноваты сами либералы. Они снова внесли въ политическую жизнь самую пошлую лезть народнымъ страстямъ, это вѣчное искусство демагоговъ, и старались, особенно въ Берлинѣ, возвратитъ утраченное ими съ 1866 года по собственной оплошности политическое вліяніе заманиваніемъ рабочихъ разными обѣщаніями. Они именно затянули пѣсню о томъ, что бѣдные люди обложены податями сравнительно болѣе богатыхъ, и что, поэтому, ихъ слѣдуетъ облегчить отъ податей, а богатыхъ принудить къ уплатѣ болѣе сумми налоговъ. Они доказывали, что подоходный налогъ и притомъ прогрессивно-подоходный единственно справедливая подать. Тому же самому много способствовалъ пресловутый Гельдъ, человѣкъ безъ малѣйшаго признака совѣсти и не получившій основательнаго образованія, но весьма ловкій журналистъ съ врожденными способностями демагога. Онъ основалъ свою собственную газету: «*Staatsbürgerzeitung*», на деньги либернаго заводчика Даубитца, достойнаго послѣдователя на спекуляціонномъ поприщѣ еще болѣе знаменитаго фабриканта мальцъ-экстракта Гофа. Газета Гельда увѣнчалась быстрымъ успѣхомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ довела цифру своихъ подписчиковъ до 16,000, стараясь постоянно всѣми способами подрывать и разрушить прежнюю организацію либеральной партіи. Первымъ гениальнымъ дѣломъ газеты Гельда было рѣшительное отрицаніе трихинъ. Въ то время пораженные страшною смертною отъ трихиннаго отравленія въ одномъ изъ мелкихъ саксонскихъ городовъ, многіе врачи, съ Вирховомъ во главѣ, приняли на себя трудъ осмотрѣть мясо въ разныхъ мѣстахъ продажи, что сопровождалось значительнымъ убыткомъ для мясниковъ. Гельдъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше и объявилъ, что



нѣтъ никакихъ трихинъ, и что если есть трихины, то они совершенно безвредны. Напрасно Вирховъ, Лейкгардтъ и другіе представляли результаты своихъ многолѣтнихъ опытовъ, ссылались на дѣлья гекатомбы кроликовъ, окормленныхъ трихинами и потомъ убитыхъ для разъясненія всего трихиннаго процесса, — Гельдъ продолжалъ утверждать, что трихинъ нѣтъ, что все это вздоръ. На его сторону перешли, разумѣется, всѣ мясники—словіе весьма вліятельное;—индифферентисты радовались, какъ радуются они всякому скандалу и газетному безстыдству,—вся читающая чернь тоже применила къ Гельду, какъ къ человѣку, умѣющему быть интереснымъ и льстить ея грубому вкусу. Чернь составляетъ большинство. Смѣшно сказать, что въ этой трихинной исторіи, въ лицѣ Вирхова, нераздѣльно соединяющаго въ себѣ роль естествоиспытателя съ ролью политика, былъ нанесенъ первый ударъ популярности такъ называемой прогрессивной партіи (*Fortschrittspartei*). Вторымъ ловкимъ и удачнымъ фокусомъ «*Staatsbürgerzeitung*» было грязное скандальное происшествіе, сдѣлавшееся публичнымъ, благодаря безцеремонной ловкости Гельда. Новая исторія была передана неточно и не вполне справедливо, рассказъ послужилъ поводомъ къ дѣлому ливню разъясненій и возраженій, и дѣло дошло наконецъ до суда, который присудилъ подставного (за деньги) редактора газеты къ тюремному заключенію, что вполне обезпечило успѣхъ гельдовскаго предпріятія. Спустя два мѣсяца, благородный органъ уже рассказывалъ, что герръ фонъ - Гейдтъ, министръ финансовъ, проигралъ въ такомъ-то питейномъ домѣ около 8 или 10 тысячъ талеровъ. Не смотря на самыя положительныя официальные увѣренія въ противномъ, «*Staatsbürgerzeitung*» продолжала настаивать на справедливости своего рассказа. Министерству приходилось только затѣять процессъ; свидѣтели подъ присягою показали, что Гейдтъ никогда не бывалъ въ указанномъ питейномъ домѣ,—«*Staatsbürgerzeitung*» снова подверглась судебной карѣ въ лицѣ другого купленнаго редактора, а дѣйствительный редакторъ потиралъ отъ удовольствія руки, видя сильное прибавленіе въ числѣ своихъ подписчиковъ. Наконецъ, уже въ самое послѣднее время, Гельдъ открылъ въ одинъ прекрасный день, что дефицитъ, отягощающій городъ Берлинъ, можетъ быть покрытъ вмѣстѣ со всѣми долгами города, весьма легко и просто, посредствомъ выпуска безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ, и онъ носится съ этимъ планомъ неутомимо и серьезно до сихъ поръ. Я склоненъ думать, что если когда нибудь въ послѣдствіи у него окажется недостатокъ въ забористомъ матеріалѣ, онъ не поколеблется опровергнуть ученіе о кровообращеніи или привести доказательство тому, что солнце вращается около земли. Правду говорить поговорка: «*Mundus vult decipi*»—мѣръ желаетъ обманываться.

Въ мартѣ здѣсь состоялись сходки рабочихъ людей для преній по

поводу господствовавшего въ то время голода. Сильнѣйшій гнѣвъ этихъ сходовъ палъ весьма характеристично на газеты, которыхъ обвинили въ томъ, что они находятся въ услуженіи капитала. Рентіеры названы были лѣннивцами, которые питаются на счетъ труда рабочаго сословія; все вообще, что не подходитъ подъ признаки «рабочаго», признано было общимъ врагомъ рабочихъ людей. Многіе люди, истратившіе лѣтъ двадцать своей жизни въ борьбѣ за политическую свободу, трудившіеся въ пользу народа, какъ они ее понимали, и находившіе въ заслуженной популярности вознагражденіе за весьма тяжелыя, нерѣдко личныя пожертвованія, остаются теперь въ пренебреженіи, — съ ними обходятся какъ съ школьниками, ихъ считаютъ чуть не обманщиками. Реакціонная партія смотритъ на это съ великимъ удовольствіемъ, такъ какъ она всегда предсказывала, что въ концѣ концовъ всѣ тѣ, кто сегодня стоитъ во главѣ движенія, завтра окажутся въ заднихъ рядахъ его. Въ заключеніи всего, предвѣщала она, только одна армія станетъ единственнымъ спасителемъ, и испуганные бюргеры бросятся въ объятія неограниченной власти арміи, какъ это случилось не разъ во Франціи. Въ прежнія времена (прибавляютъ они) было, конечно, весьма удобно утверждать, что въ Германіи не существуетъ такой жестокой ненависти низшихъ сословій противъ высшихъ, какою проявляется она во Франціи, по слѣдующему описанію Ромьё въ его «Spectre rouge»: «Ненависть къ богатымъ тамъ, гдѣ есть богатые; ненависть къ мелкому буржуа, гдѣ остались одни лишь бѣдные; ненависть къ фермеру тамъ, гдѣ есть только батраки; ненависть низшихъ противъ высшихъ во всякой степени — такова та Франція, которую устроили для насъ, или, лучше сказать, которую мы сами устроили.»

Соціалистическая партія нисколько не скрываетъ своего желанія овладѣть государственною властью, для измѣненія политическихъ и общественныхъ отношеній въ смыслѣ интересовъ «рабочаго сословія». Швейцеръ, одинъ изъ вождей этой партіи и членъ сѣверо-германскаго парламента, объявляетъ объ этомъ безпрестанно, при каждомъ удобномъ случаѣ. Другой вождь соціалистовъ, Либкнехтъ, тоже засѣдающій теперь въ прусскомъ и сѣверо-германскомъ парламентахъ, высказывалъ, уже въ февралѣ 1864 года, передъ членами рабочаго союза здѣшнихъ типографщиковъ, слѣдующія замѣчательныя предположенія: — «Если государство либераловъ сдѣлаетъ вамъ, милостивые государи, какіянибудь уступки, то примите ихъ, но безъ благодарности, ибо вамъ дадутъ небольшую долю вашего права, и притомъ съ цѣлью принести пользу не вамъ лично, а государству, въ томъ видѣ, какъ оно нравится этимъ господамъ (то есть, либераламъ). Помочь народу можетъ только то государство, о которомъ народъ могъ бы сказать: «я — государство». Но народное государство не *помогаетъ* народу, оно само народъ, и въ немъ народъ помогаетъ самому себѣ. Только такимъ

образомъ государственная помощь совпадаетъ съ самопомощью, и только въ этой формѣ «самопомощь» является не пустымъ призракoмъ.»

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, трудно питать дѣйствительныя надежды на дальнѣйшее развитіе рабочаго вопроса мирнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи, однако, весьма утѣшительнымъ явленіемъ служатъ ассоціаціи, которыя держатся рѣшительно противосоціалистическаго направленія, и число членовъ въ которыхъ достигаетъ въ настоящее время цѣлаго полу-милліона. Весьма важны также, для той же цѣли, всѣ либеральныя реформы: право стачекъ, уничтоженіе законовъ противъ ростовщичества, отмѣна тюремнаго заключенія за долги и т. п. Противорѣчіе интересовъ и возникшая изъ него борьба не прекратится, конечно, силою однихъ реформъ. Скептический Іоганнесъ Шерръ говоритъ, поэтому, весьма справедливо въ только-что появившемся сочиненіи: «1848 — 1851, — комедія міровой исторіи» (eine Comödie der Weltgeschichte), пиша слѣдующія строки, напоминающія манеру Карлайля:

«Что третье сословіе вступило въ сословіе привилегированныхъ людей противъ четвертаго, непривилегированнаго, что капиталисты сомкнулись противъ рабочаго, буржуа противъ «бѣлаго негра», пролетарія, — это совершенно въ порядкѣ вещей, да такъ и быть должно, такъ оно по человѣчеству, то есть, истекаетъ естественнымъ образомъ изъ сущности человѣка, который всего менѣе — ангелъ. Также естественно и то, что бѣлый негръ съ своей стороны нашелъ свое положеніе неудобнымъ и сталъ задумываться объ укладываніи его по удобію. Буржуазія нуждается, для успѣшнаго веденія своихъ дѣлъ, въ «рукахъ», въ большомъ и все увеличивающемся числѣ рукъ, и она до такой степени вдается въ эту нужду, что сама старается объ усиленіи своего отъявленнѣйшаго врага, то есть, о созданіи массами разрастающагося пролетаріата. «Руки» напали на легкодоступную мысль сосчитать себя и спросить другъ друга: справедливо ли то, что мы люди, именно мы, составляющіе четвертое сословіе, предназначены быть всегда и на вѣки вѣковъ ничѣмъ инымъ, какъ только работающими машинами, для доставленія услугъ и пользы другимъ? Слѣдуетъ ли и должно ли капиталу быть во всѣ времена звѣрскимъ тираномъ, и долженъ ли трудъ оставаться на вѣчныя времена униженнымъ и угнетеннымъ рабомъ? Это называютъ социальнымъ вопросомъ. Онъ послужилъ поводомъ къ самымъ глубокимъ изслѣдованіямъ и весьма шумнымъ спорамъ. Но дѣйствительный смыслъ ученыхъ изысканій совпадаетъ съ краткимъ значеніемъ длинныхъ рѣчей въ томъ, что четвертое сословіе желаетъ пользоваться привилегіями трехъ привилегированныхъ сословій. Войдя во вкусъ этихъ привилегій, оно даже не желаетъ имѣть своего «бѣлаго негра», и стоитъ смѣлымъ фронтомъ противъ пятаго сословія; пятое при тѣхъ же самыхъ условіяхъ возстанетъ про-

тивъ шестого, и такъ далѣе до безконечности. Ибо благая вѣсть о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей была и будетъ мечтою благожелательствующихъ мечтателей. Люди *не могутъ* быть равными, они *не желаютъ* быть свободными, они, конечно, братья, но «враждующіе братья.»

Такъ говоритъ Шерръ. Онъ не видитъ въ этомъ явленіи того утѣшительнаго факта, что въ описанномъ у него безконечномъ процессѣ кругъ людей, приобретающихъ возможность вести существованіе, приличное человѣку, все *увеличивается* и увеличивается.

Проходя надняхъ мимо оконъ одной книжной лавки, я невольно остановился передъ нею, увидѣвъ небывалую до сихъ поръ ландкарту. Я видалъ политическія и физическія карты,—видалъ я всевозможныя магнитныя, метеорологическія, статистическія карты,—карты, на которыхъ обозначались густота населенія, различіе вѣроисповѣданій и даже нравственныя отношенія, согласно знаменитому изложенію Кетле: «все, что кажется предоставленнымъ на произволь случая, свободной воли, страстей человѣческихъ или степени умственнаго развитія, — все это подлежитъ такимъ же твердымъ, ненарушимымъ и вѣчнымъ законамъ, какъ явленія матеріальнаго міра». Но такой карты, каковую я видѣлъ въ той лавкѣ, я никогда не видалъ. Однако, не буду злоупотреблять любопытствомъ читателя. Я увидѣлъ ландкарту, на которой изображена была организація арміи Сѣверо-германскаго Союза. Въ ней осуществлялся въ дѣйствительности идеаль дружелюбнаго единенія: многообразіе становилось единствомъ. Широкая полоса краски обозначала границу всего Союза, за которою отовсюду выглядывали штыки; большіе круги обозначали ту или другую корпусную (армію) область, малыя — ту или другую полковую область, — затѣмъ показаны были также батальоны ландвера. Такова уже наша страна обязательной военной службы! Одинъ взглядъ на эту карту могъ бы подвинуть Елигу Борритта (Elihu Burritt) къ самымъ патетическимъ діатрибамъ противъ войны, противъ постоянныхъ армій и противъ вооруженнаго мира. Какъ бы то ни было, но міръ не измѣняется отъ набожныхъ желаній. Никто не броситъ штыковъ въ старыя хламья даже въ томъ случаѣ, если голландцы добудутъ 30 милліоновъ франковъ, необходимыхъ для сравненія люксембургской крѣпости съ лицомъ земли, и если они дѣйствительно употребятъ эти милліоны на разрушеніе Люксембурга, если Жиранденъ перестанетъ полагать, что міръ можетъ быть обезпеченъ лишь переходомъ Рейна во французскія руки, и если ни одинъ французскій маршалъ не станетъ пускаться въ неосторожныя заявленія. «*Divitiarum secunda possessio non est, nisi armorum defensione servetur*» говоритъ Вередій. Но становясь

даже на высшую точку зрѣнія, чѣмъ законы о матеріальныхъ интересахъ, намъ приходится все-таки признаться въ томъ, что при настоящемъ положеніи человѣческаго рода, война есть необходимое средство противъ зла, сопровождающаго мирное состояніе обществъ. Даже не пускаясь ни въ какія далекія предположенія, можно съ положительностью сказать, что одинъ фактъ существованія такой колоссальной державы, во всякое время готовой къ войнѣ, какъ Сѣверо-германскій Союзъ, оказываетъ уже теперь свое благотворительное вліяніе на окружающій міръ и упрощаетъ работы дипломатіи. Еслибъ представить вамъ хронику событій послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, какъ они изображаются въ газетахъ, то пришлось бы изобразить настроеніе Германіи чѣмъ-то постоянно колеблющимся между страхомъ и надеждою, смотря по разнымъ заявленіямъ, то угрожающимъ, то примирительнымъ, съ французской трибуны, по рѣчамъ воинственнаго Ніеля и миролюбиваго Руэ. Не вѣрьте въ этомъ отношеніи ни одному слову! Все это движетъ только газеты, которымъ необходимо ежедневно занимать публику какими-нибудь политическими бреднями. Въ обществѣ, въ массахъ, всѣ эти непогоды и грѣзы не оказываютъ никакого вліянія. Всѣмъ извѣстно, впрочемъ, что графъ Бисмаркъ серьезно желаетъ сохраненія мира. Онъ не разъ заявлялъ, въ интимныхъ бесѣдахъ, что считаетъ войну между Франціею и Германіею величайшимъ несчастіемъ для обоихъ народовъ, кому бы изъ нихъ не выпала побѣда, ибо такая война нанесла бы значительный ударъ цивилизаціи. Что онъ умѣетъ приносить жертвы въ пользу этого убѣжденія,—это доказано люксембургскимъ вопросомъ и во многихъ другихъ мелкихъ случаяхъ, въ которыхъ Бисмаркъ показалъ, что онъ умѣетъ щадить французскую щепетильность. И ничего не можетъ быть глупѣе обвиненій Бисмарка въ трусости, которыя такъ охотно расточаются членами крайней лѣвой партіи въ сѣверо-германскомъ таможенномъ парламентѣ. Противъ подобныхъ нападеній онъ можетъ вполне утѣшиться словами Гёте:

Hat jeder Wallfisch seine Laus,  
Kann ich auch wohl die meine haben.

Что воинственныя приготовленія въ Германіи не препятствуютъ дѣламъ мира, въ этомъ можно убѣдиться изъ постоянно-вырастающей дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ обмѣна, изъ прочнаго положенія биржевыхъ дѣлъ и изъ продолжающихся уже цѣлые полгода парламентскихъ трудовъ въ прусскомъ сеймѣ, сѣверо-германскомъ, таможенномъ и снова въ сѣверо-германскомъ, которые были посвящены по ббльшей части матеріальнымъ интересамъ и окончились цѣлымъ рядомъ важныхъ законовъ. Упомяну здѣсь лишь о законѣ, устанавливающимъ свободу поселенія во всѣхъ мѣстностяхъ Сѣверо-германскаго

Союза, о законѣ, отмѣняющемъ существовавшія до сихъ поръ въ отдѣльныхъ государствахъ Союза полицейскія стѣсненія свободы вступленія въ бракъ, о законѣ, уничтожающемъ тюремное заключеніе за долги, о таможенномъ и торговомъ договорѣ съ Австріею, объ отмѣнѣ законовъ противъ ростовщичества; входитъ въ лабиринтъ парламентскихъ преній по этимъ вопросамъ я считаю напраснымъ, такъ какъ читатели ваши едва ли будутъ интересоваться разными тонкостями парламентской тактики. Предлагаю, впрочемъ, обстоятельный обзоръ важнѣйшихъ парламентскихъ преній въ таможенномъ парламентѣ.

По окончаніи засѣданій въ прусскомъ парламентѣ 29-го (17) февраля, собрался сѣверо-германскій парламентъ 23 (11) марта, а 27 (15) апрѣля состоялось уже первое засѣданіе таможеннаго парламента, который рѣшилъ всѣ свои дѣла въ продолженіи четырехъ недѣль, и закрыть 23 (11) мая. Таможенный парламентъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ всѣхъ членовъ сѣверо-германскаго парламента и изъ депутатовъ южной Германіи, избираемыхъ поголовною подачею голосовъ по одному на каждые 100 тысячъ южно-германскаго населенія. Выборы въ южной Германіи оказались весьма неблагоприятны для партіи національныхъ либераловъ. Изъ 80 депутатовъ только 20 являются приверженцами этой партіи: въ Виртембергѣ не избрано ни одного національнаго либерала; даже въ Баденѣ, правительство котораго придерживается рѣшительно національно-либеральнаго образа мыслей, разныя партіи уравновѣсили стремленіе либераловъ къ національному единству; — изъ Баваріи пріѣхали, кромѣ значительнаго числа ультрамонтановъ и партикуляристовъ, нѣкоторые рѣшительные націоналисты и довольно значительное число средней партіи, подъ руководствомъ умнаго государственнаго челоуѣка, баварскаго перваго министра, князя Гоенлоэ который пожелалъ засѣдать въ парламентѣ въ качествѣ не правительственнаго комиссара, а народнаго депутата, достигающаго своего парламентскаго мѣста путемъ избранія. Эта умѣренная средняя партія желаетъ устроенія германскаго единства съ сохраненіемъ до сихъ поръ существующихъ государственныхъ властей, — устроенія постепеннаго на основахъ, предлагаемыхъ таможеннымъ союзомъ. Самыми горячими ораторами были швабы, племенной особенностью которыхъ считается упрямство. Они смотрятъ на Пруссію почти также, какъ смотрѣли на Римъ древніе христіане, — какъ на великій Вавилонъ, источникъ всякаго грѣха. Основныя права пруссаковъ состоятъ въ томъ, — такъ шутили они — чтобы платить подати, быть солдатомъ и не развѣвать рта. Противники отвѣчали имъ тѣмъ же и въ тѣхъ же выраженіяхъ: «Швабы не желаютъ платить податей и быть солдатами, но развѣвать ротъ какъ можно шире они всегда готовы.» Сперва швабы (подъ этимъ названіемъ разумѣютъ однихъ лишь виртембергскихъ депутатовъ, хотя часть прежней Швабіи принадлежитъ и Ба-

варіи) не желали даже ѣхать въ Берлинъ. Робертъ Мольтке, одинъ изъ ихъ вождей, поклялся даже, что его живого не привезутъ въ Берлинъ. Однако онъ все-таки пріѣхалъ сюда. Прибывши въ Берлинъ, швабы не хотѣли было показаться въ бѣлой залѣ королевскаго замка, во время торжественнаго открытія парламента, а все-таки явились туда. Кромѣ этихъ непослѣдовательностей были, впрочемъ, еще и другія. Въ первыхъ засѣданія парламента всеразличные южно-германскіе противники нѣмецкаго единства увидѣли себя соединенными въ одну большую партію: тутъ были и ультрамонтане, которіе все еще видятъ въ Австріи (несмотря на нынѣшнее либеральное правительство въ Вѣнѣ) прочнѣйшій якорь своихъ упованій, и приверженцы министровъ Варнбюлера и Дальвигка, и ультрадемократы, идеальное представленіе которыхъ о будущей Германіи состоитъ въ раздѣленіи общаго отечества на опредѣленное число республикъ, соединенныхъ между собою, подобно швейцарскимъ кантонамъ, по возможности слабымъ союзомъ, и которые желаютъ замѣнить постоянное войско особою милиціонною системою. Всѣ они сомкнулись въ враждебномъ городѣ въ одинъ узкій кружокъ: они жили вмѣстѣ, ѣли и пили за однимъ столомъ (а они привыкли пить много); они составляли въ парламентѣ особую группу и прятались, подобно цыплятамъ подъ курицею, подъ покровительственнымъ щитомъ ихъ собственныхъ министровъ. Только одна крупная ошибка противниковъ могла доставить имъ случай одержать побѣду; національные либералы готовы были впасть въ эту ошибку, но Бисмаркъ снова выкинулъ мастерскую штуку и успѣлъ овладѣть положеніемъ вещей.

Тронная рѣчь, которою открыты, въ присутствіи самого короля, засѣданія таможеннаго парламента, была сдержанная и тщательно избѣгала всего, что могло бы задѣть за живое южно-германское сердце. Она связывала, вовсе не упоминая о перемѣнахъ, произведенныхъ событіями 1866 года, таможенный парламентъ съ прежнимъ таможеннымъ союзомъ, который, «распространяясь могуществомъ національной идеи, получившей въ немъ свое выраженіе», обнялъ мало-по-малу, впродолженіи сорока лѣтъ, большую часть Германіи. Далѣе рѣчь перечисляла всѣ предложенія, которыя имѣли быть представлены парламенту, бросила дружественное слово Австріи, другое дружественное слово союзнымъ правительствамъ, и удовлетворила, наконецъ, самихъ національныхъ либераловъ, весьма ловко напомнивъ парламенту, что нѣмецкія государства соединились въ одно цѣлое для охраненія мира (то есть посредствомъ военныхъ конвенцій), и что для достиженія этой цѣли они рассчитываютъ на сосредоточеніе силъ нѣмецкаго народа. Выборы въ председатели собранія дали перваго председателя въ лицѣ Сямсона, председателя нынѣшняго сѣверо-германскаго парламента и бывшаго въ 1848 году председателемъ франкфуртскаго національнаго

собрания; вторымъ предсѣдателемъ избранъ князь Гоенлое, а третьимъ герцогъ Уестъ. Этотъ послѣдній одержалъ побѣду надъ кандидатомъ либеральныхъ партій Роггенбахомъ, благодаря составившейся въ пользу его коалиціи изъ прусскихъ консерваторовъ и «южно-германской фракціи». Эта коалиція дала себя знать еще чувствительнѣе, когда національные либералы рѣшились напасть на систему виртембергскихъ выборовъ, такъ какъ штутгартское правительство употребило всевозможныя средства для пораженія кандидатовъ національной партіи. Варнбюлеру и Митнахту, обоимъ виртембергскимъ министрамъ, попавшимъ въ члены таможенного парламента, нельзя не отдать справедливости въ томъ, что они сдѣлали при этомъ случаѣ храбро выдержать атаку и задать жестокою головою по крайней мѣрѣ слишкомъ пылкому депутату Брауну, который дерзнулъ шутивно замѣтить, что южные нѣмцы въ парламентѣ годятся только на завтракъ. Виртембергскіе выборы были одобрены значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ третій разъ двинулась коалиція въ походъ, когда національные либералы внесли проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Само собою разумѣется, что либераламъ хотѣлось внести въ этотъ проектъ заявленіе надежды на быстрое объединеніе Германіи. Это была крупная ошибка, такъ какъ подобная демонстрація не имѣетъ никакого смысла, если ее производить не единодушно. Южно-германскіе партикуляристы не только противились ей, но еще задумали воспользоваться этимъ адресомъ (какъ мѣрою, превышающею права парламента) для составленія протеста противъ всей дѣятельности таможенного парламента, или какъ удобнымъ предлогомъ для выхода изъ парламента. Съ другой стороны, молчаніе парламента о національных надеждахъ было бы неизбѣжно принято за прямое отреченіе отъ нихъ. Графъ Бисмаркъ погрузился въ непроницаемое молчаніе. Только за день до преній консерваторамъ дано понять, что правительство не желаетъ адреса, и снова коалиція южно-германцевъ съ прусскими консерваторами, къ которымъ присоединились въ этотъ разъ и прусскіе демократы, нанесли пораженіе либераламъ. Незначительнымъ большинствомъ голосовъ парламентъ перешелъ отъ преній о проектѣ отвѣтнаго адреса къ очередному порядку дня. Партикуляристы торжествовали. Къ этому торжеству присоединилось еще то обстоятельство, что таможенный парламентъ отвергъ предложенное ему повышеніе на табакъ, принявъ только уравниеніе (во всякомъ случаѣ важное въ принципѣ). Послѣ этого факта нельзя было не предвидѣть той же участи налога на нефть. Но Бисмаркъ успѣлъ однимъ ударомъ повернуть теченіе дѣлъ въ другую сторону. Воспользовавшись однажды консерваторами для того, чтобы нанести пораженіе національнымъ либераламъ, ловкій министръ рѣшился теперь выступить на сцену и вырвать побѣду изъ рукъ южно-германцевъ. Очень можетъ быть, что онъ и



самъ сомнѣвался въ возможности побѣды, и что въ это именно время съ устъ его сорвалось замѣчательное слово, о которомъ такъ много говорить: «Таможенный парламентъ — это яйцо, снесенное мною. Если это пустое яйцо, то я могу и наступить на него!» Но счастье улыбнулось ему. Исходъ преній объ отвѣтномъ адресѣ произвелъ на всѣхъ, даже на побѣдителей, дурное впечатлѣніе, — они стыдились своего собственнаго торжества, и это чувство становилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе хвалились французскія газеты, что таможенный парламентъ отрекся отъ національной идеи изъ боязни передъ Франціею. Незначительное обстоятельство послужило Бисмарку поводомъ нанести сильный ударъ. При обсужденіи австрійскаго таможеннаго договора, посредствомъ котораго понижены пошлины на вина, національный либераль Бамбергерь внесъ предложеніе о томъ, что таможенно-союзному совѣту слѣдуетъ хлопотать объ облегченіи неудобствъ, къ которымъ поведетъ пониженіе упомянутыхъ пошлинъ въ Гессенѣ, гдѣ существуютъ слишкомъ высокіе внутренніе налоги на употребленіе винъ. Гессенскій комиссаръ союзаго совѣта, тайный совѣтникъ Гофманъ, оспаривалъ право парламента и таможеннаго союза на подобное вмѣшательство въ раскладку внутреннихъ налоговъ отдѣльныхъ государствъ, а одинъ изъ вюртембергскихъ депутатовъ, Пробстъ, угрожалъ даже, въ случаѣ парламента превзыскать свои права, вмѣшательствомъ Франціи. Это было слишкомъ. Бисмаркъ, явившійся въ собраніе во время преній, ухватился за эту угрозу и, замѣтивъ гессенскому комиссару, что вопросъ о правахъ парламента можетъ быть рѣшенъ только таможенно-союзнымъ совѣтомъ in concreto, и что онъ, Бисмаркъ, не желаетъ ни расширенія, ни ограниченія правъ парламента, отвѣчалъ Пробсту, что воззваніе къ страху никогда не найдетъ отголоска въ нѣмецкихъ сердцахъ. Дѣйствіе этихъ словъ было магическое и, по всей вѣроятности, чтобы не ослабить ихъ вліянія, парламентъ закрытъ спустя нѣсколько дней, а депутатовъ отвезли на экстренномъ поѣздѣ, послѣ многихъ веселыхъ попоекъ, въ Киль для осмотра нѣмецкаго флота. Самые фанатичные изъ партикуляристовъ не могли не поддаться всѣмъ чарамъ братскаго гостепріимства и провозглашали тосты, находившіеся въ прямомъ противорѣчьи съ тѣми идеями, для проведенія которыхъ ѣхали эти депутаты въ Берлинъ.

Когда въ Гессенѣ правительственныя вѣдомства старались нанести пораженіе на выборахъ національно-либеральному депутату Бамбергери, этотъ послѣдній сказалъ слѣдующее: — «Правительство поступаетъ неблагоразумно. Я уже національный либераль и приверженецъ единства; мнѣ испортиться невозможно. Но если въ Берлинѣ отираются партикуляристы, благонамѣренные люди, то они развратятся тамъ и воротятся зараженными національною идеею.» Я не стану утверждать, что впечатлѣнія, вынесенныя отсюда южно-германскими

депутатами, уже рѣшили судьбу депутатовъ, но эти впечатлѣнія проникли во всякомъ случаѣ глубоко и двоякимъ образомъ. Депутаты видѣли, во-первыхъ, что сѣверо-германскій народъ не питаетъ къ нимъ никакого враждебнаго чувства. Во-вторыхъ, они почувствовали здѣсь впервые пульсацію политической жизни *большого* государства.

Обращаясь къ новымъ явленіямъ въ литературѣ, я прежде всего долженъ признаться, что ни по какой отрасли нельзя указать на что-нибудь выходящее изъ ряду, что-нибудь необыкновенное, такъ что критику приходится выбирать изъ волнъ нѣмецкаго издательства или наудачу, или руководствуясь собственнымъ вкусомъ. Напрасно прислушивается онъ, не скажется-ли голосъ времени, не отзовется-ли гдѣ особенно ясно бѣненіе сердца современности; характеристическая черта эпохи состоитъ именно въ томъ, что эпоха эта вовсе не характеристична. Казалось бы, за великою и счастливою войною, какую вела Пруссія въ 1866 году, долженъ былъ бы послѣдовать сильный порывъ и въ литературѣ. Эллинская литература достигла своей кульминаціонной точки послѣ персидскихъ войнъ; подвиги Фридриха-Второго, какъ то призналъ Гёте, внесли въ нѣмецкую литературу новую жизнь.

Но война 1866 года, передѣлавъ карту Германіи, не дала ей духу ни новаго характера, ни новаго направленія, и это понятно, такъ какъ война создала положеніе дѣлъ чисто переходное, ничего не закончила, никого не удовлетворила окончательно, и никто не можетъ предвидѣть съ увѣренностью, будетъ-ли конечный результатъ того развитія, которое началось этой войною, соответствовать началу. Поэтому и въ политической литературѣ до сихъ поръ преобладаетъ полемика.

Приверженцы низложенныхъ династій безъ устали повторяютъ свои обвиненія противъ Пруссіи, утверждая, что отъ нея исходило нарушеніе мира въ 1866 году, и что присоединенія ею совершенныя представляютъ верхъ несправедливости.

Такъ, напримѣръ, прежній ганноверскій министръ исповѣданій фонъ-Годенбергъ издалъ брошюру: «Шесть писемъ о замѣшательствѣ въ понятіяхъ и совѣсти, въ области современной политики, церкви и науки», въ которой онъ самымъ неумѣреннымъ образомъ нападаетъ на Пруссію. — «Нарушеніе даннаго слова, посягательство противъ союза, ложь, оскорбленіе правъ, кража, грабежъ и завоеваніе» — говоритъ онъ — «легли на германскую честь и на христіанскую совѣсть, за тяжкіе грѣхи, совершенные именно въ политической жизни». Ясно, что всѣ эти грѣхи онъ приписываетъ Пруссіи. Изъ этой же точки исходитъ извѣстный нидерландскій политическій дѣятель Грэнъ ван-Принстереръ, консерваторъ, который въ нѣсколькихъ брошюрахъ ук-

рять приверженцевъ своей партіи въ Пруссіи за то, что они отреклись отъ всѣхъ своихъ принциповъ.

Въ самой Пруссіи только два консерватора имѣли смѣлость открыто разорвать связи со своими политическими друзьями, за то, что послѣдніе нарушили принципы консерватизма. Это — г. фон-Герлахъ, тотъ самый, который въ эпоху самой темной реакціи, былъ *Spiritus familiaris* «Крестовой газеты» и писалъ для нея пресловутыя свои ежемѣсячныя обзорѣнія, и г. фон-Говенъ (*Gauvain*), которому даже самъ Герлахъ кажется еще недостаточно консервативнымъ. Что прусскіе консерваторы въ самомъ дѣлѣ нарушили принципы консерватизма—объ этомъ не можетъ быть спора. Принимая легитимное начало, сверхъестественное право династій—за основу и подпору своего ученія, прусскіе консерваторы не могли согласовать съ нею завоеванія Ганновера, Гессена и Нассау. Какovy бы ни были вины владѣтелей этихъ земель передъ Пруссіею, она, одержавъ побѣду, должна была, слѣдуя этому принципу, оставить ихъ на престолахъ. Но излишне было бы доказывать, что такому великодушію не только препятствовали сильныя политическія причины, но и соответствовало бы нечеловѣческое смиреніе.

Нападки въ родѣ приведенныхъ были крайне неудачны для консервативной партіи. Пусть бы демократы и либералы писали, что имъ угодно—на это не обращалось и вниманія. Но слышать приговоръ, со стороны людей извѣстныхъ по своему консервативному образу мыслей, было больно, тѣмъ больнѣе, что прусскіе консерваторы не могли не соглашаться сами потихоньку, что они нарушили свои принципы.

Грэнъ ван-Принстереръ, который лично хорошо знакомъ съ здѣшними отношеніями, напалъ спеціально на «придворныхъ теологовъ» и одинъ изъ нихъ — какъ я думаю, самый главный изъ нихъ, первенствующій членъ евангелической церкви въ Пруссіи, придворный и соборный проповѣдникъ, дворцовый пасторъ и вмѣстѣ генераль-суперинтендентъ бранденбургской монархіи, г. Гоффманнъ—поднялъ перчатку и отвѣчалъ толстою книгою. Эта книга, носящая нѣсколько странное заглавіе: «Германія прежде и нынѣ, въ свѣтѣ царствія божія» <sup>1)</sup>, доказываетъ, что Пруссіи предстояло божественное призваніе, или, если предпочтете выраженіе небогословское, — что все случилось, какъ было суждено. Впрочемъ, въ этой книгѣ нельзя отнести одной шуткой. Г. Гоффманнъ—высокообразованный человѣкъ, почтенный дружбою королей Фридриха-Вильгельма IV и Вильгельма, нынѣ царствующаго; обращаясь въ самомъ знатномъ кругу, онъ имѣлъ случай узнать много такого, что можетъ бросить любопытный свѣтъ на событія и

<sup>1)</sup> Deutschland einst und jetzt, im Lichte des Reiches Gottes. Berlin, 1868. Stülke und van Muyden, 532 стран.

настроения въ этомъ кругу. Г. Гоффманнъ прочелъ важнѣйшія историческія сочиненія изъ старыхъ и почти все, что только являлось въ политической литературѣ, и воспользовался всѣмъ этимъ.

Конечно, и всего этого еще недостаточно, чтобы сдѣлаться историкомъ; г. Гоффманнъ и не сдѣлался имъ—для этого ему недостаетъ порядка и метода, которыя приобрѣтаются только посвященіемъ себя *одной* спеціальности;—онъ остался дилетантомъ, но книга его все-таки поучительна, какъ произведеніе умнаго и начитаннаго человѣка. Задачу свою (доказать несправедливость обвиненій, предъявленныхъ противъ Пруссіи) онъ рѣшаетъ довольно ловко, но за то ему пришлось отдать окончательно въ жертву принципъ легитимизма, въ томъ видѣ, какъ его столь долго защищала консервативная партія.

Вотъ что онъ говоритъ въ заключеніи 12-й главы, полемизируя противъ майнцаго архіепископа Кеттелера: — «Монархическій принципъ на христіанско-германской почвѣ не нуждается въ защитѣ той теоріи, которая дѣлаетъ изъ королей земныхъ боговъ и ставитъ ихъ выше той среды, гдѣ грѣху соотвѣтствуетъ наказаніе. Правда, переходъ былъ тягостенъ для связанныхъ присягою новыхъ подданныхъ прусскаго короля, но вина въ этомъ падаетъ на прежнихъ государей, которые не хотѣли преклониться передъ могущественною десницею Бога и не хотѣли нести сами то, что они хотѣли причинить Пруссіи. Что касается нарушенія принциповъ прусскою консервативною партіею, потому только, что она не объявила себя противъ войны и противъ побѣды, какъ-то сдѣлалъ одинъ г. Герлахъ, то это мнѣніе основано только на неясномъ представленіи, такъ какъ консервативная партія уже давно прежде измѣнила свой взглядъ на Австрію и на возможность совмѣстнаго съ нею объединенія Германіи, и къ этому она была понуждена главнымъ образомъ самой Австріею. Потому-то, и эта партія можетъ славить войну бывшую два года назадъ, какъ дѣло освобожденія.»

Если сравнить этотъ взглядъ съ тѣмъ, который высказывался англійскими теологами времени Карла I относительно «божественнаго права», и со взглядомъ Лютера и его современниковъ въ германской евангелической церкви, то разногласіе бросается въ глаза. Въ первой половинѣ книги вообще очень мало проявляется «царство Божіе», то есть религиозный элементъ. Ему посвящена другая половина, въ которой авторъ проводитъ мысль объ установленіи въ Германіи религиознаго единства, которое ему кажется необходимымъ дополненіемъ единства національнаго. Онъ требуетъ съ этой цѣлью, чтобы папа отказался отъ права, которое онъ присвоилъ себѣ съ теченіемъ времени, и возвращенія католической догматики къ тому виду, какой она имѣла въ шестомъ вѣкѣ: хотя, и затѣмъ, полное соединеніе двухъ вѣроисповѣданій самому автору кажется нѣсколько невѣроятнымъ, но онъ

все-таки считаетъ возможнымъ «конфедерацію нѣмецкаго христіанства», которая имѣла бы свою верховную власть въ національномъ соборѣ всѣхъ епископовъ обоихъ исповѣданій; этотъ соборъ могъ бы засѣдать каждыя 25 лѣтъ разъ.

Но и этимъ еще не удовлетворяется пустившійся въ политику богословъ; онъ, какъ вѣрный ученикъ Гегеля, видитъ въ «царствѣ божіемъ» удѣлъ германскаго духа. — «Германскій духъ» — такъ восклицаетъ онъ въ концѣ книги — пришелъ чрезъ христіанство къ познанію самого себя и стремится, изъ полноты глубочайшаго внутренняго чувства, къ осуществленію цѣльной жизни человѣчества, основанной на соединеніи индо-германскаго, даже вообще арійскаго, съ семитическимъ. Не высшее образованіе въ избранныхъ классахъ, но просвѣщеніе народное, не республика, которая невозможна безъ рабства, не безусловная монархія, выработанная романскими народами, не конституціонализмъ, который есть не что иное, какъ компромиссъ, — есть истинная задача, но дѣйствительно свободное народное уложеніе, соединенное со свободною же королевскою властью. И церковь не должна подражать еоократическому ветхозавѣтному образцу и стремиться къ іерархическому господству духовенства надъ народомъ, а еще мѣнѣе унижать евангеліе, низведеніемъ его на степень свѣтскаго закона, какъ то дѣлала средневѣковая церковь, но она должна быть народною церковью, учрежденною евангеліемъ, которая соединяетъ каждого человѣка живою связью съ Христомъ. Церковь, съ епископами и синодами, соединенная съ государствомъ и государемъ, какъ своимъ знатнѣйшимъ членомъ, но не стѣсняемая имъ въ своемъ свободномъ движеніи, не можетъ требовать ни подчиненія себя государству, ни подчиненія государства себѣ.

«Въ свободномъ общеніи шествуютъ обѣ сферы нравственной жизни, основанной на законѣ и на вѣрѣ, въ связи одна съ другою. Таковъ ходъ царства божія въ обоихъ областяхъ: 1) посредствомъ союза нѣмецкихъ государствъ между собою — германское единство — и союза всѣхъ германскихъ народовъ Европы: Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Швейцаріи, Австріи съ нѣмецкимъ союзомъ, ко всесвѣтному миру; и 2) посредствомъ германской евангелической національной церкви и, что быть можетъ еще долго останется благочестивымъ желаніемъ, — конфедераціи евангелической и католической церквей, къ невиданному еще процвѣтанію въ Европѣ единства германскаго христіанства».

Вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что это «царство божіе» — утопія, но и на утопію слѣдуетъ обращать вниманіе, потому что именно въ утопіи и высказываются послѣднія цѣли. Сверхъ того, она показываетъ, что и въ высшихъ кругахъ укоренились національныя стремленія. Для контраста стоить только взять, послѣ сочиненія этого

историка-диллетанта, богословскаго политика, произведеніе истиннаго историка: «Австрія и Пруссія по отношенію къ французской революціи, до заключенія мира въ Кампо-Форміо», Германа Гюффера <sup>1)</sup>. Диллетантъ, для оправданія прусскихъ присоединеній 1866 года, заставляетъ своего читателя пройти полный историческій курсъ; онъ поспѣшно, бѣгло просмотрѣлъ двѣ сотни томовъ, освѣщаетъ матеріалъ нѣсколькими тонкими воззрѣніями, и не довольствуется доведеніемъ разсказа до нынѣшняго дня, а налагаетъ своими предположеніями еще секвестръ на будущность. Истинный же историкъ открылъ при своихъ изслѣдованіяхъ пробѣлъ:—«Здѣсь—говоритъ онъ—пунетъ, въ которомъ наши свѣдѣнія недостаточны и принятые представленія невѣрны. *Nic Rhodus, hic salta!*» И вотъ онъ закапывается на мѣсяцы въ пыльные архивы, быть можетъ только для того, чтобы открыть правду объ *одномъ* трактатѣ. Но зато, когда это ему удалось, онъ сдѣлалъ завоеваніе, которое никогда уже не можетъ быть отнято у науки, то есть у человѣчества.

Вотъ какую скромную и вмѣстѣ гордую задачу исполнилъ авторъ упомянутаго сочиненія. Изслѣдованіями въ берлинскомъ, вѣнскомъ и парижскомъ архивахъ, онъ бросилъ новый свѣтъ на дипломатическую исторію первой французской революціонной войны, которая до новѣйшаго времени была оставлена почти совсѣмъ безъ разработки. Долгое время, французы, англичане, русскіе поучали нѣмцевъ насчетъ важныхъ вопросовъ собственной ихъ, нѣмцевъ, исторіи. Только въ 1853 году явилась исторія революціоннаго времени Генриха Зибеля и вслѣдъ за нею «Германская исторія со смерти Фридриха Великаго» Гейссера (Häusser), обѣ составленныя по рукописнымъ источникамъ, и въ особенности въ позднѣйшихъ изданіяхъ, при пользованіи прусскимъ государственнымъ архивомъ. Это были первыя сочиненія, въ которыхъ обращалось достаточное вниманіе на германскія дѣла, но они оба были враждебны Австріи; прежде вина базельскаго мира взваливалась на одну Пруссію, — они же старались доказать, что Пруссія была вынуждена къ заключенію этого мира вѣроломною политикою Австріи. Эти обвиненія вызвали возраженіе, и можно утверждать, что ученый споръ много способствовалъ къ развитію того взаимнаго раздраженія между великими державами Германіи, которое сдѣлало неминуемымъ взрывъ 1866 года.

Новый авторъ держится середины между этими крайними взглядами. — «Вспомнивъ — говоритъ онъ — какое сокровище составляетъ для каждаго народа его исторія, нельзя не дать большаго значенія такому взаимному обличенію. То, что другимъ народамъ служить источни-

<sup>1)</sup> Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution, bis zum Abschluss des Friedens von Campo-Formio, H. Häffer. Bonn, 1868, bei Adolf Marcus.

комъ единенія, наиболѣе дѣйствительнымъ пособіемъ къ національному самосознанію, то у насъ было употреблено для того, чтобы еще болѣе разъединить насъ. У иныхъ народовъ писатели грѣшатъ тѣмъ, что любятъ представлять все родное въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ, а у насъ наоборотъ, одна половина націи старалась приписать какъ можно болѣе дурного другой, такъ что мы съ удовольствіемъ выставляли передъ иностранцами ошибки и униженіе собственныхъ земляковъ, даже преувеличивая эти темныя стороны, и скорѣе можно было ожидать справедливаго взгляда отъ иноземныхъ, чѣмъ отъ своихъ писателей.

«Если бы всѣ эти взаимныя обвиненія были основательны, то во всей исторіи не находилось бы ничего болѣе постыднаго, менѣе допускающаго какое-либо извиненіе или смягченіе, какъ исторія Австріи и Пруссіи въ первые годы революціонной войны. Слѣдовало бы не только признать, что мы въ полной мѣрѣ заслуживали того бѣдствія, которое насъ постигло, но еще удивляться, какимъ образомъ два такія совершенно-недостойныя государства могли вынести столь многіе и сильныя удары, что съ прежнимъ могуществомъ ихъ не исчезла вмѣстѣ и возможность возрожденія. Къ счастью, дѣло было не такъ, и наоборотъ, мы видимъ утѣшительное явленіе, что обѣ стороны правы именно тогда, когда каждая изъ нихъ защищаетъ самое себя и впадаютъ въ односторонность и заблужденіе, когда переходятъ къ нападенію».

Умѣренность приговора автора обнаруживается еще болѣе въ общемъ замѣчаніи, которое онъ дѣлаетъ. Онъ высказываетъ удивленіе, что политическіе дѣятели часто такъ долго противились раскрытію архивовъ, потому что именно чаще всего случается, что ознакомленіе съ подлинными свидѣтельствами, съ тѣми намѣреніями и взглядами, какіе обусловили извѣстное дѣйствіе,—представляютъ въ гораздо менѣе невыгодномъ свѣтѣ для виновниковъ факты, не вполне выясненные. Случается же это потому, что вѣдь не ставятся же, обыкновенно, въ управленіе дѣлами именно совсѣмъ неспособные или неблагонамѣренные люди, и личная выгода не рѣшаетъ въ большей части случаевъ общественныхъ вопросовъ. Итакъ, должно всегда считать исключеніями такіе случаи, когда какая-либо политическая система или рѣшительная мѣра осуществляются собственно по неблагонамѣренности или изъ корыстныхъ видовъ, безъ всякихъ практическихъ основаній.

Этотъ взглядъ автора противорѣчитъ извѣстному изрѣченію Оксеншерна, что для управленія свѣтомъ не надо большой мудрости, противорѣчитъ и возрѣнію многихъ и, быть можетъ, наиболѣе знаменитыхъ историковъ; дѣло въ томъ, что легка и благодарна роль судьи, произносящаго патетическіе приговоры, съ высоты своего кресла, надъ

людьми, которые не могут оправдываться. Но практическая польза исторіи, для политической жизни народовъ, много увеличится, когда заслуги и ошибки дѣятелей будутъ взвѣшиваемы справедливо.

Вышедшій томъ сочиненія Гюффера доводитъ разсказъ до Кампоформійскаго мира и заключаетъ въ себѣ множество интересныхъ подробностей. Впрочемъ ни одна изъ нихъ не представляетъ чего-либо поразительнаго, вызывающаго совсѣмъ новое воззрѣніе. Процессъ доказательствъ направленъ въ сущности противъ Гейссера и Зибеля, стало быть противъ официальнаго прусскаго воззрѣнія.

Не знаю, слѣдуетъ ли отнести также къ литературѣ исторіи книгу Юганна Шерра: «1848—51. Одна изъ комедій всемірной исторіи <sup>1)</sup>». Правда, авторъ имѣлъ серьезное притязаніе на историческое значеніе этой книги; онъ даже воспользовался швейцарскими архивами, которые содержатъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о революціонной эпохѣ. Но все воззрѣніе и способъ изложенія его, высказывающійся уже въ самомъ заглавіи, кажутся мнѣ совсѣмъ и совсѣмъ неисторическими. Авторъ объясняетъ, что онъ по убѣжденію республиканецъ и что, такъ какъ дѣло республики въ настоящее время въ Европѣ подавлено, то онъ смотритъ на событія съ полнымъ равнодушіемъ. Тому, кто въ состояніи возвыситься до такого отчужденія, пожалуй и вся всемірная исторія можетъ казаться комедіею; но истинный историкъ долженъ сказать себѣ, съ Теренціемъ: *Nihil humani a me alienum puto*. Онъ долженъ, полнымъ и теплымъ сердцемъ, принимать участіе въ борьбѣ, въ страданіяхъ и радостяхъ человѣчества.

Шерръ — впрочемъ умный, классически-образованный, очень ученый и свѣдущій въ литературѣ человѣкъ, — начинаетъ свой историческій разсказъ съ того, что земля есть не что иное, какъ въ милліоны разъ увеличенная капля воды — противное смятеніе безчисленныхъ существъ, раздирающихъ и пожирающихъ другъ друга въ непрестанной борьбѣ. Человѣчеству давно бы наскучило это однообразіе, еслибы у человѣчества не было игрушки — идеаловъ. — «Величайшіе порывы человѣческаго ума, благороднѣйшіе инстинкты и самыя сладостныя привязанности человѣческой души, фанатизмы религіозный и политическій, изступленное пламя благочестія и цѣломудренный сладостный трепеть первой любви, ослѣпительныя иллюзіи энтузіазма и гордыя торжества науки, радость, достигающая неба, и страданіе, врывающее себя въ нѣдра земли, подстревательная жажда славы и богатства, упойтельное высокоуміе власти, высокое самосознаніе добродѣтели и обольстительная мечта о свободѣ, и надежда на бессмертіе — все это мыльные пузыри!»

Я не намѣренъ возражать здѣсь собственно противъ матеріалисти-

<sup>1)</sup> Johannes Scherr: «1848—51. Eine Komödie der Weltgeschichte».



ческаго воззрѣнія; вѣдь и Гёте, и Александръ Гумбольдтъ, и столько другихъ первостепенныхъ изслѣдователей и писателей, — въ конечномъ выводѣ своего философскаго міросозерцанія, — тоже матеріалисты. Но они стоятъ высоко надъ ложною смѣлостью подобнаго отрицанія. Еслибы авторъ захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то, приобрѣвъ однажды убѣжденіе въ ничтожности всего земнаго, онъ долженъ былъ бы, какъ буддистъ, ничего не дѣлать и погрузиться единственно въ созерцаніе «нирваны». Но тогда онъ не написалъ бы и книги. Вотъ почему онъ совершаетъ *salto mortale* и, приведя выраженіе Гейне, что быть человѣкомъ значитъ быть борцомъ, говоритъ:—«А стало быть, будемъ бороться! Не потому, чтобы цѣль стояла труда и не изъ-за приза, обѣщаемаго борьбою — никакого приза нѣтъ, а просто потому, что мы должны бороться, потому что того хочетъ *Necessitas*, у которой еще никто не выманилъ слова разгадки. А такъ какъ, послѣ многотысячелѣтней борьбы, намъ слѣдовало бы все-таки уже выкарабкаться изъ звѣрства, то станемъ бороться, такъ сказать, *человѣчно*, будемъ «*parcere subjectis et debellare superbos!*»

Грубѣе этого нельзя погрѣшати противъ логики, такъ какъ авторъ, признавая, хотя и въ гипотетической только формѣ, успѣхъ, результатъ тысячелѣтней борьбы, тѣмъ самымъ признаетъ прогрессъ человѣчества и, значить, самъ опроверживаетъ все свое жалкое зданіе.

Діаметрально противоположнымъ этому писателю является Отто Флейшманнъ въ недавно вышедшей своей книгѣ: «Великія эпохи человѣческой культуры; дополненіе къ исторіи культуры и разрѣшенію животрепещущихъ вопросовъ времени». Онъ проникнутъ гуманными идеями въ смыслѣ, пожалуй, гердеровскаго воззрѣнія. Есть люди, считающіе себя особенно-геніальными, которые съ презрѣніемъ смотрятъ на этотъ умѣренно-либеральный штандпунктъ; между тѣмъ дѣйствительному прогрессу человѣчества онъ содѣйствовалъ болѣе, чѣмъ всѣ эксцентричности, какъ бы онѣ ни были геніальны; эти эксцентричности даже тогда, когда, повидимому, онѣ въ самомъ дѣлѣ осуществляютъ успѣхъ, тѣмъ неизбѣжнѣе вызываютъ собою реакцію.

Эпохи, относительно менѣе производительныя, именно наиболѣе способны содѣйствовать труднымъ и обширнымъ работамъ, требующимъ болѣе учености и прилежанія, чѣмъ геніальности. Такой работой былъ Гриммовъ словарь нѣмецкаго языка, трудъ, который по методѣ, распредѣленію и учености будетъ служить не только для Германіи, но и для всѣхъ народовъ образцомъ того, какъ дѣлать инвентарь сокровищамъ своего языка. Два филолога, докторъ Гильдебрандъ и докторъ Карлъ Вигандъ, продолжаютъ этотъ трудъ совершенно въ духѣ Гриммовъ. Первый недавно обработалъ и издалъ 3-й выпускъ 5-го тома, заключающій слова *Kein* до *Kind*. Это изданіе встрѣчено единогласнымъ одобреніемъ. Одно слово *Kerl* занимаетъ не менѣе 21 печатной страницы,

и это вовсе не забавно, а въ самомъ дѣлѣ необходимо для того, чтобы рядомъ съ морфологіею слова опредѣлить многочисленныя отбѣнки значенія, какое дается ему на литературномъ и разговорномъ языкахъ. Эти акцепціи подраздѣлены на цѣлыя двѣнадцать главныхъ отдѣловъ. Правительства до сихъ поръ ничего не сдѣлали, чтобы помочь этому національному дѣлу. Только саксонское правительство или городъ Лейпцигъ —, не знаю хорошенъко — предоставило доктору Гильдебранду, который состоитъ учителемъ въ какой-то школѣ, отпускъ года на два для того, чтобы онъ могъ исключительно посвятить себя этому дѣлу.

Но недавно сѣверо-германскій союзный совѣтъ постановилъ пригласить союзныя правительства оказать этому дѣлу содѣйствіе какъ денежными пособиями, такъ и предоставленіемъ тѣмъ ученымъ, которые занимаются имъ, благопріятнаго для продолженія этихъ занятій положенія. Такъ какъ предложеніе это исходитъ отъ самихъ правительствъ, то они не преминутъ ему послѣдовать.

Словарь этотъ хотя и національное дѣло, но предназначенный для тѣснаго круга, потребовалъ для своего окончанія вышшняго пособия; но вотъ предпріятіе, которое тоже не разсчитываетъ на большое обращеніе, а между тѣмъ не только поддерживаеъ себя само, но еще даетъ блестящіе результаты. Это — издаваемое гг. Фирховымъ и Гольцендорфомъ «Собраніе общепонятныхъ лекцій», котораго вышла уже 3-я серія, состоящая изъ 24 тетрадей. Сперва въ собраніе это допускались только дѣйствительно читанныя лекціи, но потомъ отъ этого правила иногда дѣлались отступленія, лишь бы только статья подходила къ требованіямъ, которымъ должна удовлетворять хорошая лекція. Лекціи эти трактуютъ *de omnibus rebus et aliis quibusdam*, онѣ не чуждаются никакой науки, никакой отрасли познанія и хотя въ ихъ число попали, какъ-то неизбежно, нѣкоторыя посредственныя, большинство ихъ хорошо, а многія превосходны. Но я сомнѣваюсь, чтобы такая, доведенная до крайности разносторонняя начитанность, доставляемая постояннымъ употребленіемъ подобнаго матерьяла, имѣла право назваться образованіемъ.

Изъ многочисленныхъ новыхъ романовъ объ одномъ говорятъ много; это юмористическій романъ Вильгельма Рабе: «Абу Тельфанъ или возвращеніе съ лунныхъ горъ <sup>1)</sup>». Это названіе — только шутка. Авторъ избралъ себѣ героя челоуѣка геніальнаго, идеалиста, нѣсколько лѣниваго по природѣ, который совсѣмъ не понимаетъ филистерской философіи жизни гражданскаго общества. Чтобы вѣрно «создать» такого челоуѣка, авторъ дѣлаеъ его недоучившимся богосло-

<sup>1)</sup> Abu Telfan oder die Heimkehr vom Mondgebirge. Wilhelm Rabe. Stuttgart, Ed. Hallberger, 3 Bände.

вомъ, который убѣжалъ отъ родителей, скитался по Египту и затѣмъ отправился съ однимъ продавцомъ невольниковъ во внутрь страны, гдѣ товарищъ его былъ убитъ, а онъ самъ взятъ въ неволю; черезъ десять лѣтъ спустя, онъ освобождается однимъ европейцомъ и затѣмъ возвращается въ отечество, бѣдный, безъ практическихъ и теоретическихъ свѣдѣній (такъ какъ и то немного, что прежде зналъ, онъ забылъ), но съ здоровою головою и сердцемъ и съ полнотою чувства. Родственники признаютъ его совершенно неспособнымъ къ практической жизни, но онъ находитъ союзниковъ въ одномъ изъ дальнихъ кузеновъ и одной барышнѣ-дворянкѣ.

Всѣ эти юмористическіе романы представляютъ странное явленіе: ихъ читаешь съ удовольствіемъ, привязываешься къ автору, а между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не представляетъ чего-либо новаго, необыкновеннаго. Кто читалъ Жанъ-Поля, тотъ знакомъ и со всѣмъ, что произвели его преемники и подражатели. Разумѣется, въ литературѣ всетаки необходимо непрерывное творчество; еслибы люди ограничились чтеніемъ однихъ классиковъ, то скоро бы перестали понимать ихъ. Но для взаимнаго, международнаго литературнаго общія важны только значительнѣйшія явленія.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ нѣмецкой литературы, недостатокъ, отъ котораго несвободны и нѣкоторые извѣстные писатели, это—небрежное отношеніе къ языку. Однако есть небольшая школа такихъ писателей, которые въ этомъ отношеніи составляютъ самое почетное исключеніе и сами отъ себя требуютъ того, что должна требовать отъ нихъ критика. Такъ, Гейзе отличается законченностью, вкусомъ, обдуманностью каждаго періода и прекраснымъ построениемъ сочиненій. Правда, гармонія эта осуществляется въ такихъ жанрахъ, которые не принадлежатъ къ высшей сферѣ искусства. Нѣтъ ни эпоса, ни романа, которые бы съ начала и до конца были равномѣрны, гармоничны, законченны. Изъ оды Горациа или изъ стихотворенія «Воронъ» Эдгара Поэ нельзя выпустить ничего, не нарушая впечатлѣнія.

Одинъ изъ лучшихъ преемниковъ Гейзе — молодой поэтъ Эдуардъ Дюборъ, который издалъ первыя свои работы подъ псевдонимомъ «Робертъ Вардмюллеръ» и недавно напечаталъ двѣ повѣсти: «Baronisirt» и «Passiflora» <sup>1)</sup>, которыя представляютъ высокую художественность. Последняя есть рассказъ изъ артистической жизни, отличающийся необыкновенно тонкой воспримчивостью, первая же, не смотря на свою изящную форму—рѣзко-реалистична, и съ своеобразной моралью представляетъ супружескую чету — въ Парижѣ — которая среди роскоши погружается въ полное отсутствіе идеи въ жизни; у этихъ супруговъ и голова и сердце, повидимому, совсѣмъ засыпаютъ, какъ вдругъ по-

<sup>1)</sup> Leipzig, F. A. Brockhaus.

рывъ вѣтра уноситъ призракъ счастья. Сдѣлавшись бѣдняками, они принимаются за трудъ и начинаютъ вести жизнь достойную.

Въ драматической области проявляется необыкновенная плодотворность; не проходитъ недѣли безъ того, чтобы не появилась въ свѣтъ какая нибудь, болѣе или менѣе, классическая драма. Являются они, впрочемъ, не на сценѣ, которая, наученная печальными опытами, упорно держитъ на-заперти свои двери передъ новыми Шекспирами и Шиллерами, которые затѣмъ и несутъ свои произведенія въ печать, объявляя, что печатаютъ ихъ какъ «рукописи свободныя отъ сцены». Эта оговорка, имѣющая цѣлю предупредить, чтобы театры не воспользовались произведеніемъ безъ соглашенія съ авторомъ, совершенно излишня, такъ какъ театры и не думаютъ дѣлать такихъ опытовъ, будучи заранѣе убѣждены въ ихъ неуспѣхѣ.

Было время, когда тѣ, «за которыхъ языкъ самъ мыслить и слагается въ стихи» бросались всѣ въ лирику, теперь они устремляются на драму. Передо мною лежитъ пять самыхъ новѣйшихъ. Готтфридъ Фреймутъ (навѣрное псевдонимъ) сочинилъ пятиактную трагедію «Романо», время и мѣсто дѣйствія которой—въ 1425 году въ Феррарѣ. Робертъ Краузе сочинилъ пяти-актную трагедію «Катерина фонъ-Лэвенъ», изъ временъ войны за независимость въ Нидерландахъ. Людвигъ Рюберъ—«Кромвелля» и «Юнія Брута»; Альбертъ Линднеръ (получившій премію за «Брута и Коллатина») — историческую драму «Штауфъ и Вельфъ», представляющую борьбу Фридриха Барбароссы съ Генрихомъ Львомъ.

Законными и разумными можно признать подобныя попытки тѣхъ только авторовъ, которымъ удастся превзойти поэтическимъ содержаніемъ или формою своихъ предшественниковъ, или удачно обработать сюжетъ, давно занимающій публику.

Какъ сильно дѣйствуетъ такой сюжетъ, тому мы видимъ примѣръ въ новой, весьма слабой пьесѣ Генриха Лаубе: «Злые языки». Все ея достоинство заключается въ томъ, что она смѣло заимствовала свой сюжетъ изъ новѣйшей исторіи Австріи; — и вотъ она обошла почти всѣ сцены Германіи. Драма въ строгомъ смыслѣ и фарсъ (который сильно дѣйствуетъ на массу) могутъ ожидать для себя цвѣтущаго періода въ Германіи только тогда, когда они проникнутся содержаніемъ богатой политической жизни. Парламентаризмъ самъ по себѣ,—не надо обманывать себя на этотъ счетъ—еще не составляетъ дѣйствительной политической жизни, а только форму, которая можетъ содержать въ себѣ богатое содержаніе, но можетъ быть и пустою. к.

## ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

---

### КАРЛЬ ГОПФЪ, НОВѢЙШІЙ ИСТОРИКЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ГРЕЦІИ.

(Письмо въ Редакцію.)

---

Имя новѣйшаго историка средневѣковой Греціи, *Карла Гопфа*, у насъ весьма мало извѣстно по причинѣ понятной: почти всѣ его изслѣдованія печатались въ мало распространенныхъ у насъ нѣмецкихъ и итальянскихъ журналахъ, и даже только-что вышедшій въ свѣтъ, громадный трудъ его: «Исторія Греціи отъ начала среднихъ вѣковъ до нашего времени», занимающій LXXXV-ый и LXXXVI-ый томы извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера, не находится въ продажѣ въ отдѣльныхъ оттискахъ, а потому, по всей вѣроятности, будетъ у насъ столь же мало извѣстенъ, какъ и предыдущіе труды этого замѣчательнаго по учености и добросовѣстности историка. А между тѣмъ весьма многіе изъ его трудовъ, особенно же послѣдній, будучи основаны на изученіи источниковъ, бывшихъ доселѣ неизвѣстными и хранящихся въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ средней и южной Европы, представляютъ большой интересъ для насъ, славянъ, особенно русскихъ, ибо, кромѣ добросовѣстной разработки исторіи Италіи и Греціи, въ этихъ трудахъ почтеннаго нѣмецкаго ученаго мы находимъ не мало новыхъ свѣдѣній по исторіи южныхъ славянъ, извлеченныхъ изъ рукописей, которыми еще никто не пользовался. Свѣдѣнія эти тѣмъ важнѣе, что они сообщены ученымъ, отличающимся безпристрастіемъ и не питающимъ ненависти къ намъ, славянамъ. Вотъ, почему я рѣшился познакомить читателей вашего журнала съ ученою дѣятельностію кѣнигсбергскаго профессора, Карла Гопфа. Въ 1852 году, Карль Гопфъ былъ удостоенъ степени доктора философіи за диссертацию: «*De historiae ducatus Atheniensis fontibus*» (Bonnae, apud Eduardum Weberum. 1852. 8°. 116 стр.). Этотъ первый ученый трудъ нашего автора, плодъ пятилѣтнихъ занятій въ библіотекахъ гамбургской, боннской, кѣльнской, дармштадтской, франкфуртской и вольфенбюттельской, замѣчательнъ по добросовѣстному изученію самыхъ разнообразныхъ источниковъ, по уваженію автора къ чужимъ трудамъ и по безпристрастію къ славянамъ, качеству рѣдкому въ молодомъ нѣмецкомъ ученомъ. Такъ, разбирая на стр. 28—30 извѣст-

ныя сочиненія Фальмераейера (*Geschichte des Kaiserthums Trapezunt, Gesch. der Halbinsel Morea und Welchen Einfluss hatten die Einfälle der Slaven auf Attika?*), онъ не позволилъ себѣ увлечься примѣромъ эллинофиловъ и замѣтилъ только, что Фальмераейеръ основалъ свое ученіе о славянизациі грековъ (*Das Geschlecht der Hellenen in Europa ist ausgerottet!*) на источникахъ, не вполне удовлетворительныхъ, и что его хронологія невѣрна; а на стр. 58—59 онъ приводитъ примѣры, какъ произвольно толковалъ Фальмераейеръ мѣстныя названія, испорченныя морейскимъ лѣтописцемъ; но онъ допускаетъ: «*Slavus permultus tum temporis in Graecia, et imprimis in montosis Peloponnesi locis, habitasse*». Докторская диссертациія Гопфа, представляющая критическій обзоръ источниковъ и пособій по исторіи Аѳинъ въ средніе вѣка, не утратила своей цѣны и послѣ дальнѣйшихъ розысканій автора. Ею онъ обратилъ на себя вниманіе прусскаго правительства, которое доставило ему средства къ путешествію по Италіи: съ марта 1853 г. по ноябрь 1854 г. онъ посѣтилъ Вѣну и сѣверную Италію (Венецію, Туринъ, Геную и др. города), въ архивахъ и бібліотекахъ которыхъ нашелъ огромное количество матеріаловъ, болшею частію дотогѣ неизвѣстныхъ, для исторіи Греціи въ средніе вѣка. Въ это время онъ напечаталъ въ «*Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften*» (Octoberheft des Jahrg. 1853)—*Urkundliche Mittheilungen über die Geschichte von Karystos auf Euboea, in dem Zeitraume von 1205—1407*, aus den Quellen des k. k. Geheimen-Haus,—Hof- und Staatsarchives und der k. k. Hofbibliothek (въ отд. оттискахъ, стр. 54, съ генеалогическою таблицей). Въ приложеніи къ этой любопытной статьѣ напечатаны болѣе важные документы, объясняющіе исторію Кариста на островѣ Евбеѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію франкскаго владычества въ Греціи,—одного изъ самыхъ темныхъ періодовъ среднихъ вѣковъ.

По возвращеніи изъ путешествія, г. Гопфъ получилъ мѣсто приватъ-доцента всеобщей исторіи въ боннскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ 1855—1858 года. Къ этому времени относятся весьма важная его монографія—*Geschichte der Insel Andros und ihrer Beherrscher in dem Zeitraume von 1207—1566*. Aus den Quellen des k. k. geheimen Haus,—Hof- und Staats-Archives und der k. k. Hof bibliothek zu Wien, des Archivio Generale und der Biblioteca Marcianazu Venedig und andern öffentlichen und privat Sammlungen Oberitaliens. (Aus dem Aprilhefte des Jahrganges 1855 der Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften (XVI Bd. s. 23) besonders abgedruckt) I, 111. II (Urkunden und Zusätze zur Geschichte der Insel Andros und ihres Beherrscher in dem Zeitraume von 1207—1566. Wien. 1856): 44. Представивъ краткій историческій очеркъ Андроса въ древнія времена, авторъ указываетъ на средневѣковые источники,

которыми онъ пользовался, и затѣмъ излагаетъ исторію этого острова 1207—1566 гг. Къ первому выпуску приложены генеалогіи Дандоло и Санудо. Второй выпускъ заключаетъ дополнительныя свѣдѣнія и выписки изъ рукописей венеціанскаго архива и библіотеки св. Марка (*Marino Sanudo Torsella, Istoria des Regnodi Romania Morea P. I, pp. 8—9*).

Въ 1858 году, г. Гопфъ напечаталъ въ «*Deutsches Museum. Zeitschrifts für Literatur, Kunst und öffentliches Leben, herausgegeben von Robert Prutz, №№ 44—45*», обработанныя по источникамъ и общедоступно изложенныя статьи: «*Die Seestaaten Italiens im Mittelalter*», (Amalfi IX—X в., Pisa 1022—1284, Venezia съ XII вѣка до 1797 г., и Genua съ XII в. по 1798 г.). Статьи эти слѣдовало бы перевести на русскій языкъ: онѣ составляютъ необходимое пособіе при изученіи исторіи далматинскихъ торговыхъ общинъ, особенно же Дубровника.

Въ томъ же году былъ изданъ г. Гопфомъ весьма важный для исторіи Германіи трудъ: «*Historisch-Genealogischer Atlas*». Abtheilung I: Deutschland. Bd. I. Gotha. Verlag von Friedrich Andreas Perthes. 1858. in fol. VI—449 ss. Роскошное изданіе.

Въ 1860 году, г. Гопфъ былъ переведенъ въ Грейфсвальдъ (въ Помераніи) экстраординарнымъ профессоромъ, и оставался здѣсь до 1864 года. Въ это время онъ совершилъ два путешествія: лѣто 1860 года провелъ въ Женевѣ для изученія тамошнихъ архивовъ, а съ октября 1861 до марта 1863 г. онъ посѣтилъ Италію (преимущественно южную), Мальту, Ионическіе острова и Грецію. Отчеты о своемъ путешествіи онъ напечаталъ въ «*Monatsberichte der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin*». Sitz. der philos.-histor. Klasse 3 Febr., 12 Mai, 10 Juli 1862, 4 April 1864. Эти отчеты составляютъ необходимое руководство для изучающихъ итальянскіе архивы: въ нихъ обозначены наиболѣе любопытныя рукописи, указаны лица, имѣющія частныя собранія рукописей или могущія быть полезны совѣтами; говорится о господствующихъ въ архивахъ и библіотекахъ Италіи порядкахъ; однимъ словомъ, сообщено не мало необходимыхъ для ученаго путешественника свѣдѣній. Изъ этихъ отчетовъ между прочимъ видно, какъ усердно работалъ г. Гопфъ въ архивахъ и библіотекахъ Италіи и Греціи, и какую массу матеріаловъ для средневѣковой исторіи онъ собралъ во время своего путешествія.

Послѣднимъ и самымъ замѣчательнымъ трудомъ г. Гопфа была его *Geschichte Griechenlands im Mittelalter* (Leipzig, F. A. Brockhaus, 1868), I: 400 стр., II: 190 in 4<sup>o</sup>, въ два столбца.

Авторъ раздѣляетъ новую греческую исторію на четыре періода: 1) 395—1204, обнимаетъ римско-византійское время (die römisch-byzantinische Zeit); 2) 1204—1460, время западно-франкскаго владычества (die occidentalisch-fränkische herrschaft); 3) 1460—1821 время

турецкаго владычества; и 4) съ 1821 года, со времени возстанія Греціи.

Г. Гопфъ въ предисловіи объщаетъ новое рѣшеніе капитальнаго вопроса о *происхожденіи нынѣшнихъ грековъ*. Этому вопросу онъ касается во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, но съ наибольшею ясностію и подробностію говоритъ на стр. 90—92, 96, 100—119, 126, 129, 267 и 342 I-й части и на стр. 184—185 II-й части. Не отрицая славянскаго элемента въ Пелопоннесѣ, г. Гопфъ доказываетъ, что онъ не имѣлъ и не могъ имѣть того значенія, которое стараются придать ему Фалльмерайеръ и его послѣдователи. Авторъ какъ нельзя болѣе далеко отъ мысли, что *въ жилищахъ нынѣшнихъ грековъ не течетъ болѣе ни одной капли чистой древне-алминской крови*, и что *жители греческаго королевства представляютъ помѣсь славянъ съ албанцами*, какъ старался доказать Фалльмерайеръ. Разбору славянофильской теоріи Фалльмерайера г. Гопфъ посвятилъ стр. 100—119 своего сочиненія: постараемся вкратцѣ познакомить читателей съ его доводами.

Г. Гопфъ, вопреки Фалльмерайеру, не находитъ въ источникахъ *достоверныхъ* ни одного свидѣтельства объ истребленіи славянами *всего* населенія Пелопоннеса и занятіи ими *всей* этой страны; напротивъ, онъ доказываетъ, на основаніи византійцевъ, что *греческое* населеніе Пелопоннеса было въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ на столько *значительно*, что часть его могла выселяться въ другія области, что Пелопоннесъ не былъ обращенъ въ пустыню; что здѣсь существовали *значительные торговые греческіе города*, и что нѣкоторые частныя лица изъ *грековъ* владѣли *огромными богатствами*. Фалльмерайеръ, доказывая противное, пользуется *недобросовѣстно* источниками, *произвольно* ихъ толкуетъ, а иногда основывается на *подложныхъ* документахъ: такъ напр., славянизацию Аттики онъ доказываетъ свидѣтельствомъ «анаргическихъ отрывковъ», относящихся будто бы къ X вѣку; отрывокъ изъ нихъ былъ имъ напечатанъ, всей же рукописи, составлявшей будто бы его собственность, онъ не хотѣлъ не только издавать, но и показывать другимъ лицамъ; рукопись, съ которой были сдѣлана Фалльмерайеромъ копія, теперь найдена, и оказывается, 1) что Фалльмерайеръ пользовался ею *недобросовѣстно*, выбирая изъ нея одно и опуская другое, печатая даже не то, что находится въ рукописи, и 2) что рукопись эта принадлежитъ не X, а XIX вѣку, и есть компіляція изъ разныхъ источниковъ, даже печатныхъ. Этому примѣра достаточно, чтобъ убѣдить всякаго, какъ мало можно вѣрить Фалльмерайеру и его источникамъ.

Фалльмерайеръ и его послѣдователи указываютъ на нынѣшній греческій языкъ, какъ на лучшее доказательство славянизации Эллады: въ немъ, какъ и въ славянскихъ языкахъ, господствуетъ особое пристрастіе къ уменьшительнымъ именамъ, удареніе ставится болѣею частію на



третьемъ отъ конца слогѣ, придыханіе не выговаривается. На это весьма справедливо возражаетъ г. Гопфъ, что и итальянскій языкъ любить уменьшительныя формы, и что мы не можемъ быть вѣрными судьями того, какъ употребляли древніе греки удареніе и какъ проносили придыханіе.

Надѣюсь, ваши читатели не посѣтуютъ на меня, если я, понавѣрь разъ въ Кёнигсбергѣ, не ограничусь сообщеніемъ свѣдѣній объ ученой знаменитости этого города, ближайшаго нашего сосѣда на прусской границѣ, но и дамъ мимоходомъ понятіе объ ученыхъ и учебныхъ средствахъ Кёнигсберга.

Тысячи монахъ соотечественниковъ проѣзжаютъ черезъ Кёнигсбергѣ, не останавливаясь въ немъ. Пребываніе русскаго въ Кёнигсбергѣ, особенно нѣсколько продолжительное, составляетъ рѣдкое явленіе. Случайный и сравнительно бѣдный Кёнигсбергѣ, съ незначительными остатками древности, съ дурнымъ климатомъ и еще болѣе дурною водою, конечно, не можетъ привлечь вниманія туриста; но для людей науки онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе по своимъ ученымъ учрежденіямъ. Пробывъ въ Кёнигсбергѣ болѣе трехъ недѣль, я имѣлъ случай и возможность собрать свѣдѣнія, любопытныя по крайности для нѣкоторыхъ изъ читателей. Свѣдѣнія эти почерпнуты мною изъ официальныхъ источниковъ и потому вполне достовѣрны.

На 105,000 жителей Кёнигсбергѣ имѣетъ университетъ, 3 гимназіи, 2 реальныя школы, 2 женскіе института, 1 уѣздное училище (Mittelschule), 3 городскія школы (Bürgerschule), изъ коихъ одна женская, 14 элементарныхъ школъ, 18 частныхъ (изъ нихъ 3 мужскихъ), 10 народныхъ школъ, содержимыхъ городомъ (5 мужскихъ и 5 женскихъ), и 5 частныхъ (1 женская), 6 школъ для малолѣтнихъ, надзираемыми въ коихъ пасторы, а учителями — женщины, и 6 дѣтскихъ пріютовъ.

Въ здѣшнемъ *университетѣ* (Königl. Albertus Universität) считается въ настоящее время 61 профессоръ и 3 преподавателя (музыки, фехтованія и верховой ѣзды) и 450 студентовъ: по факультетамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ богословскомъ факультетѣ профессоровъ 7 (5 ординарныхъ, 1 экстраординарный и 1 приватъ-доцентъ) и 79 студентовъ (изъ нихъ 2 иностранца); въ юридическомъ 9 проф. (6 ординарныхъ и 3 приватъ-доцента) и 72 студента (2 иностранца); въ медицинскомъ 17 профессоровъ (8 ординарныхъ, 3 экстра-ординарныхъ и 6 приватъ-доцентовъ) и 96 студентовъ (7 иностранцевъ); въ философскомъ 28 профессоровъ (18 ординарныхъ, 3 экстра-ординарныхъ и 7 приватъ-доцентовъ) и 189 студентовъ (5 иностранцевъ). Кромѣ того университетъ посѣщаютъ 14 вольнослушателей. Въ числѣ студентовъ-иностранцевъ находятся: 1 саксонскій подданный, 1 — французскій, 2 —

швейцарскіе и 12 русскихъ (7 поляковъ, 4 нѣмца и 1 русскій изъ Бессарабіи, г. Поповъ). Изъ профессоровъ извѣстностью пользуются (кромя Гопфа, о трудахъ котораго я уже сообщилъ вамъ) слѣдующіе: Шубертъ по статистикѣ, Нейманнъ и Ришло (Richelot) — по физикѣ, Дагенъ — по словесности (онъ же и романистъ), Лерсъ и Фридлендеръ — по филологіи, Ницшъ — по исторіи древней и эпохи Гогенштауфеновъ и Шаде — по нѣмецкому языку.

При университетѣ находятся слѣдующія учрежденія: семинаріи — богословская, литовская, польская, гомилетическая, юридическая, филологическая, историческая и физико-математическая; кабинеты — анатомическій и патолого-анатомическій, физиологическая лабораторія, клиники и поликлиники — медицинская, хирургическая и родовспомогательная (geburststiftliches), химическая лабораторія, фармацевтический институтъ, зоологическій музей, ботанический садъ; кабинеты — минералогическій, физико-математическій и физическій, обсерваторія, мюнцъ-кабинетъ, собраніе художественныхъ произведеній и студентская библіотека (Handbibliothek, недавно учрежденная, 13,000 томовъ). На содержаніе университета отпускается правительствомъ ежегодно 105,966 талеровъ, изъ числа коихъ расходуетъ: на медицинскій институтъ 16,522, обсерваторію 2744, зоологическій кабинетъ 2,000, ботанический садъ — 3,000, мюнцъ-кабинетъ — 50, минералогическое собраніе — 100, физическій кабинетъ — 1,000, химическую лабораторію — 1080, собраніе художественныхъ произведеній — 312 и музыкальный институтъ — 364 талера.

*Гимназій* въ Кёнигсбергѣ, какъ я уже сказалъ, три: изъ нихъ только одна (короля Фридриха) содержится правительствомъ, двѣ же другія — городомъ. Въ нихъ всего 51 преподаватель и 1,182 ученика. Они распределяются слѣдующимъ образомъ: въ королевской гимназій 17 преп. и 414 учен., въ Altstädtisches — 17 преп. и 452 учен. и въ Kneiphöfisches 17 преп. и 316 учен. Лучшею изъ нихъ считается Altstädtisches. Въ ней преподаются: законъ Божій, исторія, географія, математика и языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, англійскій и нѣмецкій. Вообще въ гимназіяхъ получается классическое образованіе.

*Реальныхъ школъ* двѣ; въ нихъ преподавателей 31, учениковъ 769, а именно: въ Städtische Realschule 14 преп. и 342 учен. и въ Realschule auf der Burg 17 преп. и 427 учен.

Свѣдѣній о числѣ преподавателей и учениковъ въ другихъ школахъ я не могъ получить.

Кромѣ вышепомянутыхъ учебныхъ заведеній въ Кёнигсбергѣ существуютъ: учительская семинарія, училища — ремесленное, коммерческое и художественное и воскресная школа.

Сообщаемыя мною свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, какъ много забо-

тятся правительствомъ, городъ и частныя лица о народномъ просвѣщеніи и какъ велика здѣсь потребность въ образованіи.

Старая университетская *библіотека* соединена съ королевскою (Königl. und Universitäts-Bibliothek). Она имѣетъ около 220,000 томовъ въ 88,000 №№, изъ коихъ 60,000 томовъ принесены ей въ даръ бывшимъ ея директоромъ д-ромъ Готтгольдомъ. 63,400 №№ соединенныхъ королевской и университетской библиотекъ (fonds anciens) распределяются по отдѣламъ, слѣдующимъ образомъ: а) энциклопедія 80, б) филологія 9,021, с) богословіе 10,256, d) право 6,422, е) медицина 6502, f) философія 2,036, g) педагогія 420, h) политика и статистика 1455, i) военныя науки 513, k) естествознаніе 4,761, l) технологія и земледѣліе 1336, m) математика 2410, n) географія 2696, о) исторія 8260, р) искусства и новая литература 3257, q) исторія литературы 1581, r) періодическія изданія 2393. Кромѣ того, библіотека имѣетъ значительное собраніе (945 №№) рукописей, большею частію богословскихъ (преимущественно, по каноническому, римскому и нѣмецкому праву: №№ 154) и историческихъ (№№ 125: почти исключительно по исторіи Пруссіи). Юридическихъ и историческихъ рукописей древнѣе XIV вѣка нѣтъ: всѣ онѣ писаны или по латыни, или по нѣмцеци. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ, касающіяся исторіи чеховъ и поляковъ:

1) *Statuta Casimiri III Magni, Regis Poloniae* рп. пергаментная XIV вѣка, 48 листовъ. длиною въ  $8\frac{3}{4}$ " и шириною въ  $6\frac{5}{8}$ ". (по катал. № XXXIV).

2) *Martinus Polonus, Margarita Decreti*, — бумажная рп. XV вѣка, 200 листовъ, длиною въ  $8\frac{1}{4}$ " и шириною  $5\frac{3}{4}$ " (№ LXX). Тоже въ рп. бум. XV в. № CXIV fol. 189—250.

3) Въ сборникѣ XV в. 356 л, длиною  $11\frac{1}{8}$ " и шир.  $8\frac{1}{8}$ " № CXVIII, находятся между прочимъ слѣдующія любопытныя для исторіи гуситовъ статьи:

а) fol. 97<sup>a</sup> ... 198<sup>a</sup>: auctoris incerti *Tractatus contra Wiclefitas et Husitas*.

б) fol. 198<sup>a</sup> ... 221<sup>b</sup>: *Contra errores Waldensium*.

с) fol. 246<sup>a</sup> ... 356<sup>a</sup>: *Documenta ad concilium Basiliense spectantia*, гдѣ въ числѣ другихъ статей находятся слѣдующія:

1) fol. 246<sup>a</sup> ... 260<sup>b</sup>: Sermo domini Cardinalis Sancti Angeli, legati et presidentis concilij Basiliensis, factus in adventu bohemorum anno XXXiiij<sup>o</sup>.

2) fol. 260<sup>b</sup> ... 262<sup>a</sup>: Propositio domini Cardinalis legati, facta ad Bohemos, postquam suam audienciam compleverant.

3) fol. 262<sup>a</sup> ... 263<sup>a</sup>: Articuli, qui dicuntur dogmatizati in regno Bohemiae, propositi per dominum cardinalem legatum, in congregatione generali, die mercurij XXViiij Januarii anno XXXiiij.

4) fol. 263<sup>a</sup> ... 270<sup>a</sup>: Sermo domini abbatis Cisterciensis, prolatus in consistorio publico in adventu Bohemorum.

5) fol. 287<sup>b</sup> ... 288<sup>b</sup>: Articuli oblati ex parte regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae anno Domini XXXiiij in festo sancti tiburcii post laurencij.

6) fol. 288<sup>b</sup> ... 290<sup>b</sup>: In nomine domini ihesu xpi hes, que infra scripta sunt, per gratiam sancti spiritus concordata sunt inter ligatos sancti concilii

Basilentis et generalem congregacionem Regni Bogemie et Marchionatus Moranie in civitate Pragenti.

7) fol. 291<sup>a</sup> ... 292<sup>a</sup>: Errores et Articuli grecorum.

8) fol. 292<sup>a</sup> ... 293<sup>a</sup>: *Eugenii IV* Decretum conjunctionis orientalis et occidentalis ecclesiarum (a. 1439).

4) Въ сборникѣ № СХХVIII (бумажный XV в., 227 л., дл. 11<sup>1</sup>/<sub>8</sub>" и шир. 8<sup>3</sup>/<sub>8</sub>" на листахъ 189<sup>a</sup> до 190<sup>b</sup>: *Brardæ* (Martini Papæ V adversus Bohemos haereticos legati) litteræ ad universus Christi Fideles (a. 1421).

5) *Jacobus Rodevicz*, lectura Libri IV Decretalium Gregorii X — въ бумажномъ сборникѣ XV вѣка 290 л. дл. и шир. 8<sup>3</sup>/<sub>8</sub>" fol. 1<sup>a</sup> ... 114<sup>b</sup>). Подпись: *Finite est hec lectura conscripta et lecta per Jacobum Rodevicz de Jhenis, magistrum in artibus et Baccalarium in Jure canonico, in studio Erfforon anno domini M<sup>o</sup> CCCC<sup>o</sup> Vij<sup>o</sup> in vigilia beate Marie Magdalen. Hora vesperorum de quo deus gloriosus in secula sit benedictus Amen.*

6) *Joannes Dlugosz*, *Banderia Prutenorum* (1448) — бумажная рук. XVI в., 29 л. 11<sup>1</sup>/<sub>8</sub>" дл. и 7<sup>1</sup>/<sub>8</sub>" ш. № ССV.

7) Въ Сборникѣ № ССХIII, бумажномъ, XVII — XVIII в., 230 л., 12" дл. и 7<sup>1</sup>/<sub>8</sub>" шир., находятся между прочимъ слѣдующія статьи:

a) Fol. 121<sup>a</sup> ... 132<sup>b</sup>: *Instructiones et Epistolæ, ad historiam regni Poloniae pertinentes* (1638—1640).

b) Fol. 141<sup>a</sup> ... 148<sup>b</sup>; *Epistolæ a Wladésiao IV, Rege Poloniae, et ad eum datæ* (1636—1640).

8) *Joannes III Rex (Poloniae)*. Decretum Regium inter Generosum Instigatorem Regni dejus Delatores Seniores et Juneores Contubevniorum Gedanensium, et Magistratum ibidem in Judiciis sacræ Regive Majestatis Relutionum Propriarum ex Contraversiis Partium latum et publicatum *Gedoni Sabbato*, pridie Dominicæ Sexagesimæ Anno Domini Mille-simo, Sexcentesimo, Sexuagesimo octavo, Regni nostri anno quarto (1678) — бум. рук. XVII вѣка, 20 л. 12<sup>3</sup>/<sub>8</sub>" дл. и 7<sup>3</sup>/<sub>8</sub>" шир. № ССХХ.

9) Въ рук. бум. XVII—XVIII в.. 157 л., 12<sup>3</sup>/<sub>8</sub>" дл. и 7<sup>5</sup>/<sub>8</sub>" шир.. № ССХХХI, находятся *привилеи*, данныя *городу* Данцигу (Гданьску) польскими королями: Казимиромъ, Сигизмундомъ Августомъ, Стефаномъ Баториемъ, Сигизмундомъ III и Иоанномъ III.

10) Въ сборникѣ бум. XVIII вѣка, 596 л., 13<sup>3</sup>/<sub>8</sub>" дл., и 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub>" шир., № ССХХХIII, находятся между прочимъ слѣдующія любопытныя статьи:

a) Fol. 481<sup>a</sup> ... 488<sup>b</sup>: *Kurtser Beweiss, dass die stadt Dantzig bey der durch ihren Hafen unternommenen abschiffung der Sächsischen Artillerie und Gefangenen, bey der accession zur Warschauischen Confoederation, bey abführung der meublen Jhr. Königl. Mayst. Augusti II, bey der von ihr geforderten Extradition zweener Polnischen Procerum, und endlich bey der agnition des Königes Stanislai, so wenig als sonst in wäherender biss-herigen Unruhe, icht was gethan, oder unterlassen habe, wesfals sie mit fuge und Recht könnte beschuldiget werden.*

b) Fol. 489<sup>a</sup> ... 494<sup>b</sup>: *Gründliche Erläuterung Dessen, was anno 1704. in denen damöhligen troublen bey auswärtigen Puissancen, und sonderlich bey Königl. Preussischen Hofe von wegen der stadt Dantzig negotiiret worden.*

c) Fol. 497<sup>a</sup> ... 500<sup>a</sup>: *Ratio status, Welcher auff dem Concilio zu Warschau verwichenen Monat publiciret (de Detronisatione Augusti II); item Extract des Czaren in Moskau Brieff an die Confederation.*

d) Fol. 500<sup>a</sup> ... 502<sup>a</sup>: *Jhr. Königl. Mayst. von Schweden Vorschlag und Anmuthen an die stadt Dantzig, durch dero General-Major H. Graff*

*Steinbock*, in das *Confederirte Corpus Republ.* zu treten, daren in die stadt endlich den 30 Maij anno 1704 gewilliget.

e) Fol. 502<sup>a</sup>... 503<sup>b</sup>: Herrn General-Major Graff *Steinbocks* dictirte *Straffe* denen der stadt *Dantzig* deputirten Herren angekündiget, im fall dieselbe in angesetzten Termin in die begehrte *Confederation* nicht treten würden.

f) Fol. 503<sup>b</sup>... 504<sup>b</sup>: *Puncta*, welche der H. General-Major Graff *Steinbock* der stadt unterzeichnet.

g) Fol. 503<sup>b</sup>: Extract des *Eydes* Königs *Augusti II* auss dem verwirten und unrnhigen *Pohlen*.

11) Въ бум. сборникѣ XVII вѣва, 533 л., 12½" дл. и 8½" шир., № ССXXXIX, на лл. 37<sup>a</sup> до 40<sup>a</sup>: *Copia Literarum ad Nuntios terrestrea in Comitij Varsovianis nomine Ordinum ducatus Prussiae, pro impetranda Successione exaratarum (Regimonti XI Septemb. Ao. 1611).*

12) *Documenta Prussiam Polonicam Spectantia* (числомъ 65, отъ 1851 до 1635 г.) рук. бум. XVII в., 72 л., 11½" дл. и 7½" шир. № ССXLVIII.

Кромѣ того, въ библиотекѣ находятся статуы *Данцига*, *Кульма*, *Рими* и нѣкоторыхъ др. городовъ, принадлежащихъ нынѣ частію Пруссіи, частію Россіи. Есть также и собраніе *автографовъ* знаменитыхъ людей, напр. Лютера, Меланхтона, Фридриха Великаго, Бонапарте (консула) и нѣкоторыхъ др.

Изъ *редкостей* стоить упомянуть о такъ-называемой *серебряной библиотекѣ* (*Silber-Bibliothek*): около 20 пергаментныхъ книгъ съ миниатюрами, богословскаго содержанія, въ серебрянныхъ окладахъ съ горельефами замѣчательной работы, сдѣланныхъ по приказанію герцога Альбрехта. Онѣ хранятся въ особомъ шкапу, ключи отъ котораго сберегаются у директора.

На покупку книгъ и на переплеты правительство отпускаетъ ежегодно 4077 талеровъ; иногда оно выдаетъ и эстра-ординарныя суммы (напр. въ 1865 году 5000 талеровъ). Кромѣ того, библиотека получаетъ, по завѣщанію Готтгольда, 120 талеровъ ежегодно. На содержаніе чиновниковъ библиотеки расходуется ежегодно около 2500 талеровъ: директоръ получаетъ 600 талеровъ, 1-й библиотечарь 600 талеровъ и казенную квартиру, 2-й — 500, 3-й — 300, секретарь — 200 и сторожъ 250 тал. и квартиру.

До назначенія проф. Гоппа директоромъ (въ 1864 году) въ библиотекѣ существовалъ страшный безпорядокъ во всѣхъ отношеніяхъ; нынѣ же въ извѣстные часы дня библиотечари исправно выдаютъ книги посѣтителямъ и составляютъ, подъ наблюденіемъ директора, каталоги книгъ и рукописей, которые уже начали печататься.

Библиотека открыта для публики по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 11 до 1 часу, а по средамъ и субботамъ отъ 2 до 4 часовъ. Книги выдаются въ чтеніе и на домъ, по только лицамъ, пользующимся извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, какъ-то: профессорамъ, учителямъ, священникамъ, врачамъ и чиновникамъ

и офицерамъ гарнизона, достигшимъ извѣстныхъ чиновъ (коллежскаго ассессора или капитана).

Кромѣ королевско-университетской библіотеки въ Кёнигсбергѣ есть еще двѣ другія: *городская* и *Wallenrodtiana*, имѣющія отъ 5 до 10,000 томовъ и открытыя для публики два раза въ недѣлю по два часа. Въ Валленротдіанской библіотекѣ есть значительное количество рукописей (съ XIII вѣка, памятники юридическіе). Еще болѣе рукописей (преимущественно по нѣмецкому праву, съ XIV вѣка) въ *королевскомъ архивѣ*.

Книжная торговля въ Кёнигсбергѣ идетъ весьма вяло по причинѣ мнотной: жители вообще бѣдны; профессора получаютъ небольшіе оклады жалованья (ординарные отъ 600 до 2000 талеровъ), и потому пользуются университетскою библіотекою, мало выписывая книгъ на свой счетъ; о чиновникахъ и офицерахъ нечего и говорить, — что же касается студентовъ, то по крайности половина изъ нихъ, какъ меня увѣряли, получаетъ отъ университета стипендіи или даровой столъ и тѣмъ только и существуетъ. Несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, книжныхъ магазиновъ въ Кенигсбергѣ довольно много; но нѣтъ ни одного книгопродавца-издателя. Кромѣ двухъ-трехъ крошечныхъ газетокъ, календаря и университетскихъ и гимназическихъ программъ, ничего не печатается. Книга, напечатанная въ Кёнигсбергѣ, составляетъ рѣдкость!

В. М.

Кенигсбергъ, 7-го Апрѣля 1863.

# КРИТИКА

И

## ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

М А Й.

### РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 4 книги, М. 1867.

«Чтенія» Московскаго Общества Исторіи и Древностей, какъ всегда, изобильны важными историческими матеріалами, которые дѣлаютъ изъ этого изданія богатое собраніе источниковъ для русской исторіи. Отдѣлъ «ислѣдованій» по обыкновенію не великъ; но на этотъ разъ въ немъ (кн. I) помѣщена была въ высшей степени интересная исторія «о самозванкѣ, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны», составленная по архивнымъ матеріаламъ, съ приложеніемъ многихъ подлинныхъ документовъ и доставленная въ Общество гр. В. Н. Панинымъ. Эта исторія, до сихъ поръ, чрезвычайно мало извѣстная и окруженная различными романическими преданіями, здѣсь въ первый разъ явилась въ нашей литературѣ въ своемъ документальномъ видѣ. Загадочная личность, о которой здѣсь идетъ рѣчь, до сихъ

поръ извѣстна была подъ именемъ княжны Таракановой и считалась дѣйствительно дочерью Елизаветы Петровны; въ напечатанныхъ теперь документахъ она изображается въ совершенно иномъ свѣтѣ, чистой обманщицей и авантюристкой, и притомъ не носившей имени Таракановой. Затѣмъ «Чтенія» напечатали (кн. II) еще «Краткую исторію Елизаветы Алексѣевны Таракановой», написанную въ прошломъ столѣтіи или человѣкомъ прошлаго столѣтія, — въ которой судьба Таракановой излагается именно въ смыслѣ упомянутыхъ выше преданій. Въ книгѣ III-й, г. Бодянский помѣстилъ очень интересное «объясненіе» того, въ какомъ отношеніи къ изданному въ «Чтеніяхъ» изслѣдованію находятся изданныя въ Р. Вѣстникѣ статьи г. М., подъ названіемъ: «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская». Г. Бодянский рассказываетъ, что въ прежнее время нѣкоторые журналы иногда цѣликомъ перепечатывали статьи изъ «Чтенія», но когда ре

дакція послѣднихъ заявила, что статьи, помѣщаемыя въ «Чтеніяхъ» не могутъ быть перепечатываемы безъ согласія редакціи, то перепечатаѣ прекратились.—Замѣтивъ, что такая-то статья обратила на себя вниманіе читателей, и не смѣя посягнуть на нее прямо, прибѣгаютъ къ слѣдующимъ фокусамъ: въ началѣ предпо-сылается нѣчто какъ бы самодѣльное, въ сущности же выдержка, большею частью, изъ чужаго труда. Чтобъ придать этой ошибкѣ печатъ своего, ее переспакутъ разными разгла-гольствами, даже нѣсколькими смыслами на обираемое и осторожно взвѣшенными отзы-вами, чтобы не подстрекнуть слишкомъ уже любопытство читателя непосредственно позна-комиться съ обреченной на закланіе жертвой. Затѣмъ начинается самое обирааніе». Г. Бодянскій описываетъ разные приемы процесса и кончаетъ описаніе:... «Въ концѣ концовъ вы-ходитъ, что если это не чужое въ буквальномъ смыслѣ, то ужъ и не свое во всякомъ другомъ, какъ не свое платье, которое, стащивъ, пере-рываютъ извѣстные художники въ своихъ мастерскихъ, обращая плащъ въ поддевку, ар-мякъ въ свитку, фракъ въ куртку, шубу въ шп-нель, и тому подобныя совершая превращенія съ дуваномъ, какъ называли благопріобрѣтеніе свое извѣстные волжскіе витязи». Г. Бодянскій высчиталъ, что изъ 40 главъ упомянутой статьи г. М. только 5 собственно «принадле-жатъ нашему фасонщику, составляющіе, впро-чемъ, въ значительной степени заимствованіе изъ чужого, сметанное на живую нитку», а остальные 35 составлены по описанному г. Бо-данскимъ способу.

Статьи Р. Вѣстника были потомъ перепе-чатаны въ отдѣльную книжку, о которой упо-мянуто было въ нашей библиографіи.

Матеріалы «Чтеній» относятся къ различ-нымъ періодамъ русской и славянской исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ годовъ. Для старой славянской исторіи и ли-тературы любопытно и важно «Историческое Описаніе» сербской Хиландарской лавры, на Аеоуѣ, составленное арх. Леонидомъ; изслѣ-дованіе о Киприанѣ, до вошества его на мо-сковскую митрополию; хорватская хроника XII вѣка, въ подлинникѣ и русскомъ переводѣ. Для нынѣшняго славянскаго вопроса въ выс-шей степени любопытна напечатанная въ пер-вый разъ, въ русскомъ переводѣ, статья Лю-

девита Штура, одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей новѣйшей славянской литературной и политической исторіи,—подъ названіемъ: «Сла-вянство и мѣръ будущаго», съ предисловіемъ, объясненіями и поправками г. Ламанскаго. Это — едва ли не единственный, полный и за-конченный, кодексъ панславизма, изложенный съ истиннымъ одушевленіемъ и съ большимъ талантомъ, единственный и въ западной сла-вянской, и въ нашей славянофильской ли-тературѣ. Статья Штура (довольно обширная, такъ что могла бы составить цѣлую книжку) отли-чается вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью мысли, ко-торая вообще рѣдко отличаетъ писателей пан-славизма, когда рѣчь заходитъ о слияніи сла-вянскаго міра, и о томъ, какими способами оно можетъ совершиться, и для чего оно нужно... Насколько статья Штура можетъ считаться рѣшеніемъ этихъ вопросовъ и дѣйствительнымъ утвержденіемъ славянофильскихъ тенденцій и славянофильской дѣятельности въ литературѣ и обществѣ, это конечно другой вопросъ, о ко-торомъ мы думаемъ иначе, чѣмъ г. Ламанскій. Мы надѣемся говорить о Штурѣ впослѣдствіи. Для изученія славянской народной поэзіи важ-ный матеріалъ представляетъ обширное собра-ніе пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, г. Го-ловацкаго, которое продолжалось печатаніемъ и въ прошломъ году.

Для русской исторіи стараго періода «Чте-нія», кромѣ собственно русскаго матеріала, по-мѣщаютъ обыкновенно много переводовъ ино-странныхъ сочиненій о Россіи. На этотъ разъ печатался «Дневникъ» Корба, вышедшій уже въ полномъ составѣ и отдѣльной книгой; за-тѣмъ «Исторія о великомъ князествѣ Москов-скомъ», Петра Петрея.

Во II-й книгѣ помѣщено, оставшееся невоп-ченнымъ, «описаніе славянскихъ рукописей Московской патриаршей (нынѣ Синодальной) библиотеки», покойнаго В. М. Ундольскаго, из-вѣстнаго знатока церковно-славянской и рус-ской книжной старины. Это изданіе — разска-зываетъ г. Бодянскій — задумано и начато было еще въ 1847 году; по природной медлитель-ности Ундольскаго и по характеру самой ра-боты, требовавшей особой точности и непре-рывной провѣрки, въ теченіе года напечатано было только 3½ листа, «которые и захватилъ извѣстный погромъ, постигшій въ октябрь 1848 года Чтенія». Слѣдствіемъ погрома, какъ и



Известно, было оставленіе г. Бодянскимъ должности секретаря общества и редактора «Чтеній», временное удаленіе его изъ университета и прекращеніе самыхъ «Чтеній», которыя смѣнились «Временникомъ». «Чтенія» возобновились въ прежнемъ видѣ только черезъ десять лѣтъ, въ 1858. Этотъ погромъ, прервавъ вмѣстѣ съ тѣмъ «Описаніе» и другія работы, начатыя Ундольскимъ для Московскаго Общества, произвелъ повидимому на него сильное впечатлѣніе: Ундольскій сталъ мало участвовать въ чужихъ изданіяхъ и только изрѣдка дѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя сообщенія.— «Казалось, по сему,— рассказываетъ дальше г. Бодянскій,— то онъ надломленъ былъ уже въ своей печатной дѣятельности, и надломленъ до того, что, какъ я ни уговаривалъ его, по крайней мѣрѣ, прочитъ хоть то, что давно уже начато и значительно подвинуто впередъ, онъ стоялъ на горахъ: «было и бывшемъ поросло!» — «сорвался, знать не ко двору пришлось», постоянно гдѣлся онъ отъ меня такими пословицами. Сорвался на этотъ разъ, кромѣ упомянутого «Описанія», нѣсколько другихъ работъ, уже начатыхъ печатаніемъ и состоявшихъ въ изданіи мало извѣстныхъ и отчасти имъ и открытыхъ памятниковъ,— въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны были бы собранія имъ творенія Климента, епископа Словѣнаго. Впослѣдствіи, въ 1856, Ундольскій получилъ половинную Демидовскую премию за слѣдованіе «о Временникѣ Георгія Амарла» — и вмѣстѣ деньги на изданіе, но и здѣсь, въ 7—8 лѣтъ напечаталъ только 20 листовъ. Тѣ 3/4 листа «Описанія», которые имъ отпечатаны въ 1848 году, являются теперь въ «Чтеніяхъ», черезъ двадцать лѣтъ лѣнія подъ спудомъ,— какъ присковорный патентъ упомянутого надлома. Имя Ундольскаго было мало извѣстно въ литературѣ, внѣ уга специалистовъ и дилеттантовъ русской славянской старины; но это имя останется исторіи изученія этой старины, какъ имя рошлаго знатока, неутомимаго искателя, плоть трудовъ котораго осталось нѣсколько ценныхъ открытій въ старой литературѣ и обрѣнное собраніе замѣчательныхъ рукописей, главенное — при самыхъ ограниченныхъ денежныхъ средствахъ — цѣной усиленнаго рвѣннаго иснанія.

Для новой исторіи любопытны: «Подметное

письмо о князѣ А. Д. Меньшиковѣ», т. е. памфлетъ своего рода въ формѣ подметнаго письма, въ которой нерѣдко прибѣгали у насъ въ XVIII столѣтіи за невозможностью какъ нибудь иначе высказывать накопившуюся горечь и недовольство ходою общественныхъ дѣлъ; памфлетъ противъ Меньшикова написанъ въ царствованіе Петра II въ смыслѣ приверженцевъ стараго порядка и старовѣрства, проникнутой крайнимъ озлобленіемъ противъ Меньшикова и очень наглядно рассказываетъ настроеніе значительной части общества и народа, осужденныхъ на терпѣніе и молчаніе; — далѣе, матеріалы для исторіи Сибири, сообщенные Г. Н. Потанинымъ и представляющіе много данныхъ о внутреннемъ бытѣ и отношеніяхъ Сибири въ прошломъ столѣтіи; далѣе «Письма и записки императрицы Елизаветы Петровны», которыя могутъ доставить нѣсколько анекдотическихъ подробностей для характеристики придворныхъ нравовъ того времени; наконецъ, множество мелкихъ матеріаловъ, писемъ, документовъ и т. д. Изъ матеріаловъ нынѣшняго столѣтія отмѣтимъ крайне курьезныя бумаги свопца камергера Еленскаго, который былъ кажется дѣятельнымъ пропагаторомъ этой секты: бумаги относятся къ 1804 году и прибавляютъ еще одну странную черту для исторіи того броженія, какое происходило въ русскомъ обществѣ временъ императора Александра. Биографія Ермолова и исторія его времени продолжаетъ дополняться «Приложеніями» къ его запискамъ, состоящими изъ писемъ и документовъ. Журналъ графа Толя о польской войнѣ 1831 года, хотя и посвященный исключительно военной исторіи, можетъ представлять интересъ и для обыкновеннаго читателя живой характеристикой способа веденія этой войны. Журналъ гр. Толя, близкаго свидѣтеля и дѣятельнаго участника событій, важенъ какъ противовѣсъ и противоположность тому изображенію этой войны, какое было сдѣлано въ «Очеркахъ Польской кампаніи въ 1831 году, соч. свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа И. Ѳ. Паскевича-Эривадскаго», изданныхъ въ «Чтеніяхъ» 1859 года. Эти очерки вызвали въ свое время полемику объ этомъ предметѣ, и г. Бодянскій, давъ мѣсто «Очеркамъ», въ 1860 году нашелъ нужнымъ издать и журналъ графа Толя, представлявшій дѣло, какъ мы сказали, въ совершенно противоположномъ свѣтѣ.— Но цензоръ тогда поусом-

нился пропустить «Дневникъ Толя»,—говорить г. Бодянский;—я перенесъ дѣло къ самому г-ну министру народнаго просвѣщенія, покойному Е. П. Ковалевскому, который однако уведомилъ меня, что «еще не наступило время для обнародованія сего важнаго памятника». Посему я уже полагалъ, что сочиненіе Толя ждетъ, пожалуй, одинаковая судьба съ судьбою, постигшею твореніе несчастнаго Флетчера «О русскомъ государствѣ», какъ въ отечествѣ его, Англии, въ концѣ XVI-го столѣтія, такъ и у насъ, въ концѣ 1848 года. Но въ то время, когда будущность послѣдняго по прежнему покрыта, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности, для произведенія Толя «наступилъ», наконецъ, день освобожденія отъ оземствовація \*). День этотъ наступилъ съ изданіемъ на русскомъ языкѣ извѣстнаго сочиненія Смита: «Отзывы и мнѣнія военно-начальниковъ о польской войнѣ 1831 года», которое появилось въ прошломъ году на русскомъ языкѣ и гдѣ между прочимъ нашло себѣ мѣсто и мнѣніе Толя: послѣ этого возможно было и появленіе той редакціи сочиненія Толя, какая была приготовлена для напечатанія въ «Чтеніяхъ».—Такъ еще трудно писать исторію событій, которымъ миновали уже десятки лѣтъ.

Не останавливаясь на другихъ, болѣе или менѣе интересныхъ матеріалахъ, упомянемъ еще нѣсколько документовъ, относящихся въ особенности къ исторіи русскаго образованія и литературы: «Докладъ св. Синода императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о книгахъ, противныхъ вѣрѣ и нравственности»—докладъ относится къ 1757 г., и книги, подвергшіяся осужденію, были: «Разговоръ о множествѣ міровъ», Фонтенеля, въ переводѣ Кантемира (Слб. 1740), книга Иоанна Арндта объ истинномъ христіанствѣ, изданная по русски въ Галле 1735, и «Театровъ или позоръ историческій», переведенный при Петрѣ В. Гаврииломъ Бужинскимъ (Слб. 1724); далѣе—доклады имп. Екатерины II отъ президента академіи наукъ, княгини Дашковой, доклады комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; далѣе, новыя «бумаги, относящіяся до Н. И. Новикова», и т. д. Эти послѣднія относятся къ 1785—86 годамъ, когда

\*) Архаическое слово «оземствование», вѣроятно непонятное всякому читателю, означаетъ изгнаніе, ссылку.

дѣятельность Новикова вызвала первыя посягательства и когда велѣно было запечатать ея книги и отдать Новиковскія изданія на разсмотрѣніе митр. Платона, а самого Новикова испятать въ вѣрѣ и сдѣлать ему различныя внушенія. Бумаги, изданныя теперь, состоятъ изъ указовъ императрицы къ московскому главнокомандующему Брюсу, митр. Платону, московскому губернатору Лопухину, ихъ доносеній императрицѣ, объясненія, даннаго Новиковымъ черезъ московскую управу благочиннаго письма его къ графу Безбородко и т. п., всего 20 нумеровъ: нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ являются въ печати въ первый разъ, и между ними очень интересныя; другія были извѣстны не въ томъ видѣ, какъ являются здѣсь. Г. Бодянский указываетъ на это въ примѣчаніи, и не объясняетъ, отъ чего происходитъ эта разница, не говоритъ напр., были ли напечатанны въ «Чтеніяхъ» документы списаны съ оригиналовъ или съ копій. Къ числу наиболѣе любопытныхъ бумагъ относится «вѣдомость книгъ изъ типографіи Новикова, при реестрѣ присланнѣмъ и свидѣльствованнѣмъ и оныхъ завшимся сумнительными» (№ 12), гдѣ означено 22 книги съ отмѣтками митр. Платона объ ихъ содержаніи и его сумнительности, — и до сихъ поръ еще неизвѣстное письмо Новикова къ графу Безбородко съ просьбой по мочу его труднымъ обстоятельствомъ (1786 г.) Въ это время книги Новикова были запечатаны и продажа остановилась. Безбородко повидимому взялся за это дѣло, потому что уже вскорѣ послѣ этого книги были распечатаны, и за ихъ включеніемъ нѣсколькихъ книгъ, найденныхъ вредными, продажа остальныхъ была дозволена

**Исторія крестьянской войны въ Германіи**, и описаній и разсказовъ очевидцевъ. Д-р В. Циммермана. Переводъ со втораго испр. и исправленнаго изданія. Выпускъ III. Слб. 1868.

Великое народное движеніе 1525 года въ Германіи было предвозвѣстникомъ революцій въ Англии, Америкѣ и Франціи въ слѣдующіе двѣ вѣка. Германская революція была задумана глубже французской или англійской. Крестьянское возстаніе, охватившее значительную часть Германіи, разрушившее болѣе тысячи монастырей и замковъ,—было попыткою отсечь вдругъ всѣ болѣзненные наросты Среднихъ вѣковъ, произвестъ перемѣну истинно-радикальную

кую, не только въ политическомъ, но и въ общественномъ строѣ. Цѣлью этого движенія было, во-первыхъ, освобожденіе массы отъ крѣпостного права, во-вторыхъ низложеніе власти дубовой и феодальной; но въ немъ обнаружилось также стремленіе къ осуществленію національнаго единства, подъ властью одного императора и къ законодательной организаціи юбственности. Въ этомъ движеніи болѣе или менѣе ясно сказались, какъ духовно-реформистскія начала, производившія тотъ переворотъ, которымъ начинается новѣйшая исторія, такъ и всѣ тѣ стремленія, которыя волновали Германію въ послѣдствіи и, конечно будутъ волновать Европу еще не малое время, до вытупленія соціального вопроса на поле мирнаго законодательства, на почву призванную, гдѣ имъ начнетъ развиваться мирно, путемъ постепенныхъ компромиссовъ.

Германское движеніе 1525 года оттого и не удалось, что оно предъявляло вдругъ слишкомъ много требованій, не имѣя организаціи достаточно сильной, чтобы добиться осуществленія, хотя бы одного изъ нихъ. Оно вдругъ затрогивало всѣ могущества, свѣтскія и духовныя. Всѣ они соединились противъ народнаго движенія и употребляли для подавленія его всѣ средства: подкупъ, безобразнѣйшія вѣроломства и возмутительную жестокость. Само движеніе было сильно числомъ участниковъ; оно было бы всеильно, если бы въ немъ приняли участіе всѣ существовавшіе ему; но разрозненность, которую страдала Германія, отсутствіе политическаго такта въ массахъ, воспиганныхъ подъ игомъ, и являвшееся отсюда недоверіе къ вождямъ, наконецъ, антагонизмъ со стороны Лютера, реформатора, который имѣлъ программу болѣе узкую, но тѣмъ самымъ болѣе практичную — погубили народное движеніе, не давъ ему организовать въ цѣльное; оно было задавлено въ своихъ отдѣльныхъ попыткахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были впрочемъ очень значительны. Главнѣйшій предводитель возстанія, Тюрингенскій проповѣдникъ Фома Мюнцеръ, который подготовилъ агитацію въ Нюрнбергѣ, Шаффгаузенѣ и Мюльгаузенѣ и при Фравкенгаузенѣ, далъ битву вмѣстѣ Среднимъ вѣкамъ и позднѣйшей реакціи лютеранизма, и новѣйшему германскому милитаризму, человекъ, который хотѣлъ сбросить вдругъ все прошлое и повести Германію такимъ путемъ, на которомъ

она избѣгнула бы трехъ вѣковъ будущей эксплуатаціи и притѣсненій, этотъ человекъ, можно сказать, вмѣщалъ въ себя Лютера, Бисмарка и Лассалья.

Но исходъ показалъ, что дѣло Лютера, дѣло Бисмарка и дѣло Лассалья не могли быть исполнены въ одно время, особенно, когда еще при этомъ требовалось принять на себя работу секуляризаціи имущества духовенства и сокращенія феодализма — работу, которую въ послѣдствіи такъ успѣшно исполнили сами монархи. Задача была слишкомъ огромна, силы слишкомъ неорганизованы.

Освобожденіе Швейцаріи, побѣда въ ней крестьянства надъ рыцарствомъ, сильно поддѣйствовали на народъ въ южной и средней Германіи. Угнетенный народъ уже не ограничивался бессознательными вспышками, какія бывали въ Среднія вѣка. Къ началу XVI вѣка является уже въ крестьянствѣ мысль о солидарности, и солидарность въ самомъ дѣлѣ устанавливается, при помощи массы бродячихъ, перехожихъ людей, которыми такъ изобилвала въ то время Европа. Почва вдругъ начинаетъ колебаться въ разныхъ мѣстахъ и между отдѣльными толчками, изверженіями, видна связь, и знамя «Башимави» начало появляться въ разныхъ мѣстахъ, наглядно свидѣтельствуя о солидарности подготовлявшагося движенія.

Духовная революція, реформа Лютера, возникшая около того же времени, имѣвшая успѣхъ именно потому, что она не шла противъ всего установленнаго, что она, стремясь спеціально къ религіозной свободѣ и тѣмъ отворяя двери заключенному въ тюрьмѣ Среднихъ вѣковъ разуму, успѣла примириться съ существовавшимъ политическимъ и общественнымъ порядкомъ, а потому нашла и союзниковъ, покрыла собою народное движеніе 1525 года, котораго изъ-за нея не стало видно. — «Исторія», говоритъ Циммерманъ, «долго или вовсе обходила это великое событіе, или, затрогивая его, представляло его въ искаженномъ видѣ, по недостатку безпристрастной и возвышенной точки зрѣнія. Даже тѣ изъ писателей, разсматривавшихъ различные эпизоды его, которые вносили въ свой разборъ болѣе свободныя воззрѣнія, относились къ своему предмету робко, не раскрывая сущности его — тяжкихъ властвовавшихъ преступленій и тысячи ранъ, покрывавшихъ грудь, доведеннаго до отчаянія, народа». Въ другомъ

мѣстѣ онъ говорить, что подъ вліяніемъ преимущественно нетерпимости лютеранства, примирившагося съ существовавшимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, потомство отнеслось несправедливо къ народнымъ агитаторамъ 1521 — 1525 годовъ. — «Имъ поставили на счетъ все нечистое и безумное, что было возбуждено поднятымъ ими движеніемъ. Осмысленное революціонное предпріятіе строгихъ демагоговъ 1524 и 1525 г. смѣшали съ безумной мюнстерской траги-комедіей 1536 г.; трезваго, при всей пылкости своихъ рѣчей, мыслителя Томаса Мюнцера—съ полоумнымъ Боккольдомъ. Такое непониманіе могло бы продолжаться и дониндѣ, если бы было менѣе изслѣдовано это движеніе, и если бы наконецъ не перестали давать всему извѣстному направленію—названія фанатиковъ и перекрещенцовъ, опозоренныя нѣкоторыми представителями его. Побѣдители нашли много защитниковъ, побужденные же, особенно изъ народа, очень немногихъ и притомъ, очень робкихъ. Но многое можно сказать за этихъ людей, не одобряя всего, что они дѣлали и какъ дѣлали».

Эти слова даютъ понятіе объ отношеніи Циммермана къ избранному имъ предмету. Для историка, сочувствующаго освобожденію человечества отъ разныхъ оковъ, въ оцѣнкѣ движенія 1525 года предстояло нѣкоторое затрудненіе, именно по отношеніямъ партіи Лютера къ революціонерамъ. Историкъ видитъ въ реформаціи великое дѣло освобожденія человѣческаго ума, и въ Лютерѣ долженъ признавать первостепеннаго, наиболѣе заслуженнаго, по своему успѣху, представителя этого освобожденія. Но великое значеніе реформаціи не должно доводить историка до несправедливости, по отношенію къ другимъ, быть можетъ несвоевременнымъ, но еще болѣе обширнымъ, болѣе радикальнымъ предпріятіямъ, отвергавшимъ тѣ компромиссы, которымъ собственно Лютеръ не мало былъ обязанъ своимъ практическимъ успѣхомъ. Такъ Циммерманъ и дѣлаетъ: онъ откровенно показываетъ, какъ Лютеръ сперва не прочь былъ отъ революціонныхъ средствъ, но потомъ измѣнилъ свой взглядъ, и остался внѣ солидарности съ возстаніемъ послѣдняго рыцаря идеи—Франца Сиккингена и его друга Гуттена, а къ Томѣ Мюнцеру и его возстанію относился даже прямо враждебно и радовался паденію его. Лютеръ далеко не имѣлъ

политическихъ способностей Гуттена, который стремился къ соединенію низшаго дворянства съ бюргерствомъ и народомъ, къ созданію въ Германіи того, что осуществилось отчасти въ Англии, гдѣ парламентское правленіе было установлено, именно, союзомъ низшаго дворянства съ общинами.—«Исхода изъ тѣхъ же основаній, какъ и Лютеръ», говорить Циммерманъ, «они (агитаторы народные) пришли къ другимъ результатамъ, потому, что принимали послѣдствія своихъ основаній. Нельзя сказать, чтобы простой народъ не понималъ ученіе Лютера; но онъ (народъ) вѣрно понималъ ученіе другихъ проповѣдниковъ, не согласныхъ съ Лютеромъ и шедшихъ дальше его; они выразительно и ясно предлагали новое евангеліе религіозной и гражданской свободы всѣмъ, стремившимся къ спасенію и освобожденію, и доказывали несомнѣтельность крѣпостнаго состоянія съ ученіемъ Христа». Лютеръ же, напротивъ, въ своемъ антагонизмѣ къ Мюнцеру дошелъ до того, что порицалъ даже всякое милосердіе, по отношенію къ побужденнымъ крестьянамъ:—«Кто чувствуетъ состраданіе къ людямъ, которыхъ самъ Богъ не жаждетъ, а хочетъ покорить и погубить, говорилъ Лютеръ, тотъ самъ дѣлается бунтовщикомъ. Когда они погибнутъ, крестьяне научатся благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову, чтобы мирно съѣсть другую; а государи узнаютъ, благодаря возстанію, что кроется въ народѣ, которымъ можно управлять только посредствомъ насилія. Крестьянамъ хотятъ оказывать милосердіе; но если между ними есть невинные, Богъ конечно спасетъ ихъ, какъ онъ спасъ Лота и Іеремію. Мудрецъ говоритъ: *cibus, onus et virga alius*; крестьянина надо набить овсяной соломой; они не слушаютъ словъ и неразумны, и потому должны слушать оружія, и это имъ по дѣломъ. Мы должны молить за нихъ, чтобы они повиновались; если нѣтъ, то нечего о нихъ и жалѣть. Пусть въ ихъ радахъ просвищутъ нули, а то они надѣлаютъ еще въ тысячу разъ худшаго». Приведа эти слова Лютера, авторъ замѣчаетъ, что онъ выписалъ еще только самое *мяжкое* мѣсто.

Мало того, Лютеръ защищалъ крѣпостное право ссылкой на примѣръ библейскихъ патриарховъ и на слова апостола Павла, что «рабъ и господинъ одно и то же для Христа». Онъ объявляетъ прямо, что—«попытка уничто-

жить крѣпостное право совершенно противорѣчить евангелію и обнаруживаетъ разбойничьи замашки, потому что, такимъ образомъ, всякій отнимаетъ у своего господина свое тѣло, которое ему принадлежало». Циммерманъ предвидѣлъ возраженіе, что компромиссы съ существовавшимъ порядкомъ были необходимы Лютеру для проведенія религиозной реформы, но авторъ не находитъ это оправданіе достаточнымъ и выражаетъ мнѣніе, что «еслибъ Лютеръ не отступилъ передъ послѣдствіями своихъ принциповъ, еслибъ онъ выполнилъ реформацію не на половину, не односторонне, а довелъ бы ее до конца, еслибъ онъ остался человекомъ народа и рѣшился бы стать во главѣ народнаго движенія, которое во всякомъ случаѣ было ему не совсѣмъ противно, еслибы онъ увлекъ за собою тысячи нерѣшительныхъ и колеблющихся людей, стоявшихъ между народами и господами, то нѣмцы слились бы въ одинъ народъ», и т. д. Такія сужденія, конечно, нельзя признавать безспорными, какъ вообще сужденіе о томъ, что могло бы случиться, еслибы не случилось иное. Мнѣніе Циммермана представляется тѣмъ болѣе рискованнымъ, что онъ высказывается по поводу движенія, которое неудалось именно потому, что имѣло слишкомъ обширную программу. Заслуга Лютера, какъ сокрушителя католической неволи, такъ велика, что едва ли можно было требовать большаго отъ одного человека. Это, конечно, не мѣшаетъ однакоже указывать на тѣ компромиссы, посредствомъ которыхъ на практикѣ достигаются иногда благотворныя дѣла, компромиссы, которые сами по себѣ не внушаютъ уваженія.

Мы указали на отношенія лютеранства къ народному движенію 1525 года именно потому, что послѣднее было заслонено въ исторіи реформаціею, и цѣль монографіи Циммермана — именно возстановить его затертое значеніе.

Остановимся теперь на замѣчательной личности Оомы Мюнцера, главнаго дѣятеля движенія 1525 года. Мюнцеръ былъ озлобленъ противъ властей уже въ дѣтствѣ, казнью отца его, совершенною графами Штальбергами. Онъ учился въ Виттенбергѣ и Лейпцигѣ и былъ «искусенъ въ священномъ писаніи», что признавалъ даже противникъ его Меланхтонъ. Борьбу за реформацію онъ началъ гораздо раньше Лютера. Будучи самъ священникомъ, онъ проповѣдывалъ

противъ злоупотребленій духовенства. Появленіе Лютера онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ, предвидя, что Лютеру, имѣвшему покровительство курфирста, легче будетъ одержать успѣхи въ общемъ дѣлѣ, чѣмъ ему. Такъ безкорыстенъ и чистъ въ своихъ побужденіяхъ былъ этотъ человекъ. Но онъ ожидалъ, что реформа Лютера не ограничится преобразованиемъ церкви; въ реформаціи онъ видѣлъ перестройку всего государства, посредствомъ народной революціи. Онъ вступилъ въ сношеніе съ рабочими въ Цвикау, потомъ обратился въ Богемію, наконецъ сдѣлался проповѣдникомъ — въ Альштедтѣ, въ Тюрингіи. — Рѣчи его были полны мыслей, утвержденныхъ нынѣ рационализмомъ и спекулятивною философіею; говоритъ Циммерманъ; «нѣкоторыя идеи, наполнившія его рѣчи, были впоследствии повяты и выработаны пуританами и индепендентами въ Англіи, Пенномъ, Спинеромъ, Цицендорфомъ, Сведенборгомъ, Ж. Ж. Руссо и ораторами и вождями французской революціи, которые приобрѣли себѣ славу, проповѣдая эти идеи. Мюнцеръ предупредилъ на три столѣтія не только политическія, но и религиозныя воззрѣнія». Программа Мюнцера была: царство Божіе на землѣ, братское равенство, уничтоженіе сословій дворянства, духовенства, возвращеніе церкви къ первобытнымъ временамъ христіанства, общность работъ и имущества, вознагражденіе каждаго по нуждамъ и потребностямъ его. Средствомъ — образованіе тайныхъ обществъ, которыя должны были соединиться въ общій союзъ, для борьбы за освобожденіе міра. Государей и господъ онъ также хотѣлъ приглашать въ этотъ союзъ, признавая и за ними права братства; только въ случаѣ ихъ отказа онъ допускалъ насиліе противъ нихъ. Итакъ, вотъ полная программа политическаго, религиознаго, социальнаго переворота и, вмѣстѣ, національнаго единства Германіи, какъ она могла сложиться въ головѣ Мюнцера.

Мюнцеръ проповѣдывалъ открыто и насколько не смягчалъ своего революціоннаго слова даже въ присутствіи владѣтелей, какъ Фридрихъ и Іоаннъ саксонскіе; онъ при нихъ называлъ владѣтелей «главными лихоимцами и грабителями», и утверждалъ, что «община имѣетъ силу меча, который хочетъ править самъ». Человекъ молодой, восторженный, онъ впалъ въ мистицизмъ и позволилъ себѣ дѣйствовать на

народъ разказами о видѣнїяхъ. Лютеръ и Меланхтонъ требовали принятїя противъ него мѣръ. «Дьяволъ дѣйствуетъ чрезъ смятенїе умовъ», писалъ Лютеръ курфирсту саксонскому, съ обычною своею энергіею. «Они обращаютъ евангелїе на служенїе мірской политикѣ», писалъ умный пїетистъ Меланхтонъ. Мюнцеръ и не скрывалъ этого: «если Лютеръ и его товарищи не хотѣли идти дальше нападокъ на священниковъ и монаховъ» говорилъ онъ на диспутѣ, въ присутствїи курфирста саксонскаго и герцога Іоанна, «то имъ не слѣдовало и браться за дѣло».

Когда Мюнцеръ дѣйствовалъ уже во главѣ тысячъ крестьянъ, онъ вездѣ конфисковалъ имущество «Ваала и Нимрода», т. е. духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей. Разбитый при Франкенгаузенѣ, главнымъ образомъ по послушанїю своего товарища Пфейфера, Мюнцеръ былъ преданъ жестокимъ пыткамъ, выдавалъ только умершихъ или бѣжавшихъ и никогда не отступался отъ своего ученїя. Мюнцеръ и Пфейферъ были обезглавлены тѣми самыми князьями, которые сдѣлались опорой лютеранизма, укрѣплявшаго ихъ власть.

Не одну личность въ этомъ родѣ встрѣчаемъ мы въ книгѣ Циммермана, которая подробно излагаетъ всѣ отдѣльныя попытки крестьянскаго возстанїя и представляетъ живой интересъ по своему предмету и важное научное значенїе по обработкѣ источниковъ и восстановленїю въ новомъ свѣтѣ важнаго историческаго факта.

Сочиненїе Циммермана мы должны отнести къ той монографической литературѣ исторїи, которая въ Германїи была вызвана изданїемъ многихъ сборниковъ матеріаловъ для исторїи среднихъ вѣковъ, особенно же изданїе «Памятниковъ» Пердомъ. Сочиненїе Циммермана вышло въ 1855 году, въ двухъ томахъ и занимаетъ почетное мѣсто въ исторической литературѣ. У насъ оно начало являться въ переводѣ съ 1865 года, когда въ первый разъ переводчики и принялись за дѣло. Первый выпускъ вышелъ въ томъ же году, подъ редакцію г. Зайцева, второй въ 1866 году, подъ редакцію г. Ткачева; третїй, вышедшїй теперь, составляющїй третїй томъ сочиненїя (переводъ сдѣланъ со второго нѣмецкаго изданїя) не носитъ имени редактора. Переводъ изданъ редакцію журнала «Дѣло», которую слѣдуетъ

благодарить за обогащенїе нашей переводной литературы такимъ дѣльнымъ и въ высшей степени интереснымъ трудомъ, но самихъ п. переводчиковъ и редакторовъ перевода благодарить не-за что. Уже по тѣмъ выпискамъ, которыя мы сдѣлали, читатель убѣдится, что если языкъ перевода доступенъ пониманїю, то во всякомъ случаѣ, онъ нисколько не *редажированъ*. Гг. редакторы сдѣлали бы гораздо лучше, если бы сами взялись за переводъ, не ограничиваясь мнимой его «редакціей». Неужели Циммерманъ не стоилъ перевода *самого* г. Зайцева? Но въ томъ-то и бѣда у насъ, что кто научился писать правильно, тотъ уже не возьмется за такую «черную работу», какъ переводъ. Онъ уже беретса за подвиги, «разрѣшаетъ авторитеты», доказываетъ несостоятельность Лермонтова и Пушкина и тому подобное. А право было бы полезнѣе толково перевести дѣльную книгу. Изданїе продолжалось не малое время: эта тысяча, съ небольшимъ, страницъ переведены и изданы въ теченїи двухъ съ половиною лѣтъ.

**Засоренныя дороги и Сѣ квартиры на квартиру.** Романъ и рассказъ *А. Михайлова*. Спб. Изд. В. Е. Генкеля. 1868. Стр. 383.

**Глухія мѣста.** Рассказы *Д. И. Стасюка*. Изд. А. И. Щербакова. Спб. 1868. Стр. 326.

Споръ объ искусствѣ для искусства и объ утилитарномъ направленїи въ искусствѣ по вѣроятности никогда не будетъ разрѣшенъ, а просто будетъ оставленъ, когда спорщики договорятся до послѣднихъ словъ и увидятъ, что самымъ послѣднимъ изъ нихъ явится слово недоразумѣнїе. Никто, конечно, не станетъ требовать утилитарнаго направленїя отъ музыки. Но человѣческое слово имѣетъ иныя обязанности: оно не остается безъ влїянїя на жизнь общества. Если за поэтомъ не идетъ тотъ ликторъ съ топоромъ, котораго тѣмъ видѣлъ за собою Гейне, и который говорилъ ему: «Я—дѣло твоей мысли»,—то за нимъ шествуетъ нимфа праздности или шутъ съ бубенчиками вѣчнаго карнавала. Въ томъ-то и различїе поэта отъ музыканта, что за нимъ, за поэтомъ непременно *идетъ* послѣдствїе. Онъ или увлекаетъ общество къ плодотворной работѣ, является менестрелемъ новаго рыцарства, священнаго братства воинствующихъ мыслителей, возбуждаетъ ихъ къ новымъ подвигамъ и про-

уждаетъ въ толпѣ сознаніе, ведетъ на борьбу или строить новое зданіе, онъ Тиртей и Амфилий или .... или онъ — музыкантъ. Но музыкантъ слова — вреденъ. Онъ приходитъ къ обществу, которому нужно строгое размышленіе и фальный трудъ, для освобожденія мысли и для пропитанія, и начинаетъ отрывать его отъ работы, наигрывая на своей свирѣли разныя фантазіи, на темы «счастья въ винѣ и любви», величія героевъ грубой силы» или «все въ мірѣ ута».

Такой человѣкъ вреденъ безъ всякаго сомнѣнія. Но онъ вреденъ какъ вино, какъ любовь. Вѣдь они тоже мѣшаютъ труду, вѣдь они губятъ силы. Но есть ли вѣроятность, чтобы когда нибудь люди перестали пить вино и заниматься любовью, увлекаться музыкой, погружаться въ безплодныя, но сладостныя грезы? Утилитаристы совершенно правы, какъ правъ явѣй, кто призываетъ къ труду и въ одномъ видѣ видитъ истинное наслажденіе, въ сознаніи принесенной пользы — истинную поэзію. О принимая пользу за единственный критерій искусства, утилитаристы сами дѣлаются чуждыми идеалистами, потому что имѣютъ виду человѣка несуществующаго, невозможно, вѣчно трудящагося. Итакъ, утилитарное управленіе въ искусствѣ есть направленіе формально-справедливое, но исключительное, и вращаясь провѣсть его безусловно — напрасно, тому что этого невозможно сдѣлать. За то критики «искусства для искусства», которые изнаютъ всякое созданіе воображенія законнымъ, если оно выходитъ красиво, которые изываютъ литературныя силы къ фабриці нѣсколькихъ бесполезныхъ, условно-цѣльныхъ брилліантовъ и множества блестящихъ льняныхъ пузырей — проповѣдуютъ идею неизвѣнно-вредную, зовутъ общество къ работѣ производительной, къ изнѣженности и пугу фантазированной и повторяютъ ошибку ино-отцѣптаго романтизма.

Идея первыхъ — благотворна, но деспотична прибавимъ — безсильно-деспотична. Явится большой талантъ, который не захочетъ посвятить себя на служеніе обществу, потребуетъ независимости и станетъ дѣлать злоупотребленіе. Онъ напишетъ Werther's Leiden — и него вы съ нимъ не сдѣлаете. Онъ покоритъ общество, несмотря на вредъ, который ему приноситъ. И такіе Наполеоны, пожалуй и

Кузы въ мірѣ литературнаго творчества всегда будутъ: появленія и успѣха ихъ ничѣмъ предупредить нельзя; напрасно и надѣяться сдѣлать ихъ невозможными, какъ современемъ будутъ, навѣрное, невозможны Наполеоны и Кузы политическіе. Говорятъ — дѣйствуйте на общество, подготавливайте его къ серьезному, дѣльному взгляду на литературу, приучите его не довольствоваться въ ней фантазією, а требовать дѣла..... Но въ томъ-то и затрудненіе, что общество никогда не послушается навязываемой ему исключительности. Мы можемъ сколько угодно проповѣдывать человѣку человечество, какъ единственный, исключительный предметъ любви, а человѣкъ всегатаи влюбится въ вожетку и быть можетъ принесетъ въ жертву женщинѣ, его нестоющей, самую свою жизнь, дорогую для человечества, какъ это сдѣлалъ самъ Фердинандъ Лассаль.

Реализмъ нерѣдко смѣшиваютъ съ утилитаризмомъ, но понятія эти совершенно различны. Реализмъ самъ по себѣ не предполагаетъ цѣли, онъ есть не что иное какъ условіе, условіе чисто-художественное, не имѣющее ничего общаго съ тенденціозно-воспитательнымъ направлениемъ. Реализмъ нейтраленъ въ борьбѣ между утилитаризмомъ и фантастичностью; онъ довольствуется самимъ собою, онъ, выражаясь старыми словами, есть объективность, стоящая въ сторонѣ отъ двухъ одинаково-субъективныхъ направленій въ литературѣ — фантастичности и утилитаризма или тенденціозности.

Что реализмъ есть условіе болѣе и болѣе становящееся непреложнымъ закономъ въ литературѣ, это, кажется, излишне доказывать; настоящее уже принадлежитъ ему, будущее совсѣмъ въ его рукахъ; романъ безъ него уже положительно не можетъ имѣть успѣха въ обществахъ, куда проникла англо-германская трезвость мысли. Стихотворная поэзія еще дерзаетъ не подчиняться ему, но ей, какъ уже теперь очевидно предстоитъ кризисъ, и этотъ кризисъ она переживетъ не иначе, какъ ставъ на твердую почву быточнаго и дѣйствительнаго.

Но утилитаристы напрасно смѣшиваютъ свои требованія съ требованіями реализма. Авторъ романа «Засоренныя дороги», бесспорно, утилитаристъ. Въ этомъ романѣ проповѣдуется трудъ какъ основаніе человѣческаго достоинства, какъ единственное условіе освобожденія женщины,

и въ примѣръ обществу выведенъ человекъ, который жертвуетъ и собою, и своею любовью къ женщинѣ—необходимости труда въ пользу отъ него зависящихъ, и высокому призванію проводника въ общество здравыхъ идей. Романъ изобилуетъ поученіями, которые излагаются въ формѣ иногда удачной, иногда въ нѣсколько сыромъ видѣ. Однимъ словомъ, это романъ положительно-утилитарный, честный по дѣли, согрѣтый искренностью, наконецъ, написанный не безъ таланта. Но онъ представляетъ именно поводъ къ оговоркѣ относительно утилитаризма. Въ одномъ мѣстѣ, братъ, человекъ развитой, совѣтуетъ неразвитой сестрѣ, дѣвушкѣ стараго свѣта, обыкновенной барышнѣ, но съ хорошею натурою, читать что-нибудь дѣльное, для «развитія». Приведемъ нѣсколько фразъ изъ ихъ разговора:

— «...Мнѣ хотѣлось бы, чтобы моя сестра была развитою, честною дѣвушкою».

— «Что съ тобою, развѣ я безчестная? — воскликнула съ ужасомъ Катерина Ивановна и готовилась расплакаться»

— «Ты меня не поняла. Въ *нашемъ кругу* называютъ честными тѣхъ, кто употребляетъ свои силы и время на полезный трудъ, а ты этого не дѣлаешь. Такихъ людей *у насъ* зовутъ не подлецами, а дармоѣдами».

— «И всѣ *у васъ тамъ* поучаютъ другихъ? — съ вроніей спросила сестра»...

Пропускаемъ нѣсколько строкъ:

— «Если нужно, — *поучаютъ*».

— «Ну-съ, такъ что же мнѣ дѣлать?»

— «Читай». За сямъ, сестра объявляетъ брату, что она и до этого времени читала Дюма, а братъ сказалъ, что это еще хуже вязанья кисетовъ (замѣтимъ, что кисетъ былъ для него же, и сестрѣ было больно невниманіе его къ подарку) и рекомендовалъ читать Тэккерея, «Ярмарку Тщеславія» или «Пенденниса». — «Тамъ ты встрѣтишь почти на каждой страницѣ такіе вѣрные взгляды на жизнь, такіа дѣла осмѣянія ея пошлости, что мало по малу твоя мысль проснется, станетъ работать, ты захочешь выбиться на лучшую дорогу, стать лучшимъ членомъ общества..... Въ какой-нибудь брошенной съ дѣтства, гонимой за бѣдность, развившей вслѣдствіе этихъ гоненій до крайности свое самолюбіе, дошедшей потомъ до пороковъ и страшнаго коварства Ребеккѣ Шарпъ ты узнаешь одну изъ своихъ небогатыхъ и также

гонимыхъ подругъ. Въ пустомъ, блестящемъ, празднономъ, извѣженномъ офицеринскъ Осборнѣ, ты увидишь портретъ десятка такихъ же личностей»...

Затѣмъ, братъ самъ брался читать сестрѣ Тэккерея, сперва при родныхъ, которые заспаютъ, потомъ ей одной, и безъ усѣха: ей скучно. Возбѣшенный неуспѣхомъ своей пропаганды, братъ уѣзжаетъ. Вслѣдствіи, уже видя замужъ, за человека пустого, даже не любящаго ее, Катерина Ивановна встрѣчается съ Крючниковымъ, молодымъ, суровымъ, работающимъ и мыслящимъ человекомъ, къ которому кружокъ брата ея питаетъ особенное уваженіе, который въ немъ считается какъ бы учителемъ. Она влюбляется въ него, хочетъ уйти отъ своей незавидной доли и требуетъ у него много разъ, наивно, но со слезами, съ мольбою, совѣта. Онъ отвергаетъ ее не только сурово, но просто-презрительно. А между тѣмъ, самъ онъ влюбляется въ нее. Наконецъ, послѣ подвига самоотреченія, совершаемаго Крючниковымъ, Катерина Ивановна уѣзжаетъ въ деревню «на два года, учить дѣтей» и сообщаетъ ему объ этомъ, прибавлять: «мы еще молоды». Какимъ образомъ мужъ пустилъ ее на два года въ деревню — не объяснено, но для насъ это все-равно, не въ томъ дѣло. Гуманно-ли, практично-ли поступали ея братъ и Крючниковъ, относясь къ этой честной женщинѣ съ грубымъ пресрѣніемъ, оскорбляя на каждомъ шагу не только ея наивныя чувства — и это уже много — но и ея достоинство, такъ что надъ только удивляться, какъ она не наградила, въ свою очередь, презрѣніемъ этихъ учителей, которые только навязываютъ свое превосходство, прямо объявляя ей, что ей внутреннимъ реформа не по силамъ, что у нея не тотъ экалъ и т. д.?

Они были люди честные, но ограниченные и даже напыщепные. Въ наше время, когда силы всякихъ авторитетовъ пошатнулись даже въ полубразованной средѣ, когда сама масса одушевлена уже критическимъ инстинктомъ, жаждою независимости, хотя конечно не умѣетъ еще употребить эти силы, невозможна болѣе пропаганда посредствомъ «строгихъ мѣръ», хотя бы то нравственныхъ и суровыхъ мѣръ, хотя бы съ наилучшею дѣлю. Исключительность, деспотичность, даже въ однихъ приемахъ, въ наше время способны только портить дѣло — вотъ что необходимо имѣть въ виду честнымъ



писателямъ, избирающимъ трудную дорогу поученія, однимъ словомъ, утилитаристамъ.

Возвратимся на нѣсколько словъ къ разграниченію между утилитаризмомъ и реализмомъ. Вы совѣтуете читать Тэккерей, сказали бы мы приведенному учителю. Но то ли мы видимъ у Тэккерей, что у васъ, въ вашемъ кружкѣ, ту ли онъ имѣетъ цѣль, тѣ ли приемы, ту ли исключительность, характеризующую въ васъ увлекающагося, но честнаго учителя? Нѣтъ и нѣтъ! Тэккерей не принадлежитъ ни къ какой партіи или кружку. Онъ не можетъ сказать «у насъ такъ думаютъ», потому что этого «у насъ» у него нѣтъ; онъ вовсе не говоритъ поученія, а Крючниковъ иначе и говорить не можетъ; Тэккерей не проповѣдуетъ ни труда, ни освобожденія, никакой общественной реформы. Онъ не зоветъ на борьбу, ни онъ, ни Диккенсъ. Герои «Армарки тещавилъ», разумѣемъ — единственные типы, къ которымъ знаменитый юмористъ относится сочувственно—капитанъ Доббинъ и Амелія Сидни—типы *старого* общества, со всѣми его слабостями, во всемъ его застоѣ, только типы добрыхъ натуръ. Тэккерей не иначе какъ съ любовью говоритъ объ Амеліи, а она не только не ищетъ освобожденія, а представляетъ идеалъ женской чувствительности, покорности, ограниченности. Крючниковъ при первомъ словѣ сказалъ бы ей или далъ замѣтить, что она пустѣйшая женщина, рожденная быть рабой и заслуживающая презрѣнія. А армейскій капитанъ Доббинъ — другой типъ вѣчнаго самоотреченія. Это ли вы проповѣдуете? Тогда скажите вашей героинѣ, что она должна пожертвовать собой, жить для мужа и дѣтей и этимъ ограничиться. Этого вы не скажете—и хорошо сдѣлаете.

Итакъ, Тэккерей и Диккенсъ вовсе не утилитаристы, а между тѣмъ они—особенно первый—реалисты въ полномъ смыслѣ слова. Но они — люди стараго свѣта; они видятъ его вавозъ и изображаютъ его нагимъ, но далѣе сарказма и вздоха они не идутъ. Утилитаризмъ субъективенъ, способенъ къ увлеченію, и когда увлекается чрезмѣрно, то производитъ «куколь», точно такъ какъ фантазерство Дюма и К°. Разница только въ осмысленности куколь, но куколь все-таки куколь, а не люди. Крючниковъ и братъ Катерины Ивановны — куколь, и Катерина Ивановна относится къ

нимъ какъ желательно автору только потому, что она этихъ куколь любитъ, — иначе она не пошла бы ихъ слушать и не плакала бы, прося поученій отъ чловѣка, который поучить не хочетъ (хотя тотчасъ же и поучаетъ). Вотъ бы они посовѣтывали ей прочесть Ж. Санда: «Indiana» — страстный протестъ противъ рабства женщины, le Compagnon du tour de France—краснорѣчивое изложеніе артельной жизни; Эжена Сю — Martin l'enfant trouvé, популярное и занимательное изложеніе невыгодной стороны права наслѣдства; В. Гюго—les Misérables—великолѣпный протестъ противъ слѣбного правосудія и вообще жестокости общества—вотъ это было бы такъ. Это составило бы для молодой женщины бібліотеку романовъ, которая пріохотила бы ее, быть можетъ, и къ болѣе серьезному ознакомленію съ идеями, которыя вырабатываются настоящимъ. Всѣ эти произведенія — *утилитарныя*, въ высшей степени утилитарныя. Но они такъ субъективны, что въ нихъ не мало куколь, что въ нихъ невозможность смѣняется только невѣроятностью.

Итакъ, утилитаризмъ и реализмъ — двѣ вещи совершенно разныя. Соединить то и другое, имѣть въ виду проведеніе, доказательство, пропаганду идеи и исполнить это безъ всякой ходульности, безъ натяжекъ, безъ навязыванья, естественно, представляя только живыхъ людей и вѣрныя между ними отношенія—вотъ цѣль, но для достиженія ея нужна еще—сила литературнаго творчества, наблюдательность, воображеніе, мѣткость, убѣдительность и тактъ слова. Эта сила не зависитъ отъ цѣли; этою силою можно злоупотреблять на праздность, даже на вредъ, и увлекать за собою общество, смѣясь надъ манящими васъ дѣльными и честными людьми. Но если эта сила посвятить себя указанной сейчасъ цѣли, то она сама удвоится, согрѣтая убѣжденіемъ, направленная въ больное и чающее сердце общества. Наши утилитаристы далеко не удовлетворяютъ всѣмъ этимъ условіямъ. Одна же цѣль — сама не приведетъ къ себѣ массу.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуютъ два вывода: во первыхъ, что утилитарность, т. е. степень предполагаемой пользы, не можетъ никакъ служить единственнымъ критеріемъ въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній; во-вторыхъ, что именно писатели утилитарнаго направленія и вообще люди, берущіеся за чест.

ное дѣло проведенія новыхъ идей, наиболѣе должны избѣгать исключительности, деспотичности и того заявленія, даже навязыванія мысли о своемъ превосходствѣ, которое могло составлять принадлежность пропагандистовъ прежняго времени, но нынѣ только отталкиваетъ отъ себя и поселяетъ недоувѣріе.

Зачѣмъ мы говоримъ все это, зачѣмъ дѣлаемъ возраженія, зачѣмъ приступаемъ съ строгими требованіями къ людямъ немногимъ, искреннимъ и честнымъ, особенно въ такое время, когда всего громче кричать безсовѣстные спекулянты, когда литературная изба полна торгашами? Зачѣмъ, что немногимъ искреннимъ и честнымъ, мы глубоко сочувствуемъ; зачѣмъ, что по нашему убѣжденію, люди идущіе за идею, а не за подачку, должны идти вмѣстѣ, не толкая одни другихъ, изъ-за кружка или разницы въ нѣкоторыхъ взглядахъ, и не отталкивая отъ себя общество суровымъ видомъ превосходства и исключительности.

Романъ г. А. Михайлова и рассказы г. Стахѣва — конечно далеко не такія литературныя явленія, чтобы ими можно было характеризовать два направленія: утилитарно-положительное, и утилитарно-отрицательное, то есть обличительное. Но они дали намъ поводъ высказать нашъ взглядъ на цѣлый родъ литературы. Собственно обличительный жанръ, къ которому принадлежатъ рассказы г. Стахѣва, имѣетъ ту особенность, что онъ требуетъ менѣе обдуманности, чѣмъ положительное заявленіе идеаловъ, и менѣе творческой силы. Здѣсь можно быть сноснымъ просто, при нѣкоторой долѣ наблюдательности и умѣнья освѣщать факты. Здѣсь не такъ легко впасть въ претенціозность, но за то — широкая, торная дорога къ пошлости. И, о Боже, сколько написано въ послѣдніе года и пишется ежедневно пошлостей въ обличительномъ родѣ; подѣ массою ихъ трудно найти «Губернскіе очерки», на которые они навалились, и которые одни могли бы искупить грѣхи своихъ подражателей, еслибы что либо могло искупить такую тяжкую массу грѣховъ.

Въ числѣ рассказовъ г. Стахѣва есть очень недурной: «Лѣсопромышленники», недавно напечатанный въ одномъ изъ журналовъ. Мысль его — показать, какая негѣдность выходитъ, когда за исправленіе порядковъ въ темной, своекорыстной средѣ берется человѣкъ непо-

нимающій дѣла. Замѣтимъ, что въ числѣ разсказовъ есть и такіе, которые номеръ газеты пожалуй и не испортятъ, но для книги ужъ рѣшительно тощи.

**Изнанка на лицо.** Приключеніе въ золотой ротѣ.

Разсказъ сочиненіе *Топорова*. Спб. 1868. 16°, 306 стр. Ц. 1 р. 50 к.

**Очерки съ натуры** (възъ-подъ-спуда петербургской жизни). *М. Колосова*. Изданіе *А. П. Черякина*. Спб. 1867. 16°, 254 стр. Ц. 1 р. 25 к.

О нѣкоторыхъ новѣйшихъ цвѣтахъ на полѣ всероссійскаго обличенія надо поговорить особо. Обличеніе совершенно въ духѣ русскаго человѣка, быть можетъ потому именно, что у него замѣчательно — крѣпкая натура. Сдавленный средю, но стоящій выше ея, онъ находитъ утѣшеніе въ обличеніи; и такъ какъ въ русскомъ умѣ сатирическая сторона одна изъ наиболѣе развитыхъ, то протестъ его, выражающійся обличеніемъ среды, создалъ именно самыя могучія и оригинальныя произведенія нашей литературы, — что и составляетъ характерную особенность ея въ средѣ прочихъ европейскихкихъ.

Но мы говоримъ здѣсь только о томъ обличеніи, матеріаломъ и побужденіемъ которому служитъ не общество, не цѣлая среда, цѣлый складъ жизни или цѣлое направленіе періода, а отдѣльный случай, отдѣльные личности. Лѣтъ двѣнадцать, десять тому назадъ, обличительная литература этого рода у насъ, какъ извѣстно процвѣтала и пользовалась общимъ сочувствіемъ. Но полезно только прямое обличеніе, открытое, честное и вполнѣ ясное. Оно вездѣ затруднительно. Изъ опасенія злоупотребленій, законъ вездѣ очень строгъ, а въ иныхъ мѣстахъ слишкомъ строго охраняетъ личность отъ гласныхъ приговоровъ надъ нею. Сверхъ того, особыя обстоятельства дѣлали у насъ положительно невозможнымъ прямое обличеніе лицъ сколько нибудь значительныхъ; отсюда явились сперва медлность обличенія, а потомъ, когда имена пришлось замѣнять буквами или псевдонимомъ, мѣстности указывать только звукоподражательно, то обличительная письменность совсѣмъ утеряла полезность; она не только измельчала, но и приняла характеръ сплетни, по большей части никому непонятной. Намеки тонули болѣе и болѣе, имена болѣе и болѣе искажались, а при такой непо-

сказательной формѣ менѣе и менѣе нужно было строгое соблюденіе правды, положительная точность, недопускающая не только приврасть, но и неprovѣренныхъ слуховъ.

Все это разочаровало окончательно мыслящихъ людей насчетъ обличительной письменности, и она, не смотря на благонамѣренность свою, влчили жалкое существованіе....

Но тѣ самыя обстоятельства, которыя работали въ насъ исторически протестъ и даже сатирической складъ ума, благоприятствовали обличенію съ иною цѣлью, обличенію слабого передъ сильнымъ для полученія барыша. Менцелизмъ процвѣталъ у насъ издавна и заглушенный на время криками массы благонамѣренныхъ, но пустыхъ обличеній, вдругъ сильно возвысилъ свой голосъ, пользуясь однимъ изъ тѣхъ колебаній, которые характеризуютъ развитіе неустановившагося еще общества. Это возрожденіе менцелизма, по времени, совпало именно съ паденіемъ мелкой, и отчасти смѣшной, но благонамѣренной обличительности.

Но рядомъ съ этими двумя родами обличенія, которые мы назовемъ гражданскимъ и византійскимъ, явился третій родъ—эксплуатація, основанная на скандалѣ; скандалъ для такихъ обличителей, самъ по себѣ, представляетъ нѣчто весьма привлекательное, сродное имъ; но они, въ добавокъ, съумѣли сдѣлать себѣ изъ него или доходную статью, или орудіе мести. Попечительность, направленная къ тому, чтобы устранять изъ литературы людей, которыхъ она признавала опасными для общества, нисколько не мѣшала появленію въ литературѣ людей опасныхъ для нея самой. Сама литература, раздѣленная не только на разномыслящіе кружки, но на стороны имѣющія совершенно разныя понятія о самой честиности въ публицистикѣ, не могла общимъ, внезапнымъ ударомъ убить эти лавочки, въ которыхъ открыто производилась торговля скандаломъ: Наконецъ, публика ужъ никакъ не могла предупредить это явленіе. Напротивъ, большинство ея ничего такъ не любитъ, какъ скандалы.

Достаточно было одного слуха, что въ «Петербургскихъ Трущобахъ» г. Крестовскаго описываются «личности», и мошенническіе подвиги бывшіе «на самомъ дѣлѣ»,—чтобы доставить этому пустѣйшему произведенію огромный успѣхъ, то-есть сбытъ (что для подобной литературы однозначуще). Г. Крестовскому принад-

лежить такимъ образомъ честь открытія первой лавочки, разживающей на скандалѣ. Мы охотно допускаемъ, что это вышло такъ, безъ расчета съ его стороны. Но примѣромъ его и даже описательными приѣмами, воспользовались настоящіе спекулянты, которые ввели въ нашу литературу то, что называется *chantage*.

Г. Топоровъ, авторъ «Изнанки на лицо» на первой же страницѣ рекомендуетъ читателю прочесть свое сочиненіе потому, что читатель читалъ «Петербургскія Трущобы». Положимъ, эта рекомендація представляется вамъ достаточною, вы перелистываете книжку г. Топорова и повергаетесь въ совершенное недоумѣніе: авторъ знакомитъ васъ съ какими-то Скорпіонами, Сопкевичами, Гребешвами и проч. и проч., которые всѣ оказываются изъ самаго бѣглаго перелистыванья отчаянными мерзавцами, вы видите, что они передегиваютъ карты, надуваютъ и бьютъ другъ друга, и т. д. Интереса въ этихъ разсказахъ нѣтъ никакого, невидю никакой цѣли, даже старанія придать всему этому сколько нибудь литературный характеръ. Вы недоумѣваете: для чего все это разсказывается, и что значить какія-то особенно интимныя подробности о каждомъ героѣ, точно примѣты, сообщаемыя для удобнѣйшаго его розысканія и «представленія куда слѣдуетъ». Но вскорѣ вниманіе ваше останавливается на созвучіяхъ: вы замѣчаете, что лица особенно старательно-описываемыя авторомъ, называются «Алексѣй Заблудный» и Михаилъ Пантелѣевъ Холосовъ; что первый изъ нихъ, по словамъ автора, прикрывается литературнымъ предпріятіемъ, а второй, по той же рекомендаціи—пасквилистъ. Тутъ вамъ припоминается кое-что изъ газетныхъ извѣстій, относящихся къ судебной практикѣ и вы начинаете понимать и.... чувство омерзенія является въ васъ къ разсказу автора и къ самой его личности, потому что вамъ ясно, что онъ долженъ быть одно изъ трехъ: или лжець, или короткій пріятель людей, которыхъ онъ выставляетъ преступниками, или шпіонъ. Иначе, то-есть не будучи ни первымъ, ни другимъ, ни третьимъ, онъ не могъ бы знать такихъ подробностей и не сталъ бы ихъ придумывать. Такъ какъ авторъ нерѣдко разсказываетъ даже что думалъ тотъ, или другой изъ его героев и что говорилъ съ собою наединѣ, а между тѣмъ въ разсказѣ фигурируютъ люди, о существованіи которыхъ вы знаете изъ су-

дебныхъ извѣстій, то необходимо прійти къ заключенію, что авторъ смѣшавъ съ нѣкоторыми дѣйствительными фактами массу выдумокъ. Этого уже довольно, чтобы не вѣрить ничему изъ того, что онъ рассказываетъ о Михайлѣ Колосовѣ, Алексѣѣ Заблудномъ и т. д., и сомнѣваться даже въ достовѣрности сообщенныхъ имъ адресовъ петербургскихъ шудеровъ.

Въ «Очеркахъ съ натуры» М. Колосова вы встрѣчаетесь съ редакторомъ Берсеневымъ, который обманываетъ своего сотрудника Колобова; въ другомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ той же книгѣ, является Илья Арсеневичъ Почтамскій, повидимому тоже редакторъ, которому приписывается и доносничество и всякаго рода *chantage*. Является еще много именъ, похожихъ на псевдонимы, и исторія носящихъ эти имена разсказывается точно съ тѣми же приемами, какъ въ «Изнанкѣ на лицо», такъ что объ авторѣ этой книжки и о достовѣрности его показаній нельзя не составить того же самого заключенія, какъ и объ авторѣ «Изнанка на лицо».

Въ книжкахъ этихъ много курьезовъ, какими должны изобиловать острожные разговоры. Само собой разумѣется, что литературнаго достоинства нѣтъ ни на волосъ; да тутъ оно и не нужно. Въ заключеніе характеристики этихъ гадкихъ порослей нашего литературнаго погребя замѣтимъ, что книжка «Очерки съ натуры» явилась прежде, и что «Изнанка» есть какъ бы отвѣтъ на нее, то-есть не прямой отвѣтъ—потому что для прямого отвѣта только одинъ путь, именно обращеніе къ суду—а такой отвѣтъ, какой представляетъ комъ грязь пущенный въ видѣ реплики на другой комъ грязи.

Подобныя произведенія, конечно, не принадлежатъ къ литературѣ, но они касаются ея и прикосновеніе ихъ ее пачкаетъ. Критика не можетъ не упомянуть о нихъ еще и потому, что появленіе ихъ—симптомъ положенія и настроенія общества. Это—прищи общественной нравственности. Масса читаетъ эти книжки и потѣшается. Правда, она при этомъ честитъ ихъ по заслугамъ, она презираетъ ихъ. Но есть явленія еще болѣе крупныя, болѣе серьезныя, которыхъ она не презираетъ, и которыя между тѣмъ истекаютъ изъ того же нечистаго источника и еще съ большей силою свидѣтельствуютъ

о нездоровыхъ сокахъ нашего общественнаго организма, образовавшихся подъ долгимъ вліяніемъ недостатка простора, это—явленіе того менцелизма, о которомъ мы говорили выше. Нѣкоторые писатели, нѣкоторые органы печати до того прониклись менцелизмомъ, что онъ составляетъ ихъ вторую натуру, ту вторую натуру, которая всегда сильнѣе первой. О чемъ и съ какою цѣлью они бы ни говорили, у нихъ непремѣнно проявится это любовное качество: нѣтъ, нѣтъ,—да, и донесетъ. Чѣмъ болѣе они стараются прикрыться патриотизмомъ, даже либерализмомъ и наилучшими побужденіями, эти презрѣнные спекулянты гноя, тѣмъ отвратительнѣе они. А масса отъ нихъ не отварачивается; она еще не развилась до того, чтобы самыя приемы ихъ внушали ей омерзѣніе и вызывали съ ея стороны убійственное для такихъ спекулянтовъ отчужденіе отъ всего, чтобы они ни производили. Такъ пусть же эта масса и не удивляется появленію грибовъ, въ родѣ представленныхъ нами на-показъ. Эти грибы, на которые вы наступаете ногой, насладившись ихъ отвратительнымъ видомъ, менѣе вредны, чѣмъ тѣ литературныя трюфели, которые вы кушаете съ восторгомъ. Недавно вышедшія въ свѣтъ «Воспоминаніе Василія Кельсіева», подъ заглавіемъ: «Пережитое и Передуманное», заставятъ насъ еще разъ возвратиться къ этому рода литературѣ, которой «Очерки съ натуры» и «Изнанка на лицо» будутъ, конечно, служить прототипами.

**Естественная исторія пчелы и главныя правила пчеловодства.** Состав. *Н. Л. Карасевичъ*, Помощ. Дир. С.-Хоз. Муз. Мин. Гос. Имуществъ. Спб. 1867. Шестъ выпускковъ. Съ рисунк. и чертеж. Ц. 1 р. 80 к.

«Давно уже — говоритъ предисловіе — въ нашей хозяйственной литературѣ ощущался недостатокъ такого сочиненія по пчеловодству, въ которомъ были бы кратко изложены, согласно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки: 1) жизнь пчелы и основанныя на знаніи ея, главныя правила пчеловодства, и 2) тѣ лучшія изобрѣтенія, которыя были разновременно предлагаемы русскими и иностранными пчеловодами, для улучшенія и облегченія ухода за пчелами... Я старался всюду, гдѣ это было нужно для лучшаго уясненія предмета, приложить возможно болѣе рисунковъ, которые нрѣдко лучше

и скорѣе уясняютъ дѣло, чѣмъ дѣлныя страници описанія. Все сочиненіе, для удобства покупателей, раздѣлено на шесть отдѣльных книжекъ, изъ которыхъ каждая представляетъ одно цѣлое, а всѣ вмѣстѣ одинъ общій курсъ челоюводства».

Первый выпускъ посвященъ строенію пчелы, второй — ея жизни; третій — болѣзнямъ; четвертый — ея жилищу, какъ то принято устраивать въ Россіи; пятый — жилищу, усовершенствованному въ послѣднее время; и наконецъ, шестой выпускъ описываетъ снаряды, употребляемые при уходѣ за пчелами. При томъ значеніи, которое представляетъ жизнь пчелы и ея дѣятельность въ народной экономіи, входя въ составъ почти каждаго зажиточнаго хозяйства, — монографія г. Карасевича будетъ ко-

нечно принята сельскими хозяевами съ благодарностью; но къ сожалѣнію ее нельзя назвать народною книгою; это скорѣе руководство для челоювѣка съ среднимъ уровнемъ образованія. Между тѣмъ, было бы не трудно, на основаніи матеріала, заключеннаго въ этой монографіи, составить книжку о пчелѣ, ея жизни, нравахъ, трудѣ и жилищѣ, болѣе общедоступную и по изложенію и по цѣнѣ. Такая книжка могла бы имѣть значеніе книжки для народнаго чтенія; а самый предметъ представляетъ всѣ выгоды уже существующихъ отношеній между имъ и сельскимъ хозяиномъ-простолюдиномъ; остается только поселить въ крестьянинѣ болѣе сознательныя отношенія къ своему крылатому вассалу, съ котораго онъ собираетъ ежегодную дань воскомъ и медомъ.

## ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

*Mélanges biographiques et littéraires, par M. Guizot. 2 édition. P. Lévy frères. 1868, 7 fr. 50 c.*

Разсказъ о жизни нѣсколькихъ извѣстныхъ личностей <sup>1)</sup> составляетъ содержаніе «Биографическаго и литературнаго сборника» Гизо. Помѣщенная въ началѣ книги небольшая биографія знаменитаго англійскаго историка Гиббона писана еще въ 1812 году молодымъ, только что выступавшимъ на литературное поприще Гизо; нѣсколько страницъ, написанныхъ въ видѣ прибавленія къ очерку Гиббона, могли бы послужить указаніемъ на ту перемѣну и въ приемѣ и въ возрѣвнѣяхъ, которая произошла въ Гизо въ теченіи его авторской жизни.

Мы предпочитаемъ въ книгѣ тѣ очерки, которые болѣе свойственны глубокой старости 80-лѣтняго автора: посвященные преимущественно жизни нѣсколькихъ женщинъ, встрѣченныхъ Гизо на своемъ долгомъ пути, они сохраняютъ характеръ личныхъ воспоминаній автора; отвлеченность, сухость доктринаера уступаютъ цѣлкомъ мѣсто сердечной сторонѣ челоювѣка; живое прошлое звучитъ задушевною интимностью; искусное описаніе переходитъ

въ художественный разсказъ, и предъ вами встаютъ недавно отжившія личности, съ ихъ ежедневными интересами и страстями, съ отсутствіемъ или признакомъ въ нихъ общечеловѣческихъ стремленій. Мы пройдемъ мимо трехъ «салонныхъ» французскихъ дамъ, блиставшихъ въ шумномъ парижскомъ свѣтѣ своей красивой фигурой или своимъ умѣнемъ собирать вокругъ себя людей разныхъ партій, и остановимся исключительно на одной женщинѣ, вызывающей наше вниманіе, по своему особому положенію, какъ общественному, такъ личному. Женщина эта принадлежала русскому высшему обществу, хотъ и оставалась болѣею частью внѣ Россіи. На ея долю выпала роль, рѣдко сужденная ея соотечественницамъ, роль политическаго значенія и вліянія, купленная не пожертвованіемъ добраго имени, фаворитизмомъ или куртизанствомъ, подобно болѣею части европейскихъ женщинъ, игравшихъ когда-либо политическую роль, а умомъ и дѣйствительною способностью. Болѣе чѣмъ помощница, — руководительница своего мужа, — она можетъ быть названа русской государственной женщиной, въ смыслѣ прямого участія въ государственныхъ дѣлахъ, во внѣшней политикѣ. По ея положенію относительно мужа, мы могли бы сравнить ее съ одной изъ женщинъ французской революціи, съ Мадамъ Роландъ, хотъ

<sup>1)</sup> Edouard Gibbon. — La comtesse de Ramford. — Madame Récamier. — La comtesse de Boigne. — La princesse de Lieven. — M. de Barante.

при совершенно иной обстановкѣ и въ совершенно другой сферѣ. Несмотря на всю разнѣ понятій и отношеній, она можетъ напоминать Роланъ по той самоотверженной смѣлости, которая крылась въ ея характерѣ; она была воспитана XVIII вѣкомъ или, во всякомъ случаѣ, развилась подъ впечатлѣнїемъ всѣхъ бурь, и грозъ, ознаменовавшихъ собою рубежъ двухъ вѣковъ, и ей самой было не чуждо представление, перенесеніе себя въ бурный переворотъ: «О, еслибъ мнѣ пришлось умереть на эшафотѣ, — говорила она, — вы остались бы довольны мной, я умерла бы съ геройствомъ». И даже въ личной жизни одна была не менѣ несчастна, чѣмъ другая, хотя опять-таки въ различномъ родѣ: одна (Роланъ) должна была вѣчно убивать въ себѣ любовь женщины, связанной со старикомъ, годившимся ей въ отцы; другой суждено было убивать въ себѣ любовь матери, лишенной смертью двухъ любимыхъ сыновей.

Тридцать страницъ, у Гизо, о княгинѣ Ливенъ могутъ быть прочтены съ интересомъ русскими читательницами. Впрочемъ, замѣтимъ, героиня разсказа была русская болѣе по положенію, чѣмъ по происхожденію, по которому она была нѣмкай. Доротея Бенкендорфъ родилась въ Ригѣ въ 1785 г. и воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ обратила на себя особое вниманіе императрицы Марїи Ѳеодоровны. Этому вниманію обязана была Доротея тѣмъ: что едва минуло ей 15 лѣтъ, какъ ее выдали за-мужъ въ 1800, за генералъ-майора, графа Христофа Ливена. Десять лѣтъ провела молодая Ливенъ въ Петербургѣ, при дворѣ; и тогда уже она умѣла предпочитать бесѣду серьезныхъ и занятыхъ людей блеску свѣтскихъ забавъ; но ея дѣятельное мѣсто, ея назначеніе было не тамъ, и въ Петербургѣ конечно никогда не получила бы развитія ея политическая дѣятельность. Но въ 1810 г. ея мужъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ, а два года спустя, въ самый разгаръ гигантской борьбы Наполеона съ Россїей графъ Ливенъ былъ посланъ въ Лондонъ. Здѣсь, въ иной обстановкѣ, среди общества, привыкшаго къ политической жизни, среди общественныхъ нравовъ, сообразныхъ съ политическимъ свободолюбіемъ, и свободомысліемъ, — графиня Ливенъ почувствовала себя въ первый разъ способною на служеніе интересамъ своего отечества, — Россїи. Она сумѣла стать въ независимое положеніе и вызвать къ

себѣ уваженіе и довѣріе со стороны лицъ обоеихъ партій, — и виговъ и тори. Политическіе, вліятельные люди шли къ ней съ такой же готовностью, съ какимъ радугіемъ встрѣчали ее у себя. Англійское общество открывало ей дверь настѣжь въ свои чопорные салоны и въ свои интимные кружки. Такое положеніе дало скоро графинѣ возможность оказывать мужу помощь и пользу сообщеніемъ ему своихъ воззрѣній, основанныхъ на всѣхъ фактахъ и подробностяхъ, вынесенныхъ изъ вращенія въ обществѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что самъ мужъ упрямилъ ее самое взяться за дипломатическую корреспонденцію; она принялась за дѣло охотно и энергично; интересъ къ общимъ дѣламъ росъ въ ней все болѣе и болѣе по мѣрѣ знакомства съ общимъ положеніемъ и людьми. Скоро въ Петербургѣ стала извѣстна рука, сообщавшая точныя и серьезные свѣдѣнія, и графъ Нессельроде счелъ нужнымъ войти съ графиней въ личную переписку, которая обратилась позже въ постоянную, непрерывную письменную бесѣду о всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. И не одинъ графъ Нессельроде чувствовалъ потребность общенія мыслей и соображеній съ молодой сланицей при С. Джемскомъ дворѣ. Извѣстные дипломаты той эпохи — эпохи процвѣтанія дипломатїи, когда Меттернихъ вертѣли судьбами народовъ и Европы по своимъ кабинетно-придворнымъ соображеніямъ, — люди, какъ самъ князь Меттернихъ, графъ Поццо-ди-Борго, князь Эстергази, баронъ Гумбольдъ — всѣ они усердно искали дружескаго вниманія этой женщины и вели съ нею постоянную переписку. Императоръ Александръ I въ свою очередь оцѣнилъ заслуги графини Ливенъ и отнесся къ ней съ особымъ довѣріемъ, пользуясь возможностью отсутствія официальной въ сношеніяхъ съ ней. Въ 1818 и въ 1822 г., въ Ахенѣ и Веронѣ, во время конгрессовъ, — полномочные дипломаты собирались по вечерамъ у нее отдыхать и разсуждать о дѣлахъ; безъ сомнѣнія общая бесѣда не оставалась безъ вліянія хозяйки. Вліяніе ея, услуга, оказанная ею русской политикѣ была еще большая въ восточномъ вопросѣ. Во время геройскаго греческаго возстанія въ 1820г., когда Европа косо взглянула на русскіе замыслы, Александръ I рѣшился выказать графинѣ Ливенъ все свое довѣріе въ двухъ словахъ: «Сударыня, мнѣ нужна Греція» (*Madame, il me faut une Grèce*). И графиня сдѣ-

жала все, что зависѣло отъ ея энергіи и такта, ума и вліянія, чтобъ измѣнить, хоть, правда, не надолго, враждебность англійскаго общества и правительства въ благопріятное отношеніе къ Греціи. Но при этомъ, посланница вовсе не была только рабской дипломаткой и безмолвной угодницей петербургскимъ привазамъ; она стремилась сдержать порывы русской политики и не довести до разрыва съ Англійей. Ей удалось достигнуть этого, но пришлось утратить свою любимую резиденцію; недовольство императора Николая назначеніемъ въ посланники въ Петербургъ сэра Канинга и нежеланіе видѣть въ Петербургѣ такого искуснаго адвоката Порты, повело въ 1834 г. къ смѣнѣ Ливена (ставшаго въ 1826 княземъ). Князь былъ назначенъ состоять въ качествѣ воспитателя, при бывшемъ въ то время Наслѣдникомъ, императоръ Александръ Николаевичъ. Николай Павловичъ старался окружить княгиню всевозможнымъ почетомъ и благосклонностью, «хотя, (говорить Гизо) онъ не очень жаловалъ женщинъ, выказывавшихся своимъ умомъ и игравшихъ роль въ свѣтѣ»; онъ часто бывалъ у нея, любилъ разсуждать съ ней о европейскихъ дѣлахъ, и весьма желалъ, чтобъ между ею и наслѣдникомъ престола образовалось дружеское, близкое отношеніе. Понятно, какъ, вслѣдъ такимъ примѣрамъ, относилось къ княгинѣ все высшее общество, какъ спѣшили выказать ей вниманіе и почтеніе. И все же новая обстановка не замѣнила ей старой, она грустно принимала всѣ заботы и раздѣченія:—«Когда кто долго жилъ» говоритъ Гизо, конечно подъ впечатлѣніемъ ея личныхъ бесѣдъ съ нимъ, «среди большихъ политическихъ и умственныхъ движеній, въ сферѣ правды и свободы, въ интимномъ обществѣ замѣчательныхъ людей, соединенныхъ вокругъ центра передовой цивилизаціи—то нѣтъ ни почестей, ни высоко-свѣтскаго удовольствія, которыя могли бы замѣнить то благородное наслажденіе ума и то дѣятельное участіе въ жизни.» Скоро къ сожалѣнію прибавилось ко всему иное горе, наложившее печать на всю дальнѣйшую жизнь княгини Ливенъ, вполнѣ измѣнившее образъ ея жизни и представляющее ее въ совершенно иномъ свѣтѣ, въ иной сферѣ, чѣмъ мы видѣли до сихъ поръ. Ея личность, достоинство ея и симпатія къ ея личности нисколько не теряютъ отъ этого, а напротивъ выигрываютъ, показывая

намъ всю внутреннюю силу чувства и нравственности въ женщинѣ, вовсе не столь обыкновенныхъ и не особенно часто встрѣчающихся въ свѣтѣ. Весною 1835 года, скарлатина похитила у Ливенъ двухъ младшихъ сыновей ея (у нея было 4)—14-ти и 10-ти лѣтъ. Неожиданный ударъ потрясъ весь ея организмъ; она впала въ отчаяніе близкое къ помѣшательству — не смотря на немолодые уже годы (50 лѣтъ)... Все непоправимое сожалѣніе, всю безвыходную печаль, всю злобу отчаянія перенесла она на Петербургъ, на его климатъ и условія жизни: Петербургъ убилъ ея дѣтей, и она какъ бы не могла простить себѣ, что не предвидѣла случайности невозвратной утраты. Напрасны были всѣ усилія ея семейства и высокихъ лицъ: она бросила Петербургъ и, послѣ недолгаго путешествія по Германіи, унесла свое неразлучное, неумолимое горе въ Парижъ, куда явилась въ концѣ лѣта 1835 г. Здѣсь въ первый разъ встрѣтился съ ней Гизо:—«Сидя подлѣ нея за столомъ, я былъ пораженъ скорбнымъ достоинствомъ ея лица и ея манеръ; ей было 50 лѣтъ; она была въ глубокомъ траурѣ, который никогда не покидала; она начинала и внезапно прекращала разговоръ, какъ бы безпрестанно впадая во власть одной и той же думы, которую она старалась гнать. Только разъ или два, то, что я говорилъ ей, повидимому задѣло ее и отвлекло на минуту отъ себя самой; она посмотрѣла на меня, какъ бы удивленная тѣмъ, что могла слушать меня»... Позже, это горе меньше высказывалось наружу, но ничуть не съ меньшею силой владѣло всѣмъ ея существомъ и навсегда сдѣлало ея жизнь разбитой. Когда въ 1837 г. у Гизо тоже умеръ сынъ, горе княгини Ливеной сказалось въ нѣсколькихъ теплыхъ строкахъ утѣшенія: «Я дорого купила право вторгаться болѣе чѣмъ кто либо въ вашу печаль... остановите свою мысль на мнѣ, въ сто разъ болѣе несчастной, чѣмъ вы, несчастной чрезъ два года столь же много, сколь и въ первый день». Мало-по-малу прежнія и новыя отношенія въ Парижѣ, среди центра политическаго движенія—напомнили ей прошлую жизнь въ Лондонѣ. Слова возродился интересъ, хоть уже и не активный, къ общественнымъ дѣламъ, къ общественной жизни и личностямъ, замѣшаннымъ въ эту жизнь. Княгиня рѣшилась остаться въ Парижѣ, не смотря на

трудность такого рѣшенія, въ виду желаній и просьбъ изъ Петербурга; смерть мужа въ 1839 г. дала ей большее право располагать своей судьбой и мѣстожительствомъ. Скоро у нея образовался салонъ, въ которомъ встрѣчались люди различныхъ партій... Въ тѣхъ салонахъ люди ратовали и скорбѣли о судьбахъ народовъ и міра; здѣсь—подъ вліяніемъ интриги или поды впечатлѣніемъ интимности рѣшались многія государственныя дѣла, парламентскіе дебаты, литературныя славы... подробная исторія подобныхъ салоновъ была бы весьма любопытна для современнаго историка, и книга Гизо, повѣствующая о четырехъ подобныхъ салонахъ, служить однимъ изъ матеріаловъ для таковой исторіи: скоро тѣ салоны станутъ архивною рѣдкостью, непонятною идущему впередъ человечеству, занятому интересами насущнаго хлѣба и реальными потребностями народныхъ массъ,—какъ и теперь уже непонятнымъ анахронизмомъ являются нѣсколько уцѣлѣвшихъ салоновъ Сень-Жерменскаго предмѣстья—гдѣ все содержаніе сводится на юдоль и плачъ о бывшихъ разукрашенныхъ лиліями ливреяхъ, да о нечестии современныхъ поколѣній.

Даже въ салонахъ своего времени, Июльской монархіи, Гизо признаетъ одно большое неудобство, отразившееся и въ жизни княгини Ливень. Въ тѣхъ салонахъ сталкивались всѣ политическія мнѣнія, всѣ политическія страсти,—одному только току былъ пресѣченъ туда всякій доступъ—току демократіи; а въ этомъ-то, какъ сознается Гизо, вся бѣда и опасность, что демократическій элементъ столь же полно отсутствуетъ «въ высшихъ слояхъ европейскаго общества, сколь могущественно существуетъ въ нѣдрахъ общества». Отсюда происходитъ то, что высшее общество застываетъ народными взрывами въ распахъ. Такъ слу-

чалось и съ салономъ княгини Ливень въ 48-мъ году, и она вслѣдъ за другими сочла нужнымъ также отправиться въ Англію, откуда впрочемъ скоро возвратилась въ Парижъ (октября 49 г.). Гораздо тяжелѣе было ей покидать Парижъ другой разъ, въ 1854 г., когда возгорѣлась крымская война. Оставаться въ Парижѣ ей было неловко въ качествѣ русской подданной и можетъ быть въ силу требованій изъ Петербурга. Она удалилась въ Брюссель. Отсутствие привычной жизни, друзей, суровыя климаты—сильно потрясали ея здоровье, и она рѣшилась снова возвратиться въ Парижъ въ новому 1855 году. Въ іюлѣ 56 года она отправилась на Вильдбадскія воды, позванная на свиданіе покойной императрицей Александрой Федоровной, а въ сентябрѣ друзья увидѣли ее въ Парижѣ уже больной и безпокойною. Она чувствовала приближеніе конца, и ей жаль было разставаться съ жизнью. Простудная болѣзнь груди въ январѣ 1857-го г. обезсилила ее окончательно, она слегла въ постель, чтобъ болѣе не вставать. Понявъ свой приговоръ, она стала спокойною и грустною; съ благодарностью принимала заботы и услуги приближенныхъ, приготовляясь встрѣтить смерть бодро. Она умерла <sup>27</sup>/<sub>18</sub> января 57-го г., и тѣло ея перенесли въ Курляндію, въ наследственный замокъ Мезотенъ, и положили въ склепѣ, рядомъ съ сыновьями...

Гизо указываетъ на оставшіеся отрывки изъ ея мемуаровъ о разныхъ событіяхъ, между прочимъ о смерти императора Павла I, о пребываніи союзныхъ государей въ Лондонѣ въ 1815 году; объ основаніи греческаго королевства; указываетъ также на большую оставшуюся переписку, которая, конечно, представляла бы весьма большой интересъ для картиннаго, прожитаго ею періода.

М. Стасюлевичъ.



# СО Д Е Р Ж А Н І Е

## ТРЕТЬЯГО ТОМА.

### ТРЕТИЙ ГОДЪ.

М А Й — Ю Н Ъ 1868.

#### Книга пятая. — Май.

	Стр.
Царь Ѳедоръ Іоанновичъ.—Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.—ГР. А. К. ТОЛСТАГО . . .	5
Гетманство Юрія Хмельницкаго. — IX-XVIII. — Н. И. КОСТОМАРОВА . . .	150
Тысяча-восемьсотъ-второй годъ въ Грузіи. — VII-X. — Н. Ѳ. ДУБРОВИНА . . .	213
Гавсбургская семейная переписка въ XVIII-мъ вѣкѣ. — III-VI. — И. Н. . . . .	271
Англійская литература. — Гугеноты въ Франціи. — Л. А.—въ . . . . .	298
Французская литература. — Позитивная школа философіи истории и новая книга Литтре. — А. Н.—въ . . . . .	330
Земское Овозрѣніе. — Вопросъ о народномъ образованіи въ Московскомъ зем- скомъ собраніи 1868 года. — БАР. Н. А. КОРФА . . . . .	352
Первый епархіальный сѣздъ въ Новгородѣ. — Н. Б. . . . .	374
Ежемесячная Хроника исторіи, политики, литературы . . . . .	385
Очерки и Замѣтки. — Три боннскіе историка. — А. С. . . . .	410
Крыловъ и Радищевъ. — Кто писалъ въ «Почтѣ Духовъ»?—Вопросъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. — А. Н. ПЫПИНА. . . . .	419
Бритика и Литературныя Извѣстія. — Апрель . . . . .	437

#### Книга шестая. — Июнь.

Ночь въ Лянемъ-Саду. — Я. П. ПОЛОНСКАГО . . . . .	457
Несчастные. — Изъ быта ссыльныхъ. — I. Въ дорогѣ. — С. В. МАКСИМОВА . . .	480
Русское масонство до Новикова. — I. Первое распространеніе масонства, 1731— 1780. — А. Н. ПЫПИНА . . . . .	546
Происхожденіе русскихъ вылинь. — Часть третья. — I-XI. — В. В. СТАСОВА . .	590
Сектаторы-колонисты въ Россіи.—Историческіе очерки.—III. Меннониты.—I-VI.— А. А. КЛАУСА . . . . .	665

Донъ, Кавказъ и Крымъ. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — П. — И. И. КРЕТОВИЧА . . . . .	723
Наши дѣла въ Туркестанскомъ краѣ. — I-V. — Л. А.—въ . . . . .	769
Ежегодная Хроника политики, истории, литературы . . . . .	809
Корреспонденція изъ Берлина. — Промышленный и рабочій вопросъ въ Пруссіи. — К.	830
Очерки и Замѣтки. — Карлъ Гопфъ, историкъ средневѣковой Греціи. — Письмо изъ Кенигсберга. — В. М. . . . .	869
Критика и Литературныя Извѣстія. — Май. — I. Русская литература. — II. Иностранная литература . . . . .	879

## О П Е Ч А Т К И

В О В Т О Р О М Ъ Т О М Ъ : М А Р Т Ъ И А П Р Ъ Л Ъ .

Стр.	Строкъ:	Напечатано:	Вмѣсто:
12	24 сверху	объявилъ	объявили
13	2 снизу	Тайн.	Тифлис.
21	17 сверху	Кіанъ-Балы-ханъ	Кіаль-Балы-ханъ
79	17 >	хватало	хвалило
250	7 снизу	переименовка	перелицовка
255	7 сверху	каршакановъ	каршапановъ
260	12 снизу	назвала	назвала бы
262	11 сверху	покупатися	искупатися
269	1 >	о	и повѣсть о
288	13 >	Впрочемъ,	Но
326	11 >	ассоціи	ассоціаціи
475	16 >	Дижонъ	Дидронъ
823	16 >	болѣе	не болѣе
862	10 >	болѣе	билля

Видяши Миня Четя. Сентябрь, яни 1—13. Памятники Славяно-русской письменности, издаваемые Археографическою Коммиссією. Сиб. 1868. I. Стр. 335. Ц. 5 р. (1)

Наша литература предупредила западную Европу своимъ сборникомъ житія святыхъ, и только стоить спустя, послѣ труда митрополита новгородскаго Макарія, изданнаго нынѣ вновь Арх. Коммиссією, бельгійскій іезуитъ Болландъ положилъ начало подобному же сборнику для латинской церкви. Но работа Болланда, начатая въ 1630 г., не прерывается до настоящаго времени, и его *Acta Sanctorum*, доведенныя теперь отъ 1 января до 31 октября, составляютъ колоссальное изданіе, объемъ около 60-ти, in-folio, каждый до 1000 страницъ. Наши Миня Четя остались дѣломъ одного человѣка, работавшаго двѣнадцать лѣтъ, и не нашедшаго себѣ преемниковъ. Потому неудивительно, что всѣ 12 книгъ нашихъ *Миня Четя* за цѣлый годъ едва ли равняются одному мѣсяцу въ *Acta Sanctorum*. У насъ, напримеръ, вышедшія нынѣ первая двѣ недѣли сентября, составляютъ съ небольшимъ 300 страницъ малаго листа, а тотъ же самый мѣсяцъ въ *Acta Sanctorum* имѣетъ для себя 8 огромныхъ томовъ, отъ 900 до 1000 страницъ каждый. Важность предпріятія новаго изданія нашего житія святыхъ несомнѣнна. Наибольше нашимъ читателямъ послѣдованіе г. Хруцова объ Іосифѣ Волоцкомъ доказало, чего можно ожидать исторіи русской цивилизаціи отъ изученія подобныхъ памятниковъ. Съ одной стороны, это — энциклопедія образованности нашихъ предковъ; съ другой, житія святыхъ представляютъ въ себѣ біографію многихъ общественныхъ дѣятелей. Въ нынѣшнемъ выпускѣ, подъ 9-мъ сентября, между прочимъ, мы имѣемъ: «Житіе преподобнаго Іосифа (Волоцкаго)» и его «Духовную Грамату» или монастырскій уставъ. Очень жаль, что такая полезная книга столь мало доступна по цѣнѣ: огромный томъ *Acta Sanctorum* въ 1000 стр. стоитъ около 8 рублей, а одна тетрадь Миня Четя въ 300 съ небольшимъ страницъ — 5 рублей.

Исторія попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской, въ первые четыре вѣка, по ихъ раздѣленію. А. Катанскаго. Сиб. 1868. Стр. 248. Ц. 1 р.

Авторъ, съ большимъ безпристрастіемъ, старается объяснить, что причина раздѣленія церквей лежала не въ волѣ отдельныхъ лицъ, и потому ихъ соединеніе зависитъ также не отъ единичной воли, и не можетъ состоять въ прискаваніи средней церкви между двумя соперничающими сторонами. При этомъ, г. Катанскій замѣчаетъ, что «въ наше время къ рѣшенію этого вопроса о соединеніи церквей хотятъ итти по совершенно новому пути. Вопросъ переходитъ въ область науки. За его рѣшеніе берется наука, падъясь, что своимъ безпристрастіемъ она слу-

дуетъ умиротворить церковь Христову, что она пойдетъ чистою стезею... На западѣ образуются даже общества, но преимуществу людей ученыхъ съ цѣлью примиренія вѣроисповѣданій». Однимъ словомъ, въ наше время въ рѣшеніи этого вопроса заинтересованы не одни управляющіе церквями но и сами вѣрующіе, т. е. члены ея.

Сворникъ газказовъ изъ изтѣшней и бита на родовъ. Составленъ во Длинну. Съ вѣнцаго Изд. Трубинской и Стасовой. Сиб. 1868. Стр. 308. Ц. 1 р. 75 к.

Такого рода изданія, особенно если они вполне такъ добросовѣстно и вмѣстѣ изящно принесутъ, безъ сомнѣнія, большую пользу ш однимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ они дополнятъ преподаваніе, основанное преимущественно на но мензатурѣ. Сборникъ украшенъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, весьма хорошими фотографическими картинками. Вътъ дикихъ и варварскихъ народовъ, «Картинъ Кавказа» и «Вандименова Земля» составляютъ три главные отдѣла.

Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи Выпускъ I. Письма изъ среднихъ великоросійскихъ губерній за 1867 г. Кн. В. П. Мещерскаго. Сиб. 1868. Стр. 460. Ц. 2 р. 25 к.

Картина земскаго хозяйства и положеніе нашихъ городовъ, подѣ влияніемъ новыхъ преобразованій — вотъ главная задача автора. Оставаясь в области фактовъ, «Очерки» отвѣчаютъ на вопросы: «Что было сдѣлано, что дѣлается, что предполагено сдѣлать, и что не сдѣлано» — вотъ вопросы, съ которыми мы нахвренъ подходимъ къ каждому уголку, живущему новою жизнью. Направленіе автора и уголь его зрѣнія выражены совершенно ясно: «Изъ сближенія съ крестьянскимъ міромъ мы вынесли то твердое убѣжденіе, что не слѣдуетъ по вышшимъ переходнымъ мѣслямъ судить о немъ въ цѣлости, и еще менѣ пророчить ему будущее или взывать, какъ это дѣлаетъ возлюбленная поляками и вѣмцами газета «Вѣсть», къ насильственнымъ мѣрамъ исправленія нынѣшняго крестьянскаго быта.»

Руководство для мировыхъ судей. Уставы о наказанияхъ. Н. Неклюдова. Сиб. 1868. Т. II, вып. I. Стр. 160. Ц. 3 р.

При важности мирового института, благодѣянію котораго мы испытали уже на дѣлѣ, и при незначительной подготовленности избираемыхъ в мировые судьи, настоящее руководство, составленное опытною рукою, можетъ имѣть важное вліяніе на самое учрежденіе, помогая его новымъ и будущимъ дѣятелямъ. Первый, вышедшій нынѣ выпускъ втораго тома комментируетъ общія положенія «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», гдѣ опредѣляются понятія преступленія и наказанія. Вообще, этотъ трудъ Н. Неклюдова можно признать образцемъ для всѣхъ подобнаго рода изданій.

# „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ; шесть томовъ въ годъ.

## ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкой и пересылкою:

С.-Петербургъ и Москва. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.  
Губерніи . . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ съ цѣнъ въ губерніяхъ за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ Пруссію и въ Германію; **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Далію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ *Петербургѣ*: въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ф. Вазунова, на Невскомъ пр., у Базан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ*, поключительно: въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерный, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся лично обращаются въ мѣста, указанна для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себя правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билетъ, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжные магазинна, и съ помѣткою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

—300—

*ВВ.* Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамты только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей номеръ и число тѣхъ: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».

*ВВ.* Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сдавшихъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ съ замѣн. утраченнаго листа, но не иначе, какъ по предъявленіи подписникомъ свидѣтельствъ отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый номеръ книги не былъ высланъ за его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желаніемъ приобрести полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: **8** руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Сиб. Галерный, 20), съ приложеніемъ **1** руб. для пересылки годового экземпляра.







*Acme*  
Bookbinding Co., Inc.  
100 Cambridge St.  
Charlestown, MA 02129

Digitized by Google





3 2044 019 213 586

